63.3(5Кит)63
Ш79

Филип
ШОРТ

Мао Цзэдун

Его до сих пор считают возвышенным гением и мрачным злодеем...

Историческая библиотека

Филип
ШОРТ

Мао Цзэдун

15661

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

УДК 820
ББК 84(4Вл)
Ш 79

Серия основана в 2001 году

Philip Short
MAO. A LIFE
1999

Перевод с английского Ю.Г. Кирьяка

Научный редактор Н.А. Демина

Серийное оформление и компьютерный дизайн С.Е. Власова

Печатается с разрешения автора
и David Higham Associates Ltd.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Шорт Ф.

Ш79 Мао Цзэдун / Пер. с англ. Ю.Г. Кирьяка. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 608 с. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-005694-X

Мао Цзэдун — одна из самых противоречивых фигур в мировой истории. Философ, знаток Конфуция, поэт, чьи стихи поражают своим изяществом, — и в то же время человек, с легкостью капризного монарха распоряжавшийся судьбами целых народов. Гедонист, тонкий интеллектуал — и политик, на совести которого кошмар «культурной революции».

Мао Цзэдуна до сих пор считают возвышенным гением и мрачным злодеем, пламенным революционером и косным догматиком. Кем же все-таки был этот человек? Как жил? Как действовал? Что чувствовал?

Вы слышали о знаменитом цитатнике, сделавшем «товарища Мао» властителем умов миллионов людей во всем мире?

Вам что-нибудь известно о тайных интригах и преступлениях великого Председателя?

Тогда эта книга — для вас. Потому что и поклонники, и противники должны прежде всего ЗНАТЬ своего УЧИТЕЛЯ или ОППОНЕНТА, особенно если он — НИЗВЕРГНУТЫЙ КУМИР.

© Philip Short, 1999
© Перевод. Ю.Г. Кирьяк, 2001
© ООО «Издательство АСТ», 2001

Посвящается
Марион

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга появилась на свет благодаря бескорыстной помощи очень многих людей. Некоторым из них я могу выразить свою признательность публично. Это Чжан Юйфэн, неотлучно находившаяся при Мао в последние годы его жизни; Ли Жуй — личный секретарь Мао; Ван Жоши — мужественный человек и бывший заместитель главного редактора «Жэньминь жибао».

Имен других помощников я назвать не могу. Сегодня Китай является намного более либеральной и терпимой страной, чем двадцать лет назад, когда я решил сделать его своим домом. Его граждане пользуются сейчас теми свободами, которые были немыслимы при жизни Мао. Однако время поименно перечислить тех, кто делился со мной своими мыслями по весьма деликатным политическим вопросам, еще не пришло. Мне бы не хотелось стать причиной повышенного интереса к ним со стороны ответственных работников из различных государственных органов.

Всей правды о Мао не знает никто. Деятели КПК, историки партии, ученые и бывшие члены ближайшего окружения Председателя в своих наблюдениях и взглядах во многом не согласны друг с другом. Временами я нахожу их выводы неубедительными (а они — мои). Тем не менее эти люди помогли мне хотя бы немного осветить те стороны жизни Мао, которые до сих пор окутаны едва ли не мифологическим ореолом. Я выражаю им самую глубокую благодарность.

Огромное содействие оказали Карен Чаппел и Джуди Полэмбаум, предоставившие мне возможность провести счастливый год в их тихой обители в Айове, Елена Осински и Айвен Доцполи из Токийского университета Софии. Особую признательность

хочу выразить моему другу и коллеге Мэри Прайс, чей красный карандаш упорно (хотя иногда, может быть, и тщетно) пытался придать моим черновикам долженствующую лаконичность и научную строгость. Издатели — Роланд Филипс в Лондоне и Джек Макри в Нью-Йорке — восхитили меня своей преданностью общему замыслу в те времена, когда даже я терял веру в его успех. Не могу не выразить безграничного уважения Жаклин Корн, спасавшей меня в минуты полного отчаяния.

Моя жена Жэнцюань не только стоически вынесла семь трудных лет, пока создавалась эта книга, но и потратила огромное количество времени на то, чтобы провести меня по запутанному лабиринту текстов официальных бумаг и речей Мао. Ей и нашему шестилетнему сыну Бенедикту, пожертвовавшему беззаботной возней в морской воде и сказками на ночь, чтобы дать отцу возможность «пачкать хорошую бумагу», — моя любовь и горячая благодарность.

ПРОЛОГ

В нынешние дни и в самом Китае найдется не так много слышавших о небольшом торговом городке Тундао, примерно на милю протянувшемся узкой полосой, зажатой между темными водами Шуанцзяна и грядой образующих террасы холмов. Тундао расположен на границе трех провинций: Гуанси, Гуйчжоу и Хунань, в центре района, заселенного в основном небольшой народностью, не-ханьцами*. Это грязноватый захолустный поселок с единственной довольно длинной и покрытой глиной улицей, четырьмя-пятью магазинчиками и несколькими современными зданиями. Даже местные жители сокрушаются, что интересных событий в их жизни бывает мало. Однако именно здесь произошло нечто весьма заслуживающее внимания. 12 декабря 1934 года в Тундао собрались военачальники Красной армии, их совещание стало первой вехой на пути Мао Цзэдуна к верховной власти.

В истории Коммунистической партии Китая совещание это, собственно говоря, осталось одним из наиболее смутных и неосвещенных моментов. Единственным свидетельством, письменно зафиксировавшим присутствие здесь Красной армии, осталась старая фотография начертанного мелом на стене дома лозунга: «Беритесь за оружие и бейте японцев!» Никого из участников этого совещания в живых уже не осталось. Доподлинно не известны даже их имена и где именно они собирались. Много лет спустя премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай вспоминал, что совещание проходило за городом, в каком-то сельском доме, где шумно гуляла свадь-

* Ханьцы (хань, или ханьжэнь) — так называют себя этнические китайцы, представители основного населения страны. — *Примеч. пер.*

ба. От сорок первого дня рождения Мао отделяло тогда две недели, а сам он был нескладным, высоким и худосочным мужчиной с отвисшими от постоянного недоедания и недосыпания щеками; серая, не по размеру большая хлопчатобумажная куртка, казалось, вот-вот соскользнет с его плеч. Он не успел еще оправиться от жесточайшего приступа малярии и временами передвигался на носилках. Будучи на голову выше большинства своих соратников, имел ничем не примечательное гладкое лицо под копной довольно неряшливых черных волос, разделенных посредине прямым пробором.

Агнес Смедли, американская писательница левых взглядов, впервые встретившаяся с Мао Цзэдуном некоторое время спустя, нашла его фигуру устрашающей, голос — излишне высоким, а руки — нервными и женственными. Она писала:

«Вытянутое темное непроницаемое лицо, широкий и высокий лоб и женский рот. Кем бы он там ни был, прежде всего он был эстетом... Но несмотря на всю свою кажущуюся женственность, упорства ему занимать не приходилось, натура его держалась на несгибаемом стержне, отлитом из сплава гордости и решимости. У меня сложилось впечатление, что он готов быть на страже и выжидать годами — чтобы в конечном счете добиться-таки своего... Юмор его казался сардоничным и мрачноватым, вырывавшимся наружу как бы из самых глубоких расщелин этого заповедного для окружающих утеса духовности. Ощущение было такое, что дверь, ведущую в его внутренний мир, человек этот не раскрывал еще никому».

Постижение натуры Мао было нелегкой задачей даже для ближайших соратников. Аура его, по словам Смедли, «обитала сама по себе, окружала его непроницаемой стеной», а личность в целом будила в человеке представление о преданности, но уж никак не симпатию. Необузданность характера сочеталась в нем с безграничным терпением, мечтательность — с почти педантичным вниманием к деталям, несокрушимая воля — с поразительной утонченностью, харизма вожака — со склонностью к личным интригам.

Националисты, назначившие за его голову награду, расправившиеся с его женой и осквернившие могилу его родителей, в начале тридцатых годов видели Мао ведущим политическим лидером Красной армии. Однако, как случалось довольно часто, они ошиблись.

Фактическая власть находилась в руках «группы трех», или «тройки». Бо Гу, двадцатисемилетний руководитель КПК (его часто называли «товарищем, несущим всю полноту ответственности за Центральный Комитет»), являлся выпускником Университета трудящихся Востока в Москве. С лицом отличника и

глазами слегка навыкате, прятавшимися за очками в тонкой черной оправе, он, по выражению одного британского дипломата, напоминал персонаж кукольного спектакля. Своим высоким положением в партийной иерархии Бо Гу был обязан Коминтерну, выдвинувшему его для проведения в Китае линии руководства Советского Союза. Второй по значимости фигурой был Чжоу Эньлай, верховный политкомиссар Красной армии, державший в своих руках за спиной Бо Гу рычаги реальной власти и также облеченный доверием Москвы. Третий из этого ареопага, Отто Браун, высокий худощавый немец в круглых очках, большеносый и с лошадиными зубами, являлся военным советником Коминтерна.

На протяжении предыдущих двенадцати месяцев эта троица вдохновляла и организовывала целый ряд сокрушительных военных неудач коммунистов. Лидер националистического движения Чан Кайши, подчинивший себе большую часть свободной от коммунистического влияния страны, был полон решимости навсегда покончить с теми, в ком он совершенно справедливо видел основную угрозу собственной власти. По периметру контролируемого коммунистами района он с помощью немецких военных советников начал строить хорошо укрепленные линии обороны. Несмотря на удручающе медленные темпы строительства, тиски вокруг коммунистов сжимались, их войска лишились возможности маневра. Петля вокруг Красной армии стягивалась все туже, оказать этому сколь-нибудь эффективное противодействие «тройка» не смогла.

Какого-либо серьезного успеха в этой ситуации вряд ли смог бы добиться и Мао — тем более что за два года до описываемых событий Бо Гу оттеснил его на задний план. Но в то время Мао Цзэдун был очень далек от реальной власти.

В октябре 1934 года после бесплодных споров, длившихся в партийном руководстве целые месяцы, отряды Красной армии оставили контролируемую ими территорию в последней отчаянной попытке уйти от полного разгрома, которым неминуемо грозило неотступное приближение войск Чан Кайши. Коммунисты совершили более чем 10-тысячекилометровый переход через весь Китай, что впоследствии праздновалось по всей стране как «Великий поход Красной армии, проявившей беззаветный героизм, исключительную дисциплину и несгибаемую волю ее бойцов». Однако в те годы он носил куда более прозаическое название «стратегического маневра», а чуть позже — «Похода на запад». Замысел, если таковой вообще существовал, имел целью переместиться в северо-западные районы провинции Хунань, где местные

восначальники уже устали от бесконечных амбиций Чан Кайши и весьма неохотно шли на какие бы то ни было совместные действия с ним. Предполагалось, что в Хунани удастся слиться с другими отрядами Красной армии, а это, в свою очередь, позволит создать новую базу взамен утерянной.

Начало оказалось довольно удачным. Бойцы Красной армии пробирались сквозь первую линию укрепрайонов националистов, почти не встречая сопротивления. Не стали для них преградой и две последующие линии. Более трех недель потребовалось разведке Чан Кайши для того, чтобы осознать: уже почти захлопнувшийся капкан оказался пуст, а дичь ушла. Однако на четвертой линии, расположенной вдоль реки Сян, ситуация сложилась совершенно иначе.

Бой длился более недели, с 25 ноября по 3 декабря. Красная армия потеряла в нем от 15 до 20 тысяч своих солдат, а около 40 тысяч резервистов просто дезертировали. Из выступивших в октябре в поход 86 тысяч мужчин и женщин в строю остались немногим более 30 тысяч. Хребет гигантской змеи обоза, растянувшегося едва ли не на сотню километров и напоминавшего, по словам Мао, скорее переезд на новую квартиру, чем армию на марше, на переправе через реку Сян был сломан. По склонам холмов и в придорожной глине тут и там можно было видеть конторские столы и стулья, печатные станки, ящики с партийными архивами, электрогенераторы — словом, все то, что партия успела нажить за три года правления территорией, превосходящей по размерам Бельгию. Измученные носильщики, сотни километров тащившие на своих спинах по горным тропам и размокшим полям тяжкий груз, без всякого сожаления избавлялись от изнурительной поклажи — легких артиллерийских установок, пулеметов, единственной имевшейся у коммунистов рентгеновской установки. И тем не менее добро, которое приходилось бросать на обочинах дорог, значительно замедляло продвижение армии вперед — прямо в расставленную чанкайшистами западню.

Даже самые стойкие партийные лидеры оказались не готовы к подобному испытанию. В октябре они потеряли свою годами обустраивавшуюся базу, теперь же две трети армии на их глазах превращалось в ничто.

Неделей позже, избавившись кое-как от преследователей, остатки войск все же вступили в южные районы провинции Хунань.

Перегруппировка позволила отрядам собраться с силами. Однако, несмотря на это, среди высшего партийного руко-

водства исподволь вызревали мятежные настроения. Близился момент, когда «тройка» должна была держать ответ за происшедшее.

Но этот момент пока не наступил. Перед восемью-девятью усталыми мужчинами, собравшимися ближе к исходу дня в Тундао, стоял тогда более насущный вопрос: куда идти дальше? Бо Гу и Отто Браун отстаивали первоначальный план, предусматривавший конечным пунктом похода северо-запад провинции. Военные возражали — дороги на север блокировал трехсоттысячный корпус войск Чан Кайши. Любая попытка прорваться через него означала неминуемую гибель. Времени на раздумья не оставалось: ходили упорные слухи о том, что с юга приближаются правительственные войска.

Результатом ожесточенных дебатов стало компромиссное решение продвигаться на запад, в сулившие безопасность горы провинции Гуйчжоу, где должно было состояться заседание Политбюро ЦК КПК с целью выработать дальнейшую стратегию. Идея этого устроившего всех решения принадлежала Мао Цзэдуну. Впервые — после его устранения в 1932 году от военного руководства — точка зрения Мао была услышана и воспринята в самом узком кругу партийных лидеров. Даже его участие в заседании объяснялось лишь тяжестью поражения, понесенного у реки Сян. Однако, как говорят в Китае, поход длиною в десять тысяч ли* тоже начинается всего лишь с шага. Тундао и стал для Мао таким первым шагом.

Провинция Гуйчжоу на протяжении веков считалась в Китае одной из беднейших. В тридцатые годы в деревнях витал запах опиума, поголовно неграмотное население обнищало до того, что зачастую на семью приходилась единственная пара мужских штанов. Чтобы избавиться от лишнего рта, рождавшихся девочек часто убивали, а чуть подросших сыновей продавали работорговцам, сбывавшим свой товар в более зажиточных прибрежных районах. Зато местность в Гуйчжоу славилась своей живописностью. Открывавшиеся перед отрядами Красной армии пейзажи, казалось, были списаны с удивительных свитков династии Мин**.

К западу от Тундао склоны холмов становятся круче, набирают объем фантастические очертания гор: глаз поражают уходящие на сотни метров вверх причудливые исполины из песчаника, напоминающие то верблюда, то гигантский муравейник, то величественное надгробие предков. К отвесным склонам гор лепятся

* Китайская мера длины, равная примерно 0,5 км. — *Примеч. пер.*

** Династия Мин (1368–1644) считается в Китае периодом расцвета живописи. — *Примеч. пер.*

деревушки народности мяо: скопища соломенных крыш, охристые стены, решетчатые, с бумагой вместо стекла окна под нависающими стрехами — темные пятна на желтовато-зеленом фоне прошлогодней травы с только пробивающимися весенними побегами. Высоко в небе над еще белыми от тонкого льда рисовыми полями парят ястребы. В Гуйчжоу люди говорят: «Каждый третий день — дождь, каждые три ли — гора». И в самом деле, эта часть провинции представляет собой только горы, едва видимые в декабре и январе сквозь мелкую сетку дождя или густого тумана. На высоких склонах через эту пелену угадываются просторные сосновые леса, золотистые бамбуковые рощи, темно-зеленые заросли пихты; по впадинам глубоких долин лениво ползут ярко-белые пятна облаков. Поперек горных речушек местами висят на цепях мостки, вниз ступеньками спускаются отвоеванные у крутой горной вершины крошечные, чуть больше носового платка, поля на террасах, где крестьянин гнет над красной землей спину, чтобы собрать свой скудный урожай.

В памяти простого солдата остались лишь тяготы пути. «Мы поднимались по склонам такой крутизны, — вспоминал один из них, — что перед глазами у меня постоянно были подошвы впереди шедшего. Откуда-то сверху вдруг донеслась весть: дорогу головному отряду преградил утес, взбираться на него будем только на рассвете... спать придется прямо здесь, где застала ночь... Ярким нефритом сияли звезды, а мрачные горы вокруг напоминали притаившихся гигантов. Казалось, что мы находимся на дне глубокого колодца». На вершину утеса, известного в округе под названием Обители Громовержца, вели высеченные в камне ступени. Для носильщиков они были слишком круты, и своих раненых товарищей бойцам приходилось нести на спинах. Погибло много сорвавшихся со склонов лошадей.

Удручающая бедность местных жителей произвела впечатление даже на Чжу Дэ, одного из видных военачальников Красной армии. «Крестьяне там называли себя «сухими людьми», — вспоминал он, — скудная жизнь выжала их досуха... Чтобы не умереть с голоду, люди выкапывали под старым амбаром помещика полусгнившие зернышки риса, которые монахи называли "святыми дарами Неба"».

Свидетелем этому был и Мао. Тем не менее в своих стихах, относящихся к тому периоду, он предпочитал воспевать мощь и красоту просторов, по которым шел армейский обоз:

О горы!
Как волны вздымаетесь вы в бушующем море,
Подобные буйным коням, галопом стремящимся в битву.
О горы!
Вершины острые пронзают синеву небес.
Но если б не поддержка ваша — низвергнулся бы небосвод.

И эти стихи были не просто гимном силам природы.
Душа Мао ликовала.

15 декабря отряды Красной армии вступили в Липин, уездный городок, расположенный в долине, окруженной невысокими, изрезанными террасами полей холмами. Под штаб заняли просторный дом какого-то торговца — довольно приличную постройку с небольшим внутренним двориком, стены которого были расписаны буддийской символикой и иероглифами «благополучие». Кровати в доме стояли под балдахинами; крошечный китайский садик выходил на узенькую улочку, застроенную крытыми серой черепицей лавками. По соседству находился пустующий особняк лютеранской миссии — сами миссионеры, так же как и торговец, в чьем доме устроили штаб, при слухах о приближающихся коммунистах почли за благо унести ноги.

Именно здесь впервые с начала Великого похода собралось Политбюро ЦК КПК с целью обсудить положение. На повестке дня стояли два вопроса: определиться с конечной точкой похода и выработать тактику ведения боевых действий.

Бо Гу и Отто Браун настаивали на необходимости соединения с силами коммунистов в северной части провинции Хунань. Мао же предлагал двинуться на северо-запад — с тем, чтобы создать новую базу поближе к границе между Гуйчжоу и Сычуанью. По его словам, там можно было не опасаться серьезного сопротивления. Эту точку зрения поддержал Чжан Вэньтянь, один из четырех членов Постоянного комитета Политбюро, и Ван Цзясян, вице-председатель Военной комиссии ЦК КПК. Годом раньше Ван Цзясян получил в бою тяжелое ранение. В течение всего похода он не покидал носилок. Как и Чжан Вэньтянь, образование он получил тоже в Москве. Изначально эти двое поддерживали Брауна и Бо Гу, но несколько позже их постигло разочарование. Мао терпеливо обхаживал обоих с первого дня похода, и вот теперь их голоса склонили чашу весов в его пользу. Интуитивно оценивая меняющийся на глазах расклад сил, к ним присоединился Чжоу Энь-

лай, а следом и почти все остальные члены Политбюро. План Бо Гу был отвергнут, а принятое решение гласило: новая база будет создаваться в Цзуньи, втором по величине городе Гуйчжоу. В случае же каких-либо непреодолимых затруднений следовало продвигаться дальше на северо-запад.

Однако далеко не все расчеты Мао оправдались. При обсуждении тактики действий голоса разделились почти поровну. Выработанная резолюция заседания особо предостерегала об опасности «недооценки возможных потерь, дающих почву для пессимизма и пораженческих настроений». В этой формулировке крылся абсолютно прозрачный намек на неудачи у реки Сян, фактически же критике подверглась вся линия, проводившаяся «группой трех»: Чжоу, Бо Гу и Брауном. Армии запрещалось вступать в крупномасштабные операции до того момента, пока не будет гарантирована полная безопасность новой базы. Но буквально в следующем абзаце речь шла уже о недопустимости «партизанщины», как была названа идея Мао о «гибких партизанских действиях». Подобная оценка свидетельствовала о неготовности Чжоу Эньлая без боя сдать свои позиции Мао.

На следующий день, 20 декабря, поход продолжился. Авторитет Бо Гу и Отто Брауна оказался значительно подорванным. Исподволь вызревал новый конфликт: между Мао и Чжоу.

Между двумя этими фигурами было слишком мало общего. Чжоу Эньлай — взбунтовавшийся против своего класса отпрыск мандарина*, грациозный и утонченный, постигавший малозначимость человеческой жизни в коммунистическом подполье Шанхая, где смерть шла по пятам за предательским шепотом товарища. И Мао — крестьянин до мозга костей, грубый, неотесанный, с речью и шутками простолюдина, полный высокомерного презрения к выходцам из больших городов. Один — цивилизованный и рафинированный интеллигент, искусный и неутомимый проводник в жизнь чужих идей; другой — непредсказуемый мечтатель. На протяжении последующих сорока лет две эти личности будут являть миру самые длительные в политической истории партнерские отношения. Однако в конце 1934 года и тот, и другой даже в мыслях своих были весьма далеки от такой идиллии.

31 декабря военачальники остановились в городке Хоучане (буквально — Город Обезьян), что в 25 милях к югу от реки У — последней водной преграды, отделявшей Красную армию от Цзу-

* Бытовавшее в Европе название китайских чиновников высшего ранга. — *Примеч. пер.*

ньи. Ночью состоялось еще одно заседание Политбюро, на котором Отто Браун предложил дать отпор трем приближавшимся дивизиям правительственных войск. В ответ военные напомнили ему о принятом в Липине решении не вступать в серьезные схватки с противником. Результатом затянувшегося далеко за полночь ожесточенного спора стало освобождение Брауна с поста военного советника. А для того чтобы подчеркнуть значимость данного шага, резолюцией заседания был одобрен один из важнейших принципов Мао, напрочь забытый на протяжении двух последних лет: «Нашими мобильными отрядами не должна быть упущена ни малейшая возможность уничтожать врага хотя бы и поодиночке. Вот чем мы гарантируем себе победу».

Река потекла вспять. Выкованные «тройкой» звенья управленческой цепи лопнули. Совещание согласилось, что в качестве промежуточного шага все важнейшие решения будут приниматься руководством похода коллегиально. Старая практика отбрасывалась, новую же еще предстояло выработать. В первые же часы первого дня нового, 1935 года Политбюро постановило созвать в Цзуньи свое расширенное заседание. На нем предстояло рассмотреть три вопроса: итоги проделанной работы, допущенные недочеты и ошибки, программу действий на будущее.

Декорации были расставлены. Оставалось ждать выхода на сцену актеров.

В тридцать лет Дэн Сяопин был коротеньким, плотным мужчиной с яйцеобразной, почти наголо обритой головой. Еще в Париже он подростком овладел навыком выпуска информационных листовок местного отделения Китайской лиги коммунистической молодежи. Особого искусства для того, чтобы процарапать иероглифы на покрытой воском пластине, покрыть ее приготовленной из сажи и тунгового масла тушью, а затем сделать несколько десятков оттисков, не требовалось. Но репутация журналиста за Дэном закрепилась. В описываемое время он уже дорос до поста редактора армейской газеты — однополосной, отпечатанной на примитивном мимеографе «Хунсин» («Красная Звезда»).

Номер от 15 января 1935 года сообщал о теплой встрече жителями Цзуньи бойцов Красной армии, вошедших в город без единого выстрела: передовой отряд убедил защитников открыть городские ворота, выдав себя за авангард правительственных войск. В небольших заметках с восторгом говорилось об «образе Красной армии, запечатлевшемся в сердцах народных масс», об

организации Революционного комитета, берущего на себя функции управления городом.

И ни малейшего намека на то, что Политбюро вот-вот соберется на свое, пожалуй, самое важное заседание. Дэн будет присутствовать на нем в качестве технического секретаря. Проблемы, обсуждаемые руководством партии, окажутся настолько деликатными, что даже месяц спустя о принятых на заседании решениях не узнают и высшие партийные чиновники. Чтобы дозировать информацию и выработать механизм ее доведения до подчиненных, вождям потребуется еще одна встреча.

Двадцать членов Политбюро собрались поздним вечером в привлекательном на вид двухэтажном и окруженном просторной верандой особнячке из темно-серого кирпича. Вместе с красными командирами Чжоу Эньлай занял дом, принадлежавший одному из местных военачальников. Бо Гу и Отто Браун квартировали неподалеку, на улице, что вела к кафедральному собору — внушительному зданию с трехъярусной крышей, придававшей ему вид более китайский, чем у китайских храмов. Собор был окружен огромным цветником, где расположился отряд личной охраны руководителей похода. Мао и двое его преданных сторонников — Чжан Вэньтянь и Ван Цзясян, вместе с шестью телохранителями разместились на другом конце города в доме какого-то генерала, украшенном резьбой по дереву и окнами-витражами. Целую неделю, прошедшую после их прибытия в Цзуньи, Мао выстраивал свою линию нападения. Теперь она была готова. И схватка не заставила себя ждать.

Из воспоминаний Отто Брауна:

«Мао, безусловно, жаждал мести... В 1932 году... весь его военный и политический авторитет оказался растерян... Сейчас же перед ним маячила возможность — на достижение которой ушли годы партизанской борьбы — демагогической игрой на отдельных организационных и тактических ошибках, чудовищной клеветой и фантастическими измышлениями опорочить партийное руководство и нейтрализовать... Бо Гу. Мао удалось не только реабилитировать себя, но и прибрать к рукам армию, что уже ставило под его контроль всю партию».

Окна небольшой, полной серьезных мужчин комнаты выходили во внутренний двор, в центре которого горела жаровня, посылавшая волны призрачного тепла промозглой и холодной гуйчжоуской зиме. В бамбуковых шезлонгах возлежали Ван Цзясян и еще один раненый генерал. В стороне от всех у двери сидел Браун со своим переводчиком.

Основной доклад как номинальный лидер партии делал Бо Гу. Он не согласился с тем, что утеря центральной базы партии и последовавшие за ней военные неудачи явились следствием ошибочной политики руководства. Нет, причина несчастий крылась в превосходстве сил противника и в поддержке националистов империалистическими государствами.

Следующим слово взял Чжоу Эньлай. Он признал ряд личных ошибок, однако, как и Бо Гу, напрочь отверг мысль о том, что неверной оказалась вся стратегия партии. В то время у Чжоу еще оставалась надежда спасти что-то из-под руин.

Затем поднялся в атаку Мао. Сорок лет спустя Отто Браун вспоминал, что это был не экспромт, как обычно: в руках Мао держал «тщательно подготовленный» текст. Главная проблема, по словам выступавшего, заключалась вовсе не в превосходстве противника. Она состояла в том, что партия отошла от «основополагающих принципов стратегии и тактики, благодаря которым Красная армия добивалась побед в прошлом» или, другими словами, в том, что партия отказалась от политики «гибких партизанских действий», разработанной вместе с Чжу Дэ самим Мао. Если бы не это, подчеркнул докладчик, националистические круги были бы обречены на поражение. Однако Красной армии навязали засасывающую позиционную войну, строительство оборонительных сооружений, распыление сил в бесплодной попытке сохранить за собой «каждую пядь освобожденной территории». Временную сдачу отвоеванных районов еще можно было бы как-то объяснить, а вот подрыв сил Красной армии оправдать невозможно, поскольку именно армия — и только она одна — была в состоянии вернуть потерянное.

Вину за все допущенные ошибки Мао возложил непосредственно на Отто Брауна. Военный советник Коминтерна вынудил армию принять неверную тактику, а его «грубые методы руководства» привели к «абсолютно ненормальной обстановке» в Военном совете. Речь шла о воспринимаемом многими с глубоким отвращением менторском, если не диктаторском стиле работы Брауна. Бо Гу же, как сказал Мао, оказался не в состоянии обеспечить действенное политическое руководство, что привело к наслоению одних военных ошибок на другие.

Обличительную тираду против Брауна продолжили Ван Цзясян и Чжан Вэньтянь. В защиту Бо Гу выступил еще один ученик Москвы — Хэ Кайфэн. Чэнь Юнь, бывший типографский рабочий, деливший с Чжоу Эньлаем тяготы подпольной жизни в Шанхае, нашел выступление Мао не совсем взвешенным.

Не играя никакой роли в военном руководстве, Чэнь Юнь являлся членом Постоянного Комитета, и мнение его имело определенный вес. Зато со стороны военных, чьи подчиненные за ошибки «тройки» платили своими жизнями, Мао Цзэдун получил самую широкую поддержку. Суровый и неразговорчивый генерал Пэн Дэхуай, беспокоившийся в жизни лишь о двух вещах — победе коммунизма и благополучии своих солдат, сравнил Брауна с «блудным сыном, пустившим по ветру все достояние отца», явно имея в виду потерю старой базы, на строительство которой самим Пэном вместе с Мао и Чжу Дэ было потрачено столько усилий.

Отто Браун неподвижно сидел у двери, курил сигарету за сигаретой, в то время как его переводчик, дергаясь от волнения, пытался успеть передать все, что говорилось присутствовавшими. Наконец поднявшись, Браун с ходу отверг все брошенные в его адрес обвинения — ведь он являлся всего лишь советником, следовательно, ответственность за происшедшее лежала не на нем, а на товарищах из китайского руководства.

Вряд ли Отто Браун был искренен в своих словах: в 30-х годах, при Сталине, представитель Коминтерна пользовался почти неограниченными полномочиями. Однако определенная логика в его высказываниях все же присутствовала. Даже в военных делах последнее слово оставалось не за Брауном. Право принятия окончательного решения принадлежало Чжоу Эньлаю.

У Мао не было и тени сомнения в том, что именно Чжоу был его настоящим соперником. Это он понял еще тогда, когда тот бесцеремонно оттеснил его в сторону, впервые появившись на базе Красной армии в 1931 году. Очень сомнительно, чтобы на верховную власть мог претендовать мягкий и обходительный Чжан Вэньтянь, Бо Гу же — еще в меньшей степени в отличие от Чжоу Эньлая. Однако напасть на последнего в то время означало бы разорвать руководство партии склокой, выйти из которой победителем Мао еще не мог. Вот почему в стиле, ставшем для него характерным, всю тяжесть своего удара Мао Цзэдун сосредоточил на наиболее уязвимом месте занятой Чжоу позиции: на Отто Брауне и Бо Гу. Тем самым он давал главному своему оппоненту шанс сохранить лицо.

Чжоу Эньлай воспользовался этой возможностью. На второй день, вновь взяв слово, он признал, что принятая в военной области линия была «изначально ошибочной», и подверг себя беспощадной самокритике. В подобных маневрах Чжоу не имел себе равных. Из соперника Мао он в одночасье превратился в

его союзника. И хотя механизм метаморфозы поняли оба, на какое-то время обе стороны заключили перемирие.

В принятой задним числом резолюции верные соратники Чжоу подверглись уничтожающей критике за свое «исключительно неумелое руководство». Отто Брауна обвинили в том, что он «относится к войне как к игре и подменяет собой Военный совет», для искоренения «всеми доступными ему средствами» взглядов, отличных от его собственных, использует методы наказания, а не убеждения. Бо Гу был признан виновным в совершении «серьезных политических ошибок». Репутация же Чжоу никак не пострадала, ему даже удалось, во всяком случае, на бумаге, получить некоторое повышение: после официального роспуска «тройки» на него возложили громоздкий титул «лица, от имени Центрального Комитета обладающего полномочиями на принятие окончательных решений в сфере военной политики». Его роль в провалах, предшествовавших совещанию в Цзуньи, обошли полным молчанием. Резолюция сурово осудила формирование «неповоротливого, как слон», обоза, так замедлившего продвижение вперед, ни словом не упомянув его фактического организатора. В ней говорилось об «апологетах чисто оборонческой политики, таких как Отто Браун и другие», однако имена этих «других» не были названы ни разу. Где-то между прочим указывалось лишь то, что Чжоу был автором «пояснительной записки», последовавшей за докладом Бо Гу — да и то лишь в тех копиях резолюции, что были распространены среди самого узкого круга высших партийных функционеров.

Постоянный Комитет Политбюро ЦК КПК утвердил кандидатуру Мао в должности главного военного советника Чжоу Эньлая. Казалось бы, не самая щедрая компенсация за два года, проведенные фактически не у дел. Но, как это часто случалось в Китае, дух данного решения означал много больше, чем его буква. Даже Браун был вынужден признать, что «большинство присутствовавших на совещании» согласились с доводами Мао Цзэдуна. В противостоянии духа победа осталась за Мао. Чжоу Эньлай, несмотря на свой сложный титул, ассоциировался с дискредитировавшей себя порочными методами руководства верхушкой власти.

По прошествии всего нескольких месяцев победивший дух обрел наконец и конкретную плоть. В начале февраля находившийся на посту лидера партии Бо Гу был заменен ставленником Мао Чжаном Вэньтянем. Ровно через месяц ЦК создал штаб Верховного главнокомандующего, его возглавил Чжу Дэ. Мао стал политическим комиссаром Красной армии. Решение это значительно прини-

жало роль Чжоу Эньлая как лично ответственного за оперативное руководство войсками. А вскоре после возрождения «тройки», куда вошли Мао Цзэдун, Чжан Вэньтянь и сам Чжоу, власть последнего подверглась еще более значительному ограничению. К началу лета, когда Красная армия вступила в пределы провинции Сычуань, Мао уже пользовался репутацией безусловного лидера.

Впереди его ждали новые битвы, которые предстояло выиграть. Еще долгих восемь лет отделяли Мао Цзэдуна от того момента, когда он официально будет назван Председателем, после чего сохранит этот титул до конца своих дней. Однако Чжоу Эньлай как соперник уже не представлял для него никакой опасности. Более того, брошенный вызов обошелся Чжоу дорогой ценой. В 1943 году положение его было настолько шатким, что бывший глава Коминтерна Георгий Димитров умолял Мао не исключать своего верного последователя из партии. Мао удовлетворил эту просьбу, и не потому, что она исходила от Димитрова, — просто Чжоу Эньлай был слишком полезен для того, чтобы отбросить его в сторону. Но будущему премьеру Госсовета пришлось испить полную чашу унижения. В списке членов нового Центрального Комитета, утвержденном двумя годами позже, Чжоу числился лишь двадцать третьим.

Через двадцать пять лет после совещания в Цзуньи, весной 1961 года, Мао в личном поезде проезжал по своей родине — расположенной на юге Китая провинции Хунань.

Пролетевшие годы оказались милостивы к нему. Почитаемый, если не обожествляемый в качестве Великого Кормчего, стареющий, но еще не дряхлый Мао, чей лунообразный лик с невозмутимым достоинством смотрел с портрета на Воротах Небесного Спокойствия на одноименную площадь в Пекине*, в глазах всего человечества являл собою бесспорного лидера наиболее многочисленной на земле нации, знамя всесочищающей мировой революции, которому изменили лишь ренегаты типа Хрущева.

Но в жизни он был совсем другим.

В этом путешествии по стране, равно как и во всех подобных поездках, Мао сопровождали молодые и красивые женщины, одна за другой, а то и парой делившие с Председателем удобства его гигантских размеров постели, установленной в вагоне вовсе не ради плотских утех, а с единственной целью дать великому человеку возможность держать под рукой все необходимые ему книги. Как и Сталин, уже вступивший в солидный возраст Мао отказался от

* Площадь Тяньаньмэнь в переводе и означает «Ворота Небесного Спокойствия». — *Примеч. пер.*

семейной жизни. В отношениях с девушками, бывшими в три раза моложе его, он находил отсутствовавший в течение всей его жизни столь желанный душевный комфорт.

К 60-м годам Мао был абсолютно оторван от повседневной реальности страны, которой правил; собственное величие изолировало его в такой степени, что каждый шаг совершался им под диктовку личных телохранителей либо немногих фаворитов. Единственной не подвергшейся регламентации сферой оставались лишь отношения с противоположным полом. Только в краткие мгновения интимного общения с женщиной он мог видеть в другом человеке равное себе существо и наслаждаться взаимностью. Столетием раньше император Тунчжи, ступивший на престол еще мальчиком, никем не узнанный, тайком выбирался из дворца и в сопровождении преданного слуги совершал обходы пекинских борделей. Для Мао же и это было невозможно, поэтому женщин к нему приводили. Они теряли головы от осознания его безграничной власти. Он погружался в пучину наслаждений, которые дарили их тела. «Да я просто купаю свой член в их вагине», — сказал как-то раз Мао своему личному врачу, шокируя истинного пуританина и получая от этого какое-то извращенное удовольствие. «Меня едва не стошнило», — писал об этом впоследствии бедный эскулап.

Эти шалости Мао, равно как и вся личная жизнь великих, были скрыты за непроницаемым занавесом высокой революционной морали. И все же во время февральской поездки по Хунани этот занавес чуточку приподнялся.

Встав, по обыкновению, намного позже после проведенной с молоденькой учительницей ночи, Мао направился в соседний вагон для беседы с первым секретарем партийной организации провинции. Девушка зашла в соседнее купе поболтать с другими членами свиты, а через несколько минут к ним присоединился и некий мужчина из технического персонала. Бывший личный врач Мао вспоминал:

«— А твой голос я сегодня уже слышал, — внезапно сообщил молодой человек, прервавший своим появлением в купе наш ленивый разговор.

— Как прикажешь тебя понимать? — уточнила она. — Что ты слышал?

— Когда Председателю уже нужно было идти на встречу с Чжаном Пинхуа, ты начала торопить его и велела одеваться побыстрее.

— А что еще? — изменившись в лице, но по-прежнему спокойно спросила девушка.

— Все. Я слышал абсолютно все. — Парень явно дразнил ее...»

Вот таким образом Мао открыл для себя, что по приказу кого-то из высших чиновников каждое его слово, в том числе и во время занятий любовью, не только прослушивалось, но и записывалось на магнитную ленту. За это полетели головы, да и то в фигуральном смысле, очень немногих «стрелочников», в число которых попал и слишком говорливый техник. Четырьмя годами позже, когда нерушимое партийное единство уже начали подтачивать первые слухи о «культурной революции», многие из соратников Мао глубоко сожалели о том, что интуиция не подсказала им вновь включить потайные микрофоны.

Собственно говоря, побуждения у этих людей были достаточно невинными. Шесть человек, входивших, помимо Мао, в Постоянный Комитет Политбюро — ветераны партии еще со времен Цзуньи, были той элитой, которая сопровождала своего вождя на его долгом пути к вершинам власти. В начале 60-х они вдруг обнаружили, что понимать Председателя становится все труднее. Единственное, что им требовалось, — это знать по возможности заранее о его замыслах, чтобы не оказаться захваченными врасплох внезапной переменой курса, не смутиться необдуманной фразой вождя в присутствии иностранных гостей. Ян Шанкунь, руководитель секретариата ЦК КПК, решил, что наилучшим выходом из сложной ситуации могло бы стать использование самых современных технологий звукозаписи. Мао вполне мог бы расценить это как комплимент: после того как он поднялся на Олимп, каждое произнесенное им слово должно быть увековечено. Но у этой медали была и оборотная сторона: Политбюро начало с горечью осознавать глубину той пропасти, что разделяла теперь Председателя и его подчиненных, бывших когда-то чуть ли не богами.

Именно от этой пропасти и пошли идеологические и политические трещины в китайском обществе. Не прошло и десяти лет, как вся страна содрогалась в пароксизме страха. В небытие уходили один за другим участники совещания в Цзуньи и их идеалы.

Начавшаяся в 60-х годах борьба оказалась намного запутанней, сложней и кровопролитней той, что полыхала третью века раньше. Удивляться здесь нечему: ставкой тогда было верховенство в 30-тысячной армии, игравшей весьма двусмысленную роль где-то на задворках китайской политической жизни. Разворачивавшиеся же в Пекине события имели целью поставить под личный контроль нацию почти в один миллиард человек. Однако общие правила остались без изменений. Мао начертал их собственной рукой:

«В неблагоприятных условиях нам необходимо отказываться... от боя, отводить наши войска назад, на безопасное расстояние, перемещать их в тыл или на фланги противника, осуществлять скрытную их концентрацию, вынуждать противника к ошибочным действиям, изматывать его и вводить в заблуждение, обеспечивая себе таким образом возможность добиться победы в решающей битве».

«Война — это политика, — напишет он позже. — А политика — это война, которая ведется иными средствами».

ГЛАВА 1
ДЕТСТВО ПО КОНФУЦИЮ

Зимой в Хунани над голыми пространствами высохшей желтой земли свирепствуют пронизывающие, холодные ветры, поднимающие тучи тончайшей пыли, от которой слипаются глаза, а лицо становится похожим на нелепую маску. Зима считается здесь мертвым сезоном. В своих сложенных из необожженных глиняных кирпичей домах, где нет никакого отопления, в ворохах грязной, засаленной хлопчатобумажной одежды сидят похожие на гигантских черепах крестьяне и терпеливо дожидаются прихода лучших времен.

Мао появился на свет в крестьянской семье в деревеньке Шаошань через несколько дней после зимнего солнцестояния — чуть-чуть опоздав своим рождением ознаменовать пышный праздник середины зимы, когда торжественная процессия в далеком Пекине несет паланкин с императором Гуансюем в Храм Неба — вознести благодарственную молитву за еще один счастливо прожитый страной год. По китайскому лунному календарю первый крик Мао издал в девятнадцатый день одиннадцатого месяца года Змеи, в нашем летосчислении — 26 декабря 1893 года.

В соответствии с традицией, которая при рождении сына-первенца соблюдалась неукоснительно, мальчик был искупан лишь на третий день. Затем в дом призвали гадателя-геоманта, чтобы тот составил гороскоп продолжателя рода. По-видимому, была воля небес в том, что новорожденному для полного благополучия недоставало в гороскопе элемента «вода». Исправить это упущение постарался отец, дав сыну имя Цзэдун: иероглиф «цзэ», означающий «ув-

лажнять, мочить», в хунаньской геомантии восполняет именно этот недостаток*. Ритуал положил начало длившимся в течение года буддистским и даосским обрядам, на протяжении многих поколений вносившим хоть какое-то оживление и разнообразие в подчиненные строгим конфуцианским канонам будни китайского крестьянина. Через четыре недели мальчику обрили голову, оставив лишь небольшую прядь на макушке: сю человек «удерживался в жизни». С той же целью на шею ребенка вешалась красная нить с маленькой связкой медных монеток или небольшим серебряным замочком. В некоторых семьях состриженные с головы волосы смешивались с собачьей шерстью и вшивались в одежду — злые духи будут принимать появившегося на свет за животное и оставят его в покое. Другие вставляли мальчику в ухо сережку, и тогда темные силы считали ребенка девочкой, то есть существом, не заслуживавшим их внимания.

По тем временам семья Мао была зажиточной. Отец, Жэньшэн, в шестнадцатилетнем возрасте записался в войско императорского наместника Хунани и Хубэя и лет через пять-шесть накопил достаточно денег для покупки земли. К рождению Мао семья владела двумя с половиной акрами (около гектара) рисовых полей, что в самой плодородной и богатой рисом провинции было не так уж мало. Прижимистый, считавший каждую монетку отец позже прикупил еще земли и нанял двух работников. Каждому в день выдавалось по порции риса, а не чаще, чем раз в месяц, в знак особого расположения хозяина к рису добавляли печеные яйца. Но мясо — никогда.

Скаредность отца произвела на Мао впечатление еще в детстве. «Мне, — вспоминал он много позже, — от него не доставалось ни мяса, ни яиц». Хотя дела семьи шли неплохо, стол ее был весьма и весьма прост — если не груб. Крайне редко проявлялись у родителя и отцовские чувства, зато на фоне его душевной скупости еще глубже ощущал мальчик горячую материнскую любовь. Со временем она затмила в

* Попытки перевода китайских имен часто заводят в тупик. Взятые порознь, иероглифы имени «Мао Цзэдун» буквально означают «волосы, увлажнять, восток». Но в составе имени человека для китайца они ассоциируются с какой-то конкретикой не больше, чем «Филипп» для европейца — с любовью к лошадям или «Петр» — с камнем. Безусловно, встречаются и исключения (в годы «культурной революции» многие китайцы меняли имена, чтобы сделать их более «революционными»), но даже если иероглифы, составляющие имя, и означают некое конкретное понятие, оно не воспринимается как таковое. К примеру, «Шаошань» значит «музыкальная гора», но для самих жителей это всего лишь название их деревни. — *Примеч. авт.*

его глазах даже лучшие отцовские качества, которые Мао проявил впоследствии в таком избытке: целеустремленность и решительность. Уже ребенком он воспринимал свою семью расколотой на два лагеря: мать и сын на одной стороне, отец — на противоположной.

Бережливость и бесконечный монотонный труд довольно быстро превратили отца в одного из самых богатых жителей деревни, где насчитывалось около трехсот семей, причем едва ли не все они носили фамилию Мао.

В то время в Хунани крестьянина считали крепко стоящим на ногах, если он имел не менее полутора акров земли и жил в доме из трех комнат. Под посевами риса у родителей Мао было в два раза больше, к тому же они выстроили просторный, крытый серой черепицей дом — и уголки крыши у этого дома загибались кверху. За задним двором поднимались к небу сосны, а перед самим домом был выкопан пруд, в котором плавали цветки лотоса. У Мао имелась собственная спальня — неслыханная роскошь! — где позднее он зачитывался до глубокой ночи, прячась с масляной лампой под куском плотной темной ткани, чтобы отсветы вдруг не заметил отец. Получили по комнате и родившиеся позже братья. Капиталы отца составляли около двух-трех тысяч серебряных китайских долларов — «огромная сумма для крошечной деревушки», — признавал сам Мао. Теперь, вместо того чтобы расширять свои угодья, отец предпочитал скупать у селян закладные на их земли, исподволь превращаясь в настоящего помещика. Занимался он и перекупкой риса, отвозя его затем на продажу в Сянтань, уездный город в пятидесяти километрах от деревни. Несколько сотен тысяч его жителей создали себе славу самых проворных в провинции чаеторговцев, а благодаря выгодному положению на важнейшей водной артерии района — реке Сян, город стал к тому же и крупнейшим перевалочным пунктом для товаров, стекавшихся сюда из самых дальних уголков. У запряженного в повозку быка дорога из Шаошани занимала сюда два дня, носильщики с восьмидесятикилограммовой ношей на спине управлялись за день.

Как бы Мао ни сокрушался, вспоминая о скаредности отца, свою расчетливость и стремление сэкономить в мелочах он явно унаследовал от него. На протяжении всей жизни в те моменты, когда дело касалось его личных потребностей, Мао отличался редкостным нежеланием покупать новую вещь, если можно было еще подлатать и заклеить старую.

Примитивный быт, окружавший Мао с детства, накладывал отпечаток на его привычки в целом. Представление о

гигиене было у сельских жителей самым примитивным, водные процедуры практиковались, пожалуй, реже, чем в средневековой Европе. «Все общество пронизывало полнейшее равнодушие к тому, какое впечатление производил человек внешне, — писал один из современников Мао. — Роскошные шелка скрывали под собой немытую кожу, из-под соболиных обшлагов одежд мандаринов можно было видеть траурные, сантиметровой длины ногти, незнакомые с ножницами». До конца своих дней Мао предпочитал мокрое горячее полотенце обыкновенной воде и мылу, навсегда отказавшись от зубной щетки и просто ополаскивая рот чаем.

Постельные клопы, вши и чесотка были постоянными спутниками крестьянской жизни. Но особых хлопот они, казалось, Мао не доставляли: в 1930 году в Баоани он, по глубоко укоренившейся деревенской привычке, без всякого стеснения спускал в присутствии иностранных визитеров штаны до колен, чтобы отыскать в нижнем белье незваного гостя. Весьма показательно в этом плане и его отношение к работе своих внутренних органов. Китайцы как нация в целом в вопросах естественных отправлений организма никогда не отличались привередливостью. Детишки с давних времен едва ли не повсеместно разгуливают в штанишках с простым разрезом в промежности: садись, где хочешь, и делай свои дела — большие или маленькие. Взрослые для этих целей пользуются общественными уборными, где освобождение желудка является не столько физиологическим актом, сколько элементом социального общения. Мао долго не мог привыкнуть к удобствам на западный манер — к стульчаку и звуку устремившейся вниз воды. В начале 50-х, когда он уже стал главой государства, в прогулках по обширному саду Чжуннаньхая его всегда сопровождал телохранитель с лопатой — чтобы по первому знаку Председателя вырыть в земле ямку. Этот обряд был отменен лишь после того, как Чжоу Эньлай распорядился по соседству со спальней Мао оборудовать такую туалетную комнату, которая полностью отвечала бы предъявленным лидером нации требованиям. В мягких европейских кроватях Мао мучила бессонница, и лучше всего он спал на жестких деревянных досках.

В шестилетнем возрасте мальчик начал помогать родителям, выполняя, как и все китайские дети, работу, что обычно оставляли старым и малым: ходить за стадом, пасти уток. Двумя годами позже отец отдал его в деревенскую школу, что было решением весьма мужественным: оно обходилось родительскому кошельку по 400 или 500 серебряных долларов в год, составляя шестимесячную зарплату сельского труженика.

В прошлом веке мечтой каждой китайской семьи, за исключением, наверное, самых знатных и богатых, было родить такого сына, чья сметливость в чтении и толковании классических конфуцианских текстов принесла бы ему победу на государственных экзаменах. Это открывало дорогу к карьере, престижу, к достатку. Заслуживает интереса вывод европейского наблюдателя, человека, судя по всему, с душой относившегося ко всему виденному:

«Образование представляет собой единственную дорогу к почестям, наградам и другим милостям, которыми государство осыпает удачливого счастливчика, и лишь эти блага в состоянии усмирить неистовые амбиции, бушующие в душе юноши. На Западе существует немало способов, с помощью которых человек может пробиться наверх и стать, к примеру, членом парламента или министром правительства, словом, заметной общественной фигурой. В Китае же все они сведены к единственному — начинающемуся у порога школы... Здесь абсолютно правомерно утверждать, что в ранце каждого школьника лежит маршальский жезл... и если повезет извлечь его оттуда, то никакой парламент не помешает человеку вершить судьбы десятков миллионов людей».

Но далеко не для всех в Китае мечта оборачивалась явью. Большая часть населения была слишком бедна для того, чтобы сделать хотя бы первый шаг: научиться чтению и письму.

Мать Мао, Вэнь Цимэй (буквально — «Седьмая Сестра» — в крестьянских семьях девочкам редко давали имена, просто нумеруя их в порядке появления на свет), тоже, наверное, мечтала о счастливой карьере для сына. Будучи тремя годами старше мужа, она считала себя убежденной буддисткой и посвящала сына в таинства древнего деревенского храма, где воздух пропитался тяжелыми ароматами курильниц, а лики архатов и бодисатв потемнели от времени и дыма благовоний. Но сын взрослел, вера его становилась все слабее, и мать тихо грустила...

В отличие от матери отец Мао не предавался мечтам. Его устремления, типичные для помещика средней руки, были куда приземленнее. Два года начальной школы едва позволили Мао Жэньшэню овладеть азами грамоты. Конечно, он хотел дать сыну образование, но исключительно для практических нужд: учености должно быть столько, чтобы вести счета своего хозяйства, наследовать семейный бизнес в торговле рисом — после того, как поднатаскается у знакомого торговца в Сянтани.

В лучшую жизнь и в самом деле вела одна-единственная дорога. Деревенская школа в императорском Китае конца

прошлого века представляла собой место настолько мрачное, что царившая там атмосфера была способна укротить любого непоседу. Шаошаньская школа размещалась в комнате с голыми глиняными стенами; зимой от них веяло могильным холодом, летом они не защищали от испепеляющего зноя. В центре одной из стен — дверь с крошечными оконцами по обеим сторонам, пропускавшими в помещение немного света и свежего воздуха. Учебный год начинался в феврале, в 17-й день первой луны, то есть через два дня после Праздника фонарей, последнего в череде празднеств по случаю китайского Нового года. Школьники стоят у двери, ожидая прихода учителя, у каждого в руках принесенные из дома небольшой столик и стул. Их около двадцати, возраст — от семи-восьми до семнадцати. Одеты в одинаковые просторные холщовые куртки, перехваченные поясом, и такие же мешковатые штаны. Но вот приходит наставник. Он усаживается за стол, аккуратно расставляет баночку с тушью, маленький стаканчик с водой для промывания кисти, глиняный чайник с чашкой, стопку бамбуковых табличек, в которых отмечается присутствие учеников, по правую руку значительно кладет прочный бамбуковый шест. Педагогическая традиция запрещала ему проявлять какие бы то ни было чувства и эмоции в отношении своих учеников — если только в их поведении не усматривалось попытки подорвать его абсолютный авторитет.

Учитель Мао был сторонником самых суровых методов воспитания. Школьники очень быстро научились опасаться бамбуковой палки, которую педагог не колеблясь пускал в ход, и его ребристой дощечки с отверстиями, куда вставлялись благовонные свечи. Провинившийся опускался на эту дощечку коленями и стоял до тех пор, пока свеча не выгорала.

Но куда больше, чем обстановка, подавлял сам процесс обучения. Никаких книжек с картинками, никаких захватывающих детское воображение историй — одна умоисступляющая зубрежка. Эта система почти без всяких изменений просуществовала две тысячи лет, исправно служа одной цели: превратив учебу едва ли не в пытку, навсегда оставить знания привилегией элиты.

Первым учебником, с которым знакомились сверстники Мао, был «Саньцзыцзин» — «Классика в трех иероглифах», обязанный своим названием тому, что каждая из 365 его строк состояла всего из трех знаков. Написанный в XI веке, он представлял собой сборник конфуцианских наставлений для молодежи. Начинался «Саньцзыцзин» так: «Люди приходят в мир по натуре своей добрыми, в этом они все одинаковы, отличия появляются

тогда, когда каждый начинает заниматься своим делом». В XV веке комментатор добавляет: «Это изречение начинает курс наук и объясняет его важнейшие принципы... То, что создано Небом, называется «человек», то, что является его сущностью, называется «натурой», наличие правильных моральных устоев называется «добром»... Таков человек при рождении. Умные и простаки, прямые и изворотливые — все по природе своей сходятся в одном, и отличий между ними нет. Но с приобретением знаний характер и склонности меняются... что приводит к извращению моральных устоев добродетельной изначально натуры... Только благородный муж обладает способностью поддерживать высокую нравственность. Он сохраняет чистые юношеские идеалы своей натуры и не дает им превратиться в низменные».

Не слишком ли тяжеловесные рассуждения предлагаются вниманию восьмилетнего мальчика? Однако постижение этой метафизики усложняется еще одним препятствием.

Учебники печатались на тонкой рисовой бумаге крупными иероглифами, по пять строк на странице. Учитель начинал с того, что, подозвав к себе ученика, требовал от него повторять за собой нараспев строки до тех пор, пока они намертво не откладывались у того в памяти. Затем к столу подходил следующий, и так весь класс. Вернувшись на место, ученик пальцем водил по чертам иероглифов, вновь и вновь воспроизводя только что вызубренное — и даже не шепотом:

«Узнав, как читается тот или иной иероглиф, каждый громким до предела голосом — чтобы учитель видел его усердие и мог оценить правильность произношения — раз за разом повторял всю фразу. Урок считался «выученным», когда ученик абсолютно точно копировал манеру чтения учителя. Спрошенный, он поднимался, поворачивался спиной к книге и фактически выпевал отрывок — целиком или ту его часть, которую запомнил. В последнем случае голос внезапно смолкал, как смолкает жужжание жука, врезавшегося в стену».

В классе стояла какофония такая, что ученик не слышал самого себя. А поскольку значение большинства китайских иероглифов не является очевидным из их начертания, учитель требовал от учеников лишь правильной последовательности их написания в знаке и его безошибочного чтения.

Таким образом наизусть заучивались шесть книг. За «Саньцзыцзином» следовала «Байцзясин» — «100 китайских фамилий», где в строгом, единожды и навсегда установленном порядке перечислялись 454 иероглифа, дозволенных к употреблению в качестве фамильных знаков. Потом наступал черед «Цянь-

цзывэнь», или «Трактата из тысячи слов», написанного в VI веке и действительно состоявшего из одной тысячи ни разу не повторяющихся знаков. В «Цзыфу» — «Одах для детей» — говорилось о важности наук и литературы; приписываемый самому Конфуцию «Сяоцзин» — «Кодекс сыновней почтительности» — детально разъяснял обязанности каждого члена семьи и подданных императора.

По окончании такой школы многие часто не умели читать либо знали не более сотни иероглифов.

На протяжении двух лет маленький Мао каждый день с утра до вечера сидел над непонятными текстами, переписывая и бубня под нос афоризмы типа «Прилежание — основа достоинства, забава прибытка не приносит». Единственную передышку давали отмечавшиеся примерно раз в месяц праздники, самым большим из которых был китайский Новый год — каникулы длились целых три недели.

На третий год учитель начал, наконец, растолковывать скрытый доселе в текстах смысл.

Нельзя недооценивать значимость, которую представляли для Мао, как и для всех китайцев его поколения, эти древние памятники литературы, их комментарии и непременное «Четырехкнижие», куда входили «Беседы и рассуждения» Конфуция, «Великое учение», «Учение о золотой середине» и философские притчи Мэнцзы. Заключавшиеся в них идеи и концепции до конца дней определяли взгляды Мао и его ценности так же, как иудо-христианское учение формировало направление развития общественной мысли в странах Запада.

Изучение классики представляло собой невыносимую скуку, однако Мао довольно быстро осознал его пользу. Идеи конфуцианства в то время пронизывали всю духовную жизнь китайского общества, без ссылок на слова Учителя не обходилось ни одно публичное выступление. Мао на собственном опыте понял, насколько грозное оружие может оказаться у него в руках, когда отец проиграл судебный иск лишь из-за того, что его оппонент к месту употребил цитату из Конфуция.

Более того, некоторые выражения приятно волновали душу даже двенадцатилетнего мальчика, будили в ней первые мысли о безграничной мощи человеческой воли: «Благородный муж полагается только на собственные силы... Во всей Поднебесной не найдется вещи, которую нельзя было бы достичь — главное в том, чтобы душа человека исполнилась намерением».

В учебниках немало говорилось и о важности изучения прошлого. Пронесенная через всю жизнь любовь к истории зародилась в Мао, когда он начал читать китайские классические романы «Троецарствие» и «Путешествие на Запад». Главный

герой последнего, царь обезьян Сунь Укун, восхищал своими приключениями многие поколения китайцев, и все же Мао зачитывался романом не из-за них. Воображение мальчика навсегда осталось под впечатлением строк, по которым он водил пальцем в «Саньцзыцзине»: «Здесь собраны правдивые записи об истинном и порочном правлении, о взлетах и падениях династий. Пусть тот, кто изучает историю, вдумывается в события древности до тех пор, пока они не предстанут перед его глазами как нынешние».

В конфуцианстве Мао находил три основные идеи, ставшие краеугольными камнями его жизненной позиции. Первая: любой человек, любая общность людей должны иметь четкий нравственный ориентир. Вторая: в жизни превыше всего стоит правильность мышления, то, что Конфуций называл «добродетелью»: поступки человека будут правильными тогда, когда мысли его не только формально верны, но и соответствуют принципам морали. Третья: стремление к самосовершенствованию.

Позже Мао всегда давал понять, что не является приверженцем культурного наследия прошлого, однако его любовь к цитатам из классики свидетельствует об обратном. В своих речах он куда чаще ссылался на Конфуция, Чжуанцзы* или Моцзы**, чем на Маркса или Ленина. И неудивительно, ведь именно на их идеях он воспитывался и рос. Конфуцианство в сознании Мао играло не менее важную роль, чем марксизм, а в последние годы его жизни оно явно доминировало.

После занятий Мао выкраивал время для помощи родителям в поле. По настоянию отца он овладел искусством счета и, приходя по вечерам домой, подводил итоги работы хозяйства за день.

Семья росла. Когда Мао было два с половиной года, родился брат — Цзэминь. Четверо детей, два мальчика и две девочки, умерли при рождении. Вскоре после появления в 1903 году на свет третьего брата, Цзэтаня, родители удочерили маленькую племянницу, Цзэцзянь. К 1906 году в семье насчитывалось уже шесть едоков, не считая наемной силы, и к тринадцатому дню рождения Мао его отец решил, что сыну пора включаться в работу по-настоящему.

Отношения с отцом у Мао всегда были непростыми — хотя и вряд ли более напряженными, чем у большинства подростков в

* Чжуанцзы (369–286 гг. до н.э.) — древнекитайский философ, приверженец и самый яркий представитель школы даосизма. — *Примеч. пер.*

** Моцзы (479–400 гг. до н.э.) — древнекитайский философ, выразитель взглядов трудовых низов общества, идейный противник конфуцианства. — *Примеч. пер.*

Китае того времени. Сказывались пришедшие из глубины веков принципы конфуцианской сыновней почтительности, игравшие столь серьезную роль в воспитании мальчика. Мифы, которыми он зачитывался, повествуют о Дун Юне, продавшем во времена династии Хань себя в рабство, чтобы собрать денег на достойные похороны отца, о Юй Цяньлу, поедавшем экскременты больного родителя в надежде продлить этим его жизнь. Были и другие, еще более невероятные истории. Теоретически за непочтительное отношение к себе отец имел право обречь сына на смерть.

«Термин «сыновняя» не совсем точен, — писал в конце XIX века американский миссионер. — Из всех людей, что нам приходилось встречать в Китае, наибольшим непослушанием, упрямством и отсутствием должного уважения к родителям отличались именно сыновья — как только они начинали отдавать себе отчет в своих устремлениях и нуждах».

Так же обстояло дело и с Мао. Он обвинял отца в дурном характере, излишней строгости, жестокости — братьям довольно часто приходилось терпеть побои, — забывая, о чем говорил в собственных строках:

«Как-то раз отец пригласил в дом кучу гостей, и в их присутствии между мною и им вспыхнула ссора. Обозвав ни на что не способным лежебокой, он опозорил меня перед всеми. Я пришел в ярость, бросил ему в лицо какое-то проклятие и выбежал из дома. Мать поспешила следом, умоляя не уходить. За ней несся отец, осыпая меня ругательствами и приказывая вернуться. Остановившись на берегу пруда, я пригрозил, что прыгну в воду, если только он приблизится... Отец требовал, чтобы я на коленях просил у него прощения. Я согласился лишь на поклон — при условии, что он не будет меня бить...»

Здесь Мао ни словом не упомянул о том, насколько грубо он, тринадцатилетний мальчик, нарушил священные правила приличия, вступив при гостях в спор с отцом и уронив тем самым честь семьи.

Годы спустя он будет вспоминать подобные эпизоды как уроки, показавшие ему значимость умения человека пойти против любого авторитета: «Мне стало ясно, что открытое неповиновение заставило отца отступить, в то время как моя покорность и слабость провоцировали его на еще большие оскорбления».

А ведь ситуация была самой заурядной: нежная и ласковая мать, пытавшаяся восстановить мир, отец, рассерженный и обиженный, тем не менее тоже желавший найти приемлемое решение, и непокорный сын, который выполнил в конце концов волю

старших. Вряд ли подобные отношения между родителями и сыном-подростком можно назвать нетипичными.

С течением времени атмосфера в семье продолжала накаляться. Отец постоянно брюзжал, выговаривая сыну за очередной проступок, в ответ тот становился все отчужденнее. Последней каплей стала неудачная женитьба. В четырнадцатилетнем возрасте, в соответствии с традицией, родители обручили Мао, причем невеста — тоже из крестьянской семьи — на шесть лет старше жениха. В хозяйстве дополнительная пара рук никогда не лишняя, к тому же и род кто-то должен продолжать. Состоялся обмен подарками, родителям невесты вручили выкуп. В те дни он был немалым, составляя примерно годовой доход всей семьи. Наконец девушка, ее звали Ло, перебралась в дом мужа. Однако Мао счел условия сделки для себя неприемлемыми. Он не только никогда не делил с ней ложа, он, по собственному признанию, почти не вспоминал о супруге и вообще не считал ее своей женой. Вскоре после свадьбы Мао отомстил за нанесенную обиду и, оставив отчий дом, ушел жить к другу — безработному студенту, изучавшему право.

Он вспоминал об этом случае до крайности неохотно. Отец, по всей видимости, пришел в бешенство, и не только из-за выброшенных на ветер денег: непростительное презрение сына к принятым на себя обязательствам обесчестило всю семью. Но Мао ни словом не упоминал о взаимных упреках и ссорах, неизбежно последовавших за таким его шагом. Ничего не известно и о дальнейшей судьбе Ло. Некоторые полагают, что девушка осталась в новой семье в качестве наложницы отца Мао. Это, вполне вероятно, послужило причиной отъезда из Шаошани матери, перебравшейся к родственникам в родную деревню Сянсян.

Она умерла от продолжительной болезни десять лет спустя. Стоя у ее могилы, Мао в прощальном слове дал выход накопившейся в нем горечи. Об отце была произнесена единственная фраза, короткая и загадочная: «Отвращение матери к отсутствию нравственности не переходило границ трех обязательств». Под «тремя обязательствами» в Китае понимались супружеские узы. То, что фраза прозвучала во время погребальной церемонии, в присутствии многочисленных родственников, лишь доказывало всю глубину неприязни Мао к отцу и его полное неумение прощать. Когда в 1930 году в Баоани американский журналист Эдгар Сноу брал у Мао интервью, тот сказал об отце так: «Я научился ненавидеть его». Слова эти звучали столь чудовищно, что из китайского издания книги Сноу редакция их вычеркнула.

2 Зак 1137

Чувство протеста, которое вызвал в Мао устроенный родителями брак, основывалось, видимо, на том, что отец вознамерился окончательно привязать его к земле, к угнетающе тяжелой жизни крестьянина, а уж ее-то сын успел возненавидеть. Уйдя из дому, он твердо решил строить свою жизнь сам. Первым шагом в этой жизни стало продолжение обучения, на этот раз в частной деревенской школе, под руководством учителя — земляка преклонных лет. Как только мальчику исполнилось пятнадцать, он категорично заявил отцу, что не испытывает ни малейшего желания отправляться на выучку к торговцу в Сянтань и собирается записаться в среднюю школу.

И в этом Мао, хотя и не сразу, удалось добиться своего. Похоже, здесь взяли верх те отцовские качества, воздать должное которым он смог только много лет спустя.

Жэньшэн и в самом деле недооценивал силу характера и упрямство своего сына, однако Мао, в свою очередь, за суровым его лицом тоже не сумел рассмотреть законную отцовскую гордость. Конфуцианство как мировоззрение пронизано понятием непрерывной связи поколений. Мужчина может считать, что жизнь удалась, если дети превзошли его самого; их успех прославляет не только отца, но и деда, прадеда... Будучи человеком необразованным, Мао Жэньшэн тем не менее прилюдно называл сына «домашним ученым», признавая, что в семье лишь он один имеет шанс вырваться из ограниченного мирка родной деревни.

На протяжении десяти последующих лет отец, представавший в воспоминаниях Мао скрягой и ослепленным предрассудками своего класса тираном, оплачивал учебу и бытовые расходы сына. Он продолжал делать это даже после того, как стало совершенно очевидно, что в деревню тот уже никогда не вернется, а потраченные деньги не принесут и грошовой прибыли.

Предыдущее поколение и представить себе не могло, чтобы подобные вызовы родительскому авторитету оставались без последствий для дерзнувшего их бросить. Но в Китае уже шли перемены. Даже в далекой Шаошани рушились неприступные когда-то твердыни.

Эти перемены были вызваны медленным разложением старых устоев общества, усиливавшимся давлением извне. Полтора столетия спустя после того, как император Цяньлун высокомерно и снисходительно — «Китай... не нуждается в товарах варварских стран» — отклонил предложение короля Великобритании Георга III о начале торговли, соотношение сил в мире значительно изменилось. Китай остановился в своем развитии, богат-

ство и мощь по капле вытекали из раздираемой кровавыми мятежами страны. Европа же, пройдя через промышленную революцию, вышла из нее окрепшей и полной амбициозных планов расширения сферы своих интересов. Конфликт между двумя полюсами становился неизбежным. В 1840 году вспыхнула первая «опиумная» война, в результате которой Британия прибавила к своей короне Гонконг. Иностранцы получили разрешение селиться в Шанхае и четырех других портах. По окончании второй «опиумной» войны с маршем прошедшие в 1860 году по Пекину британские и французские войска дотла сожгли императорский Летний дворец. Добытые с оружием в руках привилегии позволяли теперь иноземцам проживать и в столице.

Но только не в Хунани. Из всех подданных императора хунаньцы слыли наиболее консервативной и враждебно настроенной к чужакам частью населения. «Они являются типичнейшими представителями китайской нации и, похоже, нисколько не доверяют выходцам из других провинций, — вспоминал путешественник из Европы. — Причем, судя по тому, что мне довелось видеть и слышать, остальные жители страны платят им взаимностью». Наследник императора прозвал хунаньцев людьми «беспокойными и драчливыми». Население провинции горделиво хвасталось, что «на их землю не ступала нога ни одного маньчжура». Для иностранцев въезд на территорию Хунани был закрыт. Когда в 1891 году у стен главного города провинции Чанша появился английский миссионер Джон Гриффит, толпа встретила его камнями. Впоследствии он писал: «Подобно Запретному городу в Пекине или Тибету, это одно из немногих мест во всем мире, вход куда иностранцу категорически запрещен. Видимо, Чанша является в Китае самым непримиримо настроенным к чужестранцам городом. Вражду здесь исповедуют даже люди образованные, а чиновники лишь укрепляют их в ней». Однако наряду с этим отдельные смельчаки, умудрявшиеся пробраться в Хунань, поражались «проницательности и упрямству местных жителей», так отличавших их от полнейшего равнодушия населения в других районах страны.

Первые иезуиты, попавшие в Китай в XVIII веке, считали Хунань наиболее недоступной частью империи, где гонений на миссионеров следовало опасаться более чем где бы то ни было. Уже ближе к современности, при жизни деда Мао, Хунань оказала резкий отпор участникам Тайпинского восстания, опустошившего 8 провинций и унесшего 20 миллионов человеческих жизней. Чанша выстояла восьмидесятидневную осаду, что позже дало ей

право называть себя «Городом железных ворот». Столь жесткое сопротивление объяснялось вовсе не преданностью местной элиты трону, а, скорее, ее неприятием христианской, по сути своей, идеологии тайпинов — еретической по канонам конфуцианства. Хунаньский наместник Цзэн Гофан, ставший для маленького Мао героем, разбил войско мятежников, которым командовал другой хунанец, Хун Тачуань.

«Для населения провинции всегда были типичны независимость и обостренное чувство собственного достоинства, — писал в начале нашего века наблюдатель. — Особый склад ума местных жителей позволял им считать себя людьми, отмеченными Небом». Уроженцами Хунани были весьма многие высшие императорские чиновники и вряд ли меньшее количество реформаторов и революционеров.

Первоначально огромная империя никак не реагировала на появившихся у ее ворот иностранцев. Однако в 70-х годах XIX века в стране зародилось так называемое движение самоусиления. Под лозунгом «Европейским формам — китайское наполнение» реформаторы пытались убедить общество в том, что, обладая западным оружием, оно будет в состоянии изгнать нежелательных пришельцев и сохранить привычный конфуцианский уклад жизни. Их идеи потерпели крах после того, как в 1895 году Китай вновь потерпел унизительное военное поражение. Самое обидное заключалось в том, что нанесли его не европейцы, а азиаты, соседи-японцы, на которых жители континента презрительно смотрели как на карликов. Предпринятая через три года молодым императором Гуансюем попытка обновить систему управления страной закончилась провалом из-за саботажа консерваторов, действия которых направляла вдовствующая императрица Цы Си. Крупнейшие европейские державы решили договориться о разделе Китая. После обсуждения вопроса лондонской палатой общин в 1898 году было объявлено, что Хунань вместе со всей долиной реки Янцзы переходит в сферу интересов Британии. За этим решением последовало «Боксерское восстание»* — медленно умиравший режим уже агонизировал. Передовые умы Китая не хуже иностранцев понимали: старые порядки безвозвратно рушатся. Дело за последним толчком.

---

* В отечественной и китайской историографии оно более известно под названием восстания ихэтуаней, лидеры которого ставили своей целью предотвратить колониальный раздел страны, избавиться от иностранного присутствия и отстоять право на самобытность развития китайского общества. Секта «Ихэтуань» имела и другое название: «Кулак в защиту мира и справедливости», откуда и взялось английское название восстания. — *Примеч. пер.*

Но жители Шаошани знали обо всем этом крайне мало. В чайных домиках велись бытовые разговоры; те, кто умел читать, собирались у стоящих под навесами досок, где местные чиновники вывешивали обращения к народу. Через порт, расположенный в соседнем уезде Сянтань, проезжали торговцы из Кантона*, Чунцина и Ухани, делясь, как в средневековой Европе, последними слухами. Но эти доходившие до крестьян слухи о восстании ихэтуаней были слишком неопределенными, а о нависшей над Китаем угрозе простой народ и не подозревал. Даже о последовавшей в 1908 году смерти императора в деревнях узнали лишь два года спустя.

Первое представление о серьезности стоящих перед страной проблем Мао получил, прочитав взятую у родственника книгу «Предупреждение старцу», написанную незадолго до японо-китайской войны шанхайским компрадором Чжэн Гуаньином. Автор настоятельно рекомендовал Китаю как можно быстрее вводить у себя последние технические достижения Запада. Телефон, пароход, железная дорога были выше понимания обычного деревенского жителя, не знакомого с электричеством и знавшего лишь силу собственных рук и тяглового скота. Описание заморских чудес разожгло воображение Мао, занятого в то время тяжким крестьянским трудом. Позже он согласится, что именно эта книга заставила его принять твердое решение продолжить свое обучение.

Чжэн Гуаньин резко осуждал отношение европейцев к китайцам в портовых городах. Он пламенно призывал к парламентской демократии, конституционной монархии, внедрению западных методов обучения, к реформам в области экономики.

И все же его идеи произвели на Мао куда меньшее впечатление, нежели попавшая в руки несколькими месяцами позже брошюра, где описывался процесс расчленения Китая европейскими странами. И через тридцать лет его память все еще хранила первую фразу: «Увы нам! Китай порабощен!» Брошюра рассказывала о японской оккупации Кореи и острова Тайвань, об утере империей своего влияния в Индокитае и Бирме. Читая, Мао испытывал те же чувства, что и миллионы молодых китайцев: «Будущее родины меня ужаснуло, я начал понимать, что помочь ей подняться на ноги — долг каждого».

Другим действенным для Мао фактором была набиравшая силу волна бандитизма и общественных беспорядков.

Предания «Речных заводей» о героических мятежниках Ляншаньбо, рассказы о тайных обществах, каравших зло и защищав-

* В современном Китае — г. Гуанчжоу. — *Примеч. пер.*

ших простой люд, привлекали Мао уже тогда, когда он еще только овладевал грамотой. Ими же зачитывались и шаошаньские одноклассники, пряча тоненькие книжечки под увесистыми томами классики в те моменты, когда рядом проходил учитель. Похождения любимых героев обсуждались со взрослыми, излюбленные страницы затирались до дыр, наизусть выучивались целые абзацы. Эти повествования оставили в душе Мао глубочайший след, и привязанность к ним он пронес через всю жизнь.

И все же куда более значимыми для формирования его взглядов были голодные бунты, начавшиеся в Чанша весной 1910 года. Годом раньше Янцзы дважды выходила из берегов, затопляя огромные площади рисовых полей в Хунани и Хубэе, причем последнее наводнение оказалось настолько внезапным, что «люди вынуждены были спасать свои жизни, не успев прихватить из дома даже одежду». Британский консул в Чанша, ссылаясь на подписанный обеими сторонами договор, опротестовал принятое губернатором провинции решение о сокращении вывоза риса в другие районы страны. К протесту присоединились многие местные помещики, видевшие в подступавшем голоде источник баснословных прибылей, — в начале апреля цена на рис повысилась в три раза. С мест губернатору слали сообщения, в которых говорилось о том, что «население вынуждено продавать детей и есть кору деревьев; обочины дорог завалены трупами, отмечаются случаи людоедства».

11 апреля покончили с собой жившие у Южных ворот города разносчик воды и его жена. Современник писал:

«С утра до вечера муж разносил по городу воду, жена и дети попрошайничали, и все же еды не хватало — слишком уж вздорожал рис. Однажды вечером бедная женщина обнаружила, что накормить детей в доме нечем. Тогда, сделав лепешки из глины, она со словами «Вот ваш ужин, испеките сами» протянула их малышам, после чего покончила с собой. Пришедший домой муж увидел, как дети пытаются поджарить в очаге потерявшие всякую форму комки. Лежавшая в углу жена оказалась мертвой. Мужу не оставалось ничего иного, как последовать за ней».

Распространившаяся по городу весть о самоубийстве подняла жителей на бунт. По воспоминаниям тогдашнего японского консула, он ничем не отличался от настоящей войны. Толпа у Южных ворот захватила начальника городской полиции и, возглавляемая несколькими помещиками-ксенофобами, начала громить принадлежавшую иностранцам собственность: вывозившую из города рис пароходную компанию, здания таможни, рели-

гиозные миссии, рассадники иноземной заразы — школы. К утру бунтовщики, число которых уже достигало 30 тысяч, вспомнив об обидчиках-соотечественниках, ринулись к дворцу губернатора, подожгли его и разрушили до основания. 17 зданий, имевших хотя бы какое-то отношение к заморским гостям, были снесены, а еще больше домов оказались серьезно изуродованными.

Реакция Европы не заставила себя ждать. Несмотря на то что ни один иностранец в беспорядках не пострадал, Британия сочла необходимым послать за своими подданными канонерки, а Соединенные Штаты объявили тревогу базировавшемуся в Амое Азиатскому флоту. За причиненный ущерб Китаю позже пришлось выплатить огромную компенсацию.

Однако наиболее впечатляюще действовали китайские власти. Правительство сняло губернатора провинции и убрало с постов нескольких его чиновников. Отдельных представителей местной знати, в их числе и двух литераторов, отмеченных за свои заслуги высокими званиями академиков, обвинили в подстрекательстве к беспорядкам и приговорили к «исключительно суровому наказанию», на деле означавшему нечто вроде снижения в ранге. Двоих же городских бедняков — парикмахера и лодочника — причислили к главарям бунтовщиков, выставили в плетеных из бамбука клетках для всеобщего обозрения на городской стене, а затем публично обезглавили. Головы их еще долго торчали на верхушках фонарных столбов.

Несколько дней Мао и его приятели не находили другой темы для разговоров:

«Происходившее произвело на меня глубокое впечатление. Товарищи по учебе симпатизировали «мятежникам», но лишь с позиций сторонних наблюдателей. Они не понимали, что стали очевидцами событий, непосредственно затрагивавших их собственные жизни. Все представлялось им интересным зрелищем, не более. Никогда этого не забуду. Было ощущение, что в толпе шли самые простые люди, мои родственники. Меня бесила несправедливость властей».

Через пару недель в небольшом городке Хуаши, что километрах в тридцати от Сянтани, произошел новый инцидент. Вспыхнула тяжба между местным влиятельным землевладельцем и членами общества «Гэлаохуэй» («Общество старших братьев»)* — тайной организации, имевшей отделения по всей Хунани и в соседних про-

* Тайное религиозное общество, созданное в XVIII в. для борьбы против маньчжурского владычества. В начале XX в. установило связь с революционными организациями Сунь Ятсена, приняло участие в революции 1911 года. — *Примеч. пер.*

винциях. За разрешением спора помещик обратился в суд и, будучи, по словам Мао, человеком состоятельным и со связями, просто купил благополучный исход дела. Но вместо того чтобы подчиниться решению суда, члены братства скрылись в горах Люшань, где превратили свой лагерь в настоящий бастион.

На головах «старших братьев» были желтые повязки, у каждого имелся треугольный желтый флаг. Провинциальные власти направили против них отряд, который взял казавшийся неприступным оплот и захватил трех человек, включая вожака, известного среди жителей как Мельник Пан. Под пыткой все трое признали, что прошли подготовку по методам и под магическими заклинаниями ихэтуаней — это должно было сделать их неуязвимыми для врага. Пана казнили — палач отрубил ему голову. В глазах учащейся молодежи, как напишет Мао, «он остался героем, потому что делу «братьев» сочувствовал каждый».

Но в то время взгляды Мао оставались все еще весьма нечеткими. Буквально на следующий год разразился новый голод — теперь уже нехватка риса ощущалась и в Шаошани. Отец Мао продолжал скупать зерно для перепродажи в городе, ухудшая тем самым ситуацию в родной деревне. Однажды разъяренные односельчане разграбили готовую к отправке партию. Отец пришел в бешенство, однако сын не принял его сторону, считая тем не менее, что «методы земляков тоже были ошибочными».

Решение о продолжении обучения, к чему так не лежала душа отца, начало наконец воплощаться в жизнь. Средняя школа находилась в соседнем уезде Сянсян, где проживали родственники матери. Созданное несколькими годами раньше заведение считалось передовым: в нем применялись заимствованные у Европы методы обучения. Принятие их на вооружение было со стороны цинского двора вынужденной уступкой обществу после восстания ихэтуаней. Открывшийся за пределами деревни мир поразил Мао:

«Никогда еще мне не приходилось видеть столько молодых людей в одном месте. Большинство были детьми помещиков, в хорошей и дорогой одежде. Я в своем единственном более или менее приличном облачении — брюках и куртке — рядом с ними выглядел чуть ли не нищим. Немного найдется крестьян, кому по карману было бы послать сына в такую школу. Преподаватели — в мантиях, и только «заморские дьяволы» — иностранцы — в настоящих костюмах».

Душаньская средняя школа высшей ступени, как официально она называлась, когда-то в прошлом была акаде-

мией литературы. Ее окружала высокая каменная стена с толстыми, покрытыми черным лаком воротами, в которые упирался белокаменный с балюстрадой мост, переброшенный через полный воды ров. Неподалеку на склоне холма стояла семиярусная пагода.

Пять месяцев обучения, проживания, питания и пользования библиотекой обходились Мао в 1400 медных монет (около одного серебряного доллара). Пребывание в такой школе считалось явной привилегией: обучение подобного уровня было тогда доступно едва ли одному ребенку из двух сотен. Долговязому и не блещущему хорошими манерами юноше из Шаошани, бывшему к тому же куда старше своих одноклассников, в чуждой ему атмосфере на первых порах приходилось весьма нелегко. Даже выговором Мао отличался от товарищей по учебе. «Большинство детей состоятельных родителей сторонились меня, потому что обычно я ходил на занятия в потрепанных штанах и такой же старой куртке, — вспоминал Мао. — Не по нраву однокашникам пришлось и то, что родом я был не из Сянсяна — я был чужаком... Душа ныла от тоски».

Мао потребовалась вся закаленная в столкновениях с отцом выдержка, чтобы пересилить окружавшую его враждебность, причем временами своим высокомерием и заносчивостью, упрямой убежденностью в собственной правоте он сам отталкивал от себя товарищей. Но и у него с течением времени появились друзья: Сяо Сань — молодой человек, ставший впоследствии известным писателем, публиковавшим свои произведения под именем Эми Сяо, и двоюродный брат, дальний родственник по линии матери, поступивший в школу годом раньше.

Проблемы в общении не помешали Мао прилежно заниматься. Учителя его любили. Довольно скоро они поняли, что этот нескладный парень отдает предпочтение наукам гуманитарным, к примеру, истории. Мао прочитал все, что мог достать, о двух великих династиях — Цинь и Хань, переживших свой расцвет в период зарождения христианства. Он научился писать классические по форме эссе и не только почувствовал, но и пронес через всю жизнь вкус к поэзии. Спустя четверть века Мао все еще помнил слова так любимой учителем музыки японской песни, посвященной победе в русско-японской войне:

Ликуют и поют гимн птахи
Весенней зелени в полях,
Гранат цветущий пламенем объят,
У ивы листья как из изумрудов.
Чем не картина?

* * *

В глазах молодежи, реформаторов и интеллектуалов, видевших спасение родины в восприятии опыта соседней страны, распахнувшей свои ворота иностранным идеям после реставрации Мэйдзи*, Япония была примером. Поражение Китая в японо-китайской войне 1894–1895 годов продемонстрировало слабость империи, а десятью годами позже победа Японии над Россией доказала, что Азия ничуть не уступает Европе. Для Китая эта победа имела особое значение — ведь теперь Маньчжурия оказалась во власти японцев. Самым же весомым для поколения Мао был тот факт, что желтая раса в состоянии одерживать верх над белой.

«В то время, — говорил позже Мао, — я явственно осознавал и чувствовал красоту Японии, а в песне о военной победе над Россией слышал ее гордость и мощь».

С начала 90-х годов XIX века влекомые тягой к образованию на западный лад в Японию устремились многие тысячи молодых китайцев. Наиболее авторитетными из них были Кан Ювэй и Лян Цичао, ставшие позже архитекторами неудавшихся реформ императора Гуансюя и отправленные после их провала в ссылку. Главной заслугой Кан Ювэя можно считать попытку обновления конфуцианства — вместо набившего оскомину бесконечного оглядывания назад, в давно минувший «золотой век» развития китайского общества. Родившийся в Хунани Лян Цичао во главу угла ставил заимствованный у Дарвина тезис «Выживает сильнейший». Он убеждал китайское общество в том, что оно может стоять на равных рядом с другими странами только при условии коренной модернизации всей жизни.

Для китайской молодежи оба были идолами. От двоюродного брата Мао получил две книги, где обосновывалась необходимость реформ. Одна из них принадлежала перу Лян Цичао. «Я перечитывал их до тех пор, пока не выучил наизусть обе, — писал Мао впоследствии. — Кан Ювэй и Лян Цичао были моими богами».

Будучи уже семнадцатилетним юношей, Мао по-прежнему считал себя сторонником имперской системы правления: «Император и его чиновники казались мне самыми честными, мудрыми и порядочными людьми. Им не хватало лишь одного — реформ Кан Ювэя».

Но близились перемены.

---

* Буржуазная революция 1868 года в Японии, получившая в японской историографии название реставрации Мэйдзи. — *Примеч. пер.*

ГЛАВА 2

РЕВОЛЮЦИЯ

Примерно в полдень 9 октября 1911 года в доме китайского офицера, охранявшего территорию русской концессии в Ханькоу — главном торговом городе Центрального Китая, расположенном в двух днях пути от Чанша, — взорвалась самодельная бомба. Изготовивший ее Сунь У был молодым лидером группы «Вместе — вперед!», являвшейся частью тайного революционного общества «Тунмэнхуэй», которым руководил выходец из Кантона и антимонархист по убеждениям Сунь Ятсен.

Друзья укрыли Сунь У в безопасном японском госпитале. Однако полиция, обыскав его дом, обнаружила революционные флаги, прокламации и список активистов. Цинские власти арестовали 32 человека, и к утру следующего дня троих из них уже казнили. Маньчжурский наместник Жуйчжэн доложил в Пекин: «Сейчас повсюду уже... воцарились мир и спокойствие. Дело было раскрыто настолько быстро, что каких-либо волнений удалось избежать».

Но свершившаяся казнь имела роковые последствия. Среди расквартированных на противоположном берегу реки войск, состоявших из этнических китайцев, поползли разговоры, будто наместник собирается спровоцировать гонения на всех, в ком не течет маньчжурская кровь. К вечеру в инженерном батальоне вспыхнул мятеж. Отказавшиеся примкнуть к нему офицеры были убиты. К мятежникам присоединились сначала два пехотных полка, затем и артиллерийский. Самый упорный бой, в котором погибли несколько сот человек, разгорелся у дворца наместника. Охрану там несли пулеметчики. Ранним утром Жуйчжэн бежал на борту канонерки, оставив во власти мятежников город Учан. Годы революционной агитации принесли, наконец, свои плоды. Но победа досталась куда более высокой ценой, чем представлялось. На белых с красной каймой флагах мятежников четко выделялись иероглифы: «Син Хань, Ме Мань!» — «Возродим Хань, уничтожим маньчжуров!»

30-й полк маньчжурской армии фактически перестал существовать. После бойни начались погромы гражданского населения. Через три дня члены местной религиозной миссии насчитали на улицах города более восьмисот трупов маньчжуров, «возле одного только двора их было свалено в кучу около пятидесяти».

Повсюду висели листовки с призывами продолжить начатое. «Под игом пришедших с севера кочевников, — гово-

рилось в одной из них, — потомки священной династии Хань были вынуждены спать на хворосте и есть падаль». Другая пламенно призывала: «Маньчжуры правили нами, как тираны: жестоко и безрассудно, облагая непомерными поборами, разлучая семьи. Все помнят, что когда они впервые ступили на нашу землю, то вырезалось население целых городов, пощады не было даже детям... Для нас будет позором не отомстить за несчастья, выпавшие на долю предков. Пусть собратья повсюду поднимутся на помощь революционным силам, и мы стряхнем с себя кровопийц... Сегодня само Небо посылает нам эту счастливую возможность. Не воспользоваться ею сейчас означает вновь терпеть и терпеть. Доколе?»

Страны мира были весьма сдержанны в оценках. Лондонская «Таймс» сообщала, что большая часть китайской интеллигенции безоговорочно поддержала революцию, тут же лаконично добавляя: «Мало у кого найдется сочувствие к окружившей себя евнухами и другими варварскими пережитками продажной и изнеженной маньчжурской династии».

Современнику тех событий было трудно отдавать себе ясный отчет в том, что на его глазах творилась история, что мятеж в Учане являлся провозвестником кардинальных перемен, на пороге которых стояла древнейшая и самая многочисленная на земле нация. Никто и не пытался предсказать крах системы, без всяких изменений существовавшей с дохристианских времен, то есть намного дольше, чем любая другая в истории человеческой цивилизации. На протяжении еще нескольких недель Европа по привычке считала, что императорский дом выстоит и, как это уже неоднократно бывало в прошлом, усмирит мятеж.

Правда, несколько упали в цене банковские облигации китайского правительства, но финансовые биржи отнеслись к этому скорее благосклонно: торговавшим с Китаем бизнесменам понижение было на руку. Даже издававшиеся в Шанхае на английском языке газеты безжалостно сокращали первые заметки о революции, освобождая место для тех, кто писал про итальянские бомбардировки Триполи, про убийство в Новочеркасске князя Трубецкого, про болезнь девяностолетнего баварского регента Лютпольда, подхватившего на охоте простуду, или повествовал о «самой блестящей свадьбе года — между графом Перси и леди Гордон Леннокс, — состоявшейся в соборе Святого Петра на Итон-сквер».

Весь драматизм ситуации ощущался лишь в самом Пекине. Усилили охрану вокруг дворца наследника престола, улицы патрулировала императорская кавалерия. На маньчжур-

ские семьи провинция открыла настоящую охоту, а женщины-маньчжурки, забыв про сложные шпильки для волос и туфли на высоком каблуке, срочно примеряли традиционные костюмы китаянок.

Во время этих событий Мао находился в Чанша, куда прибыл шестью месяцами раньше на крошечном речном суденышке из Сянтаня. С собой он привез рекомендательное письмо своего учителя, который помог ему убедить отца в необходимости продолжить обучение.

Еще до своего отъезда Мао слышал, что Чанша представляет собой «прекрасный город с множеством жителей, бесчисленными школами и великолепным дворцом губернатора». И все же вид, открывшийся с борта пароходика, неторопливо спускавшегося по течению реки, превзошел все его ожидания. «Прямо из воды поднималась сложенная из благородного серого кирпича высокая стена, имевшая у основания не менее 50 футов толщины». Она тянулась вдоль берега примерно на две мили, а на водной глади перед нею покачивались сотни джонок. Вглубь стена с высившимися пятнадцатиметровыми башнями уходила миль на восемь, окружая город наподобие средневековой крепости; ширина ее была достаточной для того, чтобы рядом могли проехать трое всадников. В каждом квартале стену прорезали массивные ворота, находившиеся под охраной полиции: темно-синие тюрбаны, короткие военного покроя плащи с красными воротниками и широкими рукавами, просторные хлопчатобумажные штаны, схваченные поясом. Вооружение стражей составляли копья, алебарды, трезубцы, двуручные мечи, а также кремневые и фитильные мушкеты.

Пространство внутри стены являло собой скопище крытых серой черепицей крыш, прорезанное подобными темным туннелям узенькими улочками, ведшими к центру города. В воздухе стоял смрад от нечистот. За лишенными окон стенами дворов крылись роскошные, утопавшие в цветах особняки с элегантной черного дерева мебелью и редчайшими, писанными на шелке свитками. Были в городе и два конфуцианских храма под желтой черепицей, с тиковыми колоннами, окруженные древними кипарисовыми деревьями.

Торговый район днем превращался в огромный, крытый бамбуковыми циновками рынок: владельцы убирали легкие ставни своих лавок, над которыми на черном лаковом фоне были золотом выписаны манящие надписи, и зазывали покупателей.

Ни машин, ни велосипедов, ни рикш жители не знали. Люди состоятельные передвигались в паланкинах, а единственным видом пассажирского и грузового транспорта являлись одноколесные тачки. С утра до позднего вечера по городу слышался прон-

зительный визг их несмазанных осей: к джонкам на реке везли уголь, соль, сурьму, опиум, шутихи для фейерверков, ситцы, хлопок, лекарственные травы. Носильщики тащили бамбуковые коромысла с ведрами, полными воды из Песчаного источника, что находился у Южных ворот. На все лады расхваливали свой товар мелкие торговцы, поднимая невообразимый шум деревянными трещотками и медными колокольчиками. Продавец засахаренных фруктов мерно бил в небольшой гонг и с тягучим хунаньским акцентом гундосил: «Мои сласти помогут глухому, заставят плясать хромого и вернут зубы старику». То и дело на глаза попадались темно-синие халаты даосских монахов или шафранные тоги буддистов. На уличных обочинах сидели нищие, слепцы и калеки, вымаливая у домовладельцев подаяние обещаниями держаться подальше от их собственности.

Когда на город опускались сумерки, лавки закрывались. Благочестивые хозяева били три низких поклона: небу, земле, человеку и возжигали благовонные свечи, дым которых должен был отпугнуть приблизившихся ночью к двери злых духов. Стража запирала городские ворота на тяжелый, под силу лишь троим, деревянный брус. Дворец губернатора и несколько расположенных на речном острове домов, где жили иноземные консулы, освещались электричеством. Во всем остальном городе ночная тьма разгонялась редкими масляными фонарями. После того как закрывали и ворота, соединявшие меж собой городские кварталы, на улицах можно было услышать лишь сухой звук бамбуковой колотушки, в которую время от времени бил бдительный стражник.

Поначалу Мао не очень-то верил в то, что сможет остаться в городе: «Я был слишком потрясен, пугала мысль: меня сюда не допустят, не стать мне студентом этой прославленной школы». Однако, к его удивлению, никаких проблем не возникло. Шесть месяцев, проведенные в стенах учебного заведения, дали Мао куда больше в плане политического самообразования, нежели в области академических наук.

Антиманьчжурские настроения начали вызревать в Чанша еще во время голодных бунтов, за год до прибытия туда Мао. Стены домов были заклеены листовками тайных обществ, звавших ханьское население встать на борьбу с маньчжурами: «Повяжите головы белыми платками, берите в руки мечи... Все восемнадцать провинций родины должны быть возвращены потомкам легендарного Шэнь Нуна*! Поднимайтесь гнать маньчжуров!»

---

* Один из первых мифологических правителей Китая. Согласно преданиям, научил людей земледелию и врачеванию. — *Примеч. пер.*

Вскоре после приезда Мао по городу разнеслась весть об антиманьчжурском восстании в Кантоне. Его возглавил хунанец Хуан Син. В столкновениях с правительственными войсками погибли 72 человека. Мао прочитал об этом в местной газете «Миньли Бао» («Народная сила»), выступившей в поддержку восставших. Он впервые держал в руках настоящую газету и был поражен обилием в ней «вдохновляющего материала». Именно из нее Мао узнал о Сунь Ятсене и его обществе «Тунмэнхуэй», действовавшем в те годы из Японии. Осмыслив прочитанное, он решил написать листовку, ратующую за новое правительство, и предлагал Сунь Ятсена сделать президентом, Кан Ювэя — премьер-министром и Лян Цичао — министром иностранных дел. Позже Мао признался, что его толкнула к этому эмоциональность: двое последних были известны как убежденные конституционные монархисты и противники республиканского правительства. Однако само стремление к публичному выражению своих взглядов является достаточным свидетельством того, какие перемены произошли в молодом человеке после нескольких недель жизни в городе.

О том же, только еще более красноречиво, говорило и его отношение к косе. Учащиеся школы меж собой неоднократно посмеивались над одним из преподавателей, который во время пребывания в Японии отрезал свою косу, а теперь вынужден был носить накладную. Школьники прозвали его «дутый иностранец». Но очень скоро Мао и его приятель в знак протеста против маньчжуров сами избавились от косичек и втайне издевались над одноклассниками, обещавшими, однако так и не решившимися сделать то же. Подобное происходило и во многих школах Чаньша и Учана, приводя в ужас стойких традиционалистов, видевших в косе родительское благословение. Отрезать косу значило нарушить законы сыновней почтительности, причем в отношении не только собственных предков, но и правящей маньчжурской династии.

В апреле произошли два события, которые укрепили многих влиятельных хунаньцев в симпатиях к революционерам. Как ответ на требование сделать первый шаг в сторону конституционной монархии императорский двор объявил о назначении кабинета министров. Но, к негодованию реформаторов, почти все вакансии оказались занятыми отпрысками знатных маньчжурских семей. К тому же стало известно, что правительство намерено национализировать железнодорожные компании, а затем, используя иностранные займы, развернуть строительство новых дорог. Эти планы были восприняты как «распродажа страны». Ново-

сти, вспоминал Мао, «взбудоражили в школе всех», и когда в мае иностранные правительства подтвердили предоставление займов, во многих учебных заведениях начались забастовки. Вместе с одноклассниками Мао бегал слушать зажигательные речи старших товарищей. Митинги проводились за городскими стенами, под открытым небом. «До сих пор помню, — писал он, — как один из выступавших сорвал с себя длинный халат и призвал брать в руки оружие, готовиться к борьбе». Повсюду развешивались листовки, ситуация в целом накалилась настолько, что Британия и Япония послали к берегам Китая свои канонерки. К началу лета относительное спокойствие удалось восстановить, но в стенах школы исподволь вызревали антиманьчжурские настроения. Под видом литературных вечеров реформисты на своих собраниях обсуждали близящееся падение династии. В соседней Сычуани между тем полным ходом шло настоящее восстание.

В пятницу 13 октября с прибывшим пароходом в Чанша пришли первые неясные вести об Учанском мятеже. Пассажиры рассказывали о столкновениях между армейскими частями, несмолкающей стрельбе, о солдатах, заменивших белыми нарукавными повязками маньчжурские знаки различия. Однако кто с кем сражался и на чьей стороне перевес, понять было невозможно. В 1911 году главный город провинции Хунань с окружающим миром связывала единственная телеграфная линия на Ханькоу, а в тот самый день связь, как назло, прервалась. Даже в губернаторском дворце не знали, что на самом деле происходит.

16 октября на провинциальные банки был осуществлен ряд нападений, отразить которые стало возможным лишь после того, как губернатор выслал на помощь хорошо вооруженные отряды полиции. Занятия в учебных заведениях отменили. Бертрам Джайлс, британский консул, сообщал в Пекин: «Новости весьма скудны, по городу ходят самые дикие слухи, и обстановка далеко не спокойная». Вечером в порту пришвартовался пароход из Ханькоу. Тысяча его пассажиров быстро разнесла по городу вести об успехах восставших. На следующий день, как отмечал консул, «в городских настроениях ощущалась явная перемена».

Прибывшие на борту парохода посланцы из Учана должны были подтолкнуть к выступлению войска Хунаньского гарнизона. Один из революционеров зашел и в школу, где учился Мао:

«С согласия директора он произнес яркую речь, после которой в зале поднялись семь или восемь юношей, с гне-

вом заклеймивших маньчжурских правителей и призвавших установить в стране республику. Присутствовавшие ловили каждое слово...»

Через несколько дней вдохновленный услышанным Мао вместе с группой однокашников решил отправиться в Ханькоу, чтобы примкнуть к восставшим. Товарищи помогали собирать деньги на билеты. Но стремительно развивавшиеся события опередили планы молодых людей.

В то время как революционеры пытались закрепить свой успех, губернатор принял ответные меры. 49-й и 50-й полки правительственных войск, куда успели просочиться агитаторы, передислоцировали в отдаленные районы провинции. Оставшимся в казармах у Восточных ворот шестистам военнослужащим приказали сдать все оружие, а отряды пользовавшейся доверием губернатора полиции получили значительное подкрепление.

Первая попытка революционеров захватить вечером в среду город изнутри потерпела неудачу. У Восточных ворот неизвестные подожгли в конюшнях сено, после чего послышались требования открыть ворота для проезда пожарных. Соблюдавшая нейтралитет полиция отказалась сделать это. Однако в общей суматохе военнослужащим удалось овладеть зданием арсенала, где хранилось изъятое у них оружие, и предпринятая ими в воскресное утро новая вылазка имела уже совершенно иные последствия. Вот что вспоминал о том дне Мао:

«Я отправился за городские стены к знакомому солдату, чтобы выпросить у него армейские ботинки. У ворот меня остановили стражники. Вокруг все кипело... улицы полны военных. К городу приближались силы мятежников, и кое-где уже начались схватки. Бой разгорелся прямо за городскими воротами... Но восстание уже вспыхнуло и внутри стен, ворота осаждали толпы людей. Я поднялся на пригорок и оттуда наблюдал за событиями до тех пор, пока над дворцом губернатора не поднялся в небо флаг династии Хань».

Эти строки, безусловно, волнуют душу. К сожалению, в них так мало правды, что у читателя может возникнуть вполне простительное сомнение: неужели Мао и в самом деле видел описываемое собственными глазами? В действительности не было ни мятежников, ни боя, ни восстания в городе. Городские ворота никто не осаждал. Вот что сухо написал консул Джайлс: «В половину десятого утра мне сообщили, что в город вошли войска, к которым присоединилось некоторое количество представителей революционных сил. Все они направились к дворцу губернатора...

Придерживаясь нейтралитета, полиция отказалась открыть городские ворота, а охрана губернатора не оказала пришедшим никакого сопротивления. К двум часам пополудни город без единого выстрела перешел в руки революционеров, повсюду висели белые повстанческие флаги, улицы патрулировали солдаты с белыми повязками на рукавах. Охватившее всех утром волнение улеглось так же быстро, как и вспыхнуло».

Подобные расхождения лишний раз напоминают: опасно всецело полагаться на воспоминания очевидца событий, имевших место десятки лет назад. Однако не стоит и чрезмерно удивляться игре воображения: взволнованный юноша становился свидетелем переломных моментов в истории Китая; долгие годы спустя, уже став лидером страны, он вспоминал не столько то, что было, сколько свое видение происходившего.

Губернатору и его свите удалось бежать. А вот начальник полиции, которого солдаты обвинили в том, что по его приказу у них изъяли оружие, был обезглавлен у Восточных ворот. Нескольких офицеров казнили возле губернаторского дворца, так и оставив лежать на улице: тела — отдельно, головы — отдельно.

И в Учане, где вожди революционеров оказались неготовыми к разгрому мастерской Сунь У, и в Чанша, где их планы были сорваны контрмерами губернатора, основной действующей силой восставших являлись младшие офицеры и рядовой состав. Добившись победы, они оказались в тупике: кто будет возглавлять новый революционный порядок?

В Хубэе бригадный генерал Ли Юаньхун, первоначально выступавший против мятежа, неохотно согласился принять присягу в качестве военного губернатора. В тот же день он своим декретом изменил название страны: отныне она стала называться Китайской Республикой. Тогда Ли Юаньхун и не подозревал о том, что всего лишь через полгода он станет вице-президентом, а затем и главой государства.

В Чанша ситуация складывалась более запутанно. В первые же часы восстания военным губернатором был объявлен молодой вожак хуваньского отделения революционной группы «Вместе — вперед!» Цзяо Дафэн. Всю полноту гражданской власти получил Тань Янькай — один из лидеров местных реформаторов. Под дикие вопли прохожих Цзяо как мальчишка носился по улицам верхом на коне и завел немало знакомств в хуваньских тайных обществах.

Чтобы помочь военному губернатору консолидировать своих сторонников (и разделить сладкие плоды победы), ру-

ководители этих обществ прибыли в главный город провинции, методично превращая губернаторский дворец, по словам современника, «в подобие бандитского логова».

Но местная знать ждала от них вовсе не этого. Через четыре дня после восстания Джайлс сообщил в Пекин, что противоречия среди правящей группировки достигли той стадии, когда «рука тянется к пистолету или штыку». Послав преданные ему части на помощь восставшим в Учан, Цзяо совершил роковую ошибку. 31 октября неподалеку от Северных ворот попал в засаду и был обезглавлен его заместитель, после чего, как писал Джайлс, «в город ворвались солдаты, причем на пике одного из них торчала голова казненного. Они разыскали в губернаторском дворце Цзяо Дафэна и убили его». Двадцатипятилетний молодой человек пробыл в своей высокой должности всего девять дней.

Мао видел лежавшие на улице тела губернатора и его заместителя. Годы спустя он назовет их «неизбежными жертвами революции. Они вовсе не являлись плохими людьми и преследовали вполне революционные цели, а убитыми оказались потому, что были из бедняков и представляли интересы угнетенных. Землевладельцев и торговцев они явно не устраивали». На деле же все было далеко не так просто. Цзяо слишком недолго пробыл у власти, чтобы в городе сложилось хоть какое-то представление о политике, которой собирался придерживаться губернатор. При этом провинциальная элита видела в нем, безусловно, угрозу своему существованию. Принявший в тот же день присягу в качестве губернатора Тань Янькай, академик от литературы и выходец из знатного семейства, был, по сути, членом той же элиты.

Положение в Чанша, как и во всей долине реки Янцзы, оставалось весьма накаленным. Опубликованный от имени шестилетнего императора и выдержанный в патетических тонах эдикт гласил: «Вся Поднебесная империя не находит покоя. Умы людей смущены... Виноват в происходящем один я. Вот почему я объявляю миру о своей клятве реформировать общество... Солдаты и население... не несут никакой ответственности за события в Хубэе и Хунани. Если они останутся верными своему императору, я забуду о случившемся. Как человек маленький, но вознесенный над головами своих подданных, я вижу, что наше славное наследие уже почти повержено в прах. Признавая свою вину, я горько в ней раскаиваюсь».

В начале ноября по Гонконгу, будоража жителей, поползли слухи о том, что Пекин пал, а императорская семья

заключена под стражу. И хотя слухи не подтвердились, население столицы ощущало себя в осаде. На стены Запретного города взгромоздили пушки. Затем пришла с ходу опровергаемая весть, будто император бежал в Маньчжурию. Нет, империя еще сопротивлялась. Только четыре провинциальных центра находились в руках повстанцев. Преданные трону войска перешли под Ханькоу в контратаку и, применив немецкие зажигательные снаряды, дотла сожгли китайские кварталы города. Вскоре после этого отряды императорской гвардии заняли Нанкин. Замеченных на улицах мужчин-китайцев без косички казнили на месте. Студенты, подобно Мао ее отрезавшие, прятались кто где мог.

Когда соотношение сил замерло в неустойчивом равновесии, Мао внес коррективы в свои планы присоединения к армии. Студенчество приступило к созданию собственных вооруженных отрядов, но, поскольку их роль Мао представлял себе довольно смутно, он решил записаться в регулярные части. В то время так поступали многие. За первые недели революции только в Хунани в армию вступили более 50 тысяч человек. Принимая во внимание царившую в обществе неопределенность и то, что в Китае проигравший всегда испытывал на себе полную меру насилия победителя, такое решение молодого человека свидетельствовало об изрядном мужестве. Множество новых рекрутов отправлялось в Ханькоу, где позиции революционных сил подвергались наиболее яростным атакам правительственных войск. Местные бои иноземный наблюдатель описывал как «самые кровопролитные... из тех, что в то время велись. Столкновения длились по четыре дня кряду... Обе стороны были заняты настоящей резней». Даже для тех, кто, как и Мао, оставался в Чанша, жизнь в условиях военного времени оказывалась обескураживающе короткой. «Бесконечные уличные потасовки либо среди солдат, либо между ними и гражданским населением, — пишет Джайлс. — Какого-то мужчину, заподозренного в связях с маньчжурами, солдаты прямо на улице разорвали в клочья, а отрезанную голову принесли к дворцу губернатора. Другого привязали к деревянной раме и нашпиговали пулями».

Были подавлены несколько попыток мятежа, а однажды полк, в котором числился Мао, выставили против взбунтовавшихся частей. Высокопоставленный военачальник с сожалением признавал, что понятие дисциплины в войсках отсутствовало напрочь: «Сеять разруху у них почитается за доблесть, а неподчинение приказу является нормой поведения. Наглость означает равенство, принуждение — свободу». В пик наивысшего расцвета анар-

хии американская миссия в Пекине приказывала соотечественникам покинуть Хунань и не возвращаться туда до тех пор, пока ситуация не стабилизируется.

Часть, в которую записался Мао, была расквартирована в здании суда, располагавшегося в особняке бывшего провинциального собрания. Рекруты едва ли не с утра до вечера либо прислуживали своим офицерам, либо таскали воду из Песчаного источника у Южных ворот. Большинство были неграмотными, нищими попрошайками и полубандитами, армейская служба у них ассоциировалась с картинными позами военачальников из классической китайской оперы. Своей готовностью написать за товарища письмо родственникам Мао быстро завоевал популярность среди сослуживцев. «Мне приходилось читать кое-какие книги, — говорит он впоследствии, — и приятели до небес превозносили мою великую ученость». Здесь впервые в жизни Мао вплотную столкнулся с рабочими, причем двое из них — шахтер и слесарь — завоевали его особые симпатии.

Однако революционное рвение будущего вождя не выходило за известные пределы: «Я считал себя студентом, то есть человеком образованным, и не мог опуститься до того, чтобы таскать, подобно другим, воду». Этим другим Мао предпочитает платить за избавление от мало-мальски тяжелого или неприятного труда, демонстрируя ту самую «избранность», которую годы спустя он подверг беспощадному и всеуничтожающему бичеванию. В то время как многие из сослуживцев молились на месячное денежное содержание в два доллара, он получал семь полновесных серебряных. Остаток, после платы за еду и услуги по подноске воды, Мао тратил на покупку газет. В армии он стал дотошным читателем, и привычку эту сохранил до конца своих дней.

В начале декабря произошли события, знаменовавшие собой закат маньчжурского владычества в Китае. Императорские войска оставили свой последний оплот на юге страны — Нанкин. Следом за этим Юань Шикай, бывший наместник Чжили и главный военный советник на севере Китая, назначенный императорским двором в качестве временного премьер-министра, объявил о прекращении огня в Учане.

Чанша встретила эти новости широкой кампанией по избавлению от кос. Их отрезали насильно, во многих местах процедура осуществлялась войсками. Британский консул Джайлс был вне себя от благородного негодования: «Я выразил резкий протест властям, заявив, что первейшей задачей любого правительства является сохранение гражданского мира и спокойствия. Если же позволить солдатам безнаказанно оскорблять население, то

власть теряет право называть себя таковой и превращается в горстку обыкновенных анархистов».

Другой современник, наделенный более тонким чувством юмора, подметил в происходившем элементы фарса: «Фермеры и крестьяне подходили к городским воротам с корзинами риса и овощей, толкая перед собой тяжело груженные тележки. Из ворот на них набрасывались стражники и, выбрав жертву, волочили ее в сторону, чтобы острым мечом или грубыми ножницами отхватить косу. Для многих потеря лелеемой с детства косы означала то же, что и потеря руки. Люди падали на колени, умоляя стражу пощадить их достоинство. Одни вступали в драку с солдатами, другие пытались бежать... Не прошло и недели, как все городское население и даже жители многих деревень в Центральном Китае навсегда избавились от знака векового маньчжурского господства».

Какое-то время люди, привыкшие чутко реагировать на малейшие изменения господствовавших в политике ветров, прятали под головными уборами фальшивую косичку, готовые, если маньчжуры вернутся, тут же выпустить ее наружу. Однако этого не произошло.

1 января нового, 1912 года в Нанкине к присяге был торжественно приведен ветеран революционной борьбы доктор Сунь Ятсен, ставший первым в истории Китая президентом. Власти Чанша отметили это событие военным парадом: «Пели горны, реяли знамена, звучала музыка военных оркестров, ей вторили зычные солдатские голоса... Флагами была украшена каждая лавка: с витрин свисали красно-желто-красные полотнища». В городе поговаривали о необходимости послать экспедиционный корпус в Пекин — с тем, чтобы заставить Юань Шикая и всю северную милитаристскую верхушку признать Сунь Ятсена в качестве главы государства. Проходили массовые митинги, участники которых выступали против планов назначить Юань Шикая верховным правителем страны. Однако, по воспоминаниям Мао, «в то самое время, когда население Хунани готово уже было перейти к конкретным действиям, Сунь Ятсен и Юань Шикай сумели договориться, и война, казалось, неизбежная, так и не началась».

12 февраля император отказался от престола, а двумя днями позже Сунь Ятсен добровольно отдал сопернику свой пост.

В армии Мао оставался до весны. Непосильное бремя содержания революционных вооруженных сил вынудило власти принять решение о широкой демобилизации. «Посчитав, что революция закончилась, — сказал позже Мао, — я... намерился вновь вернуться к книгам. Солдатом я пробыл полгода».

ГЛАВА 3

ПОВЕЛИТЕЛИ ХАОСА

На несколько счастливых месяцев — после того как разжались цепкие объятия отошедшей в мир иной политической ортодоксальности — Китай полностью отдал себя во власть сладкого помешательства новыми модами, идеями, новым энтузиазмом и новыми надеждами. Ставший губернатором Хунани Тань Янькай считал себя либералом и выступал против как империализма, так и жесткого, централизованного контроля Пекина. По его инициативе в провинции был положен конец выращиванию опийного мака и запрещен ввоз опиума. В уездах открывались независимые суды. На время стала свободной пресса — к вящему неудовольствию британского консула, напуганного ее выпадами в адрес великих держав. Провинциальное правительство поощряло развитие местной промышленности, пыталось контролировать отток капиталов за пределы страны и втрое увеличило расходы на образование — за счет драконовских налогов на консервативные зажиточные семьи, считавшиеся заповедниками проманьчжурских настроений. «Новые школы появлялись так же быстро, как побеги бамбука после только что выпавшего дождя», — вспоминал Мао. Аналогию могли бы продолжить стремительно плодившиеся винные лавки, небольшие театры и бордели. Дух перемен ощущали даже жившие в Чанша иностранцы. «Пришедшие к власти деятели действительно хотят стать разумными правителями, — писал один из них, — и получается это у них пока неплохо».

Однако, как это всегда случается в моменты революционного переустройства общества, первые перемены носили чисто символический характер. Девочки-подростки стали взбивать волосы и появляться на публике без обязательных в прошлом провожатых. Их матери робко стучали в двери иноземных докторов и интересовались, можно ли как-то исправить изуродованные бинтованием* в детстве крошечные лиловые ступни. Отказавшись от кос, мужчины открыли для себя экзотический мир стриженых затылков. «Люди носят теперь котелки, широкополые шляпы, жокейские шапочки, словом, в ход идет все, — писал озадаченный очевидец. — Традици-

* В старом Китае девочкам туго бинтовали ступни: маленькая женская ступня называлась «лепестком лотоса» и считалась признаком утонченности и красоты. — *Примеч. пер.*

онные красные головные уборы с круглой застежкой революционное законодательство запретило, так как застежка эта при маньчжурах указывала на социальный статус ее обладателя. Фетровые шляпки и шляпы из парусины можно было видеть повсюду, и самое комичное зрелище представляла рота солдат, маршировавших под командованием офицера, на голове которого красовался высокий шелковый цилиндр».

Сама причудливость происходившего красноречиво свидетельствовала о глубинных переменах в настроениях общества. Огромное количество людей начало подвергать сомнениям веками складывавшиеся понятия морали и духовных ценностей. Медленно проникавшие в страну заморские веяния, напор которых сдерживали доселе преданные двору консерваторы, хлынули неудержимым потоком, готовя почву для небывалого в истории Китая интеллектуального скачка.

Для только что демобилизованного восемнадцатилетнего Мао это было время путаницы, поисков и безграничных возможностей; он с наивным оптимизмом молодости без оглядки бросился в водоворот событий.

«Я и сам не знал точно, чего мне хотелось. На глаза попалось объявление о приеме слушателей в школу полиции, и я решил записаться. Уже перед самым экзаменом прочитал где-то приглашение на работу в мыловарню: никакого обучения, жилье и зарплата. Это меня устраивало. К тому же там были слова о социальной значимости, о том, какой толчок даст мыловарение процветанию родины и благосостоянию каждого. Я тут же забыл про школу полиции.

К этому времени мой приятель уже успел стать студентом юридического колледжа и на все лады расхваливал свое заведение. Он сунул мне листок, где колледж обещал своим выпускникам головокружительную карьеру: после трех лет обучения юридическим премудростям их ждала прямая дорога в высшие сферы. Я написал домой письмо с подробным перечислением обещанного и попросил выслать денег на обучение...

Другой знакомый убеждал меня в том, что Китай находится в состоянии экономической войны со всем миром и что сейчас обществу прежде всего нужны грамотные экономисты, способные поднять промышленность страны. Заплатив доллар, я подал заявление и в его школу. Фактически меня туда уже приняли, но тут мне подвернулся плакат высшей школы коммерции. Соблазнившись перспективой превратиться в эксперта, я потратил еще один доллар — чтобы зарегистрироваться и там».

Высшая школа коммерции принесла разочарование. Отец Мао с радостью воспринял известие о том, что сын

наконец решил заняться чем-то дельным и выбрал себе многообещающую карьеру. Деньги на учебу были высланы незамедлительно. Однако посетив несколько занятий, Мао увидел, что почти все курсы читаются на английском — его же знание языка простиралось не далее алфавита. Через месяц он с отвращением покинул стены учебного заведения.

Следующим этапом стал Первый провинциальный колледж, довольно серьезная и уважаемая школа, специализировавшаяся на истории и китайской литературе. Мао блестяще сдал вступительные экзамены, и какое-то время ему казалось, что он нашел свое призвание. Но не прошло и нескольких месяцев, как он бросил занятия и здесь: учебные планы «слишком примитивны», а внутренний распорядок «отдает казармой». Решив заняться самообразованием, Мао всю осень и зиму 1912 года проводил в недавно открытой городской публичной библиотеке. По собственной оценке, он был тогда «весьма прилежным и сознательным учеником», приходил в читальный зал перед его открытием, а уходил едва ли не в полночь, когда библиотека закрывалась, делая крошечный перерыв на то, чтобы съесть две рисовых лепешки. Проведенное в библиотеке время много позже он назовет для себя «самым ценным». Отец его, однако, придерживался другого мнения и через полгода прекратил всякую финансовую помощь сыну.

Отсутствие денег подтолкнуло Мао к серьезным размышлениям. Как и многие поколения студентов, он основательно задумывался над карьерой и остановил свой выбор на поприще педагога. Весной 1913 года в газете ему попалось объявление Хунаньского педагогического колледжа.

«Я с интересом прочитал условия: никакой платы за обучение, очень недорогое проживание и стол. Двое приятелей убеждали меня попробовать. К тому же им нужна была моя помощь в написании сочинения для вступительных экзаменов. Я написал о своих намерениях домой и заручился согласием родителей, после чего сел за сочинения: два для друзей, одно для себя. Зачислили нас всех троих, или, точнее говоря, я был зачислен как бы трижды... Благодарение Небу, позже мне удалось избежать соблазнов новых объявлений».

Почти восемь лет, которые Мао провел в Чанша, были богатыми на события как для Китая, так и для мира в целом. Европейские страны раздирала междоусобная война, в России, где царское правительство наращивало продажу пшеницы за рубеж, умирали от голода 30 миллионов крестьян. В результате большевистской революции к власти впервые в мире пришел коммунистический

режим. Открылось судоходство по Панамскому каналу, затонул «Титаник», была разоблачена немецкая шпионка — известная танцовщица Мата Хари. В эти годы Мао активно работал над собой.

Еще будучи школьником в Дуншани, Мао почерпнул первые сведения об истории и географии зарубежных стран. Из книги одноклассницы «Великие люди мира» он узнал о Джордже Вашингтоне и американской революции, о наполеоновских войнах, Аврааме Линкольне и борьбе против рабства, ему стали известны имена Руссо и Монтескьё, Уильяма Гладстона, Петра Первого и Екатерины Великой. Позже в провинциальной библиотеке он нашел книги европейских мыслителей, рассуждавших о понятиях суверенитета, общественного договора, о равенстве. Мао читал работы Адама Смита, Дарвина, Томаса Хаксли, Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера. В ходе длившегося полгода «изучения капитализма» он познакомился с иностранной поэзией и драматургией, мифами Древней Греции и Древнего Рима. В той же библиотеке он впервые в жизни увидел карту мира.

Еще в Первом провинциальном колледже преподаватель рекомендовал Мао прочесть «Цзычжи тунцзянь», или «Зерцало истины в помощь правителю», — трактат Сыма Гуана, относившийся к эпохе династии Сун. Поколения китайских ученых почитали это произведение литературным и историческим шедевром. В дни Мао, почти тысячелетие спустя, трактат все еще не утратил своей политической актуальности. В точном хронологическом порядке он представлял широкую панораму событий, сопутствовавших взлетам и падениям династий на протяжении 1400 лет начиная с V века до новой эры. Основная идея автора лучше всего выражена словами, начинающими излюбленный Мао классический роман «Троецарствие»: «Империи крепнут и приходят в упадок; страны удаляются друг от друга и соединяются вновь». Французский монах-иезуит писал в XVIII веке об авторе трактата: «Яркие личности, которые он выводит на подмостки истории, характеризуют себя сами — своими деяниями, умом, интересами, своими взглядами, достоинствами и недостатками... Он распутывает перед читателем сложный клубок событий, освещая те или иные их стороны так, что даже самые смутные и отдаленные становятся ясными и понятными. Его гений представляет нам Историю во всем ее блеске; убедительный голос давно минувших дней завораживает душу». Сыма Гуан видел мир в бесконечном многообразии его движения, где единственной неизменной вещью остается лишь история, а ключи к пониманию и решению сегодняшних проблем могут быть

найдены только в прошлом. Эти отличительные черты «Зерцала» оказали на Мао воздействие, под которым он останется до конца жизни, перечитывая книгу вновь и вновь.

В Чанша Мао получил представление и о современных направлениях развития общественной мысли. Читая в 1912 году номер «Сянцзян жибао», он впервые натолкнулся на термин «социализм», а чуть позднее ему в руки попали брошюры Цзян Канху, адвоката прогрессивных взглядов, находившегося под сильным влиянием живших в Париже китайских анархистов. Брошюры произвели на Мао впечатление, он с энтузиазмом писал о прочитанном товарищам, но лишь один из них в ответном письме разделил его восторги.

И все же наиболее значимыми для Мао были пять лет обучения, его, так сказать, университеты. Политические взгляды будущего лидера обрели конкретику и стали еще более четкими. На подготовительное отделение педагогического колледжа Мао был зачислен весной 1913 года, через несколько месяцев после девятнадцатилетия. Годом позже его колледж слился с другим, расположенным на территории Литературной академии XII века, что находилась за Южными воротами. В распоряжении нового учебного заведения оказался хорошо оборудованный студенческий городок и заново отстроенные в центре Чанша современные, в европейском стиле, учебные корпуса.

Важную роль в формировании взглядов Мао играли двое профессоров: преподававший китайский язык и литературу Юань Цзилю, прозванный студентами Юань Бородатый, и Ян Чанцзи, декан философского факультета, более известный в колледже как Конфуций. Последний провел десять лет жизни за границей, обучаясь в Абердине, Берлине и Токио. Когда в 30-х годах Мао делился с Эдгаром Сноу воспоминаниями о годах учебы, первыми из своих преподавателей он вспомнил этих двоих:

«Юань Бородатый издевался над моими письменными работами и называл их «газетными статейками». Мне пришлось сменить свой стиль. Я изучал труды по языкознанию и осваивал классическую фразеологию. Благодаря ему я, если потребуется, могу и сегодня написать приличное эссе... Но самое сильное впечатление произвела на меня личность Ян Чанцзи, идеалиста по натуре и человека высочайших моральных качеств. Этика была его религией, он и студентам своим без устали прививал стремление стать справедливыми, добродетельными людьми, несущими благо своему обществу. Он заставил меня прочесть книгу Фридриха Паульсена о неокантианстве и подтолкнул к написанию студенческой работы под названием «Сила разума». В те годы я и сам был идеалистом, а работу мою Конфуций оценил высшим баллом».

Студенческое сочинение где-то затерялось, зато остались пометки на полях переведенной на китайский язык «Системы этики» Паульсена — более 12 тысяч слов микроскопическим, едва читаемым почерком. Суть пометок сводилась к трем основным идеям, занимавшим помыслы Мао на протяжении всей его политической карьеры: необходимость сильного государства с жестко централизованной властью, безусловная доминанта личной воли и вопрос взаимоотношений между китайским и западным менталитетом.

О сильном государстве и мудром правителе речь шла в конфуцианских текстах, которые Мао заучивал наизусть еще ребенком. Эта мысль стала стержнем его школьного сочинения о Шан Яне, известном чиновнике древнего царства Цинь, существовавшего в IV веке до Рождества Христова. К тому же Шан Ян являлся одним из основоположников философской школы легистов, или «законников». Закон, как провозглашал в сочинении Мао, это «инструмент, обеспечивающий народу процветание». К сожалению, законотворчество светлых разумом правителей часто сводилось на нет «скудоумием, невежеством и темнотой масс», чье неприятие каких-либо перемен «поставило Китай на грань самоуничтожения». Подобное «отношение к просвещенной мудрости у более цивилизованных народов вызвало бы хохот», — писал Мао-школьник. Сочинение настолько понравилось учителю, что он зачитал его всему классу.

В те годы характерной для литературных опытов Мао была тема отсталости китайского общества. «В будущем страну ожидают проблемы, тысячекратно превосходящие те, что стояли перед предками, — говорил он одному из друзей, — и для их разрешения потребуются самые незаурядные способности, а у китайцев рабская психология и поразительная узость мышления». За более чем пятитысячелетнюю историю своей цивилизации «наш народ накопил множество вредных традиций, склад его ума архаичен, мораль низка... Чтобы вымести весь этот сор, необходимы титанические усилия...»

То, что Китай под давлением великих держав из года в год все очевиднее сдавал свои позиции, лишь усиливало пессимизм Мао. 7 мая 1915 года Япония направила Юань Шикаю ультиматум — «21 требование», где речь фактически шла о японском протекторате, в том числе над провинцией Шаньдун, бывшей сферой влияния Германии, и, совместно с царским правительством России, — над Маньчжурией. Мао назвал эту дату «днем национального позора». Призвав студентов колледжа поддержать протест правительства, он дал выход своим чувствам в стихотворении, написанном несколькими днями позже:

Вновь и вновь строят варвары козни,
Рвутся к нам из-за гор, не пугаясь и тысячи ли...
Жизнь и смерть не стоят раздумий —
Ведь война у порога, беги от нее — не беги...
Острова на востоке — дом злых дикарей,
Горы к северу — логово хищных зверей.

«Острова на востоке» означали Японию, «горы к северу» — Россию, а «дикари» внушали куда больший страх, чем «звери». «Без войны, — писал Мао год спустя, — через двадцать лет мы как нация перестанем существовать. Но люди предпочитают спать, совершенно не думая о том, что происходит на Востоке. В моем понимании у нынешнего поколения нет более важного вопроса... Необходимо мобилизовать все ресурсы на отпор Японии».

Первая попытка Мао помочь стране излечить застарелую болезнь была абсолютно прагматичной. В начале 1917 года прогрессивный журнал «Синь циннянь» («Новая молодежь») напечатал его заметку на тему физического здоровья современников:

«Нашей нации нужна сила; ее воинственный дух ослабевает. Мускулы мужчин день ото дня становятся все более дряблыми... С телами, подобными тряпкам, мы обратимся в бегство уже только при виде противника. Как же в таком случае нам достичь своих целей, насколько действенное влияние окажем мы на соседей?»

Но мысль не нова. Тремя годами ранее на лекциях по философии профессор Ян Чанцзи обращался к своей аудитории почти с теми же словами. Ввести в китайских школах занятия спортом или хотя бы физкультурой пытались еще при Цинах, в ходе последовавших за восстанием ихэтуаней реформ.

Проблема, как писал Мао, заключалась в том, что предпринимавшиеся усилия не пользовались у молодежи поддержкой. Традиции всегда превозносили достижения в сфере духовной, идеи же совершенства физического были чужды обществу:

«Физические упражнения студенты считают унизительными... Свободные одежды, плавная и медленная походка, спокойный, исполненный достоинства взгляд — вот что создавало облик пользовавшегося уважением человека. Зачем ему вытягивать руку или ногу? Нагибаться и распрямляться?

Человека порядочного отличают хорошие манеры, а дерганье частями тела к ним не относится. Спорт — занятие грубое и низкое. Взобраться на спину лошади и размахивать руками? Сотрясать воплями горы и небеса? Примитивно, оскорбительно и

очень далеко от утонченности и настоящей культуры. Чтобы достичь чего-то в спорте, человек должен превратиться в животное...»

А чтобы еще сильнее уколоть изнеженных соотечественников, Мао предлагал все занятия спортом проводить без одежды, нагишом.

Опубликованная в апреле 1917 года заметка представляла интерес не только как проба пера по вопросу будущего страны, она таила в себе и второй красугольный камень мировоззренческой позиции Мао — приоритет несгибаемой воли:

«При недостатке твердой решимости действовать нам не помогут и объективно благоприятные внешние условия. Вот почему... необходимо пестовать личность инициативную. Вперед и вверх человека влечет только воля». Осенью Мао развивал свою мысль: «Воля — это та истина, которую мы постигаем об окружающем мире. Утвердить свою волю далеко не просто». Каждый должен открыть для себя собственную истину и «поступать в соответствии с ней — вместо того чтобы бездумно принимать чужие понятия о добре и зле». Через несколько месяцев в разговоре с друзьями он бросил фразу: «Если слить воедино умственные и физические возможности, то для человека не остается недостижимого».

Очень скоро в рассуждениях Мао начали слышаться отголоски западной концепции индивидуализма: «На первый план, безусловно, выходит личность... Общество создали индивидуумы, а не наоборот, и в основе его функционирования лежит самовыражение личности. Значимость своего «я» — неотъемлемая черта человека и его абсолютная ценность. Поэтому нет более тяжкого преступления, чем подавление воли. Каждый поступок служит единственной цели самовыражения личности, этой же целью определяется и мораль».

Главенство «силы воли и силы разума» поддерживалось в сознании Мао и действиями его излюбленных исторических героев: «Все великие и могущественные люди были представителями своей эпохи, а сама эпоха являлась для них лишь инструментом достижения поставленных целей. Личности незаурядные развивают в себе лучшие, сильнейшие стороны своей натуры... Воля сметает с пути все препятствия и барьеры... Деяния героев представляют собой концентрированное выражение их побудительных мотивов, дающих толчок необоримой и всесочищающей силе, которой не нужна никакая поддержка. Ее можно уподобить свежему ветру, вырвавшемуся из горных теснин, или страсти истомившегося любовника. Остановить эту силу невозможно, для нее не существует преград. Такими были все великие полководцы древности. Недаром говорят, что воин, презирающий смерть,

сильнее сотни врагов. Военачальника роднит с мудрецом одно: сила духа».

Герой, в видении Мао, всегда находится в состоянии войны с миром, где порядок вечно перетекает в хаос, из которого рождается новый порядок. Небо и земля пребывают в постоянном движении. Общественная мысль не может существовать без борьбы. Люди стремятся к покою, но покой несет с собой скуку:

«Продолжительный мир, мир без всяких признаков беспорядка, был бы невыносим... ведь совершенно естественно, что даже в спокойном море зарождаются волны... Я уверен: ступи мы в эру Великой гармонии, дух соперничества и взаимные трения рано или поздно взорвут ее... Человек всегда ненавидел хаос, не давая себе отчета в том, что хаос — это часть естественного исторического процесса, имеющая свою безусловную ценность. Почему людям так нравится читать о катаклизмах, о великих свершениях? Когда же речь заходит о мире, они откладывают книгу прочь...»

Фоном для этих размышлений Мао служило его все углубляющееся осознание противоречий между впитанными с молоком матери традициями и новыми для Китая притягательными идеями Запада.

Поначалу Мао просто заимствовал взгляды Кан Ювэя и других реформаторов ушедшего столетия. «Я понял, что дорога к знаниям хотя и ведет на Запад, но начинается в Китае. Сначала нужно заложить основы, а потом уже выбирать специализацию, — писал он в июне 1915 года, чуть позже добавляя: — Прежде всего требуется сопоставить Китай со странами Запада и выбрать у них то, что может принести пользу у нас. Прочитав взятую у приятеля книгу Спенсера «Принципы социологии», я сказал себе: вот то, что мне нужно. Однако было и нечто более важное — изучение Китая. Огромную значимость имеют и отечественные исследования. Наши люди в первую очередь нуждаются в знаниях о Китае».

Почти во всех своих трудах Мао в противовес Западу отдавал предпочтение китайскому опыту. Перенос заморских идей на местную почву всегда сопровождался их китаизацией, и принципу этому Мао не изменит никогда.

Но в 1917 году вопрос о превосходстве классического китайского миропонимания вызывал у него сомнения. Накопленная за тысячелетия мудрость была «плохо организована и бессистемна, вот почему на протяжении многих поколений мы не смогли добиться прогресса. Другое дело — труды европейских исследователей, чьи дефиниции прозрачны и ясны, как чистые струи падающей с утеса воды». Однако уже через несколько не-

дель категоричность пропала: «...по-моему, идеи Запада не всегда бесспорно верны. Многое в них нуждается в переосмыслении».

На какое-то время Мао удовлетворился почерпнутым у Паульсена объяснением феномена: «Все нации неизбежно проходят период старения и упадка. Рано или поздно традиции начинают тормозить силы обновления и подавляют современность». Именно так обстоит дело в Китае, решил Мао и сказал другу, что всю прозу с поэзией двух династий, Тан и Сун, следует собрать и сжечь. «Революция — это не обязательно войска и стрельба, это, скорее, замена старого новым».

Однако уничтожить классическое наследие как таковое Мао не предлагал. У кого же поднимется рука на классику? Слому подлежали лишь мертвые, окаменевшие наслоения, а на расчищенной почве во всем величии вновь расцветет самобытная китайская культура.

Начало второго десятилетия нового века оставляло мало надежд на скорейшее возрождение нации. Синьхайская революция 1911 года, по традиционному летосчислению считавшегося годом амбициозной Железной свиньи, ограничилась лишь свержением маньчжурской династии.

В Хунани сторонники реформ с самого начала подозревали, что создаваемый Юань Шикаем государственный аппарат явится слепком со старой цинской бюрократии. Провинциальное правительство во главе с Тань Янькаем предпочло поддержать Гоминьдан — националистическую партию Сунь Ятсена, одержавшую зимой 1912 года убедительную победу в парламентских выборах. Неразборчивый в средствах Юань Шикай подтверждал худшие опасения общественности. В Хунани ему удалось заменить либерального Таня на преданного пекинской верхушке консерватора Тан Сянмина. Вскоре после этого указ президента запретил в Китае деятельность «провоцирующей политическую нестабильность общества» партии Гоминьдан.

Эти интриги и закулисные политические маневры вряд ли произвели сколь-нибудь серьезное впечатление на молодого человека, уже успевшего побывать свидетелем падения династии. Куда более запомнился Мао взрыв складов вооружения в Чанша — да и то лишь в силу зрелищности события. «Пламя полыхало вполнеба, и поглазеть на него сбежались толпы студентов. С треском рвались снаряды и патроны, тут и там ярко вспыхивал порох — никакой фейерверк не сравнится». Тот факт, что склады были взорваны сторонниками Юань Шикая с целью лишить жителей Хунани возможности взять в руки оружие, Мао обошел молчанием.

Пять последующих лет он почти безраздельно отдал учебе, политика явно уходила на второй план. О ней Мао вспомнил лишь тогда, когда вопрос затронул интересы молодежи всей страны. Так было весной 1915 года, когда Юань Шикай принял «21 требование» японцев, и зимой — во время безуспешной попытки восстановить монархию. В том году Мао вступил в общество Ван Фучжи — патриота-хуманьца, боровшегося против маньчжуров во времена династии Мин. На собраниях члены общества обсуждали планы противодействия имперским амбициям Юань Шикая. Помогал Мао и публикации «Горьких слов о текущем моменте», так назывались статьи Лян Цичао, направленные против возвращения к монархии. Выход их в свет настолько разозлил местные власти, что для разбирательства в колледж была направлена полиция.

В конце декабря 1915 года Юань Шикай, выбрав тронное имя Хунсянь, провозгласил себя императором. Это вызвало взрыв возмущения военных губернаторов Юньнани, Гуандуна, Чжэцзяна и Цзянси. Уже весной новый император изъявил готовность вновь превратиться в президента, но было уже поздно. С юга подступали войска, в воздухе витал запах крови. 4 июня, в самом преддверии гражданской войны, Юань Шикай умер от кровоизлияния в мозг, а его генералы спешно бросились в Пекин решать проблему преемника. Их отъезд нарушил хрупкое равновесие, позволявшее Тану удерживаться у власти. Уже через месяц переодетый крестьянином губернатор бежал из своего дворца на борт британского парохода, направлявшегося в Ханькоу. Вместе с ним из провинциальной казны исчезли 700 тысяч долларов.

За бегством Тана последовали две недели кровопролитных беспорядков в Чанша, где погибли не менее тысячи человек. Смута сменилась затяжным политическим хаосом — неизбежным спутником дележа власти между противоборствующими группировками.

Мао пешком отправился в Шаошань. В отправленном накануне из Чанша письме однокласснику, младшему брату Эми Сяо, он рассказывал, как войска из северных провинций — «...толпы грубых мужланов, спустившихся с гор и напоминавших манерами и речью диких животных, приставали на улицах к прохожим, ели в ресторанах и уходили, не заплатив ни гроша, резались на углах в азартные игры. Город стонал от дебоширов, вокруг — бесовщина и террор...»

Отвращение к бесчинствам вполне понятно, куда большее удивление вызывает то, что Мао не скрывал симпатий к пользовавшемуся всеобщей ненавистью губернатору.

3 Зак. 1137

У Мясника Тана, как его прозвали жители, руки действительно были по локоть в крови. Он пришел к власти, взяв на себя обязательство искоренить в провинции всякое влияние Гоминьдана, и с первых же дней со всей ревностью принялся выполнять обещанное.

Шестнадцать членов правительства Тань Янькая были расстреляны на городском стадионе, а всего за три года новый губернатор расправился более чем с пятью тысячами своих политических противников. Власть Тан Сянмин утверждал железной рукой, а в Китае того времени это была не просто метафора. Вот как, по воспоминаниям французского миссионера, поступили с тремя воришками, одному из которых было всего семнадцать лет:

«Чтобы заставить пойманных назвать имена сообщников, судья приказал поставить всех троих коленями на битую черепицу, затем взял дымящуюся свечу для благовоний и стал тыкать ею в глаза и ноздри несчастных. Когда это ему наскучило, он принялся той же свечой чертить иероглифы на их обнаженных телах, после чего начались пытки раскаленным железом. По окончании судебного разбирательства в истерзанных телах не оставалось ничего человеческого».

Но методы Мясника Тана превосходили даже эту средневековую жестокость. Специальные полицейские части с утра до вечера были заняты выявлением сторонников Гоминьдана. Урезав расходы на образование, власти закрыли множество учебных заведений. Те же, что продолжали функционировать, находились под бдительным надзором. Закрывались и газеты, позволявшие себе критику в адрес губернатора, а с введением в 1916 году цензуры немногие оставшиеся частенько выходили с белыми квадратами снятых статей. «На улицах полно шпиков, и люди предпочитают молчать, как цикады зимой, — писал журналист. — Опасаясь доноса, они избегают говорить на злободневные темы».

Обо всем этом Мао знал. Его колледж тоже был вынужден распустить своих студентов. И тем не менее в письме другу Мао упрямо защищал действия губернатора:

«Я по-прежнему считаю, что Тан был на своем месте. Его снятие — вопиющая несправедливость, и ситуация сейчас становится все более неуправляемой. Почему несправедливость? Тан три года управлял провинцией, опираясь на строжайшие законы. Благодаря ему у нас воцарился покой. Фактически вернулись старые времена умиротворения и порядка. Восстановлена дисциплина в армии. Прохожий, потерявший на улицах Чанша кошелек, находил его через день лежащим на том же месте. Даже город-

ские собаки чувствовали себя защищенными... О своей невиновности Тан мог бы смело заявить на весь мир. Сейчас же чиновничество чинит настоящий произвол... Поразительные дела творятся в Хунани!»

Эти слова позволяют заглянуть глубже в душу двадцатидвухлетнего молодого человека. Записавшись в 1911 году в ряды революционной армии, он поступил так же, как и многие тысячи сверстников. Ныне же, напрочь отвергнув общественное мнение, Мао стал на сторону одиозного политического авантюриста. «Боюсь накликать беду на свою голову, — писал он далее. — Никому не показывай это письмо. Будет лучше всего, если ты его сожжешь».

Свою оценку Тан Сянмина Мао позже изменил. Но метод анализа ситуации, когда делался упор на главное (в данном случае — поддержание законности и порядка), а второстепенное (жестокость) отбрасывалось, этот метод определил его отношение к политике на всю жизнь. В юношеской защите авторитаризма легко увидеть корни будущей беспощадности:

«Убийство Таном более десяти тысяч человек — это неизбежная жертва политике. А разве от руки генерала Фэн Гочжана в Нанкине пало меньше? Кто-то считает, что Тан манипулировал общественным мнением, заискивал перед Юань Шикаем и расправлялся с достойными людьми. Но ведь подобное у нас считается нормой. Любая иная линия поведения не обеспечивала защиты нации. Те, кто видит в действиях губернатора Хунани одни преступления, не в состоянии понять всю его стратегию».

Нечто похожее Мао высказывал четырьмя годами раньше, превознося решительность Шан Яна, «жестоко каравшего злой умысел и неподчинение». Теперь он уже полагал, что убийство политического противника — дело не только оправданное, но и неизбежное.

Одобрение жесткого курса Тан Сянмина и несогласие со взглядами прогрессивно настроенных хуаньцев свидетельствовали о том отвращении, которое питал Мао к непрекращающимся склокам между местными политиками. По схожим причинам он симпатизировал и Юань Шикаю. В то время как другие презирали неудавшегося императора, называя его предателем родины, Мао считал Юань Шикая одной из трех наиболее значимых фигур на политической сцене — наряду с Сунь Ятсеном и Кан Ювэем. И лишь через полтора года, зимой 1917-го, когда общество вновь стояло на грани гражданской войны, Мао признал, что оба его бывших кумира являлись обычными тиранами, которых погубила собственная власть.

* * *

Учеба в колледже между тем продолжалась. Неловкий юноша, прятавший свои страхи и сомнения за маской показной бравады, превращался в приятного, уверенного молодого человека, которому друзья и преподаватели прочили карьеру блестящего педагога.

Перемена происходила медленно. Как и в Дуншани, Мао потребовалось около года, чтобы освоиться в новом коллективе окончательно. Ставший его ближайшим другом Сяо Юй так описывал их знакомство: «В то время я был студентом-старшекурсником, и подойти ко мне первым Мао не решался. Из небольших студенческих эссе, в изобилии развешанных по стенам аудиторий, мы имели некоторое представление о взглядах и идеях друг друга. Между нами зародилась едва осознаваемая симпатия. Через несколько месяцев мы столкнулись в пустом коридоре. Мао остановился напротив меня: «Приветствую вас, мистер Сяо». В стенах колледжа студенты могли общаться друг с другом только на английском. «Какой номер у вашего кабинета? — Естественно, это было ему известно, и вопрос служил просто предлогом начать разговор. — Я хотел бы после занятий зайти посмотреть ваши статьи, если только вы не будете против...»

Лекции заканчивались в четыре, а около пяти мы уже наслаждались нашей первой беседой. На прощание Мао сказал, что хотел бы встретиться и завтра. Взяв пару моих литературных очерков, он отвесил глубокий поклон и вышел. Он вообще был в высшей степени вежливым и, приходя ко мне, всегда кланялся».

В те годы Мао занимается усиленными поисками родственных душ. «Герой-одиночка достигает успеха только в древних мифах, — писал он в 1915 году. — Выбор друга — едва ли не самое главное в жизни». По учебным заведениям города Мао распространял листовки, приглашая патриотически настроенную молодежь связаться с ним. Ему требовались «крепкие и решительные люди, готовые ради родины на жертвы». Подписана листовка была псевдонимом «21 черта» — из них состояли три иероглифа его имени.

Руководство женского педагогического колледжа, усмотрев в этом обращении Мао скрытую попытку найти себе сожительницу, объявило об организации расследования. Но в мыслях молодого человека не было абсолютно ничего фривольного. «Я всего лишь подражал птахам, которые подают голос в надежде услышать ответный. В наши дни отсутствие у человека друзей говорит об узости его взглядов», — делился он с Сяо Юем.

Через двадцать лет Мао сказал Эдгару Сноу, что получил на свое обращение три с половиной ответа: три от мо-

лодых людей, позже оказавшихся «предателями и ультрареакционерами», а половину ответа прислал не желавший связывать себя никакими обязательствами юнец по имени Ли Лисань, ставший впоследствии лидером Коммунистической партии Китая и злейшим оппонентом Мао. В действительности же к нему обратились около десятка юношей, из которых и сложился небольшой кружок единомышленников. Вспоминал Мао о них так:

«Вдумчивые люди, вошедшие в эту крошечную группу, не тратили время на рассуждения о банальностях. Их слова и поступки всегда имели четкие мотивы. Членам группы было не до любовных интриженек: слишком критические стояли времена для болтовни о женщинах или личных проблемах, слишком велика была нужда в вооруженных знаниями умах... Вместо того, чтобы хвастаться победами над слабым полом, что среди сверстников считалось совершенно естественным, мои товарищи предпочитали обсуждать проблемы глобальные: натуру человека, вопросы общественной жизни, пути развития страны, мира — всей Вселенной!»

Под влиянием профессора Ян Чанцзи, ставшего в Японии убежденным сторонником здорового образа жизни, члены группы придерживались суровых спартанских правил. Каждое утро начиналось у колодца, где будущие борцы за процветание родины обливали друг друга ледяной водой. В дни каникул они отправлялись в длительные пешеходные прогулки:

«Мы шли вдоль городских стен, пересекали поля, поднимались в горы, преодолевали вброд водные потоки. Под проливным дождем снимали рубахи — это у нас называлось «принять душ». Раздевались в палящий зной — чтобы «принять солнечную ванну». Весной, когда начинали дуть пронизывающие ветры, мы кричали друг другу, что вентилируем легкие. Спали на голой земле в заморозки и купались в ноябре».

К профессору Ян Чанцзи Мао испытывал безграничное уважение. «Я никогда не смогу почувствовать себя равным ему», — признался он другу. Уважение было взаимным. «Очень трудно, — писал Ян в дневнике, — найти человека столь же интеллигентного и приятного, как Мао». В доме профессора по вечерам частенько собирался узкий кружок молодежи, обсуждавшей текущие события, и независимый, едва ли не волюнтаристский подход преподавателя к жизни, та значимость, которую он придавал человеческой личности, оказали на Мао исключительное влияние. Когда через несколько лет Ян Чанцзи умер, студенческая газета в некрологе напомнила о том, что Мао был одним из его любимейших учеников.

Но для большинства окружающих общение с двадцатилетним Мао представляло собой настоящее испытание. Упрямый, своевольный подросток из Шаошани превратился в способного, но крайне неуравновешенного молодого человека, который мучил самокопаниями себя и изводил перепадами своего настроения друзей. Он мог с сокрушением жаловаться на судьбу, не пославшую ему в жизни ни друзей, ни хороших учителей, а через минуту обратиться в письме к Сяо Юю со словами: «Тяжелые мысли множатся и... бередят душу. Не позволишь ли ты облегчать мне ее в наших разговорах?» Упрямство его не знало пределов даже в общении с теми, кого он уважал и любил: между ним и Юанем Бородатым как-то вспыхнула яростная перепалка из-за титульного листа студенческой работы, сменить который Мао категорически отказывался. А после спора с директором только усилиями нескольких ведущих преподавателей удалось предотвратить исключение строптивца из колледжа. В тщательно скрываемом от посторонних глаз дневнике Мао бичевал себя: «Нет в тебе дара смирения. Ты вечно дергаешься и вспыхиваешь как порох. Чувство стыда тебе неизвестно. Под приличной на первый взгляд внешностью кроется пустота. Честолюбие твое не знает пределов, тебя изводит похоть. Ты наслаждаешься сплетнями и слухами, тратишь силы и драгоценное время на бесплодное самолюбование. Ты подобен цветку, после которого ничего не остается, но себя ты убеждаешь в том, что несешь людям великолепные плоды. Это ли не позор?»

Мао жил в то время крайне экономно. Во время их первой встречи, вспоминал Сяо Юй, он увидел перед собой «высокого и нескладного юношу в довольно поношенной одежде, чьи парусиновые туфли срочно нуждались в починке». В то время, когда ровесники Мао вовсю экспериментировали с западной модой, его гардероб состоял лишь из синей студенческой формы, длинного серого халата с отстегивавшейся ватной подкладкой и пары мешковатых белых брюк. На еду Мао тоже не обращал особого внимания: сумма, которую присылал ему отец, едва ли превышала 25 долларов в год. Такая непритязательность объяснялась отчасти примером одного из любимых учителей, Сюй Тели, который в отличие от коллег не только никогда не пользовался рикшами, но и вообще был воплощением скромности.

Из небольшого бюджета выкраивались деньги на покупку газет и журналов, причем расходы эти составляли, по оценке самого Мао, около половины его доходов. Однокурсники помнили, как он часами просиживал в библиотеке, выписывая на

длинные ленты газетных полей сведения о зарубежных странах и их лидерах.

Учился Мао весьма прилежно, но лишь по тем предметам, которые его интересовали. Он то приходил в восторг от содержательной лекции, то впадал в глубокое уныние по поводу узости собственного кругозора. Необходимость присутствовать на скучных занятиях бесила Мао: «Естественные науки меня не привлекали, я не обращал на них внимания и получал самые низкие оценки. Наибольшее отвращение вызывали уроки живописи с их обязательными натюрмортами, казавшимися мне лишенными всякого смысла. Я всегда старался побыстрее закончить незамысловатый рисунок и выйти из студии». Однажды Мао изобразил на листе полукруг, а под ним — прямую линию, что, по его словам, было иллюстрацией к сцене восхода солнца из поэмы Ли Бо* «Сон о восхождении на гору Тяньму». На экзамене он нарисовал овал, пояснив, что это яйцо. Экзамен пришлось пересдавать.

Время от времени Мао пытался взять себя в руки. «В прошлом у меня действительно были в голове кое-какие вредные идеи, — признавал он в 1915 году. — Но теперь я уже повзрослел... и многое вижу по-новому». Потом вновь следовало погружение в пучины пессимизма. «Учиться тут невозможно, — писал он бывшему преподавателю. — Здесь нет никакой свободы воли, качество обучения находится на самом низком уровне, а однокурсники слишком испорчены. Меня приводит в отчаяние глупая трата времени и сил на бесполезные пикировки и постоянное ожидание чего-то. Заведения, подобные нашему, являют собой обители мрака». Затем следовал взрыв энтузиазма: «Рано утром сажусь за английский; с восьми до трех пополудни — занятия по расписанию, в четыре приступаю к китайской литературе. После ужина начинаю готовить домашние задания — до тех пор, пока не погасят свет, и уже в полной темноте около часа делаю физические упражнения».

Полугодовой период активности сменился вспышками разочарования и усталости: «Кому же не приятно покорить новую высоту? — с досадой писал в дневнике Мао. — Но когда твои планы летят к черту, когда засасывает мутный поток обывательских мелочей, на душе не остается ничего, кроме горечи. Она заполняет весь мир».

С ростом уверенности в собственных силах срывы происходили все реже. Весной 1917-го, когда Мао было уже двадцать три, однокашники единодушно присвоили ему титул «Студент года».

---

* Ли Бо (701–762) — великий китайский поэт эпохи династии Тан. — *Примеч. пер.*

Его статья, напечатанная в «Синь циннянь», стала первой в Хунани работой студента, опубликованной в журнале. Постепенно пришло осознание собственного достоинства. Глубокое почтение, которое Мао испытывал к Сяо Юю, сменилось куда более ровным товарищеским расположением, причем, даже будучи моложе друга, Мао часто выступал в роли лидера. Написанное Сяо Юем методическое пособие он подвергнет суровой критике, предложив автору переработать его и «отделить зерна от плевел». Летом друзья по настоянию Мао бросили вызов традициям колледжа и отправились, к негодованию своих педагогов, в месячный пеший поход по провинции, выпрашивая еду у крестьян и ночуя то в буддистском храме, то у сердобольного помещика.

В написанном после приключений стихотворении Мао сравнил себя со сказочной птицей Фэн, без отдыха пролетевшей пять тысяч километров до родного гнезда. Из героев детства он по-прежнему восхищался цинским императорским наместником Цзэн Гофаном. Лян Цичао и Кан Ювэй оказались на время забытыми.

Публикация в журнале дала Мао повод задуматься о том, чем еще он со своими друзьями может помочь делу становления нового Китая. Долг элиты общества, говорил он, состоит в том, чтобы помочь менее удачливым его членам.

«Люди совершенные наделены даром мудрости и высокой моралью... Те же, кто стоит ниже, заслуживают бесконечного сострадания. Если человек совершенный заботится лишь о себе самом, он может просто уйти от толпы и жить отшельником. В древние времена такие находились. Но если у благородного мужа бьется в груди живое сердце, то простой народ для него — это часть мироздания. Останься мы безучастными, и народ будет опускаться все ниже и ниже. Мы только выиграем, протянув ему руку помощи: глаза людей раскроются и увидят новые горизонты».

Возможность претворить эти идеи в жизнь появилась у Мао в октябре 1917 года, когда его избрали главой Студенческого общества, организовавшего в колледже общеобразовательные курсы. Одним из первых мероприятий стало возрождение вечерней школы для рабочих. Открытая полугодом раньше, школа довольно быстро прекратила существование. Для Китая того времени, когда подавляющая часть населения не имела никакого образования, такая инициатива была очень важной. «Деревья и цветы, птицы и хищные животные — все заботятся о себе подобных. Неужели же люди хуже их? — писал Мао. — Человек из низов вовсе не порочен по своей натуре, не подл от природы, ему просто

не очень повезло в жизни, поэтому более счастливые обязаны помочь ему». Даже в развитых странах Европы и Америки вечерние школы считаются делом весьма полезным, отмечал он. Кроме того, работая в них, студенты приобретают столь необходимый опыт и, самое главное, способствуют укреплению солидарности между народными массами и наиболее просвещенной частью общества.

«Школа и общество оказываются на противоположных полюсах. Поступив в учебное заведение, человек начинает смотреть на общество сверху вниз, как если бы он покорил неприступную вершину. Простые люди, в свою очередь, видят в школе нечто вычурное и недоступное. Взаимная отчужденность является источником трех зол: выпускник не находит применения своим знаниям, население крайне неохотно шлет своих детей на учебу, а презрение к образованию заставляет толпу поджигать школы. Если избавиться от этих зол, люди поймут, что учащиеся — это глаза и уши общества, без которых развитие и процветание становятся невозможными. Для студенчества же сограждане предстанут как руки и ноги, позволяющие им достичь поставленных целей. В конечном итоге получится, что каждый пройдет курс тех или иных наук. Понятие образования можно свести к некоей школе, в которой человек проводит определенное время. Но и общество в целом необходимо тогда рассматривать как огромную школу, где люди учатся всю жизнь».

К такому пониманию доступного для граждан образования Мао добавил и до обыденности прикладное значение книги: «Приобретенными за последние годы знаниями я лишь в малой части обязан книгам. Куда больше пользы принесла обычная человеческая любознательность и поиски в реальной жизни ответов на интересовавшие меня проблемы». Ему очень по вкусу пришлось высказывание Канта о том, что «постижение истины приходит только из непосредственного опыта». Формализм китайских традиционных методов обучения Мао подверг беспощадной критике:

«Принятые в нашей системе образования приемы примитивны до отвращения, они могут угробить и взрослого человека с железным здоровьем. Что же говорить о подростках?.. Размышляя о намерениях учителей, поневоле приходишь к мысли: громоздкие учебные планы создавались с единственной целью истощить ученика физически и превратить его в морального урода... Студента со способностями выше средних тотчас же выше головы заваливают бесконечными списками дополнительной литературы. Идиотизм!»

Эти эмоциональные идеи на всю жизнь определили отношение Мао к вопросам образования. И все же взгляды его

были вовсе не столь бунтарскими, какими могут показаться в наше время. Поставленная китайскими педагогами во главу угла изматывающая зубрежка нередко приводила к трагедиям: в 1917 году от чудовищного переутомления скончались семеро сокурсников Мао.

Занятия в вечерней школе для рабочих велись не на классическом, а на простом разговорном языке «байхуа», упрощенные учебные планы исходили из потребностей каждодневной жизни. В объявлении о приеме слушателей Мао обещал обучить их «навыкам письма и ведения счетов, то есть тому, что от вас, господа, требуется постоянно». Но преподаватели школы не ограничивались лишь обучением: убеждая своих учеников в предпочтительности отечественных товаров перед иноземными, они пытались привить им «дух высокого патриотизма».

Однако встать на ноги школа так и не смогла. Борьба пекинских генералов за власть в очередной раз ввергла Хунань в пучину гражданской войны, последствия которой оказались для провинции куда разрушительнее того, чему успел уже побывать свидетелем Мао.

После бегства в июле 1916 года Тан Сянмина из Чанша пост губернатора вернулся к его предшественнику Тань Янькаю.

Некоторое время в провинции текла нормальная жизнь. При поддержке высших слоев местного общества Тань последовательно заменил чиновников старого аппарата выходцами из Хунани и в решении провинциальных вопросов пользовался известной независимостью от Пекина. Новый премьер-министр Китая, Дуань Цижуй, бывший одним из сподвижников Юань Шикая, больше беспокоился об упрочении своих позиций, нежели о делах в далеком Чанша.

Но ситуация уже менялась. Решение Дуаня, убежденного консерватора, восстановить на троне маньчжурскую династию вызвало среди генералитета резкий протест, объединив, пусть на время, многих противников премьера. Политическая борьба в столице все более напоминала фарс. В результате противостояния на севере страны возникли две клики: аньхойская, которую возглавил Дуань Цижуй, и чжилийская, где лидером стал вновь избранный президент Фэн Гочжан. Соперничество двух первых лиц государства вылилось в кровавый конфликт, сотрясавший центральные и восточные районы Китая на протяжении почти целого десятилетия. Кратковременное перемирие дало Дуаню возможность вплотную заняться слишком вольно жившей провинцией Хунань.

В августе 1917 года он послал своего родственника Фу Лянцзоу сменить Тань Янькая на посту губернатора. Не-

смотря на то что Фу, как и Тань, являлся хунаньцем, почти вся его жизнь прошла на севере. Для местного населения он так и остался чужаком. На третий день после вступления в должность Фу уволил двух высших офицеров, чья преданность вызывала в нем сомнения. Находившиеся в их подчинении войска подняли мятеж. Для подавления бунтовщиков с севера срочно прибыли две дивизии. Однако губернаторы соседних провинций Гуандуна и Гуанси, испуганные концентрацией военной силы вдоль своих границ, решили предпринять ответные меры. В Хунань хлынули многотысячные отряды пехоты, сопровождавшиеся легкой артиллерией.

Уже дважды бури истории обошли Хунань стороной: в 1913 году, когда задохнулась, так и не начавшись, Вторая революция, и в 1916 году, когда со смертью Юань Шикая закончилась антимонархическая война. Однако по всему выходило, что на этот раз провинции не повезло. Власти объявили в Чанша военное положение, противостоящие армии нерешительно переминались с ноги на ногу в районе южного городка Хэнчжоу. Но естественный ход событий был вновь сломан интригами пекинских политиков. Вслед за внезапной отставкой Дуань Цижуя губернатор Фу бежал из провинции, и к девяти утра следующего дня Чанша стала белой от множества флагов. Население с трепетом ожидало триумфального входа в город войск южан. Когда они в полном вооружении зашагали по улицам, женщины и дети почли за благо спрятаться в больницах Красного Креста. Но никаких беспорядков или грабежей солдаты не устроили. Город отделался всего лишь испугом.

В это беспокойное время Мао вместе с другими членами Студенческого общества был занят организацией добровольных отрядов охраны порядка. Молодежь с деревянными ружьями патрулировала улицы. По воспоминаниям участника событий, Мао предложил также вооружить однокашников заостренными бамбуковыми шестами — чтобы выкалывать глаза солдатам, дерзнувшим перебраться через забор колледжа. Называя себя и своих ближайших друзей — Сяо Юя и Цай Хэсэня — «тройкой героев», Мао наращивал мышцы и тренировал боевой дух. Подросток, когда-то прятавшийся в сортире от страха перед бесчинствовавшими солдатами, теперь возмужал и окреп, а юношеская бравада в нем стала уже почти незаметна. В отчетах колледжа сохранилась запись о том, что созданные Мао отряды добровольцев оказались «на редкость действенной силой». Тем не менее в марте следующего года, когда обстановка в провинции вновь накалилась, о них уже ничего не слышно.

В начале весны Дуань Цижую удалось достичь со своими противниками согласия по вопросу наведения в Хунани законного порядка. Настал и для южан черед отступать без боя. Из воспоминаний очевидца:

«С приходом сумерек на город опустилась полная тишина. Где-то около восьми вечера до меня доносятся звуки выстрелов, звон разбитого стекла и свист пуль. Так продолжалось до самого рассвета. Не выдержав, я отправился посмотреть, что происходит... По улицам в южном направлении двигалась бесконечная колонна военных. Некоторые занимались грабежом магазинов. Неподалеку от меня группа солдат прикладами взломала дверь в лавку торговца серебряными украшениями... Такие сцены можно было видеть повсеместно».

К утру в насмерть перепуганном городе не осталось ни одного представителя власти. Войска северян подошли ровно через сутки. Вновь ставший премьером Дуань Цижуй посадил в пустовавшее четыре месяца кресло губернатора своего верного соратника Чжан Цзинъяо.

Провинция дорого заплатила за это назначение. Злобный Чжан, как прозвали его жители, был жестоким садистом, продолжившим линию Тан Сянмина, только куда с большим размахом. По сообщениям западных миссионеров, в беднейших кварталах Чанша «женская честь и право собственности на что-либо имевшее цену были пустым звуком». В одном из пригородов кто-то составил подробный перечень преступлений, совершенных в начале апреля подчиненными Чжана:

«Двадцатилетнюю госпожу С. в одиннадцать часов дня трое солдат изнасиловали так, что она потом долго не могла ходить... Соседа Л. подвесили на веревке в собственном доме и кололи штыками, после чего кровоточащие раны жгли свечой. Некто П. выбежал на улицу, чтобы защитить восьмилетнюю дочь, но не успел — ее уже застрелили. Отца ждала та же участь... Двое солдат овладели четырнадцатилетней девочкой, и позже она скончалась от внутреннего кровотечения. Мужчину, пытавшегося вместе с беременной невесткой укрыться в холмах, догнали солдаты. Его тяжело ранили, ее изнасиловали. В соседнем квартале происходило то же самое».

Выходившие на безопасной территории иностранных концессий в Шанхае газеты с гневом кричали о зверствах обуреваемых жадностью генералов, превращавших одну из самых красивых провинций страны в голую пустыню. По иронии судьбы юг Хунани, давший толчок разыгравшейся трагедии, постра-

дал меньше всего. После захвата Хэнчжоу генерал У Пэйфу приказал своим войскам прекратить огонь и, не обращая внимания на требования Дуань Цижуя продвигаться в Гуандун, оставил южные районы провинции под контролем южан. Рука Пекина чувствовалась и здесь. У, входивший в чжилийскую клику, не видел ни малейшего смысла в поддержке курса, выработанного аньхойцем Дуанем.

В апреле колледж, где учился Мао, с неохотой превратил свои аудитории в казармы для солдат Чжан Цзинъяо. Продолжая линию Тана, новый губернатор значительно урезал и без того скромные статьи провинциального бюджета на образование. Зарплата преподавателям не выплачивалась; большинство студентов разъехались, а оставшихся директор был вынужден кормить на собственные деньги. Злобный Чжан создал целую сеть информаторов и специальных агентов, получавших приличное вознаграждение за каждого пойманного «шпиона». Одного мужчину арестовали только за «подозрительный» цвет его ботинок. «Обезображенные трупы можно встретить в самых неожиданных местах, — писал очевидец, — даже в центре города. Дела задержанных рассматриваются только на закрытых заседаниях военной коллегии. Даже члены семей лишь по слухам могут догадываться о судьбе своих близких». Открыто выражать мнение в обстановке террора не решался никто.

В начале июня 1918 года Мао получил диплом педагога. Однако и это не внесло ясности в его планы на дальнейшую жизнь. «В голове у меня полная сумятица, — писал он своему бывшему преподавателю, — которая порождает только еще большую мешанину». Поначалу Мао решил открыть частную школу, ученики которой после получения основательной подготовки смогут позже продолжить образование за границей. Но время для подобного начинания было крайне неподходящим, да и необходимой суммой денег Мао не располагал.

Несколько недель он прожил с друзьями в заброшенной гимназии, расположенной в предгорьях за рекой Сян. Еда готовилась на костре, воду брали из родника. Вся группа состояла из членов созданного Мао еще три года назад кружка, носившего теперь название «Синьминь сюэхуэй» («Научное общество новой нации»). Формально общество заявило о себе в апреле. Возглавил его Сяо Юй, Мао стал заместителем. Из тринадцати учредителей общества многие, и Сяо Юй в их числе, пошли впоследствии иными путями, но большинство на протяжении самых трудных лет оставались верными спутниками Мао.

В то время эта группа единомышленников стала одной из первых прогрессивных студенческих организаций Китая — наряду с «Фу шэ» («Общество возрождения») в Пекине и «Цзюэ'у шэ» («Общество пробуждения сознания») в Тяньцзине. Последнее появилось на свет благодаря усилиям Чжоу Эньлая. Ло Сюэцзань, одноклассник Мао, писал родителям:

«Вы должны понимать, что иностранцы хотят закабалить страну, ограбить Китай и поработить его народ... С этой мыслью я не могу жить спокойно. Вот почему мы пытаемся сейчас создать организацию, которая сделала бы Китай сильным и дала людям возможность самим выбирать свой путь. Мы с уверенностью смотрим в будущее...»

Название «Синьминь сюэхуэй» отражало суть происходящих в стране перемен. «Синьминь» имеет двойной смысл: «новая нация» или «обновление нации», что звучит почти революционно. Это понятие пятнадцатью годами раньше использовал Лян Цичао при издании своего журнала «Синьминь цунбао» («Журнал новой нации»). Но термин уже давно стал классическим, поскольку часто встречался в конфуцианских текстах: целью благородного мужа всегда было «обновление народа».

Двузначность в толковании классического наследия являлась для Китая того времени символом эпохи.

Ученики организованной Мао вечерней школы по окончании занятий обязаны были отвесить три глубоких поклона портрету великого Учителя. Но сам Мао, как и многие люди его поколения, все более критически относился к традиционным конфуцианским ценностям. Он ратовал за упразднение незыблемого триединого принципа, на котором стояла унаследованная с древнейших времен общественная мораль: подчинение чиновника государю, сына отцу и жены мужу. Церковь, капитализм, монархия и государство представляют собой величайшее в мире зло, говорил Мао, настаивая на необходимости радикальных перемен в сознании общества.

В то время как другие просто отрицали историческое прошлое, он пытался найти пути примирения между архаичной китайской диалектикой и передовыми веяниями западной философии. Результаты его исканий поражали:

«Все сущее представляет собой лишь извечный процесс перемен... Рождение одного означает смерть другого, а смерть, в свою очередь, опять приводит к появлению чего-то нового. Следовательно, рождение вовсе не равнозначно жизни, а смерть — разрушению...

Меня всегда пугала мысль, что наша страна будет уничтожена, но теперь я понимаю, что это не так. С утверждением новой политической системы и переменами в национальном характере разрозненные немецкие земли превратились в Германский рейх... Вопрос заключается в том, как осуществлять эти изменения. Мне кажется, что трансформация должна быть полной, подобной появлению ребенка из чрева матери... На протяжении веков во многих странах происходили революции, очищая от древней рухляди место для нового. Смерть давала дорогу жизни, разрушение сменялось созиданием. Так устроена вся Вселенная... Хотел бы я посмотреть, как она низвергнется — ведь с ее исчезновением обязательно возникнет новая. Разве не будет она лучше прежней?

Могу смело утверждать, что отвлеченная концепция — это сама реальность, конечное бесконечно, временное постоянно, а форма уже является содержанием. Я являю собой Вселенную, жизнь — это смерть, как смерть — это жизнь. Настоящее — не более чем прошлое и будущее одновременно. Великое кроет в себе малое, ян переходит в инь*, верх становится низом, грязь — чистотой, мужское начало превращается в женское. Другими словами, множество суть единство, а перемены означают постоянство.

Я — самое возвышенное существо. И самое ничтожное».

Эти написанные двадцатичетырехлетним юношей слова таили в себе побудительные мотивы событий, ждать которых оставалось еще полвека. Находясь в зените власти, Мао положил начало бесконечным пертурбациям китайского общества. Цель у него была только одна: подчинить своей воле образ мыслей четверти населения планеты.

Выработка диалектики, которая обеспечит «полную трансформацию» Китая, становилась основным смыслом жизни Мао. Он сознавал, что разбить эту задачу на части невозможно. Процесс должна цементировать цельная идеология:

«Тот, кто намерен толкнуть мир вперед, должен прежде всего утвердиться в сердцах и мыслях людей, и сделать это ему помогут высокие принципы. Ныне реформы начинаются с мелочей типа парламентаризма, конституции, назначения высших чиновников, военного дела, бизнеса и образования — с вещей второстепенных... Без высоких путеводных принципов они просто вредны, поскольку именно принципы несут в себе истину мироздания. И если сегодня с высо-

* Инь и ян — два полюса китайской космогонии, взаимодействие которых порождает все многообразие предметов и явлений. — *Примеч. пер.*

ты этих главенствующих идей воззвать к людям, неужели найдется среди них хоть один глухой или равнодушный? Их не будет. Но коли так, остается ли для нас что-нибудь недостижимое?»

Вряд ли Мао сколь-нибудь четко представлял себе тогда суть этих «путеводных принципов». Как и члены маленькой группки идеалистов, размышлявшие о порочном правлении Чжан Цзинъяо, он понимал: в Чанша таких принципов им не обрести. В мае Ло Чжанлун, один из членов «Научного общества», отправился в Японию. Из Пекина бывший профессор колледжа написал Мао о программе обучения китайских студентов во Франции. Через месяц, чтобы узнать детали, в столицу выехал Цай Хэсэнь. Позже вместе с Мао туда прибыли еще двадцать человек. Накануне отъезда Мао навестил мать, уверяя ее в том, что единственной целью поездки является «осмотр достопримечательностей».

ГЛАВА 4

БРОЖЕНИЕ «ИЗМОВ»

Пекин, писал Мао в дневнике, подобен тиглю, который переплавит любого.

На поезде, неторопливо приближавшемся под массивными городскими стенами из серого кирпича к новому зданию вокзала, студент из далекой провинции прибыл в бурлящий интеллектуальным и политическим брожением мир. Несколькими месяцами позже этот мир даст ему совершенно иное представление о путях спасения страны.

Перед отъездом из Чанша Мао серьезно усомнился в том, что действительно хочет отправиться вместе с товарищами во Францию. Одной из проблем были деньги. Добыть двести юаней на дорогу представлялось еще возможным, но где взять сотню, необходимую для изучения французского языка? Корень зла крылся именно в языке: всю жизнь Мао пытался освоить английский и в конце концов научился письменно выражать свои мысли при помощи словаря, однако разговорная речь ему не давалась. Что же касается французского, то с ним, как подозревал Мао, будет еще хуже. Склонность к изучению языков отсутствовала у него настолько, что даже уроки официального пекинского диалекта превращались в пытку. На всю жизнь сохранил он тягучую

хунаньскую манеру речи, по которой собеседник сразу же узнавал жителя Сянтани.

Однако имелись и иные соображения. Мао по-прежнему задумывается о карьере учителя. «Овладеть иностранным языком, безусловно, неплохо. Но это ничуть не лучше, чем заняться преподаванием. Нести знания другим куда почетнее». Он убеждал себя в том, что нельзя всем руководителям «Научного общества новой нации» покидать страну одновременно. Если Цай Хэсэнь и Сяо Юй уедут во Францию, то ему необходимо остаться: ведь должен же кто-то нести в массы идеи реформ. Но, похоже, главной причиной отказа от поездки в Париж стал все-таки языковой барьер.

В беседе с Эдгаром Сноу акцент тем не менее оказался смещенным: «Я ощущал, что мне не хватает знаний о Китае в первую очередь, что время, проведенное на родине, принесет мне намного больше. У меня были свои планы».

Старый знакомый по Хунани, профессор Ян, в чьем пекинском доме гостили какое-то время Мао и Сяо Юй, дал бывшему ученику рекомендательное письмо к университетскому библиотекарю Ли Дачжао. Тот принял Мао на работу своим помощником. Ли всего на пять лет старше Мао, однако фундаментальные познания и широкая популярность делали его представителем иного поколения. В очках в тонкой металлической оправе исполненное достоинства лицо Ли Дачжао напоминало чем-то Бакунина. Незадолго до этого Ли вместе с Чэнь Дусю возглавил издание любимого журнала Мао «Синь Циннянь».

Пределом мечтаний показалась Мао работа в крошечной комнатке по соседству с кабинетом Ли Дачжао, размещавшимся в старой университетской башне, что высилась совсем рядом с Запретным городом*. Молодой человек с гордостью сообщил родственникам: «Меня приняли в штат сотрудников Пекинского университета». Но по прошествии весьма короткого времени Мао разочаровался.

«Потолок в комнатке настолько низок, что люди избегали заходить ко мне. В мои обязанности входило регистрировать имена читателей, приходивших работать с газетами, но для большинства посетителей я просто не существовал. Среди них было немало видных деятелей движения возрождения. Они очень интересовали меня, я пытался заговаривать с ними на темы политики и культуры, но собеседники постоянно оказывались слишком занятыми. У них не было времени выслушивать рассуждавшего на хунаньском диалекте помощника библиотекаря».

* Обнесенный стеной комплекс императорского дворца в Пекине. — *Примеч. пер.*

В который раз Мао ощущал себя крошечной рыбкой в огромном пруду. Неудовлетворенность своим положением легко угадывается в написанных им через двадцать лет воспоминаниях. Когда Мао задал вопрос после лекции, прочитанной Ху Ши, первым китайским философом, осмелившимся писать на живом разговорном языке, то профессор, узнав, что к нему обращается даже не студент, а всего лишь помощник библиотекаря, величественным взмахом руки отослал любопытного прочь.

Трудности осложнялись и дороговизной столичной жизни. Те восемь долларов, которые Мао получал за работу, составляли меньше половины заработка рикши и уходили лишь на предметы самой первой необходимости. Вместе с прибывшими из Хунани друзьями он снимал комнату в традиционном пекинском доме — одноэтажном строении с крошечным внутренним двориком. Дом стоял примерно в двух милях от университета в районе Саньяньцзин, неподалеку от Сидани — оживленной торговой улицы к западу от Запретного города. Ни электричества, ни водопровода там не было. На восьмерых проживавших в комнате человек приходилось одно ватное пальто. В морозы, когда температура опускалась ниже десяти градусов, приятели выходили из дома по очереди. Пища готовилась на небольшой пузатой печке, а денег на покупку брикетов из угольной пыли для отопления кана — традиционной китайской лежанки — у них не было, и для того чтобы согреться ночью, друзья тесно прижимались друг к другу. «Когда мы все устраивались на кане, даже вздохнуть полной грудью было невозможно, — вспоминал о том времени Мао. — Если я хотел повернуться, требовалось предупредить об этом остальных».

Со временем Мао освоился в городе. Одним из тех, кто оказывал ему в этом помощь, был Шао Пяопин, литератор, возглавлявший «Общество изучения журналистики». Мао отзывался о нем как о «человеке с прекрасным характером, либерале и идеалисте». Познакомился он и с Чэнь Дусю, оказавшим на него огромное влияние своими взглядами на необходимость скорейшей реформы традиционной китайской культуры. В зимние месяцы Мао становился постоянным участником собраний «Общества философов», весной с головой уходил в обсуждение новейших теорий обустройства общества.

Как и многие молодые китайцы, получившие образование, он по-прежнему был занят «поисками пути»; изобилие противоречащих друг другу и одновременно дополняющих друг друга китайских и европейских идей то очаровывало, то сбивало его с толку:

«Голова моя набита смесью либерализма, демократического реформизма и утопического социализма. Меня необъяснимо привлекали понятия типа «демократия ушедшего века», «утопия», «эгалитаризм», я считал себя убежденным антиимпериалистом и антимилитаристом».

Со взглядами утопистов Мао познакомил Цзян Канху, лидер Социалистической партии Китая, чьи статьи попались ему в руки еще в бытность солдатом. Интерес к утопиям подогрел и Кан Ювэй, пытавшийся терминами геометрии Евклида объяснить традиционный китайский идеализм. Кан Ювэй обещал обществу приход эры Великой гармонии, когда государство и семья отомрут, а граждане будут жить в самоуправляемых коммунах без всякого деления по национальному или половому признаку. Под впечатлением от прочитанного как-то раз Мао нарисовал в воображении «общество, населенное мудрецами... Мы разрушим вековые законы и задышим воздухом всеобщего умиротворения». Через несколько месяцев он, правда, опомнился: «Уверен, что, вступив в это общество, мы очень быстро обнаружим, что его разрывают на части взаимные трения и конкуренция». И все же Мао так и не смог до конца избавиться от романтически-утопического ви́дения будущего мира. Какая-то часть его натуры постоянно стремилась стать «совершенномудрым» (термин Конфуция!) мужем, «свободно бродящим по Поднебесной и постоянно готовым слиться в перевоплощении с любым творением Природы».

У Лян Цичао Мао позаимствовал убеждение в том, что никакой новый порядок невозможно построить без слома старого. Идеи Адама Смита, Хаксли и Спенсера подсказали термин «старомодный либерализм», живший при Минах философ и стратег Ван Янмин натолкнул на мысль увязать в единое целое человека и общество, теорию и практику, знание и волю, намерение и действие. Хунаньцу Ван Фучжи Мао обязан своим представлением о мире как вечном потоке, в котором историю движет вперед изначальная переменчивость вещей.

К восприятию чужих понятий Мао относился весьма вдумчиво. Перед тем как взять на вооружение или отвергнуть новую для себя концепцию, он скрупулезно взвешивал ее, иногда соглашаясь с тем, что через несколько месяцев будет без сомнений отброшено прочь. Мао стремился найти такое объяснение политических феноменов, которое «соединяло бы в себе прозрачность самоанализа с объективным знанием, почерпнутым в изучении окружающего мира».

Он поставил перед собой цель выработать доктрину, объединяющую хаотически разрозненные элементы в единое и стройное целое.

Марксизм не был первым учением, на котором Мао остановил свой выбор. В 1918 году переводов Маркса или Ленина на китайский язык еще не существовало. Весной в Шанхае на страницах тоненького анархистского журнала появилась статья об октябрьских событиях в России. Тираж издания был невелик, и когда Ли Дачжао опубликовал через три месяца в «Синь циннянь» первый на китайском языке солидный материал о ленинской революции, сообщение журнала оставалось настолько незамеченным, что наборщик в типографии слово «большевик» транслитерировал как «Гогенцоллерн». Даже Ли, с воодушевлением твердивший, что «мир войдет в будущее под красными знаменами», не имел четкого представления о сущности большевизма. «Что это за идеология? — вопрошал он. — Очень трудно доходчиво объяснить ее одной фразой». Своим читателям Ли Дачжао тем не менее сообщал: «Большевики — это истинные революционеры-социалисты, убежденные сторонники идей немецкого экономиста Карла Маркса, сутью которых является уничтожение национальных границ и капиталистической системы производства».

Скорее всего Мао прочел эту публикацию, однако она, похоже, не произвела на него особого впечатления. Анархизм, исповедуемый множеством эмигрантских группировок в Париже и Токио, казался ему значительно интереснее. Причиной тому было отрицание анархистами всяких авторитетов, что весьма привлекало китайскую молодежь в ее попытках сбросить с общества оковы конфуцианства. Программу отправки студентов на учебу в Париж тоже разработали анархисты. Когда образованный китаец говорил о «социальной революции», то в большинстве случаев имелся в виду анархизм, а не марксизм. Определяя большевизм как «сокрушительную приливную волну, несущую человечеству свободу», далее Ли Дачжао развивал мысль в духе самых последовательных анархистов: «Отпадет необходимость в конгрессе, парламенте, не нужен будет ни премьер-министр, ни его кабинет, изживут себя законодательство и власть. Вот как понимает основную идею революции двадцатый век». До начала 20-х годов китайские марксисты и анархисты считали друг друга кровными братьями, сражающимися плечом к плечу, только разным оружием.

Под влиянием ректора Цай Юаньпэя, человека самых радикальных взглядов, Пекинский университет быстро стал организационным центром анархистских деятелей. В

университете начали преподавать курс эсперанто — языка, который анархисты хотели подарить освободившемуся от границ миру. Студенты украдкой передавали друг другу экземпляр «Фухучжи» («Наставление по укрощению тигров»), автором которого был Лю Шифу, известный своей активной пропагандой «коммунизма, антимилитаризма, синдикализма, атеизма, вегетарианства, универсального международного языка и всеобщей гармонии».

Анархизм стал для Мао откровением. Позже он признал, что вел долгие дискуссии относительно путей реализации анархистских идей в китайской действительности. Летом 1919 года Мао написал статью, совершенно недвусмысленно выражающую его взгляды:

«Есть одна партия, опирающаяся исключительно на насилие. Ее девиз — «Делай другим то же, что они делают в отношении тебя». В борьбе с аристократами и капиталистами эта партия идет до конца. Вождем ее является родившийся в Германии человек, которого зовут Карл Маркс. Есть и другая партия, более сдержанная. Она не гонится за скорейшими результатами, для нее важнее понять нужды простого народа. Все люди, учит эта партия, должны добровольно трудиться и оказывать друг другу помощь. Что же касается аристократов и капиталистов, то будет вполне достаточно, если они раскаются и обратятся лицом к добру. В таком случае они научатся работать и помогать людям. Убивать их вовсе не обязательно. Идеи этой партии более доходчивы и всеобъемлющи. Она ставит перед собой цель объединить весь мир в одну страну, превратить человечество в большую семью, где каждый будет жить в мире, согласии и достатке... Вождя этой партии зовут Кропоткин, а родился он в России».

В статье Мао обнаружил полное незнание марксизма и его российских последователей — Ленин в ней даже не упоминается. Зато налицо явное неприятие насилия, пусть даже и революционного. Позиция Мао изменяется и зреет, он уже не тот, каким был три года назад, когда страстно защищал Мясника Тана. В двадцать пять лет он начал глубоко задумываться о целях и средствах их достижения, об обществе, которое оправдывает любые средства. Анархизм — с его подчеркнутым акцентом на образование, волю личности и культ индивидуализма — устраивал Мао куда больше, чем марксизм или почерпнутый у Кан Ювэя утопизм. Истинным анархистом Мао так и не стал, однако влияние анархистских идей наложило отпечаток на всю его политическую карьеру.

Проведенная в Пекине зима принесла Мао много новых впечатлений.

В 1918 году столица являлась символом происходивших в стране перемен — болезненных и вдохновляющих, грандиозных и будничных. За пурпурной стеной Запретного города в окружении тысячи евнухов подрастал маленький император. Маньчжурские чиновники, их семьи и родственники составляли треть миллионного населения Пекина. Из северных районов, лежавших за Великой стеной, в город по-прежнему приходили караваны верблюдов. По улицам, сопровождаемые слугами на коренастых монгольских лошадках, разъезжали роскошные экипажи знати.

Однако широкие, проложенные еще в эпоху династии Мин проспекты, по которым весенние ветры гнали тучи невесомой лессовой пыли, уже покрывались асфальтом. Распугивая горожан, появлялись первые автомобили, в которых чинно сидели генералы, политики и их любовницы. Если в Чанша рикша был редкостью, то в Пекине их насчитывалось тогда около 20 тысяч — в два раза больше, чем три года спустя. На плацах посольского квартала маршировали иностранные солдаты.

Состоятельные горожане развлекались в парках катанием на коньках по ледяной глади замерзших прудов, а на узеньких немощеных улочках среди потрясающей нищеты играли в свои незамысловатые игры изможденные детишки бедноты. «Ноги и руки их покрывали язвы или шрамы от язв, — писал современник. — Многие страдали водянкой, слепотой, часто встречались ввалившиеся носы и заячья губа».

Но Пекин запомнился Мао не режущим глаз контрастом между отжившим и новым, архаикой и модерном, не бурлящим столпотворением, а своей величавой красотой:

«В парках вокруг древних дворцов я видел первые признаки пробуждающейся весны. Бэйхай* еще сковывал лед, а сливовые деревья на его берегах уже покрылись белыми цветками. Сосульки на ивовых ветвях напомнили строки танского поэта Чжэнь Чжана, восхищавшегося Бэйхаем, окруженным сверкающими от инея деревьями. Восхищался и я».

Мао опять превратился в романтика, каким он был три года до этого, когда во время бегства от вторгшихся в Чанша южан описывал Сяо Юю изумрудную зелень рисовых полей: «В тумане горы только угадываются, облака опускаются к самой земле, и все вокруг напоминает пейзаж с древнего свитка». Студентом он переписал в свой дневник поэму «Лисао» («Песнь скорби») известнейшего

* Рукотворное озеро в одноименном парке, расположенном в центре Пекина. — *Примеч. пер.*

поэта Цюй Юаня, жившего в третьем веке до новой эры и почитаемого в Китае по сей день. Зародившуюся еще в Дуншани любовь к поэзии Мао пронес через самые бурные годы своей жизни, она стала для него той единственной обителью, где можно на время укрыться от беспощадной логики революционной борьбы.

В марте 1919 года Мао получил известие, что здоровье матери становится все хуже. Вместе с первой группой отправлявшихся во Францию он выехал в Шанхай. Проведя там три недели в проводах друзей, Мао добрался до Чанша. Туда же для консультации с докторами его младшие братья привезли и мать. Но лечение оказалось безуспешным: в октябре от воспаления лимфатических узлов она умерла. Через несколько месяцев тиф унес и отца.

Смерть родителей легла на Мао тяжким бременем вины: еще прошлой осенью он обещал матери показать ее врачам, но так и не выполнил это обещание. В письме родственникам, зная, что кривит душой, Мао попытался оправдаться: «Узнав о ее болезни, я тут же бросился домой». Позже в письме к другу, также потерявшему мать, он был более искренен: «Нам, вечно находящимся вдалеке от дома и не имеющим возможности позаботиться о родителях, их потеря приносит особую боль». Угрызения совести за неисполненный сыновний долг будут мучить Мао еще годы спустя. Общаясь в Баоани с Эдгаром Сноу, он сказал, что лишился матери, когда был студентом, — это ли не попытка подыскать благовидное объяснение своей невнимательности?

Чтобы как-то заработать на жизнь, Мао на полставки устроился учителем истории в городскую начальную школу. Едва ли не через несколько дней в Хунани, как и во всем Китае, разразилась новая политическая буря.

Япония уже давно вынашивала планы подчинить себе бывшую немецкую концессию в Шаньдуне. Позиция китайской делегации на мирной конференции в Версале заключалась в том, что Китай, будучи фактическим союзником в войне против Германии, имеет право на возврат территории концессии. Это находилось в соответствии с принципом национального самоопределения и получило полную поддержку президента США Вудро Вильсона. Однако очень скоро в Версале узнали, что премьер Китая Дуань Цижуй в обмен на предоставление займа еще прошлой осенью подписал с Японией секретное соглашение о передаче ей исключительных прав на Шаньдун. Американский президент с обидой отвернулся от Китая, и 30 апреля 1919 года «Святая Троица» — Вудро Вильсон, Ллойд-Джордж и

Клемансо — ратифицировала протокол, по которому Япония становилась прямым правовым наследником Германии.

Весть об этом вызвала в Пекине всплеск небывалого возмущения. Униженной почувствовала себя вся нация. Ее гнев был направлен даже не столько на Японию, сколько на империалистические силы вообще и Соединенные Штаты в первую очередь. В ярость приводили и действия собственного правительства, продавшего национальные интересы еще до начала мирной конференции. Шанхайские студенты с горечью писали: «По всему миру подобно гласу пророка разносились слова Вудро Вильсона, ободряя слабых и вливая в них силы для продолжения борьбы. Внимал этим словам и Китай... Нам было заявлено, что тайные договоры и навязанные соглашения никогда не вступят в силу. Мы с нетерпением ждали начала новой эры, но солнце над Китаем так и не поднялось. Украденной оказалась даже колыбель нашей цивилизации».

В воскресный день на площади Тяньаньмэнь в Пекине перед Воротами Небесного Спокойствия собрались более трех тысяч молодых людей, не обращавших никакого внимания на призывы министра образования и начальника городской полиции разойтись по домам. На стихийном митинге студенческий вожак из Пекинского университета Ло Цзялунь зачитал воззвание, в котором говорилось: «Сегодня вместе со всеми соотечественниками мы сурово заявляем: завоевать наши земли можно, а вот отдать — никогда; китайская нация скорее позволит себя уничтожить, но не сдастся». Распаленные гневом собравшиеся требовали объяснений от стоявшего за спиной военачальников министра иностранных дел Цао Жулиня и двух его ближайших сподвижников: посла в Японии Чжан Цзунсяна и Лу Цзунъю. Троица обвинялась в выработке условий ненавистного соглашения.

Толпы студентов двинулись в посольский квартал. Многие несли полотнища с лозунгами: «Долой продажную клику торговцев родиной!» и «Защитим нашу землю!» Над колонной развевались два огромных пятицветных национальных флага и транспаранты с издевательскими надписями, в стиле похоронных:

«Цао Жулинь, Лу Цзунъю, Чжан Цзунсян — смердеть вам в веках!»

«Никогда не высохнут слезы траура в наших глазах».

После того как посольствам США, Великобритании, Италии и Франции были вручены петиции, послышался клич: «Вперед, к дому предателя!» Молодежь ринулась в сторону особняка Цао Жулиня, жившего в переулке неподалеку от министерства

иностранных дел, где уже были собраны силы полиции. Когда студентов попытались остановить, пятеро наиболее упрямых вместе с анархистом Куан Хушэном перебрались через стену и, разбив окно, забрались внутрь дома, чтобы открыть двери. В распахнувшиеся массивные створки хлынула толпа. Вспоминал очевидец: «Участвовавших в процессии миролюбиво настроенных юношей как бы подменили... Трем тысячам человек стало тесно в узенькой улочке, они смяли кордоны полиции и ворвались в дом с явной целью превратить его в руины. Цао Жулинь успел бежать, выпрыгнув из окна кухни в соседний переулок, причем серьезно повредил ногу. Ему удалось укрыться в гостинице для иностранцев. Несчастными жертвами студентов стали прятавшийся со своим подчиненным Чжан Цзунсян и японский журналист. На них выплеснулась вся долго сдерживаемая ярость. Каждый считал своим долгом хотя бы раз пнуть Чжана ногой. Его выволокли на улицу и оставили лежать в грязи, изувеченного до неузнаваемости».

Особняк Цао подожгли. В последовавшей сумятице японскому журналисту удалось с помощью полиции дотащить Чжана до ближайшего магазинчика, где его и нашли жаждавшие расправы студенты. Посол опять был зверски избит. Вызванное полицией подкрепление открыло огонь, ранив несколько студентов и арестовав тридцать два человека. По дороге в тюрьму их ободряющими возгласами приветствовали наблюдавшие за происходившим иностранцы и коренные жители Пекина.

«Инцидент 4 мая», как были названы эти события позже, положил начало широкому движению за обновление по всей стране. Мощная волна перемен в политической, культурной и общественной жизни докатилась до самых удаленных уголков Китая, став переломным моментом в новой истории страны.

На территории Хунани указом губернатора провинции запрещалась любая агитационная работа. Однако перед экономическим бойкотом Злобный Чжан оказался бессилен. Принадлежавшие японцам банки испытали на себе настоящую осаду населения, которое отказало в доверии бумажным купюрам и требовало вернуть свои вклады исключительно серебряными слитками. Китайские газеты перестали публиковать японскую рекламу, торговцы не хотели иметь дело с японскими товарами. Вся Чанша была обклеена грубо намалеванными плакатами, весьма красноречиво изображавшими, какое унижение потерпела страна от «европейских карликов». Публично сжигались контрабандные партии японского шелка. И все же Хунань лишь запоздало подхватила инициати-

ву других провинций, где антияпонские выступления начались много раньше и были куда эффективнее. В этом, по-видимому, сыграли свою роль слова губернатора, назвавшего действия населения «национальным позором». И действительно, в столице провинции людское возмущение удавалось как-то сдерживать. Чжан с удовлетворением отмечал, что «по сравнению с другими районами страны у нас еще сохраняется некое подобие порядка».

Участие, которое принимал в описываемых событиях Мао, было весьма незначительным: в конце мая он всего лишь помогал созданию Хунаньской студенческой ассоциации, рассылавшей по провинции своих инспекторов, занятых наряду с представителями торговых гильдий проверкой соблюдения условий бойкота.

Очень скоро Мао пришел к мысли, что в тогдашних условиях подобная деятельность является лишь мышиной возней. В бойкоте и ситуации вокруг Шаньдуна он вместе с Ли Дачжао и Чэнь Дусю видел свидетельство морального нездоровья нации, причины которого, как и методы лечения, лежали намного глубже. Антияпонские настроения хороши, когда речь идет о мобилизации чувства национальной гордости, но если ставить перед собой по-настоящему серьезные цели, то гнев народа должен привести к коренным политическим переменам. Размышляя об этом, Мао при поддержке председателя студенческой ассоциации и своего старого знакомого по «Научному обществу» Пэн Хуана решил начать выпуск еженедельника «Сянцзян пинлунь» (обозрение «На берегах реки Сян»). Цель издания — пропаганда необходимости глубоких реформ. В редакционной статье первого номера, вышедшего 14 июля, Мао прямо заявил: «Пришла пора пересмотреть наши старые взгляды и подвергнуть сомнениям вещи, казавшиеся бесспорными. Пора осмелиться на немыслимое. Религиозный гнет, притеснения в области литературы, политическое насилие, нападки на лучшие умы, давление зарубежных стран — все это должно уйти в безвозвратное прошлое. Все это преодолеет неудержимая тяга к демократии...

Пора! Плотины рухнули! Вдоль русла реки Сян на нас движется мощный прилив новых идей. Те, кто бросится в стремительный поток — выживут, кто попытается остановить его — обречен на гибель. Чем нам приветствовать эту несущую свежесть струю? Как донести ее живительную влагу до каждого? Окунемся мы в нее или предпочтем стоять на берегу? Возделаем ли оживающую землю? Вопросов насущнее для хунаньцев сейчас не существует...»

Ответить на эти вопросы Мао попытался в объемной статье «Великое единение народных масс», почти целиком

занявшей три номера еженедельника в конце июля — начале августа. Он убеждал читателя в том, что шансы на успех будут у реформ наивысшими, когда «упадок государства, страдания народа и безысходность общества достигнут своего предела». Воспользоваться создавшимся моментом должен союз всех прогрессивных сил общества, образованный множеством мелких объединений: рабочих, крестьян, студентов, женщин и рикш. Последние в то время часто служили символом империалистической эксплуатации китайского народа. Такое единение, писал Мао, представит собой непобедимую силу.

Могло ли подобное начинание стать действительно успешным? «Безусловно, определенные сомнения существуют, — признавал он. — До сих пор наш народ оказывался не способен к организации широкомасштабных действий». Но сейчас время было уже другим: сознательность масс выросла, с монархией покончено, в двери Китая настоятельно стучалась демократия.

«Мы проснулись! В наших руках все общество, вся страна — весь мир! Если не заговорим сейчас мы, то кто же? Кому браться за дело? Из беспросветной тьмы уже приходит долгожданное освобождение мысли, политики, экономики, образования и человека. Наша нация накопила богатейший потенциал. Чем сильнее испытываемый обществом гнет, тем более мощную он вызывает реакцию. Рискну высказать очевидную истину: один день реформ в Китае принесет миру много больше, нежели любые перемены в другой стране, новая китайская общность яркой звездой засияет на фоне иных наций. Так стряхнем же остатки сна! Устремимся вперед, где нас ждет золотой век — век величия и славы!»

Статья интересна не только своей убежденностью, неколебимой верой в светлое будущее и направленностью на молодежь — основную движущую силу грядущих перемен. В ней впервые предлагалась конкретная программа действий для достижения конечной цели. Именно это выделяло ее из потока публикаций молодежной прессы того времени. Автор статьи и созданный им еженедельник мгновенно стали известны всему Китаю. Девятью месяцами ранее пренебрежительно отмахнувшийся от Мао Ху Ши назвал прочитанный им материал одной из наиболее значимых статей своего времени, превознося ее автора за «исключительную политическую дальновидность и завидное умение выбирать аргументы».

Наиболее важным для формирования личности Мао становилось то, что теперь на первое место выдвигалась организаторская работа. Отсюда открывалась уже прямая дорога к

марксизму. Тем не менее некоторое время Мао еще трактовал идею мировой революции, продвигавшейся с запада — от Петербурга — на восток, в терминах откровенного анархизма. Его новые материалы были посвящены политике в области образования, борьбе за права женщин и таким излюбленным анархистами вопросам, как «стоит или нет сохранять нацию, семью, брак; должно ли быть разграничение между частной и общественной собственностью». Выработанную Марксом концепцию классовой борьбы, насколько он в ней разобрался, Мао считал абсолютно чуждой: «Если для искоренения насилия мы прибегнем к насилию же, то в результате получим только насилие. Идея не только противоречит сама себе, она еще и совершенно непродуктивна». Вместо того чтобы проливать кровь, следует показать угнетателям ошибочность и порочность их практики. Понятие «класс» Мао использовал крайне редко и обычно в таких немарксистских категориях, как «классы мудрецов и невежественных» или «классы сильных и слабых».

Выход к широкой аудитории предоставил Мао возможность на практике применить сложившиеся в студенческие времена подходы к анализу политических явлений. Уже в первой своей статье он указывал на диалектическую природу отношений между угнетением и реакцией на него, в чем легко угадывались идеи, почерпнутые в «Системе этики» Паульсена. Восприятие истории как непрерывного потока перемен ощущалось и в оценке, которую давал Мао поражению Германии: «Если рассматривать историю в качестве бесконечной череды причин и следствий, то страдания оказываются тесно связанными с радостями. Когда достигают пика страдания одной стороны, то же самое происходит с радостями другой». Вторжение в 1790 году войск Священного союза во Францию несло в себе предпосылки прихода к власти Наполеона, захват Пруссии обусловил неудачу французской армии в 1870 году, а она, в свою очередь, вымостила Германии дорогу к поражению 1918 года. Однако круг на этом не замыкался: жесткость принятых союзниками в Версале условий делала неизбежным следующее столкновение. «Гарантирую, — писал Мао, — что не пройдет и двух десятков лет, как у вас, французов, голова вновь будет раскалываться от боли. Запомните мои слова!»

Мао и многие образованные китайцы восхищались «неодолимой силой» и «сознанием величия», сделавшими немцев самой могущественной нацией Европы того времени. И здесь ощущение истории наделило Мао редким для его соотечественников даром предвидения.

«Мы должны осознать, что Япония и Германия представляют собой двух обхаживающих друг друга собак, кобеля и суку. И хотя до любви дело не доходит, распаляющая обоих похоть не даст им разойтись в стороны. Если милитаристские устремления авторитарного японского правительства не пресечь в корне, если немцы не смогут революционным путем сменить свою власть, если не разделить эту изнывающую от страсти пару, то опасность возрастет стократ».

Эти строки были написаны, когда Мао исполнилось двадцать пять лет.

В начале августа 1919 года Китай вступил в недолгий период спокойствия. Произошли символические перемены в правительстве, прекратились демонстрации и забастовки.

И только в Хунани положение оставалось напряженным. Явившийся в сопровождении охраны на встречу с представителями студенчества губернатор яростно кричал: «Я же запретил вам маршировать по улицам, запретил всякие собрания! Ваше дело — учиться и учить других. В случае непослушания головы полетят с плеч!» Вскоре власти закрыли студенческую ассоциацию, а ее председатель Пэн Хуан был вынужден уехать в Шанхай.

На Мао это не произвело никакого впечатления.

4 августа «Сянцзян пинлунь» опубликовала вызывающую омерзение петицию, написанную самим Мао. В ней автор испрашивал губернаторского разрешения возобновить издание главной провинциальной газеты «Дагунбао»:

«Мы, студенты, уже долгое время переживаем за досточтимого губернатора... Нам и в голову не приходила мысль о том, что газета будет закрыта, а ее редактор арестован лишь за публикацию манифеста противников незаконных выборов, организованных Вашими сторонниками. Искренне надеемся, что Ваша Честь, исходя из интересов дела и выгоды, примет правильное решение и освободит редактора. Жители Хунани навсегда останутся признательны Вашей справедливости и мудрости. В противном случае плохо информированные лица могут заявить, что провинциальное правительство лишило граждан права на свободу слова. Злых языков нам следует опасаться больше стихийного бедствия... При всей своей просвещенности и дальновидности Вы, Ваша Честь, не сможете не согласиться с нами...»

Реакция губернатора была легко предсказуема. Несмотря на заверения Мао в том, что его еженедельник интересуется лишь вопросами науки и общественной жизни, власти кон-

фисковали тираж очередного номера и наложили запрет на последующее издание. Через месяц Мао возглавил другой журнал, «Синь Хунань» («Новая Хунань»), в первом же выпуске которого попытался объяснить свою позицию: «Само собой разумеется, что мы не будем зависеть от того, пойдут ли дела лучше или хуже. Еще меньше интересует нас поведение властей». Спустя четыре недели закрылся и этот журнал.

Его запрет совпал со смертью матери Мао. Прошел еще один месяц, и когда он вновь взял в руки перо, чтобы подготовить материал для все-таки разрешенной губернатором газеты «Дагунбао», мысли Мао были заняты проблемой равноправия женщин:

«Господа, к вам обращаются женщины!.. Мы тоже люди, а ведь нам не позволено даже выходить на улицу из парадного. Бесстыдные и извращенные мужчины превратили нас в свои игрушки. А ведь наша ипостась — целомудрие! Храмы в честь целомудренных женщин можно видеть по всей стране. Где же в таком случае хоть одна пагода в честь целомудренного мужчины? Целыми днями мужчины рассуждают о неких «достойных матерях» и «порядочных женах». Разве это не способ вынудить нас продавать себя первому встречному? Горе, горе нам! Где ты, свобода? Как избавиться нам от демонов, которые крадут свободу наших душ и наших тел?»

В 1919 году такие взгляды разделяла значительная часть китайской молодежи, возмущенной уже давно вошедшим у женщин в привычку бесправием.

Осенью в Чанша происходит случай, взволновавший весь город. Родители в качестве второй жены отдали престарелому торговцу свою молодую дочь. Двадцатитрехлетнюю Чжао Ушэнь в свадебном паланкине понесли к дому мужа, но когда парчовый занавес откинулся, собравшиеся с ужасом увидели, что по дороге девушка перерезала себе горло.

Полный горьких воспоминаний о собственной свадьбе и скорби по матери, так и не познавший чувства супружеской любви, на протяжении двух недель Мао написал не менее десятка посвященных наболевшей проблеме статей. Он признал, что часть вины в случившемся лежит на родителях девушки. Но корни трагедии лежат в «дикости общественной системы», не оставившей жертве иного шанса. Используя в качестве аргумента свою излюбленную пословицу «Осколок яшмы в руке лучше горшка глины», Мао доказывал читателям, что поступок девушки был «актом настоящего мужества». Он не согласен с Пэн Хуаном, видевшим для несчастной и иные выходы:

«Господин Пэн удивляется: почему она просто не убежала из дома? Позвольте мне сначала задать несколько вопросов, а затем я выскажу собственную точку зрения.

1) В Чанша можно насчитать не менее пятидесяти уличных торговцев, обходящих дом за домом и предлагающих женщинам белье. Почему?

2) Почему все общественные туалеты в городе предназначены для мужчин и нет ни одного женского?

3) Почему вы ни разу не видели женщину, входящую в салон парикмахера?

4) Почему одинокая женщина никогда не остановится в гостинице?

5) Почему вам не попадалась женщина, сидящая за столом чайного домика?

6) Почему посетители больших магазинов исключительно мужчины?

7) Почему нет женщин среди городских извозчиков?

Любой, кто знает ответы на эти вопросы, поймет причины, по которым дочь семейства Чжао не могла убежать. Да и пожелай она бежать — куда?»

Обостренное внимание к социальным факторам и личные наблюдения заставили Мао пересмотреть некоторые политические взгляды. Чтобы изменить страну, считал он теперь, необходимо в первую очередь изменить устои жизни общества. Это становится возможным при условии смены системы. Новая система, в свою очередь, требует новой власти.

Под влиянием Мао эти взгляды получили зимой поддержку студентов Чанша, где усилившийся к тому времени бойкот японских товаров заставил губернаторских чиновников показать свое истинное лицо.

2 декабря около пяти тысяч студентов и примкнувших к ним горожан направились к одному из бывших административных зданий, чтобы присутствовать при публичном сожжении ящиков с контрабандными японскими товарами. Процессия уже приближалась к площади, когда несколько сотен солдат под руководством Чжан Цзинтана, младшего брата губернатора, преградили ей путь и направили на демонстрантов ружья. «Что толкает вас на беспорядки? — поднявшись в стременах, обратился к толпе Чжан Цзинтан. — Не забывайте, ведь это мы, братья Чжан, жертвуем деньги на вашу учебу. Я не хуже вас знаю, как разжечь костер. Но я, будучи еще и офицером, знаю также, как убивать. Если

вы не остановитесь, кому-то из вас придется остаться здесь навсегда». Студента, заявившего, что их привело сюда чувство патриотизма, Чжан плашмя ударил саблей. Солдаты начали надвигаться на толпу. «Все вы, хунаньцы, бандиты! И женщины ваши тоже бандиты!» — прокричал брат губернатора. Лидеров демонстрантов поставили на колени, Чжан отхлестал их по щекам, а затем арестовал.

Банальный, по сути, инцидент стал для хунаньцев последней соломинкой. Пощечины Чжана оскорбили детей самых известных горожан. Ведущий банкир Чанша делился со знакомым иностранцем: «Теперь смута зреет среди людей именитых, а не черни... Мы готовы подвергнуться разграблению, лишь бы избавиться от Чжан Цзинъяо и установленных им порядков». После полутора лет его правления экономика пришла в полный упадок. Во многих местах без содержания оставалась и армия. Чжан вынужден был отдавать секретные распоряжения о возобновлении выращивания опийного мака, что запрещалось подписанными Пекином международными соглашениями. Опиум приносил чистый доход, но сейчас даже местные землевладельцы решили, что Чжану пора уходить.

Через две недели после событий в Пекин направилась делегация с единственной просьбой к властям: назначить в провинцию нового губернатора. В состав ее входил и Мао. На протяжении двух месяцев делегация бомбардировала пекинских чиновников письмами с жалобами на «ненасытную жадность» и «тиранические замашки» губернатора. Наконец состоялась встреча с помощником премьер-министра, в ходе которой депутаты Национальной ассамблеи от Хунани пригрозили своей отставкой, если Чжан не будет убран со своего поста. И все же губернатор устоял. Члены делегации пали духом: они сделали все, что могли.

Когда несколькими месяцами позже Чжан Цзинъяо был все же смещен, то произошло это вовсе не благодаря петициям и массовым протестам. Причиной его отстранения стали новые интриги среди высшего военного руководства. В мае 1920 года У Пэйфу, почувствовав, что конфликт между его чжилийскими единомышленниками и аньхойскими ставленниками в правительстве достиг апогея, решил помочь Тань Янькаю вернуться в Хунань. На свою долю он оставил окончательную схватку с Дуань Цижуем. 11 июня губернатор покинул Хунань, ознаменовав свой отъезд взрывом склада боеприпасов. Угрожая сжечь Чанша и расправиться с неугодными, он прощальным жестом изъял у городских торговцев миллион долларов. Войскам южан, прибывшим в город на следующий день, жители устроили восторженную встречу, небо

до глубокой ночи полыхало огнями фейерверков. Через месяц отряды У Пэйфу и других чжилийских генералов нанесли сокрушительное поражение армиям Дуань Цижуя. Правившая Китаем три года аньхойская клика перестала существовать.

Если с точки зрения практических занятий политикой поездка Мао в Пекин обернулась неудачей, то, во всяком случае, она безусловно подтолкнула его к марксизму. Уже предыдущей осенью, когда губернатор Хунани запретил выход «Сянцзян пинлунь», Мао учредил «Чжути сюэшэ» («Общество проблемных исследований»), одной из целей которого была оценка вероятности скорейшего «единения народных масс». В целом же члены общества ставили перед собой сотни самых эклектичных задач, начиная с «возможности построения социализма» и заканчивая такими экзотическими проектами, как «прокладка транспортных туннелей под Беринговым морем, Гибралтарским проливом и Ла-Маншем». «Движение 4 мая»* раскрыло перед молодежью поистине безграничные возможности.

Своим возникновением общество было обязано дискуссии между Ху Ши и Ли Дачжао: первый считал, что общество нуждается в глубоких исследованиях стоящих перед ним проблем, а не в возне с «измами», второй возражал: без «измов», то есть теорий, эти проблемы не могут быть поняты и объяснены. Мао попытался объединить две точки зрения в единое целое.

С течением времени количество «измов» только возрастало. Главную роль в этом сыграла статья Ли Дачжао «Мое изучение марксизма», едва ли не за одну ночь коренным образом изменившая терминологию Мао. Впервые он начал осознавать, что система, требовавшая перемен, по характеру своему является экономической. Отношения в традиционной китайской семье, заявил Мао, строятся на чисто экономических принципах, следовательно, они полностью контролируются капиталистическим укладом жизни. Перемены в институте брака несут женщине экономическую независимость. Перемены в обществе означают слом отживших экономических отношений и становление новых. Через месяц при обращении к коллегам Мао назвал их «товарищами», люди же рабочих профессий превращаются в «трудящихся».

Отказ России от соблюдения «неравноправных договоров», предоставлявших ей в Китае права экстерриториальности, у мно-

---

* Начавшееся с «Инцидента 4 мая» 1919 года национально-освободительное, антиимпериалистическое по сути своей движение привело к созданию в Китае марксистской партии. — *Примеч. пер.*

4 Зак. 1137

гих в стране вызвал прилив признательности большевистскому режиму и обостренный интерес к его руководящим принципам.

Мао собирал и изучал всю доступную ему информацию о новом российском правительстве. В разговоре с другом он назвал Россию «самой цивилизованной страной мира» и испытывал острое желание отправиться туда, чтобы собственными глазами увидеть строительство коммунизма. Он поделился с Ли Дачжао мыслями о разработке программы обучения китайской молодежи в Москве и даже набрался храбрости заявить, что начинает изучать русский. Но в глубине души Мао по-прежнему глубоко сомневался в целесообразности выезда за пределы родины. «Слишком многие сходят сейчас с ума от двух слов: «поездка за границу», — брюзжит он и тут же с легкой грустью добавляет: — Конечно, было бы правильно съездить туда разок, утолить жажду неизвестного». В конечном итоге Мао откладывает принятие решения и остается в Китае, чтобы «продолжить обучение дома».

Сказать это было намного проще, чем выполнить.

Достать в Китае марксистскую литературу оказалось почти невозможно. Первый полный перевод «Манифеста коммунистической партии» появился лишь в апреле 1920 года, когда Мао собирался выехать в Шанхай. До конца года отсутствовали и работы Ленина на китайском языке. Мао с жадностью читал все, что попадало ему в руки: «Манифест» Маркса, «Классовую борьбу» Каутского. Интерес к подобной литературе подогревал в нем Ли Дачжао, основавший в Пекинском университете марксистский кружок, и Чэнь Дусю, чья вера в коммунизм, по словам Мао, «оказала на меня глубочайшее влияние в один из самых критических моментов моей жизни».

Но до полного признания марксизма ему еще очень далеко. В то время как Чэнь занимался созданием в Шанхае отделения Лиги социалистической молодежи и марксистского кружка, Мао с энтузиазмом пропагандировал идеи японского «движения новой деревни». Эта пастораль предполагала организацию коммун на предложенных Кропоткиным принципах взаимопомощи. Конечная цель — построение бесклассовой анархистской общности. Чтобы сократить разрыв между городом и деревней, между учащимися и всей коммуной, последователи движения обязаны были в беседах с крестьянами знакомить их с последними достижениями социальной мысли. Чем не хождение в народ российской интеллигенции?

Летом, после того как несколько попыток создать в Китае подобные коммуны закончились провалом, Мао пришел к выводу, что идеология «новой деревни» не выдержала

проверки практикой. И все же он не отбросил эту концепцию окончательно. На следующий год в Чанша появился его «Университет самообразования», базировавшийся на тех же принципах коммуны. Учащиеся приносили клятву «изучать, преподавать и проводить в жизнь идеи коммунизма». Усилиями Мао было создано и «Общество культурной книги», которое распространяло печатную продукцию «Движения 4 мая». Марксизм опять оставался забытым. Общество продавало труды Кропоткина, Ху Ши и Джона Дьюи, количество реализованных экземпляров Маркса или Каутского исчислялось единицами. В это время у Мао появился новый кумир: Дьюи, учивший, что «образование — это жизнь, а школа — общество». Дьюи стал для него «одним из трех величайших философов современности» — наряду с Бертраном Расселом и Анри Бергсоном.

Годы спустя Мао сказал в Баоани Эдгару Сноу, что летом 1920 года он считал себя марксистом. К правде это утверждение не имело никакого отношения: в состоявшемся примерно тогда же разговоре с другом Мао признался: «Пока еще я не знаю, кому верить». И действительно, марксизм был тогда для него не лучом света, а сбивавшей с толку головоломкой. Мао упрекал себя за беспорядочность мышления. «Я слишком эмоционален и темпераментен, — признался он одному из бывших учителей. — Я не могу сосредоточиться, мне не хватает настойчивости, а изменить себя никак не удается. Какая досада! Так хочется заняться филологией, буддизмом, но у меня нет ни книг, ни времени, чтобы читать их. Вот и приходится откладывать все на потом. Очень трудно дается мне самодисциплина».

Для человека со столь радикальными взглядами признание в интересе к буддизму звучит по меньшей мере странно. Но в 1920 году китайская культура служила Мао фундаментом, на котором строилось все его мировоззрение. Эту роль он сохранит за ней до самого конца.

От идей молодости Мао не отрекался никогда. Его мышление развивалось методом прироста. Прагматизм Дьюи накладывался на заимствованный у Паульсена и Канта идеализм; либерализм Джона Стюарта Милля обогащали идеи общественного дарвинизма; учение Адама Смита дополнял Хаксли. На смену конституционализму Лян Цичао приходил социализм Цзян Канху и Сунь Ятсена. Утопизм Кан Ювэя прокладывал дорогу к анархизму и марксизму. Все эти «новомодные веяния» удерживались на прочном каркасе классического китайского наследия — от жившего в династию Мин Ван

Янмина до неоконфуцианца Чжу Си; от танского Хань Юя до Цюй Юаня эпохи Сражающихся царств. Но и это классическое наследие опиралось на вековой сплав буддизма, конфуцианства и даосизма, духом которого Мао проникся еще ребенком в деревенской школе. Каждый новый уровень включал в себя все накопленное более нижними слоями. Ничто никуда не пропадало.

Этой обширной кладовой эрудиции Мао обязан удивительной и оттачивавшейся с годами склонностью к метафоричности и параллельности мышления. Еще более важным представляется то, что его подход к марксизму тоже окрашен оттенками всех прежних интеллектуальных наслоений.

Наряду с чисто анархическими брошюрами «Общество культурной книги» располагало и такими традиционными шедеврами, как роман «Речные заводи», изданный на классическом литературном языке. Весной 1920 года, когда появилось время познакомиться с достопримечательностями, что Мао обещал матери сделать двумя годами раньше, он в первую очередь направил стопы туда, где происходили описываемые древними авторами события:

«Я остановился в Цюйфу и посетил могилу Конфуция. Увидел небольшую протоку, в которой его ученики омывали ноги, походил по крошечному городку, где ребенком жил Учитель. Я стоял у дерева, посаженного, по преданию, самим Конфуцием, рядом с храмом, что воздвигли в его честь. Затем отправился на реку, у которой поселился Янь Хуэй, один из любимейших учеников Конфуция. Впереди меня ждала еще родина Мэнцзы. Я взобрался на вершину Тайшань, в Шаньдуне эту гору почитают как святыню. Здесь ушел в отставку генерал Фэн Юйсян, здесь же он писал патриотические строки... Я прогуливался по берегам озера Дунтинху, прошелся вокруг стены Баодинфу. Под моими ногами потрескивал лед Бохайского залива. Теперь мне знакомы и стены Нанкина, и гремевший славой во времена Троецарствия Сюйчжоу... Путешествие вышло замечательное...»

Путешествие в прошлое и в самом деле оказалось для Мао не менее увлекательным, чем блуждания по новому миру «измов», среди которых предстояло найти ключ к будущему страны.

Задолго до того как Чжан Цзинъяо был вынужден оставить свой высокий пост, уже шли жаркие споры о том, какой должна стать новая власть в провинции. Провозглашенная Сунь Ятсеном Китайская Республика оказалась, по сути, мертворожденным ребенком. С 1913 года Хунанью правили трое пришедших с севера вое-

начальников: Мясник Тан, Тиран Фу и Злобный Чжан, причем каждый был ненавистнее предыдущего. В пожарище гражданской войны погибли десятки тысяч хунаньцев, сотни тысяч лишились крова. Дикость и зверства последних двух лет убедили хунаньскую элиту в том, что провинция жила бы куда лучше под властью местного уроженца. До предложения объявить свою независимость — вначале от Пекина, а затем и от всего Китая — оставалось сделать лишь небольшой шаг. В 1920 году у всех на устах были два понятия: собственное правительство и самоуправление. Лозунг «Хунань — для хунаньцев» обрел новое звучание. Обращавший на себя внимание путешественников прошлого века менталитет жителей «независимого княжества» получал драматически актуальное подтверждение.

Поначалу Мао был полон скептицизма. «Я просто не понимаю, — писал он в марте, — как мы сможем это сделать. Чрезвычайно трудно добиться независимости, будучи внутренней провинцией Китая. Разве что ситуация в будущем изменится настолько, что мы превратимся в нечто похожее на американские штаты или земли Германии».

Тремя неделями позже он превозмог уныние и вместе с Пэн Хуаном занялся созданием «Хунаньской ассоциации содействия реформам». Штаб-квартира ассоциации находилась в Шанхае, а финансировали ее деятельность состоятельные хунаньские бизнесмены. Устранение одиозного Чжан Цзинъяо, предостерегал Мао, может оказаться «головой тигра с телом змеи», то есть хорошим началом с неудачным концом. Необходимо менять саму порочную систему, в противном случае на место одного Чжана придет другой. Но сменить систему сразу во всей стране невозможно. Поэтому начать следует с относительно небольшого района, к примеру, с Хунани. При успехе принцип самоопределения найдет приверженцев и в других провинциях. Со временем же разрозненные территории начнут «объединяться в решении общих для всей страны проблем».

В июне 1920 года Мао развил эти взгляды в письме, адресованном шанхайской газете «Шэньбао»:

«С нынешнего дня нашей главной задачей становится... упразднение военного губернаторства, сокращение вооруженных сил и... строительство гражданского самоуправления. Мы исходим из того, что в течение ближайших двадцати лет у Китая нет шансов повсеместно ввести народное самоуправление. Поэтому для Хунани в данный период на первое место выходит защита своих границ и осуществление собственного самоуправления. Нас не должны интересовать проблемы соседних провинций или цент-

рального правительства. В идеале мы уподобимся североамериканским штатам, какими они были лет сто назад. Мобилизовав все духовные силы населения, мы будем в состоянии создать на территории провинции свою особую хунаньскую цивилизацию. На протяжении последних четырех тысячелетий китайские политики всегда тяготели к широкомасштабным проектам, в результате чего мы имеем страну, крепкую извне и весьма слабую изнутри, незыблемую сверху и шаткую снизу, тонко организованную снаружи и бездушно-продажную в глубине. С момента провозглашения республики многие достойные люди во всеуслышание рассуждали о конституции, парламенте, президенте. И чем громче они говорили, тем большее смятение производили их слова в умах людей. Почему? Потому что нельзя строить на песке: здание не удастся даже закончить. Сейчас мы должны умерить аппетиты и заняться лишь вопросами самоуправления Хунани».

Два последующих месяца представители всех слоев хунаньского общества — от крестьян до крупных торговцев — были слишком заняты ремонтом своих разрушенных жилищ, для того чтобы глубоко задумываться о политике. Несколько недель Мао провел у братьев в Шаошани. После смерти отца он стал главой семьи. В Чанша Тань Янькай третий раз за свою губернаторскую карьеру попытался по кусочкам сложить то, что уцелело от местной администрации. Он отказался от ненавистного титула «дуцзюнь» — «военный губернатор», заменив его «главнокомандующим» войск, освободивших город.

По существу, Хунань вышла из-под контроля Пекина, однако вопрос о форме собственного управления оставался нерешенным. Этой проблемой занялся Сюн Силин, местный ученый, бывший в первые годы республики главой кабинета министров. Он предложил избирать нового губернатора коллегией выборщиков, в которую войдут члены местных ассамблей и представители ассоциаций образования и бизнеса. Выдвигались и иные предложения. Когда Мао в начале сентября возвратился в Чанша, дебаты шли полным ходом. Статьей в «Дагунбао» Мао внес в них и свою лепту. «Волны перемен захлестывают весь мир, — писал он, — призыв к самоопределению эхом возвращается к нам с неба». Хунань должна стать первым из «двадцати семи маленьких Китаев», приветствуя процесс перемен, который неизбежно приведет к «повсеместной и всеобъемлющей победе новых прогрессивных сил».

Тань Янькай занял выжидательную позицию: он хотел быть уверен в том, что принятие решений останется исключительно за ним.

В середине сентября Тань созвал землевладельцев и высших чиновников на собрание с целью выработки новой конституции. После упреков в недостаточной представительности собрания он предложил поручить всю подготовительную работу провинциальной ассамблее. Мао, Пэн Хуана и их союзника, редактора «Дагунбао» Лун Цзяньгуна, не устраивал и этот сценарий. «Если мы хотим добиться самоуправления, — писал Лун, — то никак не можем положиться на мнение узкого кружка избранных... Наше спасение — в наших руках! Не полезем в западню!» Друзья настаивали на избрании всеобщим голосованием Конституционного собрания, причем в выборах могли принять участие все граждане провинции старше восемнадцати лет (Мао предлагал понизить планку до пятнадцати).

Проведенный 8 октября митинг принял петицию в поддержку этих требований. На митинге Мао призвал сограждан не упустить шанс, который даст им введение самоуправления:

«Жители города Чанша! От успеха ваших действий выиграет 30-миллионное население всей Хунани. В случае вашей неудачи люди опять будут обречены на страдания. Помните, что на вас лежит нелегкая ответственность. Все политические и общественные реформы стран Запада начинались с активных действий горожан. Грандиозные перемены в России, потрясшие весь мир, тоже брали начало в городах. Даже в мрачном средневековье именно горожане отвоевывали у властей предержащих почетное право называться свободными. Граждане! Воспряньте! Вам решать вопрос будущего Хунани!»

Через двое суток, в национальный праздник страны — День республики — по узеньким улочкам древнего Внутреннего города под звуки оркестров и с развевающимися стягами, не обращая внимания на мелкий моросящий дождь, к дворцу губернатора приближалась огромная демонстрация — чтобы вручить петицию Тань Янькаю. Под заголовком «Домашнее самоуправление: каждой провинции — своего правителя» издающаяся на севере страны газета «Бэйфан шибао» («Северный вестник») писала:

«Документ подготовлен господином Лун Цзяньгуном, редактором «Дагунбао», господином Мао Цзэдуном, преподавателем педагогического колледжа, и господином Пэн Хуаном, книготорговцем. Среди 430 подписавших его насчитывается 30 журналистов, около 200 деятелей образования и науки, 150 бизнесменов и 50 рабочих. Примечательно, что рабочих пригласили не только подписать петицию, они были включены также в состав депута-

ции, представившей ее губернатору. Нет и тени сомнения в том, что взгляды всех наших соотечественников устремлены в этот момент на Хунань. Провинция получает шанс, которого нет пока у других. В случае успеха за ней последуют и остальные».

Таня все еще продолжали мучить сомнения. В петиции говорили об установлении политической системы, основанной на принципах «демократии и социализма», мало этого, она содержала прозрачный намек на то, что в противном случае обществу грозит «кровопролитная революция». Устами Мао газета «Дагунбао» накануне прямо заявляла: «Нам нужен не просто один хунанец, ибо один правитель всегда и неизбежно становится господином, те же, кем он управляет, превращаются в рабов. Нет, наша цель — народное самоуправление».

По сути дела, это была риторика. Мао признавал: в стране, где 90 процентов населения неграмотны, революция, подобная той, что осуществил в России Ленин, невозможна. В лучшем случае можно рассчитывать на организацию широкого движения образованных людей, которые и будут «шаг за шагом подталкивать общество вперед».

Но даже столь осторожные предупреждения пугали консерваторов. «Хунаньская цивилизация» в их глазах выглядела куда безобиднее «народного самоуправления».

В ходе шествия группа демонстрантов забралась на крышу здания хунаньской ассамблеи и сорвала флаг провинциального собрания. На следующий день Тань заявил, что расценивает это как неуважение к власти и отказывается рассматривать петицию.

Лишенное его поддержки, движение заглохло. Через несколько недель Таня силой отстранил от власти местный военачальник Чжао Хэнти. В январе 1922 года была принята разработанная под его началом провинциальная конституция. Чжао управлял провинцией до 1926 года, пока его место не занял, как и предупреждал Мао, очередной мятежный генерал.

Неудача разочаровала Мао. Земляки его в вопросах политики оказались сонливыми и продажными. У него не осталось и малейшей надежды на успех реформ. Необходимо было искать иные, совершенно новые пути, писал он.

У Мао зрело подспудное ощущение, что дорога в будущее проходит через его «Научное общество новой нации», члены которого смогут выработать правильную стратегию продвижения вперед. Они не гонятся за славой, а готовы довольствоваться медленной и кропотливой работой по мобилизации широких сло-

ев населения. Любую идею может провести в жизнь лишь движение, а оно, в свою очередь, требует поддержки масс.

«Мы должны создать другую атмосферу... Для этого потребуются решительные и не боящиеся работы люди, но прежде всего нам необходим всех объединяющий «изм», иначе ничего не выйдет. Этот «изм» можно уподобить зовущему за собой знамени».

Оставалось только решить: за каким «измом» следовать? Изучавший под Парижем филологию Цай Хэсэнь настаивал на том, что для Китая лучшим примером является большевистская революция. С ним спорил Сяо Юй, предлагая взамен близкую Мао программу анархистов. Оба сходились в необходимости «изменить Китай и весь мир». Цай считал, что основной задачей социализма является уничтожение капиталистической системы методами пролетарской диктатуры:

«В современном мире анархия представляется мне потерявшей свою эффективность, поскольку общество уже разделено на антагонистические классы. Только диктатура пролетариата в состоянии свергнуть господство буржуазии, и опыт России служит явным тому доказательством. Вот почему в ходе предстоящих реформ мы должны создать коммунистическую партию. Она станет инициатором, пропагандистом и мозговым центром будущих реформ».

В этом его поддерживал и Чэнь Дусю.

Вместе с Пэн Хуаном Мао создал в Чанша «Общество изучения России», куда вошло более десятка молодых хунаньцев, среди них такие известные в будущем деятели, как Жэнь Биши и Пэн Шучжи.

По предложению Чэнь Дусю в Хунани организовали марксистский кружок. Войдя в него, Мао начал обсуждать вопрос открытия в провинции отделения Лиги социалистической молодежи.

Путь Мао к марксизму в отличие от Цай Хэсэня оказался более долгим. Один из друзей называл первого практиком, второго — теоретиком. После всех неудач с самоуправлением и попыток построить «новую деревню» у Мао постепенно складывалось ощущение, что для китайских условий применима лишь «революция типа российской»:

«В свете последних событий ясно, что только путь, избранный большевиками, не заканчивается тупиком. В их методах — сила... Вся социал-демократия сводится к парламентаризму, но принимаемые парламентами законы всегда защищают класс имущих. Для анархистов не существует авторитетов, их доктрина никогда не сможет быть реализована. Принципы свободы, кото-

рые отстаивает Бертран Рассел, ведут к абсолютному господству капитализма. Приемлемой для нас остается только идеология рабочих и крестьян — диктатура пролетариата».

Свой идеал Мао видел в освобождении буржуазии от привычных ей предрассудков — без всякого применения насилия или ограничения свобод. Но на практике это недостижимо. «Методами образования, воспитания и убеждения еще ни разу в истории не удавалось заставить деспота, капиталиста или милитариста отказаться от своего. Образование предполагает наличие денег, грамотных людей и общественных институтов. В наше время деньги находятся в руках капиталистов. Грамотные — либо сами капиталисты, либо их рабы. Образование оказывается в руках капиталистов, потому что их парламенты принимают законы, защищающие собственников и ущемляющие интересы трудящихся. Армия и полиция не только обеспечивают безопасность и покой правящего класса, они же участвуют в подавлении интересов рабочих. Банки проворачивают заработанные эксплуатацией чужого труда капиталы. Фабрики монополизируют производство жизненно необходимых товаров. Получается замкнутый круг. Как коммунисты могут обеспечить себе доступ к образованию и воспитанию без захвата власти? Вот почему я не верю в методы образования и воспитания».

1 января 1921 года после двухдневных дискуссий члены «Научного общества» постановили, что руководящей идеологией их деятельности отныне становится большевизм. Марксистский кружок к этому времени уже преобразовали в первую коммунистическую организацию. Из Шанхая Мао получил экземпляры издававшегося Чэнь Дусю журнала «Коммунист» и проект «Манифеста коммунистической партии». Призывая к установлению общественной собственности на средства производства, отказу от государства и построению бесклассового общества, манифест заявлял:

«Инструментом свержения капитализма является классовая борьба. Наша задача — организовать все противостоящие капитализму силы. Для этого потребуется создание крупных пролетарских объединений, которые лягут в основу пролетарской политической ассоциации, то есть Коммунистической партии. Партия возглавит борьбу пролетариата с буржуазией. В результате победы этой борьбы власть перейдет в руки рабочих и крестьян — как в 1917 году в России».

Вскоре после этого Мао в письме к Цай Хэсэню сообщил о своем полном отказе от анархизма и окончательном переходе на позиции марксистов.

Превращение свершилось. Несмотря на то что марксизм Мао навсегда сохранит отпечаток идей Кропоткина, длительные поиски «изма» закончились.

Посвящение в марксизм было не единственной происшедшей с Мао в 20-е годы переменой. С назначением в Чанша на должность директора начальной школы завершился длительный период полуголодного студенческого существования. В стенах педагогического колледжа стесненность Мао в средствах едва не вошла в поговорку, так часто приходилось ему рассчитывать лишь на помощь друзей. Из предпринятой поездки по стране он возвращался в Пекин без гроша в кармане и босоногим — кто-то украл его пару туфель, а позже, в Шанхае, он стирал чужое белье, чтобы заплатить за комнату, которую снимал вместе с тремя земляками. Но наконец удача улыбнулась и ему. Пост директора принес не только стабильный и приличный доход, теперь Мао играл все возрастающую роль в провинциальной политической жизни.

Зимой 1921 года он женился на Ян Кайхуэй, дочери своего бывшего профессора.

Взаимоотношения полов в Китае того времени были примерно такими же, как в любой стране Европы и Америки. Подобно другим китайским городам, в Чанша имелся свой квартал развлечений — «ивовая аллея», — где певички с улыбками потчевали состоятельных клиентов вином, а обыкновенные проститутки обслуживали тех, кто победнее. В глазах общества посещение борделей отнюдь не выглядело чем-то зазорным. Лишь немногие организации, подобные «Научному обществу», требовали от своих членов воздерживаться от визитов в веселые дома — чтобы доказать моральную готовность полностью отдать себя делу реформ. Мао же еще в 1917 году ощутил в себе ту силу, что толкала на великие свершения его излюбленных исторических героев: «...непреодолимое половое влечение, страсть, которую невозможно насытить». Позже он написал, что поступки человека направляются либо голодом, либо позывами к сексу.

Любовь к Ян Кайхуэй зародилась в Мао еще в 1918 году, когда он был помощником библиотекаря. О деталях судить трудно, поскольку, по воспоминаниям Сяо Юя, обеды в доме профессора Ян Чанцзи, на которые частенько приглашались бывшие ученики, проходили в самой чопорной обстановке. Даже известные своими либеральными взглядами семьи представить не могли, что двое молодых людей разного пола могут остаться наедине. Тем не менее в литературных трудах Мао именно тогда начина-

ла звучать некая романтическая нота. «Человеческая потребность в любви сильнее любой другой потребности. Люди либо встречают любовь, либо вступают в бесконечную череду постельных ссор, которые отправляют их искать удовольствий на берегах реки Пу»*.

Течение романа не отличалось гладкостью. По возвращении в Чанша Мао обратил внимание на Тао И. Девушка была членом «Научного общества», и их отношения тянулись до конца лета 1920 года, когда Мао, по-видимому, внезапно вспомнил свою первую любовь.

В письме из Парижа Цай Хэсэнь сообщил, что вместе со своей верной подругой Сян Цзинъюй они решили не вступать в законный брак, а заключить «союз двух любящих сердец». Мао пришел в восторг:

«Мы должны взять Цая и Сян за образец и основать «Лигу отказа от брака». Те, кто уже подписал брачные контракты, обязаны порвать их (я категорически против всякого гуманизма!), у кого их нет — пусть о них и не думают. Люди, живущие в условиях законного брака, представляются мне бригадой насильников. Я давно заявил, что никогда в нее не войду».

Эти слова он написал за три месяца до свадьбы. Семья Ян Кайхуэй явно настояла на том, чтобы все было сделано в соответствии с законом и традициями. Для дочери профессора достаточно уже того, что ее муж — простой крестьянский сын. К факту вульгарного сожительства в Чанша отнесутся куда с меньшей снисходительностью, чем во Франции. Согласился же на свой второй брак Мао потому, что видел в нем «мужчину и женщину, знавших, что сердца их в равной степени принадлежат друг другу». Счастье — в свободе выбора.

Осенью 1921 года молодые перебрались в небольшой домик в район Цзиншуйтань («Чистые пруды»), что расположен прямо за малыми Южными воротами города. На протяжении нескольких лет в нем протекал единственный, пожалуй, период в жизни Мао, когда он чувствовал себя обычным счастливым смертным, которого с нетерпением ждет дома семья. Первый сын, Аньин, появился на свет в 1922 году, второй, Аньцин — в ноябре 1923 года. В 1927 году раздался первый крик самого маленького — Аньлуна. Семью можно было назвать на редкость традиционной: Кайхуэй сидела дома с детишками, Мао занимался делом, которому посвятили себя оба супруга.

Но с годами дело взяло верх. Семья осталась где-то далеко позади.

---

* Намек на любовные утехи. Мао почти дословно цитирует «Лицзи» («Книгу ритуалов»), где падение царства Вэй увязывается с распутствами, творившимися у реки Пу. — *Примеч. авт.*

ГЛАВА 5

С КОМИНТЕРНОМ ВО ГЛАВЕ

3 июня 1921 года в Шанхайском порту после шестинедельного круиза в Венецию бросил якорь лайнер «Акила». Среди сходивших на берег пассажиров бросалась в глаза высокая фигура темноволосого голландца с усами, делавшими его похожим на прусского офицера. Вояж для голландца оказался утомительным. Еще не успев добраться до борта парохода, он был арестован в Вене, куда приехал, чтобы получить китайскую визу. Неделей позже австрийская полиция освободила путешественника, поставив в известность правительства тех стран, о пребывании в которых свидетельствовали отметки в его паспорте. В Коломбо, Пенанге, Сингапуре и Гонконге британские власти приняли меры, чтобы нежеланный гость не смог сойти на берега ее величества. Голландское посольство в Пекине обратилось к китайскому правительству с просьбой отказать ему в праве на въезд, но ответа не получило. Шанхай жил по собственным законам, пекинские чиновники и не пытались туда соваться. Каждый морской прилив приносил в это чрево Китая целые косяки авантюристов, преступников и изгоев: русское белое офицерство, японских шпионов, космополитичных интеллектуалов и прочий сброд. В обмен страна исторгала в мир толпы жаждущих знаний молодых идеалистов. В Китае Шанхай называли «молохом», для европейцев он был «шлюхой Востока». Британскому эстету сэру Гарольду Эктону город запомнился как место, где «люди не подозревают о своей исключительности, а уникальное давно превратилось в обыденное». Олдос Хаксли писал о его «напряженной, пульсирующей жизни, рядом с которой миру нечего поставить». Журналист Ся Янь увидел в Шанхае «город 48-этажных небоскребов, стоящих на 24 ступенях ада».

Направляясь к гостинице «Ориент», Андерсен, как называл себя голландец, шел по набережной мимо гранитной цитадели британского капитализма — банка «Гонконг — Шанхай», мимо зданий таможни и Восточно-Азиатской компании, вдоль ограды парка с характерной табличкой «Китайцам и собакам вход воспрещен».

Вокруг куда-то спешили толпы одетых в длинные халаты людей, слышались пронзительные гудки редких автомобилей, блестя потом, толкали тяжело груженные тележки кули. Через реку виднелись районы трущоб, где жил зарождавшийся проле-

тариат. На какое-то мгновение европеец почувствовал себя миссионером. Почему бы нет? Ведь на Хендрике Снеевлите — таково было его настоящее имя, — известном к тому же как Мартин Иванович Бергман, товарищ Филипп, мсье Сандо, Ио Ван Зон и Маринг (не считая десятка других имен), действительно лежала ответственная миссия. В Китай в качестве первого представителя Коминтерна его направил Ленин. Цель миссии — помочь китайским товарищам создать партию, которая окажет братскую поддержку Мекке большевиков — Москве и поможет раздуть пожар мировой революции.

Снеевлит был не первым эмиссаром новой России в Китае. Первый контакт произошел в январе 1920 года. Через три месяца Дальневосточное бюро РКП(б) с одобрения Коминтерна направило в Китай Григория Войтинского, затем под видом корреспондентов информационных агентств в Кантон прибыли еще двое.

Приезд Войтинского расчетливо пришелся на самый пик энтузиазма, вызванного отказом Советской России от своих исключительных прав в Китае. Григорий Войтинский был человеком огромного обаяния и такта, для общавшихся с ним китайцев он являл образец настоящего революционера. В течение девятимесячного пребывания в Китае Войтинский вместе с Чэнь Дусю участвовал в организации марксистских кружков, помогал наладить издание журнала «Коммунист», способствовал становлению Лиги социалистической молодежи.

Хендрик Снеевлит не походил на своего предшественника. Его неизменная уверенность в собственной правоте граничила с самонадеянностью, он не только все знал, но и считал своим долгом наставлять китайских товарищей на путь истинный. Вот каким он запомнился видному партийному функционеру Чжан Готао:

«С этим заносчивым иностранцем было трудно иметь дело, поведением он очень отличался от Войтинского. Его манеры напоминали привычки голландца, всю жизнь проведшего надсмотрщиком в колониях. В Коминтерне Снеевлит полагал себя главным авторитетом по вопросам Востока и чрезвычайно гордился этим... Но в глазах тех из нас, кому было знакомо чувство самоуважения, он страдал комплексом превосходства. Обычное бремя белого человека...»

В июне 1921 года на борту парохода вместе со своими товарищами из Пекина, Кантона, Цзинани, Шанхая и Токио Мао покинул Чанша для участия в созванном Войтинским съезде, который должен был объявить о создании Коммунистической партии Китая. Делегаты собрались в закрытом по случаю летних каникул женском колледже на территории французской концессии в Шанхае. Чэнь

Дусю и Ли Дачжао прислали вместо себя Чжан Готао, который и руководит работой съезда. На второй день Снеевлит и его помощник Никольский покинули колледж, предоставив китайским товарищам возможность решать споры самостоятельно.

Дискуссия велась по трем основным вопросам: какого типа партия должна быть создана; какую позицию она займет в отношении существующих буржуазных институтов; ее отношения с Коминтерном.

Снеевлит обратил внимание на то, что большинство присутствовавших были преподавателями и студентами, и в приветственном слове указал на необходимость укрепления связей с рабочим классом. Но китайский пролетариат еще не готов к восприятию марксизма, возразил ему известный марксист Ли Ханьцзюнь. Тем не менее в принятой съездом резолюции официально заявлялось о создании Коммунистической партии Китая:

«Программа нашей партии такова: вместе с отрядами революционного пролетариата свергнуть господство капиталистов, после чего рабочий класс перестраивает общество вплоть до полного уничтожения классовых различий. Мы упраздним частную собственность и конфискуем основные средства производства: землю, машины и оборудование, здания. Среди промышленных и сельскохозяйственных работников партия ведет организационную работу и широкую пропаганду коммунизма...»

Завершение работы съезда оказалось скомканным. 29 июля, когда стало ясно, что ряд серьезных разногласий разрешить не удастся, Снеевлит предложил провести второе заседание, но не в колледже, а в доме Ли Ханьцзюня, жившего также на территории концессии. Когда на второй день делегаты собрались у Ли Ханьцзюня, крутящийся под окнами человек насторожил Снеевлита, и он предложил разойтись. Нагрянувшая китайская полиция, действиями которой руководил французский офицер, в ходе четырехчасового обыска ничего не нашла, но заседание было сорвано. Тогда инициативная группа приняла решение провести через день заключительную встречу на борту пароходика, курсирующего по озеру Цзясин, что в сорока километрах от города. Чтобы не возбудить новых подозрений, европейцы остались в Шанхае. Сходя вечером с борта парохода, делегаты громко скандировали: «Да здравствует Коммунистическая партия Китая! Да здравствует коммунизм — освободитель всего человечества!» Прогулка по озеру принесла свои результаты, однако не все они пришлись по вкусу товарищам из Коминтерна.

Так по отношению к другим политическим партиям была занята подчеркнуто независимая и даже наступательная позиция; от членов Коммунистической партии требовалось порвать все связи со всеми некоммунистическими организациями. Эта сектантская тактика не только шла вразрез с надеждами Снеевлита на союз с Гоминьданом — самой мощной революционной силой Китая того времени, но и противоречила одобренному Вторым конгрессом Коминтерна тезису Ленина о тесном взаимодействии коммунистических партий с национал-революционными буржуазными демократическими движениями.

Хуже того, делегаты отказались признать главенствующую роль Москвы, да и Коминтерн рассматривали в качестве равного партнера, а вовсе не организующей и координирующей общие действия силой.

В сентябре Чэнь Дусю, ставший секретарем временного ЦИК партии, был неприятно поражен, узнав, что Снеевлит наделен полномочиями не только отдавать ему приказы, но и требовать еженедельного отчета о проделанной работе. Примерно с месяц Чэнь вообще отказывался иметь дело с голландцем, объясняя это тем, что у китайской революции своя специфика и партия не нуждается в помощи Коминтерна. Однако его финансовые вливания, около пяти тысяч американских долларов в год, коммунисты принимали.

Авторитарный стиль работы Снеевлита, характерный впоследствии и для многих посланцев Страны Советов, отражал глубокие расхождения с провозглашенным коммунистами принципом интернационализма. Сорок лет спустя КПК отомстит за нанесенные ей оскорбления.

На 1-м съезде КПК Мао сыграл весьма незначительную роль. На одном из заседаний он сделал лишь краткое сообщение о своей работе в Хунани. Чжан Готао запомнил Мао «темпераментным молодым человеком с бледным лицом; длинный халат делал его похожим на даосского монаха». В дискуссиях он почти не участвовал, испытывая неловкость в присутствии своих образованных коллег, большинство из которых «хорошо владели японским или английским».

Через два месяца после возвращения в Чанша Мао стал секретарем Хунаньского отделения КПК. В ноябре 1922 года он организовал демонстрацию, посвященную пятой годовщине революции в России. Вот что писала в те дни шанхайская газета «Миньго жибао» («Республика»):

«Перед зданием Ассоциации образования развевался огромный красный флаг, рядом — белые полотнища с над-

писями: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Да здравствует Россия!» Над толпой множество транспарантов с иероглифами «Признать Советскую Россию!», «Да здравствует социализм!» и «Хлеба рабочим!». Внезапно появился отряд полиции, командовавший им офицер именем губернатора потребовал от митингующих разойтись. Демонстранты начали протестовать, ссылаясь на дарованную конституцией свободу собраний. На это полицейский чин лишь заметил, что приказ губернатора должен быть выполнен. Толпа пришла в ярость, послышались крики «Долой губернатора!». Тогда полиция начала срывать флаги и разгонять митингующих. Начавшийся проливной дождь упростил ее задачу».

Несмотря на этот конфликт с губернатором, Мао при поддержке провинциальной интеллигенции удалось открыть Университет самообразования, о котором он говорил еще годом раньше. Местное правительство ежегодно выделяло университету две тысячи долларов, что по тем временам составляло весьма приличную сумму. Учебное заведение ставило перед собой задачу просвещения масс и «сближения работников умственного труда с промышленными рабочими». На практике университет был школой подготовки будущих активистов партии, где обучались около двух десятков студентов. Вскоре Мао бросил работу в школе и стал директором университета, продолжая преподавать китайский язык в педагогическом колледже. Верный своим принципам здорового образа жизни, в период удушающей летней жары он заставлял студентов ходить на занятия в скандально (по понятиям того времени) открытых одеждах.

На протяжении двух последующих лет Мао почти целиком отдавал себя делу организации рабочих — революция должна делаться руками пролетариата. В Китае тогда насчитывалось около полутора миллионов промышленных рабочих — против 250 миллионов крестьян. Условия труда на заводах и фабриках были бесчеловечными. Посетивший в те годы Китай деятель профсоюзного движения США Шервуд Эдди писал в своем отчете:

«На спичечной фабрике в Пекине заняты около тысячи рабочих, среди них много детей от 9 до 15 лет. Рабочий день начинается в половине пятого утра и длится до половины седьмого вечера, с перерывом всего на несколько минут. Так продолжается семь дней в неделю. Вентиляция отсутствует, помещения полны губительных паров фосфора. Уже через полчаса у меня горело горло, рабочие же дышат этим воздухом целую смену. В среднем ежедневно заболевают 80 человек.

Я посетил также и текстильную фабрику, где работают 15 тысяч молодых людей. За восемнадцатичасовой рабочий день без единого выходного им платят девять долларов в месяц. Половина рабочих — ученики, получающие примитивное пропитание вместо зарплаты. Бедные семьи с радостью отдают своих детей на фабрики...

В крошечной клетушке общежития проживают десять человек: пять работают днем, пять ночью. Во всем здании нет ни очага, ни одного предмета мебели, ни туалета. Рядом нечто вроде пещеры, где живут десяти — пятнадцатилетние девочки. За ночную смену им платят 30 центов. Спят работницы на деревянных досках, укрываясь рваными циновками. Самое страшное для них — не услышать воя фабричной сирены: опоздавших выбрасывают на улицу. Эти люди не живут. Они просто существуют».

Женский и детский труд в Хунани встречался реже, чем в прибрежных районах страны, однако условия были фактически те же. До 1920 года единственной формой организации рабочих и ремесленников оставались средневековые профессиональные гильдии. В ноябре двое студентов-анархистов, Хуан Ай и Пан Жэньцюань, создали независимую Хунаньскую ассоциацию рабочих, через год насчитывавшую около двух тысяч членов.

Пан родился в Сянтани, в десяти милях от Шаошани. В сентябре 1921 года Мао вместе с ним побывал на угольных копях Аньюани, что у самой границы провинций Хунань и Цзянси. Целью поездки было узнать, если ли возможность как-то организовать угольщиков. Позже в статье для газеты «Лаогун чжоукань» («Рабочий еженедельник») Мао написал: «Организация нужна не просто для того, чтобы забастовками заставить нанимателя сокращать рабочий день и повышать оплату труда. Организация должна будить классовое сознание и вести борьбу за интересы всего класса наемных работников». Вскоре Хуан и Пан вступили в Лигу социалистической молодежи. Стратегия Мао, направленная на постепенное подчинение анархистов влиянию марксизма, начала приносить плоды.

Но в январе 1922 года произошло неожиданное. В ответ на отказ администрации хлопкопрядильной фабрики в городе Хуаши выплатить ежегодное вознаграждение ткачи прекратили работу. Самые горячие головы начали крушить станки и оборудование. В схватке с полицией погибли трое рабочих. Забастовка продолжалась, и губернатор Чжао пригласил обоих молодых людей, ее организаторов, на переговоры. Длительная беседа закончилась обещанием выплатить работникам все полагающееся, но затем Хуана и Пана арестовали и казнили.

Их смерть, последовавшая через три недели после того, как губернатор опубликовал довольно либеральную, по понятиям того времени, провинциальную конституцию, потрясла весь Китай. Сурово наказать Чжао потребовал Сунь Ятсен, действия хунаньских властей осудили видные лидеры китайской интеллигенции. В марте и апреле Мао развернул в шанхайской прессе широкую кампанию протеста.

1 апреля Чжао сделал попытку ответить своим обвинителям:

«К сожалению, публике, по-видимому, неизвестны истинные причины столь жесткого решения. Меня упрекают в том, что я искал предлог для разгона ассоциации провинциальных рабочих, но это не так. Двое преступников, Хуан и Пан, вошли в заговор с антиобщественными элементами, поставив перед собой цель добыть оружие и боеприпасы... В их планы входило свергнуть провинциальное правительство и спровоцировать массовые беспорядки накануне Нового года по лунному календарю. На мне лежит тяжкое бремя власти над тридцатимиллионным населением Хунани, и я не могу позволить себе быть снисходительным к преступникам, жертвуя покоем и благополучием всей провинции. Поступи я по-другому, общество постигли бы еще большие несчастья... Я всегда защищал интересы рабочих. Я желаю труженикам Хунани успехов и процветания...»

Этим объяснениям мало кто поверил. Слова и действия губернатора лишь активизировали рабочее движение.

Мао предпринял новый шаг: создал сеть вечерних школ для рабочих, в чем ему оказывал значительное содействие ИМКА*, развернувшая при поддержке провинциального правительства кампанию по ликвидации неграмотности. На добровольной основе члены партии работали в этих школах учителями. Мао написал специальный учебник, цель которого — не только помочь в овладении письменностью, но и пропагандировать идеи социализма.

Наибольший успех эта деятельность принесла в Аньюани, куда Мао направил вступившего в партию во Франции Ли Лисаня. Мао по-прежнему не испытывал к нему никаких симпатий, но у молодого человека, приславшего ему когда-то «половину ответа», оказался дар настоящего профсоюзного деятеля. Он создал клубы

---

* Христианская ассоциация молодых людей (YMCA) — международная неполитическая организация, созданная в 1851 году в Бостоне (США). Занималась вопросами досуга и обучения молодежи. — *Примеч. пер.*

угольщиков и железнодорожников, где через четыре месяца насчитывалось более семи тысяч членов.

В сопровождении готовящейся стать матерью Ян Кайхуэй Мао разъезжал по провинции, прикидывая, где еще можно основать клубы рабочих. Руководство партии требовало основное внимание уделить агитационной и пропагандистской работе среди железнодорожников, и в июле их клуб открыли в Чанша, а через месяц — в Юэчжоу, расположенном на магистрали, ведущей в Ханькоу.

Здесь опять начались проблемы.

В субботу 9 сентября группа железнодорожников блокировала пути, требуя повышения заработной платы и улучшения условий труда. Направленные для восстановления порядка войска открыли огонь и убили шестерых забастовщиков; многие, включая женщин и детей, принесших еду родственникам, были ранены. Когда весть о случившемся достигла Чанша, Мао разослал клубам рабочих телеграмму:

«Товарищи! Только на класс тружеников обрушиваются столь жестокие, бесчеловечные унижения. Есть ли предел нашему гневу? Можно ли измерить нашу ненависть? Какой мощи будет наш отпор? Мстить, мстить! Рабочие всей страны, поднимайтесь на борьбу с врагом!»

В этой ситуации губернатор Чжао дал понять о своем полном нейтралитете. Гарнизон Юэчжоу составляли северяне, поддерживавшие чжилийскую клику и ее главу, генерала У Пэйфу. Видя в нем своего соперника, Чжао считал, что отсутствие сообщения с северными районами страны будет ему только на руку.

В Аньюани узнали о событиях через сутки. Мао решил использовать давно зревшее недовольство угольщиков и предложил присоединиться к забастовке железнодорожников. Ли Лисань составил перечень требований, и через сорок восемь часов, в полночь 13 сентября, шахтеры отключили электричество, досками заколотили входы в шахты и установили перед ними транспаранты с надписями: «Мы были скотами. Хватит! Теперь мы — люди!» Совет директоров капитулировал и согласился повысить заработную плату и премии, ввести выходные дни, пересмотреть порядок найма на работу — при действовавшей системе половина годового фонда заработной платы уходила в карманы агентов по найму. Несколькими днями позже в Ханькоу на встрече более тысячи железнодорожников прозвучало требование немедленно поднять заработную плату и им. Под угрозой общенациональной забастовки власти согласились.

* * *

Успехами в забастовочной борьбе шахтеры и железнодорожники были лишь косвенно обязаны Мао. Как секретарь провинциальной организации КПК, он, конечно, осуществлял общее руководство забастовочным движением, но непосредственного участия в разрешении конфликта не принимал. Начавшиеся в Чанша неделю спустя волнения среди городских каменщиков и плотников потребовали от него более активных действий.

Недовольство среди потомков славного Лу Баня* вызревало все лето. Инфляция обесценила их заработки, и в июле гильдия обратилась в магистрат с просьбой о повышении тарифных ставок. Однако перед этим старейшины гильдии в нарушение всех традиций потребовали от своих подопечных собрать три тысячи серебряных долларов, необходимых для ведения переговоров.

«Они ходили по самым модным ресторанам, где устраивали роскошные банкеты, — вспоминал один из членов гильдии. — Эти кровопийцы ублажали себя изысканными блюдами и вином, так ничего для нас и не сделав».

Выход из тупиковой ситуации предложил Жэнь Шудэ, помогавший обустраивать помещения Университета самообразования и ставший в 1922 году членом партии. По совету Мао он создал Союз каменщиков и плотников, куда в начале сентября вошли более тысячи человек. Мао написал устав союза и на протяжении месяца сочинял листовки, которые пущенными из арбалета стрелами доставлялись по ночам в солдатские казармы.

4 октября магистрат отклонил просьбу строителей повысить тарифные ставки. На следующий день собравшиеся в доме Мао лидеры союза приняли решение провести забастовку и потребовать не только пересмотра системы оплаты труда, но и права самостоятельно вести переговоры с заказчиками. На городских стенах жители прочитали написанную Мао декларацию союза:

«Мы, каменщики и плотники, хотим довести до вашего сведения, что для обеспечения нормальной жизни семьям требуем разумного повышения оплаты своего труда... Изнуряя себя непосильным трудом, мы приносим домой жалкие медяки. Посмотрите на торговцев! Ведь их цены растут каждый день. Почему же никто не протестует? Почему только мы, рабочие, вынуждены по дешевке продавать свои руки?.. Должно же быть у нас право хотя бы сохра-

---

* Лу Бань — легендарный строитель, живший в период Чуньцю (722–481 гг. до н.э.). Считается покровителем плотников. — *Примеч. пер.*

нить древнее и всем необходимое ремесло! Если нужно будет, мы умрем, но не отдадим его никому».

Через сутки в городе были прекращены все строительные работы. В условиях приближавшейся зимы общественность потребовала от магистрата спешно договориться со строителями. 17 октября городские власти создали согласительную комиссию и сурово предупредили союз: «Упрямство не доведет вас до добра. Одумайтесь, пока не поздно». Предлагаемые комиссией расценки выше прежних, однако новая уравнительная система оплаты не устраивала строителей, и союз постановил провести 23 октября марш протеста. Естественно, власти его запретили; у многих профсоюзных лидеров опустились руки.

Всю ночь Мао объяснял Жэнь Шудэ и его товарищам, что забастовки сейчас идут по всей стране, что действия строителей получат самую широкую поддержку общества. Следующим утром колонна из четырех тысяч каменщиков и плотников направилась к городской магистратуре. У наглухо закрытых дверей пришедшие обнаружили две доски: к одной прибита боевая стрела — символ готовности властей навести порядок силой оружия, на другой висел лист с последним предложением согласительной комиссии.

Мао в одежде простого рабочего находился среди демонстрантов. Через боковую дверь группа вожаков вошла в здание, чтобы начать переговоры. Они длились несколько часов, но не принесли успеха. Безрезультатна была и вторая попытка найти общий язык с властями. Все это время Мао оставался на улице, лозунгами поддерживая в окружающих решимость довести дело до конца. С наступлением темноты собравшиеся зажгли принесенные с собой масляные фонари.

Недовольный перспективой провести ночь в осаде, губернатор послал на площадь своего адъютанта, который попытался убедить толпу разойтись. Оказавшийся случайным свидетелем миссионер написал через несколько дней в «Бэйфан шибао»:

«Когда около десяти вечера я проходил по площади, мое внимание привлекло интереснейшее зрелище: строгий чиновник... пытается доказать что-то десятку окруживших его рабочих. Обе стороны ведут себя с чисто дипломатической учтивостью, обмениваясь изысканными и полными почтительности фразами... Я вижу, как чиновник взбирается на скамью и призывает собравшихся вернуться к семьям. Один из рабочих предлагает товарищам выразить свое мнение голосованием, но на вопрос, есть ли желающие отправиться домой, вверх не поднимается ни одна рука. «Вот вам наш ответ», — повернулся рабочий к чиновнику.

Тот пытается объяснить, что не только магистрат, но и сам губернатор не имеет права устанавливать расценки на производство строительных работ самовольно, без предварительного согласия заинтересованных сторон. Слышится возмущенный ропот толпы, но в целом рабочие ведут себя весьма сдержанно, выполняя все требования своих вожаков соблюдать спокойствие и порядок. Еще с час я слушал их вежливые препирательства. Только около двух ночи усталые и голодные — поскольку солдаты не позволяли сочувствующим горожанам передавать митингующим одежду или еду — рабочие согласились отправиться по домам».

Рабочим, беседовавшим с адъютантом губернатора, был Мао. В итоге строителям удалось заручиться согласием губернатора продолжить переговоры. Почему, спрашивал его заместителя Мао, торговец может прекратить продажу не приносящего дохода товара, а каменщик не имеет права остановить работу? Почему разрешается повышать цены на продукты, но нельзя повысить оплату труда, который их производит? В конце концов сторонам удалось достичь согласия, и на скрепленной губернаторской печатью бумаге было зафиксировано: «Все вопросы повышения окладов и ставок решаются на принципах равноправных договорных отношений между работниками и их нанимателем».

Так Мао положил в Чанша конец пятивековому бессилию гильдий. Дневная ставка каменщика поднялась с 20 до 34 мелких серебряных монет, что «едва превышало прожиточный минимум, на который можно содержать семью с двумя детьми», как отмечал тот же миссионер. Но для самого Мао, для партии и городских рабочих такое решение означало решительную победу, и на следующий день под грохот фейерверков по улицам Чанша прошли более 20 тысяч демонстрантов. Городская газета писала:

«Власти капитулировали перед сжатой в кулак волей строителей... Это первая проба сил их нового профсоюза. Они добились всего, за что боролись, а попытки чиновничества свести дело к компромиссу потерпели крах. Заставив считаться со своими скромными требованиями, рабочие получили мощный рычаг воздействия на власть».

Источником переполнявшей его в те дни радости стала для Мао не только эта победа: в доме матери на окраине города Ян Кайхуэй родила сына.

Успех забастовки строителей вдохновил горожан. За каменщиками и плотниками последовали портные, парикмахеры, рикши, сапожники и другие ремесленники. В начале ноября

возникла провинциальная федерация профсоюзов, председателем которой стал Мао. Появилось полтора десятка мелких профессиональных объединений, и почти половина из них избрала его своим руководителем.

В декабре Мао участвовал во встрече профсоюзных лидеров с губернатором, начальником городской полиции и другими высшими чиновниками провинции. Речь шла о стратегии власти в условиях все возрастающих требований рабочих. Чжао заверил делегатов, что его правительство не намерено ущемлять предусмотренное конституцией право на забастовки. В ответ Мао бросил: «На деле нам нужен социализм, но поскольку в настоящее время в Китае он недостижим, мы ограничимся борьбой за совершенствование системы оплаты и улучшение условий труда». Губернатор вынужден согласиться: «Социализм в будущем — это неплохо, сейчас же на его построение у общества не хватает сил».

Всех поставленных целей делегация достичь не смогла. Правительство провинции отказалось взять на себя обязательство не вмешиваться в трудовые споры и признать руководимую Мао федерацию в качестве законного представителя интересов рабочих. Тем не менее было признано, что «с целью избежать возможных недоразумений стороны будут поддерживать регулярные контакты».

В жизни Мао декабрь 1922 года стал важной вехой: он уже не только секретарь провинциального комитета партии, влиятельный профсоюзный деятель, к чьему слову прислушивается сам губернатор, но и отец двухмесячного сына. Лучшим подарком к своему двадцать девятому дню рождения Мао считал успех забастовочного движения на свинцово-цинковых рудниках в Шуйкоушань, неподалеку от Хэнъяна.

Однако на фоне множившихся достижений все более заметными становились и проблемы. Крупнейший промышленный центр страны, Шанхай, попал в такое засилье иностранного и отечественного капитала, что секретариат партии посчитал свое дальнейшее пребывание в городе невозможным. Осенью штаб-квартира КПК перебралась в Пекин. Даже в Хунани, считавшейся оплотом рабочего движения, многие представители либеральной интеллигенции задавали себе вопрос: не слишком ли далеко в агитации демократии они зашли?

И все же самый серьезный удар был нанесен по партии именно из Пекина. Решение переместиться в столицу не в последнюю очередь объяснялось тем, что У Пэйфу, укрепивший свои позиции разгромом войск маньчжурского ставленника

генерала Чжан Цзолиня, выглядел в глазах партийного руководства фигурой достаточно либеральной. Он умело играл на контрасте между своим новым правительством и ненавистной народу прояпонской кликой выходцев из Аньхоя. У Пэйфу всячески подчеркивал свою готовность защищать людей труда, и секретариат ЦК направил заседавшему в Пекине парламенту петицию с просьбой принять закон, предусматривающий восьмичасовой рабочий день, оплачиваемые отпуска и другие социальные гарантии. По соглашению, подписанному Ли Дачжао и аппаратом У Пэйфу, пятеро членов партии становились «негласными инспекторами» железной дороги Пекин — Ханькоу, главной транспортной артерии между севером и югом, по которой осуществлялись основные перевозки войск. Идя на такой шаг, У рассчитывал избавиться от сторонников Чжан Цзолиня в профессиональных ассоциациях железнодорожников. На деле же к концу года эти ассоциации превратились под руководством коммунистов в рабочие клубы.

Между тем для продолжения переговоров о дипломатическом признании Россия направила в Китай нового эмиссара, Адольфа Иоффе. Большевистское правительство очень рассчитывало на союз между У Пэйфу и Сунь Ятсеном. Это открывало возможность привнести в мощную военную группировку Северного Китая идеологию охваченного революционным движением юга страны. Однако Иоффе не мог дать Пекину самого лакомого куска: реституций за использование Россией маньчжурского участка КВЖД и признания Монголии сферой интересов Китая. У Пэйфу разочаровался в новых российских друзьях и их местных протеже.

Тем временем созданные коммунистами рабочие клубы от Пекина до Ханькоу выступили с призывом провести 1 февраля в Чжэнчжоу учредительный съезд Всекитайского профсоюза железнодорожников. За несколько дней до открытия съезда У Пэйфу наложил запрет на его проведение, но уже съехавшиеся делегаты отказались подчиниться приказу и объявили о начале полномасштабной стачки. 7 февраля 1923 года У Пэйфу и несколько его генералов силами военных нанесли одновременный удар по лидерам железнодорожных профсоюзов в Пекине, Чжэнчжоу и Ханькоу. Убиты более сорока человек, в их числе оказался и один из партийных руководителей, обезглавленный перед своими товарищами прямо на перроне вокзала Ханькоу.

«Бойня 7 февраля» в значительной мере охладила стремление коммунистов использовать рабочее движение в качестве движущей силы политического преобразования общества. Ко-

личество забастовок и стачек сократилось по стране почти вдвое, любые выступления рабочих жестоко подавлялись армией и полицией. Активность профсоюзной борьбы снизил и усилившийся рост безработицы.

В Хунани, где губернатор Чжао Хэнти продолжал держаться в стороне от политических баталий между Севером и Югом, отголоски этого конфликта были почти не слышны. Мао слал по стране гневные телеграммы, обличая «неслыханную жестокость зарвавшихся вояк», возглавляемых У Пэйфу. «Каждый, кто видел методы этих предателей, сожалеет о том, что не может рвать зубами их плоть», — говорил он своим братьям Цзэтаню и Цзэмину, посылая их в Шуйкоушань для организации на рудниках рабочих клубов. В апреле Мао организовал гигантскую демонстрацию, на улицы Чанша вышли более 60 тысяч человек, требовавших от Японии возврата Порт-Артура и Даляня. Этот всплеск активности был последним. Двумя месяцами позже, во время общекитайской забастовки в знак протеста против убийства моряками с японской канонерки двух демонстрантов, губернатор Чжао ввел в провинции военное положение. Солдаты патрулировали улицы городов и проводили аресты профсоюзных лидеров.

Но Мао в Хунани уже нет. Вскоре после антияпонской демонстрации он принял приглашение Чэнь Дусю «приехать в Шанхай и поработать в Центральном Комитете партии». Несмотря на значимость этого шага для его карьеры, Мао не торопился: получив приглашение еще в январе, он, попрощавшись с женой и сыном, сел на борт речного пароходика только в середине апреля.

Едва успели забыться споры между Чэнь Дусю и Снеевлитом по вопросу взаимоотношений между КПК и Москвой, с новой силой вспыхнули еще более серьезные разногласия: как быть с Гоминьданом? Встреча Снеевлита с Сунь Ятсеном произошла еще в 1921 году в Гуйлине, где старый революционер и основатель Гоминьдана изумил представителя Коминтерна заявлением, что «в марксизме нет ничего нового, о том же две тысячи лет назад говорили и китайские классики». И все же Снеевлит считал, что союз с доказавшим в ходе Гонконгской стачки свою эффективность Гоминьданом для коммунистов весьма желателен.

Китайские товарищи были категорически не согласны. Партия Сунь Ятсена виделась им патриархальной организацией, прототипом которой являлись выступавшие против господства маньчжуров средневековые тайные общества. Сунь управ-

лял ею, как своей вотчиной, требуя от сторонников приносить клятву верности. Коррупция пронизывала партийный аппарат сверху донизу. Поддержкой Гоминьдан пользовался в основном в Гуандуне и еще нескольких южных провинциях. Руководство никогда не ставило цели превратить Гоминьдан в массовую народную партию, способную повести за собой рабочих, крестьян и мелкую буржуазию на борьбу с империализмом. Нынешние милитаристские круги были для Сунь Ятсена не противниками, а, скорее, партнерами в деле будущего обустройства общества.

В апреле 1922 года Чэнь Дусю пригласил к себе Мао Цзэдуна, Чжан Готао и трех других секретарей провинциальных партийных организаций для того, чтобы «единогласно принять партийную резолюцию, подчеркивающую абсолютное неприятие идеи какого бы то ни было союза». На следующий день он направил Войтинскому, ставшему уже руководителем Дальневосточного бюро Коминтерна, послание, где говорил о том, что «политика Гоминьдана не имеет с коммунизмом ничего общего», что «за пределами Гуандуна в детище Сунь Ятсена видят лишь свору бюрократов, жадно делящих деньги и власть». Нет, настаивал Чэнь Дусю, союз между КПК и Гоминьданом невозможен.

Подписав резолюцию, приглашенные вернулись по домам, уверенные в том, что для этого их и вызывали. Однако и этот выдержанный в резких тонах документ не обескуражил Снеевлита. На протяжении нескольких последующих месяцев партийное руководство в Шанхае находилось под сильнейшим давлением Коминтерна, российского правительства, представителей левых течений в Гоминьдане и сочувствовавших им членов КПК. К середине лета, когда бывшие военные союзники Сунь Ятсена изгнали его из Кантона и лидер Гоминьдана стал более восприимчив к идее сотрудничества с Москвой, сдержав отвращение, КПК дала понять, что не против создания общего фронта — если их соперник «отказывается от своей нерешительной политики и выбирает дорогу революционной борьбы».

Смену политического курса подтвердил состоявшийся в июле 2-й съезд КПК. Принятая резолюция признавала, что «для свержения общего врага на определенное время требуется объединение усилий всех демократических сил». Гоминьдан в тексте упомянут не был, зато подчеркивалось: «Второстепенную роль пролетариат не будет играть ни при каких условиях». Новый устав партии декларировал преданность КПК делу Коминтерна и напоминал ее членам, что вступать в любые другие политические

организации они могут лишь с разрешения и согласия Центрального Комитета. Весьма сомнительно, чтобы такие формулировки привлекали на сторону коммунистов многих из гоминьдановцев, насчитывавших в своих рядах более 50 тысяч человек. Во всем Китае партийные взносы платили в те годы всего 195 членов КПК.

Мао не принимал участия в работе 2-го съезда. Позже он объяснил это тем, что по приезде в Шанхай «не смог вспомнить названия места, где проводится съезд, и не встретил никого из соратников», хотя более вероятной причиной представляется его несогласие с готовившимся компромиссом. Если это было действительно так, то Мао оказался не одинок: выражавшие неприкрытую враждебность идее союза с Гоминьданом представители Кантонского комитета партии также не прибыли на съезд.

Возвратившийся в августе из Москвы Снеевлит привез директиву Коминтерна, согласно которой Гоминьдан теперь считался партией революционной. В Ханчжоу, на заседании Центрального Комитета, состоявшемся две недели спустя, он, несмотря на бурные возражения китайских товарищей, разъяснял разработанную Коминтерном новую стратегию «внутреннего блока». Члены КПК должны, оказывается, как частные лица вступать в Гоминьдан, что позволит партии использовать этот мезальянс для дальнейшего продвижения к своим конечным целям.

Чуть позже группу руководителей КПК во главе с Чэнь Дусю и Ли Дачжао на торжественной церемонии принял в члены Гоминьдана сам Сунь Ятсен. Новый печатный орган партии, газета «Сяндао чжоубао» (еженедельник «Проводник»), которую издавал старый друг Мао Цай Хэсэнь, в своих публикациях превозносила заключение союза. В январе 1923 года Сунь Ятсен встречался с Адольфом Иоффе, что знаменует установление более тесных отношений с Москвой и первый шаг к реорганизации Гоминьдана в партию ленинского типа.

Несмотря на всю эту активность, для многих китайских коммунистов стратегия «внутреннего блока» оставалась чуждой и заслуживающей проклятия. Оппозиция новому курсу сохранялась.

Помимо несогласия своих соратников руководители КПК столкнулись и с другими деморализующими факторами. Рабочее движение, составлявшее когда-то предмет гордости партии, было практически разогнано и не действовало. Сама КПК по-прежнему находилась на нелегальном положении, в подполье. Внутренние противоречия достигали подчас такой остроты, что Чэнь Дусю уже неоднократно угрожал своей отставкой. Снеевлит при-

знал, что КПК является искусственным образованием, «появившимся на свет, или, точнее говоря, слепленным преждевременно». Иоффе публично заявлял: «Советская система не может быть воссоздана в Китае, так как здесь отсутствуют необходимые для построения коммунизма условия».

Даже Мао, чья деятельность в Хунани была удостоена особой похвалы, по словам Снеевлита, «махнул рукой на организации рабочих и единственное спасение Китая видит в интервенции российской Красной армии». Будущее страны, хмуро сказал ему Мао, определится силой оружия, а не массовыми организациями — националистическими или коммунистическими.

Подавленные безрадостными мыслями, сорок делегатов, представляющих 420 членов партии, собрались на свой 3-й съезд. Основной темой их выступлений вновь стало отношение к Гоминьдану. Атмосферу съезда окончательно накалил Снеевлит. Он настойчиво требовал, чтобы все члены партии автоматически вступали в Гоминьдан. Мао, Цай Хэсэнь и другие делегаты от Хунани вступили в резкий спор.

В отличие от Чжан Готао, считавшего ошибочным сам принцип сотрудничества с Гоминьданом, Мао исходил из чисто прагматических соображений. После февральского инцидента в Чжэнчжоу его видение тактического союза коренным образом изменилось. Гоминьдан — это «ядро революционной демократии», и коммунисты не должны бояться вступать в его ряды. Но с развитием экономики страны крепнут и силы пролетариата, поэтому партии необходимо сохранять и отстаивать собственную независимость — чтобы в нужное время взять на себя руководящую роль. Буржуазия же не способна возглавить революцию, а оптимизм Коминтерна ни на чем не основан:

«На некоторое время Коммунистическая партия отказалась от своих наиболее радикальных взглядов и пошла на союз с относительно прогрессивным Гоминьданом — для того, чтобы вместе разбить нашего общего врага. В конечном итоге победа все равно за нами. Но на ближайшее будущее Китай неизбежно станет полем брани для потерявших разум милитаристов. Политика превратится в невообразимую мешанину, финансовое положение придет в упадок, численность армии возрастет, а способы держать народ в подчинении приобретут невиданную доселе жестокость и изощренность. Эта ситуация сохранится на восемь — десять лет. В случае же если политика будет еще более реакционной и оторванной от действительности, граждане всей страны с вооду-

шевлением подхватят идеи революции... Нынешнее положение дел можно назвать матерью революции, оно подобно гремучей смеси из демократии и независимости. Вот о чем нельзя забывать».

Перспектива десятилетней смуты и ужасов милитаристского режима показалась делегатам слишком мрачной, и Снеевлит заметил, что не разделяет пессимизма предыдущего оратора. Итоги голосования с небольшим перевесом подтвердили правильность предложенной Коминтерном линии. Но документы съезда свидетельствовали и о глубоких конфликтах, которые породил новый курс. Так, делегаты согласились, что «Гоминьдан, являясь главной действующей силой революции, принимает на себя общее руководство». Однако Коммунистическая партия, перед которой стояла «особая задача» по мобилизации рабочих и крестьян на борьбу, «пополняет свои ряды за счет наиболее сознательных в классовом отношении и революционно настроенных представителей левого крыла Гоминьдана». В области политики целью партии становится всемерное «подталкивание наших союзников к более тесным контактам с Советской Россией».

Делегаты 3-го съезда избрали Мао членом Центрального Комитета и, что еще более важно, секретарем вновь созданного Центрального Бюро*, отвечавшего за повседневную работу партии. Помимо Мао в Бюро вошли Генеральный секретарь Чэнь Дусю, Цай Хэсэнь, Ло Чжанлун и руководитель Кантонской партийной организации Тань Пиншань.

Из выпавших на ее долю испытаний партия вышла окрепшей и исполнившейся духом верности идеям Ленина. Борьба с приводившей Чэнь Дусю в исступление групповщиной закалила руководство. Инструкции Коминтерна и необходимость подчиняться воле большинства впервые дали партии возможность на практике постичь сущность принципа демократического централизма — основы деятельности любой коммунистической организации. Отдельные члены КПК, к примеру, исследователь марксизма Ли Ханьцзюнь, выступавший на 1-м съезде за свободное, децентрализованное построение партии, не смогли принять новую структуру и заявили о своем

* Первый и второй составы ЦК насчитывали три и пять человек соответственно, Центрального Бюро тогда не существовало. Второй съезд в целях борьбы с «индивидуализмом и анархо-коммунизмом» потребовал «жесткой централизации и установления железной партийной дисциплины». Разработанные им организационные принципы претворил в жизнь 3-й съезд КПК, чей Центральный Комитет состоял теперь из девяти членов и пяти кандидатов в члены. — *Примеч. авт.*

уходе. Но теперь у Чэнь Дусю уже не было оснований жаловаться на то, что «у Центрального Комитета отсутствует внутренняя организация, а его политическая платформа весьма размыта». Пусть избранное съездом руководство КПК в вопросах марксистской теории было ничуть не сильнее прежнего — у партии появилась единая идеология, направляющая все ее действия.

Весна и лето 1923 года обозначили переломный момент в жизни Мао. В Хунани его влияние на ход событий определялось позицией профсоюзного лидера и интеллектуала с либеральными взглядами. Принадлежность Мао к Коммунистической партии для большинства окружающих оставалась секретом. Третий съезд КПК ввел его в узкий круг профессиональных руководителей, связи с профсоюзами оказались оборванными.

События 7 февраля, доказавшие, что сам по себе рабочий класс не в состоянии проложить дорогу к победе, впервые заставили Мао задуматься о других путях. В июле он обсуждал со Снеевлитом возможность применения вооруженной силы, а через несколько недель в письме призывал Сунь Ятсена принять участие в создании «централизованной революционной армии». Тогда же Мао обращал внимание на крестьянство, составлявшее самую значительную и бесправную часть населения страны.

Эти размышления были, по сути, не более чем гимнастикой для ума: ведь, провозгласив ближайшей целью создание единого фронта, партия уже сделала свой выбор. Вскоре после 3-го съезда Мао вступил в Гоминьдан и полтора года предпринимал напряженные усилия для выполнения поставленной задачи.

На первых порах сближение представляло серьезную трудность для обеих сторон. Поначалу Сунь Ятсен с ходу отвергал все выдвигаемые коммунистами инициативы. На июльском совещании Чэнь, Мао и другие члены Центрального Бюро с сожалением признавали: «От попыток «облагородить» Гоминьдан не приходится ждать ничего хорошего, во всяком случае до тех пор, пока Сунь не изменит своих взглядов и не согласится хотя бы с некоторыми коммунистическими методами действий ради достижения поставленной цели». Позиция Гоминьдана особенно удручала Снеевлита, не без оснований считавшего себя архитектором «единого фронта». В беседе с Иоффе он разочарованно заметил, что поддержка Сунь Ятсена означает «пустую трату денег».

В то же время, окончательно согласившись с тезисом Коминтерна о руководящей роли Гоминьдана в готовящейся революции, лидеры КПК не упускали ни единой возможности

подвести практическую базу под эту стратегию. Даже Мао, который и слышать не хотел о тактическом подчинении буржуазии, на все лады расхваливал шанхайских предпринимателей, оказавших весомую поддержку борьбе с милитаристами:

«Революция — дело каждого гражданина общества. Но задача, которая лежит на плечах людей бизнеса, сейчас намного важнее той, что несет простой народ... Шанхайские торговцы уже пробудились и начали действовать. Чем шире будет союз их сил, тем сильнее окажется воздействие на общество, тем увереннее поведут они за собой всю нацию, тем ближе успех революционного дела!»

Его слова звучали не совсем искренне. Мао вовсе не верил в то, что «торговый люд больше других страдает от империалистического гнета и действий милитаристов», как сам он неоднократно заявлял. Не верил и в стойкость внезапно обретенного буржуазией революционного духа. Но в то же время, пока главным врагом оставались воинствующие милитаристы, буржуа представляли собой явных и бесспорных союзников. В сложившихся условиях Мао и все руководство партии готовы были трактовать все сомнения в их пользу.

Нерешенным оставался и основной вопрос: каким образом заставить Гоминьдан отказаться от осознания своей избранности и помочь ему стать современной партией, пользующейся широкой поддержкой народа?

Центральное Бюро решило применить тактику троянского коня: внутри мелких отделений Гоминьдана в Северном и Центральном Китае коммунисты развернули свою пропаганду, что со временем позволило бы сдвинуть влево всю партию. Выполнение этого замысла в северных районах было возложено на Ли Дачжао. В сентябре с той же миссией отправился в Чанша Мао.

Хунань встретил его вспышками гражданской войны. Чжао Хэнти и Тань Янькай в который раз пытались вырвать друг у друга власть. Получив согласие Чэнь Дусю, Мао на время снял с себя скучные обязанности секретаря Бюро и покинул Шанхай. В этом логове международного империализма он всегда чувствовал себя чужим, его постоянно тянуло домой, к Ян Кайхуэй, готовившейся подарить ему второго сына.

Целый месяц после приезда Мао в Чанша город находился в осаде и подвергался непрерывным артиллерийским обстрелам. Линия фронта проходила прямо по реке Сян. Укрывавшимся в своих консульствах европейцам война представлялась какой-то буффонадой, приятно щекотавшей нервы разрыва-

ми игрушечных снарядов. Для китайцев она была чем-то совершенно иным:

«Все магазины в городе закрылись, люди со средствами либо разъехались, либо прятались в тайных убежищах. Население в ужасе шарахалось от военных, под страхом смерти изымавших у горожан деньги и рис. Отказать им не решался ни один: строптивцев вели к зданию таможни, где палач сноровисто помахивал остро отточенной саблей...»

В деревнях царили грабежи и насилие, как в худшие дни правления губернатора Чжан Цзинъяо. Мао был убежден в победе Тань Янькая и письмом сообщал Кантонскому отделению Гоминьдана, что Чжао долго не продержится. Но высланные ему на поддержку войска У Пэйфу окружили отряды Таня, и исход войны был предрешен.

Хунань дорого заплатила за победу Чжао. Провинция, игравшая роль буфера между севером и югом, опять испытала на себе тяжесть кованого сапога северян. Сторонники Таня, на помощь которых рассчитывал Мао, лишились всякого влияния и были разогнаны. Чжао закрыл Университет самообразования и распустил Федерацию профсоюзов. Сам Мао, еще за два месяца до событий опубликовавший длинный список преступлений «отталкивающе жестокого» губернатора, вынужден был жить под именем Мао Шишань (Мао Каменная Гора).

Более неудачный момент для создания политической организации, непосредственно связанной с разбитыми противниками Чжао, трудно было себе представить. И тем не менее Мао удалось основать временную штаб-квартиру с тайными отделениями в Чанша, Нинсяне и на Аньюаньских угольных копях, где годом ранее на посту руководителя партийной ячейки он оставил Лю Шаоци, серьезного молодого человека, недавно вернувшегося из Москвы. Но вновь созданная сеть не работала, пребывая в глубоком подполье.

В декабре вместе с женой и сыновьями, Аньином и полуторамесячным Аньцином, Мао отметил тридцатилетие. Все откладывавшееся расставание с семьей объяснялось, по-видимому, его личными проблемами, а не какими-либо обязательствами перед соратниками. Посвященное жене лирическое стихотворение, которое Мао написал вскоре после отъезда, наводит на мысль о ссоре между супругами:

Взмах руки означает грядущую снова разлуку,
Как непросто смотреть в твои полные боли глаза,
Не хочу длить упреками муку,

5 Зак. 1137

Я боюсь, ты утонешь в слезах.
Знаю: наши беды в письме* том сокрыты.
Позабудем о нем навсегда!
Две души были счастьем омыты —
Пусть вернется оно — хоть когда.
Снег замел дорогу к воротам,
Лик луны замерз в небесах,
Как мне холодно, как одиноко!
Что нам даст обида в сердцах?
Предо мною дорога в чужбину,
И печаль — не попутчик, а враг.
Пусть уйдет она в горы, в теснины,
Унесется ветрами во мрак.
Нам бы птицами взвиться над миром,
Песнь любви неся на крылах...

Пока Мао находился с семьей, в отношениях Гоминьдана и России произошли заметные перемены. Находившееся в условиях международной изоляции советское руководство решило, что в лице прогрессивного китайского режима, даже если он будет возглавлен буржуазией, страна победившего большевизма обретет ценного союзника. В качестве специального посланника к Сунь Ятсену направился известный революционер, работавший бок о бок с Лениным и Сталиным, Михаил Бородин. Москва же тепло встретила главнокомандующего военными силами Гоминьдана Чан Кайши — худощавого тридцатилетнего человека с излишне бледным лицом, приехавшего ознакомиться с боевым опытом Красной армии. Хотя донкихотское предложение Суня относительно боевого рейда вооруженных сил России на Пекин было отвергнуто как «авантюра, обреченная на поражение», Советы согласились финансировать школу для подготовки военных кадров Китая, а Троцкий лично пообещал «поставки оружия и всю возможную экономическую помощь».

Между тем в Кантоне советник Бао, как прозвали местные коммунисты Бородина, напрягал усилия для того, чтобы свести воедино две китайские стороны треугольника, который поставила себе целью построить Москва.

---

* Об этом письме, как и о вызванной им ссоре, ничего более не известно. Упоминаемые Мао беды дают основания предположить, что речь идет о поступке, который супруга долго не могла простить ему. — *Примеч. авт.*

Вдумчивый и исполненный терпения, почти сорокалетний Бородин во многих аспектах являл полную противоположность честолюбивому Снеевлиту. Он смог завоевать доверие Сунь Ятсена даже тогда, когда убеждал и Гоминьдан, и КПК в том, что новые складывающиеся отношения принесут максимальную пользу каждой из сторон. В октябре, готовясь принять помощь Бородина в отражении очередной попытки милитаристов лишить его власти, старый конспиратор Сунь направил находившемуся в Москве Чан Кайши шифрованную телеграмму, где писал: «Теперь стало совершенно ясно, кто наш друг, а кто — враг».

На этой же ноте 20 января 1924 года в Кантоне закончился Первый общенациональный съезд Гоминьдана. Прибывший на него двумя неделями раньше Мао возглавлял делегацию из шести человек, представлявших Хунаньскую организацию партии.

Съезд принял новый устав Гоминьдана. Подготовленный Бородиным его проект был выдержан в ленинском духе и подчеркивал важность партийной дисциплины, централизации, а также подготовки профессиональных революционных кадров, задачей которых станет обеспечение поддержки широких народных масс. В политической программе заявлялось, что причины страданий китайского народа кроются в империализме, впервые в истории Гоминьдана прозвучал призыв к активизации рабочего и крестьянского движения. На молодых членов КПК эти формулировки произвели глубокое впечатление. В ходе одного из заседаний Мао и его старый знакомый Ли Лисань выступали с таким увлечением, что ветераны Гоминьдана озадаченно переглядывались: откуда взялись эти горячие головы? Ван Цзинвэй, соратник Сунь Ятсена, впоследствии вспоминал: «Своим энтузиазмом и энергией молодежь из «Движения 4 мая» многих заставила считаться с собой».

Членами избранного по предложению Сунь Ятсена Центрального Исполнительного Комитета, куда вошли 24 человека, стали трое коммунистов: Ли Дачжао, Юй Шудэ и Тань Пиншань. Последнему был доверен пост заведующего организационным отделом, один из наиболее значимых в Гоминьдане. Это автоматически делало Таня членом Постоянной комиссии ЦИК, куда кроме него входили казначей партии Ляо Чжункай, выразитель взглядов левого крыла Гоминьдана, и представлявший интересы правых Дай Цзитао.

Мао избрали альтернативным, то есть не имеющим права голоса, членом ЦИК. Ими же стали еще шестеро коммунистов, включая Линь Боцюя, занявшего кресло заведующего крестьянским отделом, Цюй Цюбо — кантонского помощника Бородина и

талантливого литератора, работавшего в Москве корреспондентом пекинской газеты, а также Чжан Готао, по-видимому, уже отбросившего свои сомнения относительно «противоестественного союза» двух партий.

В середине февраля Мао возвратился в Шанхай и жил в доме, снимаемом вместе с Ло Чжанлуном, Цай Хэсэнем и его подругой Сян Цзинъюй. До конца года он был перегружен работой в Центральном Бюро КПК, функционирующем под крышей таможни и в действительности оказывающем услуги как настоящим бизнесменам, так и Шанхайскому исполкому Гоминьдана.

У Мао были весьма непростые обязанности. Несмотря на все усилия М. Бородина в Кантоне и Г. Войтинского здесь, в Шанхае, между двумя партиями сохранились серьезные трения. Консервативно настроенные члены Гоминьдана не без оснований видели в КПК пятую колонну. В начале мая 1924 года им в руки попала инструкция ЦК, обязывающая коммунистов, вступивших в Гоминьдан, скрытно организовывать партийные фракции для выполнения директив КПК. Контрольная комиссия Гоминьдана готовилась выдвинуть против руководства КПК обвинение в попытке создать «партию внутри партии». Мао, Цай Хэсэнь и Чэнь Дусю стремились доказать Войтинскому, что союз с Гоминьданом не сложился, а о едином фронте стоит забыть, но для Москвы это неприемлемо. Постепенно Сунь Ятсену удается выправить ситуацию, однако даже Бородин начинает ощущать: процесс формирования явной антикоммунистической коалиции тормозит лишь страх лишиться обещанной помощи из России.

В июле Чэнь и Мао издали секретный циркуляр ЦК, где подтверждается правильность принятой 3-м съездом партии стратегии «внутреннего блока». Особое внимание авторы документа обращали на трудность поставленной задачи:

«Большинство членов Гоминьдана ежедневно позволяют себе открытые и тайные выпады в наш адрес... Только отдельные руководители типа Сунь Ятсена и Ляо Чжункая еще не решились на окончательный разрыв с КПК, хотя и они, безусловно, не захотят разочаровать своих правых. Чтобы отстоять единство всех революционных сил, никоим образом нельзя допустить никаких сепаратистских действий или высказываний с нашей стороны. Наоборот, проявляя выдержку и терпение, мы должны продолжать сотрудничество. Но мы не можем безучастно взирать на контрреволюционные ошибки правых без того, чтобы не попытаться исправить их».

Тон циркуляра определил тактику действий коммунистов на три последующих года. Пока единый фронт существует, КПК не позволят не считаться с ним. Вероятнее противоположное: по настоянию Коминтерна КПК, скорее, бросится в объятия нежеланных партнеров. Но не всех. Из принятых летом 1924 года решений наиболее важным было то, которое определяло, что для коммунистов Гоминьдан как бы расколот надвое: с левым крылом можно договариваться и вести дела, с правым — бороться всеми доступными методами.

Суть этого подхода Мао выразил многозначительной китайской поговоркой, в буквальном переводе означающей «поставить в спальне две кровати и разделить хозяйство». Другими словами, если единый фронт ассоциировался у КПК лишь с левым крылом Гоминьдана, приверженным тем же идеям, что и коммунисты, то кто-то из двоих был явно лишним. Только кто?

Казалось, КПК стояла на месте. Пополнение рядов партии происходило крайне медленно, рабочее движение зашло в тупик. Несмотря на пропаганду Коминтерна, заявлявшего, что пролетариат истосковался по идеям коммунизма, китайский рабочий класс почти не интересовался политикой. Вся энергия КПК ничего не стоила в каждодневной битве человека за выживание. Многие видные члены партии, придя к выводу, что лишняя кровать в спальне ни к чему, выходили из КПК и начинали делать карьеру в Гоминьдане. Мао не решился на такой шаг, но на протяжении года становился все более замкнутым и подавленным. Молодой хунаньский коммунист Пэн Шучжи, посетив Шанхай после трех лет учебы в Москве, нашел своего земляка апатичным и вялым: «Выглядел Мао отвратительно: похудел так, что казался еще выше, чем был на самом деле. Лицо бледное, с нездоровым зеленоватым оттенком. Я испугался: уж не подхватил ли он туберкулез, как многие наши товарищи?»

Осенью ситуация, с точки зрения Мао, только ухудшилась. Поскольку денежные переводы из штаб-квартиры Гоминьдана поступать перестали, работа шанхайского исполкома остановилась. Сам Мао частенько страдал от приступов неврастении, его мучили бессонница, головные боли, высокое кровяное давление. С той поры недомогания будут преследовать его до конца жизни. Отношения с руководством КПК, всегда бывшие непростыми, осложнились еще более. 4-й съезд партии, подготовкой к которому был занят Мао, отложили, поскольку возвращение из Москвы Войтинского ожидалось не ранее января. Добавила проблем и сумятица в высших сферах Пекина: к власти пришел генерал Фэн

Юйсян, прозванный Христианином за то, что окрестил свои войска водой из пожарного брандспойта. Фэн назначил главой правительства ненавистного аньхойца Дуань Цижуя и пригласил Сунь Ятсена в Пекин на переговоры о национальном примирении.

Согласие Суня приехать стало для Мао последней каплей. Неприятностей хватало и без того: крах рабочего движения, абсолютная пассивность либеральной интеллигенции, зашедшая в тупик политика КПК. А теперь и Гоминьдан возвращался к заигрыванию с честолюбивыми милитаристами, что и в прошлом не доводило до добра.

В декабре, примерно за три недели до планировавшегося открытия 4-го съезда, Мао вместе с Ян Кайхуэй отправляется в Чанша, куда летом ее мать привезла внуков из Шанхая. Официально Мао находился в отпуске для поправки пошатнувшегося здоровья. Много позже его личный врач Ли Чжисуй заметил, что мучившая Мао неврастения имела своеобразный характер: «Ее симптомы заметно обострялись в периоды наиболее ожесточенных политических схваток». Но сейчас, похоже, причина была в другом. У Мао наступил кризис веры.

В начале 1925 года его соратники приступили к построению планов на будущее партии, насчитывающей уже 994 члена. Новый год по лунному календарю Мао встретил в старом доме родителей жены, под кров которого студентом педагогического колледжа он впервые ступил десять лет назад. Колесо судьбы совершило полный оборот. Связей со старыми друзьями в Чанша уже нет, забыты и товарищи по партии, и новые знакомцы из Гоминьдана. Политика Мао не интересует. В феврале он набил чемоданы книгами и вместе с женой поехал в Шаошань. Там Ян Кайхуэй объяснила соседям, что ее муж серьезно болен, и на протяжении трех месяцев Мао не виделся ни с кем, кроме родственников и самых близких приятелей по детским играм. Он вернулся к своим началам, к тем крестьянским корням, от которых в юношестве так хотел убежать. Оттуда, из далекого детства, упал луч, осветивший ему дорогу в новое, полное надежд будущее.

В первой половине 20-х годов крестьяне для китайских коммунистов как бы не существовали. В течение веков сельские жители оставались безликим серым фоном, на котором медленно развертывался бесконечный свиток истории.

Полным молчанием встретили основатели КПК выдвинутый Лениным в 1920 году тезис о том, что без прочного союза с крестьянством пролетарская партия не победит. Двумя го-

дами позже под давлением Коминтерна 2-й съезд КПК признал: 300 миллионов крестьян являются важнейшим фактором успеха революционного движения. Но руководство тут же дало понять, что у коммунистов нет ни желания, ни намерений возглавить эту армию. Задача партии — организовать рабочий класс; крестьяне же должны освободить себя сами. Побывавшего в ноябре 1922 года в Москве Генерального секретаря КПК Чэнь Дусю удалось убедить, что «трудовое крестьянство — это самый надежный союзник, игнорировать которого было бы глупо». К моменту созыва 3-го съезда партии ее лидеры уже достаточно созрели для того, чтобы увидеть в рабочих и крестьянах «те два класса, интересы которых и должны отстаивать коммунисты».

Интерес к крестьянству пробудился в Мао, как и во многих его единомышленниках, довольно поздно. Только весной 1923 года он послал двух членов партии из Шуйкоушани в их родные деревни с целью оценить возможность создания в Хунани крестьянской ассоциации*. Летом Мао говорил на съезде партии, что «в провинции всего несколько рабочих, а членов КПК или Гоминьдана и того меньше — повсюду одни крестьяне». Крестьянство, с его в веках крепшим бунтарским духом, доказывал он, в революции явится мощным подспорьем. С Мао согласился Чэнь Дусю, и съезд принял решение «организовать сельское население на борьбу с помещиками и продажными чиновниками». Но никаких практических шагов за этим не последовало.

Беспокойство, которое внушала Коминтерну недальновидность китайских коммунистов во всем, что касалось крестьянства, звучало в каждом слове направленной в Шанхай директивы:

«Национальную революцию... должна обязательно поддержать революция крестьянская. Коренная перестройка общества будет успешной лишь в том случае, если в ней примут участие самые широкие слои населения, в том числе мелкие землевладельцы и безземельные крестьяне. В политике коммунистов центральное место занимает именно крестьянский вопрос. Не считаться с ним означает не понимать всю важность социально-экономического базиса, на котором только и может вестись сколь-нибудь успешная борьба».

---

* В сентябре 1923 года такая ассоциация действительно была создана и даже пользовалась поддержкой тогдашнего губернатора Тань Янькая. Сменивший его в ноябре Чжао Хэнти расстрелял руководителей ассоциации, и она прекратила свое существование. — *Примеч. авт.*

Слова эти, как и многие другие призывы, были обращены к глухим.

Но причины для упрямства у КПК были. В глазах молодого партийного руководства, большая часть которого происходила из буржуазных семей, промышленность, пусть и примитивная, была символом прогресса. Отсюда следовало, что носителем идей преобразования общества является зарождавшийся рабочий класс. Крестьяне же оставались пережитками темного прошлого. Мао признавал, что в молодости, несмотря на происхождение, он смотрел на крестьян как на «отвратительных в своей тупости мужиков». Их восстания могли привести на трон нового императора, но общественный строй в результате этого не менялся. В одном из отчетов КПК за 1923 год отмечалось, что «партийные работники не любят сельскую местность. Скорее они предпочтут голодать, чем вернутся в деревню». Крестьянство олицетворяло собой мрачное наследие конфуцианского духа, избавить общество от которого и должна революция.

Однако в Шаошани назревали перемены.

Довольно скоро после приезда домой Мао надоело бесконечное чтение и пересуды с соседями. Через пару недель с помощью своего молодого родственника он начал убеждать беднейших крестьян в целесообразности создания своей ассоциации. Ян Кайхуэй открыла вечернюю школу — наподобие тех, что организовывал ее муж для рабочих — и объясняла крестьянам азы грамоты, счета, познакомила их с последними политическими событиями.

Этот скромный эксперимент мог бы тянуться и тянуться, если бы не полицейская акция, проведенная в шестистах километрах от Шаошани.

30 мая 1925 года во время забастовки текстильщиков в Шанхае охранявшие фабрику японские солдаты убили организатора стачки — коммуниста. Когда возмущенное студенчество вышло на демонстрацию в центр города, британский офицер полиции приказал своим констеблям — китайцам и сикхам — открыть огонь. Четверо студентов упали убитыми, из более чем пятидесяти раненых восемь умерли в больницах. После новой волны беспорядков, когда погибли еще более десяти человек, в стране объявили общенациональную забастовку.

Весь Китай сотрясали антибританские и антияпонские марши протеста. Полиция продолжала стрелять в демонстрантов, счет убитых шел на десятки.

Известия об этом вывели на улицы Чанша более ста тысяч человек, которые требовали изгнать из страны ино-

странцев, разорвать все неравноправные договоры и, что самое неприятное для местных властей, положить конец засилью военщины. Губернатор Чжао Хэнти реагировал на происходящее давно вошедшим в привычку образом: в город вошли войска, объявлен комендантский час, жители предупреждены, что «нарушители спокойствия будут расстреливаться на месте». Тем не менее студенческая организация «Отомстим за позор!» продолжала действовать, и распущенные на летние каникулы учащиеся вели активную пропаганду на местах.

Всплеск событий пробудил Мао от спячки, он вновь с головой погрузился в политику.

В июне в Шаошани были созданы ячейки КПК, Лиги социалистической молодежи и Гоминьдана. На митинге, собравшем более четырех сотен жителей окрестных деревень, Мао гневно обличал британский и японский империализм и завершил свою речь призывом бойкотировать все иностранные товары.

В августе его активность начала приносить результаты. Действуя по полученным от Мао инструкциям, напуганные засухой крестьяне объединились и вынудили местных богатеев, создавших хорошие запасы зерна, продавать его жителям по справедливой цене.

Через несколько дней подобное повторилось и в соседних деревнях. До конца месяца во многих уездах возникли крестьянские ассоциации. Слухи о деятельности Мао достигли ушей губернатора, и в телеграмме, направленной уездному Бюро общественной безопасности, Чжао Хэнти требовал: «Мао Цзэдуна разыскать и расстрелять». Предупрежденный работавшим на почте дальним родственником, Мао в тот же день под видом врача уехал в Чанша. Сама жизнь убедила его в правоте Коминтерна: крестьянство представляет собой силу, которой можно простить все ее недостатки. Революция неизбежно победит, если воспользуется гигантским потенциалом веками копившегося у крестьян недовольства.

Скрываясь в Чанша от губернаторских шпиков, Мао предался поэтическим размышлениям о стоящих перед ним проблемах:

Утлый челн поднимается вверх по потоку,
Гордый беркут парит в вышине,
Рыбы плавно скользят, не страшась неизвестного рока, —
И свободу увидеть не терпится мне.
Безграничность ее поражает.
Я спрошу:
Интересно, а судьбами кто управляет?

В другом его стихотворении ощущалась ностальгическая грусть по былым временам, когда студенческая душа полнилась светлыми идеалами, а вопросы о будущем страны не ставили в тупик. Сейчас, на тридцать втором году жизни, Мао очень недоставало наивной юношеской убежденности.

За семь месяцев, проведенных Мао в Шаошани, положение дел в китайской политике коренным образом изменилось. В марте 1925 года умер Сунь Ятсен, наказав своим последователям твердо придерживаться решений 1-го съезда Гоминьдана и крепить союз с Россией. Его преемником стал представитель левого крыла партии Ван Цзинвэй. Занявший пост начальника Кантонского военного гарнизона Чан Кайши начал организационную работу в поддержку недавно созданной Национальной революционной армии. Позиции Гоминьдана не только усилились, но и значительно полевели.

Уже этих сдвигов было бы достаточно, чтобы отношение погруженного в раздумья Мао к Гоминьдану изменилось в лучшую сторону. Но в действие вступали и иные факторы. Еще в Шаошани Мао осознал, что спасение стране может принести лишь классовая борьба, во главе которой встанет Коммунистическая партия. До прихода же того светлого дня толкать локомотив истории вперед должен Гоминьдан: будучи легальной в отличие от КПК политической организацией, он в состоянии действовать открыто, у него есть обученная и содержащаяся за счет Страны Советов армия, есть прочная и надежная база в Гуандуне. В вечерних школах для крестьян не преподавали марксизм, но подробно растолковывали сущность «трех народных принципов» Сунь Ятсена — национализма, демократии и социализма. Партийное строительство, которым Мао начал активно заниматься в июне, в основном сводилось к поддержке усилий Гоминьдана, а не КПК или Лиги социалистической молодежи. Свое политическое кредо он изложил в краткой памятной записке:

«Я верю в коммунизм и выступаю за пролетарскую социалистическую революцию. Гнет, под которым мы находимся, не может быть сброшен противодействием только одного класса. Сначала необходимо осуществить национальную революцию, когда объединившие свои силы пролетариат, мелкая буржуазия (то есть крестьянство) и левое крыло средней буржуазии претворят в жизнь три народных принципа и свергнут власть империалистов, компрадоров и помещиков. Сначала нам нужна власть революционных народных масс».

Вполне возможно, что в то время Мао руководствовался определенными личными соображениями. Он до сих пор оставался членом ЦИК Гоминьдана и не имел никакого поста в КПК. Партия Сунь Ятсена с момента своего возникновения проявляла значительный интерес к крестьянству, которого не испытывали базировавшиеся в городах коммунисты. К осени 1925 года в Гоминьдане имелся не только Крестьянский отдел, но и Институт крестьянского движения, занимавшийся подготовкой сельских кадров партии. Ничем подобным КПК похвастаться не могла.

Другими словами, колыбелью революционного движения следовало считать скорее Кантон, чем Шанхай, и когда в начале сентября Мао выбрался из Чанша, то путь его лежал на юг. Его мучали сомнения, причем такие, что в охватившей перед отъездом панике, боясь попасть в руки губернаторских патрулей, он сжег все свои записи. По прибытии в Кантон Мао попал в больницу с острым приступом неврастении.

Решение о поездке на юг оказалось правильным: годы спустя он с удовольствием вспоминал «воздух города, пропитанный свободой и оптимизмом».

В штаб-квартире Гоминьдана Мао имел продолжительную беседу с Ван Цзинвэем, наиболее авторитетным к тому времени лицом в партии. Тот, помня энтузиазм, с каким Мао выступал на 1-м съезде Гоминьдана, предложил ему пост руководителя отдела пропаганды. Через две недели произошло официальное назначение.

Очень скоро из Чанша вместе с сыновьями и матерью приехала Ян Кайхуэй, и семья сняла дом в Дуншани, приятном пригороде Кантона, где проживали российские военные советники, Чан Кайши и многие гоминьдановские лидеры. Следующие полтора года Мао целиком отдал себя двум вопросам, которые определили успех революции: укреплению левого крыла Гоминьдана и агитационной работе среди крестьян. Начал он с выпуска нового партийного журнала «Чжэнчжи чжоубао» (еженедельник «Политика»). В редакционной статье первого номера говорилось:

«Для победы революции огромное значение имеет тактика объединения с коммунистами и союза с Россией. Первым важность этой тактики отметил основатель нашей партии Сунь Ятсен. Нынешняя революция — это один из эпизодов последней, решительной схватки между силами старого и нового. Если наша стратегия не выберет себе в качестве отправного пункта союз с Россией и коммунистами... революционные силы окажутся в изоляции и не смогут добиться победы... Кто не с революцией — тот против нее. Середины нет».

Выбор, пояснил Мао, может быть между «западного типа революцией среднего класса», на какой настаивало правое крыло Гоминьдана, и «активными действиями широкого альянса левых радикалов, которые разбудят все революционные силы». Те, кто прячется под «серой маской нейтралитета», очень скоро будут вынуждены решить, на чьей они стороне.

В пространной статье «Анализ классового состава китайского общества», опубликованной декабрьским номером журнала «Гэмин» («Революция»), Мао рассуждал о том, какие силы можно считать революционными:

«Кто наши враги? Кто наши друзья? Человек, не способный различать друзей и врагов, не может считаться революционером. Но провести разделительную черту далеко не просто. Если наша революция на сегодняшний день достигла столь малого, то произошло это именно потому, что мы совершили стратегическую ошибку в выборе истинных друзей и реальных врагов».

В обществе, писал он далее, насчитывается не менее двадцати различных социальных слоев, объединенных в пять больших классов. На правом фланге находится «смертельный враг» — крупная буржуазия, на левом — средняя, «категорически отказывающаяся следовать за империализмом». Между ними три категории мелкой буржуазии (зажиточное крестьянство, торговцы и ремесленники), чей уровень революционной сознательности определялся степенью обнищания. Картину дополняли шесть типов полупролетариата плюс четыре подвида городского, сельского и люмпен-пролетариата. Городские рабочие представляли собой «главную силу революции»; сельский пролетариат, беднейшее крестьянство и уличные торговцы «весьма восприимчивы к революционной пропаганде»; люмпены (солдаты, воры, бандиты и проститутки) будут «отчаянно драться... если мы найдем к ним подход».

По его подсчетам выходило, что из 400 миллионов населения страны один миллион — непримиримые враги, четыре миллиона относительно враждебны, а оставшиеся 395 миллионов либо революционны, либо сохраняют благожелательный нейтралитет.

В Китае уже назрела революционная ситуация, писал далее Мао, дело только за мобилизацией масс. Всю оставшуюся жизнь у него не мелькнуло и тени сомнения в правильности этого вывода. Для партии «колеблющейся средней буржуазии» анализ был малоутешительным.

К концу 1925 года Чан Кайши стал в Гоминьдане второй после Ван Цзинвэя фигурой. Будучи командующим Первым

корпусом Национальной революционной армии, он провел несколько успешных операций против гуандунской военщины. Под началом Чан Кайши действовала военная академия Вампу, к тому же он продолжал оставаться начальником Кантонского гарнизона. Его преданность Гоминьдану не вызывала сомнений: когда лидерство Ван Цзинвэя попыталась оспорить противостоящая ему группировка, Чан Кайши немедленно выступил в поддержку руководителя партии. Но в январе 1926 года, в ходе работы 2-го съезда Гоминьдана, он начал проявлять беспокойство. В партии отчетливо наметился очередной сдвиг влево — это было ясно не только по составу Постоянной комиссии ЦИК, где трое «умеренных», в том числе и Чан, делили власть с тремя коммунистами и тремя представителями левого крыла Гоминьдана, но и по политическим заявлениям, ставшим куда более радикальными. В проекте «Резолюции по пропаганде» Мао зловеще предупреждал: «Истинным революционером и преданным делу партии может считаться лишь тот, кто полностью поддерживает освободительное движение крестьянства. Все остальные — контрреволюционеры». Гоминьдановские «умеренные» полностью признавали важность крестьянского движения, однако «освободительное» означало социальную революцию в деревне, а к такому повороту «умеренные» не были готовы. Гоминьдан по-прежнему оставался буржуазной партией, получая основную поддержку от крупных землевладельцев. Многие из них приветствовали начавшиеся реформы, но насильственная смена существующего уклада в их представления не вписывалась.

Поднявшаяся в партии волна радикализма нервировала Чан Кайши еще и тем, что очень скоро он начал ощущать на себе серьезное давление. Новый глава группы советских военных советников, Н. Куйбышев, более известный под псевдонимом Кисонька, был человеком высокомерным и лишенным всякой гибкости. Его презрительное отношение к китайским коллегам, и, в частности, к Чан Кайши, заметнее всего проявлялось в стремлении поставить Национальную революционную армию под жесткий контроль России. Чан Кайши не потребовалось много времени, чтобы возненавидеть Куйбышева, и 15 января он ушел в отставку с поста командующего Первым корпусом. Формальным предлогом для нее стали разногласия по вопросу сроков начала «Северного похода», который, по замыслу Сунь Ятсена, должен был распространить власть гоминьдановского правительства на весь Китай. Куйбышев настаивал, что для подготовки операции требуется время (этого же мнения придерживалось и руководство КПК), Чан Кайши рвался в бой. Заручившись поддержкой Ван Цзинвэя,

Куйбышев приступил к разработке планов кампании. Возникшую ситуацию точно оценила Вера Вишнякова-Акимова, переводчица российской военной миссии: «Все понимали, что между Чан Кайши и Ван Цзинвэем идет ожесточенная скрытая борьба за власть. С одной стороны — престиж политика, с другой — сила военных».

Удар, который утром 20 марта нанес Чан Кайши, для всех оказался полной неожиданностью. Он объявил военное положение, приказал арестовать офицеров-коммунистов и политработников своего гарнизона и послал войска окружить резиденцию российских военных советников. Впоследствии Чан Кайши заявлял, будто располагал свидетельствами того, что Ван Цзинвэй и Н. Куйбышев сговорились похитить его и переправить в Москву. Возможно, так оно и было. Если нет, то избежать обострения конфронтации все равно бы не удалось.

«Переворот» завершился так же внезапно, как и начался. Не было даже раненых, не то что убитых. Буквально на следующий день Чан Кайши принес извинения за то, что его подчиненные вышли за рамки отданных им приказов. Главное было достигнуто: он показал, что настроен не против России или КПК, а всего лишь против превысивших свои полномочия «отдельных личностей». Через трое суток Н. Куйбышев вместе с двумя другими российскими советниками отправился во Владивосток, а Ван Цзинвэй поехал «на лечение» в Европу. Советский Союз постарался как можно быстрее сгладить возникшую неловкость, и руководству КПК, видимо, по подсказке Коминтерна, тоже не оставалось ничего иного.

Мао был не согласен. Два высоких поста в гоминьдановской армии занимали коммунисты: двадцативосьмилетний Чжоу Эньлай и хунанец Ли Фучунь. Оба приехали в Кантон в 1924 году после учебы во Франции. Чжоу являлся начальником политотдела академии Вампу и заместителем комиссара Первого корпуса; Ли занимал ту же должность во Втором корпусе, находившемся под командованием Тань Янькая. Через несколько часов после «переворота» Мао в доме Ли Фучуня встретился с Чжоу Эньлаем. Он настаивал на полной изоляции Чан Кайши; из пяти командующих корпусами такое решение поддержали четверо, а ключевые посты и в военной академии, и в Первом корпусе все равно принадлежали коммунистам. При условии, что левое крыло Гоминьдана будет действовать решительно, у Чан Кайши не останется никакой поддержки.

Чжоу Эньлай представлял этот план Куйбышеву, но тот отверг его: у Чан Кайши был значительный перевес в силе.

Чжоу начали упрекать в том, что он потратил слишком много времени на Первый корпус и академию Вампу и

не смог обеспечить за коммунистами не менее важные посты в других подразделениях армии. В то время вопрос был чисто академическим. Главным оставался факт: Чан Кайши доказал Гоминьдану свою незаменимость. И сохранил ее на протяжении без малого полувека.

Мао оказался в достаточно сложном положении. Благодаря Ван Цзинвэю он и после 2-го съезда сохранил за собой должность заведующего Отделом пропаганды, а в феврале — марте занял еще несколько ведущих постов. Отношения же с КПК оставляли желать много лучшего. Неизвестно, какой была реакция коммунистического руководства на столь явное усиление его позиций, но не вызывает сомнений то, что особого восторга оно не вызвало. Мао был слишком неуправляем, он — не ортодокс. Даже своего кабинета в КПК у него не было, как не было в течение уже почти года и контактов с центром.

Независимость мышления Мао еще раз подтвердил брошенный зимой 1925 года призыв выработать «идеологию, отражающую конкретные условия Китая», с упором на «гегемонию масс»:

«Научное мышление — пустой звук и бесполезная трата времени, если оно не стоит на службе интересов масс, стремящихся к социальному и экономическому освобождению... Лозунг интеллигенции может быть лишь один: «В массы!» Кто отрывается от масс, тот лишает себя социальной опоры».

Для Центрального Комитета КПК, связанного по рукам и ногам инструкциями Коминтерна, «идеология, отражающая конкретные условия Китая», была заведомой ересью. Спасение могли принести стране не апатичные и аморфные «массы», а возглавлявший их городской пролетариат.

Конфликт обозначился особенно рельефно, когда Мао передал свою статью «Анализ классового состава китайского общества» в партийный журнал «Сяндао». Чэнь Дусю наотрез отказался публиковать ее, объяснив это тем, что автор «явно переоценивает роль крестьян».

Расхождение позиций Мао и шанхайского руководства КПК было бы менее драматичным, если бы не проблема единства в самом партийном центре. К началу 1926 года работа партии была почти парализована внутренними склоками, в которых политика густо перемешивалась с вопросами личных взаимоотношений. Чэнь Дусю и Пэн Шучжи боролись с Цюй Цюбо, Цай Хэсэнь ненавидел соблазнившего его жену Пэна, Чжан Готао завидовал всем.

расходились настолько, что М. Бородин позже скажет: «Такое впечатление, что имеешь дело с двумя партиями». Гипотетический спор с Мао, даже если бы он и состоялся, прошел бы совершенно незамеченным. Значимым для лидеров КПК было лишь то, что Мао умудрился занять в Гоминьдане сразу несколько весьма ответственных постов.

В апреле, когда коммунисты с опасением ожидали очередного каприза Чан Кайши, Мао держался в тени. Посланный в Кантон улаживать ситуацию Чжан Готао вспоминал, как «от начала до конца переговоров Мао хранил упорное молчание, набираясь, видимо, опыта на будущее».

После месяца утомительной торговли между Чан Кайши (намекавшим на возможность полного разрыва с Россией) и М. Бородиным (он контролировал поток поступавшего в Гоминьдан российского оружия) стороны достигли компромисса — с явным перевесом в пользу первого. 15 мая заседание ЦИК Гоминьдана приняло ряд резолюций, лишавших коммунистов права возглавлять отделы партии и занимать более трети ответственных постов в рабочих комиссиях. Запрещалось также создание коммунистических фракций в гоминьдановских организациях; члены партии обязывались воздерживаться от вступления в ряды КПК. В свою очередь, Чан Кайши согласился повести борьбу с правым крылом Гоминьдана, и многие его лидеры были действительно арестованы или отправлены в ссылку. Российская сторона подтвердила обязательство взять на себя материальное обеспечение Северного похода.

Руководство КПК единодушно, что случалось весьма редко, выступило против. Чэнь Дусю вновь предложил отказаться от стратегии «внутреннего блока» и восстановить полную независимость партии. На продолжении сотрудничества с Чан Кайши настоял тогда И.В. Сталин. По язвительному замечанию Бородина, теперь КПК была «обречена играть в революции роль кули». Тот момент стал поворотным в истории отношений китайских коммунистов с Москвой. До марта 1926 года рекомендации, которые Коминтерн направлял в адрес КПК, были в целом хорошо взвешенными и реалистичными, чего нельзя сказать о взглядах неопытного руководства в Шанхае. После же «переворота» политика России в отношении Китая стала для кремлевских правителей просто забавой или продолжением сталинского конфликта со старыми врагами Троцким и Бухариным.

Из клубка этих противоречий Мао удалось выйти куда с большим достоинством, чем он предполагал. Как комму-

нист, он вынужден был оставить пост заведующего Отделом пропаганды Гоминьдана, но сохранил должность директора Института крестьянского движения и остался членом одноименной комиссии.

Такое решение свидетельствовало о высокой оценке роли крестьянства в предстоявшем Северном походе. В 1926 году Мао являлся для Гоминьдана одним из немногих авторитетов в вопросах крестьянской политики. О ее проблемах он читал лекции в офицерской школе Второго (Хунаньского) корпуса Национальной революционной армии, в Институте молодежи и средней школе при Гуандунском университете. Российские советники Чан Кайши настаивали на том, что поход завершится успехом лишь при условии широкой поддержки крестьянства. Полностью разделяя их точку зрения, Мао постоянно требовал, чтобы Комиссия по крестьянскому движению уделяла «максимум внимания тем районам, по которым пройдет маршрут похода».

9 июля 1926 года отряды 75-тысячной революционной армии начали операцию по разгрому северных милитаристских группировок и воссоединению всей страны под гоминьдановским флагом.

Спешка с выступлением в поход преследовала цель воспользоваться ситуацией в Хунани, где местный военачальник Тан Шэнчжи уже отбивал атаки вторгшихся с севера отрядов У Пэйфу. Но вынужденная торопливость оправдала себя: к концу месяца провинция полностью оказалась в руках южан. Облаченный в легкую серую накидку, главнокомандующий Чан Кайши триумфально вступил в Чанша. Вместе с ним прибыла группа российских военных советников, которыми уже руководил Василий Блюхер. Эти двое прекрасно ладили: будущий генералиссимус передал под начало Блюхера все вопросы тактики боевых действий.

Вместе с членами ЦИК Мао присутствовал на параде по случаю выдвижения армии в поход, однако в других политических мероприятиях Гоминьдана не принимал никакого участия.

Он с головой ушел в работу с крестьянством, которое, как и предполагалось, начало играть все более заметную роль в продвижении революционных войск на север. После того как корпус Чан Кайши оставил позади Сянтань, Мао направил в родную деревню Шаошань пятьдесят слушателей своего института ознакомиться с деятельностью крестьянских ассоциаций. Через месяц в журнале «Нунминь юньдун» («Крестьянское движение») он опубликовал статью, где впервые определил землевладельцев как основное препятствие в деле революционных перемен и назвал крестьян главным орудием их уничтожения:

«Вплоть до сегодняшнего дня еще находятся люди — даже внутри революционной партии, — которые не понимают, что величайшим врагом революции в экономически отсталом, полуколониальном государстве является феодально-патриархальный класс землевладельцев. Именно он служит надежной основой реакционного правительства внутри страны и его империалистических покровителей за ее рубежами. Без устранения этой основы невозможно разрушить всю возведенную на ней пирамиду. Наши милитаристы — всего лишь охранные псы своих феодальных сюзеренов. Заявлять о необходимости избавиться от власти милитаристов, оставив в неприкосновенности класс крупных землевладельцев, — значит не видеть различий между главным и второстепенным, между причиной и следствием».

Логика привела Мао к неизбежному выводу: все остальное, в том числе и пролетариат, отходит перед данной проблемой на задний план. Он даже не пытался замаскировать этот факт: «Классовая борьба крестьянства по природе своей отлична от рабочего движения в городах». Цель последнего — не свержение господства буржуазии, а завоевание права создавать свои профсоюзы. Крестьяне же вели элементарную борьбу за выживание:

«Хотя все мы знаем, что рабочие, студенты, мелкие и средние торговцы должны подняться в яростную атаку на компрадоров и империализм в целом, хотя мы знаем, что рабочий класс является естественным вождем других революционных классов, без широкого крестьянского движения против привилегий крупных землевладельцев окончательно покончить с господством милитаристов и империалистов будет невозможно».

Этот аналитический вывод вызревал у Мао в течение долгих месяцев. Но если в феодализме китайской деревни основное препятствие для дела революции видели многие, то постичь сущность этого тезиса и довести его до логического завершения (неприемлемого по своей идеологии для КПК и по чисто практическим мотивам — для Гоминьдана), кроме Мао, не пытался никто.

Статья в «Нунминь юньдун» не вошла в сборники трудов Мао, выходившие в 40-е и 50-е годы, — она была слишком неортодоксальна. И все же пришедший двадцатью годами позже под покровом чистейшей идеологической нравственности триумф коммунизма начался с мобилизации широких слоев крестьянства, а вовсе не городского пролетариата.

Пока Мао оттачивал интеллектуальное оружие своей будущей стратегии, слушатели Института крестьянского движения уходили все дальше в глубь сельских районов Хунани,

Хубэя и Цзянси, чтобы после прохода отрядов Чан Кайши помочь местным жителям создать свои ассоциации.

Успешно шли дела и на полях битвы. 12 августа Чан Кайши проводит в Чанша военное совещание, которое назначило нового губернатора Хунани Тан Шэнчжи командующим объединенной группировки войск, куда вошли его собственные отряды и части Гоминьдана. Цель группировки — занять город Ухань. Командование силами северян взял на себя лично генерал У Пэйфу, но его солдаты не выдержали натиска противника, и в начале октября задача была выполнена. После двухнедельной остановки армии Чан Кайши продолжили продвижение на север и в ноябре взяли столицу провинции Цзянси город Наньчан. Таким образом, к ноябрю Гоминьдан подчинил себе все соседние с Гуандуном провинции. В руках противоборствующей стороны оставались лишь северные районы Фуцзяни — да и то лишь на несколько недель.

На протяжении всего этого периода КПК оставалась в стороне от происходящего. В сентябре Кантонский комитет партии, представлявший, у кого в Гоминьдане сосредоточена реальная власть, призвал центр пересмотреть политику объединения с левым крылом союзников. Его доводы (позднейшие события подтвердят их) сводились к следующему: лидеры левых гоминьдановцев представляют собой сборище «случайных людей, лишенных каких-либо принципов и идеологии, постоянно ссорящихся между собой на почве личных интересов». Чэнь Дусю уже в который раз ощутил неловкость своего положения — опять приходилось защищать ненавистный ему единый фронт лишь потому, что на его сохранении настаивал Коминтерн.

Симпатии Мао лежали на стороне кантонцев. Не хуже, чем им, ему были известны лицемерие, склочность и себялюбие гоминьдановских леваков. К тому же Мао хорошо знал, что в их партии сделать карьеру он уже не сможет: срок его директорских полномочий в Институте крестьянского движения закончился, а другой работы не было.

И все же помощь пришла именно от крестьян.

Вызванный Северным походом взрыв активности сельского населения убедил руководство КПК в том, что крестьянское движение представляет собой действительно мощную силу, оказавшуюся, к сожалению, под знаменами Гоминьдана. В ноябре Чэнь Дусю предложил составить такую программу работы с крестьянами, которая будет отражать все их интересы и не станет поводом для преждевременного раскола между КПК и левым крылом Гоминьдана.

Оставалось решить: кому поручить эту деликатную миссию? Прочитав уже известную статью в «Нунминь юньдунь», Цюй Цюбо, который был весьма близок с Войтинским и пользовался высоким авторитетом среди шанхайского руководства, пришел к выводу: самая подходящая кандидатура — это Мао Цзэдун.

Через несколько дней Мао отправился на борту парохода в Шанхай, а ожидающая третьего ребенка его супруга уехала с матерью и сыновьями в Хунань. 15 ноября 1926 года Центральное Бюро объявило Мао о его назначении на пост секретаря комиссии КПК по крестьянскому движению.

Так закончился период двадцатитрехмесячной самоизоляции от политической жизни. Для Мао он оказался плодотворным. Вновь назначенный секретарь обрел прочную веру в высокий революционный дух крестьянства, получил бесценный опыт работы среди высшего руководства огромного и сложного партийного механизма, научился манипулировать кадрами и читать меж строк строгих резолюций. После долгих заигрываний с леваками Гоминьдана ему было приятно найти пусть небольшую, но такую уютную нишу в обжитом лоне партии.

С этого дня Мао ощущал в себе постоянно крепнущую преданность не просто идее коммунизма, но всему населению огромной страны, пытающемуся ценой беспримерных усилий приблизить свое светлое будущее.

Через десять дней после своего назначения Мао отправился в Ухань. По решению партии город должен был стать основной базой деятельности нового комитета. По дороге он проезжал через Наньчан, ставший штаб-квартирой Чан Кайши.

Скрытая внутрипартийная борьба между левым и правым крылом Гоминьдана привела к тому, что каждый из соперников решил основать собственную столицу. Чан Кайши при поддержке Тань Янькая остановил свой выбор на Наньчане, куда должны перебраться лидеры националистического крыла и члены гоминьдановского правительства. Левое же крыло сформировало, по совету М. Бородина, Временный объединенный совет, который принял резолюцию о переводе партийных и правительственных органов в Ухань.

Руководство КПК видело в происшедшем расколе подтверждение правильности своего курса на поддержку левых. На состоявшемся в Ханькоу пленуме ЦК Чэнь Дусю, отмечая слабость и нерешительность своих союзников, сделал особый акцент на том, что бросить их сейчас на произвол судьбы «будет означать то же самое, что и отказаться есть соевый творог в надежде

получить через неделю мясо». Коммунисты должны помочь левому крылу Гоминьдана дать отпор возглавляемым Чан Кайши «новым правым». «Существование левого крыла, — зафиксировал пленум в своей резолюции, — обеспечивает нам единственную возможность сотрудничества с Гоминьданом».

Этот осторожный оптимизм отчасти можно объяснить подобным взрыву ростом рядов КПК за два предыдущих года. С едва ли тысячи членов к моменту проведения 4-го съезда численность партии возросла до 7500 человек через год и до 30 тысяч к декабрю 1926 года — во многом благодаря началу Северного похода. Не менее важным было и то, что около тысячи командиров частей, политработников и офицеров Национальной революционной армии также являлись членами КПК. Руководимый Чжоу Эньлаем Комитет по военным делам ЦК КПК уже начал формировать из них полковые «звенья», то есть подпольные ячейки партии.

Слабым местом разработанной Чэнь Дусю и поддерживаемой за его спиной Коминтерном стратегии являлась предпосылка, что не имеющий собственной армии левый фланг Гоминьдана ухитрится каким-то образом поставить вооруженного до зубов Чан Кайши под свой контроль. Выступая в дебатах, Мао не преминул указать на это логическое несоответствие: «В распоряжении правых есть войска, у левых нет ничего. С одним-единственным взводом правые окажутся непобедимыми». Чэнь Дусю вышел из себя и назвал замечание Мао «абсурдным», правда, так и не объяснив почему.

Через несколько недель природа раскола в Гоминьдане несколько прояснилась, и руководство КПК было вынуждено признать, что его надежды на возрождение левого крыла не оправдались, а позиции правых продолжали укрепляться. Из этого следовал лишь один вывод: партии необходимо приложить все усилия к тому, чтобы доказать Гоминьдану и его левому крылу свою верность союзническим обязательствам.

Публичные высказывания Мао тоже звучат крайне осторожно, если не примирительно. Выступая на 1-м съезде Хунаньской крестьянской ассоциации, состоявшемся вскоре после декабрьского пленума, он заверил аудиторию, что «время свергнуть власть помещиков еще не пришло. Требования о снижении арендной платы и повышении расценок труда сельских работников абсолютно законны, но в интересах революции сейчас необходимо пойти на некоторые уступки землевладельцам».

Уже через два месяца Мао изменил взгляды на противоположные. Партия, заявил он, должна либо коренным образом пересмотреть свою политику, либо просто уйти со сцены:

«В самое ближайшее время в центральных, северных и южных провинциях Китая поднимутся на борьбу сотни миллионов крестьян, и натиск их будет столь стремительным, что противостоять ему не сможет ни одна сила. На пути к свободе они сметут все преграды и отправят в могилу империалистов, помещиков и продажное чиновничество. Они проверят на прочность наши революционные партии, чтобы принять их или отвергнуть. Пойдут ли они за нами? Позволят ли нам плестись в хвосте? Или окажутся против? Пока еще у нас есть возможность выбора — но с ним нельзя медлить».

Эти слова звучат как откровение. Столь разительная смена позиции произошла в результате месячной поездки по сельским уездам Хунани, которую Мао совершил в январе — феврале 1927 года. По возвращении он доложил Центральному Комитету, что «реальная картина крестьянского движения абсолютно не похожа на то, о чем говорят в Ханькоу или Чанша». Представленный партии «Отчет о крестьянском движении в Хунани» — более 20 тысяч слов! — стал блестящим образчиком игры ума человека, скрупулезно проанализировавшего огромные объемы информации. «Я собирал факты на встречах с самыми авторитетными селянами и нашими коллегами из крестьянского движения. Я очень внимательно слушал и получил массу материалов».

Движение, по рассказам собеседников Мао, прошло две стадии развития. С января по сентябрь 1926 года крестьянские ассоциации только создавались, сначала нелегально, затем, после Северного похода, уже открыто. В октябре крестьяне повсеместно приступили к активным действиям. Если в конце лета количество членов ассоциаций не превышало четырехсот тысяч, то к концу года оно выросло до двух миллионов. В центральных районах Хунани старые феодальные порядки рухнули:

«Выступления были главным образом направлены против местных богатеев и не признававших никаких законов помещиков, однако вместе с тем крестьяне выражали резкое возмущение всеми патриархальными институтами. Выступления часто носили стихийный характер: те, кто подчинялся крестьянским массам, выживали, кто был против — погибал. Привилегии, которыми крупные землевладельцы пользовались на протяжении сотен лет, навсегда ушли в прошлое. В деревнях ассоциации стали единственной реальной властью, решавшей все вопросы крестьянской жизни — вплоть до супружеских ссор. Священными считались даже ветры, пускаемые членом ассоциации...»

В спорах с теми, кто обвинял движение в излишней жестокости и требовал ввести его в цивилизованные рамки, Мао ревностно защищал действия крестьян:

«Суть в том, что широкие массы сельских тружеников расправили наконец плечи, чтобы выполнить свою историческую миссию. И это прекрасно. Бояться совершенно нечего. Что угодно, только не страх. Успех демократической революции на тридцать процентов определяется действиями горожан и военных, а остальные семьдесят принадлежат крестьянству. Да, его борьба не всегда ведется по четким правилам, крестьяне могут ворваться в дом ненавистного помещика, заколоть его свиней и вынести из амбаров все зерно. Они могут даже поваляться на роскошных постелях богатейских дочек. При любой попытке спровоцировать их крестьяне схватят своих притеснителей, наденут им на головы бумажные колпаки с перечислением совершенных грехов и проведут в таком виде по деревням. Да, в каком-то смысле это — террор...

Многие считают, что крестьяне заходят слишком далеко и в стремлении исправить зло не соблюдают границ разумного. При кажущейся своей логичности такая точка зрения абсолютно ошибочна.

Революция — это не приглашение к ужину, не занятия живописью или вышивкой, она не может быть беззаботной и ласковой, сдержанной и справедливой, вежливой и исполненной достоинства. Революция — это взрыв насилия, освобождающий один класс от господства другого. Если крестьяне откажутся от применения грубой прямолинейной силы, то они не свергнут тысячелетнюю власть помещиков. Избыток жестокости им необходим... Собственно говоря, без краткого периода террора в сельской местности нам не обойтись. Для исправления зла нужна решимость переходить границы разумного...»

О том, каким должен быть этот террор, Мао говорил в последнем разделе своего отчета. Видя в свержении власти помещиков основную цель крестьянского движения, он перечислил девять методов ведения победоносной борьбы — от публичного порицания до тюремного заключения и смертной казни: «Расстрел одного местного богатея или помещика громким эхом отзовется по всей стране. Это очень эффективный способ избавиться от феодальных пережитков. Подавить контрреволюцию надежнее всего можно публичной казнью хотя бы одного-двух реакционеров в каждом уезде — ведь они-то, будучи у власти, не моргнув глазом расправлялись с сотнями крестьян. Кто посмеет сейчас утверждать, что угнетенные, поднявшись на борьбу, не могут расстрелять парочку своих притеснителей?»

Крестьянское движение ставило перед собой множественные задачи: снижение арендной платы за землю и процентов по долгам, борьба со спекуляцией зерном, замена отрядов помещичьей милиции боевыми дружинами крестьян, вооруженных длинными обоюдоострыми секирами, создание новой сельской администрации во главе с деревенскими сходами. Помимо экономики и политики важным ориентиром была социальная сфера: крестьянские ассоциации боролись с опиекурением и азартными играми, рушили веками слагавшиеся родовые и религиозные авторитеты:

«Жизнь человека в Китае определяется тремя типами авторитета: 1) государственный политический авторитет; 2) родовой авторитет; 3) религиозный авторитет. У женщин есть и четвертый — авторитет мужа. Эти четыре разновидности являются воплощением феодально-патриархальной идеологии, опутавшей своими прочными нитями весь китайский народ, особенно крестьянство. Стержень всей системы — политический авторитет помещиков. Если сломать его, то падут и остальные... Из поколения в поколение крестьянство собственными руками лепило себе идолов, сейчас пришло время своими же руками свергать их, и крестьянам нет нужды приглашать для этого кого-то со стороны».

Мао всю жизнь оставался под впечатлением увиденного и услышанного в той месячной поездке по Хунани. Он понял, что управление революцией не должно продумываться до мелочей, в нем неизбежно присутствует некая избыточность; он станет часто цитировать Мэнцзы: «Суть нашей политики очень проста: "Натянуть тетиву, но не пускать стрелу, выбирая момент упреждения"». Вожди указывают цели, однако движут революцию вперед массы, и только в случае крайней необходимости им можно дать команду нажать на тормоза.

Весьма примечателен тот факт, что в отчете слышится едва ли не гимн насилию. Годом раньше, в январе 1926 года, Мао говорил: «При определенных обстоятельствах, когда мы сталкиваемся с наиболее оголтелыми реакционерами, борьба с ними должна вестись до логического конца», не конкретизируя, что под этим имеется в виду. Всего через шесть месяцев на лекции в Институте крестьянского движения он уже отбросил недомолвки и впервые призывал использовать против контрреволюционеров «самые бесчеловечные методы». Если помещики — основная преграда, то убрать ее крестьянство должно только методами революционного насилия. Его истоки кроются в той же классовой ненависти, что двигала большевиками, ниспровергшими власть российской буржуазии.

Представленный Мао в ЦК КПК отчет был настолько зажигательным, что многих заставил сомневаться, стоит ли делать его доступным для простых членов партии. Цюй Цюбо отзывался о нем в высшей степени положительно, у Чэнь Дусю и Пэн Шучжи имелись серьезные возражения. Мао признавал, что мощь крестьянского движения оказалась неожиданной даже для самих ассоциаций, что в деревнях «царила анархия». Напуганный размахом красного террора, Гоминьдан во всех творившихся беззакониях винил коммунистов. К тому же очень скоро стало понятно, что смертные казни из исключительной, по словам Мао, меры наказания превратились в привычный инструмент расправы с неугодными: отца Ли Лисаня, ставшего к тому времени членом ЦК, не спасло от самосуда и письмо, которое сын направил в местную крестьянскую ассоциацию.

Между тем из Москвы подоспели новые, совершенно неожиданные инструкции. До сих пор обозначенная Сталиным линия Коминтерна сводилась к сдерживанию крестьянского движения — из опасений, что оно может подорвать союз между КПК и Гоминьданом. Теперь же Коба объявил это «грубейшей ошибкой». Полученные в Шанхае тезисы требовали совершенно обратного: «Страхи того, что обострение классовой борьбы в деревне приведет к ослаблению антиимпериалистического фронта, являются абсолютно безосновательными... Отказ от развития аграрной революции — преступление». Требование Коминтерна сохранить единый фронт вступало в явное противоречие с агрессивной тактикой действий коммунистов.

Руководство КПК приняло компромиссное решение. В марте «Сяндао» опубликовало две первые части отчета Мао. Завершающий же раздел, где автор призывал к массовым казням помещиков и высмеивал левое крыло Гоминьдана за то, что «они посходили с ума от страха перед восставшими народными массами», журнал опустил.

Мао все ближе сходился с Цюй Цюбо, а его отношения с Чэнь Дусю носили чисто формальный характер. «Если бы крестьянское движение было более организованным и имело достаточно оружия для ведения классовой борьбы, — сказал он десятью годами позже Эдгару Сноу, — то возникновение руководимых коммунистами районов продолжилось бы по всей стране. Но Чэнь Дусю выступил тогда против. Он не понимал роли крестьянства в революции и очень недооценивал его возможности».

Отчасти это объяснялось тем, что Чэнь и Центральное Бюро КПК столкнулись в то время с более насущными проблемами. 17 февраля войска националистов заняли Ханчжоу, глав-

ный город провинции Чжэцзян, а на следующий день их передовые отряды находились всего в сорока километрах от Шанхая. Уверенные в том, что город вот-вот падет, лидеры профсоюзов объявили при поддержке коммунистов всеобщую забастовку. Но Чан Кайши в Шанхай не вошел, а начальник шанхайского гарнизона Ли Баочжан выслал против бастующих карательную экспедицию, действия которой американский корреспондент наблюдал в пяти минутах ходьбы от центра города:

«Палачи с широкими саблями в сопровождении отряда солдат подвели своих жертв — профсоюзных активистов — к оживленному перекрестку и заставили встать на колени. Затем части из них отрубили головы и, подняв их на высоких бамбуковых пиках, отряд промаршировал до следующего перекрестка, где казнь возобновилась. Прохожие были в ужасе».

К тому времени Центральное Бюро и российские советники, по-видимому, независимо друг от друга пришли к выводу, что компромисс с Чан Кайши невозможен. КПК и левому крылу Гоминьдана предлагалось изыскать возможность отстранить ставшего неудобным генерала от власти. Момент для этого был выбран довольно удачный: Чан Кайши терял поддержку своих самых стойких сторонников, которых отталкивали непомерные амбиции главнокомандующего, его навязчивая идея устранить с политической сцены М. Бородина и скрытое противодействие возвращению Ван Цзинвэя. Наблюдатели за границей считали, что центр революционной деятельности перемещается из Наньчана в Ухань и Чан Кайши не в силах остановить этот процесс.

В марте в Ханькоу начал работу 3-й пленум Гоминьдана, большинство делегатов которого представляли левые и коммунисты. Чан Кайши вместе с председателем Постоянного комитета Чжан Цзинцзяном от участия в пленуме отказались. В их отсутствие делегаты учредили новый высший орган партии — Политический Совет, где левое крыло закрепило за собой наиболее ответственные посты. Пленум также предпринял ряд шагов, направленных на осуществление контроля гражданской власти за действиями военных. Коалиция КПК с левым крылом Гоминьдана начала приносить первые реальные плоды. Двое коммунистов, Тань Пиншань и Су Чжаочжэн получили министерские портфели в новом правительстве националистов, на чем уже с начала года настаивал Бородин (а за его спиной и Москва). Возвращение из Европы Ван Цзинвэя во многих вселило надежды на то, что двое лидеров сумеют все же прийти к согласию, которое Чан Кайши годом раньше разрушил своим переворотом.

3-й пленум с куда большей готовностью, чем КПК, принял многие идеи Мао, вынесенные им из поездки по Хунани: деревенские сходы, создание крестьянских отрядов самообороны, конфискация и перераспределение земель. Признав вопрос о земле коренным вопросом революции, делегаты заявили, что «до его окончательного разрешения борьба со старым обществом будет продолжаться». Но несмотря на категоричность формулировки, о методах разрешения не было сказано ни слова.

По завершении работы пленума к Мао вместе с детьми приехала Ян Кайхуэй. Семья сняла дом в Учане, где Мао руководил работой вновь открытого Института крестьянского движения. В начале апреля появился на свет третий сын, Аньлун. Жизнь снова вошла в нормальную колею.

В день рождения сына Мао, 4 апреля 1927 года, Ван Цзинвэй и Чэнь Дусю обнародовали в Шанхае совместное заявление, подтвердившее общность стоящих перед двумя партиями целей. Их шаг вызвал волну противоречивых слухов, зарубежная пресса говорила о коммунистическом заговоре и планах нового переворота. Устами Бухарина газета «Правда» утверждала, что «хотя различия неизбежны, они не дают повода для пессимизма». Делегатам закрытого совещания в Москве Сталин сказал: «У Чан Кайши есть только один путь: поддержать революцию. Пусть доиграет свою роль до конца, а потом его выжмут как лимон и просто отбросят в сторону. Крестьянин держит старую клячу до тех пор, пока она носит ноги. Так же поступим и мы».

ГЛАВА 6

ДЕНЬ ЛОШАДИ

Ранним утром во вторник 12 апреля 1927 года над западными районами Шанхая раздался печальный гудок речного пароходика. По этому сигналу войска националистов при поддержке «вооруженных тружеников», одетых в синюю униформу с белыми нарукавными повязками, где был изображен иероглиф «гун» («труд»), начали бесшумно окружать городской оплот коммунистов — рабочие кварталы Наньдао и Чжабэй. Генералу Бай Чунси муниципалитет дал гарантии беспрепятственного прохода по территории иностранных концессий.

Атака началась с первыми лучами солнца. «Тружениками» были члены банды «зеленых», крупнейшей в Шанхае группировки преступного мира. Сопротивление застигнутых врасплох коммунистов оказалось сломленным к середине дня. «Говорить о полном разгроме, пожалуй, рано, — писала в те дни английская «Таймс», — но удар китайские коммунисты получили весьма чувствительный». Убитыми оказались около четырехсот человек, за тысячу перевалило число раненых и арестованных.

На следующий день жизнь в городе парализовала объявленная по настоянию Чжоу Эньлая всеобщая забастовка. Тысячная толпа рабочих, женщин и детей направилась к особняку генерал-губернатора, чтобы вручить петицию. О случившемся далее лаконично сообщала «Бэйфан шибао»: «В первых рядах шли безоружные женщины и дети. Залп прозвучал, когда они были всего в нескольких метрах от солдат. Не менее двадцати человек упали убитыми сразу, и толпа бросилась врассыпную. Пытаясь спастись от пуль, погибли еще около двухсот демонстрантов. Трупы расстрелянных были погребены в общей могиле».

После этого всякие демонстрации в городе прекратились. В очередной раз Чан Кайши удалось восстановить покой и порядок.

Понять, почему КПК и левое крыло Гоминьдана не предвидели возможности нового путча, почти невозможно. Отчасти это объясняется упорным стремлением Сталина любой ценой сохранить единый фронт. Сталин полагал, что Гоминьдану будет много проще, чем коммунистам, объединить страну и ослабить позиции заклятых врагов Москвы — великих держав. В Китае его интересовало не дело революции, а реальная политика. Он навязывал свою волю Коминтерну, тот, в свою очередь, диктовал линию поведения КПК.

Однако и это еще не все. Подчиненные в целом коминтерновской дисциплине, лидеры китайских коммунистов совершенно утратили бдительность. До кровавой трагедии в Шанхае они целый месяц старательно игнорировали нараставшую враждебность Чан Кайши. С середины марта во всех подконтрольных его войскам районах страны отмечались проявления насилия, направленные против левого крыла партии. От Чунцина в Сычуани до Амоя на побережье действовала одна тактика: наемные головорезы из тайных обществ, обычно связанных с шанхайскими «зелеными», громили, часто при поддержке отрядов солдат, массовые организации левых.

Существовали и иные факторы. Под руководством лидеров левого крыла Гоминьдана экономика в Ханькоу по-

просту рухнула. Прекратилась торговля, стали закрываться банки. Для серьезных китайских промышленников Красная столица, как тогда часто называли Ханькоу, символизировала то, чего должна была избежать вся страна. Мартовские волнения рабочих в Шанхае стали зловещим предупреждением о том, чем может обернуться деятельность коммунистических органов управления.

Иностранные резиденты, забив тревогу, требовали от своих правительств остановить распространение «большевистской заразы». Пресса с негодованием сообщала детали процесса тотального обобществления. В одной из статей описывалось, как коммунисты, известные миру сторонники «общности жен», провели по улицам Ханькоу колонну большегрудых и белотелых обнаженных женщин. Миссионер-американец содрогался от ужаса последствий, которые «придут непременно, если бешеный пес большевизма перепрыгнет через океан».

События 24 марта поставили живших в Китае иностранцев на грань паники. В тот день, после того как отряды националистов заняли Нанкин, солдаты окружили консульства США, Британии и Японии и открыли огонь по дожидавшимся эвакуации сотрудникам. Погибли шесть человек. Этот инцидент убедил правительства западных стран: пришла пора действовать. Царившие в Китае анархия и хаос требовали принятия срочных мер.

Перед руководителями великих держав и крупными китайскими предпринимателями стоял вопрос: в какой мере можно положиться на Чан Кайши — не только главнокомандующего гоминьдановских войск, но и известного своими контактами с коммунистами? «Чан Кайши стоит на распутье, — писала «Бэйфан синьвэнь жибао» (газета «Новости Севера»). — В Китае он сейчас единственный, кто в состоянии положить конец попыткам коммунистов подчинить своему влиянию всю страну. Но действовать для спасения соотечественников ему придется быстро и жестко. Покажет ли Чан всю свою решительность? Не подхватит ли красный поток и его?»

Ответ на эти вопросы поражал тонкой режиссурой. 6 апреля представители великих держав в Пекине смогли убедить северное правительство, возглавлявшееся тогда маньчжурским генералом Чжан Цзолинем, направить в советское посольство отряд полиции с ордером на обыск. Посольство уже долгое время служило прибежищем для многих лидеров КПК. Подверглось обыску и генеральное консульство СССР в Тяньцзине. Охрана шанхайского консульства не пропускала в здание никого, кроме штатных сотрудников. Тем временем Ду Юэшэн, главарь «зеленых»

и личный друг Чан Кайши, создал Ассоциацию общественного прогресса, цель которой — подготовка новых групп боевиков. Репрессии против коммунистов ширились и в соседних городах.

Однако и после того, как взнесенный топор начал стремительное движение вниз, «защитники дела революции ни о чем не подозревали». Лидеры КПК продолжали оставаться настолько наивными, что один из них, руководитель Комитета по труду ЦК КПК Ван Шоухуа, вечером 11 апреля ужинал за одним столом с Ду Юэшэном. После ужина его задушили, а труп бросили в неглубокую яму на окраине.

Причина подобного поведения верхушки КПК крылась не в аналитических ошибках руководства. Об опасности сговора между иностранным империализмом и правым крылом Гоминьдана Центральное Бюро предупреждало еще в январе. Однако генералиссимусу удалось так мастерски замаскировать свои истинные намерения, что за пределами узкого круга самых доверенных лиц о них никто не подозревал. События явились полной неожиданностью и для иностранных наблюдателей, и для коммунистов. Когда в начале апреля «Бэйфан синьвэнь жибао» сокрушалась по поводу того, что Чан Кайши отказывался перейти на позиции «открытого антикоммунизма», Центральное Бюро в погромах провинциальных околокоммунистических организаций видело лишь отдельные выходки экстремистов, а вовсе не прелюдию к полномасштабной конфронтации. В 1927 году вера КПК в союз с буржуазией была столь незыблема, что революции без него руководство коммунистов и не представляло.

Утро 12 апреля Мао провел на совещании в Земельном комитете Гоминьдана. Оптимизм поездки по Хунани заставил его настаивать на самых радикальных шагах: пусть крестьяне действуют сами, пусть отказываются платить за землю — официальный документ можно издать позже. Эту позицию поддержал и только что прибывший из Москвы новый представитель Коминтерна Махендранат Рой. Идеи аграрной революции были ему куда ближе, чем М. Бородину.

Но надежды Мао были сорваны полученными во второй половине дня срочными радиодонесениями из Шанхая.

Последовавшее за ними заседание Центрального Бюро КПК длилось почти без перерывов целых шесть дней. Советники из Москвы забрасывали своих китайских товарищей диаметрально противоположными рекомендациями. В рамках «стратегического отступления» М. Бородин предложил резко сократить масштабы действия крестьянских и рабочих ассоциаций. Ус-

тановив контакт с Христианином Фэн Юйсяном, генерал Тан Шэнчжи должен был повести активную операцию против отрядов Чжан Цзолиня. Их разгром давал возможность возродить угасшую на время революционную деятельность и обеспечивал возможность маневра в переговорах с Чан Кайши. М. Рой назвал точку зрения Бородина предательством крестьян, пролетариата и всего трудового народа. «Китайская революция, — заявил он, — либо победит как революция крестьянская, либо может вообще забыть о победе». Продолжение Северного похода равнозначно измене делу революции, и КПК должна отказаться от опасной авантюристической линии М. Бородина, подчеркнул новый представитель Коминтерна.

Этот спор вскрыл глубокую противоречивость политики Сталина по отношению к Китаю. Кто обеспечит победу революции — рабочий класс и крестьянство? Или их союз с буржуазией?

Дискуссия только разгоралась, когда телеграммой из Шанхая Чжоу Эньлай предложил третий вариант. Оказывается, положение Чан Кайши в военных делах было намного слабее, чем казалось. Если отряды Тан Шэнчжи направятся на Нанкин и предпримут решительные действия, то армия Чан Кайши потерпит неминуемое поражение, говорилось в телеграмме. В противном случае Чан получит прекрасную возможность укрепить свои позиции.

Чжоу Эньлая поддержал Цюй Цюбо. Чэнь Дусю больше склонялся к высказанной еще Сунь Ятсеном идее похода на северо-запад, туда, где силы империалистов были рассредоточены и не могли оказать серьезного сопротивления. Тан Пиншань и Чжан Готао предлагали основной удар нанести на юге и разгромить старую гуандунскую базу Гоминьдана.

Бессилие КПК выработать единый подход в вопросах тактики подтвердилось резолюцией Центрального Бюро, где руководство партии заявляло, что продолжение Северного похода будет «в настоящих условиях губительным для дела революции». Буквально через день Ван Цзинвэй под влиянием М. Бородина решил немедленно возобновить поход.

Мао не участвовал в этих спорах — тогда он не являлся даже членом ЦК КПК, к тому же после представленного отчета о поездке по Хунани Чэнь Дусю вообще отказывался иметь с ним дело. Но симпатии Мао были на стороне М. Роя.

Он провел месяц в напряженной работе Земельного комитета Гоминьдана, где вместе с группой молодых представителей левого крыла разработал такую формулу перераспределения земли, которая устроила бы все заинтересованные стороны. Ос-

новная проблема заключалась в площади земельного надела. Конфисковать ли все принадлежавшие частникам участки, как предлагал Мао? Или ограничиться теми, что превышают 30 му*? Или согласиться с консерваторами, отстаивавшими наделы в 50 и даже в 100 му? В конечном итоге споры оказались бессмысленными, так как Политический комитет Гоминьдана отклонил разработанный группой проект на том основании, что он возбудит недовольство армии, большинство офицеров которой происходили из семей землевладельцев.

Титанические усилия Мао не оценили и в КПК. Резолюцию о национализации земли 5-й съезд партии не стал даже обсуждать: как и в Гоминьдане, коммунисты просто запретили конфискацию наделов «мелких землевладельцев», даже не пытаясь определить, кто является таковым.

И вновь Мао был разочарован политикой родной партии. Похоже, что разочарование было взаимным: в Центральный Комитет он вошел с правом совещательного голоса, став лишь тридцатым в партийной иерархии. Через неделю, при реорганизации комиссии по крестьянскому движению, Мао вынужденно ушел с поста ее секретаря, уступив место Цюй Цюбо, ставшему уже членом Постоянного Комитета Политбюро (как теперь называлось Центральное Бюро КПК). Влияние Мао на политику партии в деревне значительно упало.

Между тем нарастал поток неутешительных новостей из провинции.

В Кантоне ввели военное положение, арестовали более двух тысяч коммунистов — в ходе объявленной Чан Кайши «чистки партии» Гоминьдан начал избавляться от нежелательных союзников. В Пекине по приказу Чжан Цзолиня вместе с девятнадцатью своими товарищами, захваченными во время обыска советского посольства, был задушен Ли Дачжао.

К началу мая под контролем революционного правительства Ухани осталишь лишь Хубэй, Хунань и Цзянси.

Провинции погрузились в глубокий экономический кризис. В Ханькоу, Ханьяне и Учане насчитывалось более трехсот тысяч безработных, количество проживавших там иностранцев упало с четырех с половиной до полутора тысяч. О жизни тех, кто только собирался уехать, под заголовком «Красный террор в Ханькоу» писала «Таймс»: «При состоящем исключительно из коммунистов правительстве невозможен никакой бизнес, улицы патрулируются

* Му — мера площади, равная 0,0667 га. 30 му — около 2 га. — *Примеч. пер.*

пикетами профсоюзов, а помнящему о нравах местной солдатни европейцу лучше вообще не выходить из дома. На директоров иностранных компаний толпа объявила настоящую охоту, многих гонят с улиц штыками».

Ситуация стала еще хуже, когда по распоряжению Чан Кайши китайские банки Кантона и Шанхая приостановили все свои операции с Уханью. Прекратился сбор налогов, правительство включило печатный станок, и полки магазинов вмиг опустели. В конце апреля по городу поползли слухи о нехватке риса: с целью сдержать рост цен Хунань запретила его вывоз за пределы провинции.

В соответствии с инструкциями М. Бородина Политический Совет Гоминьдана отказался от забастовочной борьбы, принял меры к стабилизации денежной единицы, регулированию цен и облегчению положения безработных.

Военный баланс сил вновь нарушился. Войска Тан Шэнчжи продвигались на север, чтобы слиться в Хэнани с армией генерала Фэн Юйсяна. Небольшой гарнизон, оставшийся в Хубэе, дал Чан Кайши хороший шанс в деле проверить прочность уханьского режима. 18 мая отряд националиста Ся Доуина подошел вплотную к Учану. В городе началась паника. Командующий местным гарнизоном коммунист Е Тин, собрав несколько сотен кадетов военного училища и резервистов, принялся спешно крепить оборону. Ему на помощь Мао направил около четырехсот слушателей Института крестьянского движения, которые с древними фузеями в руках патрулировали городские улицы.

Утром следующего дня воинство Е Тина обратило в бегство едва не окружившего город противника. Однако искры, которые высек Ся Доуин, оказалось не так просто потушить.

В Чанша жители шепотом начали говорить о том, что Ухань пал, Ван Цзинвэй вынужден был бежать, а Бородин убит. Тлевший между левым и правым крылом Гоминьдана конфликт разгорелся с новой силой. Происходили открытые столкновения между солдатами и активистами крестьянских ассоциаций, а 19 мая демонстрация коммунистов избила родственника заместителя командующего революционными силами Тан Шэнчжи.

Двумя днями позже, 21 мая 1927 года, в День Лошади по старому лунному календарю, начальник гарнизона Чанши Сюй Кэсян принял решение положить конец смуте.

В отличие от лидеров КПК в Шанхае хунаньские партийные руководители довольно быстро поняли, куда дует ветер. Однако три тысячи рабочих-пикетчиков, имевшихся в их

6 Зак 1137

распоряжении, были вооружены лишь копьями и бамбуковыми палками. Едва удалось укрыть в надежных местах женщин и детей, как к ночи в городе началась стрельба, которая не прекращалась до рассвета. «Языки пламени вздымались до неба, — писала впоследствии жительница города. — От здания крестьянской ассоциации доносилась громкая пальба, строчили пулеметы... Мы все собрались в комнате и дрожали от страха. Мне нужно было покормить шестимесячного сына, но молоко кончилось. Мальчик безостановочно плакал...»

Позже Сюй Кэсян самодовольно заявил: «К утру город освободился от густой пелены красного террора. Я разогнал этот мрачный туман одним взмахом руки».

В течение трех последовавших за этим недель в Чанша и ближайших окрестностях были убиты не менее десяти тысяч человек. К старому месту казни у Западных ворот ежедневно приводили группы коммунистов либо заподозренных в сочувствии к ним. Многие горожане гибли в столкновениях с отрядами крестьянской самообороны, приступившими к последним отчаянным вылазкам после приказа Хунаньского комитета КПК.

Из Хунани волна репрессий докатилась до Хубэя, где пришедшие от поражения в ярость войска Ся Доуина вымещали свое унижение на тысячах невинных сельских жителей. В Цзянси роспуск крестьянских ассоциаций привел к взрыву негодования даже среди мелких землевладельцев. По всему Центральному Китаю красный террор сменялся белым: отряды миньтуаней — помещичьей полиции — не щадили тех, кто осмеливался выражать недовольство действиями властей. В отчете, подготовленном для Всекитайской крестьянской ассоциации, Мао в середине июня писал:

«В Хунани... они отрубили голову одному из руководителей профсоюзов и пинали ее ногами по улице, а затем вспороли живот казненному, налили туда керосина и подожгли... В Хубэе революционным крестьянам выкалывают глаза и вырывают языки, их четвертуют, режут ножами и клеймят раскаленным железом. Женщинам протыкают проволокой груди, раздевают их догола и водят в таком виде по улицам, а потом просто разрывают на части...»

В хунаньском уезде Лилин погибли более восьмидесяти тысяч человек, население четырех соседних сократилось на триста тысяч. Бойня по ужасу затмила все злодеяния Злобного Чжана, когда его войска заняли провинцию десятью годами раньше. Подобного Китай не помнил со времени кровавой бойни восстания тайпинов в 1850 году.

* * *

События Дня Лошади и их трагические последствия заставили КПК по-новому оценить ситуацию в стране. «Полученный партией урок, — писал Чжан Готао, — убеждает в одном: против оружия можно бороться только таким же оружием».

Осознание этой истины придет гораздо позже. Поначалу руководство КПК не знало, как реагировать на происходившее, и предавалось неторопливым раздумьям. Когда вести о трагедии в Чанша достигли Ухани, коммунисты все еще приходили в себя от неудавшегося рейда генерала Ся Доуина и уже не в первый раз обсуждали планы сокращения размаха крестьянского движения. 25 мая Политбюро пришло к выводу, что причиной случившегося послужила излишняя активность крестьян, непродуманными действиями накликавших на себя беду. На следующий день М. Бородин отправляется в Чанша с комиссией, которая должна прояснить ситуацию на месте. Сразу после отъезда комиссии Мао в телеграмме предложил хунаньским руководителям КПК «проявить в общении с правительственными чиновниками максимум терпения, чтобы избежать новых трений между двумя партиями». Но до Хунани Бородин так и не добрался. На границе провинции комиссию отослали назад (по некоторым источникам, в противном случае Сюй Кэсян угрожал членам комиссии смертью). Только после этого ЦК КПК обратился к руководству Гоминьдана с призывом наказать самоуправство Сюй Кэсяна, выслать в Чанша экспедиционный корпус Тан Шэнчжи и предоставить крестьянам для самозащиты оружие. Ни одно из требований коммунистов выполнено не было.

В конце мая Мао попросил Политбюро направить его в Хунань для перестройки провинциальной парторганизации. Через десять дней он получил приказ прибыть в Сянтань и создать там новый партийный комитет провинции. Несмотря на то что решение было едва ли не в тот же день отменено, с начала июня Мао начал играть все возрастающую роль в партийном строительстве в Хунани.

Примерно в то же время на КПК обрушился другой удар, причем с самой неожиданной стороны. 1 июня, по окончании закрытого пленума Коминтерна в Кремле, Сталин направил в Ханькоу телеграмму, требуя от ЦК КПК проведения в жизнь более решительного курса: «Аграрная революция должна любой ценой двигаться вперед». Издержки этого рывка должны были принять на себя крестьянские ассоциации. Гоминьдану предлагалось учредить революционные трибуналы, которые будут рассмат-

ривать дела офицеров, не порвавших связей с Чан Кайши либо «запятнавших себя актами насилия над народными массами». «Время убеждать прошло. Пора переходить к действиям, — подчеркивал в телеграмме Сталин. — Пусть все негодяи и изменники получат по заслугам. Пока момент еще не упущен, необходимо создать новую надежную армию, для чего мобилизовать в Хунани и Хубэе двадцать тысяч коммунистов и не менее пятидесяти тысяч рабочих и крестьян. Нельзя больше зависеть от капризов продажных генералов». Приток свежей крови требовался также и ЦИК Гоминьдана. Противодействие старым консервативным лидерам должны оказать новые — лучшие представители рабочего класса и трудового крестьянства.

Когда послание было зачитано, члены Политбюро не знали, что им делать: плакать или смеяться. Чэнь Дусю позже вспоминал: «Ощущение было такое, будто тебя по уши окунули в дерьмо». Даже Бородин с Войтинским признавали, что о претворении этих планов в жизнь не может быть и речи.

И вовсе не потому, что идеи Сталина были ошибочны. Годом ранее лидеры КПК умоляли Москву предоставить им пять тысяч винтовок для организации независимой крестьянской армии в Гуандуне. В ответ Кремль заявил, что такой шаг посеет недоверие в рядах гоминьдановцев. Мао и Цай Хэсэнь убеждали товарищей в необходимости решать проблемы крестьянского движения силами самих крестьян, без всякой помощи со стороны.

Суть проблемы заключалась в ином. Новые приказы Москвы оказались не только запоздалыми — сталинская оценка расстановки сил не имела ничего общего с реальной действительностью. Ни у левого крыла Гоминьдана, ни тем более у КПК не имелось ни малейшей возможности как-то воздействовать на армейское офицерство. И уж совершенной фантастикой было ожидать, что коммунисты смогут реорганизовать ЦИК Гоминьдана.

М. Рой, рассчитывавший на то, что телеграмма Сталина убедит партию оказать крестьянскому движению всемерную поддержку, решил поправить дело. Без всяких консультаций с Бородиным или кем-нибудь из руководства КПК он отнес телеграмму Ван Цзинвэю. Видимо, он, как и Сталин, полагал, будто поддержка коммунистов настолько важна для Гоминьдана, что недовольство Кремля подтолкнет его к более активным действиям. Однако реакция на инструкции из Москвы оказалась обратной. Прочитав телеграмму, Ван сделал вывод: союзнические отношения между Гоминьданом и КПК закончились. На следующий день, 6 июня, во главе делегации

левого крыла партии он отправился в Чжэнчжоу — якобы договариваться с Фэн Юйсяном о совместных действиях против Чан Кайши. На деле же целью поездки было прощупать возможности примирения с руководством правых в Нанкине.

Поступок М. Роя лишь ускорил приход неизбежного. Пара гнедых, которых КПК пыталась запрячь вместе — крестьянские восстания и буржуазная революция, — уже несколько месяцев резво неслась в противоположные стороны. Их пути окончательно разошлись именно в День Лошади.

15 июня от имени Политбюро Чэнь Дусю направил Сталину ответ, примечательный нескрываемым раздражением кремлевскими методами и явным ощущением надвигающегося рока:

«Особенно быстрыми темпами ширилось крестьянское движение в Хунани, откуда вышли девяносто процентов личного состава армии националистов. Сейчас эта армия крайне враждебно настроена против ошибок и перекосов крестьянского движения... В сложившейся ситуации не только Гоминьдан, но и КПК вынуждена прибегнуть к политике послаблений и уступок... В противном случае полного разрыва с Гоминьданом нам не избежать. Весьма вероятно, что он произойдет даже в самом ближайшем будущем... Мы признаем важность и правильность полученных инструкций, однако выполнить их за относительно короткое время не представляется возможным... До того момента, как мы соберем силы, нам требуется поддерживать хорошие и стабильные отношения с лидерами левого крыла Гоминьдана и его армейским командованием».

Чэнь обошел молчанием только один пункт кремлевских наставлений — тот, где Сталин требует от КПК создания «собственной надежной армии». И сделал он это не случайно: еще за неделю до получения телеграммы из Москвы Политбюро серьезно рассматривало вопрос организации боеспособных вооруженных сил партии.

Главным в послании Сталина было то, что в конечном итоге оно явилось тем семенем, которое через несколько лет даст жизнь китайской Красной армии.

Еще до того как Чэнь Дусю направил свой ответ в Москву, ЦК КПК создал во главе с Чжоу Эньлаем секретную комиссию, которая начала разработку детального плана проникновения в Хунань десятков своих агентов для организации вооруженных выступлений крестьян против отрядов Сюй Кэсяна. Перед отправкой Мао проинструктировал агентуру в Ухани: «Вы вернетесь по домам и поможете вести революционную борьбу на местах с оружием в руках». Расчет строился на том, что в случае успеха

разрозненные группы вооруженных крестьян станут костяком «надежной армии», о которой говорил Сталин.

24 июня Мао стал секретарем Хунаньского комитета КПК и немедленно отбыл в Чанша — оценить то немногое, что оставалось после продолжающихся еще репрессий. Через несколько дней он сказал в Хэншани группе выживших партработников: «Время колебаний прошло, настала пора скрестить оружие».

Но земля из-под ног коммунистов уже уходила.

Российские советники, на глазах которых углублялась пропасть между Кремлем и Ван Цзинвэем, неспешно паковали чемоданы и готовились к отъезду. Другой протеже Москвы, Фэн Юйсян, уже перешел на сторону Чан Кайши, согласившись получать солидное вознаграждение в 2 миллиона долларов ежемесячно.

Политбюро пребывало в мрачном пессимизме. Цай Хэсэнь вспоминал, как «все бесцельно бродили из угла в угол, подавленные и не способные прийти ни к одному конкретному решению». В руководстве КПК появились первые признаки отчаяния. 23 июня Секретариат ЦК обратился к партии с тревожащим душу предупреждением о том, что «разрыв с Гоминьданом будет означать нашу полную ликвидацию как политической партии». В ответ М. Рой горько заявил: «Идея сотрудничества с Гоминьданом превратилась в фетиш, ради обладания которым мы должны пожертвовать всем остальным». В отчаянной попытке отсрочить окончательный распад союза Политбюро ЦК КПК приняло резолюцию, в которой признало за Гоминьданом «ведущую роль в революции» и передало под его контроль все рабочие и крестьянские организации, включая вооруженные отряды самообороны.

Примерно в это же время Мао возвратился из Чанша в Ухань: по всей видимости, М. Бородин решил не рисковать остатками дружбы с Гоминьданом ради весьма сомнительных успехов крестьянского движения в Хунани.

В понедельник 4 июля Мао уехал в Учан на расширенное заседание Постоянного Комитета Политбюро, где лидерам КПК предстояло решить, каким будет их следующий шаг. Немногие сохранившиеся протоколы еще раз показывают, за что хватается утопающий. Жаркие споры собравшихся вызывала проблема взаимоотношений между Тан Шэнчжи и его заместителем Хэ Цзянем, ярым противником коммунистов. Не было и тени сомнений в том, что позиции Тана правеют с каждым днем, но резолюция совещания выразила уверенность в «скорейшем возврате командующего на наши позиции». Впрочем, коммунистам не

впервой выдавать желаемое за действительное. В июле 1927 года их лидеры окончательно лишились сколь-нибудь заметного политического влияния и в глубине сердец хорошо сознавали это.

Головной болью для участников совещания были местные отряды крестьянской самообороны. Цай Хэсэнь настаивал на том, что им следует уйти в горы и начать восстание оттуда. Ли Вэйхань возразил: это будет слишком походить на обыкновенный бандитизм, не лучше ли попытаться придать отрядам статус местных миротворческих сил? В случае неудачи крестьяне попросту спрячут оружие и станут выжидать подходящий момент. Чэнь Дусю считал, что бойцы отрядов самообороны смогут стать эффективной силой, лишь пройдя подготовку в гоминьдановской армии. Итоги дискуссии подвел Мао:

«Оставив в стороне вопрос о миротворческих силах — на практике его решение почти неосуществимо, мы имеем две возможности: уйти в горы либо присоединиться к армии. В горах мы сможем заложить основу для создания мощных вооруженных сил... Без них партия окажется беспомощной в будущем».

Совещание так и не приняло никакого решения, но в головах Мао и Цай Хэсэня уже складывалась стратегия предстоящих действий.

События между тем продолжали развиваться. Ответ Чэнь Дусю Сталину пришелся не по вкусу, и в начале июля кремлевский горец решил, что Чэнь должен уйти. Москва отозвала М. Роя и Г. Войтинского, а 10 июля в газете «Правда» Н. Бухарин назвал отказ лидеров КПК следовать советам великого вождя «непрактичным». Двумя днями позже Чэнь Дусю подал в отставку, и ежедневной работой ЦК начал управлять «временный Постоянный Комитет» в составе Чжан Готао, Ли Вэйханя, Чжоу Эньлая, Ли Лисаня и Чжан Тайлэя. Цюй Цюбо, предполагаемый наследник Чэнь Дусю, вместе с М. Бородиным отправился на горный курорт Лушань обдумывать сложившуюся ситуацию.

На следующий день, 13 июля, ЦК КПК одобрил, но еще не обнародовал свой манифест, в котором руководство левого крыла Гоминьдана обвинялось в «предательстве интересов трудящихся масс». В ответ левые на закрытом заседании утвердили ряд мер, ведущих, по сути, к исключению коммунистов из рядов Гоминьдана.

Этим конфликт не исчерпывался. В соответствии с инструкциями из Москвы руководство КПК продолжало делать вид, будто единый фронт с «прогрессивными членами левого крыла Гоминьдана» все еще существует, хотя в действительности никакого союза не было и в помине. Войска генерала Хэ Цзяня

приступили к массовым арестам коммунистов. Мао и другим лидерам партии приходилось скрываться в подполье, а загримированный Чэнь Дусю на борту парохода бежал в Шанхай. М. Бородину, последнему оставшемуся российскому советнику, Ван Цзинвэй устроил пышные проводы на железнодорожном вокзале Ханькоу. Влияние Москвы, на обеспечение которого Сталин потратил миллионы золотых рублей, кончилось ничем.

В декабре 1927 года прекратило свое существование левое крыло Гоминьдана. Ван Цзинвэй уехал в Европу, а несколько позже Чан Кайши вступил в Пекин и превратился в нового правителя великой страны.

Но все это в будущем. Знойным июльским днем 1927 года Ян Кайхуэй с тремя сыновьями в последний раз возвратилась в Чанша. Единого фронта уже нет. Китай стоял на пороге революции.

ГЛАВА 7

ПОД ДУЛОМ ВИНТОВКИ

Со своим поручением Бесо Ломинадзе справлялся плохо. Он был молод, неопытен, мало знал о том, что происходило за пределами его родины — великого Советского Союза, да и не очень интересовался этим. Чжан Готаню запомнился его приезд в Ухань 23 июля: «Более отвратительной беседы у меня еще не было... Он имел характер человека, любящего пускать пыль в глаза, и вел себя как личный ревизор его величества царя-батюшки. Самые светлые головы партии были для него все равно что рабы»...

Бесо Ломинадзе являлся человеком Сталина. В возрасте двадцати восьми лет он приехал в Китай проводить новую линию Коминтерна и проследить за тем, чтобы грубейшие ошибки прошлого оказались на совести лидеров КПК, а не гениального «вождя всех народов». Для Ломинадзе Москва всегда была средоточием высшей мудрости. Он привез с собой высочайший эдикт: все, что требуется от раздираемого сомнениями мелкобуржуазного руководства КПК, — это следовать опыту Страны Советов и директивам Коминтерна. Вперед — к победоносному триумфу китайской революции и вящей славе правителей Кремля!

В отличие от М. Бородина, всю жизнь посвятившего пе-

стованию идей и практики социализма за рубежом, или М. Роя, не боявшегося спорить с самим Лениным, Ломинадзе был простым винтиком громадной машины личной власти Сталина. Во второй половине 1927 года хозяин Кремля нисколько не переживал за будущее китайской революции — его больше волновали проблемы взаимоотношений с Троцким.

После вынужденной отставки Чэнь Дусю и развала единого фронта КПК все еще собиралась с силами. Начавшееся в марте наступление на коммунистов в Цзянси, которое продолжилось апрельскими событиями в Шанхае и достигло пика в Хунани, со всей очевидностью свидетельствовало: на то, чтобы отстоять себя, у партии нет ни средств, ни воли для их применения. Вот почему вскоре после разрыва с Гоминьданом руководство КПК, положив в основу тезис Сталина о создании крестьянской армии, начало вырабатывать стратегию борьбы за свою независимость.

Секретная директива по вопросам крестьянского движения, в подготовке которой почти наверняка принимал участие Мао, 20 июля констатировала: «К политической власти крестьянские ассоциации смогут прийти лишь после победы вооруженных сил революции». Предлагаемые директивой методы построения армии включали в себя захват оружия у помещичьей полиции, формирование «пятой колонны» в регулярных частях милитаристов, тесное сотрудничество с членами тайных обществ и как крайнюю меру, предложенную Мао и Цай Хэсэнем, уход в горы.

В это время Постоянный Комитет занялся подготовкой целого ряда крестьянских выступлений в Хунани, Хубэ, Цзянси и Гуандуне, которые должны были начаться во время праздника Середины осени, в сентябре*, когда селяне должны рассчитываться со всеми долгами и возмущение помещиками достигало наивысшего накала. Ожидалось и вооруженное восстание в Наньчане, где в частях гоминьдановской армии служили несколько десятков офицеров-коммунистов.

Москва об этих планах ничего не знала. Когда встревоженный Ломинадзе, не имея ни малейшего желания головой ответить за самодеятельность своих подопечных, поставил в известность о ней Москву, та, подобно дельфийскому оракулу, ответила уклончиво: «Если нет твердой уверенности в победе, то лучше не начинать». Но лидеры КПК были уже по уши сыты двусмыслицами Коминтерна и исполнились твердой решимости действовать — пусть

* По лунному календарю. — *Примеч. пер.*

даже любой ценой. Избранный главой Фронтового комитета* Чжоу Эньлай определил точное время выступления военных: раннее утро 1 августа. Наньчан был взят без единого выстрела и оставался в руках коммунистов целых четыре дня, дав Сталину возможность лишний раз едко высмеять троцкистскую оппозицию.

Из имен участников восстания вполне можно составить Готский альманах китайской революции**. Чжу Дэ, Верховный главнокомандующий китайской Красной армии, являлся главой службы Общественной безопасности в Наньчане; действиями восставших управлял будущий маршал усатый сычуанец Хэ Лун; комдив Е Тин во время антияпонской войны стал во главе Четвертой армии. Дослужились до звания маршала и его политкомиссар Не Жунчжень и начальник штаба Е Цзяньин. Как и худенький, скромный выпускник военной академии Вампу двадцатилетний Линь Бяо.

5 августа двадцатитысячный корпус выступил из Наньчана на юг — с тем чтобы создать в Гуандуне, «за пределами сфер влияния милитаристов, новую базу революции».

В эти дни Мао находился в Ухани, где Цюй Цюбо вместе с Ломинадзе, следуя рекомендациям Коминтерна, были заняты подготовкой внеочередной партийной конференции. В работе им помогал молодой член секретариата ЦК Дэн Сисянь, более известный под боевым псевдонимом Дэн Сяопин. Задача конференции — «реорганизовать силы партии, исправить допущенные в прошлом серьезные ошибки и определить новые пути продвижения вперед».

Чуть позже в доме российского экономического советника на территории японской концессии в Ханькоу собрались двадцать два члена ЦК КПК. В целях конспирации конференцию решили провести под видом собрания акционеров. Срочность и секретность ее созыва позволили лишь трети членов ЦК добраться до Наньчана, но, несмотря на отсутствие кворума, Ломинадзе настоял на открытии: принятые решения утвердит съезд, который должен состояться не позже чем через полгода.

---

* Высший орган КПК, осуществлявший общее управление войсками. Ему подчинялся и Военный комитет, занятый выработкой стратегии и тактики боевых действий. Одновременно с этим Фронтовой комитет подчинялся указаниям провинциальных партийных органов. В Наньчане Чжоу Эньлай был подотчетен (хотя бы теоретически) партийному комитету провинции Цзянси. — *Примеч. авт.*

** В 1955 году семь из десяти маршалов НОАК являлись ветеранами Наньчанского восстания. Его годовщина празднуется в современном Китае как День образования Вооруженных Сил. — *Примеч. авт.*

Одобренная Августовской конференцией стратегия отражала суть последних наставлений Сталина: между классовой борьбой против помещиков и национальной революцией, которая должна свергнуть власть прогнившего милитаристского режима, нет никаких противоречий. Ядром революционных сил, убеждал Ломинадзе, должны стать профсоюзы и крестьянские ассоциации; рабочие и крестьяне обязаны играть более активную роль и в руководстве партии, а навязанную Чэнь Дусю старую политику компромиссов и уступок необходимо отбросить и забыть.

Ломинадзе донес до делегатов конференции две азбучные истины, затвержденные им еще в Москве. Первая: все инструкции Коминтерна подлежат безусловному выполнению, попытка отступить от них будет не просто нарушением дисциплины, но тягчайшим преступлением. Вторая: поскольку партия лишена сейчас возможности действовать открыто, то следует реформировать ее в «тайную военизированную организацию с эффективными и надежными органами управления».

Чтобы обеспечить единомыслие в рядах коммунистов и укрепить авторитет Сталина, конференция приняла «Циркулярное письмо ко всем членам партии», в котором суровой критике подвергалась предыдущая деятельность ЦК и его руководства. Чэнь Дусю, уличенный Ломинадзе в меньшевизме, обвинен в «попытке поставить революцию с ног на голову, в преклонении перед Гоминьданом и лишении партии ее независимости». Тань Пиншань «отошел от борьбы и... с позором отказался поддержать освободительное движение крестьян», а Чжоу Эньлай «дал согласие на разоружение рабочих пикетов в Ухани». Досталось критики и Мао: он не выразил «возмущения провалом гоминьдановского плана перераспределения земли» и проводил «недостаточно радикальную политику в руководстве Всекитайской крестьянской ассоциации».

Несмотря на это, дуумвират* Ломинадзе и Цюй Цюбо нравится Мао куда больше, чем Чэнь Дусю с М. Бородиным. Идея вооруженной классовой борьбы под руководством союза рабочих и крестьян звучала музыкой в его ушах. По нраву Мао пришлась и прямая связь, которую посланник Кремля установил между мировым империализмом и китайским феодализмом.

Ломинадзе, в свою очередь, также нашел Мао Цзэдуна весьма способным товарищем, и при выборах нового руководства партии тот стал кандидатом в члены Политбюро. Среди девяти его полных членов появились четверо рабочих. Участник Наньчанско-

* Союз, или двоевластие. — *Примеч. пер.*

го восстания Пэн Пай представлял интересы крестьянства, а Жэнь Биши — молодежные организации. Признанные всего лишь «умеренными», оставили свои посты Чжан Готао и Цай Хэсэнь.

Закономерен сейчас вопрос: почему от крестьянства в Политбюро был введен Пэн Пай, а не Мао? Возможно, одна причина лежала в том, что ЦК рассчитывал вернуть свою базу в Гуандунс, на родине Пэна. Другая заключалась в характере самого Мао. Он считался еретиком. Сразу после ухода Чэнь Дусю Чжоу Эньлай пытался продвинуть упрямого хунаньца наверх — но безуспешно. Работавший вместе с Мао Цюй Цюбо многократно убеждался в твердолобой неуправляемости своего коллеги: такого хорошо иметь союзником, но никак не врагом или подчиненным*.

Незадолго до приезда Ломинадзе партия поручила Мао отвечать за подготовку революционной встречи праздника Середины осени в Хунани. 1 августа Постоянный Комитет одобрил его первую же инициативу: создание крестьянской армии, состоявшей из наньчанского регулярного полка и двух полков сил самообороны, набранных на севере и юге провинции. По плану Мао эти силы должны были занять несколько уездов и провозгласить на местах народную власть. Цель замысла — дестабилизировать режим Тан Шэнчжи и обозначить «центры революционной активности масс», откуда восстание, набирая силу, должно было распространиться по всей Хунани.

Эта инициатива легла в основу полномасштабного сценария антиимпериалистических выступлений, которые должны были проходить под флагом борьбы с налогами и арендной платой и привести к образованию в Хунани и Гуандунс нового революционного правительства.

Став 12 августа уполномоченным ЦК по Хунани, Мао отправился в Чанша для непосредственной подготовки восстания. Уже через неделю состоялось первое собрание вновь избранного провинциального комитета партии, на котором присутствовал советский консул в Чанша и агент Коминтерна Мейер. Члены парткома обсуждали план конкретных действий.

Необходимо было решить три проблемы. Первая из них не отличалась особой сложностью. Мейер проинформировал собравших-

---

* После Августовской конференции Цюй Цюбо предполагал направить Мао на партийную работу в Шанхай, однако тот отказался: «Я терпеть не могу большие здания и предпочитаю жить в провинциальной глуши». Очень скоро Цюй Цюбо отказался от своей идеи. — *Примеч. авт.*

ся, что Сталин дал добро (впоследствии это оказалось ошибкой) на создание по российской модели рабоче-крестьянских советов — органов местной власти. Новость привела Мао в восторг, он тут же сообщил в ЦК:

«Услышав об этом, я подпрыгнул от радости. Если быть объективным, то Китай давно уже дошел в своем развитии до 1917 года, хотя едва ли не каждый считал, что мы находимся на уровне 1905-го. Это стало нашим самым серьезным просчетом. Советы рабоче-крестьянских и солдатских депутатов наилучшим образом подходят для сложившейся ситуации... Утверждение их власти в Хунани, Хубэе, Гуандуне и Цзянси проложит путь к победе во всей стране».

Следовательно, сделал он вывод, для партии настало время выходить из подполья и забыть о всяких попытках сотрудничать с прогрессивными силами в Гоминьдане. «Знамя Гоминьдана, — пишет Мао, — превратилось в черный флаг милитаристов. На его место мы должны водрузить свое, Красное знамя».

В отношении крестьянской Хунани слова Мао звучали довольно здраво, однако существовал и политический аспект этого вопроса, ставшего причиной ожесточенного спора между Сталиным и Троцким. В своих суждениях Мао недели на четыре опередил время: партия действительно одобрила создание советов депутатов, но лишь через месяц. Китай и в самом деле переживал 17-й год, только не октябрь, а апрель.

Вторая проблема касалась наболевшего вопроса о земле, который Августовская конференция благоразумно обошла стороной. Теперь Мао предложил примирить курс партии на конфискацию с извечной тоской крестьянина по земле: «Вся она, включая наделы мелких землевладельцев и крестьян-одиночек, должна быть передана в общественную собственность и справедливо поделена между теми, кто ее обрабатывает, — исходя из количества рабочих рук и едоков в каждой семье. Крупные землевладельцы не получат ничего: только так можно будет успокоить народ».

Эта позиция Мао явилась, по сути, наковальней, на которой ковалась победа 1949 года.

Однако в августе 1927-го для членов Политбюро такое предложение звучало слишком радикально. Через две недели руководство партии объяснило Мао, что идеи его, принципиально верные, несколько преждевременны и требуют иной расстановки сил.

Самым фундаментальным был третий камень преткновения, крывшийся в стратегии хода вооруженного восстания, которое, по мысли Цюй Цюбо и его единомышленников, долж-

но было послужить началом борьбы за победу дела коммунизма. После полученной в июне телеграммы от Сталина КПК удалось выработать общую точку зрения: для продолжения революции партии необходимы собственные вооруженные силы. Дальше этого аналитическая мысль руководства не пошла. Вопросы организационного строения армии, ее роли в борьбе, взаимодействия с рабочим и крестьянским движением не рассматривались вовсе. В августе Мао тоже был немногословен:

«Мы критиковали Сунь Ятсена за его опору только на военных, сами же слишком увлеклись организацией движения среди чисто гражданских масс. Сила Чан Кайши и Тан Шэнчжи опирается исключительно на штыки, для нас же винтовка — это пустой звук. В последнее время положение, правда, начало меняться, однако четкого представления о мощи оружия у нас нет до сих пор. Можно с уверенностью сказать, что выступления, приуроченные к празднику Середины осени, без оружия в руках вообще теряют смысл... Военным делам мы должны уделять теперь самое серьезное внимание. Необходимо помнить: винтовка рождает власть».

Эта чеканная формулировка ни у кого не вызвала возражений. Ломинадзе заметил, что восстание в Наньчане предоставило партии армейские подразделения, которые должны обеспечить победу и осенью. Но очень скоро Хунаньский партком получил дополнительное разъяснение: «Ни в коем случае нельзя ставить телегу впереди лошади. Приоритет остается за массовыми выступлениями народных масс; общее руководство берет на себя Политбюро, военные — на втором месте». Тезис Мао о винтовке, позже названный «ружьизмом», воспринимается уже с некоторым скепсисом. Он «не совпадает с мнением центра», так решил Постоянный Комитет десять дней спустя. Ядро революции составляют массы, военная сила — вторична.

Для Китая 20-х годов это были не праздные споры. На протяжении предыдущего десятилетия страну периодически разоряли люди, приходившие к власти лишь силой оружия, поэтому их и называли «милитаристы». Контроль политической власти над военной всегда оставался наиболее жгучим вопросом для всего общества, а опыт общения коммунистов с Гоминьданом придавал ему дополнительную остроту. Картина осложнялась и представлениями о России 1917 года, согласно которым народное восстание стояло много выше военного захвата власти, а армию можно, конечно, использовать для защиты завоеваний революции, однако цепи рабства пролетариат и трудовое крестьянство должны сбивать с себя сами. Цюй Цюбо утверждал, что селяне только и

ждут, чтобы «партия подала сигнал» — и победоносная крестьянская революция мигом снесет устои старого мира.

Провинции было виднее. От партийных лидеров в Хубэе шел нескончаемый поток тревожных сообщений о падении революционного духа местного крестьянства. Член Хунаньского парткома прямо заявлял, что «у крестьянина душа не лежит к драке» и ему нужен лишь «разумный правитель, независимо от того, какого он цвета». Мао был согласен. Если бы коммунисты начали активные выступления весной, ситуация могла бы развиваться иначе, однако после того как сеть сельских организаций оказалась загнанной в подполье или вообще распущенной, любое лишенное военной поддержки восстание не имело ни малейшего шанса на успех. «При наличии одного-двух полков еще можно попробовать, — говорил Мао. — В противном случае мы обречены на поражение. Думать по-другому означает заниматься самообманом».

При такой разнице во взглядах нет ничего удивительного в том, что Постоянный Комитет 22 августа отверг предложенный ему Мао Цзэдуном план.

В пояснительной записке к нему Мао попытался скрыть свои истинные намерения, заверяя Политбюро: «Несмотря на участие двух полков регулярной армии, главной действующей силой восстания будут рабочие и крестьяне, а одновременно с ними выступит и сельское население южных и западных районов Хунани». Но либо руководство партии слишком хорошо знало его манеру речи, либо гонец — молодой член парткома, доставивший документы совещания из Хунани в Ухань, — подробно осветил перипетии разгоревшейся дискуссии. Так или иначе, на самом верху план Мао не приняли:

«Прежде всего: из письменного отчета и информации вашего посланца становится ясно, что подготовка к крестьянскому восстанию ведется весьма слабо, и захватить Чанша вы рассчитываете лишь при значительной военной поддержке со стороны. Складывается впечатление, что вы не верите в силу революционного порыва масс. Это — прямая дорога к голому авантюризму. Второе: отдавая все внимание Чанша, вы совершенно забыли о мероприятиях, назначенных на праздник Середины осени в иных районах, к примеру, на юге Хунани. К тому же ситуация складывается так, что двух полков в вашем распоряжении не будет — они понадобятся в другом месте».

В написанных Мао строках Политбюро прочло то, что он предпочел доверить не бумаге, а собственной голове. Мао и в самом деле отказался от мысли о восстании в масштабе всей провинции: для этого у партии не было такой военной силы.

Весть о невозможности прислать хотя бы два полка лишь убедила его в этом. В соседнем Хубэе провинциальные руководители КПК, столкнувшись с такой же дилеммой, пусть неохотно, но подчинились воле партии. Однако Мао, привыкший к нежеланию Чэнь Дусю считаться с его мнением, отнюдь не собирался мириться с ошибочными, как он полагал, взглядами Цюй Цюбо. Потратив неделю на то, чтобы взбодрить членов парткома, в который входил и нерешительный Пэн Гунда, Мао написал Политбюро пространный ответ, где заявил, что хунаньцы поступят так, как продиктует им ситуация — и отправил невезучего Пэна доставить письмо адресату:

«Что касается двух упомянутых вами ошибок, то ни практика, ни теория их не подтверждают... Два полка при захвате Чанша вовсе не являются главной ударной силой, а лишь компенсируют недостаточную обученность рабочих и крестьянских отрядов. Они послужат щитом для развития успеха восстания. Обвинение в авантюризме я объясняю тем, что вам плохо известны детали нынешней ситуации. К тому же в нем скрывается некое противоречие: с одной стороны призыв к вооруженному народному восстанию, с другой — явная недооценка чисто военных факторов.

Далее следует утверждение, что мы занимаемся лишь Чанша, пренебрегая другими районами провинции. Это абсолютно не так. Просто наших сил хватит только на центр — если мы попытаемся охватить все уезды, то эти силы будут рассредоточены, и неудача постигнет нас даже в Чанша».

Записей, свидетельствующих о реакции членов Политбюро на это послание, не сохранилось, однако 5 сентября лидеры партии дали выход накопившемуся недовольству:

«Партийный комитет провинции Хунань... упустил целый ряд возможностей расширить крестьянское восстание. В настоящий момент, действуя решительно и в полном соответствии с одобренным центром партии планом, главной движущей силой восстания он должен сделать самих крестьян. Никакое промедление здесь невозможно... Наступает критический момент нашей борьбы, и центр обязывает провинциальный комитет партии неукоснительно соблюдать резолюции высших органов. Любые отклонения абсолютно недопустимы».

Но было уже слишком поздно, и Постоянный Комитет понимал это. Упомянутый выше план центра представлял собой детальнейшую программу действий, разработанную Цюй Цюбо. Он предусматривал масштабное народное восстание, в ходе которого разрозненные крестьянские отряды должны были захватить власть в уездных городах, затем в столицах провин-

ций и в конечном итоге во всем Китае. Лишенная каких-либо указаний на материальную базу действий, эта программа не произвела на Мао ни малейшего впечатления.

Отправив Пэн Гунда в Ухань, сам Мао уехал в Аньюань, где организовал Фронтовой комитет и собрал войско для захвата Чанша. В него вошли перешедшие на сторону коммунистов части гоминьдановской армии, отряды плохо вооруженных крестьян и безработных шахтеров. Все вместе они объединились в 1-ю дивизию, которую позже Политбюро переименовало в Первую рабоче-крестьянскую революционную армию.

К 8 сентября время выступления стало известно не только подразделениям революционных сил, но и властям в Чанша, о чем Мао не подозревал. По его приказу портные приготовили за одну ночь несколько флагов с серпом и молотом — первых в истории китайской армии. На следующий день пришло известие о том, что железнодорожные пути на Чанша разобраны, и дивизия выступила в сторону небольшого городка Пинцзяна, расположенного в девяноста километрах к северо-востоку.

В это время произошло событие, которое могло изменить не только ход восстания, но и будущее всей страны. По дороге из Аньюани в Тунгу неподалеку от горной деревушки Чжанцзяфан Мао и его спутника задержал отряд гоминьдановской полиции:

«Это было время разгула гоминьдановского террора, и заподозренных хотя бы в сочувствии к красным расстреливали на месте. Я слышал, как кто-то отдал приказ доставить нас в участок и допросить. Стало ясно, что за этим последует. Я взял у приятеля десять долларов и попытался подкупить охранников — жалких наемников, которым не было никакого дела до моей жизни или смерти. Но их начальник отказался принять деньги. Тогда я решил бежать. Удалось мне это, когда мы были всего метрах в двухстах от участка. Оттолкнув плечом ближайшего ко мне охранника, я рванул через поле.

Взбежав на холм, я увидел внизу небольшой пруд, окруженный густыми зарослями кустарника, где можно было спрятаться до захода солнца. На розыски солдаты пригнали даже несколько местных жителей. Временами они проходили так близко, что я мог дотронуться до них рукой. И все-таки меня не нашли, хотя пару раз было ощущение, что все кончено. Они ушли, только когда уже совсем стемнело. Всю ночь я шел через горы. Ботинки с меня сняли, и голые, ободранные ступни жутко горели. На какой-то дороге я встретил крестьянина, который пустил меня на ночлег и помог утром добраться до соседнего уезда. На оставшиеся в

кармане деньги купил ботинки, зонт и немного еды. В Тунгу я пришел всего с двумя медяками».

На этом везение Мао кончилось. Полк 1-й дивизии, состоявший из частей регулярных войск, попал в засаду и потерял два своих батальона. На следующий день, 12 сентября, другой полк занял хунаньский городок Дунмэнь, стоявший в пятнадцати километрах от границы с Цзянси. Но контратака провинциальных войск вынудила полк отступить назад. Разочарованный Мао послал Хунаньскому парткому записку, в которой предложил отказаться от намеченного в Чанша на 16 сентября восстания рабочих.

Но неудачи продолжали преследовать Мао. 2-й аньюаньский полк, захватив довольно крупную железнодорожную станцию Лилин, двинулся на Лоян для встречи с основными силами. Однако они не подошли, и полк попытался взять город самостоятельно. Через сутки правительственные войска окружили его и истребили до последнего бойца.

Поражение не могло быть более сокрушительным.

Из трех тысяч человек, выступивших неделей раньше в поход, в строю осталось менее половины: кто-то погиб в бою, кто-то перешел на сторону противника; многие дезертировали. Восставшие заняли два или три небольших городка на провинциальной границе, но ни один не удержали более суток. Чанша так и осталась вне пределов их досягаемости.

Три дня длились споры о том, что делать дальше. Один из командиров полков предложил перегруппировать силы и еще раз штурмовать Лоян, но Мао отказался. Еще в начале августа он сказал Ломинадзе, что, если восстание в Хунани потерпит неудачу, оставшиеся войска должны уйти в горы. Собравшийся 19 сентября в приграничной деревне Вэньцзяши Фронтовой комитет поддержал этот курс. На следующее утро Мао объявил армии: похода на Чанша не будет, однако это не означает, что борьба окончена.

Ему требовалось создать новую базу — там, где противник окажется слабее. 21 сентября армия выступила на юг.

Столь же безуспешными были попытки поднять восстания в Хубэе и других провинциях. За две недели потери армии составили более тринадцати тысяч человек, причем большинство из них дезертировали. Когда оставшиеся силы добрались до побережья, от их боевого духа почти ничего не осталось. В начале октября почти все военное руководство, включая Хэ Луна, Е Тина, Чжан Готао и Чжоу Эньлая, на купленных у рыбаков лодках пе-

реправилось в Гонконг, уже тогда служивший прибежищем для многих недовольных. Вся кампания, как позже признал Чжан Готао, «в военном и политическом плане оказалась незрелой» и результата не принесла.

В ноябре на заседании в Шанхае Политбюро подвело итоги. «Генеральная линия партии» и курс на вооруженное восстание были признаны «абсолютно правильными», а причиной поражения явился «расчет только на военную силу» и «недостаточная мобилизация широких народных масс».

Виновных ждало наказание. Руководителей Хунаньской парторганизации обвинили в том, что они «сделали упор на местных бандитов и горстку плохо обученных вояк». Мао, оставшись членом ЦК, был, по настоянию Ломинадзе, выведен из состава Политбюро. Пэн, которого посланец Коминтерна Мейер назвал «трусом и предателем», лишился всех постов. Всю ответственность за фактическую потерю армии понесли Чжан Готао, также исключенный из Политбюро, и Тань Пиншань, поплатившийся за свои ошибки партийным билетом. Чжоу Эньлай и Ли Лисань отделались выговорами.

Впервые лидеры КПК испытали на себе силу большевистской дисциплины сталинского типа.

Признав генеральную линию верной, руководство КПК повело партию дорогой новых разочарований, самым горьким из которых стало декабрьское поражение восстания в Кантоне. Под командованием Е Цзяньина революционные отряды при поддержке полутора тысяч кадетов гоминьдановского военного училища в течение трех дней удерживали город в своих руках, пока не подоспели части регулярных правительственных войск. В последовавшей бойне были убиты тысячи членов партии и их сторонников. Связанных группами, побежденных сажали в баржи, вывозили в море и бросали за борт. Пятерых российских подданных расстреляли прямо у стены советского консульства. Вскоре после этого власти объявили о закрытии в Китае всех советских миссий.

Членов Политбюро происходившее ничуть не смутило. Сокращение рядов партии с 57 тысяч в мае до 10 тысяч в декабре, казалось, только подстегнуло революционные настроения руководства. Деятели сталинской закалки типа Ломинадзе, Мейера или Хайнца Ноймана в Кантоне лишь подливали масла в огонь. Всеми ими двигало подспудное отчаяние, вызванное провалом союза с Гоминьданом и толкавшее партийные верхи к нагнетанию атмосферы вражды и нетерпимости в обществе.

К весне у коммунистов осталось всего несколько форпостов, расположенных в самых бедных и труднодоступных районах страны: в северных уездах Гуандуна, вдоль границы между Хунанью и Цзянси, в треугольнике Хубэй — Хэнань — Аньхой и на острове Хайнань.

Три последующих года политика Коммунистической партии Китая ковалась в бесконечной борьбе между Москвой, шанхайским Политбюро, руководителями провинциальных парткомов и полевыми военачальниками-коммунистами. Яблоком раздора был вопрос: какой путь правильнее — революции крестьянской или городской? Восстания или вооруженной борьбы?

В этих спорах Мао предстояло сыграть ключевую роль. Но осенью 1927 года перед ним была только одна цель — выжить.

25 сентября, через четыре дня после выхода из Вэньцзяши, его небольшая армия вступила в бой в гористой местности к югу от Пинсяна. Упал убитым командир дивизии Лу Дэмин, перестал существовать 3-й полк, двести или триста бойцов из крестьянских отрядов самообороны разбежались, прихватив с собой оружие и имущество. Остатки войска удалось собрать в деревушке Саньвань, что в 40 километрах к северу от горного массива Цзинганшань.

Здесь Мао перегруппировал силы и тех, кто еще стоял в строю, свел в один полк — 1-й полк 1-й дивизии Первой рабоче-крестьянской революционной армии. Он назначил политкомиссаров и в точности следовал принципам учеников генерала Блюхера, строившего армию Гоминьдана. В каждом взводе имелась партийная ячейка, ячейки составляли парторганизацию роты; работу парторганизаций направлял партком батальона. Высший орган руководства — Фронтовой комитет, секретарем которого оставался Мао.

Его весь предыдущий опыт лежал в сфере политических теорий: с массами он работал лишь в качестве профсоюзного лидера в Чанша и довольно отстраненно наблюдал за развитием крестьянского движения в родной провинции. Сейчас впервые в жизни Мао требовалось превратить неорганизованное сборище гоминьдановских мятежников, плохо вооруженных рабочих и крестьян, бродяг и бандитов в монолитную революционную силу, способную противостоять превосходящему ее по всем аспектам противнику.

Политика, которую проводил Мао, легла в основу создания невиданной для Китая армии. Прежде всего он заявил, что служба в новых вооруженных силах осуществляется исключительно на добровольных началах: всякий может оставить армию, при этом его еще снабдят деньгами на дорогу до дома. Офице-

рам запрещалось рукоприкладство; в частях контроль за соблюдением принципов демократии осуществляли солдатские комитеты. Все военнослужащие были обязаны уважительно относиться к гражданскому населению: не нарушать правил вежливости, платить справедливую цену за покупки и не позволять себе «взять без спросу чужую картофелину».

Для страны, народ которой сложил поговорку «Из хорошего железа не делают гвоздей, из хороших людей не делают солдат», где «хороший солдат» просто брал то, что ему нужно, а «плохой» грабил, насиловал и убивал, где офицеры варварскими методами насаждали дисциплину, — для такой страны создаваемая Мао армия действительно была революционной.

Оставалось решить вопрос: куда эта армия двинется?

Через неделю после прибытия в Саньвань Мао установил контакт с неким Юань Вэньцаем, за пять лет до этого входившим в шайку местных головорезов, которые называли себя «Обществом длинных ножей». В 1926 году Юань попал под влияние коммунистов и даже стал членом партии, а свою шайку превратил в отряд самообороны. У отряда насчитывалось около шестидесяти древних ружей и сохранились тесные связи с такой же группировкой бывшего портного Ван Цзо, действовавшей в горах Цзинганшань.

Заручившись согласием Юаня, Мао привел своих людей в городок Гучэн. При первой же личной встрече он в знак расположения подарил Юаню сотню винтовок. Это был расчетливый шаг. В ответ тот не только взял на себя снабжение отряда всем необходимым, но и дал Мао хороший совет: почему бы не разбить штаб в крошечном торговом городке неподалеку? Он лежал в соседней долине, окруженной грядой невысоких холмов, по которым проходила узкая тропа в отроги Цзинганшань.

Около недели Мао терзали сомнения. Он мог отправиться на юг, к границе между Хунанью и Гуандуном, где было вполне вероятно войти в контакт с Чжу Дэ и Хэ Луном, уже прибывшими туда из Наньчана. Однако из местной газеты Мао узнал, что Хэ Лун уже успел потерпеть поражение и части его разбежались. Игра не стоила свеч.

При грамотно организованной обороне горы Цзинганшань вполне можно было считать неприступными. Хребты проходили по границам четырех уездов: Нингана, Юнсина, Суйчуани и Линсяни, вплоть до Гуандуна. Горный массив представлял собой скопище мрачных, окутанных клубами тумана вершин, с острыми ребрами склонов, покрытыми густыми зарослями листвен-

ницы, сосны и бамбука, из которых к небу устремлялись неприступные каменистые пики. Пейзаж на редкость поэтический, но удручающий своею суровостью.

Там и здесь на крутых склонах виднелись квадратики возделанной земли, урожая с которых едва хватало, чтобы как-то поддерживать жизнь в двух тысячах жителей, ютившихся в бамбуковых шалашах и сложенных из дикого камня подобиях хижин без единого окна. Названия всех располагавшихся здесь поселков были как-то связаны с родниками: Большой, Малый, Средний, Верхний и Нижний — поэтому-то весь массив назывался Цзинганшань — «Хребет горных источников». Местные жители питались в основном дикорастущим красным рисом и ставили силки на белок. Зерно для армии приносили из лежавших ниже долин, где почва была более плодородной.

Маопин, торговый городок, о котором говорил Юань, на последующие двенадцать месяцев стал базой революционной армии. Мао поставил войскам триединую задачу: с оружием в руках добыть победу, после победы экспроприировать у помещиков земли, а в мирное время «завоевывать симпатии и расположение крестьянства, рабочих и мелкой буржуазии». В ноябре армия заняла Чалин и провозгласила образование первого в этом районе «рабоче-крестьянского и солдатского советского правительства». Через месяц его свергли отряды Гоминьдана, но к тому времени советы уже появились в Сычуани и Нингане.

С активизацией карательных действий гоминьдановских войск армия оставила Маопин и ушла выше в горы, в Дацзин — укрепленный район Ван Цзо, откуда можно было держать под контролем ближайшие перевалы. Резиденция Ван Цзо располагалась в бывшем помещичьем доме, считавшемся по местным меркам дворцом: огромный внутренний двор и полтора десятка комнат, обставленных довольно приличной мебелью. Как и Юаню, Мао поднес хозяину в подарок комплект винтовок с боеприпасами и предложил помощь своих командиров в подготовке его подчиненных. Ван Цзо был в восхищении.

Зимой Мао постигал основы военного искусства сам и обучал своих бойцов. Поскольку большинство из них были неграмотными, он говорил на простом и понятном языке, часто черпая примеры из известных каждому древних сказаний и мифов.

В середине февраля пришла весть о том, что батальон гоминьдановских войск готовится захватить расположенный в десяти километрах от Маопина город Синьчэн. Совершив

ночной переход, Мао окружил противника силами трех своих батальонов и повел их в атаку.

Длившаяся несколько часов схватка закончилась победой Мао. Он привел в Маопин более сотни пленных и поразил их заявлением, что желающие уйти не только вольны сделать это, но и получат деньги на дорогу. Многие приняли решение пополнить ряды революционной армии. Подобная тактика оказалась настолько эффективной, что некоторые командиры гоминьдановских частей начали отпускать задержанных коммунистов — рассчитывая на будущую ответную благодарность своих пленников.

После того как военачальники Гоминьдана в Хунани и Цзянси поняли, с каким противником имеют дело, они приступили к подготовке решительного штурма Цзинганшани и блокировали все пути снабжения района продовольствием. Однако возникшие в связи с этим перед Мао проблемы вскоре отошли на второй план.

В Политбюро ЦК КПК оценка действий и поведения Мао всегда была неоднозначной. Цюй Цюбо, признававший независимый дух Мао и восхищавшийся им, считал, что его любимец может, в известных пределах, поступать так, как сочтет нужным. Чжоу Эньлай, который отвечал в ЦК за все военные вопросы, к тактике Мао относился резко отрицательно*. Он убеждал своих товарищей, что войска Мао — «это те же бандиты, вечно шатающиеся то туда, то сюда». В циркулярном письме, распространенном в январе 1928 года, Чжоу приводил методы руководства Мао в качестве примера того, как не должен вести себя коммунист:

«Такие лидеры не верят в силу народных масс и впадают в настоящий воинствующий оппортунизм. Свои планы они составляют в расчете исключительно на военную силу и вдохновенно передислоцируют полки, дивизии, армии, рассуждая о том, каким образом поддерживать связь с тем или иным бандитским главарем... Эти планы больше походят на заговоры, а не на вдумчивую подготовку восстания, и к массам не имеют никакого отношения».

Можно с уверенностью говорить, что именно Чжоу готовил и другую директиву ЦК, обвинявшую Мао в настолько «серьезных

---

* Будучи главой Военного комитета ЦК, Чжоу Эньлай быстро завоевал авторитет сторонника самой жесткой партийной дисциплины. Критика, которой он подвергал Мао зимой 1927-го и в июне 1928 года, являлась скорее всего отголоском их столкновений в Кантоне и Ухани, когда оба принимали участие в разработке плана Хунаньского восстания. — *Примеч. авт.*

политических ошибках», что Хунаньскому парткому рекомендовалось переместить его куда-нибудь подальше, в пограничные районы, и составить новые планы — «соответствующие практическим нуждам жизни армии».

Эти вести в самом начале марта принес в Маопин Чжоу Лу, занимавший невысокий пост в Специальном комитете южной Хунани*. Более рьяного исполнителя воли партии найти было трудно. Он не только известил Мао о его выводе из состава Политбюро и провинциального парткома — что само по себе прозвучало как удар грома, — но и солгал ему, сообщив об исключении из партии. Неясно, была ли это просто ошибка или маневр, предпринятый с сознательным намерением подорвать авторитет Мао. В любом случае, после первого серьезного успеха его армии, после того как начала создаваться новая база действий, такая новость стала для Мао сильнейшим потрясением. «Меня мучила мысль о несправедливости понесенного наказания», — написал он позже.

«Исключенный из партии» Мао стал командиром дивизии (после формирования 2-го полка должность оставалась вакантной). Фронтовой комитет был распущен, а линию партии в войсках проводил Чжоу Лу.

В то время основной задачей, стоявшей перед партийными организациями Хунани и Цзянси, было активизировать революционную деятельность на местах. В декабре отряды, которыми командовал Чжу Дэ, двинулись на север Хунани и при помощи вооруженных крестьян установили власть рабоче-крестьянских и солдатских советов в Ичжане, Чэньсяни и Лэйяне. В начале марта, став полномочным представителем партии, Чжоу Лу первым делом приказал Мао отправиться со своей дивизией на поддержку Чжу Дэ. Мао не мог не подчиниться приказу, но особой спешки не проявлял: через две недели дивизия находилась еще в нескольких

* В январе 1928 года на Хунаньский провинциальный комитет партии обрушились такие репрессии, что фактически он прекратил свое существование, и вместо него был создан Специальный комитет южной Хунани. Физическое уничтожение руководителей провинциального парткома и острая нехватка тех, кто мог бы их заменить, привели к тому, что многие ветераны партии, в том числе и Мао, часто оказывались в подчинении у молодых и неопытных лидеров. Чжоу Лу, несмотря на свой пышный титул заведующего Военным отделом Специального комитета, представлял собой абсолютное ничтожество. Созданные в нескольких южных провинциях Специальные комитеты часто существовали только на бумаге, другие действовали лишь время от времени. — *Примеч. авт.*

километрах от границы с Хунанью, и только атака на силы Чжу Дэ со стороны регулярных гоминьдановских частей заставила его поторопиться. После того как нападение было отражено, пришла весть о том, что Чжоу Лу захвачен в плен и казнен. Мао продвигался на север, к Линсяни, где окончательно разбил преследовавшего противника, и в конце апреля там (по другим источникам — в Лингане) произошла его первая встреча с Чжу Дэ.

Он был на семь лет старше Мао. Агнес Смедли, которая в 30-е годы провела рядом с ним несколько месяцев, вспоминала, что если Мао, с его «беспокойным умом, занятым проблемами революции, был истинным интеллектуалом», то Чжу являлся «настоящим человеком действия и блестящим военным организатором»:

«Очень среднего роста, он имел ничем не примечательное лицо и вовсе не походил на героя и пламенного революционера. У него была круглая голова, покрытая ежиком черных с проседью волос, широкий и довольно высокий лоб, резко очерченные скулы. Волевой подбородок служил прочным основанием для большого рта, в приветливой улыбке блиставшего белоснежными зубами... Если бы не поношенная и выцветшая от бесчисленных стирок военная форма, то с такой заурядной внешностью его легко можно было принять за простого крестьянина, каких в Китае миллионы».

И все же жизнь Чжу Дэ, даже в еще большей степени, чем жизнь Мао, олицетворяла ту борьбу противоречий, которая подчинила себе Китай на его пути из века прошлого в век нынешний. Появившись на свет в семье бедного сычуаньского крестьянина, Чжу умудрился по окончании учебы получить степень сюцая*, открывавшую дорогу в мир благополучного чиновничества. Но вместо этого он выбрал карьеру скромного военного и стал завзятым курильщиком опиума. В 1922 году, после лечения в Шанхае, Чжу отправился в Европу, где знакомство с Чжоу Эньлаем привело его в члены партии. Отучившись четыре года в Германии, он возвратился в Китай, чтобы по приказу КПК принять на себя руководство 4-й гоминьдановской армией, носившей гордое название «Железной».

Сотрудничество двух лидеров знаменовало расцвет Цзинганшани: база начала быстро расширяться, и к лету в нее вошли семь уездов с населением более полумиллиона человек.

Улучшилось и политическое положение Мао. Еще в апреле он узнал от Чжу Дэ, что никакого исключения из партии не было. В мае

* В старом Китае — присваивавшаяся по результатам государственного экзамена первая ученая степень, с которой начиналось восхождение по чиновничьей лестнице. — *Примеч. пер.*

пришла долгожданная весть о создании Специального комитета пограничного района Хунань — Цзянси, на чем Мао настаивал с декабря. Он стал секретарем комитета и вскоре сформировал советское правительство района с Юань Вэньцаем в качестве его главы.

Из слияния отрядов, которыми руководили Мао и Чжу Дэ, возникла 4-я рабоче-крестьянская революционная армия (обязанная своим названием 4-й Железной армии Гоминьдана, выходцами из которой были почти все офицеры Чжу Дэ). Позже с благословения Политбюро она будет переименована в 4-ю Красную армию, чье появление положит конец долгим и бесплодным спорам о роли армии и восставших народных масс в революционной борьбе. Красная армия по определению была армией народной и повстанческой, так что никаких других уточнений не требовалось.

Новая армия состояла из четырех полков, в которых числилось около восьми тысяч бойцов: 28-й «Железный», 29-й — набранный из отрядов крестьянской самообороны, 31-й — бывший 1-й полк Мао, и 32-й — бывший 2-й полк. Чжу Дэ стал командующим, Мао — представителем партии, Чэнь И (он был заместителем Чжу) — секретарем Военного совета.

20 мая шестьдесят делегатов, представлявших Красную армию и уездные партийные организации, собрались в Маопине на первую партийную конференцию пограничного района Хунань — Цзянси.

Несмотря на объединение сил, причины для пессимизма оставались. Легкость, с которой после ухода революционных отрядов помещики восстанавливали старые порядки, заставляла многих сомневаться в правильности стратегии повстанческой борьбы. Мао поставил на конференции вопрос: «Как долго сможем мы удерживать наше Красное знамя?»:

«Длительное существование нескольких небольших «красных» районов, со всех сторон окруженных «белыми», — вещь поистине невиданная, и объяснить ее можно следующими причинами... Дело происходит в полуколониальном Китае, находящемся под игом империалистов, среди которых нередки расколы и вооруженные конфликты... Наша база на границах Хунани и Цзянси является одним из таких районов. В это трудное, критическое время некоторые товарищи сомневаются в том, что политический режим «красных» устоит... Но зная о неизбежности взаимной грызни среди «белых», можно не сомневаться в повсеместном продолжении роста наших сил».

Безусловно, говорил он далее, этому должны благоприятствовать и другие условия. Такие районы жизнеспособны

лишь в провинциях типа Хунани, Хубэя, Цзянси и Гуандуна, где Северный поход положил начало массовому народному движению. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и «нарастание революционной ситуации в стране». Для защиты новой власти требуется сильная Красная армия и твердое руководство Коммунистической партии. Но и при этом, признавал Мао, трудностей не избежать: «Борьба с милитаристами не всегда обходится без поражений. Там, где положение «белых» остается стабильным, правящий класс будет прилагать все усилия, чтобы уничтожить народную власть». Однако все «компромиссы в стане врага могут быть только временными, и достигнутый сегодня открывает путь к новой завтрашней войне».

Единственно правильный курс в таких условиях, доказывал Мао, означает не организацию многочисленных, но бессильных мелких восстаний по всей стране, а углубление и защиту революционных преобразований в одном, отдельно взятом районе.

Закончившаяся через два дня конференция полностью одобрила его стратегию действий.

С течением времени Мао начинал ощущать себя все более опытным тактиком. Из разговоров крестьян он узнал о скрывающемся в горах защитнике их интересов Глухом Цзю, который в стычках с противником руководствовался одним правилом: «Врага нужно измотать». Самое грамотное, объяснял он своим соратникам, это не находиться в поле зрения главных сил неприятеля, заставить его ходить по кругу, а когда он будет сбит с толку и потеряет всякую ориентацию, нанести неожиданный удар.

В деревнях распевали песенку, определившую суть будущей стратегии Красной армии. Вся она состояла из шестнадцати иероглифов:

Ди цзинь, во туй
Враг наступает — я отхожу
Ди сю, во жао
Враг отдыхает — я окружаю
Ди пи, во да
Враг устал — я нападаю
Ди туй, во чжуй
Враг бежит — я преследую

Чуть позже были приняты на вооружение еще два принципа:

«Избегать разделения сил, чтобы не быть уничтоженными поодиночке; при расширении базы своих действий продвигаться вперед плавными волнами, а не стремительными атаками».

Правила взаимоотношений армии с местным населением, о которых Мао говорил в сентябре 1927 года в Саньвани, были доработаны и превратились в «Шесть главных пунктов»: бойцы обязывались наводить порядок на местах постоя, возвращать все взятое в долг у крестьян, платить за причиненный ущерб, быть вежливыми, справедливыми в торговых сделках, гуманными в общении с пленными. Позже Линь Бяо добавит еще два: «не оскорблять женщин» (в первоначальной формулировке — «не мыться на виду у женщин») и «ямы под туалеты устраивать на удалении от жилых построек и зарывать их перед уходом». Подчинялась армия и «Трем правилам дисциплины»: приказы должны выполняться беспрекословно, имущество крестьян неприкосновенно (ранее запрещалось «взять без спросу чужую картофелину», теперь же в перечень внесли и иголку с ниткой), а все конфискованное у помещиков и богатеев передастся сходу жителей для общественного перераспределения.

Революционная стратегия Мао коренным образом отличалась от повстанческого мировоззрения Цюй Цюбо. Если последний верил в то, что старую систему можно свергнуть силами необученных рабочих и крестьян, то для Мао крестьянские массы были безбрежным «океаном сочувствия и поддержки», где только и могут плавать «крупные рыбы — красные партизаны». Даже на Цзинганшани, с сокрушением признавал он, среди местного населения находилось слишком мало тех, кто хотел бы вступить в Красную армию. После изгнания помещиков и передела их земель крестьяне стремились к одному: спокойно заниматься своим мирным трудом. Не желая восстанавливать против революции мелкую буржуазию, владельцев конюшен и торговцев в маленьких городках, Мао придерживался весьма умеренной по отношению к ним тактики. Потом он признавал, что иногда происходили и неувязки, которые лишь склоняли общественное мнение на сторону новой власти. Однако в большинстве случаев эти неувязки тормозили дело революции: «Армия не может по своему усмотрению убивать неугодных и сжигать их дома; казнь и сожжение имущества хороши только по инициативе и при согласии масс». Революционное насилие оправданно, если преследует всем понятную цель и пользуется такой поддержкой, которая выдержит неизбежную ответную реакцию правящего класса.

В марте, перед приездом Чжоу Лу, руководство партии сурово критиковало эти взгляды Мао, обвиняя его в симпатиях к «правым»: было слишком мало казненных, а «процесс перековки мелкой буржуазии в пролетариат с последующим

вовлечением ее в революционную борьбу» почти остановился. Ни Чжоу Лу, ни Мао не подозревали, что сидевшая в Шанхае партийная верхушка задавала себе те же вопросы. Цюй Цюбо в те дни писал:

«По всей стране восставшие крестьяне считали своим долгом не только убить помещика, но и сжечь его хозяйство... В Хубэе от многих деревень остались одни пепелища. В Хунани некий местный вожак предложил предать огню целый уездный город, вывезя из него лишь самые необходимые для восставших вещи, и казнить всех, кто еще не успел присоединиться к революции... Складывается настоящая мелкобуржуазная тенденция: уже не пролетариат ведет за собой крестьянство — оно само пытается играть руководящую роль».

Политику умеренных действий, предложенную партийной конференцией пограничного района, Мао выдвинул в наиболее подходящий для этого момент: всего через неделю Хунаньский провинциальный комитет партии*, согласившись с тем, что армии следует сохранить свою базу в Цзинганшани, внятно предостерегал ее от непростительных глупостей типа сожжения целых городов. Мао кивает головой: «Партком считает уничтожение городов неправильным. Никогда больше наши люди не повторят эту ошибку».

Прошло совсем немного времени, и стратегию Мао одобрил ЦК партии. В начале июня Шанхайское Политбюро получило первое послание из пограничного района. Большинство руководителей партии находились в Москве и были заняты подготовкой 6-го съезда, который должен пройти не в Китае, где «белый террор» Чан Кайши проливал реки крови, а в Советском Союзе. Проект резолюции по посланию написал старый друг Мао Ли Вэйхань. Он с воодушевлением поддержал позицию Мао и рекомендовал возродить упраздненный Чжоу Лу Фронтовой комитет. Ли Вэйхань приветствовал и идею Мао сосредоточить все усилия на укреплении базы в Цзинганшани, с тем чтобы оттуда продвигать дело революции как в самой Хунани, так и в соседней Цзянси. Это решение полностью соответствовало духу реализма, пронизывавшего всю работу партийного съезда.

Через две недели его 118 делегатов, собравшихся в бывшей дворянской усадьбе неподалеку от Звенигорода, честно признали:

---

* Партийный комитет провинции был восстановлен в марте и принял на себя все полномочия Специального комитета южной Хунани. К сожалению, как очень скоро обнаружил Мао, новое руководство оказалось еще моложе и неопытнее предыдущего. — *Примеч. авт.*

никакого «прилива высокой революционной активности» в Китае нет, отсутствуют даже его признаки.

Партия, как отметил съезд, переоценила силы рабочих и крестьян, но не приняла во внимание вероятность мощного отпора со стороны реакции. Китай по-прежнему находится в процессе буржуазно-демократической революции, и стоящие перед обществом задачи сводятся к объединению страны в борьбе с мировым империализмом, слому старой помещичье-бюрократической системы хозяйствования и созданию Советов рабоче-крестьянских и солдатских депутатов с вовлечением в политическую жизнь самых широких слоев трудящихся. Черед социалистической революции придет позже.

В феврале эти тезисы уже звучали в резолюции Коминтерна, подчеркнувшей к тому же важность координации крестьянского движения с действиями поднявшихся на борьбу городских рабочих. Однако Бухарин, посланный Сталиным на съезд в качестве своего личного представителя, внес весьма значимое уточнение: «Призыв к активизации повстанческих настроений можно оставить, но это вовсе не будет означать, что в такой огромной стране, как Китай, удастся за короткое время поднять на борьбу многомиллионные народные массы... Подобное невозможно».

6-й съезд принял стратегию партизанской войны, которая привела к ослаблению позиций Гоминьдана в сельских районах и образованию первых советов — «пусть даже первоначально в отдельных уездах и небольших городах». В условиях китайской революции чрезвычайно важная роль принадлежала «организованной военной силе», поэтому центральной задачей партии стало укрепление Красной армии. Героизм разрозненных групп фанатиков, действовавших без всякой поддержки масс, является бессмысленной тратой сил, отметили делегаты, а Бухарин сказал:

«Если поднятые партией восстания закончатся провалом раз, другой, третий, то рабочий класс может заявить: «Эй, послушайте! Все вы, конечно, отличные парни, но, будьте добры, катитесь к чертовой матери! Вы не заслуживаете быть нашими вождями...» Такие восстания партии ни к чему, какой бы революционной она себя ни считала».

О борьбе городских рабочих делегаты съезда почти не говорили. Принятые ими документы подтверждали, что в данный период крестьянство, а не рабочий класс являлось основной движущей силой революции. Правда, одна оговорка все же

была: «Во избежание скатывания к мелкобуржуазному анархизму борьбу трудового крестьянства должен возглавить пролетариат».

Решения съезда, написал позже Мао, «заложили надежную теоретическую основу для развития Красной армии и базовых советских районов».

Июньское письмо ЦК и документы 6-го съезда дошли до Цзинганшани только много месяцев спустя. Но признаков перемены партийного курса хватало и без них. К Мао тоже пришли перемены: летом он нашел себе «революционного спутника жизни».

Восемнадцатилетняя Хэ Цзычжэнь была независимой, привлекательной и стройной девушкой, унаследовавшей тонкие черты лица и мягкую улыбку матери — уроженки Кантона и литературные склонности отца — гуандунского учителя. Не обмолвившись ни словом родителям, она еще ученицей школы, которую содержали финские миссионерки, вступила в ряды Коммунистической партии. Было Хэ Цзычжэнь тогда шестнадцать лет.

Познакомил их Юань Вэньцай, учившийся в одном классе со старшим братом девушки. Много лет спустя она написала, как пыталась скрыть зарождавшуюся любовь. Но однажды Мао почувствовал на себе ее долгий взгляд и понял, что происходит. Усадив девушку рядом, он рассказал ей о Ян Кайхуэй и сыновьях, оставшихся в Чанша. Через некоторое время влюбленные поселились вместе.

Довольный их взаимной симпатией, Юань Вэньцай устроил роскошный свадебный пир, размышляя о том, что союз Мао с местной девушкой надолго привяжет авторитетного деятеля партии к Цзинганшани. Неоднократно заявлявший о своем отвращении к женитьбе, в сложившихся условиях Мао не испытывал никакой тоски по брачным узам: Ван Цзо завел себе сразу трех «помощниц по хозяйству»; Чжу Дэ, шестью годами раньше бросивший в Сычуани супругу с малолетним сыном, тоже жил с молоденькой «полевой женой».

И все же Мао мучали угрызения совести. Чтобы оправдаться в собственных глазах, он сказал Хэ Цзычжэнь, что уже давно не имеет новостей от семьи, что Ян Кайхуэй вполне могла пасть жертвой гоминьдановского произвола. Однако нет никаких свидетельств его попыток связаться с Чанша — ни в то время, ни позже. Это выглядит как сознательное стремление порвать с «нормальным» миром, из которого Мао вырвала революция.

Дошедшая через несколько месяцев весть о новой жене поразила Ян Кайхуэй*. Первые годы супружеской жизни ей не давала покоя ревность к предшественнице, Тао И, с которой, как она подозревала, Мао продолжал поддерживать тесные отношения. Теперь же муж ушел окончательно. От самоубийства, писала в воспоминаниях Ян Кайхуэй, ее спасла только мысль о детях.

Политическая передышка оказалась короткой, и причиной тому вновь стала борьба интересов провинциального руководства партии. В то время как партком провинции Цзянси требовал от Мао наступления на город Цзиань, гонцы из Хунани с не меньшей настоятельностью толкали его в уезды, лежавшие к югу от Хэнъяна — туда, где пытавшиеся поднять восстание войска Чжу Дэ потерпели поражение в марте.

В этом плане была определенная логика. Хэнъян давал возможность контролировать основные пути, связывающие центральные и южные районы Хунани. Успешная операция обеспечивала возможность создания новой базы и установления тесного контакта между двумя «самыми революционными провинциями» — Гуандуном и Хунанью. По этой-то причине Хэнъян и его окрестности были для сил 4-й армии слишком хорошо укреплены, о чем отлично знали и Чжу Дэ с Мао.

Хунаньский партком ожидал услышать от Мао возражения, ему даже сообщили о поездке в Цзинганшань Ян Каймина, двадцатитрехлетнего секретаря провинциального комитета, который на месте должен был лично принять решение по Специальному комитету пограничного района. В письме безапелляционно подчеркивалось: «К выполнению данных инструкций вы должны приступить немедленно». Но накануне приезда высокого начальства совместное заседание Специального комитета и Военного совета 4-й армии категорически отвергло план операции, а Чанша Мао предупреждает: выполнение приказа может повлечь полное уничтожение 4-й армии. Провинциальный секретарь явно не нашел в себе сил опротестовать решение военных, и недели на две ситуация стабилизировалась.

---

* В 1972 году в доме одной из теток Ян Кайхуэй в Чанша была найдена папка с бумагами. Среди них оказалось и датированное то ли 1928-м, то ли 1929 годом письмо, в котором Ян Кайхуэй писала о том, как восприняла известие о неверности мужа. Это хранящееся в архивах ЦК КПК письмо официально никогда не публиковалось. — *Примеч. авт.*

Затем разведка получила данные о готовящемся штурме Цзинганшани силами гоминьдановских войск Хунани и Цзянси. Было решено направить в Хунань для атаки тылов противника 28-й и 29-й полки под командованием Чжу Дэ. Остававшиеся в распоряжении Мао 31-й и 32-й полки должны были блокировать части из Цзянси и дожидаться возвращения Чжу Дэ.

Первая часть плана оказалась успешно выполненной. Но когда Чжу Дэ уже повернул в обратный путь, сопровождавший его Ян Каймин через вышестоящее партийное руководство убедил Чжу в необходимости выполнения ранее принятых решений. Чжу Дэ перестроил свои колонны и повел их на Хэнъян. В результате все закончилось так, как и предвидел Мао. Потерпев поражение от превосходящих сил противника, его войска вынуждены были отступить в горы. Когда прибывший из Чанша очередной посланец поставил перед Мао задачу вести оставшиеся отряды на юг Хунани для встречи с основными силами Чжу Дэ, в комнату, где они разговаривали, ворвался гонец со страшной вестью: 28-й и 29-й полки разбиты наголову, уцелевшие подразделения идут назад, в Цзинганшань. Исчезновение предмета беседы остановило дискуссию.

Но испытания для 4-й армии еще не закончились. Когда Мао направил свои отряды навстречу Чжу Дэ в Гуйдун, к северо-западу от Цзинганшани, местные гоминьдановские военачальники использовали этот момент для новой атаки. Правда, на этот раз им противостояла настоящая твердыня.

30 августа на узкой горной тропе батальон молодого офицера-коммуниста Хэ Тинъина вступил в бой с полком из Цзянси и отрядами 8-й Хунаньской армии. Противник понес тяжелые потери, к закату его боевой дух совсем упал, и он отошел. Героизм революционных бойцов произвел на Мао такое впечатление, что он вновь взялся за перо:

Ряды наших бойцов — словно гор неприступных утесы,
Волю их не сломить и ударом меча.
Посвист пуль, грохот взрывов, что ветер доносит,
Нам победу и славу прочат.

Поход на юг Хунани вновь вызвал к жизни старые трения, возникшие между Мао и Чжу Дэ еще в апреле, когда они объединили свои войска. Чжу с нетерпением ожидал малейшей возможности сбросить с себя политическую опеку и вернуться в привычную ипостась армейского единоначалия. Ощутив свободу —

7 Зак. 1137

пусть даже ценой поражения, — он никак не хотел позволить Мао занять ту главенствующую позицию, в которой летом находился сам. Более того, вместе со многими своими соратниками причину военной неудачи Чжу видел в отказе Мао направить 31-й и 32-й полки под его начало, что предлагали товарищи из Хунаньского провинциального комитета.

Раздел полномочий между Мао и Ян Каймином формально подтвердила Вторая партийная конференция пограничного района, состоявшаяся в Маопине в октябре. Оставив Яна номинальным главой Специального комитета, по причине его слабого здоровья конференция поручила вести всю ежедневную работу бывшему главе первого Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов города Чалина Тань Чжэньлиню. Мао же сохранил за собой пост руководителя созданного им еще в Гуйдуне Комитета действия, что фактически делало его политкомиссаром 4-й армии. Однако в иерархии провинциальных партийных кадров он занимал одну из самых низких ступеней. Объяснение этому можно найти в политической резолюции конференции: «В прошлом партийные органы были, по сути, органами единоличной диктатуры, вотчиной секретарей. Ни о каком коллективном руководстве или внутрипартийной демократии не приходилось и говорить. Товарищ Мао Цзэдун находился в числе тех, кто создавал и отстаивал такие порядки».

Несмотря на это, предложенная Мао стратегия осталась почти без изменений. Программа действий, которую приняла конференция, базировалась на февральской резолюции Коминтерна и отражала все высказанные Мао идеи. «Вам необходимо совершенствовать стиль руководства, уважаемый коллега» — такое пожелание адресовали Мао делегаты перед закрытием конференции.

Положение начало исправляться в декабре, когда в Цзинганшани получили подготовленную Ли Вэйханем еще в июне директиву ЦК КПК. Мао с трудом сдерживал радость. Директиву он назвал «отличным документом, исправившим многие совершенные нами ошибки и разрешившим кучу спорных вопросов». В соответствии с указаниями Политбюро был создан новый Фронтовой комитет — высший орган партии в пограничном районе. Мао стал его секретарем, а заменивший Чэнь И на посту главы Военного совета Чжу Дэ и Тань Чжэньлинь, назначенный вместо Ян Каймина секретарем Специального комитета, вошли в «высший орган партии» простыми членами. Эти кадровые назначения не только восстановили традиционную иерархию, согласно которой Фронтовой комитет диктовал свою волю местной партийной

организации, они также означали, что жизнь всей базы подчинена отныне интересам 4-й армии. Приближавшаяся зима только подтвердила правильность принятого решения.

Тремя неделями позже в отчете Центральному Комитету Мао в деталях описал стоявшие перед ним проблемы. Ключевой из них являлось то, что подавляющее большинство членов партии в пограничном районе были крестьянами, чье «мелкобуржуазное сознание» проявлялось прежде всего в недостатке твердости: приступы безудержной удали часто перемежались вспышками панического страха.

В перспективе решение этой проблемы виделось Мао в привитии партийным организациям «пролетарской сознательности», которую должны принести избираемые на руководящие посты рабочие и солдаты. Такая мера свидетельствовала не просто о преклонении перед теорией марксизма в угоду шанхайским идеологам. Будучи очевидцем разгрома нескольких крестьянских полков, Мао отдавал себе отчет в том, что ведущая роль пролетариата и в самом деле является необходимой предпосылкой успеха революции. Другим действенным, да и более простым средством установления должного порядка была партийная чистка.

Летом, когда база в Цзинганшани окончательно окрепла, мысль о вступлении в партию соблазняла многих. Партийная организация пограничного района насчитывала более десяти тысяч коммунистов — и это при том, что ряды ее очистились от сотен зажиточных крестьян, землевладельцев, мелкого чиновничества и других «случайных элементов»: любителей азартных игр, курильщиков опия, уличенных в бандитизме. В результате Мао с гордостью заявлял: «Мы получили меньшую по численности, но намного более боеспособную организацию».

И все же основным занятием в Цзинганшани являлась не политика, а военное дело. Костяк Красной армии составляли профессиональные солдаты, пришедшие к коммунистам в ходе Наньчанского восстания и массовых выступлений, приуроченных к празднику Середины осени. Их осталось не более трети от первоначального количества: остальные погибли в бою, умерли от ран, кто-то дезертировал. Чтобы восполнить нехватку живой силы, в строй ставили пленных и настоящий сброд — бежавших преступников, бродяг и воров. Позже Мао отметил: «Несмотря на свое темное прошлое, эти люди оказались на редкость великолепными бойцами, которых нам так не хватало». У солдат вырабатывалось классовое чутье, они уже понимали, за что воюют, и без жалоб переносили тяготы полевой жизни.

Зимой, однако, боевой дух падал, армия погружалась, по словам Мао, в «атмосферу усталости и уныния». Чжу Дэ вспоминал о том, что «часто было нечего есть»; унция соли стоила один серебряный доллар, то есть примерно месячную зарплату труженика. Ощущался острый недостаток теплой одежды и лекарств.

Из-за отсутствия денег оклады бойцам и командирам выдавали натурой: продуктами и вещами первой необходимости. Но и при этом на закупку продовольствия уходило около пяти тысяч долларов ежемесячно. Какие-то средства удавалось добыть лишь путем экспроприации имущества помещиков и торговцев. «Обращение к жителям Маопина», подписанное Мао и Чжу Дэ, вежливо объясняло:

«Красная армия... принимает все меры для того, чтобы защитить интересы торгового люда. Однако ввиду катастрофической нехватки самого необходимого мы вынуждены обратиться к вам с просьбой организовать для армии сбор пяти тысяч долларов, семи тысяч пар соломенных бахил, семи тысяч пар носков и трехсот штук белой хлопковой ткани... Крайне важно, чтобы необходимые нам вещи были доставлены в лагерь не позднее восьми вечера... Если вы оставите данную просьбу без внимания, то это послужит доказательством вашего сговора с реакционерами. В таком случае нам придется сжечь в городе все магазины и лавки. Не говорите потом, что вас не предупреждали!»

Состоятельные горожане подчинились, но Мао дальновидно заметил: «Экспроприировать можно лишь раз, потому что потом брать будет просто нечего». С течением времени группам «снабженцев» приходилось в поисках «помещиков-вредителей и набитых деньгами богатеев» уходить все дальше от базы, но и при этом довольно часто единственной добычей оказывались мешки с опиумом. Солдаты волокли их на продажу.

В ноябре Мао впервые задумался о том, что цзинганшаньскую базу придется, возможно, оставить. Он составил запасной план перемещения в южные районы Цзянси — на случай, если «наше экономическое положение еще более ухудшится».

Долго ждать реализации этого плана не пришлось. Через два месяца в пограничный район прибыло неожиданное пополнение из восьмисот бывших гоминьдановских солдат, поднявших летом мятеж в Пинцзяне, на севере Хунани. Их привел Пэн Дэхуай, прямой, грубоватый тридцатилетний мужчина, военный до мозга костей, земляк Мао из Сянтани. Прибывших зачислили в состав 4-й армии, а сам Пэн стал заместителем Чжу Дэ. Примерно в это же время в

Цзинганшань поступили сведения о новых планах гоминьдановцев окружить и уничтожить лагерь: по пяти маршрутам к нему уже выдвигалось двадцатипятитысячное войско.

Вопрос о будущем революционной армии встал с новой остротой. Людей Пэн Дэхуая нужно не только кормить на протяжении всей зимы; пополнение открыло возможность нанести противнику упреждающий — или, если угодно, ответный удар.

Сразу же после Нового года расширенное заседание Фронтового комитета в Нинганс приняло решение оставить 32-й полк Ван Цзо и Юань Вэньцая вместе с вновь прибывшими для защиты лагеря. 28-й и 31-й полки под командованием Мао и Чжу Дэ должны направиться в тыл противника для осады одного из двух городов: Цзиани или Ганьчжоу.

На рассвете 14 января главные силы 4-й армии покинули Цзинганшань и ушли на юг. Чжу Дэ так описывал их путь: «Не было и намека на тропу... Вокруг высились отполированные временем скалы, в расщелинах лежал снег. Колонна ползла по краю черной бездны под угрожающими порывами ледяного ветра». Вечером, пройдя сорок километров, армия вышла к Дафэну, где, обезоружив батальон гоминьдановских войск, бойцы смогли утолить голод из захваченных у неприятеля полевых кухонь. На следующий день вместо того, чтобы свернуть на восток в сторону Ганьчжоу, они продолжали двигаться к югу, пока не достигли пограничного городка Даюй. Тяжелый бой, навязанный там бригадой гоминьдановской армии, заставил отряды Чжу Дэ отступить в Гуандун.

Собирался ли Мао в действительности осуществить обещанный отвлекающий маневр, чтобы облегчить положение нескольких сотен бойцов, оставшихся с Пэн Дэхуаем в Цзинганшани? Не было ли его предложение захватить Ганьчжоу циничной попыткой увести главные силы армии в безопасное место? Сам Пэн ощущал, что его предали. Воспоминания об этом продолжали мучить его и сорок лет спустя.

Цзинганшань продержалась около недели. Горные перевалы были уже заняты гоминьдановцами, и Пэн решил под прикрытием сильнейшего снегопада пробиться через вражескую блокаду — вместе с тысячами женщин, детей, больных и раненых, которых Мао отказался взять с собой. «День и ночь, — написал он позже, — мы тропинками горных козлов взбирались на самые кручи». Его отряду каким-то чудом удалось пробраться сквозь два первых кольца окружения, и казалось, еще немного, и невозможное свершится. Но под Дафэном удача отвернулась от людей Пэна,

и они попали в засаду. Неприятель отсек обоз с больными и ранеными, и не было никакой возможности выручить их из беды. Через несколько дней после сражения Пэн пересчитал людей: из восьмисот ушедших с ним из Пинцзяна осталось всего двести восемьдесят три человека.

Мао повезло больше. За месяц похода из трех с половиной тысяч бойцов он вместе с Чжу Дэ потерял шестьсот. Но если тот период был одним из самых тяжелых для всей армии, то не отходившая от Мао ни на шаг Хэ Цзычжэнь испытывала особые трудности: уже пятый месяц она носила в себе их первого ребенка.

Очень скоро выпавшие на их долю испытания заставили Чжу Дэ и Мао отказаться от идеи основать постоянную базу. Там, где это возможно, они пытались создавать советы и партийные организации, которые могли бы после ухода Красной армии продолжить работу в условиях подполья. Защите обустроенных позиций постепенно пришла на смену гибкая тактика партизанской войны.

Связь с центром партии, весьма непростая на Цзинганшани, в условиях похода почти оборвалась. На протяжении первых трех месяцев 1929 года у армии не было никакого контакта не только с Шанхаем, но даже с провинциальными комитетами. Перед тем как покинуть базу, Мао отослал четыре унции золота в Пинсян, чтобы организовать там подпольный «почтовый ящик». Позже с той же целью в Фуцзянь ушла партия опиума стоимостью в пять тысяч долларов. Но успеха не принесла ни одна из попыток. Письма Мао полны жалоб на отсутствие каких-либо руководящих инструкций центра, на неспособность парткома провинции Цзянси передать армии так необходимые ей документы ЦК.

Однако худа без добра не бывает. Руки Мао и Чжу Дэ оказались развязаны: вместо того чтобы мучиться в тисках навязанной со стороны тактики, они вольны принимать решения сами. Цзинганшань преподнесла Мао урок, о котором позже он написал в ЦК партии: «В будущем руководству не стоит забывать о том, что его директивы по военным вопросам должны предусматривать определенную свободу наших действий». В противном случае те, кто находится в поле, будут вынуждены «нарушать субординацию либо притворяться глухими». Отсутствие же связи не ставило их перед проблемой трудного выбора. Но в конечном итоге все свелось к тому, что ни Мао, ни другие руководители «красных» анклавов в Центральном и Южном Китае не имели никакой

информации о той проводимой Москвой и Шанхаем политике, за которую боролись. Даже газеты до них не доходили.

Эти проблемы послужили фоном, на котором разгорелся новый конфликт между Мао и Центральным Комитетом — конфликт, повлекший за собой последствия куда более значительные, чем те, что были вызваны к жизни его разногласиями с Хунаньским парткомом.

В начале января 1929 года Цзинганшань с энтузиазмом приветствовала решения состоявшегося в Москве полугодом ранее 6-го съезда КПК. «Делегаты приняли очень верные резолюции, и мы полностью согласны с ними», — писал тогда Мао в Шанхай. Ему было приятно узнать о своем повторном избрании в члены ЦК, но тогда он и догадываться не мог о другом. Бывший уханьский докер и профсоюзный деятель Сян Чжунфа, который стал Генеральным секретарем партии, являлся лишь пешкой в руках Чжоу Эньлая и Ли Лисаня, чьи имена значились в самом конце списка членов Центрального Комитета*. Неожиданный взлет давнего недруга и соперника Ли оставался для него тайной почти до конца года.

Но и центр, в свою очередь, тоже не имел никакой информации о положении дел в Цзинганшани. В феврале, когда Шанхай узнал о том, что армия оставила свой лагерь, это известие стало первым, полученным от Мао за почти девять месяцев. Чжоу Эньлай обратился к нему и Чжу Дэ с письмом, где потребовал во что бы то ни стало сохранить боевой отряд партии. Для этого он предложил раздробить силы на группы в десятки человек, которые должны будут «поднимать на борьбу жителей деревень, нести в массы идеи коммунизма».

Мао не мог с этим согласиться. Еще в ноябре он писал в ЦК, что «подобная практика почти повсеместно оказывается ошибоч-

---

* Выборы руководящих органов партии 6-й съезд провел весьма своеобразно. Отсутствие кворума восполняли десятки обучавшихся в Москве китайских студентов; многие ключевые в КПК фигуры — Ли Вэйхань, Пэн Пай, Мао Цзэдун — приехать на съезд не смогли. Когда представитель Коминтерна предложил съезду список кандидатов в члены ЦК, все они были единогласно избраны, но не в намечавшемся порядке. Из нового состава Политбюро Сян Чжунфа числился третьим по рангу руководителем, Су Чжаочжэн — девятым, Мао — двенадцатым, Чжоу Эньлай — четырнадцатым, а Ли Лисань — двадцать вторым. Он вообще едва попал в Политбюро и полным его членом стал лишь в ноябре 1928 года. Организационная сторона проведенного под присмотром советских товарищей съезда оставляла желать много лучшего. — *Примеч. авт.*

ной». Сейчас же предложение Чжоу Эньлая было вообще неприемлемым, поскольку письмо его заканчивалось безапелляционным приказом Мао и Чжу немедленно прибыть в Шанхай.

Оторвать Мао от его хунаньской базы Чжоу Эньлай безуспешно пытался уже в июле 1927 года, и в последнем письме он прилагал все усилия, чтобы как-то подсластить пилюлю:

«Вряд ли вы захотите оставить армию после того, как отдали ей год жизни. И все же Центральный Комитет надеется, что ваш отъезд не нанесет непоправимого ущерба войскам, и задача рассредоточения будет успешно выполнена... Из Шанхая вы сможете по всей стране передать нашим товарищам драгоценный опыт управления десятитысячными силами в условиях настоящей вражеской блокады. Это стало бы огромным вкладом в дело победы революции».

В его словах есть логика: когда армия разойдется по деревням, ни Мао, ни Чжу уже не будет никакого смысла оставаться с нею. Получи адресаты письмо Чжоу еще в феврале, в условиях нависшей над армией угрозы полного уничтожения, Фронтовой комитет мог бы и согласиться с указаниями центра. Но чтобы преодолеть тысячу километров, отделявших Шанхай от восточных районов Цзянси, посланию потребовалось более двух месяцев. К моменту его прибытия ситуация уже коренным образом изменилась.

После беспорядочного отступления в Гуандун войска, преследуемые бригадой гоминьдановской регулярной армии, в конце января направились на север, вдоль границы между провинциями Цзянси и Фуцзянь. В горах у Дабоди, в двадцати километрах севернее Жуйцзиня, 11 февраля армия остановилась. Полк под командованием Линь Бяо, совершив ночной марш по тылам противника, нанес сокрушительный удар по преследователям, взял в плен около тысячи солдат и захватил их вооружение. За четыре недели, прошедшие после ухода с Цзинганшани, эта первая победа сразу же повысила боевой дух армии. Месяцем позже революционные силы заняли расположенный в Фуцзяни уездный город Тинчжоу.

Вдохновленный этими победами, Мао написал пространное письмо в Шанхай, сообщая о планах 4-й армии развернуть широкую партизанскую войну и основать новую постоянную базу на западе Фуцзяни и в южных районах Цзянси.

Прошло еще две недели, и руководство похода получило директиву Чжоу Эньлая о рассредоточении армии. Мао ответил на этот приказ не как капризный полковой комиссар, вызванный к начальству для объяснений, но как полноправный лидер партии, объяснивший коллегам свою точку зрения:

«Полученное письмо ЦК звучит слишком пессимистично. Январская военная кампания против Цзинганшани явилась пиком всей контрреволюционной деятельности наших противников. Они уже бессильны сделать что-либо иное, активность же бойцов 4-й армии день ото дня возрастает... В нынешней сложной ситуации мы сможем повести за собой массы лишь при условии абсолютного единения. Предложение рассредоточить армию не имеет под собой реальной основы и отдает явным авантюризмом...»

Партизанская война, писал он далее, открывает в перспективе возможность победоносного похода на Наньчан — главный город провинции Цзянси. Грызня между местными военачальниками ведет к углублению уже наметившегося раскола рядов Гоминьдана, поэтому Красная армия ставит перед собой цель в течение года установить советскую власть не только в Цзянси, но и в прилегающих районах Фуцзяни и Чжэцзяна.

Такие планы Мао позволят уже руководству партии усмотреть в его намерениях «подоплеку авантюризма», и вскоре он будет вынужден признать, что «установка годичного срока представляла собой ошибку». Однако при всем своем излишнем оптимизме анализ Мао вовсе не являлся неверным: в Цзянси действительно провозгласили советскую власть, только времени на это потребовалось больше обещанного года.

Верой Мао в безошибочность своего политического чутья был пронизан и его ответ на другой тезис в письме Чжоу Эньлая. «Основной задачей текущего момента, — писал Чжоу, — партия считает развитие пролетарского самосознания... промышленных рабочих». Мао согласился, но отметил, что «классовая борьба в деревне, создание советов и укрепление Красной армии являются необходимыми условиями продолжения борьбы в городах и ускорения процесса революционного преобразования общества. Было бы величайшей ошибкой отвернуться от городов и все силы отдавать партизанской войне крестьян, однако столь же ошибочно опасаться и крепнущей мощи крестьянства, видя в ней угрозу руководящей роли пролетариата. Если без обеспечения его гегемонии революция в Китае невозможна, то наше общее дело ничуть не пострадает от того, что на определенных этапах крестьянство окажется сильнее рабочего класса. На глубокую ошибочность недооценки значения крестьянской революции указал и 6-й съезд партии».

Ровно через год спор о роли пролетарской и крестьянской революции стал основной причиной серьезного охлаждения отношений Мао с руководством партии. Пока же Чжоу ос-

тавил выпады своего собеседника без внимания. Новые победы Красной армии заставили центр пересмотреть установку на рассредоточение ее сил, и в июне Политбюро признало план Чжоу Эньлая «не соответствующим реальной обстановке»*.

Вера Мао в диалектику, согласно которой мрак перед рассветом всегда сгущается, закалилась в испытаниях, выпавших на долю Красной армии после ее ухода с Цзинганшани. Оказавшись на грани уничтожения, армия не только смогла собраться с силами, но и укрепила свой авторитет. Однако далеко не все в ней находили оправдание утере обжитой базы в пограничном районе. Многие разделяли данную центром суровую оценку перспектив революции, настаивая на том, что армия должна перейти к гибким партизанским методам, а не тратить силы и время на создание новой постоянной базы.

Эти вопросы обсудило собравшееся в середине апреля в Юйду расширенное совещание армейского руководства, на котором победила поддержанная Пэн Дэхуаем линия Мао. Совещание единодушно постановило, что 4-я армия попытается закрепиться в западных районах Фуцзяни, а отряд Пэна вернется в Цзянси и вновь займет Цзинганшань. Главная цель замысла — создать в течение года на территории Цзянси независимый советский район.

Но единодушие оказалось мнимым. На протяжении следующего месяца между Мао и большинством армейских командиров, выразителем взглядов которых являлся Чжу Дэ, пролегли глубокие трещины. Толчком послужили различия в предыстории двух группировок, объединившихся годом ранее в единую Красную армию. Бойцы Мао приобретали свой военный опыт в ходе обустройства базы в Цзинганшани, а Чжу Дэ вместе со своими людьми находился в постоянном движении: из Наньчана через Гуандун в южную Хунань. Образ жизни обеих группировок определял и соответствующие методы ведения боевых действий. Цзинганшань вселила в Мао твердую уверенность: только через создание «красных зон» под властью Советов проходит дорога к победе революции во всей стране.

Суть конфликта не сводилась к фундаментальным разногласиям в вопросах стратегии, существовала и проблема личных взаимоотношений. Даже Хэ Цзычжэнь признавала за Мао безудержное стремление к единовластию. Еще осенью на Цзинганшани слыша-

* Призыв к рассредоточению сил, отмечалось в документах партии, прозвучал от «незнакомого с китайской проблематикой» Бухарина, который к тому времени уже впал в немилость и мог служить всеобщим козлом отпущения. — *Примеч. авт.*

лись жалобы на его «диктаторские замашки» и «патриархальный стиль руководства». Теперь оппоненты Мао стали более осмотрительными. Не нападая лично на него, они сфокусировали свое внимание на роли партии в решении чисто военных вопросов и утверждали, что «Фронтовой комитет не в состоянии уследить за всеми делами сразу».

Базу для таких доводов Мао по кирпичику складывал собственными руками. В начале февраля, в наиболее трудный после ухода с Цзинганшани период, парторганизация приняла решение о роспуске Военного комитета, главой которого являлся тогда Чжу Дэ. Затем, по предложению Мао, на смену полкам пришли колонны, что значительно урезало властные полномочия военачальников. Чжу Дэ и его коллеги, не желавшие превращаться в винтики политической машины Мао, громко требовали восстановления Военного комитета.

В конце весны в этот кипящий невидимыми глазу страстями котел попал наивный и упрямый молодой коммунист Лю Аньгун, посланный Чжоу Эньлаем в 4-ю армию в качестве офицера связи. Он только что вернулся из Советского Союза, где успел понять: теория Ленина — это ключ к решению всех мыслимых проблем китайской действительности.

На первых порах Мао относился к прибывшему как к своему потенциальному союзнику, либо, на худой конец, видел в нем полезный инструмент. В последних числах мая он известил Чжоу Эньлая, что вновь образован Военный комитет, а секретарем его избран Лю, ставший к тому же и начальником политотдела армии. Главным для Мао было не допустить, чтобы все бразды правления сосредоточились в руках Чжу Дэ. Изначальное соперничество превращалось в борьбу за власть: в частных беседах Мао обвинил Чжу в стремлении «реализовать долго скрываемые амбиции».

Тонкий дипломатический расчет Мао не оправдался. Получив пост секретаря, Лю тут же направил все усилия на то, чтобы ограничить полномочия Фронтового комитета. На очередном совещании руководства, состоявшемся 8 июня в Байша, Мао пришел к выводу о том, что полномасштабная конфронтация уже неизбежна. Он с горечью заявил: «Фронтовой комитет находится между жизнью и смертью; с одной стороны, комитет несет ответственность за положение дел в 4-й армии, с другой — он лишен всякой реальной власти. В подобной ситуации товарищи должны подыскать нового секретаря. Я ухожу».

Его слова хотя и были чистейшей воды блефом, но необходимый эффект поначалу произвели. Тридцатью шес-

тью голосами против пяти совещание постановило упразднить воссозданный всего неделю назад Военный комитет. Вопросы выработки стратегии и кадровую политику рассмотрела Всеармейская партийная конференция, работой которой в стенах местной школы через две недели стал руководить Чэнь И.

Делегаты конференции подвергли резкой критике присущий Мао авторитарный стиль руководства и указали на «отдельные недостатки» в работе Чжу Дэ. В ответ Мао предупредил собравшихся об опасности перехода армии на «позиции бандитского мировоззрения», толкающего ее к методам партизанской войны вместо консолидации сил в запланированных базовых районах. Конференция нашла эти высказывания «беспочвенными» и признала ошибочным решение об установлении в годичный срок советской власти на территории всей провинции. При выборах нового состава Фронтового комитета Мао и Чжу Дэ остались его членами, а Чэнь И стал секретарем. В третий раз за двадцать один месяц, прошедший после ухода в горы, фигура Мао оказалась в тени.

В самый разгар политических страстей у девятнадцатилетней Хэ Цзычжэнь родилась дочь. Из-за отсутствия возможности держать ребенка рядом с собой она поступила так же, как и другие сопровождавшие армию женщины: через полчаса после появления девочки на свет Хэ передала младенца в крестьянскую семью вместе с конвертом, где лежали пятнадцать долларов. Позже Хэ Цзычжэнь написала, что не проронила при этом ни слезинки.

На протяжении пяти последующих месяцев Мао почти не занимался активной руководящей работой. Причина — слабое здоровье, но скорее душевное, а не физическое. Хэ вспоминала, что «он был болен — и огорчен. Последнее только добавляло ему страданий». Однако и дурное настроение не помешало Мао провести весь июль в Специальном комитете западной Фуцзяни, где он объяснял своим товарищам, как им лучше обустроить новый базовый лагерь, который должен был стать провинциальной колыбелью советской власти. Мао категорически отказался работать во Фронтовом комитете, занятом составлением планов партизанской войны. По этому вопросу у него разгорелся жаркий спор с Чэнь И, причем бледные от ярости оппоненты даже не утруждали себя подбором слов.

Столкнувшись с непримиримо враждебной позицией, Фронтовой комитет решил в конце июля направить Чэня в Шанхай, чтобы обсудить создавшееся положение в ЦК. Во время его отсутствия обязанности секретаря исполнял Чжу Дэ.

Через несколько дней Мао заболел малярией и вместе с Хэ Цзычжэнь уехал бороться с болезнью в уединенную горную хижину. На двери он повесил табличку «Приют книжника».

Тактика внезапного выхода из схватки, которую позже Мао применял неоднократно, оказалась на редкость эффективной. Еще до приезда Чэнь И в Шанхай Политбюро вместе с копиями резолюций Всеармейской партийной конференции получило письмо Мао с изложением его позиции по вызвавшим разногласия вопросам. Ознакомившись с бумагами, члены Политбюро пришли к выводу, что делегаты конференции слишком поторопились. В конце сентября Чжу Дэ получил директиву, где ЦК подчеркивал важность централизованного партийного руководства и полностью одобрил линию Мао на укрепление роли секретаря партийной организации. «Никакой патриархальной системой здесь и не пахнет, — говорилось в директиве. — Не забывайте, что Красная армия — это не просто боевая дружина, на ней лежит ответственность за пропагандистскую и политическую работу».

Вся вина за вспыхнувшую склоку была возложена на Лю Аньгуна, втянувшего парторганизацию во фракционную борьбу. Он получил приказ вернуться в Шанхай, но, сраженный пулей в бою, выполнить его не успел.

Ознакомившись с директивой, Чжу созвал новую партийную конференцию и послал гонца к Мао. Тот отказался: «Я не могу просто так взять и вернуться». Тогда конференция обратилась к нему с официальной просьбой принять участие в ее работе в качестве секретаря Фронтового комитета. На этот раз Мао ответил согласием — и прибыл в зал на носилках. Этот артистизм принес неожиданный результат: полученное в Москве весной следующего года известие о критическом состоянии здоровья Мао произвело такое впечатление, что Коминтерн опубликовал его некролог. Возвратившийся тремя неделями позднее Чэнь И привез с собой новый документ, одобренный Чжоу Эньлаем и Ли Лисанем. «ЦК сурово осуждает узость миропонимания тех товарищей, которые считают, что для революции Красная армия — это все», — напоминал Шанхай, отмечая далее ошибочность идеи Мао о скорейшем создании опорных баз и установлении в течение одного года советской власти на всей территории провинции Цзянси. В вопросе взаимоотношений между Мао и Чжу Дэ Центральный Комитет отказался принять чью-либо сторону, заявив, что «оба в равной мере несут ответственность за неправильные методы работы».

Оба были не правы, «заняв прямо противоположные позиции, погрузившись в пучину взаимной подозрительности и поливая друг друга обвинениями, абсурдными с политической точки зрения». На обыденном языке это означало, что они вели себя как рассорившиеся дети. Мао, говорилось в документе, должен остаться секретарем Фронтового комитета и вместе с Чжу учиться работать более продуктивно.

Послание ЦК и записка из Фронтового комитета, требующая его срочного возвращения, застали Мао в западных районах Фуцзяни только в конце октября. Он лишь прочитал их — не более.

Малярия не имела к этому ни малейшего отношения: к тому времени уездный партком достал для Мао хинин, и болезнь уже отступила. В ход опять шли политические соображения: трижды за последние два года партийное руководство — ЦК, Хунаньский партком, а сейчас и Фронтовой комитет — оставляло его в забвении. Теперь пусть лидеры сначала убедятся в том, что Мао действительно необходим, — тогда он, так и быть, вернется. Целый месяц Мао провел в неторопливых беседах с местными крестьянами о предстоящей земельной реформе, не оставляя ежевечерних попыток продолжить изучение английского.

18 ноября, после тяжелейшего военного поражения в Гуандуне, где армия потеряла треть личного состава, Чжу Дэ и Чэнь И направили Мао второе письмо. И опять он молчал. Еще через неделю Фронтовой комитет на своем бланке любезно попросил его «согласия вернуться и возглавить нашу работу». Просьбу подкрепил высланный для сопровождения секретаря эскорт из взвода бойцов. Душа Мао оттаяла, и 26 ноября он приступил к работе.

Заверив центр, что никаких проблем с привитием армии правильного мировоззрения «в свете генеральной линии ЦК КПК» не будет, Мао без устали укреплял позиции, исподволь навязывая партийной организации свою трактовку документов Политбюро и опуская в них все, что ему было не по вкусу.

Созванная им в декабре 1929 года на севере Фуцзяни конференция стала прообразом тех «кампаний по очищению», которые годы спустя стали для Мао излюбленным способом подгонки коллективного разума партии под собственные идеи. На протяжении десяти дней семинары под руководством секретарей парторганизаций и политкомиссаров «искали корни различных ошибочных воззрений, обсуждали наносимый ими вред и способы его устранения». Степень ошибочности определял сам Мао, и

больше всего заблуждавшихся было, конечно же, среди сторонников Чжу Дэ.

Нужную тональность задал конференции политический доклад Мао «Проблемы исправления ошибочных и непролетарских идеологических тенденций в партии». В нем автор беспощадно обрушивался на «чисто военное мышление» и «пагубные идеи ультрадемократии», названные «идеалистическими извращениями понятия дисциплины», и призывал всех военнослужащих руководствоваться исключительно идеалами партии и держать ответ перед ней одной. Через девять лет тот же принцип Мао сформулировал более сжато: «Винтовке диктует свою волю партия; винтовка же никогда не сможет командовать ею».

Не назвав имени Чжу Дэ, он камня на камне не оставил от авторитета тех военачальников, которые «не только терпимо относились к феодальным принципам руководства, но и проявляли явный недостаток профессионального мастерства». До сих пор, сетовал Мао, многие применяли телесные наказания, особенно в ходу эта практика была среди офицеров Второй колонны (бывший 28-й полк Чжу Дэ), где жесткость обращения с подчиненными довела до самоубийства трех бойцов, и солдаты меж собой говорили, что офицеры не просто бьют их, а забивают насмерть. Обычными стали издевательства над пленными и расстрелы дезертиров, больных и раненых армия часто просто бросала умирать. Все это являлось грубейшими нарушениями принципов партийной жизни.

Директива центра сделала позицию Мао неприступной. Однако она не внесла никакой ясности в вопрос, чему следует отдать предпочтение: партизанской войне или созданию стабильных революционных баз. В личном письме к Линь Бяо Мао говорил, что точка зрения ЦК слишком пессимистична, как было год назад с проблемой рассредоточения армии. Противоречия в китайском обществе и среди милитаристских кругов достигли такой остроты, что «пламя войны может вспыхнуть от единой искры», и произойдет это «очень скоро»:

«Марксисты — не какие-нибудь предсказатели судьбы... Но когда я говорю о близящемся революционном всплеске в Китае, я вовсе не имею в виду того, что многие представляют себе как иллюзорную возможность, лишенную всякой практической значимости. Для меня это все равно что идущий к берегу корабль, догадаться о котором можно лишь по едва видимой у горизонта мачте, это как восходящее солнце, чьи лучи вот-вот коснутся верши-

ны горы, как готовящийся выйти на свет ребенок, когда он ножками нетерпеливо бьет в стенки материнской утробы».

Эти поэтические строки находятся в полном противоречии с политикой партии, исходившей из того, что никаких признаков революционного подъема в стране не было. Директива ЦК, вернувшая Мао из политического небытия, сурово предостерегала Фронтовой комитет не возлагать особых надежд на обострение борьбы между милитаристскими группировками. Тогда Мао еще не знал, что через два месяца курс партии вновь резко изменится.

На протяжении всего 1929 года между СССР и Китаем не утихали трудные споры о статусе пролегавшего по Маньчжурии участка КВЖД, которым управляла смешанная администрация обеих сторон. Правительство националистов в Нанкине при поддержке нового маньчжурского лидера Чжан Сюэляна стремилось положить конец двоевластию. В мае китайская полиция учинила погромы советских консульств (продолжавших, кстати, свою работу и после того, как в остальном Китае все советские миссии были закрыты) в Харбине, Цицикаре и нескольких других маньчжурских городах. В руках властей оказались документы, свидетельствовавшие о том, что советские чиновники занимались активной пропагандой идей коммунизма. Через полтора месяца многие сотрудники вынуждены были вернуться на родину, а в скором времени все консульские связи между двумя странами прервались окончательно.

После некоторых колебаний Москва решила преподать строптивому соседу урок. В октябре Коминтерн направил ЦК КПК письмо с просьбой «активизировать и расширить масштабы партизанской войны», особенно в Маньчжурии и в тех районах, где действовали Мао Цзэдун и Хэ Лун*. Партизанские акции должны были совпасть с переходом через границу карательной экспедиции частей советской Красной армии. К моменту получения этого письма в Шанхае нанкинское правительство уже решило включить задний ход и просить у Москвы мира. Но было уже поздно: содержавшийся в послании Коминтерна политический анализ зажил самостоятельной жизнью.

Чтобы как-то объяснить свой призыв к партизанской войне, Москва заявила, что Китай вступил в «полосу затяжного общенационального кризиса», поднявшего «волну революционных настро-

* После поражения в сентябре 1927 года Хэ Лун возвратился домой, в Хунань, где в январе 1929-го создал рабоче-крестьянскую революционную армию, названную им (ко всеобщему конфузу) «4-й Красной армией». — *Примеч. авт.*

ений», свидетельствовавших об «общем подъеме национально-освободительного движения». Намеренная неоднозначность подобных формулировок разительно отличалась от последних весьма осторожных выводов Коминтерна, она-то и убедила Ли Лисаня, уже ставшего едва ли не самой заметной фигурой в КПК, признать свершившимся фактом «активное развертывание революционного строительства».

Это же подтвердила директива ЦК от 8 декабря, настоятельно требовавшая увеличить численность Красной армии за счет поглощения отрядов крестьянской самообороны, сконцентрировать, а не рассредоточить, как прежде, ее силы и выработать единую стратегию действий для городов и сельской местности. Именно последний пункт стал переломным моментом во всей политике партии:

«Прежняя тактика отказа от захвата важнейших городов должна быть в корне изменена. Пока есть шансы на победу, пока остается возможность поднять на борьбу широкие народные массы, города представляют собой важнейшую цель действий армии. Быстрый захват крупнейших городов страны будет иметь огромное политическое значение. При повсеместной поддержке взявшихся за оружие рабочих и крестьян эта стратегия явится залогом триумфа дела революции».

Когда Мао в конце января 1930 года познакомился с содержанием последнего партийного документа, его приятно удивила схожесть взглядов ЦК с его собственными оценками. Через несколько дней на расширенном заседании Фронтового комитета в Питоу он наслаждался покаянным видом коллег по партии, признававших безошибочность его политического анализа и клявшихся «освободить всю Цзянси».

Совещание заявило о создании Главного фронтового комитета, ставшего «высшим руководящим органом» для возглавляемой Мао 4-й армии, 5-й армии Пэн Дэхуая, действовавшей к северу от Цзинганшани, и новой 6-й армии, которой командовал старый друг Пэна Хуан Гунлюэ в районе, где сходились границы трех провинций: Цзянси, Фуцзяни и Гуандуна. Секретарем ГФК был избран Мао Цзэдун.

Его же рукой был составлен и проект резолюции совещания:

«К нам приближается небывалая по мощности приливная волна мировой революции! Сметающей все на своем пути струей вольется в нее и китайская революция. Вслед за российскими советами наши советы также станут неотъемлемой частью мировой советской системы. Первой провинцией Китая, где установится новая

власть, будет Цзянси, поскольку именно здесь созрели все необходимые для этого условия... В конечном итоге объединение революционных сил Юга с армией наших соратников по всей стране навсегда покончит с господством одних классов над другими».

Но искусство риторики имеет мало общего с реальной жизнью. Проводить свои планы в жизнь Мао будет с величайшей осторожностью. Даже решение с боем брать город Цзиань представляло собой, по сути, не приказ, а размышление:

«Призыв к действиям совершенно правилен, но первым шагом должна стать не атака городских стен, но осада их с целью максимально осложнить жизнь в городе и посеять среди его защитников панику. Позже мы сделаем следующий шаг...»

Однако дело не дошло и до первого шага: к Цзиани подошли гоминьдановские войска, и в марте от плана взятия города отказались. По той же причине ничего не удалось и с Ганьчжоу. Вместо боевых действий ГФК предложил армии заняться дальнейшим совершенствованием базового лагеря: военная активность без предварительной консолидации сил была расценена как «серьезная уступка оппортунизму».

Подобная осмотрительность не осталась незамеченной в Шанхае: Ли Лисань мгновенно понял, что за решением Главного фронтового комитета кроется полное непонимание тезиса «небывалого подъема революционного движения».

В своих выводах Ли опирался на теорию, веско обоснованную в коминтерновских документах Москвой. Случай с Мао был из разряда реальной политики. На протяжении уже года Мао неоднократно повторял, что единственный верный путь вперед — это создание постоянных баз в сельской местности. Сентябрьская директива ЦК подчеркивала: «Такой процесс требует непрерывного роста революционной активности». В словах, сказанных Ли Лисанем по этому вопросу ранее, Мао слышал благословение начатой им работы.

Мао готов был превозносить идею захвата городов до тех пор, пока ее воплощение в жизнь не ставило под удар жизнеспособность всей армии. Но петь особые дифирамбы таким планам руководства ему и не приходилось. Решения совещания в Питоу четко констатировали: «Основная задача партийной организации заключается в расширении территорий советских районов». Взятие городов в тактике действий партии даже не упоминалось. Всего за несколько недель до совещания Мао дал суровую отповедь тем, кому не «терпится пройтись по широким городским улицам», обвиняя их в «ненасытном стремлении к удовольствиям».

Для Ли Лисаня же революция в городе имела изначальную ценность. Почти вся его партийная карьера была так или иначе связана с трудом городских рабочих: от агитации — под началом Мао — среди шахтеров на Аньюаньских угольных копях и до «Движения 4 мая», принесшего Ли всекитайскую известность. Если Мао истово верил в крестьянскую революцию, то Ли Лисань был неколебимо убежден в том, что спасет Китай только пролетариат.

На различия в политических взглядах накладывался толстый слой взаимной неприязни. Будучи на шесть лет моложе Мао, Ли еще студентом не смог достичь взаимопонимания со своим старшим товарищем. Его студенческая необязательность пришлась очень не по нраву тогдашнему руководителю «Ученого общества новой нации». Равнодушие, с которым через два года Мао отнесся к вести о том, что отец Ли погиб от руки помещика, превратило взаимное отчуждение в настоящую вражду. Неловкая записка к «брату Ли», отправленная Мао в октябре 1929 года, после того как он узнал о блестящем продвижении старого знакомого по партийной лестнице, не скрывала неприязни, вызванной этой новостью.

Даже если оставить в стороне тонкости личных взаимоотношений, то и тогда политические разногласия Мао с центром очень недолго оставались бы для окружающих тайной. В конце февраля 1930 года Чжоу Эньлай подготовил докладную записку с детальным разъяснением новой стратегии руководства. Документ более известен как Циркулярное письмо ЦК КПК № 70. В нем партия осуждала Мао и Чжу Дэ за «упрямое сокрытие и рассредоточение» сил порученной их заботам армии. «Главная цель нашей политики, — говорилось в документе, — это достижение победы в одной или нескольких провинциях, поэтому стратегия Красной армии должна сводиться к захвату важнейших городов в тесной увязке с восстаниями местных жителей, политическими забастовками и военными мятежами гоминьдановских гарнизонов». Двумя неделями позже Политбюро вновь было вынуждено критиковать Мао за то, что его «войска бесцельно бродят с места на место». Следующая директива обвиняла его в действиях, «противоречащих долгу члена партии и интересам революционной ситуации». В это время Чжоу Эньлай уже находился в Москве, и за положение дел в центре отвечал один Ли Лисань.

В течение весны и лета 1930 года Мао никак не реагировал на попытки шанхайского руководства оказать на него давление.

Его войска отказывались и на шаг отступить от границы между Цзянси и Гуандуном, где закрепляли военные навыки в мелких стычках с гоминьдановскими отрядами. Приказы Ли

Лисаня прибыть в Шанхай для участия в «конференции представителей советских районов» Мао тоже оставил без внимания. «Выполнение ошибочных инструкций, — беззаботно пояснял он Фронтовому комитету, — является актом саботажа, к которому я не желаю иметь ни малейшего отношения».

Между тем ход мыслей Ли Лисаня — так и названный впоследствии «лилисаневщиной» — все более напоминал радикальные взгляды, которые тремя годами ранее высказывал Цюй Цюбо. Следом за ним Ли заявил, что, продвигая революцию вперед, нельзя полагаться только на Красную армию; ее отряды должны планировать свои операции в соответствии с восстаниями городских рабочих. Как и Цюй, Ли Лисань был уверен: «Революция может лишь наступать, отступление недопустимо». Предложенная Мао тактика гибких военных действий «противоречит современным требованиям», согласно которым «нам необходимо захватывать целые города», поэтому и Мао, и Чжу Дэ должны «пересмотреть свои устаревшие партизанские догмы». Концепция «использовать деревню для окружения города», впервые высказанная Мао при походе на Цзиань, была в высшей степени ошибочной, а его суждение «сначала революция в деревне и только потом в городе» вообще отдавало ересью.

Конфликт достиг апогея в июне, когда, обвинив Мао в «безудержном страхе перед империализмом», в «махровой бандитской идеологии» и «упорном отказе подчиняться инструкциям ЦК», Политбюро категорически отклонило его план установления советской власти в отдельно взятой провинции Цзянси и выдвинуло совсем уж апокалиптический проект:

«Китай является наиболее слабым звеном опутавших весь мир цепей империализма. Именно здесь извергнет свое бурлящее содержимое вулкан мировой революции... Вполне может случиться так, что китайская революция станет прологом всемирной окончательной классовой битвы. Вот почему первейшая задача Коммунистической партии — призвать народные массы всеми силами поддержать вооруженное восстание и быть в постоянной готовности нанести решающий удар... В настоящее время в условиях ширящегося революционного подъема наша тактика заключается в одном: одержав для начала победу в одной или нескольких провинциях, установить новую власть по всей стране».

Вдохновленный замыслом партии, Ли Лисань выдвинул свою идею: части под командованием Мао берут Цзюцзян и Наньчан, а следующие за ними основные силы Красной армии в ходе широкого наступления захватывают Ухань.

Чтобы обеспечить себе жесткий контроль над войсками, Ли Лисань приказал провести масштабную политическую и военную реорганизацию армии. В каждой провинции создали Комитеты действия — экстренные органы власти, подчиненные непосредственно центру (то есть лично самому Ли Лисаню). Учреждена Центральная революционная военная комиссия, которая управляла четырьмя новыми армейскими группировками, заменившими старую структуру строения войск. Через десять дней специальный уполномоченный ЦК Ту Цзэньнун вручил в Тинчжоу Мао и Чжу Дэ пакет с приказом партии выдвигаться на север. Мао был предложен пост председателя Центральной военной комиссии, Чжу Дэ — главнокомандующего.

Противоречивое настроение, в котором находился Мао, отражают написанные им под впечатлением последних событий строки:

На борьбу поднялись миллионы,
Цзянси, Хунань и Хубэй вот-вот займутся огнем,
Но печальную ноту слышу я в «Интернационале» —
Неистовая буря обрушилась на нас с небес.

Как бы в подтверждение мучивших Мао сомнений вперед армия продвигалась очень медленно. Выйдя из Тинчжоу в поход 28 июля, через десять дней она не дошла и до Синго, расположенного менее чем в ста пятидесяти километрах к западу. До первой встречи с противником в окрестностях Чжанчжу прошло еще две недели. Решив, что Наньчан для лобовой атаки слишком хорошо укреплен, Мао и Чжу Дэ 1 августа заняли железнодорожную станцию на противоположном от города берегу реки, где войска дали несколько оружейных залпов в честь третьей годовщины Наньчанского восстания. «После проведения демонстрации, — сообщил Мао в ЦК, — мы расположились вокруг Фэнсиня, в девяноста километрах от города, чтобы заняться мобилизацией масс, сбором средств и ведением пропагандистской работы».

Так закончился столь желанный Ли Лисаню поход на Ухань. Но к тому времени уже возникли новые проблемы: его полководческое рвение вызвало серьезную обеспокоенность в Москве. Еще в мае Коминтерн направил ЦК КПК письмо, в котором указывалось, что «в настоящий момент в стране отсутствуют признаки революционного подъема, и у революции пока нет достаточных сил для свержения империалистического правительства Гоминьдана... При невозможности победы во всем Китае было бы

целесообразно взять под свой контроль несколько важнейших провинций». Такая директива резко расходилась с планами Ли Лисаня, считавшего, что независимые провинциальные режимы — или постоянные революционные базы — способны выжить лишь в условиях широкого народного восстания в масштабах всей страны. Однако Кремль сейчас однозначно поддержал линию Мао.

Письмо было получено в Шанхае 23 июля. Ли стало ясно, что Москва ожидает отмены его приказа о наступлении, но поскольку победителей не судят, он решил скрыть документ от членов Политбюро.

Двумя днями позже Пэн Дэхуай нанес неожиданное поражение Хэ Цзяню, чьи войска вчетверо превосходили его собственные, и с триумфом занял 27 июля Чанша. Продержавшись девять дней и вызвав в европейской прессе волну тревожных пророчеств, перед натиском гоминьдановских отрядов он вынужден был оставить город. Тем не менее его кратковременный успех привел Ли Лисаня в восторг; Мао тоже начал склоняться к мысли, что захват власти в Хунани вполне возможен. На совещании 23 августа в Люяне приняли решение объединить силы в Первую фронтовую армию под командованием Чжу Дэ. Мао стал политкомиссаром новой армии и секретарем ее ГФК*. Создали и Рабоче-крестьянский революционный комитет, также под его руководством, который должен был представлять высший орган власти в районе боевых действий.

После длительных споров совещание постановило предпринять новую попытку захвата Чанша — и на этот раз во что бы то ни стало удержать город.

Мао продолжал колебаться. Победа над Хэ Цзянем значительно подняла боевой дух Красной армии, но момент неожиданности был уже упущен. Сомнения Мао видны из написанного на следующий день после совещания письма, где он подчеркивал «огромную важность» значительного пополнения армии за счет частей, расквартированных в Цзянси: «Десять тысяч бойцов в ближайшие две недели и еще двадцать тысяч в течение месяца. Чтобы иметь возможность захватить город, мы должны напрячь все наши силы».

---

* Мао был назначен секретарем Главного фронтового комитета 4-й, 5-й и 6-й армий (которыми командовали Чжу Дэ, Пэн Дэхуай и Хуан Гунлюэ) в феврале 1930 года в Питоу. Он сохранял этот пост во время всех летних реорганизаций, однако реальную власть ощутил в своих руках лишь после Августовского совещания в Люяне. Чжу Дэ, ставший по решению Политбюро главнокомандующим в апреле, смог на практике реализовать свои полномочия, только будучи уже командиром Первой фронтовой армии. — *Примеч. авт.*

Сомнения оказались оправданными. Упорное сопротивление националистов остановило продвижение армейских отрядов за несколько километров к югу от Чанша, а после того, как 12 сентября противник получил подкрепление, Мао дал приказ отступить.

Через сутки войскам было объявлено о возвращении в Цзянси. Вновь прозвучали патетические призывы «добиться сначала победы в Ухани и захватить следом за ней власть во всей стране». Но ближайшая конкретная цель ставилась намного скромнее: после недельного отдыха армия собиралась двигаться на Цзиань, третий по важности город в провинции, с населением около сорока тысяч человек. Местными силами коммунисты пытались захватить его восемь раз, но им это так и не удалось.

Однако в ночь на 4 октября защитники сдали город даже без боя; Мао смог объявить о «первом за несколько лет борьбы серьезном успехе Красной армии и населения Цзянси. Он открыл нам путь к победе во всей провинции». Сказано это было, пожалуй, слишком сильно: армия удерживала Цзиань около полутора месяцев. Но партия ликовала: руководство обещало увеличить численность Красной армии до миллиона человек, клялось крепить солидарность с Советским Союзом и мировым пролетариатом, звучали заверения в скорейшей победе народной власти в Китае и во всем мире.

Мао расположился в богатом каменном доме в центре города. Вместе с Хэ Цзычжэнь он занял тихие комнаты, выходящие во внутренний двор, предоставив остальные помещения в распоряжение Чжу Дэ и его молоденькой боевой подруги Кан Кэцин. Позабыв о своем гневном осуждении любителей городской роскоши, Мао с удовольствием погрузился в атмосферу комфорта.

Находящийся в это время в Шанхае Ли Лисань с тревогой ощущал, как почва у него под ногами начинает колебаться.

Еще в июле советские военные советники для обеспечения связи между ЦК и Москвой установили в городе подпольный радиопередатчик. Свобода, которую давали Ли Лисаню долгие месяцы почтовой переписки с Коминтерном, внезапно закончилась. В первом же полученном 28 июля радиосообщении Кремль вновь подтвердил свое неприятие курса на восстания в городах. И опять Ли Лисань скрывал недовольство Москвы от членов Политбюро. Однако через месяц, когда «старшие братья» назвали его планы «авантюризмом» и прямо заявили о том, что «у китайских товарищей нет никаких шансов на успешный захват больших городов», он был вынужден дать отбой восстаниям, готовившимся в Шанхае и Ухани.

С возвращением домой Чжоу Эньлая и Цюй Цюбо у Ли пропала всякая возможность скрывать взгляды Москвы. Но и при этом он категорически отказывался отменить свой приказ о взятии Чанша, объясняя Сентябрьскому пленуму ЦК, что всего лишь следует линии Коминтерна.

Какое-то время вызывающее поведение еще сходило Ли Лисаню с рук. Пленум констатировал, что, «несмотря на некоторый избыток честолюбия и отдельные ошибки, генеральная линия Политбюро правильна». Однако близилась буря. В октябре Москве стали известны детали некоторых сделанных Ли Лисанем осенью заявлений, в частности, его призывы к восстанию в Маньчжурии, неминуемо столкнувшему бы Советский Союз с Японией. В других он весьма неодобрительно отзывался о том, как Россия понимает положение дел в Китае.

Терпение Сталина лопнуло.

В разоблачительном письме, которое Шанхай получил в середине ноября, Коминтерн обвинял Ли Лисаня в проведении антимарксистской, антикоминтерновской и антиленинской линии. Несколькими днями позже, уже в Москве, Ли Лисань был вынужден принести униженное покаяние, весьма скоро ставшее известным всему Китаю. Нечто подобное в стране прозвучало лишь через пятнадцать лет.

Говорить о взглядах Мао в тот период довольно трудно. Он просто верил в то, что революция набирает силу — как в Китае, так и за его пределами. Попадавшие к коммунистам газеты кричали о Великой депрессии в США, о выступлениях промышленных рабочих в Европе, об антиимпериалистических восстаниях стран Азии и Латинской Америки. Громкие высказывания Мао о «взрыве революционной активности населения всей страны» не находили подтверждения в его собственных, довольно сдержанных действиях. После захвата Цзиани Мао неоднократно приходилось одергивать ретивых товарищей, полагавших, что Ли Лисань прав и армия должна штурмовать Наньчан, а затем Ухань. Нет, спорил он, главная задача сейчас — захватить власть в одной, отдельно взятой провинции — в Цзянси. Остальное придет позже.

Дискуссию о победоносном шествии Красной армии через всю страну оборвал Чан Кайши, заявивший, что в течение ближайших шести месяцев он навсегда покончит в Цзянси с «красной угрозой». Под свои знамена Чан собрал стотысячное войско, но и противостояли ему уже не те полуголодные партизанские отряды, которые удалось без особого труда выбить из Цзин-

ганшани зимой 1928 года. Тогда под началом Мао и Пэн Дэхуая стояли всего четыре тысячи человек, лишь половина которых имела в руках настоящее оружие. Сейчас же Первая фронтовая армия насчитывала сорок тысяч бойцов, вооруженных современными винтовками.

С точки зрения профессиональных военных, боевые качества этой армии оставляли желать много лучшего. Ее части состояли в основном из неграмотных крестьян, в войсковых лагерях приходилось повсюду вешать таблички «На землю не плевать!» и «Пленных не грабить!». Но примерно за год из этого грубого, необработанного материала политработникам Красной армии удалось создать идейно организованную и боеспособную силу.

В частях проводились уроки ликвидации неграмотности. Крепла дисциплина. Среди офицерского состава с успехом применялась система поощрений и продвижения по службе. К желающим вступить в ряды армии предъявлялись жесткие требования: «Возраст — от 16 до 30, рост — не менее 160 сантиметров, отсутствие серьезных заболеваний». Мао пояснял:

«Разборчивость была вынужденной: плохое зрение мешало целиться и стрелять, глухие не слышали приказов, ввалившиеся носы в большинстве случаев свидетельствовали о наследственном сифилисе, заики не могли общаться с командирами. Слабое здоровье не только означало неспособность вести бой, оно же служило источником заразы и для других».

На поле боя действовали звенья первой медицинской помощи, отдельные команды занимались выносом и погребением погибших. В армии существовали службы снабжения и транспорта, были ведавшие вопросами безопасности особые отделы, подразделения разведки и военной топографии.

Начиная с июня 1930 года Мао и Чжу Дэ ежедневно издавали по нескольку подробных приказов, определявших порядок ведения боевых действий, маршруты выдвижения войск, инструкции караулам и правила пересечения водных преград — словом, все то, что обеспечивало жизнедеятельность двадцати армейских подразделений. У обоих командиров появились адъютанты, на смену гонцам и боевым сигнальщикам пришли полевые телефоны.

И все же был аспект, в котором Красная армия безнадежно отставала от своего противника: боевая техника. После неудачной попытки захватить Чанша Мао приказал при малейшей возможности захватывать гоминьдановские радиостанции вместе с их персоналом; добытым в бою оружием врага комплектова-

лись пулеметные и артиллерийские расчеты. Однако Коминтерн по-прежнему считал любимое детище КПК «недовооруженным, страдающим от из рук вон плохо поставленной службы вещевого снабжения и чрезвычайной нехватки артиллерийских боеприпасов».

В 1930 году начался переход, причем во многом благодаря пресловутой «лилисаневщине», от партизанской войны к тактике мобильных военных действий. Для эффективного отпора готовившемуся Чан Кайши окружению армии требовалась совершенно новая стратегия. 30 октября на совещании Фронтового комитета возле деревни Лофан, в ста двадцати километрах к юго-западу от Наньчана, Мао впервые предложил принцип «глубокого заманивания противника». Суть его, как и у всякой серьезной идеи, была на редкость проста и являла собой лишь маленький шажок вперед от тактики, применявшейся еще в Цзинганшани: «Враг наступает — я отхожу; враг устал — я нападаю». Новая редакция звучала так: «Заманить противника в глубину территории советского района, измотать его, а затем уничтожить». В результате, говорил Мао, «мы выработаем тактику затяжной войны»:

«Противник стремится навязать нам войну короткую и быструю, но мы просто уйдем от нее. В его рядах неизбежны всяческие противоречия, поэтому он захочет как можно быстрее разбить нас и заняться своими внутренними конфликтами... Сделаем вид, что поддались на уловку, и, когда враг погрязнет в распрях, нанесем свой сокрушительный удар».

У предложения Мао оказалось немало критиков. Некоторые считали новую стратегию идущей вразрез с наступательной политикой, которую проводил Ли Лисань, и совершенно несовместимой с теорией «революционного подъема», а также директивой центра на захват крупнейших городов. Другие не без оснований опасались разрушительных для «красных зон» последствий прохода по ним войск националистов. Но после того как Чжу Дэ поддержал идею Мао, с ней согласился и Фронтовой комитет. На следующий день новый план боевых действий довели до командиров частей.

На протяжении шести недель армия Чан Кайши преследовала отступавшие по холмам центральных районов Цзянси отряды Красной армии. Коммунисты без боя отдавали врагу уезд за уездом: Цзишуй, Цзиань, Юнфэн, Лэань и Дунгу, зигзагом продвигаясь к югу — туда, где могли рассчитывать на наиболее мощную поддержку крестьянства.

В начале декабря Чан Кайши вступил в Наньчан. Две его дивизии перекрыли подходы к границе с Фуцзянью, а

главные силы по широкой, приблизительно в двести пятьдесят километров, дуге начали обход Красной армии, затаившейся в Хуанпи, почти в семнадцати километрах от противника.

Первая стычка вполне могла бы состояться перед Рождеством, за двое суток до тридцать седьмого дня рождения Мао. Третья армейская группировка под командованием Пэн Дэхуая рассчитывала из засады ударить по приближавшейся 50-й дивизии националистов. Однако разведывательный дозор, высланный ее командиром Тань Даоюанем, почувствовал неладное, и войска гоминьдановцев остановились. Через четыре дня план засады отменили.

Армия ушла к Лунгану, небольшому городку на юго-западе, куда накануне уже вступил другой авангард Чан Кайши — 18-я дивизия Чжан Хуэйцзаня. 30 декабря в десять часов утра началось сражение, которое заняло всего пять часов: Чжан, двое его бригадных командиров и девять тысяч солдат оказались в плену, бойцы Красной армии захватили более пяти тысяч винтовок и тридцать пулеметов. Узнав об этом, Тань Даоюань отдал приказ о спешном отступлении, но 3 января революционные силы настигли его под Дуншао и взяли в плен еще три тысячи гоминьдановцев. Красной армии достались великолепные трофеи: большое количество оружия и снаряжения, куда, к вящему удовольствию Мао, входила и радиостанция. Питание ей давали два ручных генератора, по тем временам это было последним достижением техники.

Чжан Хуэйцзаня приговорили к казни, после которой голову его прикрепили к широкой доске и пустили вниз по течению реки Гань — в назидание расположившемуся в Наньчане Чан Кайши.

У Мао есть все основания ликовать: практика триумфально подтвердила правильность его стратегии, к тому же в декабре он узнал о том, что 3-й пленум ЦК вновь ввел его кандидатом в члены Политбюро.

Но радость оказалась недолгой.

В середине января 1931 года член Постоянного Комитета Политбюро Сян Ин без всякого предупреждения прибыл в Сяобу, где находился штаб армии, с вестью о выборах нового Центрального Бюро партии во главе с Чжоу Эньлаем. Ничего не подозревавший Мао еще двумя месяцами раньше был, оказывается, назначен одним из секретарей Центрального Бюро. Это внушало оптимизм. Но то, что Сян прибыл, чтобы сменить Мао на всех его армейских постах, вселяло тревогу.

В прошлом профсоюзный деятель, Сян Ин был на четыре года старше Мао. Членом Постоянного Комитета он

стал на 6-м съезде партии, принявшем решение укрепить руководство рабочими кадрами. Задачу он имел очень простую: вернуть возникшую на территории армейской базы «красную зону» под непосредственный контроль ЦК КПК. Уже 15 января Сян распустил Фронтовой и Революционный комитеты, служившие надежной основой авторитета и полномочий Мао.

Перемена эта, впрочем, была довольно обманчива. Сян представлял интересы высших партийных сфер, но за Мао стояла вся армия. Стороны удовлетворились компромиссом: формально власть перешла в руки Сяна, на деле же рычагами двигал Мао.

Общее положение осложнялось развитием ситуации в Шанхае, где личный советник Сталина по Китаю Павел Миф созвал новый, 4-й пленум ЦК, который должен был окончательно заклеймить позором непокорного Ли Лисаня. Резолюция пленума, тогда еще не известная ни Сян Ину, ни Мао, в самых резких выражениях осуждала допущенные Ли ошибки. Делегаты утвердили некоторые кадровые перемены, но Мао они не затронули, как не затронули и Сян Чжунфа, оставшегося Генеральным секретарем партии. Уцелел и Чжоу Эньлай, умевший мастерски лавировать между всеми соперничавшими группировками. Лишился всех постов Цюй Цюбо, да и Сян Ин, сохранив свое членство в Политбюро, выбыл из состава его Постоянного Комитета.

Наиболее интересным кадровым моментом стало избрание в члены Политбюро Ван Мина — приземистого, с тяжелой нижней челюстью молодого человека, не являвшегося до этого даже членом ЦК.

Двадцатишестилетний Ван Мин был одним из наиболее способных среди группы китайских студентов, окончивших в Москве Университет Сунь Ятсена (руководимый тогда ректором П. Мифом). По возвращении зимой 1931 года в Шанхай почти все выпускники получили назначения в различные отделы ЦК КПК. Известные как «28 большевиков», или «китайская фракция Сталина», или просто «возвращенцы», эти молодые люди на протяжении последующих четырех лет стали ударной силой руководства партии.

Первые сообщения об участи Ли Лисаня достигли армии в марте 1931 года, а через три недели в «красную зону» из центра прибыла целая делегация во главе с Жэнь Биши. В январе ставший членом Политбюро, Жэнь привез с собой резолюции 4-го пленума и директиву, согласно которой — вплоть до особого распоряжения Постоянного Комитета — возглавляемый Мао ГФК остался в Цзянси высшим органом партии. Восстановлен и Революционный комитет; Мао в качестве его секретаря и Чжу Дэ как Вер-

ховный главнокомандующий получили всю полноту власти не только в Цзянси, но и во всех зонах действия Красной армии. Подобный шаг объяснялся не благосклонностью центра к фигуре Мао, а, скорее, его недоверием к Сян Ину, известному своими близкими отношениями с Ли Лисанем. Возвышение Мао должно было принизить авторитет Сяна.

В это время Чан Кайши приступил ко второй попытке окружить отряды Красной армии. Под его началом находилось уже более двухсот тысяч человек. Чан решил не изменять старой стратегии и двигаться главными силами с северо-запада — в расчете разбить силы «красных» между «молотом» своих войск и «наковальней» многочисленных милитаристских группировок, сосредоточенных вдоль границ с Гуандуном и Фуцзянью. Но теперь командование националистической армии стало намного осторожнее: перед тем как продолжить движение вперед, гоминьдановцы тщательно укрепляли уже занятые районы.

Мао вместе с Чжу Дэ с февраля наблюдали за приготовлениями Чан Кайши. Вследствие разногласий с Сян Ином по вопросу «глубокого заманивания противника» в условиях столь значительного его численного превосходства никакой четкой стратегии ответных действий предложено не было. Прибытие делегации Жэнь Биши лишь внесло дополнительную сумятицу. Высказывались предложения вообще оставить базу и переместиться в южные районы Хунани. Мао и Чжу выступили против, мнения других командиров разделились; вспыхнул старый спор о рассредоточении армии.

Тем временем колонны гоминьдановских войск продолжали неотвратимо надвигаться. В конце марта отряды Красной армии сосредоточились в уезде Нинду. События начали стремительно разворачиваться 17 апреля.

На следующий день после расширенного заседания Центрального Бюро, подвергшего критике действия Сян Ина, Мао добился своего и в вопросах военной стратегии. Отступление армии остановлено, совещание постановило превратить Цзянси в «основной район содействия продвижению советской власти по всей стране». Армия двигалась на север — для встречи с противником в наиболее уязвимом месте его обороны. Мао составил планы контрнаступления, цель которого — разорвать фронт гоминьдановцев и направиться на северо-восток в сторону Фуцзяни.

Спустя почти месяц с белых стен буддийского монастыря на вершине Байюньшань — Горы Белых Облаков — он наблюдал, как части 1-й армейской группировки Чжу Дэ рину-

лись по склонам холмов вниз, атакуя две гоминьдановские дивизии. Через час по условленному сигналу во фланги противника ударил Пэн Дэхуай. Бой закончился захватом более четырех тысяч пленных, пяти тысяч единиц стрелкового оружия, пятидесяти пулеметов, двадцати пушек и радиостанции — вместе с ее персоналом. В ходе успешного двухнедельного наступления Красная армия нанесла поражение еще нескольким вражеским подразделениям и заняла в Фуцзяни город Цзяньнин. Потери противника исчислялись тридцатью тысячами в живой силе и двадцатью тысячами винтовок. Войска Чан Кайши были разгромлены, он отдал приказ об отступлении.

На этом все споры о тактике действий Красной армии прекратились. Руки Мао и профессиональных военных оказались полностью развязаны.

Однако последствия победы едва не перечеркнули достигнутое. Пока «красные» оставались для Чан Кайши кем-то вроде горстки бандитов, он не слишком переживал, когда им удавалось уйти от наказания. Но внезапное появление боеспособной армии, обращающей в бегство его лучших генералов, было опасностью куда более серьезной. В спешном порядке Чан начал собирать пополнение, и к концу июня его уже трехсоттысячное войско было почти готово к третьей кампании.

Это стало полной неожиданностью как для Мао, так и для руководства партии в целом. Безусловно, уже с конца мая всем было понятно, что третьего удара гоминьдановцев не избежать, но никто не ожидал той скорости, с которой противник успел подготовить новую операцию. Во второй половине июня отряды Красной армии разошлись по всей Фуцзяни, занимаясь мобилизацией населения и сбором средств. Еще 28-го Мао рассчитывал, что у него в запасе есть два-три месяца, но 30-го в его распоряжении оставалось всего десять дней. Уже по истечении недели ЦК обратился к армии с экстренным письмом, предупреждая военных: «Третья схватка с Гоминьданом неизбежна, и будет она исключительно жестокой. Чтобы добиться победы, всем необходимо работать в десять раз напряженнее, чем раньше».

Два последующих месяца стали для Красной армии самыми трагичными.

Под личным командованием Чан Кайши главные силы националистов медленно продвигались на юг, повсюду возводя прочные оборонительные сооружения и принимая все меры к тому, чтобы не потерять в результате неожиданной атаки «красных» ни одно подразделение.

Десять дней у руководства Красной армии ушло на то, чтобы собрать разрозненные части и выстроить их в какое-то подобие боевого порядка. В середине июля отряды выступили, и тоже на юг — в надежде внушить следующим по пятам гоминьдановцам, что армия рассчитывает укрыться в Гуандуне. У Жэньтяня передовые колонны сделали петлю и свернули на север, в уезд Юйду, стараясь держаться в стороне от разведгрупп националистов, выбирая заброшенные дороги и едва заметные полевые тропы. В районе Дунгу Мао планировал устроить своими силами засаду на слабо защищенное подразделение западного фланга Чан Кайши и вынудить его призвать на помощь свои части с востока, а основные полки Красной армии атаковали бы в это время тылы противника. Принимая во внимание нехватку времени для отработки иных вариантов, это, по-видимому, являлось лучшим, что вообще имело смысл делать. И все же такой замысел слишком уж напоминал тактику предыдущей кампании. Чан Кайши был не настолько глуп, чтобы еще раз дать себя обвести вокруг пальца.

Заняв Нинду и Жуйцзинь, восточные колонны гоминьдановцев свернули на запад. Они все дальше углублялись в «красную зону», преследуемые редкими группами крестьян, постреливавших по ночам из древних кремневых ружей, рывших ямы-ловушки на узких горных тропах и убивавших из засад больных и раненых. Националисты отвечали тем же. Чжу Дэ позже вспоминал «дотла сожженные деревни с валявшимися тут и там трупами казненных жителей. Не щадили даже стариков и детей, а женщин насиловали — перед смертью или даже после нее».

В последнюю неделю июля измученные пятисоткилометровым маршем под палящим южным солнцем отряды Красной армии остановились на передышку в уезде Синго. 31-го главные силы получили приказ обойти под покровом темноты авангард противника и ударить в тыл западной колонны гоминьдановцев, находящейся примерно в пятидесяти милях от Синго. Совершив два ночных перехода, бойцы были уже готовы занять исходные позиции, когда Мао сообщили о том, что к противнику подошло подкрепление и атаку необходимо отменить.

Армия развернулась в обратную сторону, но нанесенный с трех сторон внезапный удар девяти дивизий противника загнал ее в узкий распадок, протянувшийся вдоль берега реки Гань.

4 августа Мао вместе с Чжу Дэ приняли решение прорываться с боем. Одна дивизия при поддержке вооруженных крестьян отвлекающим маневром ушла на запад, в сторону Хунани. Ее начали преследовать четыре дивизии гоминьдановцев. Но-

чью основные силы Красной армии просочились сквозь полосу боевых порядков, оставленных устремившимися в погоню националистами. Через два дня произошло первое крупное столкновение, в котором революционные силы нанесли поражение двум дивизиям Чан Кайши, а под Лунганом, на месте своей великой победы, одержанной в декабре, Красная армия разбила другое крупное подразделение Гоминьдана и захватила более семи тысяч пленных.

Однако Чан Кайши уже достаточно хорошо представлял себе тактику действий противника. Восемь его дивизий должны были сомкнуть вокруг красноармейцев плотное, без единой щели кольцо.

Мао опять решился на ловкий ход. Часть Первой армейской группировки под видом главных сил армии нанесла стремительный удар на севере. Кольцо окружения выдержало его. Единственный возможный путь ухода преграждала горная вершина, высящаяся между боевыми порядками двух дивизий националистов. Никакого боевого охранения на склонах горы не было: чанкайшисты посчитали ее неприступной.

В полночной тьме двадцатитысячная армия в пяти километрах от гоминьдановских караулов карабкалась по отвесным кручам, чтобы достичь сулящего безопасность горного уезда к северу от Дунгу.

Это был настоящий подвиг. Оказавшись на волоске от гибели, Мао осознал, что имеет дело с намного более опасным врагом, чем во время двух предыдущих военных кампаний. Он отдал приказ бросить всю громоздкую и тяжелую поклажу, резко сократить количество лошадей и предупредил бойцов, что у противника огромное преимущество в подвижности. Армия должна подготовиться к долгой и тяжелой борьбе, изнурительным ночным маршам; победа, говорил он, «будет определяться нашей способностью опередить его десяти-, если не стократно».

Спасение оказалось совсем рядом. Старые соперники Чан Кайши, Ван Цзинвэй и Ху Ханьмин, еще летом заключили союз с военными группировками Гуандуна и Гуанси и создали в Кантоне свое правительство, резко оппозиционное режиму Чана в Нанкине. В начале сентября это новое правительство направило свои войска в Хунань, являвшуюся как бы перекрестком, где вплотную сталкивались интересы Севера и Юга. Проигнорировать внезапно появившуюся угрозу Чан Кайши не мог. Забыв о Красной армии, он отдал своим войскам приказ готовиться отразить возможный удар с запада.

6 сентября Мао и Чжу Дэ с интересом наблюдали за тем, как отряды националистов выходили из Синго и уст-

ремлялись к северу. На прощание Чан Кайши увеличил награду за головы красных командиров — живых или мертвых — с пятидесяти до ста тысяч долларов.

Еще раз Мао получил все основания заявить, что его стратегия не только безошибочна — она победоносна. Красная армия уничтожила семнадцать полков противника, нанеся ему тридцатитысячные потери в живой силе: убитыми, ранеными и взятыми в плен. У коммунистов остались районы двадцати одного уезда на юге Цзянси и западе Фуцзяни с общим населением более двух миллионов человек. Но и Красная армия в отличие от первых двух столкновений с Гоминьданом понесла значительный урон. Войска Чан Кайши так до конца и не были разбиты. Победа досталась партии как бы сама собой.

18 сентября 1931 года японская армия оккупировала Маньчжурию. Весь следующий год внимание Чан Кайши привлекали уже совсем другие проблемы. Но и он понимал, что начатое в Цзянси требовало продолжения. Обе стороны сознавали: впереди их ждут новые бои.

После распада единого фронта с Гоминьданом прошло четыре года. Партия взяла курс на вооруженное восстание. Лидеров китайской революции — Цюй Цюбо, Ли Лисаня, Чжоу Эньлая и Мао Цзэдуна — объединяла неугасимая вера в скорую победу, в то, что недалек тот день, когда Китай превратится в мощную коммунистическую державу.

Различными были лишь их взгляды на методы и сроки. Но в революции методы и сроки решают все.

Болезненный молодой литератор Цюй Цюбо, любитель Толстого и Тургенева, и Ли Лисань, видевший смысл своей жизни в борьбе за коммунизм, были убеждены в неизбежности прихода всесочищающей мировой революции. В 1935 году в письме из гоминьдановской тюрьмы, написанном незадолго до казни, Цюй признавался: если бы он остался у руля партии, то повторил бы все ошибки Ли Лисаня. «Разница между нами заключается в том, что мне не хватает его решительности — то есть его мужества», — признался Цюй.

Деятельности Ли Лисаня, одержимого идеей «высокого революционного подъема», Коммунистическая партия Китая обязана значительным укреплением своего боевого духа. Успевший стать незаменимым исполнителем, Чжоу Эньлай с присущим ему организационным талантом проводил в жизнь тот курс, который указывала партии Москва. Но доминировали в этой

8 Зак. 1137

четверке взгляды самого прагматичного из них — Мао, пусть даже и впадавшего время от времени в явный романтизм.

К 1931 году по двум главным спорным вопросам — роли Красной армии в революции и взаимоотношений между городом и деревней — партия приняла точку зрения Мао. Меры, принятые 4-м пленумом ЦК КПК в отношении Ли Лисаня, равно как и данная 6-м съездом партии оценка взглядов Цюй Цюбо, свидетельствовали о безусловной победе линии Мао. Пленум признал, что выработанная Ли и Чжоу политика действий партии «абсолютно не учитывала настоятельной необходимости консолидации сил на территории «красных зон», принижала значимость тактики партизанской войны и исходила из авантюристической и догматической стратегии захвата армией больших городов». Лучше не сказал бы и сам Мао.

Летом Коминтерн пришел к выводу, что «движущей силой революции в ближайшем будущем станет Красная армия, она превратится в тот организационный центр, куда устремятся все силы революционных рабочих и трудового крестьянства». Это, в свою очередь, определило и главные задачи партии: дальнейшее укрепление армии, расширение «красных зон», создание новых властных органов — Советов и мобилизация на борьбу рабочих и крестьян в гоминьдановских «белых зонах». Поскольку размах крестьянского движения намного превосходил масштабы выступлений рабочих, деятельность партии в городах должна направляться на всемерную поддержку советских районов в сельской местности.

О вооруженных восстаниях в городах резолюция Коминтерна и не упоминала.

ГЛАВА 8

ФУТЯНЬ: ПОТЕРЯ НЕВИННОСТИ

Переход после 1927 года к стратегии, навязанной партийному руководству практическими нуждами революции и необходимостью выжить, сопровождался фундаментальными переменами в природе самой партии.

Лидеры КПК называли процесс преобразований «большевизацией», и термин этот довольно точно передавал суть: нововведения сознательно преследовали цель претворить в

жизнь практику большевиков и создать сильную, централизованную политическую машину. Сказывались и иные факторы. Развернутая Сталиным кампания против Троцкого и Бухарина явила собой образец внутрипартийной борьбы, по законам и логике которой в конце 1929 года в троцкизме были обвинены Чэнь Дусю и Пэн Шучжи. Через пятнадцать месяцев правоуклонистами назовут Хэ Мэнсюна и Ло Чжанлуна — близкого друга Мао со времен учебы в Чанша.

И без того напряженная атмосфера еще более раскалялась жестокостью китайской революции. «Белый террор» в городах (где с середины 1927 года власти начали безжалостно истреблять коммунистов) и в деревне (где отряды милитаристов и помещичья полиция сжигали дотла дома заподозренных в сочувствии к КПК) накладывался на постоянную для «красных зон» опасность уничтожения армиями националистов.

К моменту состоявшегося в середине 1928 года 6-го съезда партии тактика принуждения и насилия уже была признана неэффективной. После захвата в апреле 1928-го города Тинчжоу Мао заверял ЦК в том, что весть о сожжении Красной армией пятисот домов и казни более тысячи горожан является «не заслуживающим доверия вымыслом, поскольку на самом деле были расстреляны всего пять настоящих реакционеров и сожжены пять домов». Террор должен стать неотъемлемой частью революционного дела, говорил он, «для расправы с помещиками и их приспешниками Красной армии необходимы карательные отряды». Однако террор этот может быть направлен исключительно против классового врага.

Предостережения остались без внимания, и довольно скоро революционное рвение стерло различия между врагами и сторонниками построения нового светлого будущего страны. Меры исключительные становились повседневной нормой.

Рубикон был перейден в феврале 1930 года на расширенном совещании Фронтового комитета в Питоу. Созванное Мао совещание для обсуждения лилисаневской тактики захвата крупных городов особо остановилось на, казалось бы, очень узком вопросе: жизнь партийных организаций в районах, прилегающих к Дунгу и Цзиани. Подписанный Мао документ Фронтового комитета пояснял:

«В партийных организациях на севере и юге провинции сложилась критическая ситуация. Руководящие партийные органы всех уровней переполнены крупными землевладельцами и зажиточными крестьянами и проводят откровенно оппортунистическую политику. Без срочного очищения своих рядов мы не сможем

продвигаться к намеченным партией величайшим целям, делу революции будет нанесен тяжелый удар. Всем сознательным коммунистам необходимо подняться и свергнуть всевластие оппортунистического руководства, изгнать из своих рядов представителей господствующих классов и... активно большевизировать партию».

За политической фразеологией скрывались две проблемы. Руководители местных парторганизаций в штыки встречали все попытки Мао усилить власть состоявшего в основном из хунаньцев Фронтового комитета и оказывали значительное противодействие жесткому курсу земельной реформы, которая грозила благосостоянию их семей.

Для Мао все они были «узколобыми верхоглядами», ставившими свои клановые интересы выше интересов партии. Либо эти «оторвавшиеся от масс партийные бонзы» подчинятся коллективной воле, либо будут уничтожены.

Совещание приняло решение распустить руководящие органы местных партийных организаций и учредить новый Специальный комитет юго-западных районов Цзянси. Во главе его встал Лю Шици, молодой хунанец, женатый на сестре Хэ Цзычжэнь. Секретная директива совещания предписывала физическое устранение наиболее одиозных, на взгляд Мао, фигур, известных как «Великая четверка из Цзянси».

Почему Мао решил нарушить неписаный закон, по которому не полагалось убивать своих товарищей по партии? Ключ к ответу можно найти в резолюции, составленной шестью неделями раньше в Гуйтяне. Она содержала суровое предупреждение тем членам партии и бойцам Красной армии, кто испытывал «присущее индивидуалистам отвращение» к дисциплине: «Вы превращаетесь в пособников контрреволюционеров». Из этого чисто сталинского оборота Мао со временем создал стройную и гибкую теорию «антагонистических противоречий между нами и противником» — наряду с «обычными противоречиями среди трудового народа». Но в 1930 году еще было достаточным просто заявить, что коммунисты, не согласные с политикой партии, автоматически попадают в разряд «врагов» и заслуживают соответственного отношения. Процедура «юридического» доказательства политической вины представляла собой театр абсурда, постановки которого служили высокой цели воспитания масс. В ходе подготовки спектакля партийные лидеры, и Мао в том числе, заявляли, что обвиняемый предстанет перед «открытым судом и будет приговорен к смерти» (возможность других наказаний дух резолюции и не предполагал).

Для Китая юридическая правомочность власти всегда была слабым местом, взятые же партией на вооружение принципы большевизма искоренили даже то немногое, что имелось.

Открытая поддержка Мао принципов революционного насилия внутри партии явилась шажком к той дороге, по которой он пошел десятью годами позже, когда понял, что отрицавшийся в юности за приверженность к крайним мерам марксизм — это единственный путь к спасению страны. Табу на убийство товарища отмирало постепенно: сначала в теории — если вспомнить, как Мао защищал жестокость крестьянской жакерии в Хунани. Затем и на практике — в ходе боевых действий. Теперь же, в 1930 году, определение «врага» становится в устах Мао совершенно расплывчатым.

Сделанный им «шажок» имел весьма далеко идущие последствия для армейских организаций и всей партии в целом.

Получив благословение на чистку, Лю Шици с охотой принялся за работу, и через несколько месяцев из рядов партии были исключены сотни помещиков и крепко стоящих на ногах крестьян. В мае в партийной документации впервые начали появляться упоминания о таинственной организации «АБ-туаней»*, члены которой прокрались в руководство парткомов уездов Цзиань, Аньфу, Юнфэн и Синго. Эта организация, известная позже как «Антибольшевистская лига» (буквы «А» и «Б» означали соответственно высший и низший уровень членства, наподобие степеней посвящения у масонов), состояла из представителей крайне правого крыла Гоминьдана. Основанная в Цзиани в 1926 году, лига была почти неизвестна за пределами Цзянси, где наряду с другими реформистскими движениями она пыталась противостоять росту влияния коммунистов. Вступление в политическую схватку новой силы логически вполне объяснимо, сомнения вызывало лишь количество членов лиги.

К октябрю, когда отряды Красной армии захватили Цзиань, более тысячи коммунистов в юго-западных районах провинции Цзянси были приговорены партией к смерти как «тайные агенты "АБ-туаней"».

Какую роль в их «разоблачении» сыграл Мао, сказать трудно. На первый взгляд, существуют свидетельства его непосредственного участия. Даже если не принимать во внимание тесную связь Мао с Лю Шици, Фронтовой комитет нес полную ответственность за работу Специального комитета юго-западных районов Цзянси. В июле, когда Красная армия продвигалась на север, к Наньчану,

* Иероглиф «туань» в переводе с китайского означает «группа, организация». — *Примеч. пер.*

Мао получал подробные разведывательные донесения о деятельности «АБ-туаней». Но в то время широкие аресты ее членов еще не сопровождались их массовыми казнями. Партийная чистка становилась по-настоящему кровавой лишь после ухода армии.

Толчком послужило возвращение в Цзянси Ли Вэньлиня, чьим отсутствием и объяснялся стремительный взлет Лю Шици. Выходец из зажиточной крестьянской семьи, тридцатилетний Ли Вэньлинь был одним из основателей «красной зоны» в Дунгу и произвел на Мао самое положительное впечатление еще весной 1929 года, когда армия, уходя от преследования чанкайшистов, пришла на юго-запад провинции. Летом на совещании руководителей советских районов в Шанхае Ли Вэньлинь завязал дружбу с Ли Лисанем. В августе, пока Мао находился в поездке по Хунани, он сменил Лю Шици на посту секретаря Специального комитета, который принял курс Ли Лисаня на захват армией городов и решение о проведении радикальной земельной реформы. Вскоре после этого Ли Вэньлинь стал и руководителем провинциального «комитета действия».

Одним из первых актов новых властных структур стал приказ о применении «самых жестоких пыток» с целью выявления агентов «АБ-туаней». В тексте приказа подчеркивалось, что допросам должны быть подвергнуты и те, кто «в своих словах представляются нам самыми преданными, прямодушными и положительными товарищами». Число казненных росло день ото дня, поскольку каждое признание вело к арестам новых жертв, а каждая жертва на допросах тоже не молчала. Когда в октябре Мао приезжал в Цзиань, то столкнулся с ситуацией намного более запутанной и сложной, чем та, какой он представлял ее себе в начале чистки. Если в то время проблема заключалась лишь в просочившихся в местные парткомы «крупных землевладельцах и зажиточных крестьянах», то сейчас Мао сообщил в ЦК, что «на руководящих постах остались лишь гоминьдановские агенты, занятые организацией покушений*, пытающиеся установить связь с «белыми» армиями и строящие заговор с целью уничтожения очагов советской власти».

В ответ на их действия Мао принял решение об углублении чистки. 26 октября вместе с Ли Вэньлинем он обратился с призы-

---

* Ссылка на покушения никак не пояснена; вероятно, Мао имел в виду два инцидента: гибель старых друзей по Цзинганшани Юань Вэньцая и Ван Цзо, застреленных при странных обстоятельствах, и убийство другого своего сторонника — Вань Сисяня. В обоих случаях имелись подозрения, что в их смерти были замешаны партийные руководители провинции Цзянси. — *Примеч. авт.*

вом «изгнать богатеев-контрреволюционеров из местных советских органов, казнить всех агентов Гоминьдана и начать активную кампанию по выявлению враждебных элементов в Красной армии».

Через четыре дня наметившееся было единство действий Мао расколол сам, предложив партийным организациям провинции тактику «глубокого заманивания противника». Для тех, чьи деревни стояли на маршрутах продвижения гоминьдановских войск, новый курс нес смертельную опасность, в которой окажутся с приходом врага их ближайшие родственники, дома и угодья. Когда Красная армия начала отступать на юг перед надвигавшимися отрядами Чан Кайши, в частях запахло мятежом.

В Хуанпи, где армия должна была перегруппировать силы и заняться подготовкой к предстоящим боям, политотделы приступили к так называемой кампании по консолидации, в ходе которой предполагалось избавиться от всех, кто вызывал хотя бы малейшие сомнения. Первым не выдержал допроса командир полка Гань Личэнь. После жестоких побоев он признался в том, что являлся агентом «АБ-туаней». Ничего другого от него и не требовалось. Перед лицом превосходящих сил противника Красная армия начала погружаться в бездны чистки.

Языки ее пламени беспристрастно пожирали бойцов и командиров, в каждой части были созданы «комитеты по борьбе с контрреволюционными элементами». Из воспоминаний Сяо Кэ, командира дивизии, ставшего впоследствии одним из высших военачальников Национально-освободительной армии Китая:

«В то время почти все силы я отдавал проблеме агентов Гоминьдана. В моей дивизии были расстреляны шестьдесят человек... Дивизионный партком принял решение прибавить к ним еще столько же. На следующее утро я отправился на доклад в Военный совет 4-й армии. Там мне заявили: «Вы и так уже хорошо поработали. В отношении тех, чье рабоче-крестьянское происхождение не вызывает сомнений, можно ограничиться лишь признанием...» Когда я вернулся в расположение дивизии, арестованных уже вели на казнь. Я предложил парткому отложить ее и вновь рассмотреть их дела. В результате более тридцати человек были освобождены, но оставшихся расстреляли. Всего же из семи тысяч личного состава 4-й армии на казнь отправились от тысячи трехсот до тысячи четырехсот человек».

Из страха показаться слабовольными политработники пытались превзойти в своем рвении друг друга. Один из них приговорил к расстрелу четырнадцатилетнего подростка — за обеды, которые тот приносил офицерам, позже разоблаченным как «агенты Гоминьдана». Ребенка спасло вмешательство политкомис-

сара армии. После допроса командира одной из рот перестало существовать все его подразделение. Чуть более недели ушло на то, чтобы почти четыре с половиной тысячи бойцов и командиров Первой фронтовой армии признались в тайных связях с Гоминьданом. Более двух тысяч из них были расстреляны.

Начавшийся девятью месяцами ранее спор о земельной реформе, подогретый соперничеством между хунаньцами и выходцами из Цзянси, вызвал к жизни кровавое чудовище партийной чистки.

Категории «богатей», «контрреволюционный элемент» и «агент Гоминьдана» стали, по сути, неразличимы. На тончайшие местные различия накладывался суровый отпечаток идеологической подоплеки диспута между Мао и Ли Лисанем, чью точку зрения поддержали провинциальные лидеры партии. В охватившей армию паранойе обвинение в принадлежности к «агентам Гоминьдана» было отличным средством покончить с теми, кто позволял себе усомниться в правильности стратегии, предложенной Мао. Чистка стала для его оппонентов настоящей кровавой баней. Впереди Красную армию ждали события в Футяни.

Небольшой торговый городок Футянь лежит на берегу Фушуй, притока реки Гань, на западном склоне Байюньшань. У древнего каменного моста полощут выстиранное белье женщины; по пологому склону поднимаются кривые улочки, застроенные серыми кирпичными домиками, кое-где видны несколько лавок.

С вершины горы, покрытой зарослями бамбука, сосен и пихты, можно рассмотреть поселки четырех соседних уездов. Среди папоротников звонко журчат струи горных ручьев. Летом на лежащих внизу рисовых полях гнут спины худые и низкорослые крестьяне в широких соломенных шляпах, дающих хоть какое-то укрытие от беспощадных лучей солнца. Зимой долина превращается в вязкое море грязи. Дорога из Дунгу становится непроходимой, и попасть сюда можно лишь по равнине с запада или, в высокую воду, по реке.

После ухода Красной армии из Цзиани «комитет действия» провинции Цзянси разместился в Футяни.

В воскресенье, 7 декабря 1930 года, во главе роты бойцов из Хуанпи прибыл один из политработников Мао — Ли Шаоцзю. Он привез два письма ГФК, адресованные представителю провинциального руководства Цзэн Шаню и начальнику отдела пропаганды «комитета действия» Чэнь Чжэнжэню. Оба — твердые сторонники Мао, обоим приказано взять под арест Ли Бофана (предполагаемого резидента агентурной сети Гоминьдана в «комитете действия»),

Дуань Лянби (его подчиненного) и Се Ханьчана (начальника политотдела 20-й армии и тоже агента Гоминьдана). Имена были под пыткой названы их раскаявшимися сообщниками.

Верный чувству долга, Ли Шаоцзю окружил штаб. Десяток вооруженных бойцов вывели из него трех подозреваемых и пять других членов «комитета действия». Каждому из арестованных было чуть больше двадцати. На вопрос о причине ареста Ли лаконично достал из кобуры пистолет.

В сопровождении роты восьмерых мужчин доставили в особняк, где в прежние времена заседал местный суд. Стену зала украшало шелковое полотнище с вытканными золотом иероглифами: «Обитель искренности и справедливости».

Сбоку от невысокого помоста — просторная, отделанная деревом ниша, в которой на протяжении веков служители закона во славу императора пытками вершили правосудие. Устроившись в кресле председателя, Ли начал допрос с Дуань Лянби. Позже в своих воспоминаниях Дуань написал:

«Он спросил меня:

— Дуань Лянби, ты — агент Гоминьдана? Имей в виду, признание избавит тебя от пытки.

Я твердо ответил:

— Вы знаете мою биографию и то, как я работал. Ведите свое расследование. Если бы я был агентом Гоминьдана, я совершил бы преступление против пролетариата. В таком случае можете вообще ко мне не прикасаться — просто дайте оружие, и я сам пущу себе пулю в лоб.

Ли бросил:

— У меня нет возможности вступать с тобой в дискуссию, зато есть семь видов пытки, — и пустился в подробный рассказ о том, что меня ждет.

Я сказал:

— Начинайте. Мне нечего бояться. Что бы вы ни делали, я...

Он не дал договорить, приказав солдатам сорвать с меня одежду и поставить на колени. Первая пытка называлась у них «взорвать пехотную мину»*. Затем они жгли мое тело свечами для

* Скорее всего это были удары ногами в пах. Подобные методы использовались не только коммунистами, но и гоминьдановцами — вплоть до середины 30-х годов. Даже современные термины типа «полета на самолете» (во времена «культурной революции» — «полет в космос») означали, что истязуемого подвешивали на блоке за связанные за спиной в кистях руки. Такая практика была в ходу на протяжении веков. — *Примеч. авт.*

благовоний... Я подумал: что ж, пусть меня замучат до смерти. В этом мире смерть все равно неизбежна. Вопрос только в том, как ее принять. Большие пальцы обеих рук были сломаны и болтались на полосках кожи. Обожженное тело представляло сплошную рану. Я истекал кровью.

Удары внезапно прекратились, и я услышал голос Ли:

— Лянби, я вижу, ты хочешь умереть, но это вовсе не то, что мне нужно. Сначала тебе в любом случае придется признать свое предательство и чистосердечно рассказать все о вашей шпионской сети. Иначе ты очень долго будешь висеть между жизнью и смертью».

Подобные методы вовсе не были плодом извращенной фантазии палача Ли Шаоцзю — он всего лишь следовал инструкции Фронтового комитета, одобренной лично Мао: «Со смертью ответственных работников не спешить; выжать предварительно из них максимум информации... Пользуясь ею, можно сделать более разговорчивыми других арестованных...»

Эта практика применялась повсюду. Проведенное партией через полтора года расследование пришло к выводу: «Все дела об агентах Гоминьдана были раскрыты на основе признаний обвиняемых. В ходе получения и проверки сведений не всегда проявлялось должное терпение... В основном использовался метод «кнута и пряника». «Пряник» означал признание, полученное путем хитрости, бамбуковой же плетью обвиняемого, подвешенного за связанные за спиной руки, избивали до тех пор, пока он не начинал говорить. Если это не приводило к желаемому результату, в ход шли свечи для благовоний или керосиновая лампа. Наиболее мучительной была пытка, при которой ладони арестованного прибивали к столу, а затем загоняли ему под ногти тонкие бамбуковые иглы. Каждая из пыток имела свое название: «посадить в седло», «полет на самолете», «лягушка утоляет жажду», «обезьяна хватает себя за почки»... Пытки являлись единственным способом получить признание от упорствующих».

Как и многие другие, признался и Дуань; свою совесть он мог успокаивать тем, что назвал своими сообщниками лишь семерых арестованных вместе с ним. Имевший фотографическую память Ли Бофан избрал иной путь и привел своих мучителей в замешательство списком едва ли не из тысячи фамилий.

Утром 8 декабря Ли Шаоцзю, пользуясь полученной в ходе допроса информацией, продолжал аресты, и в допросах уже принимал участие Цзэн Шань — вместе с Бо Гу, прибывшим из Хуанпи секретарем Мао. К концу недели в бамбуковых

клетках, установленных во дворе здания суда, томились сто двадцать человек, среди них жены Ли Бофана и других подозреваемых. Женщин пытали с еще большей жестокостью: солдаты резали им груди и жгли половые органы.

Затем, повинуясь инструкциям Фронтового комитета, Ли Шаоцзю отправили в Дунгу для участия в чистке 20-й армии. Здесь его ждала роковая ошибка. Среди названных Се Ханьчаном заговорщиков оказался командир батальона Лю Ди. Выходец из Чанша, он умудрился убедить своего земляка Ли в том, что пал жертвой клеветы. Но, выйдя на свободу, Лю Ди поднял мятеж и повел колонну из четырехсот бойцов на штурм здания суда. После длившегося всю ночь боя, в котором было убито более сотни охранников, тяжелые ворота судебного присутствия раскрылись, и искалеченные, но живые члены «комитета действия» обрели спасение.

На экстренном заседании они решили отвести 20-ю армию за реку Гань в Юнъян — подальше от цепких рук Мао. На площади перед зданием суда развевались транспаранты: «Долой Мао Цзэдуна! Поддержим Чжу Дэ, Пэн Дэхуая и Хуан Гунлюэ!» В ЦК партии ушел призыв освободить Мао от всех занимаемых постов. Когда весть об этом достигла Хуанпи, командующие трех армий заявили о своей солидарности с Мао и отказались поддержать требования бунтовщиков. Попытки внести раскол в высшее армейское руководство продолжались в виде писем, утверждавших, что Мао приказал Бо Гу собрать показания, свидетельствующие о принадлежности Чжу, Пэна и Хуана к агентурной сети Гоминьдана. Видимо, измышления были слишком грубыми, чтобы им поверили; Фронтовой комитет обвинял руководителей мятежа в антипартийном заговоре и попытке разложить армию. Возникла патовая ситуация: 20-я армия на одном берегу реки Гань, верные Мао части — на другом. Каждая из сторон считала себя истинным проводником политики партии.

Ни события в Футяни, ни лившаяся рекой кровь в армии не могли остановить Мао, решительным образом громившего войска Чан Кайши, который предпринял первую попытку окружить революционные силы. Более того, трагедия, похоже, способствовала успеху коммунистов: прошедшие горнило чистки бойцы и командиры превратились в спаянную железной дисциплиной силу, готовую костьми лечь на пути врага.

Однако о снисхождении к вероотступникам из Юнъяня не могло быть и речи. Когда в начале 1931 года Сян Ин прибыл в базовый лагерь «красной зоны», первой его задачей стало

нейтрализовать «футяньских демонов». Укрепивший свой авторитет последними победами, Мао чувствовал, что пролитой крови уже достаточно. Арестованный в Хуанпи Ли Вэньлинь был освобожден с испытательным сроком, а Ли Шаоцзю отделался выговором за «превышение должностных полномочий». 16 января 1931 года новый состав Центрального Бюро, назвав инцидент в Футяни «антипартийным выступлением одиночек», объявил об исключении из партии Лю Ди и четырех других главарей мятежников. В решении отмечалось, что «до сих пор отсутствуют всякие доказательства принадлежности бунтовщиков к агентам Гоминьдана». На протяжении последующих шести недель Сян Ин попытался навести мосты, роняя осторожные намеки на то, что обманутые могут рассчитывать на объективную партийную оценку их действий.

Для Мао такой подход был равнозначен самоотречению, слова Сян Ина приводили его в ярость, ведь основной причиной событий в Футяни стала фракционная борьба. Однако в вопросе обоснованности кампании против гоминьдановской агентуры Сян Ин безоговорочно поддержал точку зрения Мао, как и большинство членов партии в целом. Аресты подозреваемых продолжались весь январь и февраль. Даже засевшие в Юнъянс, заверяя руководство в своей невиновности, признавали, что репрессии были необходимы:

«Мы не отрицаем: гоминьдановская агентура создала в Цзянси разветвленную организацию, щупальца которой протянулись и в советские районы. В борьбе с нею мы принимали самое активное участие... Товарищ Дуань Лянби был первым, кто открыто выступил против агентов Гоминьдана в Специальном комитете провинции Цзянси. Теперь его же обвиняют в предательстве...»

То, что бывшие руководители «комитета действия», пройдя через пытки, все же находили в себе силы ратовать за продолжение чистки, говорит многое о царивших в «красной зоне» умонастроениях. В марте 1931 года большинство лидеров мятежников сложили оружие и покорились воле партии, уверенные в том, что справедливость восторжествует.

К несчастью, их возвращение в лоно совпало с известием об участи Ли Лисаня. Новое шанхайское руководство заняло в отношении футяньских событий крайне жесткую позицию. Происшедшее рассматривалось теперь как «продолжение антикоминтерновской, антипартийной линии Ли Лисаня», направленной на «развал Красной армии и уничтожение советских районов». В апреле Лю Ди предстал перед военным трибуналом. Комиссия под председательством Чжу Дэ приговорила его к смертной казни, и

Лю Ди был обезглавлен. Тогда ему еще не исполнилось и двадцати пяти лет. Такое же суровое наказание постигло Ли Бофана и двух других восначальников.

Правильность выбранного курса подтвердило расширенное совещание Центрального Бюро партии, проходившее под бдительным оком делегатов 4-го пленума:

«Агенты Гоминьдана создали внутри КПК собственную маленькую партию и под флагом революции развернули оголтелую контрреволюционную деятельность. Закономерен вопрос: как такое стало возможным? Главные причины этого заключаются в следующем: крупные землевладельцы и зажиточное крестьянство обнаружили, что просочиться в ряды партии не составляет особого труда... С развитием революции эти элементы неизбежно пойдут дорогой предательства. Кроме того, партия следовала глубоко ошибочной политической линии Ли Лисаня. Третий момент: в прошлом мы не уделяли достаточно внимания очищению наших рядов от прокравшихся враждебных элементов. Разоблаченных агентов расстреливали на месте — вместо того чтобы получить от них ценную информацию о сообщниках... Вот почему здоровый организм партии оказался пораженным изнутри столь опасной болезнью...»

Возглавлявшийся Мао Фронтовой комитет был удостоен самой высокой похвалы за правильный, политически выверенный курс и четкую классовую позицию в вопросе о футяньском мятеже. На себя же Центральное Бюро наложило суровую епитимью за «примиренческую политику в отношении Ли Лисаня и глубоко ошибочный подход к оценке событий в Футяни, спровоцировавший в партийных организациях всех уровней обывательски благодушную реакцию на присутствие в их рядах агентов Гоминьдана».

Резолюция, в которой говорилось о том, что «линия Ли Лисаня и деятельность «АБ-туаней» являются двумя сторонами одной медали», давала в руки Мао и нового партийного центра огромные преимущества. Теперь у Мао имелись все основания заявлять, что цель чистки — вовсе не искоренение фракционных разногласий, но защита принципиальной линии партии. Вернувшаяся из России в Шанхай когорта сталинистов ставила основной своей задачей углубить процесс большевизации партии, для чего в первую очередь требовалось выявить сторонников Ли Лисаня и сломить скрытое сопротивление вольнодумцев. Другими словами, КПК предстояло стать послушным орудием проведения в жизнь принципов ленинизма. Сведенное лишь к проискам гоминьдановской агентуры все многообразие оппозиционных взглядов и течений значительно облегчало выполнение этой грандиозной миссии.

Начавшаяся незадолго до совещания чистка в результате приняла невиданные масштабы. Несмотря на неоднократные попытки ввести ее в контролируемое отделами политической безопасности русло, необразованные, часто неграмотные чиновники местных комиссий по чистке обрели прямо-таки безграничную власть. Смерть приходила к людям без всякого предупреждения. Инспектор ЦК КПК сообщал:

«Те, кто выражал недовольство политикой партии во сне, кто не хотел нести транспаранты с лозунгами, держался в стороне от массовых шествий или не являлся на партийные собрания... арестовывались как агенты «АБ-туаней». Население пребывало в таком страхе, что многие отказывались от предлагаемой новой работы даже в тех случаях, когда их ждало повышение — риск быть обвиненным в пособничестве АБ-туаням для новичка всегда выше... В разгар чистки опасность представлял даже обычный разговор с собеседником. Простые члены партии часто не ходили на собрания, если на них не присутствовал какой-нибудь высокий чин, который мог бы потом подтвердить, что именно говорили и слушали присутствовавшие.

Во второй половине лета отдел политической безопасности провинции Цзянси внес предложение об аресте каждого зажиточного крестьянина с целью выяснения его принадлежности к «АБ-туаням». Работники отдела прямо говорили о том, что лучше расстрелять сотню невиновных, чем оставить на свободе одного злодея... Партийные и революционные органы были абсолютно вольны арестовывать, допрашивать, выносить и приводить в исполнение приговоры. Преданность делу революции доказывалась лишь активным участием в объявленной на «АБ-туаней» охоте».

Когда допрашиваемых начинали пытать с целью получить от них детали организации агентурной сети, большинство называли своих знакомых либо пытались вспомнить фамилии партийных чиновников. Чтобы хоть как-то обезопасить себя от наветов, последние глубоко в столы прятали нагрудные значки со своими именами.

В ходе третьей кампании Чан Кайши у партийных следователей уже не оставалось времени для допросов. Некоторые части Красной армии объявляли своеобразную перекличку: признавшимся в принадлежности к «АБ-туаням» гарантировалось прощение, отрицавшие свою с ними связь подлежали расстрелу.

В июле подразделения 20-й армии, которые после футяньских событий ушли в Юнъян, получили срочный приказ вернуться в базовый лагерь, чтобы дать отпор наступавшим

отрядам Чан Кайши. 23-го числа у Пинаньчжая, в тридцати пяти километрах от Юйду, они соединились с частями Мао. Их командир Цзэн Бинцюнь, поддерживавший связь с Центральным Бюро, был уверен в том, что политическая буря миновала его подчиненных. Но вскоре прибывших разоружили, а командиров, в том числе и самого Цзэн Бинцюня, арестовали; рядовых бойцов перевели в другие части. Через несколько часов 20-я армия просто перестала существовать. Никогда больше в вооруженных силах нового Китая не звучало ее наименование.

Месяцем позже военный трибунал под председательством Мао объявил перед многотысячной толпой в городе Байша смертный приговор Ли Вэньлиню, Цзэн Бинцюню и трем его офицерам.

Об общем количестве казненных в ходе продолжавшейся все лето и начало осени 1931 года чистки можно только догадываться. Ее жертвами пали четыреста военнослужащих 20-й армии и сотни бойцов и командиров 35-й армии, набранной из жителей Цзянси. А ведь были и другие подразделения. Только в трех уездах из имевшихся в Цзянси двадцати провинциальная партийная организация лишилась трех тысяч четырехсот своих членов. В сентябре инспектор ЦК КПК сообщал в центр, что «девяносто пять процентов ответственных работников парткомов и Лиги молодежи юго-западных районов Цзянси признались в связях с «АБ-туанями». Те из современных китайских историков, кто располагает более или менее объективной информацией, называют цифру в «несколько десятков тысяч» человек.

Ближе к концу года, когда сомкнутое националистами вокруг Красной армии кольцо окружения начало ослабевать, кампания чистки пошла на убыль, и первые роли в ней играл уже не Мао. В декабре он прилагал все усилия для обеспечения более действенного глобального контроля и составил «Временную процедуру учреждения юридических органов и рассмотрения дел контрреволюционеров». Цель — «защита прав трудового народа». Документ лишал чиновников низшего ранга права выносить приговоры, предусматривал возможность апелляций и запрещал применение пыток. В отсутствие других новые правила получили широкое одобрение, хотя и содержали множество туманных формулировок и лазеек. Они четко определяли, что решающим фактором для вынесения решения о наказании виновного служит его классовое происхождение. Этому принципу была суждена долгая жизнь. Землевладельцы, зажиточные крестьяне и другие «социально

опасные последыши капитализма» заслуживали смерти; «дети трудового народа» получали шанс начать новую жизнь.

В январе 1932 года из Шанхая в качестве секретаря Центрального Бюро приехал Чжоу Эньлай. На повестке дня впервые официально встает вопрос о масштабах и методах чистки:

«Убийства ни в чем не повинных людей Бюро признает чудовищной трагедией. Они привели к панике среди членов партии, причем подверженными ей оказались даже некоторые руководящие органы. Задача чистки заключалась вовсе не в попытке изолировать оппонентов и завоевать расположение народных масс, обманутых контрреволюционерами. Напрасные жертвы подорвали авторитет партии и ее силы противостоять классовому врагу. Средневековая жестокость стала самой серьезной нашей ошибкой».

Сожаление, по сути своей, выражалось по поводу неорганизованных убийств. Центральное Бюро и сам Чжоу Эньлай неоднократно подчеркивали, что кампания против контрреволюционеров в целом «ведется абсолютно правильно». В некоторой корректировке нуждается лишь метод — и не с целью скорейшего завершения чистки, а для того чтобы сделать ее более эффективной.

Весной кампания возобновилась, правда, без первоначальной спешки. В мае 1932 года приговоренным к смертной казни Ли Вэньлиню, Цзэн Бинцюню и трем другим публично отрубили головы, в назидательных целях предварительно проведя всех пятерых по деревням. На протяжении двух последующих лет, когда чистка близилась уже к завершению, отделы политической безопасности рассматривали в среднем около пятисот дел в месяц, что автоматически означало смерть восьмидесяти, а то и сотни человек.

Смертные казни в Цзянси явились лишь фрагментом огромного и ужасающего своей жестокостью полотна. В западной Фуцзяни по подозрению в симпатиях к социал-демократам были убиты более шести тысяч членов партии. На старой базе армии Пэн Дэхуая вдоль границы между Цзянси и Хунанью истребили десять тысяч. В ста километрах к северо-востоку от Ухани выпускник Пекинского университета Чжан Готао, член Постоянного Комитета Политбюро и один из основателей партии, руководил чисткой, в ходе которой расстались с жизнью около двух тысяч «предателей, агентов «АБ-туаней» и лазутчиков вражеских организаций». Позже его политический комиссар Чэнь Чанхао пояснил:

«Революционная активность растет на глазах... Наш противник уже убедился в том, насколько бесполезны и смешны его аэропланы, пулеметы и винтовки. Поэтому-то он и вы-

нужден засылать в наши советские органы и Красную армию своих всевозможных реформистов, агентов «АБ-туаней» и прочую шваль... Они действительно представляют серьезную опасность. Легко распознать врага, когда он атакует тебя в открытую, с помощью аэропланов и пулеметов, но не так просто рассмотреть реформиста, гоминьдановского шпиона или другого наймита в соседе. Вот до чего коварен противник!»

После того как на северо-востоке Цзянси были «вычищены» несколько тысяч контрреволюционеров, инициатор кампании, Цзэн Хунъи, перебрался в Фуцзянь, где отправил на казнь еще две тысячи «реформистов и агентов "АБ-туаней"».

Менталитет чистки медленно распространялся по всем находившимся под влиянием коммунистов районам страны. До 1937 года, когда политическая ситуация в Китае резко изменилась, противоборствующие группировки Красной армии периодически грызлись друг с другом, подчас теряя больше своих товарищей в этих распрях, нежели в боях с отрядами националистов.

Поводы для очередных чисток были самыми разными: несогласие относительно принципов проведения земельной реформы, тонкости этнических взаимоотношений, политические споры о лилисановщине. Варьировались и методы проведения кампаний. «Выбей из него признание, — поучал подчиненных начальник отдела политической безопасности восточной Фуцзяни, — выбив, поверь ему и убей доносчика. А если он не признается — убей все равно». Движущая сила любой чистки всегда оставалась одна: ожесточенная борьба местного лидера за власть. Подчиненные должны подчиняться.

Частичным объяснением происходившего в начале 30-х годов в «красных зонах» Китая может служить заразительный пример сталинизма, влияние сталинской риторики — но лишь частичным. Великая чистка в Советской России началась через четыре года после событий в Футяни — с убийства С.М. Кирова. Превращение руководства КПК из группы идеалистов и благонамеренных интеллектуалов в закаленных большевиков, не боявшихся пролить кровь тех, кто оказывался впоследствии самыми преданными их сторонниками, имело куда больше общего с ситуацией внутри страны.

Решающим фактором была гражданская война. Исторически сложилось так, что на войне расстреливают дезертиров, дурно обращаются с пленными и вообще редко принимают в расчет основные права человеческой личности. Война между

коммунистами и националистическим правительством Чан Кайши вообще не признавала никаких правил.

В начале 1931 года глава службы безопасности Политбюро ЦК КПК Гу Шуньчжан, обучавшийся своему мастерству у российских коллег во Владивостоке, по заданию партии отправился в Ухань с целью осуществить покушение на Чан Кайши. Он решил действовать под видом бродячего фокусника. Однако специальные службы Гоминьдана опознали Гу по фотографии. В апреле он был арестован и согласился на перевербовку. По оценкам французского разведцентра в Шанхае, на протяжении трех месяцев в результате его предательства погибли несколько тысяч членов Коммунистической партии, в число которых попал и Генеральный секретарь КПК Сян Чжунфа — его расстреляли в июне.

Противная сторона тоже не сидела сложа руки. Через день после того как Гу Шуньчжан перешел на сторону Гоминьдана, без следа исчезла его семья. Пять месяцев спустя обнаженные и обезглавленные тела его родных были обнаружены в развалинах дома на территории французской концессии, в яме, засыпанной трехметровым слоем земли и обломков бетона. Попавший в руки гоминьдановцев исполнитель приговора сообщил, что казнь состоялась по прямому указанию Чжоу Эньлая. В живых остался лишь младший сын изменника — да и то потому, что палачу не хватило решимости расправиться и с ним. После допроса тайный агент КПК указал еще пять мест, где были погребены трупы партийных работников, убитых по приказу Чжоу «для поддержания дисциплины». Только когда из земли извлекли около тридцати тел, местная полиция приняла решение прекратить дальнейшие поиски.

В беспощадной внутрипартийной борьбе уничтожение семьи Гу Шуньчжана было не исключением, а правилом.

Варварскими методами не брезговал и Гоминьдан. В Хубэе националисты схватили жену командира Красной армии Сюй Хайдуна и продали ее какому-то местному богачу в качестве наложницы. Более шестидесяти других его близких и дальних родственников, включая детей и младенцев, были выслежены и зверски убиты. В ноябре 1930 года, после неудачной попытки Мао захватить Чанша, гоминьдановский губернатор приказал обезглавить его супругу Ян Кайхуэй. Ее родственникам удалось спрятать сыновей Мао и переправить их в Шанхай, где несколькими месяцами позже младший, четырехлетний Аньлун, умер от дизентерии. Националисты не поленились даже перекопать могилы родителей Мао.

На родине Сюй Хайдуна резня, по выражению Эдгара Сноу, носила «характер ритуального жертвоприношения».

В других «красных зонах» гоминьдановцы тоже придерживались принципа, который сами определяли как «осушить пруд, чтобы выловить всю рыбу»: расстреливали все мужское население, сжигали дома и уничтожали — либо вывозили — запасы продовольствия. Под корень срубались огромные лесные массивы, что вынуждало партизан уходить все выше в горы, где, лишенные укрытий, они становились мишенью, доступной для снайперов противника. Уцелевших жителей деревень сгоняли в загоны для скота под круглосуточную охрану солдат и помещичьей полиции. Женщин и девочек продавали как проституток или рабынь — до тех пор, пока встревоженный жалобами иностранных миссионеров Чан Кайши не положил конец этой практике.

В самом начале войска националистов вели подсчет своих жертв по отрезанным головам; когда же это стало причинять им неудобства — избыток поклажи! — вместо голов они принялись отрезать уши. Командир одной из дивизий докладывал, что в доказательство мужества своих подчиненных собрал семьсот фунтов вражеских ушей. В хубэйском уезде Хуанань были убиты более ста тысяч жителей; в Хунани, в окрестностях города Синь — восемьдесят тысяч. Из миллиона жителей приграничных районов Хунани и Хубэя в живых остались всего десять тысяч. На склонах гор и двадцать лет спустя можно было видеть разрушенные деревни и торчащие из земли человеческие кости.

Жутких картин опустошительного разорения Мао своими глазами видел не так много. Когда кровавая драма вплотную приблизилась к Цзянси, отряды Красной армии уже ушли из провинции. Но окружавшая лидеров партии и самого Мао атмосфера изменилась весьма незначительно.

На протяжении всей многовековой истории Китая, бывшей, как знал Мао из трудов жившего при династии Сун летописца Сыма Гуана, «зеркалом современности», народные восстания всегда подавлялись с исключительной жестокостью. Бойня, которую устроил Чан Кайши в «красных зонах», была лишь слабым отражением ужасов восстания тайпинов. Чанкайшисты собирали отрезанные уши; в XVII веке генерал Ли Цзычэн усмирял Сычуань, отрубая у мятежников ноги, а когда любимая наложница возмутилась его бесчеловечным варварством, он собственноручно лишил обеих ступней и ее. Националисты охотились за семьями лидеров партии — при Цинах родственники взбунтовавшихся ученых и генералов вырезались до девятого колена. Даже квоты на число

жертв чистки, при всей их схожести с практикой НКВД*, были впервые введены именно в Китае.

Эта пропитанная запахом крови атмосфера страха, в которой коммунисты вели свою борьбу, являлась неотъемлемой частью исторического наследия страны. Оторванные от своих семей, жен и детей, молодые мужчины (никому из них не было тогда и сорока лет), стоявшие у руководства партией, всю свою энергию и силы отдавали борьбе. Их непримиримая целеустремленность не оставляла места для моральных устоев, по которым жил остальной мир. В Красной армии многие полки состояли из сирот, движимых лишь чувством классовой мести. Ненависть — очень мощное оружие, вне зависимости от того, направлено оно на внешних или внутренних врагов.

Не все лидеры партии одинаково относились к происходившему. Некоторые, подобно Гао Цзинтану, в кампаниях чисток ощущали себя как рыба в воде, распространяя вокруг такие волны параноидального страха, что когда в 1937 году ЦК КПК попытался возобновить контакты с оставшимися в «красных зонах» партизанами, первых посланцев партии убивали, видя в них провокаторов и шпионов. Другие же, к примеру, Чэнь И, бывший комиссаром у Чжу Дэ, к методам террора прибегали крайне редко — если вообще прибегали.

С Мао все было намного сложнее. С одной стороны, ему требовалась «железная дисциплина», с другой — он продолжал верить, что Красная армия должна формироваться на добровольных началах и жить под руководством правильных идей и мудрых военачальников. Большевизм для него являлся не просто орудием завоевания власти, в нем Мао видел моральную силу, способную возродить китайское общество. В теории он нашел способ примирить взаимоисключающие, казалось бы, противоречия между дисциплиной и свободой, силой власти и волюнтаризмом — твердо придерживаясь познанного в годы студенчества принципа единства противоположностей. Но на практике эти противоречия вступали в неизбежный конфликт. Так было в начале 30-х годов в Цзянси, так продолжалось и на протяжении всей его долгой жизни.

В трудные моменты Мао всегда вспоминал урок, преподанный ему крестьянским движением в Хунани зимой 1926 года. «Для исправления зла нужна решимость переходить границы разумного», —

* Во времена сталинских чисток 30-х годов территориальным органам НКВД устанавливалось точное число «врагов народа», подлежащих аресту и уничтожению. — *Примеч. авт.*

написал он тогда. С этой точки зрения кровавые чистки нежелательны, но безусловно необходимы.

Примерно так же обстояло дело и с весьма удобным понятием агента «АБ-туаней». Изначально Мао, как и другие лидеры партии, мог вполне искренне верить, что «АБ-туани» представляли собой реальную опасность делу революции. Но он не был настолько ограничен, чтобы продолжать верить в это после того, как не обнаружилось ни одного доказательства правоты данного тезиса (за исключением полученных под пыткой признаний). В конечном итоге между «реформистами», «социал-демократами» и другими «вражескими наймитами» не прослеживалось никакой разницы — ярлыки служили одному: обозначить цель очередной атаки. Позже Центральное Бюро признало, что «в ходе кампании против "АБ-туаней"» имели место терминологические ошибки». Однако и они, сделал вывод Мао, были неизбежны. Такие «ошибки» будут «иметь место» и во всех его последующих политических акциях.

ГЛАВА 9

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕСПУБЛИКИ

Поражение в сентябре 1931 года третьей кампании Чан Кайши против Красной армии положило начало новой, на этот раз куда более серьезной попытке центра поставить Мао и его «красную зону» в Цзянси под свой жесткий контроль.

Разгром городских партийных организаций, последовавший за предательством Гу Шуньчжана, поднял важность «красных зон» на недосягаемую прежде высоту. Уже более года Коминтерн настаивал на том, чтобы центр борьбы переместился из города в деревню. Июньская казнь генерального секретаря партии Сян Чжунфа настоятельно требовала перемен в партийном руководстве, а представлявшие физическую угрозу для членов ЦК условия Шанхая, где располагалась штаб-квартира партии, диктовали необходимость перенести высшие органы управления в более безопасные места.

В апреле руководители партии покинули Шанхай, чтобы возобновить свою работу в Эюйвани и на западе Хунани. Тремя месяцами позже Чжоу Эньлай отправился в Цзянси, чтобы возглавить там Центральное Бюро. Ван Мин в это время вернулся в спо-

койную Москву, где представлял интересы КПК в Коминтерне. Другой «возвращенец», Бо Гу, остался в Шанхае — в качестве номинального главы партии — до созыва очередного съезда. Новые планы предусматривали создание коммунистического правительства в «красной зоне» Цзянси, уже носившей гордое название «Центрального советского района». Такое решение должно было стать первым шагом к перемещению высшего руководства на периферию.

На фоне этих перемен Ван Мин, Бо Гу и остальные «возвращенцы» начали активную кампанию по подрыву полномочий и авторитета Мао. Уже в конце августа центр издал объемистую и грубую по стилю директиву, где обвинял Мао (без упоминания имени) в непрочности его классовой позиции, игнорировании инструкций руководства, неспособности расширить сферу влияния «красной зоны» и «партизанщине». Полученная в октябре директива вызвала у Мао недоумение и досаду. Вместе со своими коллегами он не только успешно отразил все атаки десятикратно превосходивших сил противника, он еще хорошо помнил, как «возвращенцы» критиковали Ли Лисаня за его неприятие партизанской войны. К тому же нельзя было сбрасывать со счетов и высокую оценку, которую дал действиям Мао Коминтерн.

Для сидевшего в Шанхае Бо Гу все это не имело никакого значения. Осенью его волновали не вопросы теории, а суровая практика.

В середине октября он неохотно дал согласие на то, чтобы Мао сохранил за собой пост секретаря ЦК (занятый им в мае) до возвращения Чжоу Эньлая, но категорически отказывался продвинуть по партийной лестнице нескольких сторонников непокорного хунаньца. На последовавшую вскоре из Цзянси просьбу прислать члена Политбюро, чтобы возглавить новое советское правительство, Бо предложил занять этот пост самому Мао. Иными словами, его выталкивали наверх, лишая тем самым широкой поддержки и влияния, которыми он пользовался в армии. Предлагаемая должность, безусловно, почетна, но от административной скуки у Мао ломило зубы. В начале ноября произошло знаменательное событие: партийная конференция «красной зоны». Она упразднила возглавляемый Мао Главный фронтовой комитет и объявила о создании вместо него Революционного военного совета под руководством Чжу Дэ, куда Мао входил лишь одним из двенадцати членов. Конференция, вновь не упоминая имен, критиковала его за «голый эмпиризм», означавший излишний упор на практические цели в ущерб политике партии.

Двумя днями позже, 7 ноября, в годовщину российской революции, шестьсот делегатов из Цзянси и прилега-

ющих к «красной зоне» районов собрались в деревне Епин, неподалеку от Жуйцзиня, чтобы провозгласить образование Китайской Советской Республики. Церемония проходила на территории поместья рода Се (клановое имя всех обитателей деревни), под сенью древних камфорных деревьев, многим из которых было более тысячи лет. Между массивными, покрытыми блестящим лаком колоннами реяли флаги с серпом и молотом. После парада войск Красной армии под грохот фейерверков началось факельное шествие. «С этого момента, — громко объявил Мао, — на территории Китая существуют два совершенно различных государства. Одно — так называемая Республика Китай — является орудием мирового империализма. Другое — Китайская Советская Республика — государство широких масс угнетавшихся в прошлом тружеников и солдат. Его знамя символизирует конец господства империализма, уничтожение имущих классов и свержение милитаристского гоминьдановского правительства. За нами — мир и объединение всей страны!»

Первый Всекитайский съезд советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, так назывался тогда созданный коммунистами парламент, объявил Жуйцзинь столицей двадцати «красных» уездов, вошедших в состав новой Советской Республики, а также назначил Мао Цзэдуна главой государства и правительства.

В человеке непосвященном этот пост мог бы вызвать чувство зависти. Должность формально наделяла Мао самым высоким в его предшествующей жизни статусом. Коминтерн неоднозначно дал понять, сколь важное значение он придает появлению нового «государства». Однако в памяти Мао были достаточно свежи все попытки поставить его под контроль или хотя бы нейтрализовать: намерение Чжоу Эньлая отослать в июле 1927 года своего коллегу в Сычуань или стремление Ли Лисаня заставить в 1929-м опытного политработника уйти из армии. Иллюзий относительно сути происходящего у Мао не было. Конечно, теперь он стал слишком заметной фигурой, чтобы быть небрежно отброшенным в сторону «возвращенцами» Ван Мина, ощущавшими за своими спинами поддержку Кремля. Однако возможность мягко отстранить его от принятия важнейших решений, отрезать корни, питавшие власть, у них все еще оставалась.

И последствия не заставили себя ждать.

В январе Чжоу Эньлай, заменив Мао на посту секретаря Центрального Бюро, призвал осуществить новую попытку захвата одного из городов — с прежней целью «добиться первоначально победы в одной или нескольких провинциях».

Мао удалось убедить своих коллег в том, что Наньчан для Красной армии является слишком твердым орешком. Однако после консультаций с Бо Гу новое совещание Бюро большинством голосов постановило отправить войска в Ганьчжоу. На этот раз возражения Мао поддержал и Чжу Дэ. Ганьчжоу, говорил он, отлично защищен, с трех сторон его окружает вода, и противник считает этот город своим «форпостом, который ни при каких условиях нельзя потерять». В Красной армии же до сих пор ощущалась серьезная нехватка тяжелой артиллерии и других осадных орудий, что привело к неудачам все попытки захвата городов в прошлом году. Не согласившись с этими доводами, совещание назначило Пэн Дэхуая командующим фронта.

Прошло десять дней, и Центральное Бюро собралось в третий раз. В отсутствие Чжоу Эньлая его работу возглавил Мао. Дискуссия на совещании развернулась по вопросу вторжения японских армий в Маньчжурию. Бо Гу расценил ее как «опасный и конкретный шаг в сторону готовящегося нападения на Советский Союз». Мао возразил: «События в Маньчжурии по всей стране подняли мощную волну антияпонских настроений, общих для всех классов. Партии следовало бы извлечь пользу из такой ситуации». Идея Мао заключалась в создании единого патриотического антияпонского фронта, который после победы смог бы оказаться весьма полезным КПК в ее борьбе за власть. Однако для января 1932 года подобная мысль была слишком радикальной. Все усилия центра направлялись тогда на ужесточение классовых боев, но никак не на затушевывание классовых противоречий. Товарищи Мао по партии почти единодушно считали, что, как и в конфликте 1929 года на КВЖД, максимальную озабоченность вызывает угроза безопасности Советского Союза. Спор обострялся, и в конце концов один из присутствовавших бросил Мао в лицо: «Если ты не понимаешь, что Маньчжурию Япония превратила в плацдарм для нападения на Россию, то ты в таком случае — правый оппортунист!»* В наступившей после фразы глубокой тишине Мао вышел из комнаты.

В тот же день либо чуть позже он попросил отпуск по болезни и получил его. Один из «возвращенцев», Ван Цзясян, заменил Мао на единственном остававшемся у него военном посту начальника Главного политического управления Фронтовой армии. Неделю

---

* Этим термином Сталин наградил Бухарина и других членов антипартийного блока. Фраза, по сути, звучала как самое серьезное политическое обвинение в полном неприятии линии партии. — *Примеч. авт.*

спустя Мао вместе с Хэ Цзычжэнь и несколькими телохранителями остановился в заброшенном храме на вершине Дунхуашани — пологого вулканического холма в пяти милях к югу от Жуйцзиня.

Суровая, покинутая людьми местность как нельзя более соответствовала настроениям Мао. Святилище — кумирня, сложенная из отполированных временем черных гранитных плит, — было темным, холодным и влажным; каменный пол покрывал плотный густой мох. Как обычно, политические пертурбации повергали Мао не только в душевные, но и в физические муки. Неожиданно для себя Хэ Цзычжэнь увидела его постаревшим, Мао начал терять вес. Опасаясь, что влажный воздух только ухудшит его состояние, Хэ распорядилась, чтобы в самом храме поселились охранники, сама же вместе с Мао устроилась в пещере неподалеку — там было суше и теплее, имелся вырубленный в камне небольшой бассейн, дававший возможность мыться. Воду приносили снизу в деревянных бадьях на бамбуковых коромыслах, по высоким ступеням высеченной в скале узкой лестницы.

С вершины холма открывался великолепный вид на равнину, в западной оконечности которой высились, как стражи, три древних пагоды. Мао пытался записывать по памяти стихи, сложенные в седле во время пребывания в Цзянси. Время от времени из Жуйцзиня прибывали последние новости и свежие партийные документы. Оставалось только ждать, когда политические раны затянутся сами собой.

Новый «временный центр» в Шанхае, как скоро стали называть возглавляемое Бо Гу руководство партии, оказался не настолько беспомощным, каким позже многие стремились его показать. Сам факт его существования уже был серьезным достижением. С арестом Якова Рудника (известного также под именем Хилари Нуленса), сотрудника украинского НКВД, который выдавал себя за профсоюзного деятеля из Бельгии, реальная политика Коминтерна в отношении Китая зашла в тупик. Бо Гу же вместе со своим другом Чжан Вэньтянем сумели не только сохранить свою агентурную сеть, пронизавшую высшие эшелоны военного командования Чан Кайши, но и ликвидировать многих оперативников спецслужб Гоминьдана и их информаторов-коммунистов. Слабые успехи в руководстве «красными зонами», население которых составляло около пяти миллионов, объяснялись прежде всего усилением леваков, чьими кумирами были Цюй Цюбо и Ли Лисань. Вот почему Бо Гу в январе вновь поднял вопрос захвата больших городов:

«Тактика действий партии избегала осады крупных городов страны. В прошедшие годы она была правильной, но сейчас обстоятельства изменились. Теперь главная задача заключается в расширении нашего влияния, в объединении разрозненных советских районов и использовании нынешней благоприятной в военном и политическом отношении ситуации для захвата одного или двух важнейших городов. Это откроет дорогу к победе дела революции в целых провинциях».

Анализ Бо был более трезвым, чем выводы его бесславно отброшенных партией предшественников. Однако ход движения мысли почти тот же. Депрессия, писал он, поставила экономику националистов на грань краха, в то время как Красная армия, «закаленная в кровавых битвах гражданской войны», обрела небывалую мощь. С изменением «баланса классовых сил» в стране становились настоятельно необходимыми и перемены в политике партии.

Определенные резоны в его рассуждениях присутствовали. На протяжении трех последних лет Мао тоже неоднократно призывал к победе в «отдельно взятой провинции». Пассивное выжидание было бесплодным: довольство достигнутым сводило боевой дух партии на нет. Объединение разрозненных «красных зон», подразумевавшее неизбежный захват городов, являлось логичным развитием политики коммунистов. Проблема же заключалась в том, что Бо Гу требовал неуклонно придерживаться «твердой наступательной линии», конечной целью которой был провозглашен захват Наньчана, Цзиани и Фучжоу (еще один город в Цзянси) — вне зависимости от любых тактических поворотов. Кроме того, сыграло свою роль и очевидное неравенство сил. Нанесенное в третий раз войскам Чан Кайши поражение внушило лидерам партии в Шанхае совершенно ошибочные представления о «небывалой мощи» Красной армии. Мао и Чжу Дэ было хорошо известно, что в нынешний момент, так же как годом раньше, армия не имела достаточных возможностей для успешной атаки на хорошо укрепленные оплоты гоминьдановских войск. Вот почему оба резко выступили против планов осады Ганьчжоу. Бо Гу, Чжан Вэньтянь и их сторонники рассматривали подобные сомнения как «чистой воды оппортунизм», как порок, присущий не политике, но тем, кто не намерен ей следовать.

В один из мартовских дней, вскоре после окончания Праздника фонарей, телохранители заметили приближавшихся к холму двух всадников. Ими оказались Сян Ин, исполняв-

ший во время «болезни» Мао обязанности главы правительства, и его провожатый.

Атака на Ганьчжоу, с горечью сообщил Сян Ин, потерпела полное поражение. Начиная с середины февраля отряды Пэн Дэхуая в течение трех недель предприняли четыре изнурительных и безуспешных попытки прорвать оборону города. Не удалось даже заложить мины под городские стены. На помощь к осажденным из Цзиани и Гуандуна спешили четыре дивизии гоминьдановских войск, грозя отрезать силам Пэна все пути отступления. Военный совет срочно нуждался в помощи Мао и просил его прервать свой отпуск.

Сян Ину не пришлось повторять свою просьбу. Хэ Цзычжэнь умоляла Мао дождаться окончания разразившегося проливного дождя, но он отмахнулся от нее. «Болезнь» прошла.

Прибыв в Цзянкоу, небольшой городок в двадцати километрах от Ганьчжоу, Мао узнал, что Пэн смог вырваться из капкана. Оставался открытым вопрос: куда дальше должна направиться Фронтовая армия? Мао предлагал двинуть части в северо-восточные районы Цзянси и создать новую базу вдоль границы с Фуцзянью — там, где силы противника были значительно слабее, а горный рельеф местности благоприятствовал излюбленной в Красной армии тактике ведения боя. Однако большинство его коллег сочли такой вариант уводящим слишком далеко от указанной центром цели: поставить под прямую и непосредственную угрозу города Цзиань и Наньчан. Остро переживавший свою неудачу Пэн поддержал их. В результате совещание решило разделить силы: 3-я армейская группировка Пэн Дэхуая направилась вдоль реки Гань на север в сторону Цзиани, а 1-я группировка под командованием Линь Бяо попыталась занять три уездных города в центральных районах Цзянси, в ста тридцати километрах к юго-востоку от Наньчана. В качестве неофициального советника Мао последовал за Линь Бяо. Вскоре ему удалось убедить командующего и его комиссара, Не Жунчжэня, изменить маршрут похода и следовать в Фуцзянь. Поставив об этом в известность Военный совет, Линь двинулся к расположенному в соседней провинции Тинчжоу, чтобы ожидать там дальнейших указаний. Мао же, вернувшись в Жуйцзинь, сообщил в конце марта свою точку зрения Центральному Бюро.

И нашел поддержку. Чжоу Эньлай, руководивший работой двухдневного заседания, на давнем собственном опыте познал горечь военного поражения, когда отказался последовать совету Мао. Сян Ина переполняло чувство благодарности за

то, что Мао без уговоров согласился вернуться в самое пекло. Единственный вероятный оппонент — Пэн Дэхуай — отсутствовал.

Но истинные причины этой весенней победы лежали глубже.

На заседании в Жуйцзине впервые стала ясна подоплека взаимоотношений между Мао и Чжоу Эньлаем — взаимоотношений, игравших на протяжении последующих пятидесяти лет чрезвычайную роль в судьбах всего Китая.

Будучи пятью годами моложе Мао, Чжоу представлял собой тип искусного в дипломатии, уравновешенного лидера, способного извлечь пользу из любой складывающейся ситуации. В своем стремлении достичь абсолютной победы он умел проявлять исключительную гибкость.

Любивший бросаться в крайности Мао обладал удивительным даром предвидения, твердыми убеждениями и неизбывной уверенностью в собственных силах. Ему были присущи тонкая организация мышления и безошибочная интуиция. Склонив на свою сторону Чжоу в Жуйцзине, он безостановочно пытался закрепить успех, раз за разом ставя более молодого коллегу перед свершившимся фактом — по мере того как отряды Линь Бяо углублялись в Фуцзянь, в направлении прямо противоположном предписанному. Постепенно Мао возвращал себе свободу маневра, которой так хотели лишить его «возвращенцы».

Первой целью группировки Линь Бяо был Лунъянь, расположенный на полпути от границ Цзянси до побережья Фуцзяни. Места эти Мао хорошо знал: зимой 1929 года там проходила партийная конференция. 10 апреля войска разогнали два оборонявших город полка и захватили семьсот пленных. Десятью днями позже пал Чжанчжоу, первый крупный город, куда вступили отряды Красной армии после сдачи Цзиани.

Мао ликовал. Участники боевого похода помнили, как в выцветшей армейской фуражке с пятиконечной звездой въехал он в город на белом коне. В посланной на следующий день Чжоу Эньлаю телеграмме Мао описывал восторг местных жителей, «со всех ног бросившихся навстречу нашим бойцам». Чжанчжоу был богатым трофеем: важный центр торговли с населением более пятидесяти тысяч, расположенный всего в восьмидесяти километрах от Амоя. Добыча состояла из полумиллиона долларов наличными, вооружения и боеприпасов, двух аэропланов (к сожалению, коммунисты не знали, как ими пользоваться) и имевших, пожалуй, наибольшую для Мао ценность книг школьной библиотеки. Для их отправки в Жуйцзинь бойцы реквизировали грузовик.

Новость вызвала у Бо Гу крайнее недовольство.

Детальная информация о фуцзяньском походе вызвала в Шанхае бурю негодования. Гневные нападки обрушились не только на голову Мао, осмелившегося сорвать тщательно разработанные центром планы продвижения на север; самой резкой критике подверглось все Центральное Бюро, допустившее столь грубое нарушение дисциплины.

Члены Бюро были вынуждены покаяться. На заседании, состоявшемся 11 мая под председательством Чжоу Эньлая (Мао в то время все еще оставался в Чжанчжоу), Бюро в муках партийной совести признало свои «величайшие ошибки» и обязалось в самые короткие сроки «решительным образом искоренить четко обозначившийся правооппортунистический уклон».

Эта мягкая, умиротворяющая позиция всегда определяла отношения Чжоу Эньлая с центром. Реакция Мао была прямо противоположной. «Я ознакомился с полученной телеграммой», — написал он после того, как Чжоу переправил ему критические замечания Бо Гу:

«Политические оценки центра и предложенная им военная стратегия ошибочны в корне. Прежде всего в ходе трех кампаний националистов и оккупации Маньчжурии правящему режиму... уже был нанесен мощный удар. Мы ни в коем случае не можем позволить себе переоценивать силы противника. После разгрома войск Чан Кайши наша политика никак не должна сводиться к стратегии оборончества, предусматривавшей ведение боевых действий только на внутренних фронтах (то есть на территории «красных зон»). Наоборот, нам необходима стратегия наступательная: пора вести борьбу там, где власть находится в руках «белых». Задача состоит в том, чтобы захватить важнейшие города и добиться победы хотя бы в одной провинции. Необходимой предпосылкой этого является уничтожение врага. В сложившихся условиях предлагать прошлогоднюю стратегию означает чистой воды правый оппортунизм».

Послание Мао было необычайно дерзким. Он сознательно бросил в лицо Бо Гу обвинения, которыми центр когда-то осыпал его самого. Уже много месяцев из Шанхая слышались жалобы на «недооценку революционной ситуации», на «неспособность воспользоваться преимуществами создавшегося положения, чтобы перейти в наступление» и «попытки возвести в догму отжившие методы борьбы». Все это центр называл «правым оппортунизмом».

Реакция Бо Гу на послание Мао в документах не зафиксирована, однако не будет ошибкой предположить, что

он вряд ли пришел в восторг. Отношения Мао с руководством партии накалились еще больше.

После рейда в Фуцзянь Центральное Бюро предприняло огромные усилия, чтобы как-то сдержать темперамент Мао. В конце мая войска ушли из Чжанчжоу на запад — сдержать натиск гуандунских милитаристов, угрожавших южным границам «красной зоны». В июне к Мао поспешили Чжу Дэ и Ван Цзясян — проследить за безукоризненно точным выполнением всех указаний Центрального Бюро. Однако несмотря на самые настоятельные требования Чжоу Эньлая «как можно быстрее атаковать противника», прошел целый месяц, прежде чем полки чанкайшистов были вытеснены в Гуандун.

Бо Гу и Чжан Вэньтянь были вне себя. На протяжении полугода они с бессилием наблюдали за крушением скрупулезно разрабатывавшихся планов. Январская неудача с захватом Ганьчжоу, сумасшедшая выходка Мао с походом в Фуцзянь, последняя попытка вторжения националистов означали: шесть месяцев драгоценного времени — наиболее благоприятного для слияния южных «красных зон» в прочный единый пояс — были потеряны впустую. Причина была хорошо известна фронтовому руководству: армия имела возможность отражать атаки противника или бить по самым уязвимым его местам. На что-либо иное у нее не хватало сил. Но в Шанхае этому не верили.

Диалог между самоуверенным Бо Гу и знавшими реальное положение дел восначальниками стал невозможным.

Прирожденный миротворец, Чжоу Эньлай попытался найти компромисс и в этой, казалось бы, безвыходной ситуации. Бо Гу получил столь желанное для него наступление на города северных районов Цзянси, Чжоу лично возглавил его — но с учетом фактических возможностей войск и при условии, что рядом с ним будет Мао в качестве верховного политкомиссара армии. «Нам необходимы его знания и опыт. Восстановленный в этой должности, он исправит собственные ошибки», — доказывал Чжоу.

Чжу Дэ и Ван Цзясян с готовностью согласились. Однако Жэнь Биши и других членов Бюро, остававшихся в Жуйцзине для организации работы тыла, мучили сомнения. Когда Чжоу Эньлаю удалось склонить на свою сторону и их, наступила уже середина августа. Свое согласие дал даже Бо Гу, готовый на все ради того, чтобы долго откладывавшееся наступление все-таки началось.

Мао предложил всей Фронтовой армии двинуться на север и занять те три уездных города — Лэань, Ихуан и Наньфэн, — речь о которых шла еще пятью месяцами ранее, до экспедиции в Фуцзянь. Следом можно попытаться захватить и город по-

больше, «к примеру, Наньчэн, расположенный совсем рядом с Фучжоу и открывающий путь к важнейшему району в нижнем течении реки Гань. Таким образом, мы получим все условия для атаки уже Наньчана».

Первая стадия операции прошла безупречно. Лэань, Ихуан и Наньфэн пали, отдав армии пять тысяч пленных и около четырех тысяч винтовок. С хорошо укрепленным Наньчэном оказалось сложнее. Чжу Дэ и Мао уже скомандовали отступление, но Чжоу Эньлай направил Жэнь Биши радиограмму, сообщая, что войска выжидают более удобный момент для атаки. Отступление между тем продолжалось, и, невзирая на все возражения Чжоу, к началу сентября армия вошла в уезд Нинду, отойдя сто километров на юг. Встревоженное таким поворотом событий, Центральное Бюро считало маневр глубоко ошибочным и приказало срочно возвращаться назад. Чжоу Эньлай среагировал на приказ самым неожиданным образом: армия устала, говорил он, и нуждается в отдыхе.

Язвительный обмен мнениями между двумя группировками в руководстве Центрального Бюро продолжался около месяца. Теперь большинству противостоял уже не Мао; рядом с ним оказались Чжоу, Чжу Дэ и Ван Цзясян.

В начале октября оппоненты собрались в крошечной горной деревушке Сяоюань, на севере уезда Нинду. Для уточнения позиций сторон из Жуйцзиня прибыли Жэнь Биши, Сян Ин, Дэн Фа и один из «возвращенцев» — Гу Цзолинь. Драматическое обсуждение разногласий продолжалось четыре дня.

Представители тыла обвинили фронтовиков в «недостатке веры в победу революции и мощь Красной армии». Военные возразили: они не сомневаются в правильности избранной центром наступательной тактики, однако следовать ей необходимо с учетом реальной ситуации. Красноречие Мао только лишний раз подтвердило подозрения Жэнь Биши и Сян Ина: корень зла заключен именно в Мао; устранить его — и проблема разрешится сама собой.

Мао вновь услышал упреки, звучавшие в его адрес в течение всего года. Он — правый оппортунист, упорно отрицающий безошибочную военную политику центра. Он нарушает законы партийной дисциплины. Он выступал против захвата Ганьчжоу и отказывался подчиниться приказам о выступлении на Фучжоу и Цзиань. Самовольный поход на Чжанчжоу доказал его склонность к партизанщине. Мао занял позицию оборончества. Он предпочитает «сидеть за пнем и ждать, пока заяц сам прыгнет ему в руки». Он привык выбирать слабейшего противника.

Некоторые из этих обвинений имели под собой определенную основу. На практике военная стратегия Мао и в самом деле резко расходилась с установками центра. Но главным в дискуссии стал вовсе не вопрос его полководческих талантов. Мао не признавал дисциплины партии — значит, он был не прав.

Разногласия относительно стратегии действий войск удалось преодолеть довольно быстро. Все, в том числе и Мао, согласились, что Фронтовая армия должна сконцентрировать свои силы на самых слабых участках боевых порядков противника, сведя на нет его попытки окружить «красную зону». Для Мао это означало: основные бои будут идти в Лэани, Ихуане и Наньфэне. Другие считали, что главное поле битвы должно лежать западнее. Общий принцип оказался достаточно гибким, чтобы примирить обе точки зрения.

Оставалось решить последнюю, наиболее трудную проблему: как быть с самим Мао? Прибывшие из Жуйцзиня настаивали на полном отстранении его от руководства боевыми действиями. Чжоу Эньлай счел это чрезмерным. «У Цзэдуна, — сказал он, — огромный военный опыт, он очень хорош в бою... На передовой от него всегда можно ждать дельного совета». Поэтому лучше всего сохранить за Мао пост политкомиссара, под его, Чжоу, личным присмотром, либо снять с него прямые обязанности боевого командира и оставить на фронте в качестве советника. Чжу Дэ и Ван Цзясян полностью поддержали это предложение. Но Мао уже устал нести ответственность за управление войсками, не подкрепленную реальной властью. Против были и «тыловики». Нежелание Мао признать свои ошибки, возразили они, означает, что он будет повторять их вновь и вновь.

В самый последний момент Чжоу сделал блестящий ход. Хорошо, говорил он, Мао оставит пост комиссара и превратится в военного советника, а чтобы удовлетворить Жэнь Биши и других, возьмет, пока будет находиться на фронте, бессрочный отпуск по болезни. По окончании кампании, когда страсти улягутся, Мао спокойно вернется к исполнению своих привычных обязанностей.

На следующий день, явно ощущая, что исход совещания мог быть куда более неблагоприятным, Мао отправился в армейский госпиталь в Тинчжоу. Там его ждала встреча с Хэ Цзычжэнь, уже готовой дать жизнь их второму ребенку — сыну. Но вскоре сглаженные проблемы дали о себе знать с новой силой. Пока шли споры в Нинду, Бо Гу и Чжан Вэньтянь тоже обсуждали ситуацию в Цзянси и пришли к выводу, что «консерватизм и честолюбие» Мао стали нетерпимыми. Он должен был немедленно

покинуть армию и ограничиться работой в правительстве, а взгляды его получат самый решительный отпор. За неспособность отстоять линию партии подвергся критике и Чжоу.

Вести об этом пришли в Нинду сразу после отъезда Мао. Закончившееся совещание возобновило работу и отвергло уже согласованный компромисс. В силу вступали рекомендации центра. Узнав об этом, Мао пришел в ярость, обвиняя своих коллег в «закулисных маневрах» и разжигании «фракционной борьбы». Но изменить что-либо он уже не мог. 12 октября стало известно, что верховным политкомиссаром Фронтовой армии назначен Чжоу Эньлай. В течение двух лет Мао оказался напрочь отрезанным от принятия сколь-нибудь важных военных решений.

Вторую зиму подряд Мао встречал китайский Новый год, чувствуя себя физически разбитым и несправедливо обиженным. Палата небольшого санатория, которую он делил с двумя высокими партийными чинами, была намного уютнее промозглой сырости древнего склепа на Дунхуашани. В целом его положение в партии не изменилось, поскольку принятые в Нинду решения сохранялись в тайне. Но на этом преимущества заканчивались.

За двенадцать лет пребывания в рядах КПК Мао в шестой раз оказывался не у дел. Первый раз он отошел в сторону сам в 1924 году, когда ощутил, что его вера в победу заколебалась. Затем, в 1927 году, его ждала неудача восстания, приуроченного к празднику Середины осени. Через год только что созданный партком провинции Хунань заслал его в глушь Цзинганшани, в 1929-м он чувствовал себя обойденным в споре с Чжу Дэ по вопросам тактики партизанской войны. После этого, в 1932 году, было самозаточение в Дунхуашани. Последним потрясением стало совещание в Нинду. Во всех предыдущих случаях либо находились влиятельные друзья, либо он сам уходил в тень, уверенный в том, что вернется в схватку с новыми силами. Но сейчас Мао вынудило к уходу непримиримо враждебное и без всякой нужды спровоцированное им же центральное руководство партии. Вспыхнувший конфликт серьезно ослабил позиции тех, кто, как Чжоу Эньлай, мог бы оказать ощутимую помощь.

Мао очень похудел. Его потускневшие глаза и ввалившиеся щеки тревожили Хэ Цзычжэнь. Позже ходили разговоры, что он заболел туберкулезом, но скорее всего главная причина крылась в застарелой неврастении, волны которой всегда накатывали на Мао в периоды глубоких переживаний. Как-то он обронил в при-

9 Зак. 1137

сутствии Хэ фразу: «Это выглядит так, будто они приговорили меня к смерти».

Вскоре после прибытия в санаторий произошла встреча, бросившая мрачную тень на весь грядущий год. Однажды Мао разговорился с Ло Мином, исполнявшим обязанности секретаря Фуцзяньского провинциального комитета партии. Речь шла о тактике действий гоминьдановских войск. Мао убеждал собеседника как можно быстрее вернуться домой, чтобы помочь развертыванию широкой партизанской войны — в помощь частям Фронтовой армии, готовившимся дать отпор четвертой кампании Чан Кайши. Ло передал соображения Мао в Фуцзяньский партком, где без промедления начали разрабатывать тактику действий партизан.

Усилившееся влияние центрального советского района и растущая угроза со стороны шанхайской полиции к этому времени уже убедили Бо Гу и Чжан Вэньтяня, что для всего партийного руководства настала пора перебираться в Жуйцзинь. Проезжая через Фуцзянь, Бо тоже встретился с Ло Мином, который с энтузиазмом принялся рассказывать о новой тактике, казавшейся, по его мнению, более грамотной, нежели «сухие и лишенные гибкости директивы», обязательные для выполнения в прошлом. Однако Бо Гу был последним, кто мог бы по достоинству оценить его искренность. По прибытии в Жуйцзинь Бо немедленно начал активную борьбу против влияния авторитета Мао на всей территории советского района. Искаженные слова Ло обличали Мао как «последовательного оппортуниста», культивирующего «пессимистические и пораженческие настроения» и «открыто призывавшего к саморо спуску партии».

Через расследование по делу «линии Ло Мина» прошли тысячи партийных чиновников, среди которых были четверо молодых людей, чьи имена особенно тесно связывались с Мао: Дэн Сяопин — секретарь парткома уезда Хуэйчан на севере Цзянси, Гу Бо — бывший секретарь Мао, Се Вэйцзюнь — командир сформированной в Цзянси 5-й дивизии и Цзэтань — родной брат Мао. В апреле 1933 года все четверо были вызваны на разоблачительный митинг, где ораторы, обращаясь к ним не иначе как к «деревенским мужланам», наперебой говорили о том, что «в диких горных углах люди и понятия не имеют о марксизме». «Мужланы», в свою очередь, назвали своих обвинителей «господами из-за границы» (то есть из Москвы). Сразу после митинга четверку освободили от всех занимаемых ими постов. Эта же участь ждала и многих других сторонников Мао.

Сам он к этому времени уже вернулся в Епин, небольшую деревню неподалеку от Жуйцзиня, ставшую штаб-квартирой руководства партии.

Статус Председателя Республики означал, что для «кампании по критике Ло Мина» Мао недоступен. Поддержал его и Коминтерн, еще в марте потребовавший от Бо Гу пойти на «примирение с товарищем Мао», оказать на него «дружеское влияние» и предоставить ему «всю полноту ответственности за работу правительства». Заслуживает внимания тот факт, что, когда в 20-х и 30-х годах отношения Мао с креатурами Москвы часто оставляли желать много лучшего, сама его фигура становилась в глазах Кремля все более привлекательной. Начиная с 6-го съезда партии Мао превратился в единственного лидера КПК, безусловно поддерживающего Сталина по трем основным вопросам китайской революции: ведущей роли крестьянства, отношения к Красной армии и создания «красных зон» в деревне. Москва не могла не оценить подобного единодушия.

Однако в далекой Цзянси поддержка Кремля значила не так много. Хэ Цзычжэнь и Мао жили вместе с другими членами Центрального Бюро в старом, выстроенном из хорошего камня особняке, который бывший его владелец покинул не из страха перед коммунистами, а потому что в доме умерла его жена, после чего усадьба стала считаться сулящей несчастья. Руководство поселилось на первом этаже; комнаты выходили на крытую галерею, с четырех сторон окружавшую просторный внутренний двор. Галерею украшали резные балки и покрытые тонкой лаковой росписью ширмы. Лучшие помещения были отданы членам Политбюро ЦК Чжоу Эньлаю и Жэнь Биши. Мао досталась комната поменьше, с глиняными стенами и выложенным каменной плиткой полом. Чжоу жил за стеной. Чжу Дэ и Ван Цзясян поселились в самом дальнем конце, за большим залом, где проходили рабочие совещания Бюро.

С приездом Бо Гу все менялось. Продолжая оставаться членом Центрального Бюро, Мао оказался в такой политической изоляции, что порой целыми днями не видел своих коллег. Чжоу Эньлай и Чжу Дэ были на фронте, Ван Цзясян получил серьезное ранение осколком шрапнели. Остальные откровенно избегали Мао. В апреле ощущение одиночества усилилось. Националисты начали осуществлять регулярные авианалеты на Епин, и Мао, как и другим «вспомогательным сотрудникам», было приказано перебраться в Шачжоуба — деревеньку, расположенную километрах в двадцати на запад. Там его единственными собеседниками стали собственные братья и ближайшие родственники Хэ Цзычжэнь.

Время превратилось в личного врага Мао. На Цзинганшани в редкие периоды затишья вместе с Чжу Дэ и Чэнь И он погружался в беседы о поэзии, свои собственные строфы они украшали цитатами из классиков танской династии Ли Бо и Ду Фу, чьи дошедшие из тысячелетней давности шедевры всем троим были знакомы еще со школы. Позже Хэ вспоминала, как светлело лицо Мао в разговорах о литературе. Чтение настолько увлекало его, что он заказал себе штаны с особо вместительными карманами — чтобы было куда опустить книгу. Обычно немногословный, Мао преображался, когда речь заходила о творчестве, на эти темы он мог говорить часами. В споре с Хэ о ее любимом романе «Сон в красном тереме» Мао провел однажды всю ночь. Интересно, что описываемые автором события он представлял себе в виде борьбы двух фракций великого и могущественного императорского двора.

Все лето и большую часть следующего года он проводит в отвратительном безделье, предаваясь лишь чтению и разговорам с родственниками. Опять, как уже случалось раньше, оставалось только ждать и надеяться на приход лучших времен. Но в отличие от прошлого уверенности в их приходе почти не было.

Как глава государства и правительства — Председатель Республики и Председатель Совета Народных Комиссаров — с ноября 1931 года Мао отвечал за всю гражданскую администрацию советского района. В его обязанности входила подготовка и обнародование множества законов и подзаконных актов, призванных обеспечить жизнедеятельность новой Китайской Советской Республики. Он должен был создать административную машину, способную управлять современным государством.

Но главным направлением практической деятельности Мао была экономика. Его речи изобиловали патриотическими призывами к крестьянам «успешно справиться с весенней посадкой овощей», он сурово предупреждал о недопустимости выращивания опийного мака — «его необходимо заменять зерновыми культурами». Мао требовалось проследить за тем, чтобы Красная армия не испытывала недостатка в продовольствии и фураже, одежде и предметах первой необходимости. Он держал под контролем черный рынок, контрабандой ввозивший из занятых «белыми» районов соль. Была организована почтовая служба. Возглавляемый Цзэминем, средним братом Мао, Народный банк приступил к выпуску банкнот — гоби (государственных казначейских билетов), отпечатанных черной и красной красками на грубой серой

бумаге, с портретом Ленина на одной стороне и бодро устремленными в светлое будущее колоннами рабочих и крестьян — на другой. Обеспечивалась национальная валюта экспроприированным у помещиков серебром, поступлениями от налогов на торговлю и от принудительной продажи облигаций «революционного займа».

В экономике основной проблемой была земельная реформа. В Китае наличие у крестьянина участка земли означало возможность выжить: если у тебя есть поле — у тебя есть пища; если нет — тебе грозит голодная смерть. В стране, где девяносто процентов четырехсотмиллионного населения составляли крестьяне, вопрос перераспределения земли (взять у богатых и отдать бедным) явился основной движущей силой революции. Пути его решения легли в основу фундаментальных различий между КПК и Гоминьданом.

По мнению Мао, решение это могло быть только самым радикальным. В Цзинганшани он приказал конфисковать все земли без исключения, даже те, что принадлежали крестьянам-середнякам. Каждому жителю — старику, ребенку, мужчине или женщине, богатому или бедняку, служащему в рядах Красной армии, выделялся одинаковый по площади участок. Владельцем всей земли формально являлось государство, покупка и продажа участков были запрещены.

Принцип распределения по количеству едоков в семье хорош своей простотой, убеждал Мао, он служит гарантией того, что от голода не умрут самые бедные*. Ли Лисань и Бо Гу были против: первый считал его «левацким», второй — «недостаточно левым». Ли предлагал распределять землю, исходя из количества трудовых рук (и в этом его поддерживали зажиточные крестьяне). Бо считал, что основным критерием должно быть классовое происхождение (его подход производил на крестьян обратный эффект).

Их точки зрения представляли неразрешимую дилемму. Располагавшие деньгами и домашним скотом зажиточные крестьяне были основными производителями продовольствия. В классовом же смысле они являлись землевладельцами, обреченными ради обеспечения благосостояния своих семей на дальнейшую эксплуатацию

---

* Аграрная реформа 1947 года проводилась на тех же принципах вплоть до начала коллективизации, уничтожившей само понятие индивидуального хозяйства. Когда после смерти Мао начался обратный процесс, его результаты вновь привели к тому, что было в Цзинганшани. В 1999 году в Китае еще не было права частной собственности на землю — ни в городе, ни в деревне. Количество земли, сдаваемой в аренду крестьянской семье, соотносилось пропорционально с количеством едоков. — *Примеч. авт.*

наемного труда. На селе, по выражению Мао, они составляли средний класс, некое нестабильное образование, готовое в случае нужды принять ту или иную противоположную сторону. Выберут коммунисты умеренную политику — и экономика будет процветать, но классовая борьба заглохнет; отдадут приоритет последней — наступит голод. Находясь между Сциллой и Харибдой, коммунисты определяли свои действия в соответствии с господствовавшими политическими ветрами.

Это вызвало к жизни новую проблему.

Дифференцированная политика требовала выработки критерия: кого считать бедным, средним или зажиточным крестьянином, кого — помещиком? Зажиточный — это тот, кто применяет наемный труд? Или первый признак — ростовщичество? Подлежит ли конфискации вся земля зажиточного крестьянина? Или только излишки, которые он не в состоянии обработать сам?

Для сотен тысяч семей ответы на эти вопросы означали саму возможность выжить. Гибкость либо, наоборот, жесткость проводимого курса подчас зависели от места запятой в тексте партийного документа. Во многих деревнях граница проходила между семьями, где еще сводили концы с концами, и теми, кто был вынужден продавать детей — чтобы они не умерли от голода. После поездки по Цзянси Мао писал:

«В деревне из тридцати семи дворов пять семей продали своих сыновей. Они не смогли расплатиться с долгами и пошли на эту меру, чтобы вернуть их и добыть пропитание. Покупателем был кто-то из помещиков... либо богатый крестьянин, которому требовались мужские руки. Помещиков среди покупателей больше. Цена за мальчика колеблется между ста и двумястами китайских долларов. Во время сделки ни покупатель, ни продавец не называют ее куплей-продажей: речь идет об «усыновлении». В мире это принято считать продажей детей. «Контракт на усыновление» в народе называют «личной сделкой».

Присутствовать при ней могут родственники и друзья — в качестве посредников. Покупатель выплачивает им гонорар... Возраст мальчиков составляет от трех-четырех до семи-восьми, иногда до тринадцати-четырнадцати лет. После сделки посредники несут ребенка на спине к дому покупателя. Родители при этом всегда стенают и плачут, иногда супруги даже дерутся между собой. Жена упрекает мужа в никчемности и неумении прокормить семью... Плачут и невольные свидетели.

Самых больших денег стоит четырех-пятилетний мальчик: у него быстрее формируется чувство привязанности.

Цена на детей старшего возраста соответственно ниже, тем более что, чуть повзрослев, такой ребенок легко может убежать от «приемных родителей»...

Узнав, что должник продал сына, заемщик тут же устремлялся к его дому с криками: «А, у тебя появились денежки? Так гони же их мне поскорее!» Почему он так поступает? Да потому что нельзя упустить момент: если должник не вернет деньги сейчас, то потом ему их уже никогда не увидеть».

Проблемы крестьянской жизни необъяснимо влекли к себе Мао. После отчета о поездке в Хунань он возвращался к этой теме неоднократно: и в Цзинганшани, и здесь, в Цзянси, запасаясь аргументами против теории зажиточного крестьянства, выдвинутой Ли Лисанем и поддержанной многими партийными кадрами в провинции. Лучше, писал Мао в мае, глубоко проанализировать положение дел в одном месте, чем составить надуманный доклад по огромной территории, поскольку «если любоваться цветами с высоты крупа лошади, то можно проскакать всю жизнь, так и не поняв, в чем их прелесть...»

Наиболее детальное исследование сельской жизни Мао предпринял в 1930 году в Сюньу — уезде, находящемся на стыке трех провинций: Цзянси, Фуцзяни и Гуандуна. Результатом его стал поразительный документ объемом в шестьдесят тысяч слов, где в завораживающих воображение подробностях описывался быт уездного города и прилегающих к нему районов. Обнесенный стеной, Сюньу насчитывал две тысячи семьсот жителей, сорок публичных домов, тридцать лавок, где торговали соевым творогом, шестнадцать магазинов, столько же портновских мастерских, десять постоялых дворов, восемь парикмахерских, семь съестных лавок, семь винных, семь аптек, семь ювелирных мастерских, пять солеварен, три мясобойни, три кузницы, две табачных лавки, двух гробовых дел мастеров, мебельщика, изготовителя фейерверков, жестянщика, часовщика и бесчисленное количество уличных торговых лотков, чайных домиков, ресторанчиков и стихийных рынков. Мао ни словом не упомянул курильни опиума — после прихода коммунистов все они были закрыты. Зато скрупулезно перечислил весь ассортимент товаров в магазинах — 131 наименование — от ночных колпаков до подтяжек, насчитал 34 типа тканей — от мешковины до шелка, и детально описал весь провиант, причем некоторые виды продуктов были настолько дороги и редки, что в год продавалось всего несколько фунтов. Он привел список вывозимых из уезда товаров: на двести тысяч американских долларов в

год местные жители продавали в соседние районы рис, чай, табак, древесину, грибы, растительное масло. Он рассказал даже, где пролегают дороги и тропы, которыми пользуются торговцы. В его отчете указаны имена владельцев магазинов, условия жизни их семей, политические взгляды и личные слабости. Так, один из торговцев «любил в прошлом навещать девиц, но из-за жены (ее родителям он отдал двести пятьдесят китайских долларов выкупа) бросил». Другой, владелец крупнейшего в городе магазина, тоже «с удовольствием оставлял деньги в борделях и притонах азартных игр».

Проституткам, составлявшим шесть процентов городского населения, Мао уделил особую главу, где приведены имена четырнадцати самых достойных. Большинство, писал он, были молоды и прибыли в город из соседнего уезда Саньбяо. Среди местных жителей ходила поговорка: «Лучше шлюх из Саньбяо только рис из Сяншани». То есть, пояснял Мао, девушки были очень красивы. Огромное количество публичных домов обслуживало аппетиты помещичьих сынков, чьи отцы отправляли своих чад в новые, организованные на западный манер учебные заведения города. Оторванные от тепла родительского дома, молодые люди чувствовали себя одиноко и, чтобы забыться, с охотой шли в «веселые кварталы».

Восемьдесят процентов населения уезда, включая почти всех женщин, были неграмотны либо знали менее двухсот иероглифов*. Пять процентов умели читать. Тридцать человек учились в высших учебных заведениях. Шестеро побывали за границей: четыре человека — в Японии, двое — в Англии.

Главный раздел доклада был посвящен вопросу земельной собственности. В нем перечислены имена двадцати крупнейших землевладельцев. Список открывал Пань Минчжэн, которого местные жители звали Горой Дерьма, обладатель неслыханного состояния в сто пятьдесят тысяч американских долларов. За этим списком шел другой — из сотни помещиков средней руки, с указанием их образования, семейных связей, политических взглядов и размеров капитала. Политические взгляды, отмечал Мао, далеко не всегда соответствовали классовому положению: многие помещики оказались если не «прогрессивными», то хотя бы «не реакционерами». Крупные землевладельцы составляли полпроцента населения, средние — три процента, зажиточные крестьяне — четыре. Крестьян-

* Наиболее полные словари китайского языка насчитывают около 50 тысяч иероглифов. В современном обиходе образованному китайцу вполне хватает 5–8 тысяч. Для чтения газеты требуется знать примерно 2–3 тысячи знаков. — *Примеч. пер.*

середняков Мао насчитал двадцать процентов. Все остальные были бедняками или наемной рабочей силой.

В том же году, но чуть позже, Мао получил примерно такие же данные по уезду Синго.

Эта статистика дала ему возможность утверждать, что зажиточные крестьяне представляют «абсолютное меньшинство населения». Следовательно, оппоненты, подчеркивавшие их значимость для дела революции (и требовавшие более мягкого к ним отношения), впадали в тяжкий грех правого оппортунизма. Богатые крестьяне, заявлял Мао, это «сельская буржуазия, реакционная от начала до конца». У них следует конфисковать не только излишки земли, партия обязана заставить богатеев отдать часть оставшейся после конфискации плодородной земли беднякам в обмен на их истощенные участки.

Но весной 1931 года, когда в партии особенно сильны были позиции Ван Мина и его «возвращенцев», такие взгляды Мао считались чрезмерно «умеренными».

Примерно тогда же Сталин разворачивал кампанию против кулаков, унесшую жизни двенадцати миллионов российских крестьян. Не было ничего удивительного в том, что «возвращенцы» заявляли о необходимости конфискации не только излишков, но и всей земли и имущества зажиточного крестьянства вообще. Помещиков перераспределение лишало всего, «крепкие хозяева» получали довольно неплодородные земли, а беднякам и середнякам доставались лучшие участки.

Для того чтобы этот принцип неуклонно соблюдался на практике, Бо Гу в 1931 году поручил Мао возглавить «движение по переписи земель». Мера наказания, считал он, должна соответствовать мере вины. Мао нес ответственность за прежнюю политику, оказавшуюся слишком мягкой, — пусть теперь он же исправляет допущенные ошибки. Однако и без этого Мао являлся наиболее подходящей для такого задания фигурой: ему лучше, чем любому другому лидеру партии, были известны проблемы, с которыми сталкивалась каждодневная практика земельной реформы.

Требовалось выработать четкие правила того, как поступать с водоемами, постройками, целинными землями, холмами и лесами, бамбуковыми рощами, «зеленым урожаем», выращенным, но не собранным к моменту перераспределения. Были загвоздки административные: должна ли реформа осуществляться на базе деревни? Района? В деревне кланово-родственные связи неизбежно возьмут верх над классовыми и экономическими

интересами. Район с населением около тридцати тысяч человек был слишком громоздким для соблюдения всех тонкостей сложного процесса. А что делать с мелким помещиком, который всей душой за революцию? Или крестьянином-бедняком, превратившимся в местного тирана?

За осень Мао написал целую энциклопедию, содержащую ответы на тысячи подобных вопросов. Он создал настоящую классификацию крестьянства: кого считать помещиком, зажиточным крестьянином, середняком. Так, крестьянин мог считаться зажиточным, если хотя бы один член его семьи занимался производительным трудом не менее четырех месяцев в году, если по крайней мере пятнадцать процентов своих доходов он получал посредством любой формы эксплуатации: с помощью наемного труда, сдачи земли в аренду, ростовщичества. Для середняка планка была ниже. На школьных примерах Мао пояснял систему подсчетов:

«Семья, где двое работающих кормят одиннадцать едоков, владеет полем, с которого собирает урожай, оценивающийся в 480 долларов. 30 долларов дают чайные кусты на склоне холма, 15 — пруд, а еще 50 — домашняя живность. В течение семи лет они используют наемного работника, чей труд приносит еще 70 долларов. Деньги, отданные в рост под 30 процентов, оборачиваются 75 долларами прибыли. Взрослый сын шантажом и запугиваниями сельчан приносит в дом еще какую-то сумму.

Вывод: двое членов семьи работают сами, привлекают наемную силу и дают деньги в долг. Доход от эксплуатации составляет более 15 процентов их общих доходов. Хотя семья большая, после оплаты всех издержек у нее остается еще достаточно средств. Следовательно, мы имеем дело с зажиточными крестьянами, которые не могут претендовать на хорошие земли. Их взрослому сыну, социально вредному элементу, никакой земли не полагается вообще».

Мао настаивал на том, чтобы разработанные им инструкции применялись с «величайшей осторожностью», поскольку определение статуса является «вопросом жизни и смерти» для каждого крестьянина. В то же время он отлично сознавал тщетность этих предостережений. Земельная реформа, писал он, это «беспощадно жестокое орудие классовой борьбы», цель ее — ослабить зажиточных и покончить с помещиками. Самых же ненавистных мироедов необходимо «провести по деревням и публично казнить по приговору народных масс».

В подобных условиях всякая осторожность являлась ненужным излишеством. Крестьяне-бедняки прекрасно по-

нимали: чем больше помещиков и крепких хозяев они изгонят из своих деревень, тем больше хорошей земли им достанется. Во многих районах из страха быть причисленными к «богатеям» в горы бежали даже середняки.

«Движение по переписи земель» так и не было доведено до конца: менее чем через полтора года всю территорию советских районов вновь заняли войска националистов. Однако созданная им атмосфера на долгое время определила сознание общества. После 1933 года в «красных зонах» классовое происхождение стало решающим фактором в судьбе человека и оценке его социальной значимости. Полностью стряхнуть с себя эти путы Китай не смог и пятьдесят лет спустя: еще в середине 80-х многие потомки крупных и средних землевладельцев обнаруживали, что семейный статус значит куда больше, нежели личные способности, образование и достойный труд. Некоторые двери оставались для них наглухо закрытыми. Полустертые следы застарелой ненависти можно было встретить в китайском обществе и позже.

«Движению по переписи земель» сопутствовала неуемная страсть искоренить «контрреволюционное наследие феодальных пережитков». Искоренение походило на недавнюю кампанию борьбы с агентами «АБ-туаней». Мао не остался в стороне. Он заявил: «Классово чуждые элементы с целью саботажа прокрались в руководящие советские органы и ряды армии. Борьба с ними не терпит никакого отлагательства. Необходимо нанести последний, решительный удар по силам феодализма».

Во главе этой борьбы встал Дэн Фа, начальник службы политической безопасности советского района, — подвижный, умевший заразительно смеяться мужчина, который больше всего на свете любил ездить верхом и стрелять из снайперской винтовки. Однако его лукавая улыбка ввергала большинство окружавших не в веселье, а в страх. Телохранители Дэн Фа не расставались с широкими саблями, рукояти которых украшали пурпурные кисти. В 1931 году в Фуцзяни он вычищал из рядов партии социал-демократов; к семьям тогда не вернулись тысячи человек. Теперь, с одобрения Мао, Дэн Фа закладывал основы той практики, что будет неразрывно связана с последующими политическими кампаниями коммунистов.

Работа начиналась с составления списков сомнительных классовых элементов, помещиков, местных тиранов и прочих явных и скрытых врагов революции. На улицах городов и деревень появились «ящики разоблачений», куда жители опускали анонимные до-

носы на своих соседей. Вся юридическая волокита отменялась. «Явную вину необходимо в первую очередь наказать, — говорил Мао, — а разбираться и докладывать можно позже». Благословил он и еще более зловещее начинание, когда людям вдруг сообщалось о раскрытии не существовавшей в действительности вражеской организации: «общества единомышленников» и «бригады истребителей» в Юйду или «тайной стражи» в Хуэйчане. Такие сообщения служили удобным предлогом для вызова на допрос.

Методы, разработанные Мао и Дэн Фа в Цзянси, нашли самое широкое применение уже в народном Китае — тридцать лет спустя.

Столь же долговечными оказались и законы, принятые первым советским правительством под руководством Мао. «Уложение о наказаниях за контрреволюционную деятельность», опубликованное в апреле 1934 года, перечисляло более двух десятков преступлений, за которые предусматривалась только одна кара — смерть. Ею наказывалось «участие в разговорах, направленных на подрыв доверия к советской власти», и «нарушение закона, совершенное по незнанию». Заключительный параграф «Уложения» подчеркивал, что аналогичным образом будут наказываться и «другие, не включенные в текст настоящего документа контрреволюционные действия». Уголовный кодекс страны сохранял этот параграф до начала 90-х годов.

К этой практике прибегали не только коммунисты. Принцип «хватать всех» действовал еще в императорском Китае, его-то и унаследовали и Гоминьдан, и КПК. Как для первых, так и для вторых закон являлся слугой политики: под его защитой находились не права личности, а незыблемость господствующей ортодоксии.

Точно так же вошли в политическую жизнь КНР и сформулированные в конце 1931 года в Жуйцзине положения о выборах. К избирательным урнам шли граждане, достигшие шестнадцати лет, но само избирательное право было предоставлено лишь «правильным» классовым категориям: рабочим, солдатам, беднейшему крестьянству и середнякам. Торговцы, помещики, зажиточные крестьяне, священнослужители всех рангов в выборах участия не принимали. Кандидатов выдвигали местные партийные органы исходя из их социального происхождения и «уровня политической сознательности», означавшего, по словам Мао, «правильность мышления». Деловые качества стояли на третьем месте. В большинстве случаев выборы проходили поднятием рук и считались состоявшимися, если в них принимали участие девяносто процентов электората.

Мао настаивал на том, чтобы не менее четверти избранных составляли женщины. Это было его вкладом в борьбу с «феодально-патриархальной идеологической системой» традиционного Китая. Еще пятью годами раньше, в Хунани, он с удовлетворением отмечал, что «привыкшие к тяжелому ручному труду» женщины из бедных семей обладают большей независимостью и «с легкостью занимаются внесемейными делами». Чувственность заставляла Мао приветствовать и сексуальную свободу женщин*. Однако причина его повышенного внимания к слабому полу крылась в другом. За полвека до того, как в Европе стали входить в моду теории равенства полов, Мао понимал, что воспитать мужчину означало воспитать личность, но воспитать женщину было равнозначно созданию новой атмосферы в семье.

Поскольку ключ к решению вопроса эмансипации лежал в смене старого института брака, за что Мао ратовал еще во времена «Движения 4 мая», первым законом, принятым Китайской Советской Республикой, как и первым законом КНР, принятым двадцать лет спустя, стал закон, наделявший мужчин и женщин равными правами в браке и разводе.

Приветствовали его далеко не все. Среди крестьян можно было слышать жалобы: «Революция избавляет нас от всего, в том числе и от жен». Некоторых женщин обретенная свобода опьянила настолько, что они принялись ежегодно менять мужей. Для поддержания боевого духа армии пришлось вносить в новый закон дополнение, согласно которому жены военнослужащих могли получить развод только с согласия мужа. Зато нововведения пришлись очень по вкусу главному резерву партии — молодым людям, при старой системе годами не имевшим возможности купить себе спутницу жизни. Восторженно их приняли и крестьянки. Закон этот Мао считал одним из главных своих достижений. «Демократический институт брака, — подчеркивал он, — разорвал феодальные оковы, опутывавшие людей на протяжении тысячелетий, он утвердил новый тип взаимоотношений между мужчиной и женщи-

---

* Свидетельств этому Мао дает более чем достаточно собственноручно. В докладе из Сюньу, посвященном чисто экономическим вопросам, он уделял необычно большое внимание перемене общественных нравов, подробно описывая, как поведение молодых женщин становится «все более свободным», как они под предлогом сбора хвороста «надолго уединяются в горах с молодыми мужчинами, а будучи в компаниях, в открытую меняются партнерами со своими подругами». — *Примеч. авт.*

ной — взаимоотношений, соответствующих естественной натуре человека».

С головой погрузившись в работу правительства, Мао ушел в политическую тень. У него не было особых властных полномочий, он не играл важной роли в ширящейся кампании чистки. Ранней весной 1933 года Чжоу Эньлай и Чжу Дэ разбили войска Чан Кайши, в четвертый раз попытавшегося окружить «красные зоны», причем сделали это, прибегнув к многократно осужденной центром тактике Мао. Захват Красной армией более десяти тысяч пленных вдохновил Мао, в марте он предпринял усилия, чтобы восстановить утраченное влияние на военных, однако на его честолюбивых устремлениях вновь поставило крест вмешательство Бо Гу.

Спустя три месяца Мао попросил Центральное Бюро пересмотреть принятое в Нинду решение об отстранении его от участия в руководстве армией. Бо Гу категорически отказывался, сказав, что решение было абсолютно правильным и «без него победа над националистами стала бы невозможной».

Осенью, с первыми успехами «движения по переписи земель», позиции Мао несколько окрепли, кампания против «линии Ло Мина» постепенно затухает. В сентябре, вскоре после начала пятой операции войск Чан Кайши, Мао вместе с Чжу Дэ принял участие в длившихся месяц переговорах с расквартированной в Фуцзяни 19-й Походной армией. Ее командование было разочаровано отказом Чан Кайши принять эффективные меры против оккупировавших Маньчжурию японцев. В соответствии с достигнутым соглашением штаб армии установил постоянную негласную связь с «красными зонами» и через четыре недели объявил о создании независимого от нанкинского режима Революционного народного правительства.

Даром небес стало его появление для Красной армии. Бо Гу еще летом настаивал на изнурительном и явно бесперспективном походе с целью расширения советского района на север. Охранявшие северные подступы к «красной зоне» войска Чжу Дэ под натиском дивизий Чан Кайши несли тяжелые потери и были вынуждены оставить город Личуань, в 200 километрах от Жуйцзиня. Теперь же националистам приходилось часть своих главных сил отвлекать для отпора мятежникам в Фуцзяни. Спасение к отрядам Красной армии пришло с самой неожиданной стороны.

И все же партийное руководство мучали сомнения относительно надежности вновь обретенного союзника. Даже Мао, на протяжении всего пребывания в Цзянси требовавший от

коллег активнее играть на разногласиях и конфликтах между различными группировками милитаристов, не знал, какую именно поддержку следует оказать Революционному народному правительству. Когда в конце декабря, раньше, чем кто-либо мог предположить, Чан Кайши начал полномасштабное вторжение в Фуцзянь, коммунисты заколебались. Их весьма ограниченная помощь 19-й Походной армии пришла слишком поздно. Разгромив мятежников, Чан Кайши вновь получил возможность вернуться в Цзянси.

Воспользовавшись двухмесячной передышкой в боях, ЦК провел в январе 1934 года свой 5-й пленум, решения которого в очередной раз подтвердили двойственность положения Мао. Он вновь стал полноправным членом Политбюро, то есть возвратился на пост, который занимал почти десятилетием раньше*. Поступить иначе пленум не мог — помня о той поддержке, которой пользовался Мао в Москве и о его должности «главы государства». Однако по своему рангу Мао был одиннадцатым — и последним — в составе Политбюро. На протяжении четырех дней Бо Гу и другие руководители партии критиковали его «правооппортунистические взгляды». В конце работы пленума делегатам объявили, что главой правительства назначен Чжан Вэньтянь. Мао сохранял за собой лишь почетный пост Председателя Республики.

О том, сколь мало для него все это значило, Мао дал понять, попросту отказавшись «по причине болезни» присутствовать на заседаниях. Чуть позже Бо Гу с ехидством заметил, что «слабое здоровье не помешало товарищу Мао» через несколько дней председательствовать на Втором съезде советов, где он прочитал девятичасовой доклад.

Многие годы спустя Мао заявил, что на 5-м пленуме верх одержала «левоуклонистская линия возвращенцев». В своем отчете, ставшем

---

* Одним из пяти членов Бюро Центрального Комитета, как тогда называлось Политбюро, Мао был с июня 1923 по конец 1924 года. В мае 1927-го он вернулся в руководство партии как кандидат в члены ЦК. В июне 1928-го он стал полным членом Центрального Комитета и сохранял за собой этот пост на протяжении еще сорока восьми лет. В сентябре 1930 года 3-й пленум ЦК вновь сделал Мао кандидатом в члены Политбюро. После казни Сян Чжунфа с лета 1931 года и до созыва 5-го пленума Политбюро не функционировало (хотя члены его, к недоумению многих, сохраняли свой статус). На смену ему пришел «Временный центр», руководители которого — Бо Гу и Чжан Вэньтянь — не входили в Политбюро. Весной 1933 года эти двое возглавили Центральное Бюро, которое просуществовало до формального восстановления в январе 1934 года Политбюро ЦК КПК. — *Примеч. авт.*

политической резолюцией пленума, Бо Гу утверждал: «В Китае сложилась настоящая революционная ситуация, являющаяся необходимой предпосылкой всенародного восстания. Страну все шире охватывает пламя революционной борьбы». Его слова были очень далеки от истины. В то время, когда Бо Гу их произносил, армии Чан Кайши уже продолжили свое неумолимое продвижение на юг.

Избранная на этот раз националистами тактика «блокирования» резко отличалась от их методов ведения боевых действий в предыдущих кампаниях. Теперь они возводили каменные форты с толщиной стен до шести метров, в некоторых местах укрепленные сооружения разделяло чуть больше двух километров. «Черепаховые панцири», как называли их коммунисты, располагались по огромной трехсоткилометровой дуге вдоль северной и западной границ «красной зоны». Продвигаясь вперед, авангардные части строили новые линии укреплений — буквально в нескольких километрах от старых. Прибывшие к Чан Кайши из Германии военные советники с чисто тевтонской педантичностью пресекали все попытки отступить от принятого замысла. В течение года войска построили четырнадцать тысяч долговременных оборонительных объектов, охватывая территорию «красной зоны» медленно сужавшимся кольцом.

Немецкий советник был и у коммунистов. В конце 1933 года по заданию Коминтерна из Шанхая прибыл Отто Браун, до этого обучавшийся в Военной академии имени М.В. Фрунзе в Москве. Однако предложенная им тактика «коротких и быстрых ударов», предполагавшая молниеносные атаки на оставленные ушедшим вперед противником форты, повсеместно приводила к провалам. Ожидать иного было бессмысленно: Чан Кайши навязывал отрядам Красной армии свои условия позиционной войны, имея огромное численное преимущество в живой силе. В 1934 году Мао по крайней мере дважды предлагал, чтобы Красная армия, совершив прорыв в Чжэцзян или Хунань, вышла из кольца укреплений на равнину, где можно было применить излюбленную коммунистами тактику мобильных военных действий. Однако Бо Гу и Браун, называя его идеи «пораженческими», отвергали их с ходу.

Осложнение военного положения обостряло в «красной зоне» и политический психоз. Офицеры созданных в армии «особых отделов» вели на передовой край карательные отряды, задачей которых было контролировать действия войск в бою. Двадцатипятилетний командир полка Гэн Бяо вспоминал позже, что произошло, когда его подчиненные оставили господствовавшую на местности высоту: «С «маузером» в руке ко мне приближался начальник «особого

отдела» Ло Жуйцин. Мелькнула мысль: дело дрянь. В то время головы летели с плеч и за меньшее. Подойдя, он ткнул дуло пистолета мне под нос и заорал: «Что здесь, черт побери, происходит?! Почему твои люди бегут?»

Судьба была милостива к Гэну. Он не только довел бой до конца, но и стал спустя много лет послом КНР в Москве. Другим везло меньше. О провозглашенном в Цзинганшани принципе добровольности армия уже не вспоминала.

Еще хуже приходилось гражданскому населению. Все рекомендации Мао по проведению земельной реформы были отброшены. В ходе обрушившихся на село «красных» погромов погибли тысячи людей, десятки тысяч бежали в другие районы страны.

В апреле 1934 года Красная армия потерпела сокрушительное поражение под Гуанчаном, в ста километрах к северу от Жуйцзиня. Военную блокаду дополняла экономическая. Крестьяне-новобранцы дезертировали из армии сотнями. Множившиеся акты саботажа, вымышленные или реальные, привели к резкой активизации борьбы с «контрреволюционерами». Огромная территория погрузилась в дьявольскую пучину всеобщей ненависти и отчаяния.

Вскоре после поражения, по-видимому, в начале мая, Бо Гу и Чжоу Эньлай пришли к мысли, что «красную зону» придется, возможно, оставить. Об этом сообщили в Коминтерн. Бо, Чжоу и Отто Браун начали составлять планы ухода.

Мао ни о чем не догадывался. В течение всего лета Политбюро оставалось в полном неведении относительно колебаний, не дававших покоя двум вождям. Да и в любом случае Мао никоим образом не желал быть причастным к принятым за его спиной решениям, с которыми он был к тому же и не согласен. После 5-го пленума ЦК он прекратил даже посещать заседания Военного совета и провел май и июнь в южных уездах Советского района, как можно дальше от полей боевых сражений. В конце июля, когда бомбовые налеты националистов вынудили руководство партии эвакуироваться в Шачжоуба, Мао вместе с Хэ Цзычжэнь перебрался в даосский монастырь на Юньшишань (Гора Каменных Облаков), окруженный фантастическими очертаниями скал, покрытых густыми зарослями пиний и бамбука. Политбюро и Военный совет расположились в соседней деревне, где Мао почти не показывался. Им вновь овладело стремление удалиться от мирской суеты.

Но и здесь его настигли ветры новых перемен.

Тревожившие Мао политические проблемы осенью начали серьезно сказываться на его здоровье. Получивший об-

разование в колледже миссионеров доктор Нельсон Фу, возглавлявший довольно примитивную медицинскую службу Красной армии, был озабочен состоянием Мао настолько, что учредил над ним постоянный контроль своих подчиненных. В сентябре у приехавшего в Юйду Мао началась настоящая лихорадка, несколько дней он провел почти без сознания с температурой за сорок. Проскакав сто километров, доктор Фу поставил диагноз: острая церебральная малярия, и лечил своего пациента огромными дозами кофеина и хинина.

Человеком, пославшим врача в Юйду, был Чжан Вэньтянь, сменивший Мао на посту главы правительства и бывший долгое время надежным союзником Бо Гу. После поражения под Гуанчаном между ними разгорелся ожесточенный спор по поводу тактики, навязанной армии Отто Брауном. Чжан заявил, что советник Коминтерна «ни черта не смыслит» в условиях местности и не принимает в расчет очевидное неравенство сил. В ответ Бо Гу обвинил собеседника в меньшевизме. На протяжении последующих четырех месяцев разбросанные по шести фронтам силы Красной армии медленно таяли в изматывающей душу позиционной войне, которую Бо вел под лозунгом «Не отдадим врагу и пяди советской территории!». Чжан Вэньтянь ощущал все более крепнущее недовольство и разочарование. В период затворничества Мао на Юньшишани он был единственным посетившим его членом высшего руководства партии. Уже тогда Чжан не скрывал своих настроений от Мао.

Другим членом Политбюро, относившимся к нему сочувственно, был тяжело раненный во время четвертой кампании Ван Цзясян. Неизвлеченные осколки мины вынуждали его передвигаться только на носилках.

Поначалу Бо Гу распорядился, чтобы в ходе «стратегического перемещения», как называли предстоящий отход армии, все трое были приписаны к различным частям. Позже по неясным причинам он передумает и позволит им остаться вместе. Впоследствии за эту ошибку Бо Гу заплатил высокую цену.

Ни Чжан Вэньтянь, ни Ван Цзясян не были для Мао серьезными соперниками — в отличие от Чжоу Эньлая. Под Гуанчаном Бо Гу отодвинул его в сторону и верховным политкомиссаром армии назначил самого себя. С этого момента Мао начал старательно обхаживать Чжоу. Из июньской поездки по южным уездам Цзянси он послал ему подробный доклад о военной ситуации вдоль границы с Фуцзянью, а осенью составил руководство по

веднию партизанской войны, которое Чжоу издал в виде директивы Военного совета армии. Но, выступив однажды в защиту Мао, осторожный Чжоу Эньлай уже обжегся. Бросать новый вызов пользующемуся поддержкой Коминтерна Бо Гу он был не намерен. Поэтому, когда в четверг 18 октября 1934 года Мао вместе с телохранителями выехал из Юйду, главная партия драматической игры была еще впереди.

Из семи лет войны проведя три года на посту Председателя Китайской Советской Республики, Мао абсолютно не был уверен в собственном будущем. Все его нажитое за это время имущество состояло из двух одеял, простыни, дождевой накидки, пальто, сломанного зонта и стопки книг.

Для того чтобы быть рядом с Мао ожидавшая уже третьего ребенка Хэ Цзычжэнь вынуждена была скрепя сердце оставить двухлетнего сына со старой нянькой. В разрушительном вихре, пронесшемся по «красной зоне» после ухода коммунистов, пожилая женщина передала мальчика на попечение своих знакомых, и следы его были безвозвратно утеряны. Активный розыск, предпринятый в начале 50-х годов, результатов не дал. С утерей сына еще одна частица души Мао обратилась в прах.

ГЛАВА 10

В ПОИСКАХ СЕРОГО ДРАКОНА: ВЕЛИКИЙ ПОХОД НА СЕВЕР

В то время как Красная армия с боями шла по южным провинциям Китая, на другой стороне земного шара, в Европе, мрачной осенью 1934 года уже готовились к новой, еще невиданной в истории человечества битве те силы, что породила бойня Первой мировой войны. Отдыхавший всего в часе езды от Мюнхена на модном курорте Бад-Вайсзее германский канцлер Адольф Гитлер в предрассветные часы 30 июня принял решение о чистке «штурмабтейлунга» — штурмовых отрядов коричневорубашечников. Незадолго до этого они привели его к власти, но уже успели стать препятствием, по-видимому, последним, к объединению наци — и нации — вокруг своего фюрера и его идей. Брошенные той ночью в благодатную почву ядовитые семена дали отлич-

ные всходы. В стране начали создаваться концентрационные лагеря, где в лучший мир отправлялись миллионы евреев, цыган, коммунистов — словом, всех тех, кто по каким-либо причинам был неугоден фашистскому режиму. Ровно через пять месяцев это начинание продолжил Сталин*. 1 декабря вошедший в здание Ленинградского обкома партии убийца-одиночка оборвал выстрелом жизнь предполагаемого соперника вождя — ставшего опасно популярным в народе С.М. Кирова. Убийство явилось сигналом к Великой чистке, беспощадное пламя которой за пять лет поглотило более миллиона человек: старых большевиков, троцкистов, бухаринцев, командиров Красной армии, партийных функционеров, агентов ГПУ — мнимых и истинных оппонентов великого вождя. Десятки миллионов отправились в лагеря, вернуться откуда предстояло очень немногим. На таком фоне развернутая Мао в Цзянси кампания против «АБ-туаней» явилась всего лишь робким вступлением будущей кровавой увертюры.

Но в мировую историю 1934 год вошел другим событием, послужившим детонатором адской машины, взрыв которой расчистил путь ужасающему шествию сил зла. 5 декабря спор о колодцах Валваля, крошечного оазиса в пустыне Огаден, привел к вооруженному столкновению между эфиопами и отрядами итальянской армии, расквартированными в Сомали. Шестью днями позже, когда на совещании в Тундао Мао начал свое долгое восхождение на вершину власти, Бенито Муссолини выдвинул ультиматум с требованиями репараций. Инцидент в Валвале стал предлогом для вторжения итальянских войск в Абиссинию, что в конечном итоге привело к созданию «оси» Италия — Германия и, позже, — Япония. Десятилетием ранее учрежденная с целью предупреждения подобных конфликтов Лига Наций прекратила свое существование.

Ни коммунисты — Москвы или Пекина, ни империалисты — в лице великих держав — не догадывались тогда, к чему приведут мир эти драматические события. Но в японской оккупации Маньчжурии, предпринятой с молчаливого согласия Европы, Россия почувствовала угрозу. Страна еще помнила унижение 1905 года и бесчинства японских солдат в Сибири после 1918 года. Начиная с 1931 года политика Москвы приобрела новую тональность. Главная опасность, считал Кремль, крылась не в мировой войне, которой чреваты противоречия среди империалистических стран, но в готовящейся агрессии японского милитаризма в Россию. Этот те-

* В Советской России по прямому указанию Л.Д. Троцкого концлагеря стали возникать еще в 1918 году. — *Примеч. ред.*

зис лег в основу коминтерновского лозунга «Руки прочь от Советской России!», с воодушевлением подхваченного Бо Гу и Ли Лисанем. Ставилась задача создать «единый фронт снизу», для чего мировое коммунистическое движение должно было мобилизовать все нейтральные силы на поддержку антиимпериалистической, антияпонской борьбы. Тактические союзы с буржуазными политическими партиями были забыты.

Благодушие Европы по отношению к политике стран «оси» сохранялось до тех пор, пока царившая на континенте атмосфера страха за собственные интересы не подтолкнула коммунистическую Россию и нацистскую Германию к заключению пакта о ненападении.

В Жуйцзине все обстояло намного проще. В течение пяти последующих лет партийная пропаганда основной упор делала на то, что коммунисты готовы воевать с Японией, а Чан Кайши — нет. Гоминьдан, писал Мао, действует как «верный пес империалистических хозяев» и «позорным непротивлением злу бесстыдно предает родину». До тех пор пока у власти стоит Чан Кайши, никакое сопротивление Японии невозможно, следовательно, первой задачей настоящих патриотов является свержение гоминьдановского режима. В апреле 1932 года Китайская Советская Республика официально объявила войну японскому правительству и призвала к созданию «добровольческой антияпонской армии». Мао и Чжу Дэ выступили с предложением подписать перемирие с любым военачальником националистов, который согласится остановить военные действия против коммунистов и развернет свои силы на борьбу с внешним врагом. Через два года, когда части Красной армии вышли из базового лагеря для осуществления диверсионной операции в Чжэцзяне, руководство партии назвало их маневр «выдвижением антияпонского авангарда».

На людей образованных подобные акты производили впечатление. Оставшаяся без всякого наказания агрессия японского милитаризма означала неслыханное унижение всей нации. Что бы Чан Кайши ни говорил о необходимости расправиться в первую очередь с коммунистами, защитить честь страны он не смог.

Однако вся власть была в его руках — не у коммунистов. Оставив Цзянси и уйдя из заголовков газет, КПК оказалась лишь в канве важнейших событий, вот почему ее призывы к объединению сил перед лицом захватчиков слышали очень немногие. «Коммунизм в Китае находится при смерти», — отмечал летописец Гоминьдана Тан Лянли. Пресса открытых портов полно-

стью с ним соглашалась. «Если выработанный в Цзянси курс столкнется с соответствующими мерами правительства, то вооруженные отряды коммунистов очень скоро превратятся в обычных бандитов», — писала шанхайская «Чжунго чжоубао» (еженедельник «Китай»).

Более трезвых оценок придерживались лишь корреспонденты из Японии. Они пытались доказать, что коммунисты, находясь в удаленных от побережья безопасных и спокойных районах страны, представляют для общества куда бо́льшую опасность. У Японии имелась собственная точка зрения: любое ослабление позиций Чан Кайши только подогревало ее имперские амбиции. Однако в отношении коммунистов недруги угадали — впрочем, так же, как и те в отношении Японии.

Когда в январе 1935 года Красная армия остановилась в Цзуньи, Мао впервые занял в партийном руководстве господствующее положение. Наконец-то коллеги признали, что он оказался прав, а все остальные (в первую очередь Бо Гу, Чжоу Эньлай и Отто Браун) ошибались. Если бы не пришлось оставить базовый лагерь, если бы Бо Гу был более гибким и следовал разумным советам, а Отто Браун избавился бы от своих диктаторских замашек, сохрани Красная армия свои силы при переправе через реку Сян — звездный час Мао мог бы и не наступить. Партия повернулась к нему тогда, когда все иные спасательные средства доказали свою бесполезность.

В отличие от предыдущих ситуаций, когда Мао впадал в явную опалу только для того, чтобы едва ли не через день восстановить утраченное влияние, нынешнее затмение было неполным, и триумфальное возвращение состоялось как бы под вуалью. Формально Мао был и оставался Председателем уже далекой теперь Республики. К тому же он стал членом Постоянного Комитета Политбюро и главным военным советником Чжоу Эньлая (чего тот безуспешно пытался добиться двумя годами раньше на совещании в Нинду). Но существовало и другое, более глубокое различие. Теперь Мао уже не ставил перед собой цель вернуть высокую, но довольно зависимую должность политкомиссара или секретаря парткома приграничного района. Сейчас, в возрасте сорока одного года, он метил на самый верх.

Если первый шаг к этому был сделан в Тундао, то Цзуньи и вся весна 1935 года знаменовали начальную стадию борьбы за власть, причем Мао четко осознавал, что достичь в этой

борьбе победы он сможет не лихим штурмом, но лишь медленной и кропотливой проработкой мельчайших деталей. Между постами члена Постоянного Комитета и высшего руководителя партии лежала бездна, перепрыгнуть через которую уже пытались, но ни одна из таких попыток не заканчивалась успехом. Между Цзуньи и северо-западными районами страны, конечным пунктом устремлений коммунистов, лежала военная кампания, исход которой никому не был известен.

Из восьмидесяти шести тысяч личного состава Красной армии, выступивших в поход тремя месяцами ранее, до Цзуньи дошли всего тридцать. Уже более года сколь-нибудь серьезные военные победы обходили армию стороной. Своим выживанием она была обязана не мудрой стратегии своих командиров, а обычному инстинкту самосохранения местных военачальников. Они почли за благо уступить дорогу и не рисковать своими силами ради потенциального союзника и очевидного соперника — Чан Кайши.

Мао начал с укрепления боевого духа армии.

Поднять его оказалось намного труднее, чем он предполагал. Совещание в Цзуньи пришлось резко оборвать, чтобы дать военному руководству возможность повести свои части в атаку на приближавшиеся с юга отряды милитаристов. Последующие пять недель Красная армия терпела гнетущую тоску от отступления. Попытка перейти Цзиньшацзян (Река Золотого Песка) в верховьях Янцзы, чтобы основать новую базу в Сычуани, едва не закончилась неудачей, подобной переправе через реку Сян. Ни о чем не подозревая, армия спокойно попала в засаду, устроенную войсками сычуаньских и гуйжчоуских военачальников. В ожесточенной схватке было потеряно еще три тысячи бойцов.

Преследуемая по пятам противником, Красная армия продолжала отступать. Родовые схватки начались у Хэ Цзычжэнь прямо в дороге. У заброшенного дома ее паланкин поставили на землю, и через полчаса ребенок появился на свет. Младенца — дочь — родители оставили на попечение ближайшей крестьянской семьи. Понимая, что предстоящая разлука окажется вечной, мать даже не дала девочке имени.

В конце февраля коммунистам все же улыбнулась удача, и после боя на перевале Лоушань они вновь вступили в Цзуньи, окружив две дивизии гоминьдановцев и захватив три тысячи пленных. Взволнованный, полный ликования Мао написал одно из лучших своих стихотворений:

Стылый холод принес резкий западный ветер,
Лунный свет с поднебесья дарит криками диких гусей.
Лунный свет...
Звон копыт оглушительно четок —
Почему же не слышно трубы?

Перевал впереди охраняют вершин исполины,
Но его мы сегодня непременно с победой возьмем.
Непременно...
Голубые за ним раскрываются дали,
Алый луч восходящего солнца — словно кровь.

Весной Красная армия вновь становится «армией Чжу и Мао»: первый — ее главнокомандующий, второй — верховный политкомиссар. Все вопросы стратегии решала тройка, состоявшая из Чжу Дэ, Мао и до сих пор передвигавшегося в паланкине Ван Цзясяна. Она напрочь отвергла отжившие способы ведения боевых действий. На два месяца Мао с головой ушел в перипетии мобильной войны, сбивающей с толку отряды преследователей и сводящей с ума опытнейших штабистов Чан Кайши. Четыре раза части Красной армии переехали Чишуй (Красную реку), перед тем как широкой дугой двинуться на юг и пройти всего в нескольких милях от Гуйяна, превращенного Чан Кайши в свой командный пункт. Затем войска направились в сторону главного города Юньнани — Куньмина, лежавшего в семистах километрах на юго-запад, — только для того, чтобы в начале мая свернуть окончательно на север и перейти Янцзы там, где противник никак не ожидал этого.

Примененную в Гуйчжоу стратегию Мао позже назвал «верхом» своей военной карьеры. «Чжунго чжоубао» признала тогда, что «у «красных» очень грамотные военачальники, и было бы непростительной глупостью отрицать это». Комендант гоминьдановского гарнизона с горечью говорил: «Они умудрились утереть нос самому Чан Кайши».

Его представители пытались в своих выступлениях скрыть царившее в правительстве замешательство. Было объявлено о том, что Чжу Дэ убит и возле его завернутого в красное полотнище тела навытяжку стоят адъютанты, что «пресловутый смутьян» Мао Цзэдун серьезно болен и не встает с носилок, а остатки «красных банд» в страхе разбежались по всей стране. К этому времени Красная армия была уже вне пределов досягаемости, разбив лагерь возле уездного города Хуэйли, в пятидесяти километрах от

Янцзы. Отходя от реки, бойцы в радиусе двухсот километров перегнали все суденышки к северному берегу, не оставив чанкайшистам ни средств, ни желания продолжать погоню.

Там, на расширенном заседании Политбюро, Мао с гневом обрушился на сомневающихся и несогласных с его точкой зрения. Первыми шквал предстояло выдержать Линь Бяо и его комиссару Не Жунчжэню, жаловавшимся на то, что предпринятая по настоянию Мао одиссея без всякой нужды изнурила бойцов. Оба настаивали на передаче оперативного управления Пэн Дэхуаю. Затем настал черед самого Пэна, вечно рвавшегося в бой и без должных раздумий поддержавшего идею перехода. Следующими оказались Лю Шаоци и Ян Шанкунь: они предлагали остановить метания по провинциям и начать оборудовать новую постоянную базу. За ними, без всяких сомнений, последовали и другие. Самому молодому из них, двадцатисемилетнему Линь Бяо, Мао с насмешкой бросил в лицо: «Ты так и остался ребенком! Куда тебе понять. Неужели не ясно, что кроме как по дуге другого пути у нас не было?» Больше всех, как обычно, досталось Пэну, он даже слегка покаялся. Но в те минуты Мао мог позволить себе быть великодушным. Главным в лагере под Хуэйли для него оставалось обеспечить за спиной прочные партийные и армейские тылы для еще только предстоявших судилищ. Оппоненты должны были уже в который раз признать его правоту и свои собственные ошибки.

За переход Красная армия заплатила немалой кровью. Она насчитывала теперь чуть больше двадцати тысяч человек. Однако благодаря Мао войскам удалось выйти из ситуации, которую большинство руководителей считали совершенно безнадежной. Впредь ни военное командование, ни сопровождавшие армию лидеры партии не допускали и тени сомнений в разумности стратегических замыслов Мао и его неоспоримом авторитете.

Оставался нерешенным вопрос: куда должна направиться Красная армия? С превращением «похода на запад» в «Великий поход» его маршрут неоднократно изменялся. Планы Политбюро соединиться с отрядами Хэ Луна в северо-западной Хунани, создать новую базу в окрестностях Цзуньи и установить советскую власть на юго-западе Сычуани оказались несостоятельными. Бойцам и командирам не хватало уверенности в том, что их руководство твердо знает конечную цель похода. Долго ожидавшееся решение было принято в Хуэйли. Войска пойдут на север, к 4-й Фрон-

товой армии Чжан Готао, тремя годами ранее выдвинувшейся из Эюйвани в северные районы провинции Сычуань.

Впереди лежал долгий путь, на котором Красной армии предстояло проявить чудеса храбрости и выдержки, развеять миф о непобедимости и героизме националистов.

Покинув Хуэйли в середине мая, армия оставила за своей спиной пышную зелень субтропиков и ступила на высокогорное плато, где склоны холмов покрывали заросли азалий, рододендронов, олеандра и других экзотических растений, привезенных в девятнадцатом веке из Гималаев в Англию — к вящему удовольствию британских садовников. В местах этих обитала воинственная бирманская народность, вступавшая в бесконечные стычки с надвигавшимися из равнинных просторов ханьцами. Начальник штаба Красной армии Лю Бочэн, известный как Одноглазый Дракон, выпив крови принесенного в жертву цыпленка, стал побратимом верховного вождя, гарантировавшего такой ценой безопасность прохода войск. Но даже авторитет вождя не мешал его соплеменникам нападать на отставших от армии бойцов: их разоружали, раздевали и бросали умирать от голода.

Покинув негостеприимных бирманцев, Красная армия направилась к реке Даду, протекавшей в ста километрах к северу. Семьюдесятью годами ранее последний из руководителей Тайпинского восстания Ши Дакай сдался здесь отрядам цинского наместника и был четвертован, а сорока тысячам его солдат отрубили головы. Красную от крови воду река несла на протяжении четырех дней. Историю этих мест Чан Кайши знал не хуже Мао. Своим военачальникам в Сычуани он отдал приказ занять важнейшие горные перевалы — с тем чтобы вытеснить Красную армию на правый берег реки.

Ее передовые части уже достигли Аньшуньчана, где находилась паромная переправа. Но река разлилась, и на переправе оставались лишь три небольших лодки. Этого было недостаточно даже для авангарда. Мао приказал полковому комиссару Ян Чэнъу двигаться к расположенному в ста восьмидесяти километрах вверх по течению городу Лудину — там с незапамятных времен реку перекрывал подвесной мост.

Через Лудин проходил древний путь из столицы Тибета Лхасы в Пекин. Но Аньшуньчан не связан с Лудином ни одной дорогой. Ян Чэнъу повел своих людей узкими горными тропами, извивавшимися, по его воспоминаниям, как «кишки барана», над многометровой бездной. Продвижение вперед замедлилось схваткой с

батальоном гоминьдановцев, охранявших подступы к перевалу. Частый дождь превращал тропы в потоки жидкого месива, стоял густой туман. Через два дня на стоянку отряда в пять утра прибыл гонец Военного совета: разведка сообщила, что противоположный берег реки уже занят войсками националистов, также продвигавшимися к северу. Преодолеть по горам сто пятьдесят километров, отделявших отряд от Лудина, предстояло всего за сутки.

Немыслимый по своей трудности марш и последовавший за ним бой превратились в легенду, которая позже формировала сознание целого поколения. В историю страны эти события вошли как «наиболее критический момент Великого похода». Малейшая неудача в тех условиях означала бы уничтожение всей армии.

Полк Ян Чэнъу прибыл в Лудин на рассвете следующего дня.

Однопролетный мост состоял из тринадцати металлических цепей и узкого настила хлипких, разболтанных досок длиной около ста десяти метров — без всякого ограждения или перил. Ближе к западному берегу настил по приказу командования националистов был разобран, над водой свободно болтались проржавевшие цепи. На восточном берегу съезд с моста преграждала шестиметровая каменная башня с воротами, в бойницах чанкайшисты установили пулеметы. Значительно позже Ян признавал, что поставленная перед ним «задача казалась совершенно невыполнимой».

Вперед выступили двадцать два добровольца. Последующие события по рассказам немногих уцелевших участников описывал Эдгар Сноу:

«Обвешанные гранатами и «маузерами», они перебирали руками раскачивающиеся над бушующими потоками воды цепи. «Красные» прикрывали своих бойцов длинными пулеметными очередями, но не молчал и противник: открыли огонь его снайперы. Сорвался и полетел в буруны первый герой, за ним второй, третий... Никогда еще Сычуань не видела подобных воителей — мужчин, для которых солдатское дело означало не чашку риса, но нечто совсем иное. Люди ли они — или небесное воинство?..

Но вот висевшему над рекой бойцу удалось выдернуть чеку, и он с поразительной меткостью швыряет гранату во врага. Офицер националистов приказывает уничтожить оставшиеся доски, на них выплескивают горящую нефть. Но слишком поздно... «Красные» уже добрались до настила и торопливо заменяют пылающие доски... Замыслы Чан Кайши оказались сорваны».

Реальность была намного прозаичнее созданного Эдгаром Сноу мифа. «Раскачивающиеся цепи» никто руками не

перебирал: бойцы ползли по ним вперед, а вторая группа спешно укладывала в настил новые доски и даже толстые сучья.

Невероятно, но мост все же оказался взят. История не повторяется: там, где тайпинов ждал полный разгром, коммунисты добились победы. В начале июня Красная армия целиком перебралась на восточный берег, запереть ее в теснине гор Чан Кайши так и не удалось.

Совещание командиров обсудило план дальнейших действий.

Лудин расположен в восточных отрогах Гималаев, в тени, отбрасываемой вершиной семитысячника Гунга, высящегося в пятидесяти километрах южнее. Наиболее удобный путь — по равнинам на восток — был отвергнут из-за того, что проходил в непосредственной близости от сосредоточения основных сил противника. Запасной маршрут пролегал вдоль русла реки Даду — на северо-запад, туда, где сходятся границы провинций Цинхай и Ганьсу. Он был нежелателен, поскольку армии предстояло пересечь местности, заселенные тибетцами, которые не испытывали к китайским солдатам никакой симпатии.

Мао выбрал третий путь, на северо-восток: через лежащие на высоте четырех тысяч метров горные перевалы Цзяцзиньшани.

Возобновление похода было не совсем удачным. Летчик с гоминьдановского аэроплана рассмотрел гигантскую змею колонны, в которой двигался Мао вместе с другими членами Политбюро, и, спикировав, сбросил на нее бомбы. Из руководства никто не пострадал, осколком убило только телохранителя Мао. Но трудности лишь начинались. Отто Браун вспоминал:

«Крутыми, осыпающимися тропами мы шли по горному хребту, отделявшему Тибетское нагорье от собственно Китая. Предстояло пересечь множество бурных от таявшего снега рек, преодолеть обманчивые болотные топи и густые первобытные леса. Несмотря на начало лета, температура в полдень не часто поднималась выше одиннадцати градусов, а по ночам бывали заморозки. Редкое население состояло в основном из тибетских национальных меньшинств, носивших в Китае традиционную кличку «маньцзы», то есть «варвары». Правили ими ламы. Местные жители постоянно лежали в засадах, подстерегая небольшие группы наших бойцов или отставших одиночек. Весь наш путь был фактически устлан их жертвами... Армия чудовищно обовшивела, сотни гибли от кровавой дизентерии, отмечались случаи тифа».

Переход по заснеженным вершинам представлял для рядовых бойцов наиболее мучительную часть похода. Ноги

их были обуты лишь в соломенные сандалии, а одежда состояла из протертых до дыр легких курток. Мао вспоминал, как гибли вьючные животные: они ложились на землю и отказывались подниматься. Шедший рядом с ним Дун Биу, секретарь парткома провинции Хубэй, писал, как то же происходило и с людьми:

«Мы погрузились в клубы густого тумана, дул сильный ветер, а в довершение ко всему где-то посреди склона начался дождь. Но бойцы продолжали подниматься. Внезапно пошел сильный град, и воздух стал настолько разреженным, что невозможно было сделать и вдоха. Разговоры моментально смолкли; от невыносимого холода синели губы и руки... Те, кто присаживался на корточки, чтобы отдохнуть или облегчиться, замерзали намертво. Обессилевшие политработники пытались ободрить людей прикосновением или хотя бы жестом. Примерно в полночь мы начали подниматься на новый склон. Дождь сменился снегом, свирепый ветер раскаленным обручем стискивал грудь. На этом склоне упали мертвыми многие сотни. Весь путь мы склонялись помочь упавшему, только чтобы обнаружить: никакая помощь здесь уже не нужна».

На самых трудных участках испытания выпадали даже на долю больных и раненых, которых несли на носилках: их приходилось перекладывать на спины. Та же участь ждала и Хэ Цзычжэнь. Через два месяца после рождения девочки она пошла в медицинский батальон и помогала ухаживать за ранеными. Во время налета гоминьдановских бомбардировщиков Хэ прикрыла собой лежавшего на носилках командира. В общей сложности она получила четырнадцать ран, после чего Мао сообщили, что Цзычжэнь не выживет. И все же ей удалось это. Несколько осколков, в том числе один, попавший в голову, извлечь не удалось, и более месяца Хэ находилась между жизнью и смертью, лишь ненадолго приходя в сознание.

Выбор Мао обходного пути по труднопреодолимым горам оказался правильным. 12 июня, когда авангард 1-й Фронтовой армии спустился наконец в долину, возле деревни Давэй в уезде Маогун его встретили передовые части 4-й армии Чжан Готао. Приняв друг друга за группировки местных милитаристов, обе стороны вступили в перестрелку, и только знакомые сигналы труб предотвратили кровавое недоразумение: связи между армиями не было.

Мао, Чжу Дэ и остальной командный состав прибыли пятью днями позже. Соединение двух армий дало повод грандиозному факельному шествию, за которым последовал настоящий концерт самодеятельности. Двадцатичетырехлетняя Ли Бочжао, миловидная жена полкового комиссара Ян Шанкуня, лихо от-

плясывала неизвестное китайцам «Яблочко» — ему она обучилась еще в Москве. Мао произнес прочувствованную речь, а за ней последовал пир: 4-я армия успела экспроприировать у местных землевладельцев изрядные запасы продовольствия. Через несколько дней в деревню прибыли и основные силы 4-й армии во главе с самим Чжан Готао. Высокий и статный, на четыре года моложе Мао, он появился в сопровождении пышного кавалерийского эскорта. Под проливным дождем все Политбюро прождало его более двух часов. Состоялось новое празднование, а в полночь в задымленной опиокурильнями горной деревушке Лянхэкоу лидеры партии и высшее военное руководство собрались на торжественный банкет.

Проведя восемь месяцев в непрерывных боях, бойцы 1-й Фронтовой армии ликовали: встреча с войсками Чжан Готао сулила долгожданный отдых и возможность пополнить сильно поредевшие ряды.

Однако Мао и Чжан были в этом далеко не уверены.

Их тревожили вопросы, далекие от идеологии или политики. Дело было вовсе не в различии взглядов на будущее китайской революции или методы ее борьбы. Со всей остротой вновь встал вопрос о власти.

От восьмидесяти шести тысяч, вышедших вместе с Мао в октябре прошлого года из Юйду, осталось менее пятнадцати. Чжан Готао имел в подчинении в три, если не в четыре раза больше. Люди Мао были в летних обносках, у Чжана — прекрасно экипированы. Измученные боями южане 1-й Фронтовой армии, непривычные к прохладному горному климату, страдали от недоедания. Даже когда пища находилась — обычная для Тибета цзампа (поджаренная ячменная мука), — желудки отказывались переваривать ее. Войска Чжана, в основном сычуаньцы, находясь в привычных с детства равнинных условиях, не испытывали голода и чувствовали себя в отличной форме.

Всем этим вполне можно было бы пренебречь, если бы партия располагала единым и твердым руководством. Но в 1935 году такового еще не было.

Принятые в Цзуньи решения во многом оставались спорными, поскольку на совещании тогда присутствовали лишь шесть из двенадцати действительных членов Политбюро. Чжан Вэньтянь, ставший временным лидером партии, никогда официально не избирался в ее Центральный Комитет, равно как и Бо Гу. Оба были кооптированы в его состав на чрезвычайном заседании в Шанхае — в нарушение всех процедурных тонкостей. После майского совещания в Хуэйли доминирующей фигурой Политбюро стал Мао.

По своему статусу Чжан Готао был ему равен. Как и Мао, он являлся одним из основателей партии, карьера его после 1923 года так же испытывала взлеты и падения. Если практика будней поставила у руля Мао, то что могло помешать не менее честолюбивому Чжану попытаться достигнуть того же?

В прежние годы высшим арбитром в столь щекотливых ситуациях всегда выступал Коминтерн. Однако на протяжении последних восьми месяцев до КПК не донеслось от него ни слова. За несколько дней до эвакуации из Жуйцзиня шанхайская полиция провела обыск размещавшейся на территории французской концессии штаб-квартиры партии и захватила шесть коротковолновых радиостанций. Связь с Москвой была восстановлена только летом 1936 года.

Со дня встречи двух армий 12 июня 1935 года оба руководителя приступили к предварительным маневрам. Чжан осторожно изучал подчиненных Мао военачальников, Мао же, в свою очередь, с бесподобным цинизмом восхвалял Отто Брауна, явившегося «олицетворением мудрости Коминтерна». За десять дней до их встречи в Лянхэкоу имел место интенсивный обмен телеграммами, в которых Политбюро, по настоянию Мао, предлагало создать новую базу на территории приграничных районов провинций Сычуань, Ганьсу и Шэньси, в междуречье Минь и Цзялин. Чжан вежливо возражал, Мао столь же сдержанно доказывал свою правоту: «Прошу Вас обдумать выдвинутый вариант еще раз». В лицо оба почтительно обращались друг к другу не иначе как «старший брат», но расчет за этими любезностями крылся простой. Чжан был твердо настроен облечь свою военную силу в соответствующую политическую власть. Мао, державший под контролем все Политбюро, был в состоянии помешать ему. Но какой ценой?

После трехдневных дискуссий, закончившихся 26 июня совещанием под председательством Чжоу Эньлая в ламаистском монастыре в Лянхэкоу, где стены почернели от копоти заправленных маслом ламп, Чжан неохотно согласился на компромисс. Главные силы двинутся на север, как и планировал Мао, и поведут активную наступательную кампанию, чтобы не превратиться в «увязших в иле черепах» и не стать еще раз жертвой стратегии националистов. Чжан получил назначение на должность заместителя Чжу Дэ — тогдашнего председателя Военного совета. Претворение в жизнь важнейшего вопроса объединения командования двух армий отложили до лучших времен.

По бумагам все преимущества оставались за Мао. Чжан Готао принял его план.

Однако соглашение оказалось непрочным. Когда 1-я Фронтовая армия двинулась к северу для подготовки атаки на город Сунпань, гарнизон которого держал под контролем основной горный перевал, открывавший дорогу в Ганьсу, 4-я армия Чжан Готао отказалась выступить следом. Политбюро собралось вновь и предложило строптивцу занимаемый ранее Чжоу Эньлаем пост Верховного политкомиссара. Чжан согласился, но 4-я армия так и осталась на месте. Атака на Сунпань закончилась поражением. Не принесла успеха и готовность Политбюро в ходе новых совещаний пойти на очередные уступки Чжан Готао.

Недоверие сторон и их недовольство друг другом продолжали нарастать. Главным камнем преткновения был вопрос конечного пункта похода. Не меньшие разногласия вызывала и проблема того, кто должен принять соответствующее решение. Мао требовал продолжить двигаться на север. Чжан считал более разумным идти на запад или на юг.

С целью избежать открытого раскола Политбюро на заседании в тибетской деревеньке Шаво в начале августа согласилось на дальнейшее укрепление властных полномочий Чжан Готао. Теперь вместе с Чжу Дэ он представлял высшее военное руководство Красной армии, разделенной на две колонны. Левая, куда входил и Генеральный штаб, состояла главным образом из частей 4-й армии. Мао же, как и все Политбюро, двигался вперед с намного меньшей правой колонной, объединившей в себе подразделения 1-й и 4-й армий под началом заместителя Чжана Сюй Сянцяня. В обмен на это Чжан согласился продолжить движение на север по покрытым обманчиво густой травой топям болот, единственному после поражения у Сунпани оставшемуся доступным пути в Ганьсу.

Все эти маневры являлись в меньшей степени плодом хитроумных замыслов Мао, чем могло показаться со стороны. Общий контроль за действиями армии продолжал оставаться у Политбюро, где главная роль принадлежала, безусловно, ему. Новые решения были мерой вынужденной и временной, они лишь оттягивали неизбежную и для всех очевидную развязку.

Десятью днями позже на заседании Постоянного Комитета, проведенном в отсутствие Чжан Готао, Политбюро отдало секретное распоряжение о сборе против него компрометирующих материалов и одобрило (не распространив в парторганизациях) резолюцию ЦК, где намерение Чжана вести войска на за-

Наиболее ранняя из известных фотографий Мао.
Так он выглядел незадолго до революции 1911 г.

Солдаты отрезают крестьянам косы после свержения маньчжурской династии.

Один из видов казни, весьма распространенный в годы молодости Мао, — медленное удушение. Под весом тела осужденного шея вытягивается, из-за недостатка кислорода наступает мучительная смерть.

Дом семьи Мао в Шаошани.

(права налево: Мао в возрасте 25 лет с матерью, Вэнь Цимэй, и братьями — Цзэминем, 22 лет, и Цзэтанем, 15 лет. Чанша, 1919 г.

Отец Мао, Жэньшэн. 1919 г.

Ближайший друг Мао, Цай Хэсэнь, обративший его в марксизм.

Мао среди членов делегации, приехавшей из Хунани в Пекин для подачи петиции с требованием снять губернатора Чжан Цзинъяо. Январь 1920 г.

Первый президент Китая Сунь Ятсен.

Духовный отец Коммунистической партии Китая Ли Дачжао, из статей которого Мао узнал о большевизме.

Чэнь Дусю, издатель журнала «Новая молодежь» и первый Генеральный секретарь КПК.

Третья жена Мао, Хэ Цзычжэнь.

Слева: вторая жена Мао, Ян Кайхуэй, и их сыновья — трехлетний Аньин и двухлетний Аньцин. 1925 г.

Генералиссимус Чан Кайши.

Внизу (слева направо): Жень Биши, главком Красной армии Чжу Дэ, руководитель службы безопасности (особого отдела) Дэн Фа, Сян Ин, Мао, Ван Цзясян. Фото сделано накануне провозглашения Китайской Советской Республики в Жуйцзине. Ноябрь 1931 г.

Чжоу Эньлай и Мао на севере провинции Шэньси в 1937 г.

1930 г. Яньань. На вершине холма — пагода времен династии Сун.

Мао и Чжан Готао *(слева)*, не выдержавший единоборства с Мао после того, как 4-я армия была уничтожена в Ганьсу в 1937 г.

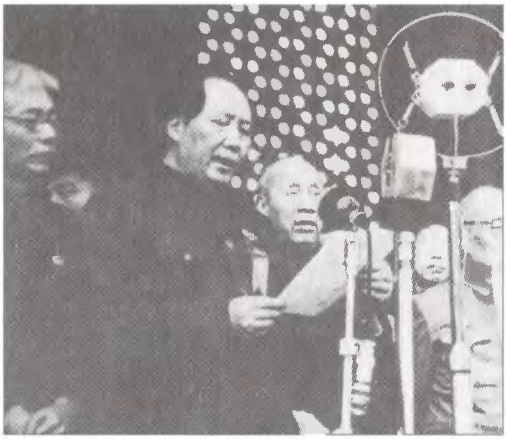
Ван Шивэй, талантливый писатель, с расправы над которым в ходе яньаньских чисток началась бесконечная война Мао с творческой интеллигенцией.

Четвертая жена Мао, Цзян Цин. Снимок сделан, когда она была актрисой в Шанхае.

Слева направо: Чжоу Энь-лай, Мао и Чжу Дэ в Яньани. 1946 г.

Мао проводит смотр армии Линь Бяо после победоносного окружения Пекина в марте 1949 г.

Суд односельчан над землевладельцем в ходе проводимой коммунистами на севере Китая земельной реформы.



На площади Тяньаньмэнь Мао провозглашает образование Китайской Народной Республики. 1 октября 1949 г.

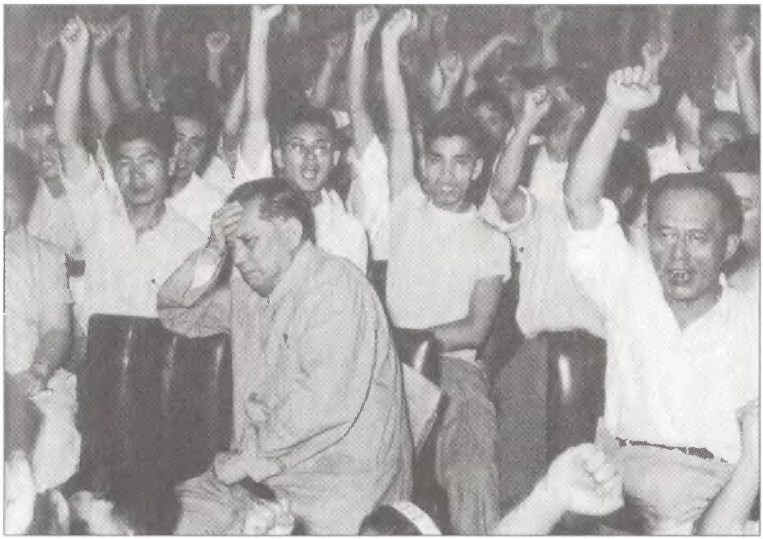
Гао Ган, партийный руководитель Маньчжурии. Репрессирован в 1954 г.

Слева направо: Мао, Булганин, Сталин и руководитель Социалистической единой партии Германии (ГДР) Вальтер Ульбрихт в Кремле, на праздновании 70-летия советского лидера. Декабрь 1949 г.

Мао отдыхает с племянником Юаньсинем и дочерьми Ли Минь и Ли На в Лушани. 1951 г.

Слева направо: Цзян Цин, Ли На, Мао, его старший сын Аньин, который скоро погибнет в Корее, и жена сына Ли Сунлинь.

Далай-лама, Мао и Панчен-лама в Пекине. 1954 г.



«Митинг борьбы» по критике «буржуазной интеллигенции» в начале кампании против «правых». Июль 1957 г.

Последняя встреча Мао и Н.С. Хрущева в Пекине. Октябрь 1959 г. После этого пути двух лидеров окончательно разойдутся.

Пэн Дэхуай *(второй слева)* беседует с крестьянами в Хунани во время «большого скачка». 1959 г.

Члены Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК на «совещании семи тысяч». Январь 1962 г. *Слева направо:* **Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь, Лю Шаоци, Мао и Дэн Сяопин** *(публикуется впервые).*

Заплыв по Янцзы.

Цзян Цин *(в центре)*, впервые появившись на публике рядом с Мао, приветствует супругу президента Индонезии Сукарно. Сентябрь 1962 г.

Слева: главный пропагандист Мао, Яо Вэньюань.

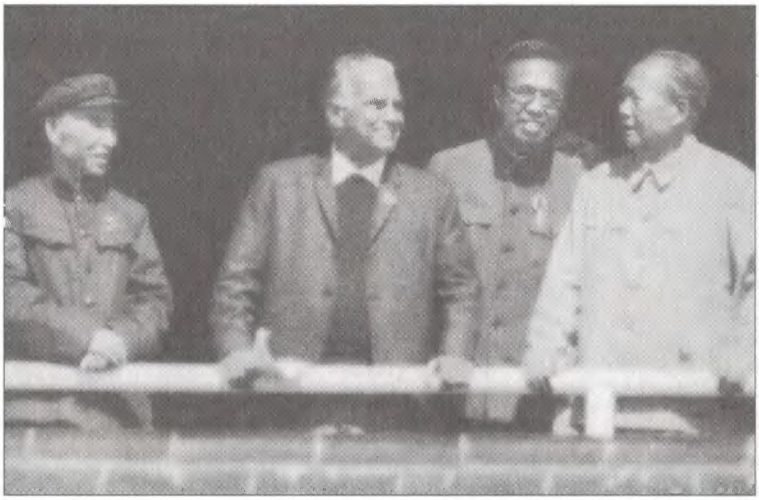
Площадь Тяньаньмэнь. Мао приветствует многотысячный митинг хунвейбинов.

Мао, Линь Бяо, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Дун Биу во время празднования годовщины образования КНР. Октябрь 1966 г.

Магический талисман — «маленькая красная книжечка».

Хунвейбины по фасону «инь-ян» стригут губернатора провинции Хэйлунцзян на «митинге борьбы» в сентябре 1966 г. Надпись на плакате: «Член черной банды».

Варварское уничтожение древней резьбы по камню в храме Конфуция в Цюйфу. Кампания против «четырех старых».



Слева направо: Линь Бяо, Эдгар Сноу и Мао на площади Тяньаньмэнь во время празднования годовщины образования КНР. Октябрь 1970 г.

Беседа президента США Р. Никсона и Г. Киссинджера с Мао в его рабочем кабинете в Чжунханьхае. *Слева* сидит Чжоу Эньлай, между ним и Мао — переводчица Нэнси Тан.

Личные покои Председателя. «Кабинет, напоенный ароматом хризантем».

Мао и подруга последних лет его жизни Чжан Юйфэн за девять месяцев до смерти Председателя. Декабрь 1975 г.

Траурный митинг на площади Тяньаньмэнь 18 сентября 1976 г.
Слева направо: **Е Цзяньин, Хуа Гофэн** *(зачитывает некролог)*, **Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо, Цзян Цин.**

пад, в пустынное высокогорье Цинхая, было названо «малодушной и трусливой попыткой бежать от опасностей». Отдельной фразой в резолюции подчеркивалось: «Такая политика ведет к нагнетанию в войсках страхов, преувеличению силы противника и к потере армией веры в победу. Это — правый оппортунизм».

На какое-то время все, казалось, утряслось. Невзирая на жесткие методы центра и внутреннее несогласие с ними Чжан Готао, обе колонны, каждая своим маршрутом, продолжали движение на север, разделенные примерно восемьюдесятью — девяноста километрами. Декорации для сцены, которую много позже Мао назвал «самым тяжелым моментом» своей жизни, были уже почти установлены.

Заросшее травами нагорье лежало на высоте трех с половиной тысяч метров в огромной излучине Хуанхэ (Желтой реки), бравшей исток в Гималаях и резко сворачивавшей к северу, во Внутреннюю Монголию. Вот что вспоминал о нем Отто Браун:

«Под подушкой пышной зелени лежали бездонные черные топи, в одно мгновение засасывавшие смельчака, решившего сойти с неверной и узкой тропы. Мы гнали перед собой табун лошадей, инстинктом угадывавших безопасный путь... По нескольку раз в день принимался идти проливной ледяной дождь, сменявшийся ночью изморосью или мокрым снегом. Во всем обозримом пространстве глаз не находил никакого укрытия: ни дерева, ни даже редкого кустарника. Спать приходилось сидя на корточках. Измученные истощением и невзгодами, многие уже не просыпались. А ведь стоял август! Питаться мы были вынуждены фуражным зерном, к которому не каждый день выдавали крошечный, твердый, как камень, кусочек высушенного мяса. Болотную воду пить было нельзя, и все же ее пили; у нас не имелось дров, чтобы вскипятить и хотя бы этим чуть обеззаразить ее. Среди личного состава опять начались вспышки дизентерии и тифа».

Многие умирали от того, что их желудок не мог справиться с грубым, немолотым зерном. Позже сходившие с ума от голода бойцы собирали в кровавых экскрементах целые зернышки, мыли их, как могли, и отправляли в рот.

У привыкших к буйной растительности морского побережья южан воля к жизни была парализована уходившими в бесконечность пустыми пространствами. Будущий министр иностранных дел КНР Цзи Пэнфэй, служивший тогда медбратом, писал: «Каждое утро мы устраивали перекличку тех, кто еще оста-

12 Зак. 1137

вался жив. Некоторые лежали с открытыми глазами, но не имели сил подняться. Когда их ставили на ноги, они тут же валились в траву — уже мертвыми...» В переходе через нагорье Красная армия потеряла столько же людей, сколько погибло тремя месяцами раньше на крутых склонах Цзяцзиньшани.

Первой из адского плена болот вышла правая колонна Мао. Чтобы преодолеть семьдесят километров, отделявших Моуи от Баси, ей потребовалось шесть дней. Не успев ощутить под ногами твердую землю, красноармейцы были вынуждены вступить в бой с подоспевшей из восточных районов гоминьдановской дивизией — и они разбили ее!

Между тем заканчивался август, войскам Мао требовалось отдохнуть и перевести дух. Двигавшаяся в ста километрах от них под руководством Чжан Готао левая колонна тоже предприняла попытку пересечь топи. Когда ее передовой отряд подошел к притоку Хуанхэ реке Гэцю, то обнаружил, что вышедшая из берегов вода сделала переправу невозможной. О принятом решении повернуть назад Чжан известил Мао по радио, в капризном, детском раздражении обвинив его в собственных проблемах и приказав обеим колоннам разворачиваться на юг: «Отрезанные непроходимыми болотами, мы погибнем до единого человека, если ничего не предпримем. Места здесь пропитаны запахом смерти. Вы, уважаемый старший брат, настаивали на Баси. Полюбуйтесь теперь результатами! Продвижение на север не только неразумно, оно принесет нам лишь новые жертвы».

Вспыхнул яростный обмен радиограммами. Политбюро требовало неуклонного соблюдения первоначального плана. Чжан Готао стоял на своем: план никуда не годится. 8 сентября Чжан приказал своим командирам, приписанным на время похода к 1-й армии, вернуться в расположение основных сил.

Ночью произошло совещание Политбюро. Чжоу Эньлай, месяцем ранее заболевший гепатитом, принимал в нем участие, лежа в паланкине. Собравшиеся в самых примирительных тонах отредактировали составленный Мао текст радиограммы: «Мы, твои братья, надеемся, что ты еще раз обдумаешь предлагаемое нами решение... и согласишься пойти на север. Армия находится в нелегком положении, которое требует благоразумия от каждого».

Наутро Чжан Готао его проявил.

Но в посланной им радиограмме прозвучала некая настораживающая нота. Старый соперник Мао еще по Цзинганшани, крупноголовый Пэн Дэхуай почуял ловушку и отдал тай-

ный приказ своим войскам надежным щитом прикрыть штаб-квартиру Политбюро. Затем он обратился к Мао за советом: не стоит ли на случай предательской атаки взять командиров 4-й армии в заложники? Поразмыслив, Мао дал отрицательный ответ, а двумя часами позже начальник штаба Е Цзяньин получил перехват второй, секретной радиограммы Чжан Готао. В ней Сюй Сянцяню и его комиссару Чэнь Чанхао, столпам 4-й армии, приказывалось развернуть части правой колонны на юг. Между строк легко угадывалось распоряжение применить силу против всякого, кто предпримет попытку остановить их.

Мао, Бо Гу, Чжан Вэньтянь и Чжоу Эньлай собрались вновь, уже в штабе Пэн Дэхуая. Краткое совещание пришло к выводу, что, кроме как нанести удар первыми, другого выхода у них нет. Линь Бяо, чьи подчиненные находились в Эцзе, в двадцати милях к северо-западу, приказал ожидать развития событий на месте.

Позже Мао сказал, что в ту ночь судьба Красной армии висела на ниточке. За год, прошедший после выхода из Юйду, армия прошла почти десять тысяч километров и участвовала более чем в двухстах сражениях. На долю ее бойцов — в большинстве своем неграмотных крестьян — выпали испытания, которые показались бы невыносимыми для любой другой, более современной и подготовленной армии. Вырвавшись из болот, вооруженные силы коммунистов потеряли около девяти десятых всего личного состава. Неужели сейчас горстке смельчаков, принесших в жертву жизнь своих товарищей, предстоит пасть в кровавой междоусобной схватке?

В два часа ночи, под покровом глубокой темноты, части Пэн Дэхуая беззвучно покинули расположение. Е Цзяньин и Ян Шанкунь, прихватив с собой полный комплект топографических карт, украдкой покинули штаб Сюй Сянцяня и присоединились к войскам Пэна.

Об исчезновении военачальников очень скоро стало известно. Чэнь Чанхао в энергичном запале предложил отправить за беглецами погоню. Суровый и мрачный Сюй, военный до мозга костей, ответил ему отказом и послал Ли Тэ — одного из «возвращенцев» и пламенного сторонника Чжан Готао — во главе почетного кавалерийского эскорта убедить их в необходимости вернуться. Находившийся рядом с Мао Отто Браун вытолкнул Ли из седла, и члены Политбюро в течение получаса с недоумением слушали их ожесточенную перебранку на русском языке. Мао успокоил обоих. «Ты не жениха обручаешь с невестой, — сказал он Ли. — Начавшуюся в семье распрю уже не остановить». Любой боец 4-й

армии, кто хочет остаться, волен сделать это, добавил он, однако 1-я армия все равно пойдет на север.

Чжан Готао направили еще одну, последнюю радиограмму с требованием подчиниться приказу: «Никаких возражений! Никаких задержек! Никакого своеволия!» Радиограмма осталась без ответа.

В то время как Сюй Сянцянь пробивался со своими людьми через болота навстречу Чжан Готао и глубоко несчастному Чжу Дэ, остававшемуся в течение следующего года на положении едва ли не заложника, командование 1-й армии решало иные задачи. С востока все ближе подступала мощная группировка националистов. На посту командующего Чжу Дэ был сменен Пэн Дэхуаем, а Мао вновь, как и раньше, стал политкомиссаром армии, насчитывавшей всего десять тысяч бойцов. Новые потери означали бы ее фактическую гибель.

В Эцзе ситуация осложнилась настолько, что Мао в отчаянии вспомнил об идее, впервые пришедшей ему в голову еще в Сычуани. Если армии удастся все же прорваться на север, то следует направиться к границе с Советским Союзом и при поддержке России попытаться создать новую базу где-нибудь в Монголии или Синьцзяне.

Однако до этого не дошло. После двухдневного марша на восток Красная армия вышла к перевалу Лацзыкоу, подходы к которому охраняли мощные укрепления националистов на переправе через Байлунцзян (Река Белого Дракона). Горная долина, сжатая двумя исполинскими утесами, сужалась у реки до ширины всего в несколько метров. Именно здесь Красную армию ждала удивительная победа, о которой потом слагали легенды. Группа из двадцати добровольцев, набранных среди бойцов полка Ян Чэнъу, вскарабкалась на неприступные склоны и забросала гранатами ничего не подозревавших гоминьдановцев. Последовавшая за этим схватка стала последней серьезной битвой Великого похода на север. Четырьмя днями позже, 21 сентября, 1-я армия вошла в город Хадапу на юге провинции Ганьсу. За четыре месяца, прошедшие после выхода из Юньнани, этот небольшой городок стал для армии первым, где основную часть населения составляли этнические китайцы, то есть ханьцы. Узнав из гоминьдановской газеты о существовании у коммунистов соседней провинции Шэньси своей базы, руководство похода отказалось от намерения двигаться к границам Советского Союза. По опаленным солнцем равнинам Северо-Западного Китая армия устремилась в Уци, что неподалеку от Баоани.

Целый месяц отряды шли по лунным пейзажам мимо огромных, правильной конической формы холмов, выросших из спрессовавшейся за века мертвой, светло-коричневой тончайшей пыли. Скудость почвы сделала эти районы беднейшими в стране. Каждые два-три года небогатый урожай уничтожался если не засухой, то наводнением. Местное население жило в пещерах, вырытых в рыхлых толщах лёсса. Но после Тибета у бойцов Красной армии от этой картины сладко щемило сердце. Время от времени на тысячекилометровом пути случались стычки с мусульманской конницей, однако победа у Лацзыкоу заставила гоминьдановцев держаться в стороне от красноармейских частей. Посланный вперед авангард сообщил, что руководят местной базой Лю Чжидань и Гао Ган. Во время недавней партийной чистки оба были арестованы по подозрению в контрреволюционной деятельности. Приказ об аресте отдал Сюй Хайдун, командир Красной армии, несколькими неделями ранее с боями пробившийся в Шэньси из Эюйвани. Политбюро успело прибыть вовремя и распорядиться об освобождении несчастных.

В этой суровой и малопригодной для жизни местности Мао провел долгих двенадцать лет. 22 октября 1935 года, через год и четыре дня после его начала, Великий поход на север был официально объявлен закончившимся. Из тех, кто вместе с Мао покинул Юйду, осталось менее пяти тысяч человек.

Пока длился беспримерный поход, Китай не забывал и о том, что происходило в окружающем его мире. На юго-западе страны армия обратилась к населению с призывом объединиться для борьбы с японскими оккупантами. Узнав в июне от представителей 4-й армии о вторжении японцев в Монголию, Мао пишет гневное обличение Чан Кайши, обвиняя его в абсолютной неспособности оказать отпор врагу. Но только в начале сентября, когда 1-я Фронтовая армия вошла в Хадапу, он узнал, что настроения в стране начали изменяться, и даже Чан Кайши уже пересматривает свою политику непротивления.

Летом Япония вынудила Гоминьдан вывести свои войска из окрестностей Пекина и Тяньцзиня, уволить провинциальных чиновников, чье отношение к микадо было расценено как «враждебное», и опубликовать унизительный «манифест доброй воли», запрещавший населению проявлять любые антияпонские настроения. В обществе поднялась волна возмущения.

Почти обо всем этом Мао мог только догадываться. Однако даже то немногое, что он знал, убеждало: решение

остановиться в Шэньси было верным. «Чжан Готао назвал нас оппортунистами, — сказал он в середине сентября на совещании командиров полков. — Но кто является ими сейчас, когда японский империализм расползается по стране, а мы идем на борьбу с ним?» Через неделю Постоянный Комитет Политбюро объявил северные районы Шэньси «новой базой борьбы с Японией». Для Мао это решение прозвучало сигналом охотничьего рога. После длившегося целый год беспорядочного отступления партия обрела четкую цель. Инстинктивная тяга Мао на север, пусть даже в подоплеке ее лежали совсем иные причины, не обманула его, а намерения Чжана отправиться на юг оказались в корне ошибочными. За восемь лет, прошедшие с того дня, когда в письме к Политбюро Мао написал, что «принятое решение заставило меня прыгать от радости», он уже достаточно остепенился. И тем не менее восторг от новой миссии партии, поставившей своей целью проучить Серого Дракона, то есть Японию, ощущался по-юношески остро. В горах на юге провинции Нинся Мао выразил свои чувства стихами:

Высоко над землей, на вершине Люпани
Наши флаги колышет свежий западный ветер,
Руки крепко сжимают прочный длинный аркан.
Где спасенье найдет обезумевший Серый Дракон?

Не только Мао задумывался осенью 1935 года о Японии. За становлением в Европе фашизма внимательно следил Сталин, и все большую его тревогу вызывало укрепление альянса между Берлином, Римом и Токио. Седьмой конгресс Коминтерна, состоявшийся в июле 1935 года, принял новую стратегию действий, направленную на создание широкого антифашистского фронта, где коммунисты плечом к плечу со своими заклятыми врагами — социал-демократами — будут совместными усилиями отстаивать завоевания пролетариата и самое главное его достижение — Советский Союз.

Результатом новой политики стало формирование во Франции и Испании правительств Народного фронта, объединявших в себе анархистов, коммунистов, либералов, социалистов и синдикалистов.

Для КПК все было намного сложнее. 1 августа Ван Мин, представлявший интересы партии в Москве, призвал к созданию «объединенного правительства национальной обороны», которое оказало бы действенное сопротивление японскому милитаризму. Однако анархистов, либералов и социалистов, с кем можно было бы бороться за общие цели, в Китае не было. Там имелся

лишь Гоминьдан, а Чан Кайши, по словам Ван Мина, представлял собой предателя, «негодяя с лицом человека и сердцем животного», такого же врага, как и японцы. Заявление Ван Мина стало фактическим повторением давнего призыва КПК к объединению с любыми силами, в том числе и гоминьдановцами — при условии, что они откажутся от нападок на коммунистов и обратят свое оружие против Японии. На практике такой призыв не имел никаких реальных последствий.

Вести о переменах в мировой обстановке достигли Шэньси в ноябре. К этому времени Красная армия уже ушла на юг, чтобы выбить гоминьдановские войска из Сиани. Через месяц в небольшом уездном городе Ваяобу, в девяноста километрах к западу от Хуанхэ, для обсуждения новой стратегии собралось Политбюро.

В канун нового, 1936 года там была принята резолюция, ознаменовавшая очередной драматический поворот курса партии — не менее серьезный, чем утвержденные годом ранее перемены в области военной политики. В Цзуньи отвергли навязывавшиеся «возвращенцами» традиционные методы ведения боевых действий. Теперь же, в Ваяобу, партия отказалась от большевистского догматизма, духом которого после 4-го пленума ЦК КПК пронизывались все важнейшие решения.

На смену ему пришла прагматичная, гибкая политика, ставившая своей целью обеспечение максимальной общественной поддержки при минимуме идеологической трескотни.

КПК, подчеркивалось в резолюции, не может возглавить борьбу против Японии и Гоминьдана, опираясь только на рабочий класс. Богатое крестьянство, мелкая буржуазия, равно как и отдельные представители крупной национальной буржуазии — все прослойки общества должны были сыграть свою роль в организации отпора оккупантам и прогнившему режиму Чан Кайши. Основную опасность делу коммунизма представлял уже не правый, а левый уклон. Левацкая политика «закрытых дверей» ярче всего проявлялась в неприятии новой, соответствующей создавшимся условиям тактики, в приверженности к старым, оторванным от реальной жизни методам работы. Но главной ее виной было «неумение применить марксизм, ленинизм и сталинизм к специфической и конкретной обстановке в Китае». Членам партии предстояло понять: победы можно достичь лишь тогда, когда люди поверят, что коммунисты защищают интересы большинства населения страны, а не слепо следуют «абстрактным и пустым идеологическим принципам». Вот почему не должны более конфисковываться зем-

ли и собственность зажиточного крестьянства. По этой же причине торговцам, мелким собственникам и интеллигенции следовало предоставить равные с рабочими политические права. Необходимо было сменить подход и к крупной буржуазии. «Рабоче-крестьянскую и солдатскую Советскую Республику» переименовали в «Народную Советскую Республику», одинаково уважающую права всех своих граждан.

Заседание Политбюро в Ваяобу вел не Мао, а Чжан Вэньтянь, он же готовил и проект резолюции. Формально это соответствовало структуре партийной власти: Чжан официально считался главой КПК. Но в то же время подобная процедура была и чисто политическим маневром — в умении просчитывать ходы Мао не знал себе равных. Кто, как не Чжан Вэньтянь, представитель старого поколения партийных руководителей, мог убедительнее других провозгласить политику, которая самым решительным образом отвергала все то, за что сам он ратовал несколько лет назад?

Одобренная накануне сорок второго дня рождения Мао резолюция заложила основу для стремительного роста его идеологического авторитета в партии. Двумя днями позже, на собрании партийного актива, Мао смаковал свой успех:

«Адвокаты политики «закрытых дверей» говорят... о необходимости поддержания чистоты партийных рядов, о том, что дорога революции должна быть прямой как стрела. По их мнению, истина содержится лишь в словах Священного Писания. Они считают национальную буржуазию изначально и неизбежно контрреволюционной силой. Никаких поблажек зажиточному крестьянству! К позорному столбу лидеров «желтых» профсоюзов! Может ли кошка не знать, чье мясо она ест? Есть ли хоть один милитарист, который не является контрреволюционером? Получается так, что политика «закрытых дверей» являет собой некое магическое средство решения всех проблем, а единый фронт — не более чем коварная придумка оппортунистов. За кем же правда, товарищи? Без минутного колебания отвечу: правда — за единым фронтом. В голове трехлетнего ребенка тоже полно правильных идей, но когда речь идет о серьезных проблемах внутренней и международной политики, идти у них на поводу было бы глупо — потому что само дитя еще не понимает того, о чем говорит. Марксизм-ленинизм выступает резко против «детских болезней» в рядах революционеров. Как и любая форма общественного сознания, революция тоже идет не торной дорогой, зигзаги обязательно будут и на ее пути... Политика «закрытых дверей» всего лишь «загоняет

рыбу в омут, а зверя — в чащу». Миллионные народные массы она толкает на сторону врага».

На заседании Политбюро не прозвучало критики в адрес Бо Гу, Чжоу Эньлая или других признанных в партии «леваков». Целью Мао было не обострить и без того натянутые отношения со своими соперниками, но добиться победы над ними. Чжан Вэньтянь просто помог ему установить временное перемирие перед ожесточенной схваткой, что была впереди.

А драка предстояла серьезная. После испытаний Великого похода база в Шэньси производила впечатление обители безмятежного спокойствия. Однако на фоне ее бедности райскими уголками казались даже самые нищие горные деревни Гуйчжоу или Сычуани. Кроме того, базу со всех сторон окружали враги. Вдоль границ с Нинся и Цинхаем регулярные рейды совершала мусульманская конница. Находившаяся к востоку провинция Шаньси была в руках «белого» правительства Янь Сишаня. На юге квартировала вытесненная японцами из Маньчжурии Северо-Восточная армия Чжан Сюэляна. Для того чтобы выжить на новом месте, Красной армии предстояло обеспечить себя продовольствием, пополнить ряды и нейтрализовать хотя бы одну из окружавших ее враждебных сторон.

Еще до заседания в Ваяобу Мао пришел к выводу, что слабейшим участком гоминьдановского кольца являются ушедшие из Маньчжурии части Чжан Сюэляна. Чжан, которому едва перевалило за тридцать, был сыном главаря одного из самостийных бандитских формирований. Еще в начале века его отец бесчеловечной жестокостью проложил себе путь наверх и стал одним из наиболее могущественных милитаристов Китая. Юный Маршал, как называли Чжана-младшего, беспощадный, коварный и подчас по-детски наивный, слыл завзятым курильщиком опия и уже не мог избавиться от своей пагубной привычки. Однако помимо этого он был еще и патриотом. Его отец пал от руки подосланного японцами наемного убийцы. Подчиняясь приказам Чан Кайши, Чжан сам оставил оккупантам Маньчжурию, чем лишил свою армию дома. Войска его никак не горели желанием бороться с коммунистами. Они ненавидели японцев.

С конца ноября 1935 года Мао завалил высшее командное звено его армии предложениями о перемирии и совместном выступлении против японцев. «Все мы — китайцы, — писал он. — Мы едим один и тот же рис и живем на одной земле. У наших армий одни корни. Для чего нам вражда? Зачем убивать друг друга? Се-

годня я предлагаю, чтобы ваши доблестные солдаты и бойцы Красной армии прекратили взаимное кровопролитие и заключили мир».

По армейским частям коммунисты разослали приказ, предписывающий освободить всех пленсенных офицеров противника и оказать медицинскую помощь его раненым. В декабре 1936 года Пэн Дэхуай отпустил на свободу некоего Гао Фуюаня, бывшего одноклассника Чжана. Появившись в штабе Юного Маршала, располагавшемся в Лочуани, в ста восьмидесяти километрах к югу от Ваяобу, Гао Фуюань убедил своего школьного друга в том, что предложения коммунистов о сотрудничестве сделаны от чистого сердца. Через неделю гоминьдановский аэроплан, направлявшийся в осажденный Красной армией гарнизон националистов, сбросил над позициями противника адресованное Пэн Дэхуаю письмо. 19 мая в Лочуань для ведения переговоров прибыл Ли Кэнун, специальный посланец Мао.

Возложенная на него миссия оказалась на удивление простой. Утром следующего дня Чжан Сюэлян ответил немедленным согласием на предложение «сделать паузу в гражданской войне». Стороны не сошлись лишь в вопросе отношения к Чан Кайши. Перед отъездом Ли Кэнун получил от Мао четкую инструкцию: «Отпор оккупантам и борьба с предателями родины — суть одно и то же, без второго становится невозможным и первое». Чжан Сюэлян с этим не соглашался. Он готов был заключить перемирие с коммунистами, но не мог пойти на открытый разрыв с Верховным главнокомандующим. К концу года высокие договаривающиеся стороны нарушили «паузу» одновременно, однако в момент переговоров они сошлись на обоюдном признании «различий во взглядах». В начале марта Мао сообщил Политбюро о том, что им достигнута устная договоренность о прекращении огня. Гарнизоны Чжан Сюэляна, расположенные к югу от Ваяобу, в Яньани и Фусяни, партия рассматривала уже как союзнические.

Пятью неделями позже для личной встречи с Юным Маршалом в Яньань направился Чжоу Эньлай. Проходившая в христианском храме беседа длилась всю ночь. Перед рассветом «союзники» согласились, что единственно правильный путь лежит через создание общенационального правительства и единой антияпонской армии. Публично заявить о своем неприятии вражеской оккупации Чжан был еще не готов, как не мог и уклониться от выступления против Красной армии, получи он от Чан Кайши соответствующий приказ. Но обговоренные условия перемирия должны были без всякой огласки соблюдаться, обе стороны обменялись

офицерами связи, между «красной» и «белой» зонами установилась торговля. Используя свое влияние на коллег, Юный Маршал обеспечивал свободный проход отрядов Красной армии между частями националистов. По возвращении Чжоу доложил, что Чжан Сюэлян дал согласие помочь коммунистам даже оружием.

Обезопасив южный фланг, Мао отдал все силы достижению следующей цели: перестройке и укреплению армии.

В декабре 1935 года 1-я Фронтовая армия насчитывала не более семи тысяч человек. Еще около трех тысяч было в Шэньси под началом Лю Чжиданя, Гао Гана и Сюй Хайдуна. Мао намеревался набрать еще сорок тысяч бойцов, причем четвертую их часть предстояло найти уже к концу весны. Намеченное становилось возможным лишь при условии высылки специальной экспедиции в Шаньси. Это подразумевало переход через Хуанхэ, в чем таился, по замечанию Пэн Дэхуая, значительный риск: экспедиция могла и не вернуться назад. Тем не менее Мао решился. База в Шэньси была поручена заботам Чжоу Эньлая и Бо Гу.

Затея стала известна как «Восточная экспедиция по организации отпора Японии и спасению нации». Такое название имело хороший пропагандистский успех. Однако несмотря на горячие призывы Мао отправиться в Хубэй для борьбы с вторгшимися японцами, цели похода были куда более скромными.

За два с половиной месяца, проведенные в Шаньси, коммунисты ни разу не приблизились к японцам ближе чем на триста пятьдесят километров. Зато они вступали в периодические мелкие стычки с гоминьдановцами. В узкой полосе вдоль реки экспедиция экспроприировала у землевладельцев около трехсот тысяч серебряных долларов и завербовала восемь тысяч новобранцев, половина которых были местными крестьянами, а другая половина состояла из военнопленных. Общая численность армии возросла до двадцати тысяч, то есть примерно до той же цифры, что была годом ранее. И все же она могла бы стать намного больше, если бы не раскол в руководстве партии. Ирония заключалась в том, что, пока КПК вела довольно успешные переговоры о создании единого фронта с Чжан Сюэляном, ее собственные вооруженные силы оставались крайне разобщенными. Бо́льшая часть Красной армии вместе с Чжан Готао находилась в Сычуани.

Однако первые признаки перемен чувствовались уже и там. В ходе политических конференций 4-й армии, прошедших в первые после разъединения недели, Чжан добивался «исключения» из партии Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Бо Гу и Чжан Вэнь-

тяня. С его подачи избрали новый «Центральный Комитет, новое «Политбюро», а сам он стал «Генеральным секретарем». Руководству КПК в Шэньси направили требование «заменить фальшивое звание центра» на более скромное «северное бюро партии».

Мао же, напротив, действовал с величайшим благоразумием. Еще в Эцзе, на следующий день после раскола, он категорически воспротивился предложению исключить Чжан Готао из партии. Хотя принятая там резолюция и расценила поведение Чжана как «преступление против армии», обвинив его самого в «правом оппортунизме и склонности к милитаристским замашкам», опубликована она не была. По окончании Великого похода Мао стал председателем северо-западного бюро Военного совета (и одновременно секретарем ЦК по военным вопросам) — но никак не главой всего высшего военного органа. Даже после объявления Чжаном о разрыве Мао в течение целого месяца не предпринимает никаких мер и только в январе 1935 года согласился предать гласности официальный партийный документ. Раскол был признан фактом.

К этому времени звезда Чжан Готао уже клонилась к закату. В самом начале южной кампании 4-я армия смогла достичь весомых успехов, однако зимой войска Чан Кайши перешли в контрнаступление, и части Чжана вынуждены были сдавать свои позиции. Пока Мао находился в «восточной экспедиции», его соперник успел потерпеть два сокрушительных поражения. С плодородной равнины в окрестностях Чэнду 4-я армия оказалась вытесненной в граничившие с Тибетом пустынные районы провинции Сычуань.

В мае, когда Мао возвратился в Ваяобу, он предпринял новые усилия для того, чтобы вернуть заблудшую овцу в стадо, и пообещал забыть прошлые распри — при единственном условии: вместе со своими людьми Чжан Готао должен будет прийти на север, в Шэньси. «Между вами, товарищ Чжан, и вашими братьями здесь нет никаких политических или стратегических разногласий, — увещевала раскольника телеграмма Политбюро, — мы не видим необходимости вступать в дискуссию о делах минувших дней. Наша задача — объединиться в борьбе против Чан Кайши и японских оккупантов».

Вскоре в армию Чжан Готао влились войска Жэнь Биши и Хэ Луна, вместе пришедшие в западную Хунань годом ранее. В результате военная мощь Чжана усилилась, но снизился его политический авторитет. Давление, ставившее целью вынудить упрямца двинуться на север, возрастало, и в начале июля объединенные силы все же тронулись в поход по болотам и то-

пям — тем же маршрутом, что шла в Шэньси 1-я армия Мао, с такими же ужасающими потерями. В октябре 1936 года их встретили части под командованием Пэн Дэхуая, углубившиеся на территорию Ганьсу едва ли не до Ланьчжоу. Но на этом игра со смертью еще не закончилась. Захватив все паромные переправы, войска Чан Кайши остановили двадцатитысячный костяк 4-й армии на западном берегу Хуанхэ. Чжан Готао как Верховный политкомиссар принял почти самоубийственное решение двигаться по узкому коридору через Ганьсу, где мусульманская конница разбила отряды красноармейцев в прах. Жалкие остатки с огромным трудом добрались до Шэньси спустя год. Самую большую группу уцелевших в бойне — около четырехсот человек — привел Ли Сяньнянь.

Через месяц после того как был отдан гибельный для армии приказ, 6 декабря 1936 года, Чжан Готао и Чжу Дэ прибыли в штаб-квартиру Политбюро в северных районах Шэньси, чтобы отпраздновать восстановленное единство. На следующий день Мао назначили Председателем Военного совета; заместителями его стали Чжан Готао и Чжоу Эньлай.

Мизансцена оказалась гениальной. Чжан свою роль уже отыграл, его политическая карьера закончилась. После совещания в Ваяобу на протяжении всего года последнее слово в Политбюро всегда оставалось за Мао. Теперь же он получал фактически бесконтрольную власть над сорока тысячами выживших в беспримерном переходе бойцов и командиров. Полное уничтожение в Ганьсу цвета 4-й армии лишь ускорило уход Чжан Готао в политическое небытие. Еще за пятнадцать месяцев до этого Мао предупреждал, что наступит время, когда Чжану придется держать строжайший ответ за допущенные ошибки.

По окончании затянувшейся партии с Чжан Готао Мао ждала новая, еще более ожесточенная схватка. В начале марта 1936 года, через несколько дней после того как с Чжан Сюэляном была достигнута договоренность о прекращении огня, Политбюро решило направить миротворцев и в Нанкин.

Цель этого шага заключалась вовсе не в попытке договориться с Чан Кайши, которого коммунисты по-прежнему называли «предателем и пособником врага». В одной из директив КПК подчеркивалось: «Каждый сознательный член партии должен приложить все силы к тому, чтобы изменник понес самое суровое наказание». Перед руководством партии стояла задача подорвать провозглашенную Чаном политику «наведения порядка в стра-

не в первую очередь и отпора Японии — во вторую». Кроме того, коммунистам требовалось укрепить позиции антияпонской фракции Гоминьдана, которую возглавлял родственник жены Чан Кайши и бывший министр финансов Т. В. Сун, и, едва ли не самое главное, показать Москве, что в поисках надежных союзников по созданию единого фронта КПК перевернула все камни. В 1933 году Советский Союз восстановил дипломатические отношения с Китаем, а продолжавшееся усиление стран «оси» превращало Чан Кайши в потенциального партнера России.

Направленные Нанкину предложения являли собой удивительную смесь более или менее разумных суждений с явными фантазиями. Коммунисты призывали к немедленному окончанию гражданской войны и созданию правительства национальной обороны, требовали свободного прохода для частей Красной армии в Хубэй — на борьбу с оккупантами, восстановления политических свобод граждан и реформ в жизни всего общества.

Мао прекрасно понимал, что терять партии нечего. Успех на переговорах означал бы дальнейшее углубление раскола между про- и антияпонскими фракциями Гоминьдана. В свою очередь, это укрепило бы позиции коммунистов в глазах городского населения страны, к тому времени уже достаточно возмущенного примиренческой политикой Чан Кайши. В 1936 году весь Китай был охвачен ненавистью к своему восточному соседу. Во многих провинциях разъяренные толпы вершили жестокий и скорый самосуд над заезжими из Страны Восходящего Солнца. На протяжении нескольких месяцев Китай и Япония балансировали на грани полномасштабной войны. Десятки тысяч студентов, разогретых коммунистической пропагандой, устраивали массовые антияпонские демонстрации. Интеллигенция спешно вступала в «ассоциации по спасению родины».

Но переговоры так и не начались. К лету вступил в действие скрытый от глаз, а потому совершенно необъяснимый механизм тайных закулисных встреч и сделок. В Москве дипломатические представители Чан Кайши провели ряд консультаций с Ван Мином. В Нанкине переодетый монахом уполномоченный ЦК КПК встретился с Чэнь Лифу, вторым после Чан Кайши человеком в Гоминьдане. Позже Мао направил еще одного, более высокопоставленного эмиссара в Шанхай на встречу с самим Чаном, где стороны обсуждали возможность контакта лидеров Гоминьдана с Чжоу Эньлаем.

В ходе этих многочисленных попыток сблизиться с правительством националистов отношение Мао к Чан Кайши

и к японской агрессии в целом претерпело заметные изменения. К апрелю 1936 года Мао пришел к выводу, что старый лозунг «Фань жи, тао Цзян»* («Изгнать японцев и свергнуть Чана») уже не актуален. «Наша задача, — сказал он Чжан Вэньтяню, — это бороться с захватчиками и остановить гражданскую войну. С Чаном мы разберемся позже». Через месяц Мао публично рассуждал о том, имеет ли смысл рассматривать силы международного империализма как единый блок, поскольку в нем налицо усиление противоречий между Японией с одной стороны, и Англией и США — с другой.

С целью дать Западу возможность лучше понять теорию и практику действий КПК партия разрешила Эдгару Сноу совершить поездку по главной базе коммунистических сил в провинции Цзянсу. В июне Красная армия оставила Ваяобу, и Политбюро перенесло свою штаб-квартиру в Баоань — еще более удаленный и бедный уездный город, расположенный в самом центре лёссового плато. Здесь руководству партии пришлось жить в пещерах, вырытых в рыхлом массиве красного песчаника, крутым обрывом спускавшемся к мутным водам реки. 16 июля Мао сказал Эдгару Сноу пророческие слова:

«Те, кто считает, что, жертвуя своим суверенитетом, Китай остановит японскую агрессию, предаются бессмысленным утопическим мечтаниям. Японский флот вынашивает планы блокады наших портов, захвата Филиппин, Бирмы, Индокитая, Малайи и восточных владений Голландии. В случае войны Япония предпримет все, чтобы превратить эти страны в свои военно-морские базы... Но Китай — слишком большая держава. До тех пор, пока остается свободной хотя бы пядь его территории, ни о каком покорении не может быть и речи. Даже если Японии удастся оккупировать значительную часть нашей страны, располагая сотней, а то и двумя миллионов мужчин, которых можно поставить под ружье, мы еще весьма далеки от поражения. Огромный потенциал революционно настроенных масс будет неисчерпаемым источником пополнения рядов борцов за свободу и независимость. Этот источник не иссякнет и после того, как черный прилив японского империализма разобьется о невидимые глазу подводные скалы нашего сопротивления».

Все лето и осень 1936 года КПК продолжала обращаться к Гоминьдану с призывами о заключении перемирия и объединении

* Фамильный знак имени Чан Кайши в официальном северном диалекте читается как «Цзян», а в южном как «Чан». Последнее чтение традиционно закрепилось в Европе и России. — *Примеч. пер.*

сил для борьбы с Японией. В августе при поддержке Коминтерна Мао предложил возродить существовавший в 20-е годы единый фронт КПК и Гоминьдана и установить Всекитайскую Демократическую Республику, парламентской системе которой будут подчинены и «красные зоны». «Для великого народа, лишенного национальной свободы, — заявил он Эдгару Сноу, — главной задачей революции является не построение социализма, а борьба за свою независимость. Какие могут быть разговоры о коммунизме, если у нас нет даже страны, где можно было бы на практике претворять его идеи?» Мао был согласен даже на формальное переподчинение Красной армии и превращение ее в составную часть вооруженных сил страны под общим руководством националистов. До тех пор, пока партия сохраняла фактический контроль над своими войсками и территориями «красных зон», она демонстрировала готовность идти на любые уступки.

Но в конечном итоге оптимизм Мао не оправдался. В конце ноября на встрече в Шанхае Чэнь Лифу, заявив о том, что боевая сила КПК должна иметь какие-то границы, определил высшую ставку. Сначала прозвучала цифра в три тысячи человек, потом он неохотно дал согласие на тридцать. Не более.

Вскоре стали ясны и причины. Чан Кайши проникся убеждением: для того чтобы окончательно избавиться от коммунистов, ему необходимо сделать один — последний — шаг. 4 декабря вдоль шоссе к хорошо охранявшемуся аэродрому в Сиани выстроилась полиция. Для начала подготовки шестой кампании по окружению базы КПК в Шэньси прибыл лично генералиссимус. На протяжении трех предыдущих месяцев Чжан Сюэлян склонял его к скорейшему завершению гражданской войны и отправке Северо-Восточной армии на борьбу с японцами. Сейчас перед Чжаном стоял ультиматум: либо воевать против коммунистов, либо немедленно отводить свои войска на юг.

Дальнейшие события разворачивались с поразительной быстротой.

Во вторник 8 декабря военный министр Японии выступил с заявлением: если Китай не изменит своего враждебного отношения к оккупационной армии, то двум странам не избежать нового конфликта. На следующий день тысячи студентов двинулись в марше протеста к Линтуну, курортному местечку неподалеку от Сиани, где находилась резиденция Чан Кайши. Полиция открыла огонь, несколько человек были ранены. В четверг Мао телеграммой известил Чжан Сюэляна о том, что из-за «чрезмерных требований» Чан Кайши переговоры с националистами прерваны.

Через двадцать четыре часа секретарь Мао Е Цзылун получил ответ. Он оказался довольно коротким, однако шифровальщик обнаружил в тексте, исполненном на классическом древнем языке, фразу, содержащую два иероглифа, смысла которых никто в секретариате понять не мог. Текст срочно принесли Мао, и тот, бросив взгляд на трудное место, улыбнулся: «Хорошие новости!»

На следующее утро живший неподалеку от штаба Отто Браун поразился бурной деятельности на улицах Баоани. Установленный в кабинете Мао полевой телефон связи с Политбюро и Военным советом звонил не умолкая. Сам Мао, работавший по ночам, а затем отсыпавшийся до полудня, был на ногах необычно рано. Его телохранитель сообщил Отто Брауну удивительную весть, распространявшуюся по городу со скоростью пожара: Чан Кайши, арестованный по приказу Чжан Сюэляна, находится в казармах Северо-Восточной армии в Сиани.

Сложенная из рассказов очевидцев, история предстает следующей: в пятницу вечером, после отправки загадочной телеграммы Мао, Чжан Сюэлян вызвал на совещание десяток высших офицеров и приказал им арестовать Генеральный штаб Чан Кайши, занять резиденцию губернатора, разоружить полицию и захватить аэродром. Глава личной охраны Чжан Сюэляна, двадцатишестилетний капитан, во главе отряда из двухсот человек отправился в Линтун и в пять часов утра атаковал особняк генералиссимуса. Чан Кайши удалось бежать в окружавшие курорт заснеженные холмы, где двумя часами позже его обнаружили прячущимся в крошечной пещере — одетым лишь в ночную сорочку, дрожащим от холода и не способным вымолвить ни слова: в спешке Верховный главнокомандующий забыл свою вставную челюсть. На собственной спине вынеся Чан Кайши из тесной расщелины, капитан доставил его в город. Там Чжан Сюэлян принес генералиссимусу глубокие извинения за доставленные неудобства, заверил его в полной личной безопасности и повторил свое требование: сменить политику и выступить против японцев.

Весть об этом привела коммунистов в восторг. На устроенном в тот же вечер массовом митинге Мао, Чжу Дэ и Чжоу Эньлай требовали предать Чан Кайши суду. «Это был момент чистой радости, — написал позже Чжан Готао. — Тогда казалось, что все наши проблемы решатся просто движением руки».

Состоявшееся следующим утром заседание Политбюро почти единогласно пришло к выводу: пленённый генералиссимус заслуживает смерти. Он не только развязал кровопролит-

ную гражданскую войну и своей политикой непротивления вступил в прямое пособничество с врагом, но и всего несколькими днями ранее отверг предложения коммунистов о сотрудничестве — продолжая курс «подавления бандитов». Подводя итоги заседания, Мао объявил, что за совершенные преступления Чан Кайши должен «ответить перед судом нации». Пока же дело до этого не дошло, партии требуется широкая поддержка среди левых и центристских фракций нанкинского правительства, что позволит создать мощный антияпонский единый фронт. Одновременно следует принять меры, чтобы правые гоминьдановские лидеры силой не подавили мятеж в Сиани.

В конце недели эту позицию партии сообщили Чжан Сюэляну. В своих телеграммах Мао и Чжоу Эньлай подчеркивали: Красная армия полностью одобряет действия Юного Маршала и рассматривает свою базу в Цзянсу как основной район сосредоточения объединенных сил для похода против оккупантов.

Ответ Чжан Сюэляна не оставлял сомнений в том, что цель его — вовсе не в наказании Чан Кайши, а в необходимости заставить генералиссимуса «исправить ошибки прошлого». В «Обращении к нации», адресованном нанкинскому правительству в день переворота, Чжан написал:

«С утерей пять лет назад наших северо-восточных провинций суверенитет страны продолжал неуклонно ослабевать. Вся нация вновь испытала унижение... От него в душе страдает каждый порядочный гражданин... Генералиссимус Чан Кайши, окруженный сворой бесчестных советников, потерял поддержку широких народных масс. На его плечах лежит тяжкое бремя вины за обрушившиеся на страну беды. Я, Чжан Сюэлян, как и все нижеподписавшиеся, неоднократно со слезами на глазах убеждал его отказаться от гибельной политики, но всякий раз наши просьбы оставались без внимания. Буквально на днях, когда студенты Сиани высказались в поддержку движения за спасение нации, генерал Чан приказал своим войскам стрелять в этих встревоженных судьбой Родины детей. Может ли человеческая совесть оставаться спокойной? Вот почему мы направили Верховному главнокомандующему наше последнее требование».

Из «Обращения» следовало, что если Чан Кайши согласится с доводами мятежников, пойдет на включение в правительство представителей всех патриотических партий, на окончание гражданской войны и возьмет курс на отпор японской агрессии, то он сохранит за собой пост лидера нации.

В Нанкине арест вызвал ожесточенную борьбу между его сторонниками, во главе которых стояла требовавшая мирного разрешения конфликта верная супруга генералиссимуса Сун Мэйлин, и непрочным союзом правого крыла Гоминьдана с прояпонски настроенными лидерами партии, чьи интересы выражал военный министр Хэ Инцин. Последний настаивал на бомбардировке Сиани и высылке туда карательного корпуса. Верх взяла Сун Мэйлин, но всем было ясно: если миротворческие инициативы не принесут быстрых результатов, грубого вмешательства военных не избежать.

Таким образом, когда после утомительного путешествия на спине мула Чжоу Эньлай прибыл 17 декабря в Сиань, ситуация уже коренным образом изменилась. Баланс сил в Нанкине складывался не в пользу коммунистов. Идея «суда нации» стремительно теряла своих сторонников.

В этот момент в решение проблемы посчитал необходимым вмешаться Сталин. Он сделал это в привычной для себя манере, столь пренебрежительно по отношению к китайским коммунистам, что Мао потерял от гнева дар речи.

Мятеж Чжан Сюэляна Кремль расценил не как «успех революционных сил», а как «очередной заговор японских милитаристов, ставящих перед собой цель помешать объединению Китая и подорвать организацию сопротивления агрессору». Подобное заявление было настолько противоречащим здравому смыслу, что над его абсурдностью смеялся даже Гоминьдан. В телеграмме, полученной в Баоани примерно тогда, когда Чжоу прибыл в Сиань, Георгий Димитров от имени Коминтерна пояснял, что акция Чжан Сюэляна «объективно идет во вред созданию широкой антияпонской коалиции», и рекомендовал руководству КПК «уладить возникший конфликт мирными средствами». Значительно позже вскрылись истинные причины такого шага Москвы. В ноябре — и Мао никак не мог тогда знать об этом — Сталин решил предпринять новую попытку превратить гоминьдановское правительство в своего союзника, ослабив тем самым антикоминтерновский пакт между Германией и Японией. В Москве уже шли секретные консультации по подготовке советско-китайского договора безопасности. Арест Чан Кайши смешивал Кремлю все карты. Для Сталина сомнения КПК ровным счетом ничего не значили: интересы первого в мире государства победившего социализма были превыше всего.

Трения в отношениях Москвы с руководством КПК присутствовали всегда. Но по чьей вине они возникали?

Ясного ответа на этот вопрос дать невозможно. Кто решится с уверенностью утверждать, что имели место ошибки Кремля, а не искаженная интерпретация его доводов китайскими коммунистами?

Подписанный Сталиным в декабре 1936 года указ звучал совершенно по-новому. Миф о непогрешимой правоте и дружелюбии Советского Союза дал основательную трещину. Вмешательство России было особенно нетерпимым еще и потому, что в корне оно ничего не меняло. КПК уже примирилась с неизбежностью поиска мирных путей разрешения сложной ситуации. Окрик Сталина должен был лишь ослабить позиции Мао, подорвать в глазах Чжан Сюэляна доверие к коммунистам и, хотя бы в теории, лишить Чан Кайши заинтересованности в принятии навязываемых ему условий.

Однако к тому времени события уже развивались своим естественным чередом. Генералиссимус как бы впал в медитацию. 22 декабря приехала Сун Мэйлин и вместе со своим братом Т.В. Суном участвовала в переговорах с Чжан Сюэляном и Чжоу Эньлаем. Внезапно начавшиеся переговоры столь же неожиданно оборвались. На Рождество Чан Кайши полетел в Нанкин. В подтверждение своей лояльности Чжан Сюэлян отправился вместе с ним.

Что скрывалось за дверями узилища, в котором пребывал генералиссимус? И больше, и меньше того, что стало известным.

Впоследствии в публичных заявлениях Чан Кайши подтверждал свой категорический отказ вступать в политические переговоры и подписывать какие бы то ни было документы. С одной стороны, его слова были чистой правдой. Чжоу Эньлай сообщал Мао, что переговоры велись с братом и сестрой, и только по достижении договоренности по основным требованиям Чжан Сюэляна Чан Кайши принял на себя устное обязательство подчиниться выработанному решению. Мао расценил это как «безмерное честолюбие и уклончивость диктатора». Он заметил, что в распоряжении коммунистов не имелось возможности знать наверное, выполнит ли Чан данное обещание и не заявит ли, что дано оно было под принуждением.

Первые достигнутые результаты обнадеживали мало. Юный Маршал, чей безрассудный поступок привел-таки к заключению соглашения, был отдан под суд военного трибунала, приговорен к десяти годам тюрьмы, амнистирован и поме-

щен под домашний арест (выйдет из-под которого он только полвека спустя, уже девяностолетним старцем, на острове Тайвань). Вместо того чтобы отвести выставленные против коммунистов части, Чан Кайши усиливал их. В Нанкине речь вновь зашла о высылке карательного корпуса. Войска Чжан Сюэляна начали строить оборонительные сооружения, и в январе 1937 года Мао призвал Красную армию «готовиться к неизбежной войне». Но двумя месяцами позже кризис миновал, контакты между Чан Кайши и Чжоу Эньлаем возобновились, сначала через посредников, а затем и личные. Однако единый фронт так и остался для коммунистов недостижимой мечтой. На протяжении всей весны и начала лета обе стороны были погружены в бесконечные споры о количестве дивизий, которые останутся в распоряжении Красной армии, и о том, какую эмблему будут носить на своих фуражках красноармейцы.

Много позже и коммунисты, и националисты сошлись в одном: события в Сиани стали поворотным пунктом, изменившим ход истории страны. Но к правде оказался ближе Мао, когда вскоре после освобождения генералиссимуса он заявил на Политбюро, что «перемирие с националистами, если оно вообще достижимо, будет иметь место не благодаря слову Чан Кайши — к этому его подтолкнет безвыходность ситуации». Инцидент в Сиани явился действенным катализатором предстоящих процессов, но никак не основополагающим их фактором. Главные события развернулись 7 июля, когда японские войска заняли железнодорожный мост Марко Поло в Лугоуцяо, в восьми километрах к юго-западу от Пекина. Началась Тихоокеанская война.

Но и после этого генералиссимуса все еще продолжали мучить сомнения. И через неделю после захвата моста Чан Кайши не захотел допустить Красную армию к участию в боевых действиях против Японии. В телеграмме Военной комиссии КПК Мао призвал партию к «высочайшей бдительности»:

«Ни в коем случае нельзя дать Чан Кайши понять, что он загнан в угол. Мы должны внушить ему решимость сделать последний шаг к созданию единого фронта — даже после этого нерешенной останется еще куча проблем. Приближается момент истины, на повестку дня встает вопрос о самом существовании страны. В данный критический час Чан Кайши, а вместе с ним и весь Гоминьдан, обязан коренным образом изменить свою политику. Вот что должно стать генеральной линией нашей партии».

На следующий день после отправки телеграммы, 15 июля 1937 года, Чжоу Эньлай отправился в Лушань, горный курорт, где генералиссимус восстанавливал утраченное в Нанкине душевное равновесие. Там он вручил Чан Кайши проект декларации, где КПК повторяла свои предложения и подтверждала верность идеалам революции, начатой основателем Гоминьдана Сунь Ятсеном. Взамен, говорил Чжоу, коммунисты выдвигали лишь два требования: объявление войны Японии и начало «демократических» преобразований в обществе, то есть легализация деятельности Коммунистической партии.

Однако Чан Кайши еще не был готов к принятию окончательного решения.

28 июля Мао выдвинул ультиматум: вне зависимости от согласия Гоминьдана Красная армия под командованием Чжу Дэ и его заместителя Пэн Дэхуая 20 августа начинает выдвигать свои части на фронт.

На следующий день японские войска вошли в Пекин, а 30 июля заняли и Тяньцзинь. Без малого через две недели их атаке подвергся Шанхай, что поставило под непосредственную угрозу уже основную базу сил Чан Кайши. У генералиссимуса не оставалось времени на раздумья, и он направил к Чжоу Эньлаю одного из своих адъютантов: «Передай коммунистам, чтобы они выступали немедленно. Ждать больше нечего». Вскоре руководство КПК заявило о переименовании Красной армии в 8-ю Походную армию Национальных революционных вооруженных сил.

В конечном итоге 22 сентября Гоминьдан опубликовал представленную Чжоу Эньлаем декларацию, а генералиссимус лично заявил населению страны о возрождении в национальных интересах единого фронта.

Явное нежелание Чан Кайши идти на этот шаг вполне объяснимо. В течение десяти лет ему удавалось держать коммунистов на периферии, если вообще не за пределами политической жизни страны. Теперь же КПК вновь выходила на сцену — как легальная партия, имеющая свою платформу и играющая важную, признанную обществом роль. Так открылась для Мао широкая дорога к власти. Несколькими десятилетиями позже в беседе с премьер-министром Японии Какуэем Танакой Мао сказал, что вымостили этот путь японцы.

ГЛАВА 11

АНТРАКТ В ЯНЬАНИ: МИРОМ ПРАВИТ ФИЛОСОФ

Вскоре после отъезда Чан Кайши из Сиани штаб-квартира КПК и Красной армии переместилась из убогой, в буквальном смысле пещерной Баоани в более привычные и комфортабельные городские условия.

Окруженная древними стенами, Яньань лежит километрах в ста к югу. Чжоу Эньлай впервые посетил город годом ранее, когда приехал на тайную встречу с Чжан Сюэляном. Яньань стоит на излучине мелкой, каменистой реки под охраной тысячелетней пагоды, защищающей жителей от неистовых осенних разливов. Со времен династии Сун город становится важным центром торговли, куда из Монголии приходят груженные мехами и шерстью караваны верблюдов. Дровосеки гонят сюда мулов, впряженных в тяжелые повозки со строительным брусом, а то и целыми стволами деревьев. Из южных мест контрабандой доставляется соль. В тени башни Большого Колокола знахарь раскладывает на прилавке мешочки с порошком из львиных клыков, высушенными змеями и другими «домашними снадобьями». В ярмарочные дни пыльные улицы заполняет кричащая, беспокойная толпа простолюдинов, одетых в синие хлопковые шаровары и куртки, с обязательным белым платком на голове. Их наряды вызывают восторженную зависть у спустившихся с голых холмов солдат, радуют глаз партийных чиновников и их жен, которые не прочь в свободный день окунуться в атмосферу бурлящей жизни.

Мао и Хэ Цзычжэнь, еще не до конца оправившаяся от полученных во время Великого похода ран, поселились в доме богатого торговца в западном квартале города, на пологом склоне Фэнхуаншани — «Горы Феникса». Чжан Вэньтянь, номинальный глава партии, занял расположенный в центре обширного внутреннего двора парадный особняк хозяина, где имеется облицованный камнем зал, — там проходят заседания Политбюро. Чжу Дэ и Пэн Дэхуай жили в соседнем дворике поменьше, рядом с канцелярией Военной комиссии ЦК КПК. По сравнению с Баоанью условия просто сказочные. В распоряжении Мао есть даже гостиная, где он принимал посетителей, рабочий кабинет, окна

которого вместо стекла затягивала промасленная бумага, и гигантских размеров круглая деревянная бадья — ванна. На этом комфорт заканчивался. Единственным отоплением в холодные северные зимы служил очаг под каном, воду приходилось носить из колодца, а бумаги, составлявшие суть каждодневной работы Мао и весь его политический капитал, хранились на стеллаже, сооруженном из пустых бензиновых бочек.

На протяжении последующих десяти лет пагода, потрескавшиеся городские стены и ворота в них — XII век! — станут символом надежды для прогрессивно мыслящей китайской молодежи и симпатизирующих ей интеллектуалов Запада. По трезвому наблюдению европейца, приглашенного сюда летом 1937 года руководством КПК, Яньань представляла собой «захолустный городок в одном из беднейших районов Шэньси». Ореол романтичности, «присущей молодости отваги и высоких духовных устремлений» придавали ей съехавшиеся сюда необычные люди.

Майкл Линдсей, аристократичный англичанин, чей отец был профессором колледжа Бейллиол* в Оксфорде, занимался в Яньани подготовкой радистов для Красной армии. Проведенное там время он будет вспоминать как «самый героический период китайского коммунизма». Журналист Гюнтер Штайн воспевал в своих очерках «бьющий через край энтузиазм пионеров китайских коммун. Эти люди полны веры, что за ними — будущее». Их подчеркнутую приверженность идеям эгалитаризма Томас Биссон, американский исследователь, называл «особым качеством жизни». И лишь случайные скептики находили отдельные темные стороны: единообразие мышления и обилие молодых охранников, множественными тенями окружавших высшее партийное руководство.

«Яньаньский путь» — чисто китайская разновидность коммунизма, которую Мао вызвал к жизни в десятилетний промежуток между окончанием первой гражданской войны и началом второй, — составной частью вошел в легенду о Великом походе. Он стал наиболее рельефным символом того мира, который Мао стремился создать.

Но прежде всего ему требовалось осуществить на практике две долгосрочные задачи, которые он упрямо ставил перед собой с момента прибытия двумя годами раньше в Шэньси: консоли-

* Один из наиболее известных колледжей Оксфордского университета, основанный в 1263 году. Многие его выпускники впоследствии стали видными государственными деятелями Великобритании. — *Примеч. пер.*

дировать политическую власть и выработать собственную марксистскую теорию.

Эти задачи были тесно связаны друг с другом. Начиная с Ленина все коммунистические лидеры строили свой авторитет на теоретическом развитии учения Карла Маркса. Марксизм всегда был ахиллесовой пятой Мао. В то время когда его соперники — «возвращенцы» и их идейный вдохновитель Ван Мин — изучали в российских университетах законы ленинизма, Мао целиком отдавал себя премудростям партизанской войны. Однако довольно быстро он понял, что есть способ превратить свое слабое место в несокрушимую твердыню. Еще десятью годами ранее, зимой 1925 года, он призывал создать «идеологию, отвечающую условиям Китая». На протяжении более чем двухтысячелетней истории страны каждая новая династия коренным образом меняла направление общественной мысли. Следовательно, коммунистам требовалось домашнее, китайское преломление марксизма. Оно дало бы партии возможность глубоко проникнуть в национальную психологию соотечественников, нейтрализовать разрушительное воздействие на нее подковавшихся в России соперников и четко обозначить конечные цели самого Мао.

Первый шаг в правильном направлении был сделан зимой 1935 года в Ваяобу.

Под его нажимом Политбюро тогда пришло к выводу, что идеи марксизма в Китае на практике должны претворяться в строгом соответствии со «специфическими конкретными условиями». Приверженность «левацкому» догматизму коллеги по партии заклеймили на заседании «рабскими действиями по указке Москвы».

Через три месяца Мао будет доказывать, что Компартии Китая следует «опираться на собственные силы и верить в них»; Советский Союз, безусловно, друг, но его помощь носит лишь вторичный характер. Политика двух стран совпадает только там, подчеркивал Мао, где «интересы широчайших народных масс Китая совпадают с интересами народных масс России».

В июне 1936 года в Ваяобу был торжественно открыт Университет Красной армии, разместившийся в крошечной даосской кумирне. Там Мао читал бойцам и командирам лекции по военным и политическим вопросам. Довести курс до конца ему не пришлось: через три недели город перешел в руки националистов. Но в Баоани, где ректором университета стал Линь Бяо, занятия продолжались: в скромной пещере на разбросанных тут и там камнях будут сидеть высшие командиры Красной армии, выцара-

пывая свои «конспекты» гвоздем на плоском куске песчаника. Ряд прочитанных осенью лекций Мао озаглавил «Проблемы стратегии революционной войны в Китае». В них он впервые затронул тезис об исключительном характере китайских условий — сначала в чисто военном аспекте, но, по сути, в куда более глубоком смысле:

«Наша революционная война... ведется в специфической обстановке Китая, которую отличают ее собственные закономерности... Находятся отдельные товарищи, которые считают вполне достаточным ограничиться изучением опыта революционной борьбы в России и учебниками по тактике, изданными в советских военных академиях. Они не понимают, что эти учебники отражают особенности Советского Союза. Механическое следование им приведет к тому, что мы будем вынуждены не обувь кроить по ноге, а наоборот. Другими словами, мы окажемся битыми... Мы, конечно, дорожим советским опытом, но опыт нашей борьбы для нас еще более ценен, потому что несет на себе отпечаток чисто китайских факторов».

Делая ударение на различиях между Советской Россией и Китаем, утверждая главенство отечественной специфики и «опыта, заработанного кровью наших братьев», Мао сознательно закладывал фундамент идеи настоятельной необходимости подгонки марксизма под нужды китайской действительности. А чтобы подчеркнуть значимость проблемы, он подверг резкой критике «левых оппортунистов 1931–34 гг. — «возвращенцев», — в невежестве и легкомыслии следующих теориям и методам, не имеющим ничего общего с марксизмом. На деле они давно уже превратились в антимарксистов».

Подобная фразеология оставалась безнаказанной, поскольку никаких имен Мао не называл, да и лекции были не публичными, а читались узкому кругу высшей военной элиты. И тем не менее выступления едва укладывались в допустимые для большинства его коллег границы. В феврале 1937 года, когда давний протеже Мао из Аньюани Лю Шаоци, отвечавший теперь за работу партийного подполья на севере Китая, назвал все прошедшее десятилетие периодом «левацкого» авантюризма, в руководстве КПК поднялась буря негодования. Улеглась она только к лету, и Мао, вновь услышав от старого знакомого крамольную фразу, открыто встал на его поддержку. «Доклад Лю Шаоци в целом абсолютно правилен, — заявил он на заседании Политбюро. — Товарища Лю вполне можно уподобить врачу, который ставит неприятный диагноз, указывая на все прошлые проблемы со здоровьем своего пациента». Несмотря на серьезные достижения, заметил Мао,

партия все еще страдает от рецидивов «детской болезни левизны», и для того, чтобы окончательно избавиться от них, «членам КПК предстоит большая работа». Эта поддержка знаменовала превращение Лю Шаоци в наиболее преданного сторонника Мао на протяжении пяти последующих лет.

Когда споры о «левачестве» угасли, Мао продолжил изучение марксизма. В последний раз интерпретацией философских трактатов он занимался двадцать лет назад, еще студентом, и стоящую сейчас перед ним задачу воспринимал с трепетом. За зиму он составил аннотации к обширному собранию трудов советских теоретиков, куда входили и работы «личного» философа Сталина Марка Митина. Весной Мао приступил к чтению лекций по диалектическому материализму.

Успешным назвать это предприятие было бы довольно трудно.

От вступительных лекций, посвященных эволюции европейской философии, от Франции начала XVII века до Германии XIX века, разило жуткой скукой. Мао предупреждал свою аудиторию: «Примите во внимание, что мои сообщения не всегда адекватны, я сам лишь недавно приступил к изучению диалектики». В середине 60-х мучительные воспоминания об этом курсе едва не заставили Мао отказаться от авторства вообще. Однако сказать свое слово ему все же удалось: тезис о «взаимосвязи и неразделимом единстве общего и частного» Мао сделал теоретической базой своей концепции, согласно которой «общие принципы марксизма всегда существуют в конкретных национальных формах». В подавляющем же большинстве случаев по истории европейской философской мысли Мао шел как неофит, продираясь сквозь дебри незнакомых ему понятий.

Два других курса вышли намного удачнее, видимо, потому что при их чтении Мао исходил из собственного опыта. Курс «К вопросу о практике» развивал темы, освещенные в статье, написанной в ходе поездки по сельским районам Цзянси в 1930 году и опубликованной под названием «Никакого обожествления книги!».

«Если вы не занимались изучением некоей конкретной проблемы, вы лишаетесь права рассуждать о ней. Не слишком ли безапелляционное суждение? Ни в коей мере. Поскольку вам не приходилось изучать ни реальное положение дел в данном вопросе, ни исторические предпосылки его возникновения, любые ваши доводы окажутся полной чушью... Есть люди, которые говорят: «А покажите мне, что об этом написано в книге!» Такое обожествление письменного источника чревато опасностью. Мы

должны читать труды Маркса, однако почерпнутые в них знания ничего не стоят, если не соотнесены с конкретной ситуацией. Нам необходимы книги, но следует решительно отказаться от их обожествления, идущего вразрез с реальной жизнью. Откуда нам узнать, что мы имеем дело с обожествлением? Только из анализа конкретной ситуации».

В курсе лекций те же мысли Мао выражал в более краткой афористичной форме: критерий истины — практика:

«В мире объективной реальности перемены бесконечны, как бесконечно познание человеком истины в процессе его практической деятельности. Истина отнюдь не исчерпывается марксизмом — он всего лишь открывает новые дороги к ее познанию. Практика и познание, практика и познание. Этот цикл повторяется вновь и вновь, поднимаясь каждый раз на более высокий уровень... Вот в чем заключается сущность диалектического материализма единства познания и действий человека».

Курс «О противоречиях» возвращал Мао в студенческие годы. Единство противоположностей заставило его в конспекте трудов Паульсена написать: «Жизнь есть смерть, а смерть — это жизнь; верх является низом, грязь — чистотой, мужчина — женщиной, а толстое — тонким. Множество суть единство, и перемены бесконечны». Так же, как до него и Ленин, Мао осознал, что это единство представляет собой «основной закон диалектики... и важнейшую теоретическую базу пролетарской революции, фундаментальный закон природы и идеологии человеческого общества». Для формулирования правильной политики, говорил он, необходимо в первую очередь определить, в чем состоят главные противоречия текущего момента и в чем они конкретно проявляются.

Впоследствии различные комментаторы будут доказывать, что Мао обогатил марксизм-ленинизм «китайской национальной спецификой», включив в него понятия древнекитайских философов. Однако более значимым представляется то, что он теоретически обосновал необходимость для КПК поисков своего собственного пути к коммунизму.

Имелся и другой важный аспект, в котором Мао освободился от пут ортодоксии Сталина.

Марксисты всегда утверждали, что экономический строй и соответствующие ему производительные силы определяют политическую и культурную надстройку общества. Однако в определенные моменты, говорил Мао, происходит наоборот: «Когда надстройка становится тормозом развития экономики, реша-

ющее значение приобретают перемены в сфере политики и культуры... В целом материальное начало безусловно доминирует над духовным. Но мы должны также признать, что и духовное оказывает свое воздействие на материальное». В этих словах кроется вера, к которой Мао пришел еще в детстве, — вера в безграничную силу человеческой воли. Пройдут десятилетия, и она превратится в незыблемый идеологический фундамент двух величайших попыток трансформировать китайское общество исключительно силой духа: «большим скачком» и «культурной революцией».

В августе 1937 года курс лекций внезапно оборвался. Наступление японских войск на Шанхай заставило Мао вернуться к более насущным практическим вопросам.

Но и философские опыты не оказались преданными забвению. Осенью по приглашению Мао в Яньань прибыл Ай Сыци — ведущая фигура среди молодого поколения китайских марксистов-теоретиков. Один из его последователей, Чэнь Бода, коренастый и энергичный мужчина, чье заикание превращало его характерный фуцзяньский выговор, непривычный для уха северян, едва ли не в абракадабру, стал политическим секретарем Мао. В течение нескольких последующих лет Мао с жадностью читал все труды Маркса, которые только смог достать, и даже по старой школьной привычке завел специальный дневник, где записывал название каждой новой книги.

Позже Мао будет находить истинное наслаждение в философских рассуждениях, и его беседы, как личные, так и чисто политические, станут изобиловать такими таинственными аналогиями и мудреными ссылками на забытых схоластов, что даже членам Политбюро частенько придется ломать голову над услышанным. «К вопросу о практике» и «О противоречиях» позволили Мао утвердить себя как ведущего теоретика партии, имеющего все основания претендовать на высшую власть. Трудно избавиться от впечатления, что философия являлась для него чем-то вроде трамплина. Она всегда оставалась средством достижения цели.

29 ноября 1937 года, когда Квантунская армия методично продвигалась на юг по равнинам Северного Китая, в небе над Яньанью появился небольшой самолет. На первый взгляд он казался японским бомбардировщиком, однако вскоре наблюдатели рассмотрели на его крыльях красные звезды. Мао и остальные члены Политбюро спешно отправились на аэродром. Когда самолет приземлился, из него вышел полноватый и чем-то напоми-

навший сову Ван Мин, посланный Сталиным с почетной миссией укрепить единый фронт КПК с Гоминьданом. Ван Мина сопровождали невысокий, почти тщедушный и похожий на школьника Кан Шэн, специальностью которого были тайные политические операции, и Чэнь Юнь, двумя с половиной годами раньше отправленный в Москву известить Коминтерн о решениях, принятых руководством партии в Цзуньи.

О возвращении Ван Мина Мао был извещен радиограммой, однако утомительная дорога через Синьцзян отняла у посланца Кремля две недели, и представления о точной дате его прибытия в Яньани не имели.

Вечером армейские повара потрудились на славу: гостей ждал роскошный банкет. В приветственном тосте Мао назвал Ван Мина «ангелом-хранителем партии», а Чжан Вэньтянь сыпал комплиментами, восхищаясь его успешной работой в Коминтерне. Но уже на следующий день началась невидимая борьба. Слишком проницательный для того чтобы бросить открытый вызов авторитету Мао, по ряду важнейших вопросов Ван Мин четко дал понять, что его позиция — это позиция Москвы. Главным поводом для разногласий, звучавших в ходе шестидневного совещания Политбюро, стал вопрос о едином фронте.

Свою стратегию Мао изложил еще тремя с половиной месяцами раньше, в Лочуани. Если Китай хочет разбить Японию, доказывал он, совершенно необходимо объединить все патриотические силы страны. Но в создаваемом едином фронте «КПК должна сохранять свою абсолютную независимость и не упускать инициативу». С точки зрения политики это означало, что партия будет стремиться играть ведущую роль в военных вопросах и неуклонно множить свои ряды. Отношения с Чан Кайши требуют «высочайшей бдительности»: несмотря на формальный союз, Гоминьдан по-прежнему оставался соперником. Чисто военный аспект предполагал подготовку к затяжной войне, где Красная армия вновь уйдет в партизаны и постарается всячески избегать позиционных боев. «Суть партизанской войны — поднять на борьбу широкие массы. Регулярные части должны привлекаться лишь тогда, когда есть стопроцентная гарантия победы. Никогда не вступай в драку, если существует опасность проиграть!» Говоря об этом, Мао напоминал, что силы Красной армии следует разворачивать «исключительно в соответствии со складывающейся реальной обстановкой».

С наступлением зимы события начали подтверждать мудрость этой политики. Основную тяжесть военных дейст-

вий Чан Кайши попытался переложить на Красную армию. Директива Центрального Комитета предписывала руководящим работникам КПК защищать прежде всего интересы своей партии, а не слепо следовать обязательствам перед Гоминьданом. В телеграммах армейским командирам Мао настаивал: только партизанские действия, никаких непосредственных столкновений с противником. Когда в конце сентября части Линь Бяо в засаде под Пинсингуанем уничтожили тысячную колонну японской армии, душа Мао ликовала от первой победы, а разум его кипел гневом: как осмелился Линь Бяо на такую безрассудную выходку? Через несколько дней Гоминьдан начал кампанию по концентрации уцелевших на юге страны разрозненных партизанских отрядов коммунистов, и сомнения относительно намерений Чан Кайши вспыхнули с новой силой. После того как без боя были отданы оккупантам города в северных провинциях, руководство партии решило, что Гоминьдан готовится заключить с Токио сепаратный мир. Мао лишний раз убедился в необходимости сохранять принятый курс и выступать против «совершенно ошибочной политики Нанкина».

Позиция вернувшегося из Москвы Ван Мина была абсолютно иной. Для Сталина Гоминьдан являлся первейшим средством сдерживания аппетитов Японии, уже тогда не скрывавшей своих интересов к Сибири. Подчиняясь дисциплине Коминтерна, КПК следовало предпринимать все усилия для укрепления отношений Гоминьдана с Советским Союзом. Главное в сложившейся ситуации, настаивал Ван Мин, это «консолидировать и расширять сотрудничество с Чан Кайши, и не на основе соперничества, а исходя из обоюдного уважения, доверия и взаимного контроля». Такие вещи, как «удержание инициативы» и «ведущая роль», не имели принципиального значения. Первоочередная задача — дать отпор японским агрессорам, ей должно быть подчинено все, «ради сохранения единого фронта мы не можем не пойти на любые жертвы».

Когда Ван Мин изложил на декабрьском заседании Политбюро свои взгляды, Мао заметил, что правильность выработанной в Лочуани стратегии подтвердила практика. КПК обязана сохранить независимость, обеспечивающую ей свободу действий, в противном случае партия станет придатком Гоминьдана. Единый фронт и отпор оккупантам вторичны. Марксистская диалектика учит, что единство противоположностей невозможно без взаимной борьбы между ними.

Для Чжоу Эньлая, занимавшегося непосредственными контактами КПК и Гоминьдана, равно как и для многих

рвавшихся в бой высших командиров Красной армии, доводы Ван Мина были привлекательны прежде всего потому, что их поддерживала Москва. По рассказам очевидцев, Мао в узком кругу сетовал, что «по возвращении Ван Мина мой авторитет распространялся не дальше пещеры, где я жил». На самом деле Мао имел достаточно сторонников, чтобы заблокировать предложения посланца Страны Советов, а поскольку ни одна из сторон не желала обострять намечавшийся конфликт, ни к какому окончательному решению заседание Политбюро не пришло.

Половинчатым успехом закончились и все усилия Ван Мина укрепить свое личное влияние на политику партии. Чэнь Юнь, Кан Шэн и он сам, полные члены Политбюро, вошли и в Секретариат, состоявший до этого лишь из Мао и Чжан Вэньтяня. Номинальный пост главы партии, занимаемый Чжаном с начала 1935 года, временно был упразднен, и в интересах «коллективного руководства» заседание постановило, что все важнейшие документы КПК будут утверждаться не менее чем половиной членов Секретариата либо всего Политбюро. А поскольку очень скоро Ван Мину пришлось уехать в Ухань, чтобы возглавить работу Бюро партии в бассейне Янцзы и представлять интересы КПК в Гоминьдане, такое постановление означало, что принятие каждодневных решений и рычаги реальной власти оставались в руках Мао и Чжан Вэньтяня. Подчиняясь настоятельным просьбам Коминтерна, Политбюро также дало указание о начале подготовки 7-го съезда КПК. У Ван Мина имелись все основания рассчитывать, что съезд официально закрепит за ним пост второго человека в партии. Однако Мао, назначенный председателем подготовительного комитета, следуя заветам древних, торопился медленно.

Брошенный Ван Мином вызов оказался для Мао самым серьезным за последние два с половиной года. За Ваном стояла целая когорта партийных руководителей, прошедших всестороннюю подготовку в Советском Союзе, и именно их влияние Мао всеми силами старался ослабить. Ван Мин был честолюбив, пользовался огромным авторитетом и имел серьезную поддержку в Москве. Мао для него представлял всего лишь ответственного за работу партии в армии и в тоге политика совершенно не нуждался. В 1931 году, после 4-го пленума КПК, Ван Мин стал одной из наиболее крупных фигур партийного руководства и оставался сю вплоть до того, как передал свои полномочия Бо Гу. Он по-прежнему надеялся подняться на самый верх.

Поначалу предлагавшаяся Ван Мином политика оказалась довольно эффективной. Попытки Германии выступить в роли посредника между Китаем и Японией закончились в январе крахом, что привело к заметному потеплению отношений КПК с Гоминьданом. В Ухани начала выходить партийная «Синьхуа жибао» (газета «Новый Китай»). Она впервые за долгие годы дала коммунистам возможность легально пропагандировать свои взгляды в управлявшихся гоминьдановцами районах страны. В городах заметно увеличился рост рядов членов партии.

Японская армия между тем продолжала наступать.

Пал Нанкин. К февралю та же угроза встала перед Сюйчжоу. Следующая цель агрессора — Ухань. Ван Мин считал, что важнее всего сейчас — не отдать город врагу. Если удастся остановить оккупантов здесь, то не за горами и окончательная победа. Следовательно, необходимо крепить единый фронт, создавать «единую, общенациональную армию... с объединенным командованием и общим планом боевых действий». Для победы нужен «национально-революционный союз», куда войдут все партии, включая Гоминьдан и КПК.

Для Мао призыв Ван Мина к «обороне важнейших городов» звучал так же, как гибельный лозунг Бо Гу «Не отдадим врагу ни пяди территории советских районов!», четырьмя годами ранее приведший к потере партийной базы в Цзянси.

На состоявшемся в конце февраля очередном заседании Политбюро Мао дал свой, довольно мрачный прогноз предстоящих боевых действий. Гоминьдан, по его словам, насквозь поражен коррупцией, у КПК не хватит сил разбить Японию в одиночку, но и у Японии недостаточно войск, чтобы оккупировать весь Китай. В таких условиях война неизбежно примет затяжной характер. Поэтому вместо обороны Ухани было бы намного грамотнее осуществить стратегическое отступление. Мелкие, ничего не решающие стычки с врагом на протяжении последних месяцев были явной ошибкой. Китаю необходимо беречь силы до дня окончательной и победоносной битвы. В своей речи Мао ни словом не обмолвился о тактике «глубокого заманивания противника», однако присутствующие и без этого прекрасно поняли его: в борьбе с Японией страна должна использовать тот же прием, который помог коммунистам в Цзянси успешно отразить все попытки гоминьдановских войск загнать их в окружение.

Тремя месяцами позже Мао развил эти взгляды в двух статьях, которые будут определять принципы действия

13 Зак. 1137

Красной армии в течение семи лет, вплоть до окончания войны в 1945 году.

В «Проблемах стратегии партизанской войны» Мао указывал, что когда на большую и слабую страну, то есть Китай, нападает малая, но сильная соседняя, то часть территории — вполне вероятно, значительная ее часть — неизбежно окажется в руках противника. Тогда защитники должны создать свои базы в горах, как делала Красная армия в Цзянси, и вести борьбу подобно партии в шахматы*, когда каждая из сторон, действуя из укрепленных районов, стремится занять «пустующие клетки».

Во второй статье, «Затяжная война», он предупреждал партию и общество в целом о тяготах и испытаниях, которые несет с собой продолжительный военный конфликт.

Широко обсуждавшаяся в Гоминьдане капитуляция маловероятна, говорил Мао, из-за «упрямства и первобытного варварства» агрессора, возбудившего ненависть во всех слоях китайского общества. Даже если «пойти на определенные уступки противнику, нация в целом будет продолжать борьбу»**. Скорой победы ждать тоже не приходится. На начальном этапе войны, который может растянуться на долгие месяцы, если не годы, Китаю предстоит испытать горечь нескольких поражений. Но в связи со сложностями связи и проблемами в снабжении японской армии баланс сил изменится, на первый план выйдет такой субъективный фактор, как решимость населения бороться за свою свободу, свои земли и культуру:

«Так называемая теория «винтовка решает все» является... односторонней. В войне от оружия действительно зависит многое, но далеко не все. Решающая роль остается за людьми. Война означает не только поединок военной и экономической мощи, ее исход определяется также и силой человеческого духа».

Далее Мао обильно цитировал Клаузевица, чьи работы по войне и политике он впервые прочел весной:

---

* Мао имел в виду «вэйцзи», то есть китайские шахматы, где цель игры заключается в защите фигур, расположенных на свободных пространствах доски, куда противник продвинуться не может. До тех пор пока игрок сохраняет свое свободное пространство, противник не имеет права брать его фигуры даже тогда, когда они полностью окружены. — *Примеч. авт.*

** Слова эти оказались пророческими. Шестью месяцами позже, в декабре 1938 года, Ван Цзинвэй, старый знакомый Мао, порвал с Чан Кайши и договорился с японцами о создании в Нанкине марионеточного правительства. — *Примеч. авт.*

«Война является продолжением политики». Но в таком случае это сама политика, это конкретный политический акт. С древнейших времен цивилизация не знала войн, в подоплеке которых не лежали бы политические мотивы... Но у войны есть свои особенности, они-то и не дают возможности поставить между ней и политикой знак тождества. «Война — это специфическая технология достижения определенных политических целей». Когда политика заходит в такую ситуацию, разрешить которую обычные меры не могут, вставшие на пути препятствия уничтожает война. Поэтому вполне допустимо будет сказать, что политика — это бескровная война, а война — кровопролитная политика».

Ключ к победе, делал вывод Мао, лежит в мобилизации широчайших масс населения страны. Они должны стать «бескрайней морской пучиной, где найдет свою погибель враг».

Ван Мину теория Мао представлялась слишком пессимистичной.

В Политбюро произошел новый раскол. Ван Мину, Чжоу Эньлаю и Бо Гу противостояли Мао, Чжан Вэньтянь, Чэнь Юнь и Кан Шэн, довольно быстро разобравшийся, в чью сторону дует ветер. Уверенный в поддержке Сталина, Ван дал согласие на то, чтобы политический директор Военной комиссии ЦК Жэнь Биши отправился в Москву за новыми инструкциями. Затем он привел Мао в ярость, публично заявив, что предложение обороны Ухани получило единодушное одобрение всего руководства партии.

С этого момента в партии возникло два центра власти: Ухань и Яньань. Оба следовали своей политике и издавали подчас весьма противоречивые инструкции.

Когда Мао заклеймил Гоминьдан как «сборище продажных соглашателей», Ван Мин и Чжоу Эньлай призвали «крепить дальнейшее сотрудничество с Чан Кайши». На предложение Мао перебраться из Ухани в более безопасную сельскую местность оба говорили, что «чувствуют себя как в Мадриде, где республиканцы оказывают героическое сопротивление испанским фашистам».

Популистские настроения Ван Мина привели к беде. В его призыве к населению подняться на защиту города лидеры Гоминьдана усмотрели намерение поднять коммунистический мятеж. В августе чанкайшистская полиция нанесла чувствительный удар по многим подконтрольным КПК городским организациям, наиболее активные из них были запрещены. Усилия Бюро партии в бассейне Янцзы расширить свое влияние оказались сведенными к нулю.

Еще более серьезная неприятность обрушилась на Ван Мина с совершенно неожиданной стороны. Прибывшего в

Москву Жэнь Биши встретил проверенный временем сторонник Мао Ван Цзясян, отправившийся в Советский Союз залечивать свои раны и оставшийся там в качестве представителя КПК в Коминтерне. Оба уже работали вместе в Цзянси в 1931 году. Оба были свидетелями превращения Мао в фигуру общенационального масштаба и являлись одно время стойкими приверженцами линии Ван Мина. Но сейчас старые знакомые решили принять сторону Мао. Уже в июле, если даже не раньше, но в любом случае до того, как политика Ван Мина в Ухани зашла в тупик, Сталин и Димитров согласились, что новым руководителем КПК должен стать именно Мао.

Уверенность Ван Мина в безусловной поддержке Кремля на практике обернулась самообманом. Георгий Димитров предупреждал Вана накануне возвращения в Китай: не стоит и пытаться оттеснить Мао Цзэдуна на задний план, поскольку Москва весьма ценит его военный авторитет, а Сталин видит в нем будущего лидера всей партии. Жэнь Биши не составило труда убедить Коминтерн в том, что наступило время отбросить недопонимание в сторону.

Ранним утром во второй половине сентября 1938 года Мао направился к Южным воротам Яньани, чтобы встретить прибывающего на заседание Политбюро из Сиани Ван Мина. То же самое делал он и двумя годами раньше в Баоани, когда тепло приветствовал возвратившегося с поражением из Ганьсу Чжан Готао. Больше такого жеста Мао себе не позволял. Он знал то, что пока еще оставалось тайной для Ван Мина: все ставки в игре уже сделаны. В начале заседания Ван Цзясян зачитал послание Коминтерна, где воздавалось должное усилиям КПК по поддержанию в «весьма сложной обстановке» единого фронта с Гоминьданом. Затем он передал две устные инструкции Димитрова:

«Для придания законченности структуре партии и с целью обеспечения четкого руководства ее деятельностью Коминтерн рекомендует поставить во главе КПК товарища Мао Цзэдуна. Безусловно, такое решение должно быть принято в атмосфере единодушия».

Последовавшие за этим две недели дискуссий были отданы подготовке пленума Центрального Комитета, который последний раз собирался в январе 1934 года. Сейчас Мао ждал лишь возвращения из Москвы Ван Цзясяна — чтобы уточнить позицию Москвы.

В ходе дискуссий он выступил дважды, 24-го и 27 сентября. Как и в предыдущие моменты своего триумфа — в

Цзуньи, Хуэйли и Ваяобу, — Мао снял маску благодушия и со страстной убежденностью доказывал, что главной целью директив Коминтерна является «сохранение внутрипартийного единства». Полученные инструкции, говорил он, определяют «ведущие принципы» не только для предстоящего пленума, но и для съезда партии, перед которым стоит задача дать оценку проделанной работе и избрать новое руководство в соответствии с указаниями Г. Димитрова. Партия должна готовить себя к затяжной войне; единый фронт с националистами будет сопровождаться обострением борьбы между КПК и Гоминьданом.

Начавший работу 29 сентября 6-й пленум продлился более месяца.

В речи на открытии пленума Мао определил основные направления своего удара. Ван Мин и его сторонники, заявил он, столь преуспевшие вдалеке от родины в постижении марксизма, оторвались от реальной китайской действительности:

«Если китайский коммунист, плотью и кровью связанный с великой нацией, говорит о марксизме без всякой привязки к событиям, происходящим в стране, то такой марксизм является чистой воды абстракцией. Подобное выхолащивание его сути представляет серьезную проблему, которую партия должна осознать и разрешить как можно быстрее. Нам необходимо отбросить заимствованные за рубежом стереотипы, прекратить толочь воду в ступе и категорически отказаться от догматизма... В этом вопросе партия накопила уже достаточно ошибок, исправление которых не терпит отлагательства».

Пока еще Мао не называл имен, однако ветераны партии прекрасно поняли, кого и что он имел в виду. В их памяти еще были свежи времена, когда вернувшихся из Советского Союза студентов — «возвращенцев» — пренебрежительно называли «ян фаньцзы» — «господами из-за границы».

В конце октября японские войска, как и предсказывал Мао, заняли Ухань, что стало новым свидетельством провала стратегии Ван Мина. Сам он в это время находился на созванной Гоминьданом конференции по вопросам единого фронта и в работе пленума участия не принимал. Воспользовавшись отсутствием своего главного соперника, Мао высмеял излюбленный лозунг Ван Мина «Жертвовать всем во имя единого фронта». Такая установка связывала партию по рукам и ногам именно тогда, когда больше всего ей требовались инициатива и независимость. Всякий, кто отказывался бороться за независимость КПК, вполне за-

служивал ярлыка «правого оппортуниста». Неторопливая партизанская война вовсе не деморализует народные массы, напротив, она зовет народ с оружием в руках отстаивать будущее родины и является действенным средством пробуждения политического сознания:

«Каждому члену партии следует понять самое главное: винтовка рождает власть. Наш принцип заключается в том, что этой винтовкой командует партия, винтовке же никогда не будет дано права командовать партией. Оружие обеспечивает нам возможность создавать свои организации, школы, заниматься культурным строительством и вести за собой массы. Имея в руках винтовку, можно получить все... Только силой оружия может рабочий класс и трудовое крестьянство свергнуть диктатуру буржуазии и помещиков, поэтому не будет преувеличением сказать, что винтовка преобразует мир. Мы стоим за прекращение всех войн, но чтобы прекратить войну, необходимо довести ее до конца. Для того чтобы положить винтовку, нужно сначала взять ее в руки».

Эту формулу, впервые произнесенную в августе 1927 года в Ханькоу, руководство партии тогда отвергло. Теперь Мао обвинял Ван Мина и «возвращенцев» в пренебрежении военным аспектом революции, в «серьезных просчетах», допущенных ими во время управления Центральным советским районом в Цзинани.

Осень 1938 года стала для Мао своеобразным водоразделом. Его идеи обрели интеллектуальную завершенность, все, что выходило из-под его пера, свидетельствовало о легкости и уверенности, с которыми Мао вплетал в марксистскую диалектику понятия традиционной китайской философии. С этого времени он воспринимал мир как некое единство, находящееся в положении неустойчивого равновесия противоположностей, внутренние взаимоотношения которых определяют, по его словам, «сущность всех вещей и событий и обеспечивают движение общества вперед». Накануне сорокапятилетия Мао четко осознал: многие представления еще требуют окончательной доводки, однако чем-то радикально новым мир вряд ли удивит его.

В сфере политики его долгая борьба за главенство в партии фактически близка к завершению. Ван Мин еще представлял собой силу, с которой необходимо считаться, однако серьезной угрозой авторитету Мао он быть уже не может. Такое положение дел вполне терпимо, оно позволяло заняться консолидацией вновь обретенной власти.

Подобно Сталину, инструментом претворения своей политики в жизнь Мао сделал Секретариат ЦК, занимавшийся

повседневной рутинной работой в перерывах между заседаниями Политбюро. Руководство Секретариатом означало возможность полного контроля над деятельностью высших эшелонов партийной власти. Пост главы Секретариата Мао поделил с Ван Цзясяном, безупречно справившимся с деликатным поручением в Москве. В ожидании 7-го съезда Мао отказался от титула исполняющего обязанности Генерального секретаря партии: ему требовалась реальная власть, регалии пусть придут позже.

С роспуском Бюро КПК в бассейне Янцзы позиции Ван Мина еще более ослабли. Круг его вопросов разделен теперь между Южным бюро, которым руководил Чжоу Эньлай, новым Бюро центральных районов во главе с Лю Шаоци и Юго-Восточным бюро под началом Сян Ина, бывшего соперника Мао.

Ноябрь 1938 года принес в жизнь Мао очередные перемены. Вскоре после окончания работы пленума участились налеты на Яньань, японские бомбардировщики подвергли массированному удару Фэнхуаншань. Дом, где жил Мао, оказался разрушенным почти до основания, и вместе с другими он перебрался в пещерную деревушку на склонах узкой долины Янцзялин в пяти километрах к северу от Яньани. Хэ Цзычжэнь рядом с ним уже не было: годом ранее они расстались. В ноябре Мао женился на молодой киноактрисе из Шанхая, известной зрителям под псевдонимом Лань Пин. Сама же девушка называла себя Цзян Цин.

Женщин, когда-либо деливших свою жизнь с Мао Цзэдуном, очень трудно назвать счастливыми. Крестьянская девушка Ло, ставшая по выбору родителей Мао его первой женой, была с позором отвергнута мужем и умерла, не успев состариться. Верная супружескому долгу Ян Кайхуэй приняла казнь, страдая от сознания, что Мао предпочел ей Хэ Цзычжэнь. Хэ, на долю которой выпали тяжелейшие испытания, оставившая трех своих детей чужим людям и родившая четвертого ребенка мертвым, не разлучавшаяся с Мао в самые мрачные периоды его политической карьеры, выжила после ужасной раны лишь для того, чтобы обнаружить: пути их разошлись в тот момент, когда до нормальной жизни можно было дотянуться рукой.

Эдгар Сноу запомнил ее по Баоани как мягкую и отзывчивую молодую женщину, на плечах которой лежали все заботы о доме: Хэ готовила еду, наводила порядок и ухаживала за крошечной дочерью Ли Минь. Но исходившая от ее облика мягкость была обманчивой. По признанию Мао, Хэ Цзычжэнь имела несгибаемую волю и твердый, неуступчивый характер. «В

отношениях между мной и ней часто сверкают искры, — заметил он после одного семейного спора. — Каждый мучается от того, что никак не может примириться с другим». Инициативу миротворца брал обычно на себя Мао: Хэ была слишком упряма для того, чтобы сделать первый шаг.

В дикой глуши Цзянси во время испытаний Великого похода их привязывала друг к другу естественная для человека потребность выжить — выжить в физическом и политическом смысле. Отсутствие у Хэ Цзычжэнь образования — в шестнадцать лет она была вынуждена бросить школу — вряд ли смущало Мао. Недостаток знаний с лихвой компенсировался врожденной интеллигентностью и сообразительностью Хэ. Она любила Мао. Он тоже ощущал свою привязанность к ней.

Жизнь в Шэньси складывалась иначе. Ночами Мао штудировал философские труды, а дни отдавал попыткам усовершенствовать марксистскую теорию. Он с головой уходил в глубокомысленные беседы с единомышленниками, энергично общался со студентами, приезжавшими в Яньань, чтобы на практике постичь тонкости построения социализма. Хэ Цзычжэнь оставалась в стороне.

Душевное одиночество мучило не ее одну. Ним Уэйлс, супруга Эдгара Сноу, писала о «настоящем кризисе во взаимоотношениях яньаньских мужчин и женщин». Прошедшие весь Великий поход женщины ощущали угрозу своему авторитету и положению со стороны идей свободной морали и вседозволенности, которые в изобилии привозила из космополитических городов побережья молодежь. Последовательный выразитель феминистских взглядов, известная писательница Дин Лин, как и американка Агнес Смедли, была в числе тех, кто испытывал особую неприязнь коммунисток из-за своего «анархического» подхода к вопросам брака и защиты свободы любви, резко контрастировавшего с пуританскими нравами, насаждавшимися партией в Яньани. Именно в пещере, где жила Агнес Смедли, в конце мая 1937 года произошло событие, обострившее конфликт Мао с Хэ до наивысшего предела. Уэйлс, Смедли и ее переводчица, молодая актриса Лили У готовили ужин, когда к ним вдруг зашел Мао. Компания сидела до часу ночи за игрой в рамми*, которую Эдгар Сноу привез в Баоань годом раньше. Мао очень быстро понял ее тонкости и слыл довольно сильным игроком. Позже Ним Уэйлс записала в своем дневнике:

* Карточная игра, где игроки набирают карты по старшинству, а затем сбрасывают их. — *Примеч. пер.*

«В тот вечер у него было превосходное настроение... Агнес не сводила с него своих огромных голубых глаз, в которых временами сверкала искра фанатического обожания. Лили У тоже смотрела на Мао как на героя древних сказаний. Через несколько минут я поразилась, увидев, что Лили, подсев ближе, нежно положила ладонь ему на колено. Видимо, сказалось выпитое за ужином вино. Мао тоже удивился, но он был бы настоящим хамом, если бы позволил себе резко отбросить ее руку. Нет, нежность Лили доставила ему явное удовольствие. Остаток вечера ее пальцы покоились в его ладони».

Трогательная сцена не привлекла к себе особого внимания; Ним Уэйлс вполне удовлетворилась объяснениями Лили, сказавшей, что она действительно выпила слишком много вина. Лили, писала Уэйлс, была «весьма привлекательной, с длинными волнистыми волосами. В Яньань она прибыла совсем недавно и любила при случае пустить пыль в глаза». Единственная из яньаньских женщин, рискнувшая пользоваться губной помадой, Лили вела себя слишком независимо, чтобы Мао не обратил на нее своего внимания*. Хэ Цзычжэнь, до которой эта история каким-то образом докатилась, увидела все совершенно в ином свете. Спрятав в глубине сердца свои чувства, она мучилась от ревности.

Вскоре после злополучного вечера Хэ обнаружила, что вновь беременна. Видимо, это стало последней каплей. Хэ было всего двадцать семь лет, она хотела жить полнокровной жизнью, а не только рожать детей от отдалявшегося от нее мужчины. Летом Хэ объявила Мао о своем решении покинуть его.

Лишь после этого ее шага Мао осознал, что перед ним встала новая проблема.

В опубликованных после ее смерти мемуарах Хэ написала, что Мао умолял ее остаться, вспоминая пережитые трудности и старую любовь. В доказательство искренности своих слов он настоял на отъезде Лили У и Агнес Смедли из Яньани, однако и это не поколебало решимости Хэ. В начале августа она отправилась в Сиань.

Мао послал к ней своего охранника, который отвез в подарок вырезанную из дерева шкатулку для косметики и другие столь

---

* Вполне закономерен вопрос: не было ли у Мао и Лили У романа? Сохранились свидетельства, что, скорее всего, он был. В дневнике Ним Уэйлс вспоминала, как она сама «непринужденно опиралась на колено Мао». Агнес Смедли как-то проговорилась, что Лили давала Мао «уроки северного диалекта» (в котором Мао не был силен). Хэ Цзычжэнь, никогда не обвинявшая мужа в неверности, тем не менее считала, что Лили У «настраивает Мао против нее». — *Примеч. авт.*

любимые Хэ мелочи. В письме он еще раз просил ее передумать. Но Хэ осталась непреклонной.

Когда Шанхай, куда она предполагала в конце концов добраться, был сдан японцам, Хэ через всю страну поехала в Урумчи. Весной следующего года, не обращая внимания на мольбы Мао и приказы партии немедленно вернуться в Яньань, она перебралась в Советский Союз, где получила возможность избавиться наконец от сидевших в теле осколков.

Но надежды на новую жизнь не оправдались. В Москве Хэ ждало еще более глубокое отчаяние. Появившийся на свет вскоре после ее приезда сын Мао через десять месяцев умер от воспаления легких. Не успев оплакать потерю, Хэ узнала о женитьбе Мао. Немногочисленным друзьям она говорила, что желает ему только счастья, и полностью отдает себя учебе. Ее неотступно преследовал образ умершего сына. Хэ впала в такую депрессию, что врачам не оставалось ничего иного, как поместить ее в лечебницу для умалишенных. В 1947 году Мао организовал возвращение Хэ в Китай, где она продолжала получать необходимую медицинскую помощь. До конца дней Хэ страдала манией преследования: она была убеждена, что врачи пытаются отравить ее.

Так в жизнь Мао Цзэдуна вошла Цзян Цин.

Ей, стройной и довольно искушенной молодой женщине, двадцать три года, у нее большой чувственный рот, обворожительная улыбка и фигура мальчика, напоминавшая Мао Хэ Цзычжэнь — в дни их знакомства, десять лет назад, Хэ выглядела почти так же.

Как и начальник службы безопасности партии Кан Шэн, Цзян родилась в небольшом шаньдунском городке в девяноста километрах от Циндао. Отец ее был плотником, мать подрабатывала служанкой в доме родителей Кан Шэна — зажиточных помещиков. Основной доход приносила ее ночная проституция. Сама Цзян говорила, что росла в ужасающей нищете. Спасаясь от побоев мужа, мать вместе с крошечной дочерью была вынуждена уйти из дома. В шестнадцатилетнем возрасте уже Цзян бросила мать и присоединилась к труппе бродячих актеров. Через три года, весной 1933-го, жизнь привела ее в Шанхай. Здесь Цзян начала сниматься в кино, с течением времени ей стали поручать ведущие роли в таких «левацких» фильмах, как «Кровь на склонах Волчьих гор», и европеизированных драмах типа «Кукольного дома» Генрика Ибсена. Карьеру кинозвезды прервал арест: решив, что Цзян Цин является тайной коммунисткой, гоминьдановцы восемь месяцев продержали ее в тюрьме, после чего неожиданно и без всяких

объяснений выпустили. По слухам, освобождением Цзян была обязана таинственному вмешательству неизвестного, но влиятельного иностранца. Она вступала в бессчетное количество любовных интрижек, о которых с удовольствием писали шанхайские газеты, по меньшей мере дважды вступала в брак, причем второй ее муж, Тан На, от отчаяния несколько раз пытался наложить на себя руки.

В Яньань Цзян Цин привели смешанные, не совсем ей самой понятные причины. Перспектива достичь славы в Шанхае затуманилась, а брак с ветреным и впечатлительным Тан На был скорее вынужденным. Цзян хватило сообразительности понять, что продолжение войны с Японией превращает Шанхай в весьма ненадежное пристанище. После инцидента в Сиани Яньань становился весьма модным в глазах радикально настроенной китайской молодежи. Туда же держал путь ее очередной любовник, молодой коммунист-подпольщик Юй Цивэй, помогший Эдгару Сноу добиться расположения руководства КПК. По всему выходило, что лучший для Цзян выбор — это Яньань.

Как и всем вновь прибывавшим, Цзян Цин предстояло пройти проверку на благонадежность. Поначалу возникли проблемы: Цзян никак не удавалось документально подтвердить, что она вступила в партию еще в 1932 году, а ведь были еще весьма неприятные (и до сегодняшнего момента остающиеся невыясненными) вопросы относительно чудесного спасения из гоминьдановских застенков. Но появившийся в октябре Юй Цивэй поручился перед партией за искренность Цзян и ее преданность делу революции. Двумя неделями позже в стенах партийной школы она приступила к изучению марксизма-ленинизма, а еще через шесть месяцев, в апреле 1938-го, устроилась на административную работу в Академию литературы и искусств имени Лу Синя.

Впервые свое внимание на Цзян Цин Мао обратил летом. Существует немало историй о том, как ей удалось добиться этого, но безусловного доверия не вызывает ни одна из версий. Более или менее близкой к истине представляется та, в которой инициатива принадлежала именно Цзян, а не Мао. Официально они были представлены друг другу вскоре после ее приезда, однако тогда Мао еще надеялся восстановить добрые отношения с Хэ Цзычжэнь. Вторая встреча произошла позже, на театральном представлении, когда он осознал, что Хэ к нему уже не вернется. Вспоминая о заигрывании с Лили У, Ним Уэйлс отметила: «Мао был из породы тех мужчин... кто не пропустит мимо ни одной жен-

щины. Ему нравились свободомыслящие дамы...» Постель Мао была холодна, так почему бы Цзян Цин не согреть ее?

В августе, ровно через год после прибытия в Яньань (и отъезда Хэ Цзычжэнь), Цзян перевели на работу в Военную комиссию — личным помощником Мао. Осенью они поселились вместе, а в ноябре Мао дал несколько обедов для коллег из Политбюро, на которых Цзян вела себя как полноправная хозяйка дома. Так, можно сказать, была отпразднована их «свадьба»: никаких официальных церемоний, как и никакой правды в получившей широкое распространение после смерти Мао истории о том, что высшее партийное руководство поставило перед ним тогда три жестких условия: Цзян Цин не должна занимать ответственных постов, не будет мозолить глаза широкой публике и посвятит себя исключительно личной заботе о Мао.

Прошлое Цзян давало основания для серьезных сомнений. Могла ли она, с ее весьма двусмысленными шанхайскими похождениями, со сбивчивыми рассказами о вступлении в партию и неумолкавшими слухами о сделке с Гоминьданом, быть достойной подругой вождя? Сян Ин, руководивший Юго-Восточным бюро партии, ведавшим и делами в Шанхае, встревоженно сообщал личному секретарю Мао Е Цзылуну о ходивших по городу разговорах о Цзян Цин. Вывод Сян Ин сделал следующий: «Ее личность для Председателя не подходит». Многие в окружении Мао были более сдержанны, но придерживались того же мнения.

Реакция самого Мао оказалась двойственной.

Официально он утверждал, что Кан Шэн провел детальное расследование и не обнаружил в биографии Цзян Цин ничего порочащего. В этом трудно усмотреть что-либо необычное: помочь своей землячке означало не только оказать услугу ей и Мао. Подобная лояльность открывала Кану перспективу возможного влияния на руководителя партии через его соседку по подушке.

Мао и в самом деле решил, что Цзян Цин останется в тени и будет управлять его личными секретарями, как делали до нее Хэ Цзычжэнь и Ян Кайхуэй. Цзян, вполне вероятно, не пришла от этого в восторг, но Мао такое положение дел полностью устраивало. В ней его привлекали молодость и очевидная сексуальность. Но прежде всего ему требовался помощник — не лицедей. Несмотря на разговоры о равенстве между женщиной и мужчиной, соперников Мао не выносил и меньше всего готов был терпеть их в собственной постели.

На какое-то время ему удалось заткнуть рты всем сомневавшимся. Цзян Цин вязала Мао свитера, готовила ост-

рые, столь любимые им блюда хунаньской кухни. Вот что вспоминал Ли Иньцяо, бывший тогда телохранителем Мао:

«У нее были иссиня-черные волосы, перехваченные на затылке лентой и падавшие хвостом до середины спины, тонкие брови, ярко блестевшие глаза, аккуратный носик и крупный, щедрый рот... В Яньани все смотрели на нее как на кинозвезду. Цзян мастерски писала иероглифы кистью, каллиграфия ее считалась отменной. Еще она очень любила ездить верхом и играть в карты. Сама кроила и шила себе одежду и выглядела в ней великолепно... Тогда Цзян была очень общительной и не чуралась простых людей. Она стригла телохранителей и учила их вставлять нитку в иголку. В походе всегда готова была подбодрить уставшего шуткой. Зимой все кутались в вороха теплой одежды, Цзян же обязательно ее перешивала, чтобы подчеркнуть свою тоненькую фигурку. Она была очень гордой, ей нравилось чувствовать себя в свете прожекторов. Больше всего на свете Цзян любила, когда ею восхищались».

В августе 1940 года, к великой радости Мао, у Цзян родилась дочь Ли На. Она стала его девятым по счету ребенком. Выжили из них всего четверо. Материнские заботы, однако, пришлись Цзян Цин не по вкусу, и она категорически заявила, что не согласится ходить, подобно Хэ Цзычжэнь, «вечно брюхатой». Годом позже, когда наступила новая беременность, Цзян настояла на аборте. Операция прошла не совсем гладко: у нее началась горячка, и вскоре врачи поставили более точный диагноз: туберкулез. После этого Цзян Цин согласилась на стерилизацию.

Ратовавший за самые прогрессивные идеи, Мао оставался в душе стойким приверженцем традиционных китайских взглядов на потомство: чем больше детей, тем счастливее родители. Он был недоволен.

Давали о себе знать и другие различия. У Мао давно сложилась привычка работать по ночам и спать до полудня. Хэ Цзычжэнь с этим мирилась, Цзян Цин не захотела. В Янцзялине Мао стелил себе в кабинете, чтобы до утра сидеть над книгами без всяких помех. И в 1942 году, уже перебравшись в долину Цзаоюань, чуть к северу от Яньани, где вместе с Чжу Дэ проживали все руководители Красной армии, он спал отдельно.

Окружающие видели в Цзян Цин молодую преданную супругу и мать. Но ее личная жизнь с Мао была весьма беспокойной. Его приводили в бешенство назойливые притязания Цзян на особое к себе отношение со стороны руководства партии. Мао начинал кричать и топать ногами, называл ее сукой и гнал от себя прочь.

За исключением Кан Шэна, Чэнь Бода и двух-трех самых преданных друзей для всей партийной элиты Цзян Цин так и не смогла стать своей. Охранник Ли Иньцяо помнил, как однажды в его присутствии Цзян за обеденным столом разразилась воплями: «Негодяи и ублюдки!» Увидев изумление на его лице, она торопливо пояснила, что проклятия относятся не к телохранителям, а к бонзам из Политбюро, отказывавшимся признать за супругой Мао ее собственный политический авторитет. Двадцать пять лет спустя, когда во время «культурной революции» Цзян Цин действительно получила почти неограниченную власть, она жестоко отомстила обидчикам.

В 1947 году в минуту слабости Мао признался Ли Иньцяо, что давно разочаровался в своей верной подруге. «Семейная жизнь у меня опять не сложилась, — со вздохом сказал он, — слишком опрометчиво заключил я наш союз. Цзян Цин — моя жена. Будь она лишь сотрудницей, я бы тотчас избавился от нее... Но с этим уже ничего не поделаешь. Приходится терпеть». К этому времени сын Мао Аньин и его дочь Ли Мин жили уже в доме отца*. Он перестал бы быть мужчиной, если бы дети, напоминавшие о лучших, более счастливых временах, не заставляли его вспоминать о прежних женах. Сравнения были не в пользу Цзян Цин. Но и в отсутствие детей от браков с Ян Кайхуэй и Хэ Цзычжэнь отношения с Цзян становились все хуже. Несмотря на то что супруги продолжали появляться на публике вместе, с конца 40-х годов Мао постоянно стремился найти женщину по душе на стороне.

В то время как личная жизнь Мао оставляла желать лучшего, звезда его политической карьеры всходила с головокружительной быстротой.

Как он и предсказывал на 6-м пленуме партии, Гоминьдану не потребовалось много времени, чтобы доказать свою несостоятельность как союзника. Не прошло и двух месяцев, как лидеры националистов приняли секретное решение о развале Коммунистической

* После разгрома в 1933 году Шанхайской партийной организации одиннадцатилетний Аньин вместе со своим младшим братом Аньцином были предоставлены сами себе и жили на улице. Каким-то чудом им удалось сохранить связи с отдельными коммунистами, и через три года сыновей Мао отправили на учебу в Москву. Проведенное там медицинское обследование установило в умственном развитии Аньцина серьезные отклонения. Аньин вернулся в Китай в декабре 1945 года, его брат — четырьмя годами позже. — *Примеч. авт.*

партии. Буквально через пару недель Мао издал контрдирективу, в которой говорилось: «Мы не станем нападать первыми, пусть это сделает наш противник. Но отпор ему будет дан мощный и незамедлительный».

На протяжении следующего года «трения», как иносказательно назывались постоянные стычки между частями гоминьдановцев и подразделениями Красной армии, обострились.

Виновными в этом следует признать обе стороны. Коммунисты расширяли сферы своего влияния за счет Гоминьдана; Чан Кайши был полон решимости всячески препятствовать их экспансии. Но единый фронт противоборствующие союзники разрушать не хотели. Мао опасался, что оказавшийся в полном одиночестве Гоминьдан пойдет на сговор и подпишет с Японией сепаратный мир. Чан Кайши пугала перспектива потери военной помощи России. Тем не менее националисты ужесточили и без того суровые ограничения на деятельность членов КПК в контролируемых гоминьдановцами районах; территория вокруг Яньани оказалась в кольце необъявленной блокады.

Долго накапливавшееся напряжение достигает апогея осенью 1940 года, после наступления, предпринятого Красной армией против японцев и названного «кампанией ста полков».

С военной точки зрения операция была весьма успешной. На поле боя убитыми и ранеными японские войска потеряли более двадцати шести тысяч человек. Однако Чан Кайши воспринял победу как свидетельство недопустимо возросшей боеспособности Красной армии. Зимой он принял решение преподать коммунистам урок. В январе 4-я армия, дополненная бывшими партизанскими бригадами с юга, занималась передислокацией своих частей на другой берег Хуанхэ. В Аньхое несколько ее подразделений подверглись нападению из засады значительно превосходивших сил Гоминьдана. За неделю кровопролитных боев коммунисты недосчитались более девяти тысяч бойцов и командиров.

Отношения между двумя партиями оказались на грани полного разрыва. Между Яньанью и Чунцином, где располагалась штаб-квартира Чан Кайши, были прекращены всякие контакты, КПК отозвала своих офицеров связи и из других провинциальных центров. Но и в этих экстремальных условиях единый фронт был для партии слишком ценным завоеванием, чтобы пожертвовать им без попыток мирно разрешить конфликтную ситуацию. Благодаря ему Красная армия на самых законных основаниях увеличила свою численность с пятидесяти тысяч до полумиллиона че-

ловек. Ряды КПК множились столь стремительно, что Политбюро оказалось вынужденным временно приостановить прием в партию, поскольку существовавшая структура просто не успевала за темпами роста. Для Мао фронт стал «магическим оружием», расчищавшим коммунистам дорогу к власти. Чан Кайши тоже понимал это. Но его руки были связаны. Война с Японией, сделавшая, собственно говоря, единый фронт возможным, означала, что Гоминьдан не может в одностороннем порядке прекратить ее. По всей стране поднялась бы мощная волна обвинений: «Чан Кайши предпочитает убивать не японцев, а коммунистов».

В конечном итоге вступление в июне 1941 года в мировую войну Советского Союза, а в декабре — и США заставило КПК и Гоминьдан продолжить совместную борьбу против Японии. Китай уже стал частью формировавшегося Тихоокеанского альянса, и на какое-то время важность нового статуса отодвинула на задний план распри внутри страны. Обе противоборствующие стороны прекратили стрелять друг в друга и в ожидании неизбежного возобновления конфликта после победы над общим врагом исподволь накапливали силы.

Для Мао подобная ситуация послужила новым толчком к укреплению своей личной власти.

Избранный им для этого метод на сей раз заключался в переоценке всей предыдущей деятельности партии. Требовалось доказать даже самым упорным скептикам, что Ван Мин и его сторонники ступили на тропу ошибок еще в 1931 году, задолго до вопроса о едином фронте, а последовательным и правым оставался один Мао.

Начиная с 1931 года в течение четырех лет войны с Японией значительная часть черновой работы была уже проделана. В октябре 1939 года Мао писал о необходимости нести в массы правду об истории партии. Это, говорил он, поможет «консолидировать КПК идеологически, политически и организационно» и гарантирует от «повторения ошибок прошлого». Только после Цзуньи коммунисты «твердо стали на позиции большевизма». Для Ван Мина и тех его последователей, что руководили партией на протяжении почти пяти лет до совещания в Цзуньи, такие формулировки означали одно: Мао ждет от них полного отречения от своих прежних взглядов.

Пытаясь уйти от брошенного ему вызова, Ван Мин предложил заключить сделку: он признает нынешнее верховенство Мао в партийных делах, а тот, в свою очередь, перестанет высказывать сомнение в былых заслугах Вана.

Компромисс поначалу достиг цели. Однако уже в декабре 1940 года Мао составил подробный перечень «ультралевацких ошибок, допущенных группой Ван Мина в Цзянси»:

«Имело место полное отстранение от экономической жизни класса капиталистов (ультралевацкая политика в области труда и налогообложения) и зажиточного крестьянства (которому отписывались самые негодные земли); физическое истребление голодной смертью помещиков (взамен конфискованной земли им не предоставлялась другая). Суровым гонениям подверглась интеллигенция; серьезный левый уклон присутствовал в подавлении контрреволюционной деятельности; органы местного самоуправления были монополизированы коммунистами... Ультралевачество проявилось в военной политике (идея захвата крупных городов, пренебрежение партизанской войной) и нанесло значительный ущерб внутрипартийной жизни (нападки на товарищей по партии и чрезмерно строгие наказания провинившихся). Все эти ошибки нанесли КПК и делу революции в целом весьма трудно поправимое зло».

Однако так же, как и прежде, Мао не называл никаких имен. Когда Лю Шаоци рекомендовал ему классифицировать перечисленное как «ошибочную политическую линию», Мао благоразумно отказался. «Дыне нужно дать созреть, — говорил он. — Зачем срывать ее неспелой? Придет время, и она сама отвалится от стебля. Чрезмерная строгость только вредит политике».

Но уже осенью следующего года Мао решил, что пора начинать столь долго планировавшееся политическое наступление.

Яньаньское «движение по упорядочению стиля» («чжэнфэн»), как назвали его чуть позже, продлилось без малого четыре года. К моменту его завершения Мао уже не был «первым среди равных» — он стал тем, кто решал все, вознесенным на пьедестал демиургом, чей венец озаряет своим сиянием всех бывших его коллег.

Мао перешел в атаку на расширенном заседании Политбюро, собравшемся 10 сентября 1941 года. Свою речь он начал с критики «субъективизма», означавшего неспособность адаптировать политику партии к реальным условиям Китая. Этот тезис звучал в его выступлениях уже с весны. Но теперь Мао позволил себе быть более конкретным. Одним из проявлений такого субъективизма, говорил он, была «лилисановщина» начала 30-х годов, но куда более опасными для партии оказались решения руководства, избранного на 4-м пленуме КПК. Хуже того, отмечал докладчик, проблема осталась неразрешенной и поныне: субъективизм, сектантство и догматизм продолжали наносить огромный вред делу

партии; на борьбу с ними необходимо мобилизовать самые широкие массы.

Через шесть недель, когда заседание закончилось, Мао получил почти все, к чему он так стремился. Ван Мин и Бо Гу будут признаны виновными в «левацком» уклоне, а многим их соратникам, в том числе и Чжан Вэньтяню, придется подвергнуть себя суровой самокритике.

Причиной подобного успеха послужило несколько факторов. Многократным повторением слышанных всеми на протяжении пяти лет формул Мао удалось внедрить свои призывы к особому, китайскому, пути развития революции в коллективное сознание партии. Начиная с Цзуньи, подчеркивал он, партия чувствовала себя окрепшей, авторитет ее возрастал, в то время как в предыдущий период, под руководством «возвращенцев», она стояла на грани если не самоуничтожения, то распада. Более того, Мао заверил своих коллег в том, что целью готовящегося движения будет «исправление» идей, а не их носителей. Главный принцип — «Лечить болезнь, а не больного». О «беспощадных ударах», наносившихся идейными соперниками в ходе прошлых кампаний, не может быть и речи.

Позже это сентябрьское заседание Политбюро Мао назвал одним из десятка шагов, которые привели его на вершину политической власти. За своими плечами он впервые тогда почувствовал несокрушимую когорту партийных руководителей (в нее не вошли лишь Ван Мин и Бо Гу, отказавшиеся признать свои ошибки). Необходимые предпосылки и условия для «движения по упорядочению» были созданы.

Вплоть до заседания Политбюро основным объектом всей политической эскапады Мао являлись высшие эшелоны партийной элиты. О скрытой борьбе в партии, насчитывавшей к тому времени около восьмисот тысяч членов, знали от силы сто — сто пятьдесят человек. Даже Пэн Дэхуай, полный член Политбюро, впоследствии признавал, что суть происходившего до конца раскрылась ему только год спустя. Рядовые же члены КПК и представления не имели о том, чем занята верхушка партии.

Но в феврале 1942 года ход кампании стал достоянием общественности.

Двумя выступлениями в Центральной партийной школе Мао задал основное направление последней партийной инициативы.

«Мы — коммунисты, — говорил он слушателям, — следовательно, должны идти в ногу и заботиться о равнении

наших рядов». Далее следовало описание тональности марша, под который ряды будут продвигаться вперед:

«Марксизм-ленинизм и китайская революция связаны меж собою так же, как стрела и стоящая перед нею мишень. Отдельные товарищи пускают свои стрелы во все стороны сразу, не выбирая цели, наугад... Другие бережно держат стрелу в руках и восхищаются: «Какая чудесная вещица», не решаясь натянуть тетиву. Стрела марксизма-ленинизма должна поразить свою мишень... В противном случае с какой стати изучать нам эту науку? Марксизм-ленинизм нужен нам не потому, что он радует глаз или крепит в себе некую мистическую силу, которая помогала даосам покорять демонов и общаться с духами. В марксизме-ленинизме нет ни особой красоты, ни сверхъестественной силы. Он просто полезен, исключительно полезен... Те, кто относится к нему как к религиозной догме, слепы в своем невежестве. Им нужно прямо сказать: «Ваша догма бессмысленна», или, что прозвучит грубее, но будет более точным: «От вашей догмы толку меньше, чем от кучи дерьма». Собачье дерьмо годится на удобрение, а то, что, посидев, оставляем мы с вами, кормит собак. Но догма? Она не нужна в поле и не устроит собак. Для чего же она тогда?»

В будущем, заверил Мао аудиторию, партийца будут оценивать по тому, насколько грамотно он умеет применять концепции и методы марксизма-ленинизма при решении практических задач. Прочитанные же «сотни томов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, равно как и способность цитировать их страницами» не стоят ровным счетом ничего.

Книжная мудрость, которую Мао всегда ненавидел, получила достойную отповедь:

«Приготовить пищу и грамотно накрыть стол во все времена почиталось настоящим искусством. Как же нам быть со знаниями, почерпнутыми в книгах? Если человек не занимается ничем, кроме чтения, то он будет в состоянии распознать три, скажем, пять тысяч иероглифов. Ему останется лишь протянуть к прохожим руку за подаянием. Читать книгу намного проще, чем готовить пищу, намного быстрее, чем заколоть свинью. Ведь свинью сначала нужно поймать. Она умеет бегать (смех в зале). Хорошо, человек догоняет свинью, втыкает ей в шею нож. Свинья визжит (смех в зале). Лежащая на столе книга не имеет ног, она не завизжит (смех). Что может быть проще? Вот почему я советовал бы тем из вас, кто привык читать книги и не сталкивался с реальной жизнью, попытаться осознать собственные упущения и умерить свое честолюбие».

В подобном духе Мао мог вещать бесконечно долго. Длинные и пустые, полные абстракций речи гневно обличали разрушавший партийную дисциплину «индивидуализм» и тормозивший развитие общества «зарубежный формализм»:

«Мы должны оседлать весь Китай, ощутить его собственными задницами. Мы должны изучать мировой капитализм и мировой социализм, но если нам потребуется уяснить, какое отношение они имеют к истории нашей партии, совершенно не важно, куда опустится ваша задница... Когда мы изучаем Китай, в центре нашего внимания должен быть именно он. Среди некоторых товарищей распространилось настоящее повстрие: они берут за образец другую страну и превращаются в заезженную пластинку, без конца перепевая куплет о необходимости копировать ее опыт...»

Эта суровая критика предназначалась не столько уже побежденному Ван Мину и его последователям, сколько тому образу мышления, который они представляли. На протяжении двенадцати месяцев, пока рядовые члены партии на лекциях и в семинарских кружках впитывали в себя идеи Мао и вытекавшие из них взгляды на историю КПК, происходило смещение интеллектуального центра коммунистической идеологии. Источник марксистско-ленинской мудрости дарил свои животворные струи уже не Москве, а Яньани.

В марте 1943 года организационная структура партии со значительным опозданием была приведена в соответствие с политической реальностью, сложившейся в результате «движения по упорядочению стиля». Мао стал Председателем Политбюро и нового Секретариата, состоявшего теперь из трех человек: его самого, Лю Шаоци, фактически занявшего второй пост в партии, и Жэнь Биши, оказавшего Мао столь значительную услугу в Москве пятью годами ранее. Ван Цзясян был назначен заместителем руководителя отдела пропаганды, а Кан Шэн, чья карьера пошла в гору после того, как он в 1938 году перешел на сторону Мао, получил должность заместителя руководителя организационного отдела, подчинявшегося Лю Шаоци. Ван Мин, входивший в состав высшего руководства КПК с 1931 года, оказался полностью отстраненным от принятия важнейших решений.

Однако наиболее серьезное нововведение не так бросалось в глаза, как раздача постов, образно говоря, оно было набрано самым мелким шрифтом. Как и в предыдущие годы, в перерывах между заседаниями Политбюро право принятия решений принадлежало Секретариату ЦК. Но теперь, в случае расхожде-

ния мнений его членов, окончательное слово оставалось за Мао. Фактически это означало куда больше, чем право решающего голоса или даже право вето: даже если двое членов Секретариата будут против, Мао уже ничто не помешает навязать свою волю партии.

В военное время подобная концентрация полномочий в руках одного человека имела под собой определенные основания. Соратники Мао могли успокаивать себя тем, что носителями высшей власти в любом случае являются коллегиальные органы: Политбюро и Центральный Комитет. Суть же заключалась в том, что партия оказалась как бы под гигантским катком. Перед ним капитулировал даже Бо Гу. Единственным уцелевшим утесом высился Ван Мин, чья отчужденность служила зримым предупреждением всем потенциальным ослушникам. Наблюдая за взлетом Мао и зная, что их собственное будущее зависит от тонкостей личных взаимоотношений с ним, руководители КПК не имели никакого желания противостоять неизбежному, по их мнению, процессу.

В 1943 году Мао получил в партии такой статус, которого до него не имел ни один китайский коммунист.

Но пока его влияние распространялось лишь на подконтрольные КПК территории, весьма незначительные на просторах гигантской страны. Следующий шаг был воистину творческим: предстояло создать миф вокруг личности Мао и развить идеи, которые позволят ему в течение шести последующих лет завоевать поддержку не только партии, но и населения всего Китая.

Как и «культурная революция», начавшаяся четверть века спустя, «чжэнфэн» являл собой не просто составную часть процесса борьбы за власть. По сути, он был попыткой коренным образом изменить образ мышления людей.

Логические предпосылки кампании лежали в политике единого фронта, требовавшей от партии всемерного расширения своего влияния. В декабре 1935 года в Ваяобу Политбюро под нажимом Мао согласилось с тем, что членство в партии должно быть открыто для всех, «кто готов бороться за дело КПК — вне зависимости от социального происхождения». После возражений Коминтерна этот лозунг был без шума снят. Но на практике принцип «открытых дверей» продолжал действовать. Чтобы завоевать симпатии так называемых промежуточных классов — патриотически настроенной буржуазии, мелких и средних землевладельцев, интеллигенции, — составлявших политическую основу Гоминьдана, КПК несколько смягчила радикализм своего курса. В мартовской

статье 1940 года «О новой демократии» Мао указывал, что к конечной цели партии — построению социализма — лежит еще очень долгий путь. Текущая задача, которая тоже неизбежно потребует многих лет, — это борьба с империализмом и феодализмом.

Успех политики классового сотрудничества превзошел самые смелые ожидания. К началу 40-х годов, всего через три года после инцидента на мосту Марко Поло, численность КПК увеличилась едва ли не в двадцать раз. Большинство новых членов вступали в партию из соображений патриотизма, а вовсе не по коммунистическим убеждениям.

Со всей очевидностью вставала проблема: как этот рыхлый массив превратить в спаянную железной дисциплиной политическую силу?

«Большевизация» партии в 30-е годы проходила в атмосфере страха. Поднятая им волна отвращения к идеям коммунизма оттолкнула многих и исключала всякое повторение печального опыта. К окончанию Великого похода Мао признал, что для разрешения внутрипартийных противоречий необходим другой, более гладкий путь. В 1935 году он сказал Сюй Хайдуну, что люди, вынесшие на своих плечах столь чудовищные испытания, не могут быть предателями. Предпринимались различные попытки создать новые эффективные методы типа движения «нового листа», в ходе которого члены партии, совершившие ошибки, признавались в них публично и давали клятву начать жизнь сначала. Но ответ на сложный вопрос Мао в конце концов нашел в классическом наследии прошлого.

«Если стиль жизни партии будет безукоризненно правильным, — заявил он в начале «чжэнфэна», — то за нами последует вся нация». Путь к умам людей проходит через «силу добродетельного примера», как писал Конфуций. В Цзянси, как и в годы «культурной революции», эта сила обозначалась цветом — красным. Однако в отличие от Конфуция, утверждавшего, что «народ можно заставить подчиниться, но нельзя заставить понять почему», Мао, будучи коммунистом, настаивал: «истинным героем является народ», в гуще своей порождающий революционные идеи:

«Правильное руководство исходит от масс и направлено в массы. Другими словами, требуется взять идею из народа, проанализировать ее, превратить в стройное и концентрированное учение и вернуться с ним в массы. Вот тогда они воспримут его душой и сердцем и на практике убедятся в его истинности. Затем то же самое нужно проделать еще раз, другой, третий — и так

до бесконечности. Поднимаясь по этой спирали, идеи будут очищаться, обогащаться и наполняться жизненной силой».

В ходе «чжэнфэна» такой подход был осуществлен внутри самой партии. «Озарение», которого ждал Мао, должно было прийти к коммунистам по их собственной воле: «Члены партии обязаны постоянно задавать себе вопрос: почему? Им следует тщательно взвешивать любые явления и проблемы, вдумчиво проверять, соответствуют ли они реальному положению дел. Мы не можем позволить себе роскошь действовать вслепую, однако нельзя превращаться и в рабов идеи».

Такие взгляды не мешали Мао настаивать на необходимости строгого партийного единомыслия. Долгом каждого коммуниста считалось «полное подчинение центральному руководству».

Пристрастие Мао к подобным противоречиям стало отличительной чертой всей его политики. Этот дьявольски хитроумный и одновременно на редкость простой ход обеспечивал ему возможность управлять ходом любой идеологической кампании в соответствии с личными политическими нуждами. Он всегда мог изменить направление удара, вынудить реальных или воображаемых соперников полностью раскрыть свои взгляды — с тем, чтобы уже без особого труда расправиться с ними.

«Чжэнфэн» никогда и не планировался как размеренная, доброжелательная кампания. Он должен был стать решающей схваткой — не только с Ван Мином и его представлениями, но и с теми в партии, кто испытывал хотя бы внутреннее сопротивление идеям самого Мао. «Изгнать заразу и спасти страждущего» — отличный принцип, но Мао никогда не обещал, что этот процесс будет безболезненным. «Первым делом, — пояснял он, — пациент должен ощутить потрясение, шок. Ты болен! — обязан кричать ему врач. Подопечный обмирает от страха и покрывается испариной; с этого момента он встает на путь исцеления». Конфуцианские методы убеждения становятся для Мао излюбленными, но, так же как и совершенномудрые правители древности, он не забывал и о легистских способах принуждения тех, кто отказывался подчиниться его воле. Конечно, речь шла не о Ван Мине и других высших чиновниках партии, чей статус служил достаточной защитой от репрессий, — объектами нападок были, как правило, более уязвимые души, чей пример служил потом суровым назиданием остальным.

В 1942 году одним из наиболее непокорных упрямцев был в Яньани исполненный идеализма молодой литератор Ван Шивэй.

Искренность — чтобы не сказать доверчивость — являлась отличительной чертой китайских интеллектуалов на протяжении веков. Среди писателей и художников, примкнувших к партии с началом антияпонской войны, призыв Мао сомнениями проверить древние истины послужил поводом развернуть широкую дискуссию на страницах стенных газет — «дацзыбао», — носивших названия типа «Ши юй ди» («Стрела и мишень»), «Цин цибин» («Легкая кавалерия») или «Сибэй фэн» («Ветер с северо-запада»). Нечто похожее имело место двадцатью годами раньше, в ходе «Движения 4 мая».

Писательница Дин Лин опубликовала весьма резкую статью, где в самых непочтительных выражениях высмеяла лицемерие партийных чиновников в вопросе равноправия женщин. Ее коллега поэт Ай Цин с ехидной издевкой писал о том, как комиссары требовали от него превратить «стригущий лишай» в название полевого цветка. Однако наиболее болезненный удар Мао ощутил, прочитав сатирическое эссе Ван Шивэя «Дикая лилия», напечатанное партийной «Цзефан жибао» (газета «Освобождение») в марте. Ван осмелился рассказать о скрытой от посторонних глаз стороне жизни в Яньани: о «трех классах одежды и пяти сортах пищевых продуктов», полагавшихся высшим чинам партии в то время, когда «больные и раненые оставались без чашки лапши, а молодежь довольствовалась двумя чашками рисового отвара в день». Упомянул он и о плотских утехах высоких начальников, об их абсолютном равнодушии к нуждам простых коммунистов.

Даже сейчас, полвека спустя, китайцу трудно понять, расставил ли Мао сознательно западню, в которую угодил Ван Шивэй и другие, или реакция литераторов оказалась для него полной неожиданностью.

Типичным для Мао являлось то, что он не оспаривал ни одну из гипотез. В его воспоминаниях Ван Шивэй представал то как необходимая «чжэнфэну» мишень, то в качестве его невинной жертвы, дискредитировавшей благородные политические цели. Так или иначе, случай с Ван Шивэем стал образцовым в процессе подавления политического инакомыслия. По подобной же модели строились акции устрашения творческой интеллигенции на протяжении всего последующего правления Мао и даже после его смерти.

Сценарий репрессий Мао озвучил в мае лично, на специально созванном совещании работников литературы и искусства. Сатира и критика, заявил он, абсолютно необходимы, но и писатели, и художники должны для себя решить, на чьей они

стороне. Те, кто (подобно Ван Шивэю) тратит свою энергию на обличение так называемых темных сторон диктатуры пролетариата, являются «мелкобуржуазными индивидуалистами» и «трутнями в рядах настоящих революционеров». Цель искусства — служить интересам пролетарской культуры, а основная задача людей творческих профессий — стать трибунами масс, целиком отдав свою жизнь и талант священному делу революционной борьбы.

Через четыре дня над Ван Шивэем устроили показательное идеологическое судилище, которое явилось прототипом многотысячных публичных процессов 60-х. Две недели у товарищей по партии ушло на беспристрастно-суровое обсуждение его ошибок. Тон ему задал политический секретарь Мао Чэнь Бода. Он сравнил Ван Шивэя с присосавшейся к телу пиявкой, а обращался к нему не иначе, как к «зловонной куче дерьма», повод чему нашел в многозначности слогов, составлявших имя писателя. Ван Шивэю вторил Ай Цин: «Взгляды Вана насквозь реакционны, а предлагаемые им лекарства — настоящая отрава. Данный индивидуум не заслуживает высокого звания гражданина, не говоря уже о «товарище». Даже строптивая Дин Лин сочла более благоразумным осудить коллегу. Однако, согласно логике «чжэнфэна», обычного «промывания мозгов» было недостаточно. Вану предстояло пройти через процедуру публичного унижения, устроенную собратьями по перу. «Суд» над ним знаменовал начало практики коллективных трибуналов, на долгие десятилетия ставших неотъемлемой частью политики китайских коммунистов в отношении всех инакомыслящих.

Позже Ван Шивэй был исключен из Ассоциации китайских литераторов, что фактически лишало его возможности писать. «Все остальные, — вспоминал впоследствии один из участников судилища, — избавившись от этого непомерного идеологического бремени (читай: спасши свои шкуры), получили возможность вдохнуть полной грудью».

И все же Мао еще не до конца был уверен, что преподанный писателям урок пошел им на пользу. Несмотря на оказанное давление, Ван Шивэй так и не отрекся от своих убеждений, настаивая на том, что все им написанное идет исключительно во благо партии. По информации Кан Шэна, Вану симпатизировали девяносто процентов яньаньской интеллигенции. «Чжэнфэн» продолжался, его руководители прилагали отчаянные усилия для того, чтобы окончательно демонизировать личность писателя. В ходе судилища Вана уже обвинили в троцкизме, антипартийной идеологии, назвали «грязной и продажной душонкой» и уличили в том,

что голова его «полна... контрреволюционного дерьма». Но при всей тяжести подобных обвинений партия рассматривала Ван Шивэя как «совершившего серьезные ошибки товарища, которого еще можно спасти». В октябре отношение к нему кардинально изменилось. Вану официально предъявили обвинение в «шпионаже в пользу Гоминьдана» и создании «антипартийной банды пятерых», которая «прокралась в ряды КПК с целью подрыва их единства». Через несколько дней его арестовали сотрудники выполнявшего функции секретной полиции общественного отдела партии и вместе с двумя сотнями других политически неблагонадежных отправили в тайное узилище КПК в Цзаоюани.

«Антипартийная банда пятерых» была чистой воды фальсификацией, а в подобных делах Кан Шэн знал толк. Ван и четверо других участников банды — две молодые супружеские пары — были едва знакомы, их связывала лишь общность либеральных взглядов. «Конспирация», — сказал тогда Кан Шэн. Даже Мао, давший добро на арест, попытался позже снять с себя всякую ответственность, объяснив происшедшее «досадной ошибкой». Впрочем, такая линия поведения была для него обычной. «Чжэнфэн» показал всей партии, что терпимость руководства имеет свои пределы, и те, кто забыл об этом, чьи дела, как объявил Мао, из разряда «заблуждений» будут переквалифицированы в «пособничество врагу», очень скоро ощутили, что на смену бархатной перчатке конфуцианства пришел острый топор легистов.

Начиная с осени 1942 года Кан Шэн получил полную свободу действий в качестве палача партии.

«Движение по проверке кадров» ставило целью очистить ряды КПК от «шпионов и вредных элементов», наличие которых объяснялось возросшей активностью секретных агентов Гоминьдана. «Шпионов у нас не меньше, чем волосков в бараньей шкуре», — говорил Мао. Как и в деле Ван Шивэя, понятие «шпион» трактовалось весьма широко. Основанием для подозрений могли служить критические высказывания, «либерализм» в отношении инакомыслящих, отсутствие энтузиазма при участии в мероприятиях партии, родственные связи с членами Гоминьдана. В декабре «движение по проверке» с благословения Мао превратилось в «движение по спасению», в ходе которого подозреваемых пытками склоняли к признаниям, чем и «спасали» их от более тяжких злодеяний. Такая практика полностью соответствовала формуле Мао «изгнать заразу и спасти страждущего», однако весьма немногие в партии приветствовали ее жестокость.

К июлю 1943 года были арестованы более тысячи «вражеских агентов», и более половины из них признали свою вину. Кан Шэн докладывал руководству КПК, что около семидесяти процентов вновь принятых «политически неблагонадежны». Из двухсот слушателей армейского училища «пособниками Гоминьдана» оказались сто семьдесят. Даже в аппарате Секретариата, средоточии политической власти Мао, у десяти из шестидесяти сотрудников обнаружились серьезные «политические проблемы». Многие коммунисты позору и пыткам предпочли добровольный уход из жизни. Около сорока тысяч человек (пять процентов от общего количества членов КПК) были исключены из партии.

Происходившее до боли напоминало развернутую Мао в 1930 году кампанию по борьбе с «АБ-туанями». Смертных приговоров, правда, выносилось теперь куда меньше, но общий принцип — признание под пыткой — сохранился без изменений.

В окружении Мао с этим были согласны многие. Вернувшись летом 1943 года из Чунцина в Яньань, Чжоу Эньлай высказал свое недоверие Кан Шэну, утверждавшему, что подпольные организации партии в гоминьдановских районах наводнены шпионами. Расследовать ситуацию поручили Жэнь Биши. Представленный им Мао доклад никогда не публиковался, однако не вызывает сомнения то, что он содержал резкую критику методов Кана, поскольку уже в августе Председатель отдал следователям общественного отдела КПК приказ умерить пыл. Двумя месяцами позже Мао распорядился: «Никаких казней и как можно меньше арестов — вот какой политики мы должны придерживаться». На этом «движение по спасению» закончилось. В декабре 1943-го, через год после его начала, выяснилось, что девяносто процентов арестованных были ни в чем не повинны и подлежали реабилитации. Многие, к сожалению, посмертной.

Тот факт, что «движение по спасению» вышло из русла и превратилось в шквал репрессий, является весьма примечательной характеристикой руководящего стиля Мао.

Одной из объективных предпосылок этого, как и в Футяни, было усилившееся противодействие националистов. Но еще более значимым являлось убеждение Мао в том, что лидер не имеет права казаться мягким. В 1943 году, накануне своего пятидесятилетия, Мао был уже далеко не новичок во власти. Неудачи 20-х — начала 30-х годов научили его: в политике, как и на войне, противник должен быть уничтожен, поскольку, раненный, он когда-нибудь встанет на ноги и продолжит борьбу. Это вовсе не

означало возврата к старой и уже дискредитировавшей себя политике «беспощадных ударов», вину за которую Мао возложил на Ван Мина. Однако методы убеждения оказывались куда более эффективными, если накладывались на чувство страха убеждаемого. Революция — это не званый ужин.

Жертвой столь двойственной позиции Мао и стал Ван Шивэй.

После его ареста Мао отдал приказ: Вана не убивать, но и не выпускать на свободу. Писатель остался в заключении — «молодой человек со смертельно серым лицом, который говорит так, будто читает, водя пальцем по строкам». Он служил живым предостережением тем, кто позволит себе усомниться в правильности указанного Председателем пути.

Весной 1947 года, когда коммунисты ушли из Яньани, Хэ Лун был по-прежнему командиром одной из воинских частей. Многие европейские исследователи обычно представляли его Робин Гудом Красной армии, сорвиголовой и романтиком, ненавидевшим богачей и заботившемся о бедняках. В реальности же Хэ Лун, подобно другим генералам, был весьма жестким, крутого нрава восначальником. Такие, как он, презирали интеллигентов типа Ван Шивэя — вздыхавших о свободе литераторов в то время, как бойцы проливали свою кровь. Ранним весенним утром в деревеньке на берегу Хуанхэ Ван Шивэю по приказу Хэ Луна отрубили голову. Когда Мао узнал об этом, он поджал губы и не проронил ни слова.

Превращение Мао в верховного вождя партии сопровождалось ускоренным ростом культа его личности. Уже в конце 20-х годов деревенские жители юга Китая, говорившие на кантонском диалекте, слагали мифы о всемогущем главаре бандитской шайки Мо Такчуне, за которым безуспешно охотились власти. Но решение сделать из него глашатая китайского коммунизма в глазах всей нации окончательно сформировалось после публикации книги Эдгара Сноу «Красная звезда над Китаем». В предисловии к ней Сноу написал, что Мао отмечен печатью «высокого предназначения».

Эту же печать ощущал на себе и сам Мао. Зимой 1935 года в стихотворении, посвященном картинам природы северных районов Шэньси, Мао говорил о своих устремлениях. Начинал он так:

Панцирь льда покрывает безбрежные дали,
Вихри снега метут по закованной в броню земле...
В змей серебряных пляске гор хребты закружились,
Белоснежные исполины отвечают на вызов небес.

Далее следовали его размышления о великих правителях древности, перед чьими глазами стоял тот же пейзаж, — об основателях династий Цинь, Хань, Тан и Сун, о великом Чингисхане. Все они достигли вершин могущества, писал Мао, и все превратились в прах. «Истинного героя, — говорил он, — можно найти только в современности».

От такого сравнения захватывало дух.

В то время когда вся Красная армия едва насчитывала несколько тысяч голодных и плохо вооруженных бойцов, Мао уже видел себя провозвестником новой, коммунистической эры и был вполне готов возложить на свою голову венец легендарных завоевателей прошлого.

К окончанию Великого похода в нем окрепло ощущение собственной неординарности. Мао начал сознавать, что судьба приготовила ему нечто исключительное. При наличии соответствующих условий до культа вождя оставалось сделать лишь один шаг.

В июне 1937 года новый печатный орган КПК газета «Цзефан» («Освобождение») впервые опубликовала его портрет. Это был отпечаток вырезанной в дереве гравюры, на которой лицо Мао озаряли лучи восходящего солнца. В Китае такой мотив традиционно ассоциировался с богоподобным императором. Через полгода в Шанхае вышел первый сборник его трудов. Летом 1938-го появилась еще одна веха: Линь Бяо, верный его наперсник, написал о своем «гениальном руководителе», и эта метафора на протяжении последующих лет стала настолько избитой, что от нее тошнило и самого Мао.

Произошли определенные перемены и в его взаимоотношениях с окружающими.

В самом начале яньаньского периода гости с Запада были очарованы спартанской обстановкой и простотой царивших в лагере коммунистов нравов. Мао тогда мог без всяких церемоний зайти к соседу поужинать или скоротать вечер за игрой в карты. «Постепенно у нас зарождалось, — писал впоследствии Отто Браун, — то, что сейчас назвали бы «светской жизнью». По субботам устраивали танцы, которые Мао — несмотря на ремарку Агнес Смедли «он совсем не чувствует ритма» — чрезвычайно любил, поскольку всегда наслаждался женским обществом. Американский коммунист Сидней Риттенберг вспоминал об одном из таких вечеров:

«Я остановился у двери, из-за которой доносились низкие звуки контрабаса, пары скрипок, кларнета и, по-види-

мому, саксофона... Внезапно дверь распахнулась, и я смог заглянуть внутрь. Прямо напротив себя, у стены, я увидел портрет Председателя Мао — в полный рост. Я сразу же узнал его высокий лоб, брови и маленький, почти женский рот. В дверном проеме на фоне белой стены его львиная голова выглядела сурово, чуть ли не устрашающе. Зрелище длилось всего мгновение. Музыканты заиграли фокстрот, портрет ожил, подал руку партнерше и заскользил по полу».

За фасадом неприступности, в ненавязчивой, американизированной, как ее описывал один из европейцев, атмосфере громкого смеха и дружеских похлопываний по спине формировался новый партийный ритуал совместного отдыха высших чиновников.

Весной 1938 года Виолетта Кресси-Маркс, одна из представительниц поколения неустрашимых женщин-исследователей, которая провела промежуток между двумя мировыми войнами в путешествиях по Востоку, описывала, как у ворот резиденции Мао в Фэнхуаншани ее встретил боец с ручным пулеметом, другой же стоял у входа в дом, вооруженный «самой огромной обнаженной саблей из всех мной когда-либо виденных». Ушли в прошлое те дни, когда в Цзинганшани или даже в Жуйцзине Мао и другие высшие руководители партии делили кров с простыми крестьянами. Повсюду утверждался явственный иерархический стиль. Теперь уже не Мао шел к кому-то за советом — визитеры приходили к нему сами. Ближе к лету того же года он реквизировал единственный в городе автомобиль «скорой помощи», дар Нью-Йоркской ассоциации китайских прачечных, чтобы превратить его в свою личную машину. Остальные члены Политбюро продолжали ходить пешком.

Немногие в партии приветствовали избыток превосходных степеней — «самый находчивый», «наиболее квалифицированный», «талантливейший», «авторитетнейший», — которые все чаще звучали в адрес Мао. Лю Шаоци, его преданный и последовательный сторонник, был вынужден даже обратиться к коллегам с осторожным предупреждением: «Мы не должны пропагандировать слепое подчинение, нельзя творить себе кумиров».

Но в ноябре 1942 года из далекой Европы пришла весть, заставившая партию забыть о последних сомнениях. Сталинградская битва, которую Мао назвал «красным Верденом», повернувшая ход войны и сделавшая неизбежным разгром Германии и ее союзников, приблизила неотвратимый момент возобновления борьбы между КПК и Гоминьданом.

10 марта 1943 года выходит в свет книга Чан Кайши «Судьба Китая», в которой автор заявил о своих претензиях на верховную власть в стране. Буквально через несколько дней Мао стал Председателем Политбюро и, следовательно, руководителем всей партии. «Судьба Китая» стала обязательным учебным пособием в школах и университетах. «Красные зоны» своей Библией сделали труды Мао по китаизации марксизма.

Два месяца спустя, после того как Сталин в знак благодарности за помощь своих западных союзников распустил Коминтерн, позиции Мао еще более упрочились. Теперь КПК и в теории, и на практике превратилась в независимую политическую партию.

Отбросивший в сторону все колебания Лю Шаоци в июле зажег огни настоящей феерии преклонения перед Председателем. В хвалебной и почти агиографической статье он утверждал, что единственный способ избежать повторения тягчайших ошибок — это «обеспечить всеобъемлющее руководство делами партии со стороны товарища Мао Цзэдуна». Статья стала сигналом, по которому в хор безудержного славословия влились голоса всех членов Политбюро, включая Чжоу Эньлая и Чжу Дэ. Двое американских журналистов, Теодор Уайт и Аннели Якоби, посетившие Яньань несколькими месяцами позже, сообщили своим редакциям, что Мао «вознесен на вершину всеобщего поклонения» и стал объектом «слащавых до отвращения панегириков». Еще более их поразило поведение коллег Мао, «людей, занимавших далеко не последние посты, которые превозносили его многословные речи так, что складывалось впечатление, будто они испили из источника всеобщей истины».

Это было время, когда впервые в употребление вошел термин «идеи Мао Цзэдуна» («Мао Цзэдун сысян»), когда начали печататься сборники его «Избранных трудов». Тогда же в первый раз прозвучал гимн «Алеет Восток»:

Алеет Восток, поднимается солнце,
В Китае родился Мао Цзэдун.
Он — борец за счастье народа,
Он — великий спаситель страны.

Со стен общественных зданий в городах и деревнях всей «красной зоны» на прохожих смотрел портрет Мао, его именем назывались школы: «Школа молодых партийных кадров имени Мао Цзэдуна» в Яньани, «Школа имени Мао» в Шаньдуне. Де-

тей с пеленок учили распевать: «Мы — послушные ученики Председателя Мао».

Зимой следующего года в ЦК нескончаемым потоком пошли письма героев труда, в которых Мао называли взошедшей над страной «спасительной звездой», что в сознании китайцев напрямую ассоциировалось с Небом, оказывающим покровительство верховному правителю. Весной 1944 года Мао, как императора, пригласили бросить в землю первые зернышки проса, и он проложил на поле символическую борозду.

Отсутствовала лишь одна составляющая.

На протяжении всей (или долгой) истории Китая подведение итогов правления предыдущей династии всегда служило политической основой передачи власти представителю новой. Дополнительным примером для Мао являлось правление Сталина в России. Одним из первых актов кремлевского горца после «Великой чистки» стало издание в 1938 году его собственной версии истории партии — «Краткого курса истории ВКП(б)». Через год книга была переведена на китайский язык и подлежала обязательному изучению членами КПК. Несколько позже целые ее страницы использовались в качестве «текстов для проработки» в ходе «чжэнфэна». Этот факт не обошли своим вниманием коллеги Мао.

Но пока он еще не подошел вплотную к трудному процессу «систематизации истории партии», как это тогда деликатно называлось.

Проблема заключалась в том, что Мао, как Сталин и как все правители Китая, органически не переносил соперников. Ему было недостаточно того, что прежние лидеры, Чэнь Дусю и Ли Лисань, уже были дискредитированы. Его не утешало то, что политическая линия Ван Мина и Бо Гу была признана вредной и отвергнута. Искоренение несогласных с его точкой зрения взглядов должно было быть полным и окончательным. История Китая изобиловала примерами подобного рода. Цяньлун, великий император династии Цин, еще в XVIII веке осуществил поразительную по жестокости кампанию истребления еретиков, не оставив от их учения камня на камне. Мао инстинктивно ощущал, что его власть не сможет быть незыблемой и беспрекословной без того, чтобы все его потенциальные соперники и высшие чины партии не признались бы публично в своих прошлых ошибках.

Прошло еще полтора года, прежде чем он начал верить в то, что руки его прочно удерживают штурвал.

С конца 1943 по весну 1944 года ближайший соратник Мао Лю Шаоци проводил неустанные разоблачения пагубного курса, принятого 4-м пленумом ЦК, который привел к руководству партией Ван Мина. Каждый, кто был связан с ним по роду своей деятельности — начиная от Чжоу Эньлая и Чжан Вэньтяня, — обязан был покаяться и выслушать нелицеприятную критику своих товарищей.

Для Чжоу эта процедура представляла особые мучения. Мао по крайней мере дважды лично обрушивался на него с нападками, обвиняя в недостатке принципиальности и готовности пойти на поводу у более сильной партийной группировки. В Цзянси Чжоу примкнул к «возвращенцам», а после 1937 года стал поддерживать Ван Мина. Сейчас Мао решил, что пришло время преподать Чжоу урок*. От Жэнь Биши, одного из самых надежных помощников Председателя, потребовали осудить сам факт его знакомства с Ван Мином. Кан Шэну поставили в вину ошибки в руководстве «движением по спасению» — так же, впрочем, как и его предшественнику Дэн Фа, архитектору кровавой чистки в Фуцзяни. За исключением отсутствовавших Ван Цзясяна (в то время он находился в Москве) и Ван Мина (был болен) каждый чиновник должен был покаяться и принести клятву верности идеям Мао Цзэдуна. Эта процедура не коснулась лишь Лю Шаоци, ставшего на сторону Мао еще в незапамятные времена.

В апреле 1944 года, заставив оппозицию смолкнуть, Мао был уже готов остановить шабаш самобичевания. Ван Мин и Бо Гу, заявил он, не понесут за свои антипартийные ошибки никакого наказания — в отличие от старых большевиков на родине вождя мировой революции.

На какое-то время в КПК воцарился мир.

Через некоторое время на совещании кадровых работников партии Мао сдержанно извинился за «излишнюю жесткость» в ходе «движения по спасению» и в знак искупления своей вины отвесил

---

* Именно это послужило причиной, заставившей Г. Димитрова, бывшего главу Коминтерна, направить Мао в декабре телеграмму с просьбой не отстранять Чжоу Эньлая (и Ван Мина) от руководства партией. По утверждениям официальных историков КПК, оригиналы протоколов с критикой Мао в адрес Чжоу Эньлая хранятся в Центральном архиве партии. После 1949 года Мао затребовал эти документы дважды, по-видимому, с целью нанести Чжоу новый удар: в 1956 году, когда тот настаивал на сокращении планируемых темпов экономического роста, и в ходе «культурной революции». — *Примеч. авт.*

14 Зак. 1137

собравшимся поклон. Однако он недооценил глубину ненависти, вызванной в душах коммунистов этой кампанией: для того чтобы аудитория взорвалась аплодисментами прощения, ему пришлось поклониться еще два раза.

В заново переписанной истории КПК борьба Мао против «ошибочных взглядов» Чэнь Дусю, Цюй Цюбо, Ли Лисаня и Ван Мина, равно как и его триумфальная победа в 1935 году представали в виде единого и непрерывного процесса. Созданный таким образом миф дожил до 70-х, и, возможно, дольше: если Председатель всегда был прав в прошлом, то как он сможет оказаться неправым в будущем?

До того как ЦК КПК в апреле 1945-го одобрил подтверждающее этот тезис «Решение по некоторым вопросам истории нашей партии», прошел ровно год. Документ редактировался четырнадцать раз, так как почти каждый сановник захотел внести собственную интерпретацию тех событий, непосредственным участником которых он являлся. Многие моменты оказались настолько спорными, что планировавшееся на 7-м съезде их обсуждение было перенесено на предстоящий пленум, направить ход которого в нужное русло было намного проще, чем переубедить делегатов съезда. В целях сохранения единства Бо Гу ввели в состав комиссии по подготовке проекта, что само по себе означало его согласие с критикой в свой адрес. Ван Мина также удалось убедить обратиться в Центральный Комитет с покаянным письмом. Как и предполагалось, 7-й съезд КПК прошел в обстановке полного согласия и нерушимого единства партийных рядов. По настоянию Мао Бо Гу и Ван Мин были переизбраны в состав ЦК, хотя оба и значились в самом конце списка. Сохранил свое членство и обвиненный когда-то в левацком уклоне Ли Лисань — на протяжении последних пятнадцати лет он жил в СССР, всеми забытый, и о съезде партии даже не подозревал.

Мао Цзэдун на съезде стал уже Председателем всей партии, а не только лишь Политбюро и Секретариата ее Центрального Комитета. Пост второго человека в КПК удерживал за собой Лю Шаоци, его объявили наиболее вероятным преемником Мао. Третьим оказал Чжоу Эньлай, хотя, чтобы напомнить старому сопернику об ошибках прошлого, его имя Мао внес в список членов ЦК едва ли не последним: пусть не забывает, что нынешним постом он обязан Председателю, а не поддержке своих сторонников. Четвертым назван Чжу Дэ, пятым — Жэнь Биши.

По завершении работы съезда Мао получил в свое распоряжение тот сплав харизмы, политической и идеологи-

ческой власти, ради обладания которым он, начиная с Цзуньи, не жалел титанических усилий. На протяжении прошедших лет наиболее внимательные из его гостей подспудно ощущали назревающие перемены. В 1939 году Эдгар Сноу нашел Мао пребывавшим в состоянии почти отрешенной безмятежности, Эванс Карлсон увидел его глубоко погруженным в мысли, но удачнее всех подметил Сидней Риттенберг. «В компании Чжоу, — писал он, — я чувствовал себя, как с другом. В присутствии Мао я сидел рядом с Историей».

В Европе к лету 1944 года на стороне сил союзников был уже неоспоримый военный перевес. Капитулировала Италия, в Нормандии высадились войска США и Великобритании. С востока непобедимые германские дивизии теснила разжавшаяся наконец стальная пружина Советской армии. Конвульсивные попытки изменить ход войны в Азии предпринимала Япония. Ее наступление в Китае еще продолжалось, однако на оставшейся части тихоокеанского театра боевых действий гордые воины микадо терпели поражение за поражением. Когда верховное командование в Токио только начинало задумываться о немыслимом — о непосредственной обороне родных островов, — Сталин и Рузвельт уже строили планы послевоенного устройства мира.

22 июля 1944 года над Яньанью появился самолет с опознавательными знаками ВВС США. Он стал причиной потрясения, сравнимого разве что с прилетом сюда Ван Мина. Посадка пилоту явно не удалась: левое колесо шасси чиркнуло по неровной земле в нескольких метрах от посадочной полосы. Маленькую машину резко накренило, а сорвавшийся от удара лопасти о землю пропеллер пропорол фюзеляж. К счастью, самолет не загорелся.

Вот таким оказалось начало так называемой миссии Дикси — первой и до начала 70-х годов последней попытки Америки установить официальные связи с китайскими коммунистами. Благодарение Богу, никто из членов миссии не пострадал, и после кратких приветственных слов Чжоу Эньлай отвез небольшую группу американцев в предназначенный для них особняк. Общение завязалось сразу по прибытии на место: хозяевам пришлось то и дело повторять, что при необходимости задать вопрос или обратиться с просьбой гостям вместо пренебрежительного «бой!» необходимо вежливо позвать «чжаодайюаня» — «ответственного за гостеприимство» дежурного. Для членов партии это была первая почти дипломатическая встреча с представителями Запада

и явными некоммунистами. Тон ей задал сам Мао, приказав накануне в редакции «Цзефан жибао» украсить заголовок очередного номера газеты радушной фразой «Добро пожаловать, друзья!». Его и других руководителей американцы в ответ пригласили на просмотр нескольких голливудских мюзиклов и фильмов с участием Чарли Чаплина, которые на время заменили субботние танцы.

Решение направить «миссию наблюдателей», как официально представились прибывшие, было частью трехсторонней договоренности между Рузвельтом, Сталиным и Чан Кайши, причем каждая из сторон рассчитывала добиться преимуществ за счет двух других.

Американцев приводила в отчаяние неспособность продажного и стремительно терявшего популярность режима генералиссимуса вести сколь-нибудь эффективные боевые действия. Они настаивали на прекращении вражды между Гоминьданом и коммунистами с целью скорейшего разгрома общего врага.

Опасаясь возникновения в Китае протектората США, Сталин стремился сохранить с правительством националистов договорные отношения, которые гарантировали бы нейтралитет восточного соседа в гипотетическом конфликте среди великих держав. Кроме того, ему было необходимо добиться признания «особых интересов» России в Маньчжурии — речь шла о КВЖД и военно-морских базах на побережье. Перспектива урегулирования раздоров между КПК и Гоминьданом Сталина полностью устраивала.

Генералиссимус Чан Кайши упрямо противился любым переговорам с коммунистами, однако давление Вашингтона и Москвы вынудило его сдаться. 7 ноября 1944 года личный посланник президента Рузвельта генерал-майор Патрик Дж. Хэрли вылетел в Яньань для посредничества при выработке условий будущих переговоров.

В правительстве США никому и в голову не пришло предупредить руководство КПК о бравом военном, уже находившемся в пути. Когда самолет США, еженедельно доставлявший миссии Дикси продовольствие из Чунцина, совершил посадку, то волею случая оказавшийся на аэродроме Чжоу Эньлай был поражен, увидев сходящего по трапу «высокого, седовласого, исключительно красивого мужчину в превосходно сшитой военной форме с таким количеством орденских планок, которых хватило бы на все войны с участием США». Узнав, кем является высокий гость, Чжоу бросился к Мао Цзэдуну, отдавшему распоряжение срочно выслать навстречу прибывшему кавалерийскую роту в качестве почетного эскорта. Но главные сюрпризы того дня еще жда-

ли своей очереди. Сирота из Оклахомы, Патрик Дж. Хэрли, сколотивший миллионное состояние на сделках с нефтью, являл собою живое воплощение американского капитализма, был тщеславен как индюк и обожал позировать перед фотокамерами. Позже члены миссии вспоминали, что, приняв от них рапорт, «генерал горделиво выпрямил свою внушительную фигуру, набрал полную грудь воздуха, взмахнул фуражкой и огласил безмолвную равнину Северного Китая воинственным индейским «яхуу-у-у», от которого в жилах стыла кровь». Мао и Чжу Дэ онемели от изумления.

Трехдневный визит Хэрли явился свидетельством полного непонимания Китая, что было характерным для политики США вплоть до прихода в Белый дом через четверть века Ричарда Никсона.

Хэрли вручил Мао лично им составленный проект соглашения, полный звучных фраз о «создании правительства из народа, для народа и самим народом». Генерал был абсолютно убежден, что если документ подпишут коммунисты, то под давлением Вашингтона Чан Кайши не останется ничего иного, как сделать то же самое. Он ошибался. Весьма скоро генералиссимус дал ясно понять, что не собирается принимать выдвинутые Хэрли условия: легализацию Коммунистической партии и равноправные отношения между Красной армией и вооруженными силами националистов. Еще менее устраивала его позиция Мао, который настаивал на создании коалиционного правительства. Чисто военная прямолинейность Хэрли была для Чан Кайши тем более непереносимой, что американец публично заявил в Яньани: «Предложения Мао Цзэдуна разумны и справедливы. Окончательный вариант проекта мы подписываем с верой в будущее».

Через две недели переговоры зашли в тупик. Когда руководитель миссии Дикси полковник Дэвид Баррет попытался в декабре сдвинуть их с мертвой точки, Мао обрушил на него поток упреков:

«Генерал Хэрли прибыл в Яньань, чтобы узнать, на каких условиях КПК согласится сотрудничать с Гоминьданом. Мы выдвинули пять пунктов, и генерал нашел их разумными и справедливыми. Чан Кайши не согласился с нашими предложениями, и теперь США прямо просят нас принять требования Гоминьдана, для чего партии потребуется пожертвовать своей независимостью. Такое нам трудно понять... Если Америка намерена продолжать поддержку прогнившего режима — это ее право... КПК — не Гоминьдан. Мы не нуждаемся ни в чьей поддержке. Компартия твердо стоит на ногах и предпочитает оставаться свободной».

Позиция Мао, как докладывал в Вашингтон Баррет, была «до косности неподатливой», несколько раз он впадал в откровенную ярость: «Он кричал и размахивал руками: мы не пойдем ни на какие уступки! Чан — подонок! Будь он здесь, я бы бросил ему эти слова в лицо! Спокойный и рассудительный Чжоу Эньлай поддержал Мао. Беседа оставила у меня ощущение, что я имел дело с двумя умными, жесткими лидерами, абсолютно уверенными в своей силе».

Именно на это и рассчитывал Мао. Но выводы Баррета были слишком лестными для коммунистов. В конце 1944 года Красная армия насчитывала семьсот тысяч человек и контролировала территорию с населением около девяноста миллионов. У Чан Кайши имелось полтора миллиона солдат, которые держали в повиновении двести миллионов жителей. «Силы Гоминьдана представляют значительную опасность», — сказал Мао несколько месяцев спустя.

На этом фоне миротворческие потуги Хэрли, пусть и неуклюжие, оказали Мао великую услугу. Чан Кайши увяз в дискуссиях, которые способствовали законному признанию права КПК на существование. Не считаться с этим для Чан Кайши означало настроить против себя не только США, но и тех своих соотечественников, кто поддерживал Гоминьдан скорее по патриотическим, нежели по политическим мотивам.

Длительные размышления американского правительства дали Мао возможность мягко отретушировать образ КПК в глазах мировой общественности. Приезжавших вслед за «миссией Дикси» в Яньань иностранных гостей он смог убедить в том, что китайские коммунисты представляют собой партию умеренных, объединившую в основном сторонников аграрных реформ. Шестью месяцами ранее ему помог в этом Сталин, заявивший послу США в Москве Аверреллу Гарриману, что Мао и его соратники «настоящие патриоты, но липовые коммунисты», поскольку с «марксизмом-ленинизмом у них плохо». По сути дела, его утверждение было недалеко от истины, так как «новая демократическая платформа» Мао базировалась на том, что ближайшей целью КПК являлось не построение социализма по советскому образцу, но создание «общества со смешанной экономикой». После визита Хэрли позиция КПК стала еще более проамериканской. Мао даже начал рассуждать, не «будет ли правильнее называть себя демократической партией» — без всякого упоминания о коммунизме. Он считал США «самой подходящей страной» из тех, кто в состоянии помочь Китаю в деле модернизации, и даже испугал американского корреспон-

дента вопросом, не согласится ли «Сирс энд Роубек»* на открытие своих почтовых филиалов в Китае.

Вряд ли слова Мао были искренними, но пропагандистский заряд в них был заложен мощный. В январе 1945 года китайские коммунисты вступили в тайные контакты с Госдепартаментом, пытаясь выяснить его отношение к возможности встречи Мао и Чжоу Эньлая с Франклином Рузвельтом в Вашингтоне. Претензии Чан Кайши на то, что в Китае он является единственным, с кем уважающие себя западные правительства могут иметь дело, оказались несостоятельными. США, надеялся Мао, сохранят свой нейтралитет в конфликте между коммунистами и Гоминьданом. После провала миссии Хэрли обострение этого конфликта стало неизбежным.

Все карты смешала начавшаяся месяцем позже Ялтинская конференция**.

Рузвельт и Сталин согласились рассматривать режим Чан Кайши в качестве буфера между странами Тихоокеанского бассейна — зоной влияния США, и северо-восточной оконечностью азиатского континента, где сильны были позиции Советского Союза. Частью сделки стало обещание Сталина (Мао не мог и подозревать об этом) не оказывать поддержки КПК в ее конфликте с правительством националистов. В соответствии с договоренностью обе стороны начали оказывать давление на своих «подопечных», подталкивая их к вступлению в коалицию.

Мао сделал вид, что согласился. В докладе на 7-м съезде партии он представил детальную стратегию мирного захвата власти. Но полностью скрыть свой скептицизм ему не удалось. В тот же день он обратился к делегатам со сбивчивой, неподготовленной речью, где назвал Чан Кайши «хулиганом» и человеком, «забывшим умыться»:

«Наша позиция была и остается одной: мы предлагаем ему взять кусок мыла, привести себя в порядок (то есть заняться реформами) и не порезаться при бритье. Но чем человек старше, тем труднее ему избавиться от своих привычек... И все-таки мы говорим: если ты умоешься, мы сможем пожениться — ведь мы так любим друг друга... Необходимо помнить об одном: нам нужно крепить

---

* Американская компания широкого профиля; владеет сетью одноименных универмагов. Основана как фирма торговли по почте в 1886 году. Штаб-квартира расположена в Чикаго. — *Примеч. пер.*

** «Большая тройка» (Черчилль, Рузвельт и Сталин) встретилась в Ялте в феврале 1945 года для того, чтобы определить границы послевоенной Европы и договориться о сферах влияния в Азии. — *Примеч. авт.*

оборону. Если на нас нападут, мы должны быстро, решительно и окончательно разгромить противника».

Съезд принял решение увеличить Красную армию с девятисот тысяч (в июле 1945 года) до одного миллиона человек, начать подготовку к акциям гражданского неповиновения в городах и перейти от партизанских вылазок к тактике мобильных военных действий. Шифротелеграммами Мао предупреждал военачальников о приближающемся возобновлении гражданской войны. Оставшееся время следовало посвятить тщательнейшей к ней подготовке.

Через три месяца Советский Союз объявил войну Японии. На следующий день, 10 августа, Чжу Дэ приказал Красной армии начать прием сложивших оружие японцев. Тогда Чан Кайши предложил командирам Квантунской армии сдаваться только частям националистов. Мао немедленно обратился за поддержкой к Сталину. Реакция Кремля прозвучала как удар грома. 15 августа, всего за несколько часов до капитуляции Японии, министр иностранных дел правительства националистов Ван Шицзе и Вячеслав Молотов подписали договор о союзнических отношениях.

Для Мао это вероломство Сталина было уже вторым. Впервые «отец народов» подвел его в 1936 году, когда потребовал освободить Чан Кайши из-под ареста в Сиани. Сейчас вновь советский лидер в угоду собственным планам пожертвовал интересами КПК. О переговорах между Гоминьданом и Москвой Мао было известно, но он ничего не знал про договоренности, достигнутые в Ялте. Теперь картина прояснилась: в случае гражданской войны партия будет предоставлена сама себе.

Чтобы внести изменения в свою политику, КПК хватило одной ночи. О критике Гоминьдана или США никто уже и не помышлял. В долгий ящик отправились планы подготовки городских восстаний. Красная армия помогала экспедиционным войскам США разоружать японские формирования. 28 августа на борту самолета американских ВВС в сопровождении генерала Хэрли Мао полетел в Чунцин, чтобы начать мирные переговоры с Гоминьданом. Вместо себя он оставил Лю Шаоци. Корреспондент ТАСС в Яньани Петр Владимиров записал в своем дневнике, что к самолету Мао «шел как на казнь...».

Схватка ему предстояла в высшей степени непростая. За спиной Чан Кайши ощущал твердую поддержку Америки и благожелательный нейтралитет СССР. В ходе переговоров гоминьдановские части имели возможность медленно занимать оставляемые японцами районы, Красная армия туда не допускалась. В

случае любого вмешательства Чан Кайши мог обвинить коммунистов в нарушении договоренностей и перейти к активным военным действиям.

Последняя встреча Чан Кайши и Мао произошла в Кантоне, девятнадцатью годами ранее, когда Мао возглавлял там Институт крестьянского движения. С тех пор оба сильно изменились: на фотографиях Мао одет в мешковатые синие штаны и такой же френч со стоячим «суньятсеновским» воротником, из-под светло-серого тропического шлема свисают длинные, неопрятные волосы. Генералиссимус безукоризненно причесан, на нем свежевыглаженная военная форма. Столь же разительно отличие и их взглядов. Сходство лишь в одном: оба ненавидят и презирают друг друга. В глазах Чан Кайши Мао — предатель. Если оставить безнаказанным его, то кто же тогда сохранит лояльность правительству? Особую досаду вызывало то, что, согласившись на переговоры, Чан Кайши как бы уравнивал Мао с собой — для коммунистов одно это было уже победой.

За шесть недель переговоров лицом к лицу они встречались четыре раза. В подписанном меморандуме оба обещали «приложить все силы для предотвращения гражданской войны», с целью обсуждения новой конституции Чан обязался созвать общепартийную политическую конференцию. Иных соглашений достичь не удалось из-за отказа Мао пойти на предварительные условия, в соответствии с которыми КПК должна была отдать Красную армию и местные органы управления под контроль Гоминьдана.

Однако более важной сейчас представляется произошедшая во время переговоров перемена в международной обстановке.

В августе, перед началом встречи в Чунцине, СССР и США полностью соблюдали положения договоренности о невмешательстве во внутренние дела Китая. Но уже к октябрю, когда переговоры закончились, на северо-восточном побережье страны начали высадку пятьдесят тысяч американских пехотинцев, ставивших целью под предлогом разоружения японской армии занять Пекин, Тяньцзинь и другие главные города — чтобы не дать возможности войти в них частям Советской армии, уже продвигавшимся на юг по просторам Маньчжурии. Через восемь месяцев после окончания Ялтинской конференции идея китайского буфера начала терять всякое конкретное наполнение. Тлевшие в Европе искры холодной войны относило все дальше на восток.

Маньчжурия превращалась в арену столкновения интересов двух новых соперников.

14 ноября вооруженные отряды националистов при поддержке морской пехоты США атаковали части Красной армии, защищавшие Шаньхайгуань, важный стратегический пункт на восточной оконечности Великой китайской стены, державший под контролем основные пути сообщения центральных районов страны с севером. Шестью днями позже Линь Бяо сообщил, что Красная армия оставила город и вернуть его нет никакой возможности. Сложившаяся ситуация чуть ли не в деталях повторяла летнюю. Обе стороны стояли на грани полномасштабной гражданской войны.

В этот момент Сталин еще раз выбил почву из-под ног коммунистов.

Перед ним стояла задача любыми мерами ослабить напряжение, возраставшее в отношениях между СССР и США на протяжении двух предшествовавших месяцев. Сейчас, решил Сталин, представился удобный случай продемонстрировать Америке добрую волю России — за счет КПК. Восначальники Советской армии получили приказ проинформировать китайских коллег о том, что в течение недели они должны вывести свои войска из важнейших городов. «Если вы не уйдете, — предупредил советский генерал уполномоченного представителя КПК в северных районах страны Пэн Чжэня, — мы заставим вас это сделать танками». Красноармейским саперам, минировавшим железные дороги с целью помешать продвижению частей Гоминьдана, было приказано прекратить все работы.

К этому времени КПК уже знала, насколько она может полагаться на Москву. Но и при этом удар ей был нанесен сильнейший. Обычно невозмутимый Пэн взорвался: «Армия одной коммунистической партии посылает танки против армии другой! Такого еще не бывало!» Но что китайским коммунистам оставалось делать? В августе они могли лишь подчиниться.

Мао в тех событиях почти не принимал участия — у него опять разыгралась неврастения.

Впервые после 1924 года политическое чутье изменило ему. Он не знал, каким будет его следующий шаг.

Обретя летом всю полноту власти в партии и став в ней почти божеством, освободившись от всякого контроля со стороны Москвы, Мао вдруг почувствовал себя беспомощным — его руки и ноги оказались прочно связанными интересами великих держав. Августовский договор Сталина с Чан Кайши предотвратил возобновление гражданской войны, к которой Мао уже был

психологически готов. На встрече в Чунцине он предстал перед генералиссимусом политически голым. Единственное, что оставалось возможным, — это борьба с Гоминьданом. Ожидать поддержки Советским Союзом неприемлемого для его руководства курса являлось попросту бессмысленным.

Пока Мао пребывал в жесточайшей депрессии, работой Центрального Комитета продолжал управлять Лю Шаоци. Записавшимся на прием к Председателю говорили, что он находится на отдыхе. «Весь ноябрь, — вспоминал Ши Чжэ, переводчик Мао, — мы изо дня в день видели его лежащим в прострации на кровати. Руки и ноги Мао конвульсивно подергивались, он был постоянно мокрым от пота и все время просил нас сменить покрывавшее голову полотенце. Это не помогало. Врачи говорили, что они бессильны».

К жизни Мао Цзэдуна вернул не кто иной, как президент США Гарри Трумэн.

Конгресс США все сильнее беспокоила проблема морских пехотинцев, которые, казалось, вот-вот с головой увязнут в чужой гражданской войне. 27 ноября, после того как конгрессмены потребовали от правительства США вывода американских солдат из Китая, Хэрли подал в отставку. На его место Гарри Трумэн назначил генерала Джорджа Маршалла, автора легендарного плана помощи послевоенной Европе. Новая политика Маршалла преследовала две основные цели: прекращение огня между Красной армией и войсками националистов и вытеснение из Маньчжурии советских частей.

Когда информация об этом достигла Яньани, в глазах Мао впервые загорелся лучик надежды. Если американцам так хочется мира в Китае, то они должны будут остановить наступление Чан Кайши на позиции коммунистов.

21 декабря Маршалл прибыл в Чунцин. За десять дней ему удалось заставить обе стороны вновь сесть за стол мирных переговоров. В соответствии с полученными от Мао инструкциями Чжоу Эньлай согласился с принципиальным условием Гоминьдана: войска националистов получали право свободного прохода в освобождаемые Советской армией районы Маньчжурии и продолжали самостоятельно разоружать капитулировавших японцев на юге. 10 января 1946 года подписали соглашение о прекращении огня; в силу оно вступило тремя днями позже. Тем временем Чан Кайши созвал политическую консультативную конференцию, которая должна была сыграть роль фигового листа и придать правительству националистов ви-

димость демократически избранного органа власти. Однако вместо этого немыслимый ранее единый блок коммунистов, умеренных гоминьдановцев и представителей третьих партий принял резолюцию, призывавшую к выборам национальной ассамблеи и участию членов КПК в работе коалиционного правительства, где Гоминьдану было отведено не более половины министерских портфелей.

Мао пришел в восторг: миссия Джорджа Маршалла лишний раз подтвердила безошибочность его интуиции! От войны маятник вновь качнулся в сторону политической борьбы. В февральской директиве 1946 года Мао подчеркивал: «Очень скоро наша партия войдет в состав правительства». О войне можно забыть. Теперь, говорил Мао, главная задача КПК заключалась в том, чтобы избавиться от синдрома «закрытых дверей», заставлявшего многих товарищей «сомневаться в том, что настала новая эра — эра мира и демократии».

Вечером того же дня Мао устроил банкет в честь Джона Родерика, журналиста Ассошиэйтед Пресс, первого иностранного репортера, которого он видел за долгие месяцы. Придя в прекрасное расположение духа, Мао без устали превозносил Трумэна, чьи инициативы «внесли огромный вклад в дело укрепления китайско-американской дружбы». Родерика поразило магнетическое воздействие Мао на окружающих, его «уверенная, авторитетная и едва ли не высокомерная манера держаться». Такая личность, подумал американец, обратит на себя внимание в любой толпе, его окружает та же аура власти, что «исходила от Александра Македонского, Наполеона и Ленина».

Увы, «закрытые двери» так и не раскрылись. Чан Кайши оказался не готов претворить в жизнь принятую конференцией резолюцию, а США были не в состоянии заставить его сделать это. Интуиция все-таки подвела Мао.

Однако благодаря энергии Маршалла переговоры тем не менее продолжались. В конце февраля стороны с изумлением обнаружили, что им удалось достичь соглашения по вопросу создания общенациональной армии — даже в лучшие времена единого фронта это представлялось совершенно немыслимым.

Несмотря на прогресс в ходе переговоров, вскоре появились первые признаки замедления мирного процесса.

В марте Уинстон Черчилль произнес в Фултоне ставшую знаменитой речь о «железном занавесе». Начался за-

тяжной период обострения отношений между Советским Союзом и США. Пока советские воинские части покидали Маньчжурию, Чан Кайши убедил Белый дом в том, что, если на их место не придет армия Гоминьдана, весь Северо-Восточный Китай окажется во власти коммунистов. Почти уверенный в скорейшем политическом урегулировании конфликта между двумя партиями, Мао поначалу воспринял действия генералиссимуса как попытку усилить свою позицию на переговорах. Но 16 марта, убедившись в том, что войска националистов уже продвигаются на север, он вновь возвратился к мысли о неизбежности военного столкновения. Неделей позже Линь Бяо получил приказ начать контрнаступление — вне зависимости от того, как такой шаг скажется на переговорах. 18 апреля Красная армия заняла Чанчунь, а через десять дней ее части вступили в Харбин.

Борьба за Маньчжурию, таким образом, началась. Правда, до войны — в полном значении этого слова — дело пока не доходило. На протяжении целого месяца Мао требовал от военачальников ни в коем случае не открывать огонь первыми: пусть нападают гоминьдановцы.

«Чан Кайши ведет активную подготовку к широкомасштабной гражданской войне, — писал он 15 мая в директиве ЦК, — но США его действия не одобрят. Задача партии — предотвратить или хотя бы оттянуть вооруженный конфликт». Последние надежды на это исчезли у него через две недели. ЦК КПК заявил, что миссия Маршалла закончилась полным провалом. При поддержке США «Китай оказался во власти гоминьдановского террора».

Уже в июне разгорелись ожесточенные боевые действия. Месяцем позже пламя гражданской войны охватило весь Центральный и Северный Китай.

Оглянувшись назад, Мао мог бы сказать, что год для него был полон трагических неудач.

Его власти в партии ничто не угрожало. Для всей КПК, как и для миллионов являвшихся ее фундаментом крестьян, Мао оставался «спасительной звездой», «красным солнцем Востока». Товарищи по партии могли, конечно, за его спиной недоумевать по поводу неожиданных зигзагов политики: война, мир, опять война, однако открытый вызов не решался бросить никто. Мао стал незаменимым лидером, символом светлого коммунистического будущего страны.

Отсутствие опыта общения с великими державами, одна за другой совершаемые на протяжении года ошибки мучили Мао и заставляли его испытывать чувство глубокого унижения.

Чан Кайши, стоявший во главе признанного мировым сообществом правительства, в течение пятнадцати лет осваивал тонкую науку управления и строительства отношений с другими странами. Мао же всю свою жизнь вел повстанческую борьбу. Он никогда не был за границей, ни разу не встречался ни с кем даже из советского руководства. До прибытия в Китай «миссии Диксона» ему не приходилось иметь дела с официальными лицами Запада. Наивная вера в то, что американцы заставят Гоминьдан пойти на компромисс, отзывалась в Мао болью и двадцать лет спустя. И после победы над Чан Кайши он весьма настороженно подходил к вопросу об установлении дипломатических отношений с Западом.

Уверенность в себе вернулась к Мао лишь тогда, когда ареной соперничества великих держав стала Европа, когда советские войска покинули Маньчжурию и сквозь густой туман внешнеполитических метаморфоз вновь проступили хорошо знакомые проблемы Китая. Иметь дело со старым противником на известной до пяди равнине Центрального Китая — что может вселить более острое осознание собственных сил? Директивами Центрального Комитета Мао возвращал к жизни надежные, проверенные в боях принципы, которые были столь эффективны в Цзянси и в борьбе с японцами: глубокое заманивание, удары по наиболее слабым местам противника. «Отступить, чтобы сохранить силы, — это не только естественно, это необходимо, — сказал Мао своим коллегам летом. — В противном случае о победе нечего и мечтать».

Весной следующего года, когда угроза нависла уже над Яньанью, переводчик Ши Чжэ растерянно спросил Мао, как можно избежать сдачи города врагу. Мао рассмеялся в ответ: «Не будем совершать глупости. Зачем же нам избегать этого? Чан считает, что стоит захватить берлогу, как медведь окажется в его руках. На деле же он все потеряет. Еще в древности говорили, что нельзя получать, не давая ничего взамен, это — неуважение к ритуалу. Чан получит Яньань, а отдаст нам весь Китай».

Через два дня, на рассвете 18 марта 1947 года, Мао и другие члены ЦК в сопровождении охраны выедут из Яньани на север.

Антракт закончился. Сцена для окончательной битвы была уже готова.

ГЛАВА 12

БУМАЖНЫЕ ТИГРЫ

Конфликт, сотрясавший Китай с лета 1946-го по весну 1950 года, ни в коей мере не походил на те схватки и войны, которые Мао вел ранее. В Цзинганшани, в Цзянси и на северо-западе целью Красной армии было защитить и обеспечить жизнедеятельность советских районов. В Яньани задача состояла «на семьдесят процентов из увеличения численности личного состава, на двадцать процентов — из борьбы с Гоминьданом, и на десять — из организации отпора Японии». Теперь же перед Мао впервые встала проблема не подчинения себе сельских районов страны, но обеспечения власти в городах — гигантских аккумуляторах силы пролетариата, откуда коммунисты были жестоко вытеснены двумя десятилетиями раньше.

Девять месяцев Красная армия, переименованная теперь в Народную Освободительную Армию (НОА), была вынуждена сдавать свои позиции. В Маньчжурии, где Чан Кайши разместил свои отборные силы, коммунисты потеряли почти все завоеванное, сохранив за собой лишь расположенный неподалеку от границы с Советским Союзом Харбин. С огромным трудом созданные базы в Эюйвани оказались в руках националистов, которые установили свой контроль и над пограничными территориями провинций Шаньси, Хэбэй, Шаньдун и Хэнань. В декабре 1946-го уверенный в незыблемости своей власти Чан Кайши пообещал Маршаллу, что к осени следующего года военная угроза со стороны коммунистов будет полностью нейтрализована. Публично он объявил об этом после падения Яньани. Предупреждения американцев о том, что отступающая армия вовсе не выказывает никаких намерений сложить оружие, остались без внимания.

Стратегия генералиссимуса заключалась в захвате важнейших городов и железных дорог к северу от Янцзы и продвижении в глубь сельскохозяйственных районов. Власть в деревнях передавалась в руки полиции. Мао издал строжайший приказ, запрещавший войскам НОА вступать в бой с гоминьдановцами без стопроцентной уверенности в своей победе:

«Окружив подразделение противника (бригаду или полк), мы никоим образом не должны стремиться к одномоментному его уничтожению. Это будет означать дробление наших сил

и затруднять достижение конечного результата. В такой ситуации нам необходимо сосредоточить силы, в пять-шесть раз превосходящие противника, и обрушить на одно (не два!) слабейшее его место весь огонь нашей артиллерии. Только после этого атака частей НОА закончится желанной победой... Когда мы разобьем полк, у врага станет одним полком меньше. Когда мы разобьем бригаду, он недосчитается бригады. Вот каким путем армия обеспечит себе победу. Действуя иначе, мы обрекаем себя на поражение».

К февралю 1947 года из двухсот восемнадцати участвовавших в кампании бригад националисты потеряли более пятидесяти. Как и пятнадцатью годами раньше в Цзянси, сдававшиеся части националистов почти целиком вливались в НОА и служили для нее основным источником новой живой силы.

Оставив Яньань, руководство КПК из соображений безопасности решило разделиться. Мао возглавил так называемый Фронтовой комитет, оставшийся в северной части провинции Шэньси. Лю Шаоци, заботам которого была поручена Рабочая комиссия ЦК, отправился в Цзиньчацзи, расположенный на территории современного Хэбэя, в пятистах километрах к востоку. Сопровождавший Фронтовой комитет Сидней Риттенберг восхищался тактикой Председателя, хотя и находил ее устрашающей:

«С противником Мао увлеченно играл в кошки-мышки. Открытым текстом он беззаботно слал в эфир радиограммы о всех своих перемещениях, стараясь никогда не опережать части Гоминьдана более чем на суточный переход. Ему было прекрасно известно, что командовавший националистами Ху Цзуннань станет в глазах генералиссимуса героем, если сумеет захватить неуловимого Мао. На эту карту Председатель и ставил. На каждой лагерной стоянке он обязательно дожидался того момента, когда разведчики сообщат о том, что противник находится на расстоянии часового марша, и только после этого неторопливо надевал куртку, садился в седло и вел небольшой отряд дальше, максимально запутывая следы... Окончательно измотав гоминьдановцев, Мао заманивал их в ловушку, где Пэн Дэхуай наносил стремительный удар по врагу».

Методы, которые Мао освоил в Цзинганшани и отточил во время Великого похода, продолжали приносить свои плоды. В радиограмме Пэн Дэхуаю он называл их «тактикой истощения», вынуждавшей противника тратить силы и запасы продовольствия на изнурительные погони.

Продвижение гоминьдановцев вперед начало замедляться. Мао (как и американцы) предвидел это еще осе-

нью. Войска Чан Кайши оказались слишком рассредоточенными, их коммуникации были чрезмерно растянуты. Позже генералиссимус признал, что отправка отборных его сил на северо-восток без должного укрепления позиций в прилегающих провинциях Северного и Центрального Китая явилась серьезнейшим стратегическим просчетом. Положение националистов осложнялось и патологическим недоверием их лидера к маньчжурскому населению. Когда гоминьдановцы ставили на руководящие посты уездной администрации чужаков, то это моментально лишало их поддержки местной элиты. Но основным фактором неудач Чан Кайши была та легкость, с которой НОА перешла от тактики партизанской войны к широкому использованию крупных мобильных формирований. Сказывался опыт, приобретенный коммунистами в ходе борьбы с японцами, укрепившаяся дисциплина в армии и выкованное в ходе чисток «единство цели».

К лету отступление закончилось. Части НОА начали обратное движение.

Линь Бяо в молниеносном наступлении перерезал основные линии маньчжурских железных дорог и отбросил националистов на двести пятьдесят километров к югу. Форсировав Хуанхэ, в Хэбэй вошел Одноглазый Дракон Лю Бочэн, а Чэнь И привел свои подразделения в Шаньдун. На севере Не Жунчжэнь захватил Шицзячжуан, ставший первым сданным гоминьдановцами крупным городом Центрального Китая. В руках коммунистов оказалась важнейшая железнодорожная магистраль «север — юг», связывающая Пекин с Уханью. В декабре 1947 года Мао доложил партии, что убитыми и ранеными противник потерял более шестисот сорока тысяч, а около миллиона его солдат сдались сами.

В войне, с ликованием отмечал он, наступил перелом. «Годом раньше враг торжествовал, американские империалисты готовы были в пляс пуститься от радости. Теперь же их всех охватило уныние. Теперь они безутешно причитают и бормочут о кризисе».

На протяжении всей весны и лета 1948 года НОА закрепляла достигнутые успехи. К концу марта почти вся Маньчжурия — за исключением Чанчуня и Шэньяна — перешла под контроль войск Линь Бяо. Националисты не могли ни отойти, ни получить подкрепление. На юге НОА возвратила себе большинство районов Шаньси и Хэбэя, весь Шаньдун и значительные территории Хэнани и Аньхоя. 25 апреля коммунисты вновь вошли в Яньань.

Мао подсчитывал точное количество гоминьдановских бри-

гад, которые предстоит уничтожить для окончательной победы. В марте он предсказывал, что власть Гоминьдана рухнет в середине 1951 года. Восемью месяцами позже этот срок переносится на осень 1949-го.

Даже его поражала скорость, с которой ослабевало сопротивление националистов.

Одной из причин падения их боевого духа было общее ухудшение атмосферы, воцарившейся в гоминьдановских армиях после того, как в Тихоокеанскую войну вступили США. Военачальники Чан Кайши потеряли всякий интерес к борьбе с японскими оккупантами, вполне резонно полагая, что рано или поздно с ними расправятся союзники. По признанию одного из генералов, «войска расслабились и думают только об удовольствиях... У них не осталось никакого желания воевать и подвергать опасности собственные жизни». Ситуация ухудшалась некомпетентностью военного руководства. Командующий войсками США в Китае генерал Ведемейер называл офицерский корпус Чан Кайши «бездарным, вялым, необученным, мелочным и абсолютно неэффективным». А вот что говорил сам генералиссимус: «Я целые ночи провожу без сна, размышляя о тех безрассудствах, которые они могут совершить. Глупцы! Что бы они ни начинали, все оборачивается полным идиотизмом, и самое для них лучшее — это не предпринимать ничего вообще». Однако постоянное стремление Чан Кайши руководить буквально всем душило в его подчиненных даже зачатки инициативы.

Проблемы, с которыми столкнулись националисты, обострялись никуда не годной организацией их разведывательной службы. Развернутые Кан Шэном кампании по борьбе со «шпионами Гоминьдана» при всей их гротескности привели к тому, что агентура Чан Кайши так и не смогла проникнуть даже в низовые партийные организации КПК. Командование же вооруженных сил Гоминьдана было, наоборот, наводнено тайными сторонниками коммунистов. Ближайший помощник Чан Кайши, начальник его Генерального штаба Лю Фэй — типичнейший кадровый гоминьдановский военный и высокомерный бюрократ — являлся агентом Кан Шэна, как, впрочем, и руководитель отдела военного планирования Гоминьдана Го Жугуй. Перед началом гражданской войны командование НОА было прекрасно осведомлено о каждом шаге, который собирались предпринять националисты.

Не менее важным фактором стало и падение боевого духа гоминьдановской армии, строившейся на основе воинской повинности. Рекрутов по деревням собирали вооруженные

отряды; оставались необработанными поля, лишались кормильцев семьи. В сборных пунктах, где предполагалось обучение начальной воинской подготовке, новобранцев содержали под усиленной охраной. Кое-где у них даже в холодные зимние ночи изымали одежду, лишая тем самым возможности дезертировать. «Эти бедолаги, — писал один американский наблюдатель, — были вынуждены спать совершенно голыми. На площади в двенадцать — пятнадцать квадратных метров их набивалось по сорок — пятьдесят человек. Сержант объяснял, что так им теплее, а сон от этого становится крепче». Надев форму, привязанные к одной веревке наподобие узников, рекруты шли своим ходом в части, располагавшиеся иногда на самом фронте, в сотнях километров от дома. Многих шатало от голода и жажды: продовольственные пайки продажное офицерство с удовольствием продавало на сторону. В переходе от Фуцзяни к Гуйчжоу из тысячи рекрутов до места назначения добрались немногим более сотни, в другой группе из семисот остались живы лишь семнадцать. Таких случаев было множество. За пару лет до гражданской войны от общего числа призванных в течение года полутора миллионов человек до частей дошла едва ли половина: остальные погибли в пути либо дезертировали. Прибыв на фронт, многие при первой возможности ударялись в бега. Ежемесячно из гоминьдановских частей дезертировали около шести процентов новобранцев. Те же, кто оставался в строю, страдали от недоедания и полного отсутствия медицинского обеспечения. Полковник Баррет сообщал, что неоднократно наблюдал, как «солдаты националистов без сил падали, а многие и умирали, пройдя всего лишь милю».

Встречая такое к себе отношение, войска и вели себя соответственно. Вот что вспоминал один из сотрудников «миссии Дикси»:

«Я побывал в нескольких оставленных коммунистами деревнях, занятых и разграбленных солдатами Чан Кайши. То, что не могло быть вывезено на украденных повозках с волами, представляло собой просто никому не нужный хлам... Оставляемое в амбарах зерно смешивалось с навозом и человеческими экскрементами, колодцы засыпались землей... Сельскую школу солдаты превратили в нужник и измазали калом все стены — так они поступали повсюду. Молодая женщина рассказала о том, как рота гоминьдановцев тащила ее за собой из форта в форт, ежедневно насилуя. Семидесятипятилетняя старуха, оставшаяся в деревне одна, пожаловалась, что не может сидеть, поскольку была многократно изнасилована».

Население некоторых уездов, обозленное неспособностью Красной армии защитить крестьян от подобных зверств, обращало свой гнев на коммунистов. К той же тактике гоминьдановцы прибегали в Цзянси пятнадцатью годами ранее.

На это Мао ответил возобновлением деятельности по земельной реформе, отложенной в долгий ящик на период единого фронта. Вновь начались массовые митинги — «суды» над местными тиранами и другими «вредными элементами». Партия шла на сознательное обострение классовых отношений в деревне — с тем чтобы привлечь на свою сторону широкие слои беднейшего крестьянства.

В городах чанкайшистский режим также не отличался особой прозорливостью: диктатура одной партии поддерживалась действиями тайной полиции и репрессиями против инакомыслящих. Страну захлестнула волна съедавшей все заработки гиперинфляции: для финансирования гражданской войны правительство печатало ничем не обеспеченные деньги. Пронизавшая все сферы жизни коррупция превратила законный бизнес в лишенную смысла трату средств и сил. Теперь противниками Гоминьдана стали те слои и группы населения, которые всегда служили надежной опорой правления националистов.

Эти симптомы свидетельствовали о серьезной болезни общества, но основная ее причина крылась в самой природе созданной Чан Кайши системы власти. Она оказалась слишком слабой и рыхлой для того, чтобы утвердить свою волю силой. Она была слишком продажной и равнодушной к вопросам благосостояния нации, чтобы обеспечить себе широкую гражданскую поддержку.

Однако все это еще не превращало правящий режим в бездельницу, от которой можно легко отмахнуться. Наряду с почти небоеспособными, почти голодающими регулярными войсками Чан Кайши располагал хорошо обученными и вооруженными элитными частями, храбро сражавшимися против японцев и не растерявшими своего мужества перед лицом внутреннего противника. По подсчетам Государственного департамента, США безвозмездно передали Гоминьдану вооружения и армейской экипировки на сумму около трехсот миллиардов долларов, а коммунисты приводили и более высокую цифру. В июне 1947 года Чан Кайши лично объявил, что его вооруженные силы обладают «безусловным преимуществом» над НОА в вопросах опыта и способов ведения боевых действий, что же касается накопленного военного потенциала, то у националистов его «в десять раз больше».

Мао противопоставил этому «коллективную силу масс». Для победы ее оказалось более чем достаточно.

Двумя годами ранее, в ходе работы 7-го съезда КПК, он напомнил делегатам древнее сказание о «наивном старце из Северных гор», которому вид на раскинувшуюся к югу долину преграждали две уходившие ввысь вершины. Вместе с сыновьями старец взялся за кирку, чтобы срыть исполинов до основания. Когда односельчане подняли его на смех, старик сказал: «Когда я умру, на мое место встанут сыновья, с их смертью дело продолжат внуки и дети их детей... Как бы высоки ни были эти пики, они уже никогда не станут еще выше. Каждый новый удар кирки будет делать их ниже и ниже. Но в таком случае почему же нельзя в конечном счете сровнять их с землей?» Тронутое его неколебимой верой, Небо послало двух святых, которые перенесли обе вершины в другое место:

«Тяжким, мертвым грузом легли сегодня те две горы на плечи китайского народа. Одна из них называется «империализм», другая — «феодализм». Коммунистическая партия Китая давно поставила перед собой цель стереть эти громады в песок. Мы должны проявить настойчивость и не ослаблять своих усилий, и тогда сам Создатель проявит к нам благосклонность. Создателем же для нас являются широчайшие народные массы. Если они встанут плечом к плечу, устоит ли перед ними любая гора?»

Предание о «наивном старце» на всю оставшуюся жизнь служило Мао олицетворением его собственных титанических усилий изменить огромную страну. Капитуляция Японии в августе 1945 года и падение тремя с половиной годами позже режима Чан Кайши лишь укрепили его убежденность в том, что для человеческой воли нет ничего невозможного. Решающим фактором победы над Японией, любил подчеркивать Мао, стала вовсе не атомная бомба, а сжатая в кулак воля масс:

«Атомная бомба — это бумажный тигр, которым американские реакционеры пытаются запугать народы мира. За внушающим страх видом ничего не кроется. Само собой, атомная бомба является оружием массового уничтожения, однако исход войны определяют люди, а не новый вид оружия.

Все реакционеры — бумажные тигры. Гитлер тоже был бумажным тигром, как и Муссолини, как и японские милитаристы. Чан Кайши — бумажный тигр... Мы привыкли полагаться на самую простую еду и обычные винтовки, но история еще докажет, что наше просо и винтовка в конечном итоге окажутся куда сильнее самолетов и танков Чан Кайши... Причина очевидна: реакционеры представляют собой мрачное прошлое, мы же устремлены вперед, к свету».

Проникшись неистребимой верой в правоту собственного дела, НОА осенью 1948 года начала готовиться к битвам, которым суждено было определить судьбу современного Китая.

Общий план кампании Мао набросал еще в сентябре. В соответствии с ним силами семисоттысячной армии первым наносит удар Линь Бяо — в Цзиньчжоу, хорошо укрепленном железнодорожном узле на пути из Пекина в Маньчжурию. После длившегося более суток боя 15 октября город пал. Однако затем события приняли неожиданный для Мао поворот. На помощь из Шэньяна в Цзиньчжоу выдвинулась стотысячная колонна гоминьдановцев. Сделав вид, что уходит на юг, Линь Бяо отвел основные силы к северу и в самом неожиданном месте обрушил на противника всю свою мощь. Враг был полностью уничтожен. После недолгой осады войска НОА вошли в Чанчунь, а 2 ноября заняли и Шэньян. К Линь Бяо пришла заслуженная слава величайшего полководца. В течение всего семи недель Чан Кайши потерял всю Маньчжурию и полмиллиона своих отборных солдат. Военная ситуация изменилась за одну ночь. По всему фронту националисты начали беспорядочное отступление, и впервые за время гражданской войны численное преимущество оказалось на стороне НОА.

По приказу Чжу Дэ Линь Бяо совершил ускоренный тысячекилометровый марш на юг, чтобы взять в плотное кольцо Тяньцзинь и Пекин. Здесь его Северо-Восточная армия соединилась с частями Полевой армии Не Жунчжэня. Объединенной группировке коммунистов, насчитывавшей около миллиона человек, противостояли шестисоттысячные силы Чан Кайши.

Мао составил план новой операции. Перед Линь Бяо встала задача отрезать противнику все пути отхода. Националисты, по словам Мао, вели себя как «встревоженные звуком спущенной тетивы птицы». Атака на них должна была начаться лишь после того, как кольцо окружения замкнется полностью. Цель наступления — Тяньцзинь, а не Пекин, как предполагал Чан Кайши.

Тем временем в семистах километрах к югу в битву вступили Центральная и Восточная армии под командованием Лю Бочэна и Чэнь И.

Кампания, получившая название Хуайхайской, велась на территории четырех провинций: Аньхой, Хэнань, Цзянсу и Шаньдун. На востоке граница поля боя проходила по Великому каналу, на юге — по реке Хуай. Длилась она чуть более двух месяцев. С каждой из сторон в ней принимали участие около полумиллиона человек, но коммунисты пользовались мощной

поддержкой двух миллионов добровольцев из крестьян, которыми командовал Фронтовой комитет во главе с Дэн Сяопином. Как и в Маньчжурии, бой начался с удара по наиболее слабому подразделению противника. Направленные к ней группы поддержки были блокированы партизанскими отрядами, а брошенные на подкрепление регулярные части угодили в гигантскую ловушку, расставленную Лю Бочэном под Сюйчжоу. К 10 января, когда кампания уже завершилась, Гоминьдан потерял убитыми и ранеными более двухсот тысяч солдат, триста тысяч сдались НОА в плен.

Пока Чан Кайши приходил в себя после очередного поражения, Линь Бяо продолжал сжимать тиски вокруг двух городов на севере страны. Тяньцзинь пал 15 января, а через неделю начальник Пекинского гарнизона генерал Фу Цзои подписал акт о сдаче города командованию НОА, чем спас его от ожесточенного артиллерийского обстрела. Двести тысяч гоминьдановских солдат влились в армию Линь Бяо, сам же Фу Цзои позже получил необременительную должность в новом правительстве коммунистов.

За день до сдачи Пекина Чан Кайши подал в отставку со всех государственных постов, оставшись лишь номинальным руководителем партии.

За четыре месяца его потери составили полтора миллиона человек. Коммунисты, бывшие двумя с половиной годами ранее готовыми довольствоваться второразрядными постами в коалиционном правительстве, требовали теперь судить генералиссимуса как военного преступника, настаивали на отставке кабинета министров и приостановлении действия старой конституции. Остатки гоминьдановской армии должны были полностью войти в состав НОА. Начавшиеся мирные переговоры с Ли Цзунжэнем, преемником Чан Кайши, зашли в тупик. 21 апреля армия Лю Бочэна форсировала Янцзы и через три дня заняла Нанкин. 3 мая пал Ханьчжоу, 27-го — Шанхай. К этому времени у Чан Кайши уже созрело решение оставить материк и перенести штаб-квартиру Гоминьдана на Тайвань. Там генералиссимус проведет долгие годы в ожидании неизбежной, по его мнению, войны между США и СССР, которая позволила бы ему с триумфом вернуться в страну и вернуть утерянное.

Вместе со своим Верховным главнокомандующим Китай покинули военно-воздушные силы, военно-морской флот, несколько лучших дивизий и более трехсот миллионов долларов в золоте, серебре и иностранной валюте. Лишившись всех средств, сопротивление националистов лишилось и сил.

Битва за Китай закончилась.

* * *

Падение режима Чан Кайши поставило Мао и всю партию перед проблемой управления огромной страной, которую опустошила десятилетиями тянувшаяся война и где проживала почти четверть населения планеты. Прежде всего предстояло решить: как быть с городами?

Городская жизнь никогда не привлекала Мао. Нелюбовь к ней зародилась еще в юности, когда он впервые побывал в Пекине и Шанхае. В городе Мао ощущал себя неотесанным крестьянским сыном, окруженным изощренными пройдохами. Да, он учился в Чанша, жил и работал в Кантоне и Ухани, но город всегда оставался для него чужим. На протяжении гражданской войны стратегия Мао постоянно сводилась к установлению контроля над селом — города могут подождать. За исключением принятого в августовской панике 1945 года решения о проведении восстаний в оккупированных японской армией городах (к счастью, от них отказались, избежав тем самым трагических последствий) Мао сохранял свой осторожный и взвешенный подход вплоть до конца 1948 года. Партия рекомендовала НОА «занимать в первую очередь небольшие городки и сельские районы; очередь крупных городов придет позже».

Однако в марте 1949 года с новой остротой встал вопрос о переносе центра тяжести всей партийной работы в города.

В ряде выступлений перед партийными работниками Мао развернул политическую и экономическую программу действий новой власти. Партия, указывал он, должна обратить особое внимание на повышение уровня жизни в городах — чтобы завоевать расположение и симпатии городского населения. Важнейшие отрасли промышленности, равно как и принадлежащие иностранному капиталу компании будут национализированы, но все другие формы капиталистического производства не претерпят никаких изменений. Управление страной перейдет в руки коалиционного правительства, состоящего в основном из коммунистов и включающего в себя некоторое количество представителей других прогрессивных партий. Речь главным образом шла о бывших членах левого крыла Гоминьдана, выражавших интересы национальной буржуазии и либеральной интеллигенции. Создаваемая система власти явится «демократической диктатурой народа», означавшей, как и в Китайской Советской Республике, что далеко не все в равной мере получат доступ к плодам демократии:

«Реакционеры заявляют: у вас диктаторские замашки. Именно так, уважаемые господа... Право выражать свое

мнение принадлежит исключительно народу. Что такое «народ»? В современном Китае это рабочий класс, трудовое крестьянство, мелкая и национальная буржуазия. Под руководством... Коммунистической партии данные классы объединятся, чтобы осуществить свою диктатуру над лакеями империализма: классом землевладельцев, бюрократическим капиталом, гоминьдановскими реакционерами и их прихвостнями. Только сила народа может заставить их встать на правильный путь... Демократическая система строится на власти широких народных масс... Право голоса принадлежит только народу, но никак не реакционерам. Вот вам две составные части демократической диктатуры народа: демократия для народа и диктатура для реакционеров».

Эти слова Мао отрезвляющим душем упали на головы тех, кто был не согласен с его взглядами. Во всеуслышание заявляя о том, что человек подлежит наказанию лишь в случае, когда он преступает закон, Мао тут же подчеркивал: правосудие является инструментом классового насилия.

И тем не менее в 1949 году большинство населения страны, да и значительная часть проживавших в Китае иностранцев восприняли зарю коммунистического правления не как начало репрессий, но как избавление от насквозь прогнившего режима националистов.

Британский журналист Алан Уиннингтон, сопровождавший первый вступивший в Пекин полк НОА, писал о «толпах ликующих, смеющихся и выкрикивающих приветственные лозунги людей, которые запрудили все улицы». Другой европеец, Дерк Бодд, занимавшийся научными исследованиями в университете Цинхуа, отмечал в своем дневнике: «Город вздохнул с облегчением. У меня нет и тени сомнения в том, что коммунисты пришли сюда при поддержке огромной части населения всей страны». Капитан гонконгского судна, прибывшего в Тяньцзинь вскоре после победы революции, был поражен новыми порядками: портовые и таможенные чиновники не только категорически отказывались от взяток, они не соглашались принять от иностранца даже сигарету.

Поддержание атмосферы неподкупной честности, трудолюбия и скромности в стране, на протяжении веков известной продажностью своих чиновников, представляло для Мао важнейшую задачу. Он предупреждал партию: перед нами раскрылись совершенно новые земли, и неизвестно, какие опасности нас там поджидают:

«С победой в наших рядах могут обнаружиться высокомерие, желание облачиться в тогу героя, стремление почивать на лаврах, погоня за радостями жизни и отвращение к тяжело-

му ежедневному труду... Отдельные члены партии, выстоявшие под пулями врага и заслужившие своей храбростью безусловное уважение, будут не в силах противостоять засахаренным стрелам буржуазии... Все мы должны проявить высочайшую бдительность. С оружием в руках добытая победа — это всего лишь первый шаг в великом походе на десять тысяч ли. Хвастаться тем, что мы сделали этот первый шаг, — непростительная глупость. Чувство законной гордости придет много позже... Китайская революция — величайшее достижение, но наш путь на ней не заканчивается, впереди еще ждут огромные трудности. Нам необходимо не только разрушить старый мир, мы должны создать новый».

Вот почему, говорил Мао, партийным работникам следует забыть на время о том, что они знают хорошо, и начать осваивать то, чего они не знают. В России, напоминал он, после победы революции коммунисты тоже не имели никакого опыта в экономическом строительстве, однако недостаток знаний не помешал им создать «огромное и могущественное социалистическое государство». Что удалось России, то будет по силам и Китаю.

Во второй половине дня 1 октября 1949 года с башни Ворот Небесного Спокойствия на площади Тяньаньмэнь в Пекине, окруженный высшими руководителями Коммунистической партии, Мао Цзэдун официально провозгласил образование Китайской Народной Республики.

За десять дней до этого заседание Политбюро ЦК КПК одобрило текст новой Конституции. Постоянным местом пребывания правительства основной документ определил город Пекин, бывший столицей Китая на протяжении двух династий — Мин и Цин. Мао Цзэдун стал главой государства.

На заседании Мао скажет:

«Китайский народ, составляющий четвертую часть всего человечества, выпрямился во весь рост. Китайцы всегда были великой, храброй и трудолюбивой нацией, которая только в новое время позволила обогнать себя другим... Но сегодня мы сплотили наши ряды и разбили внутреннего и внешнего врага. Уже никогда более не станем мы нацией униженных и оскорбленных».

1 октября под ласковыми лучами осеннего солнца перед стотысячной толпой, зажатой стенами узкой тогда площади, своим высоким голосом с явственным хунаньским выговором Мао повторил: «Мы, четыреста семьдесят пять миллионов китайцев, поднялись с колен и заявляем: впереди нас ждет светлое будущее!»

К этому моменту руководство партии готовилось несколько месяцев, примеряя, по словам пекинцев, «новые одежды». С площади были убраны ряды древних шелковиц, ямы и выбоины залили бетоном, уложили бордюрный камень. В центре поднялись стальные мачты с прожекторами. Огромный, в два этажа высотой, портрет Чан Кайши, выполненный на сваренных металлических листах из разрезанных бензиновых бочек, был заменен таким же по размерам портретом Мао. После речей начался военный парад. Его открыла конница НОА, за которой потянулись длинные колонны захваченных у гоминьдановцев американских грузовиков и танков. Следом на площадь ступили горожане, громко скандировавшие: «Да здравствует Председатель Мао!» В ответ из репродукторов неслось: «Да здравствует Народная Республика!» В наступивших сумерках небо над городом озарилось сполохами фейерверков. На площади появились гимнасты с разноцветными бумажными фонариками, разрисованные красными звездами и пролетарской эмблемой серпа и молота. По словам поэтически настроенного очевидца, они выстроились в форме «гигантского корабля новой китайской государственности, стремительно несущегося по сине-зеленым волнам». Над крытыми желтой черепицей дворцами Запретного города поплыли звуки музыки, заглушаемые время от времени мощным хором голосов, с торжеством выпевавших имя Мао.

Советский Союз на следующий день стал первой страной, признавшей новое государство. Поздравления прислали братские партии, начиная от Рабочего комитета Коммунистической партии Таиланда и заканчивая Лейбористской партией Великобритании. Мао начал готовиться к своему первому зарубежному визиту — в Москву.

Столь смелое решение оставить страну, где еще не закончилась гражданская война, свидетельствовало о той уверенности, которую Мао внушали его товарищи по партии, и об огромном значении для него предстоящей поездки. К концу 1949 года большая часть территории Юго-Западного Китая по-прежнему находилась в руках националистов. Попытка НОА занять остров Цзиньмэнь (Цюэмой), расположенный напротив побережья Фуцзяни, была отбита и стоила коммунистам жизней около девяти тысяч солдат. В середине ноября Чан Кайши прилетел с Тайваня в провинцию Сычуань, где Гоминьдан основал временную столицу страны. 6 декабря, когда Мао садился в специальный поезд, который доставил его в Москву, генералиссимус еще находился в Сычуани.

Визит в Советскую Россию четко обрисовал приоритеты Мао во внешней политике.

Новое коммунистическое правительство в сложном мире дипломатических отношений не могло позволить себе идти дорогой, проложенной националистами. Для того чтобы искоренить из памяти нации все воспоминания о вековом унижении, Мао требовался чистый лист, или, другими словами, полный разрыв с Западом. Незадолго до визита в Москву, в беседе с А.И. Микояном, старейшим членом Политбюро ЦК КПСС, которого Сталин направил в ознакомительную поездку по Китаю, Мао объяснял своему гостю, что внешнеполитический курс вновь создаваемого правительства предполагает определенную степень дипломатической изоляции. Помощь России, сказал он, будет всячески приветствоваться, однако, пока Китай не «наведет порядок в собственном доме», об установлении отношений с другими странами не может быть и речи. Китай сам определит время, когда империалистические государства получат приглашение направить в Пекин своих послов. А до тех пор их бывших официальных представителей, равно как и их подданных, правительство КНР почтительно попросит вернуться на родину.

Новый Китай, новое «Срединное Царство», заставит варваров терпеливо ожидать своей очереди у закрытых ворот — так же, как это было при императорах древности.

Летом в одной из речей Мао растолковал исторический смысл уже сформировавшегося решения:

«Реакционеры говорят: вы клонитесь в одну сторону. Они правы. На заборе долго не просидишь. Все страны мира, без исключений, склоняются либо в сторону империализма, либо в сторону социализма. Любой нейтралитет — это не более чем притворство, никакого третьего пути просто не существует... Мы являемся составной частью антиимпериалистического фронта, возглавляемого Советским Союзом, и только от этого фронта мы ждем действительно дружескую помощь. От империалистов нам ничего не нужно».

В этих словах присутствовал небольшой, но весьма значимый нюанс. Мао говорил «склоняться», а не «войти» в монолитный блок. Китай может быть частью антиимпериалистического фронта так же, как КПК ранее являлась частью единого фронта с Гоминьданом. Ни в том, ни в другом случае нельзя говорить об идентичности политики участвовавших сторон. Участие во фронте означало для Мао не только известное единство, но и вполне конкретную борьбу.

Он еще не забыл о том, как Сталин предал интересы Китая.

Собственно говоря, Старший брат сам напомнил об этом: весной Сталин настаивал на том, чтобы Мао не посылал свои войска через Янцзы и довольствовался контролем над северной половиной Китая. Это, говорил он, будет благоразумнее: не стоит провоцировать Америку. Однако Мао, как и сам Сталин, знал, что разделение Китая на руку России, но никак не Китаю. «Есть друзья истинные, — подчеркнул Мао в беседе с Анастасом Микояном, — а есть мнимые. Мнимые по виду очень похожи на друзей, но говорят они одно, а имеют в виду совершенно другое. Мы не дадим себя провести».

Пятью месяцами позже, когда НОА с триумфом прошла по южным провинциям страны, Сталин произнес нечто вроде извинения. Прибывшему в Москву Лю Шаоци он сказал: «Победитель всегда прав. Сейчас у меня такое ощущение, что в прошлом мы вам немного помешали... Мы вас очень мало знали и, вполне вероятно, совершали некоторые ошибки».

16 декабря 1949 года, после того как часы на Спасской башне Кремля пробили полдень, украшенный алыми флагами локомотив медленно подтянул специальный поезд из Пекина к перрону Ярославского вокзала. Стоял жуткий мороз.

Мао был полон тревожных предчувствий. Несколькими днями раньше, прогуливаясь по платформе в Свердловске, он внезапно пошатнулся, на побелевшем лице выступил крупный пот. Сопровождавшие помогли Мао войти в вагон и сообщили, что он простудился. Застарелая неврастения дала о себе знать и на Урале. Несмотря на все свои недостатки, Сталин оставался для Мао живым воплощением коммунистической идеи. Отношения, которые сложатся между ними на протяжении последующих недель, определят, наполнится ли политика «склонения в одну сторону» реальным содержанием.

Для советского руководства Мао представлял собой загадку — он был вторым по значимости лидером коммунистического мира и одним из немногих, кто пришел к власти без всякой помощи Кремля. Может, он своего рода развлекающийся марксизмом оригинал? В таком случае его будет нелегко вписать в привычную для Москвы систему вещей. Или это второй Тито, чья вызывающая непокорность привела годом ранее к тому, что Югославия оказалась в полной изоляции от коммунистического ла-

геря?* Сталину требовалось подвести под их отношения соответствующую его взглядам базу.

Когда в шесть часов вечера двери Екатерининского зала в Кремле распахнулись, Мао увидел перед собой не только Иосифа Виссарионовича Сталина, но и все Политбюро ЦК КПСС в полном составе. Исключительная встреча для исключительного гостя.

Хозяин Кремля с кавказским радушием приветствовал Мао как «лучшего сына китайского народа», однако буквально в следующие минуты разговора, уверенный в том, что речь неизбежно зайдет о различиях их взглядов**, он вставил фразу, с которой уже обращался к Лю Шаоци: «Теперь вы — победитель, а победитель всегда прав. Так уж повелось».

Потекла в высшей степени официальная, если не чопорная, беседа, в ходе которой Сталин осведомился, что Мао в результате визита хотелось бы получить. «Нечто такое, что не только аппетитно выглядит, но и действительно приятно на вкус», — ответит тот. Выслушав перевод, шеф НКВД Л. Берия захихикал. Сталин попросил объяснить, что под этими словами имеется в виду, но пускаться в подробности Мао не захотел. В конце длившегося два часа разговора советский руководитель был вынужден поинтересоваться, располагает ли Китай собственной метеорологической службой и не согласится ли гость, чтобы Россия издала переводы его трудов.

На самом деле Сталину было прекрасно известно, чего ожидал от него Мао. Китай рассчитывал на то, что Москва аннулирует подписанный с Чан Кайши Договор о советско-китайской дружбе и заключит новый, выдержанный в духе взаимоотношений, которые должны существовать между братскими социалистическими странами.

Однако Сталин вовсе не стремился к этому. Его нежелание формально объяснялось тем, что договор с Чан Кайши вытекал из трехсторонних соглашений, достигнутых в Ялте. Вот почему, как

---

* В конце 40-х годов Джордж Кеннан и некоторые другие в Госдепартаменте США утверждали, что Мао, как и Тито, будет сопротивляться попыткам Москвы поставить коммунистический лагерь под свой контроль, поэтому США заинтересованы в углублении существующих между Россией и Китаем противоречий. Позже Мао обвинил Сталина в том, что в 1949 году тот увидел в нем «второго Тито». — *Примеч. авт.*

** Мао начал говорить: «Меня долгое время критиковали, и я не имел возможности высказать свои взгляды...» Видимо, он собирался поблагодарить собеседника за поддержку, оказанную Коминтерном, и напомнить об унижениях, нанесенных китайскими протеже Кремля, но в этот момент Сталин прервал его. — *Примеч. авт.*

было сказано Мао, отказ хотя бы от одного пункта даст США и Великобритании законные основания поставить под вопрос и другие параграфы, в частности касающиеся советских прав на бывшие владения Японии на Курилах и Южном Сахалине. Сталин произнес эту громкую фразу намеренно, давая ею понять: если Мао хочет новых отношений с Москвой, то строиться они будут на условиях России. Существующий договор оставался в силе; признавая его, Мао тем самым признавал и ведущую роль Сталина. Лишь для того, чтобы подсластить пилюлю, Сталин заметил, что правительствам обеих стран никто не помешает в неформальном, рабочем порядке наполнить подписанный документ более современным содержанием.

Подобные словесные игры были хорошо знакомы Мао.

Еще в 1938 году, когда Сталин заявил, что инцидент в Сиани являлся частью японского заговора, Мао, подтвердив правоту такого суждения, ответил ему услугой за услугу. Тогда он считал это необходимым. Чуть позже он заметил: «Наши отношения со Сталиным — это отношения отца и сына. Или кошки и мыши».

Однако сейчас ставки в игре были неизмеримо выше. Взаимоотношения с СССР являлись краеугольным камнем политики Мао в контактах со всеми остальными странами мира. Если Китай так и останется в положении подчиненного, то чего ради вершилась революция? Если Россия будет упрямо придерживаться старых обязательств, то что заставит капиталистические страны строить новый фундамент отношений с Китаем?

Но смутить Мао было весьма нелегко. В своей обычной манере, избегая лобовых столкновений, он перешел к излюбленным иносказаниям и начал задавать вопросы относительно того, стоит ли вызвать в Москву и Чжоу Эньлая. Приезд Чжоу будет означать, что Москва готова обсуждать положения нового договора, негативный ответ оставит все без изменений.

Две следующих недели никаких переговоров не велось.

На личной даче Сталина, расположенной в березовом лесу неподалеку от Москвы, Мао был предоставлен самому себе: то ли почетный гость, то ли пленник. 21 декабря его пригласили на семидесятилетний юбилей великого вождя, где Мао произнес приличествующую столь торжественному моменту речь. Приглашение явилось лишь знаком вежливости, поскольку от запланированной на 23-е число беседы Кремль внезапно отказался. Это привело Мао в ярость. Стуча кулаком по столу, он кричал в присутствии навестивших его московских чиновников: «У меня здесь всего три дела:

есть, спать и облегчать желудок!» Но когда через два дня Сталин позвонил ему, Мао уклончиво ушел в сторону от обсуждения политических вопросов. На его ответный звонок в Кремле сообщили, что «Иосифа Виссарионовича сейчас на месте нет».

Поистине византийский поединок двух характеров, когда каждая из сторон испытывала терпение другой, мог бы длиться и длиться, если бы западные журналисты, озадаченные отсутствием Мао на публике, не распустили слухи о том, что он находится под домашним арестом. Чтобы опровергнуть досужие домыслы, Сталин приказал направить к гостю корреспондента ТАСС. В беседе с ним Мао дал понять: он готов оставаться в Москве столько времени, сколько потребуется для того, чтобы достичь соглашения. И Сталин сдался. 2 января 1950 года Молотов сообщил Мао: Чжоу Эньлай может выезжать, старый договор будет аннулирован и вместо него подписан новый. «А как же Ялта?» — наивно поинтересовался Мао у Сталина двумя днями позже. «К черту Ялту!» — ответил ему глава страны.

Трудно сказать, что заставило Сталина изменить свое решение. Основной причиной этого Мао посчитал нетерпеливую готовность Великобритании установить с Китаем дипломатические отношения, поскольку Сталин очень опасался, что Пекин вот-вот бросится в объятия Запада. Но «отец народов» вполне мог просто устать и сказать себе: с пустыми руками Мао все равно не уедет.

Как бы то ни было, шестью неделями позже, 14 февраля 1950 года, Чжоу Эньлай и А. Вышинский в присутствии Сталина и Мао подписали новый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Вечером того же дня, в нарушение всех традиций кремлевского протокола, Сталин присутствовал на приеме, устроенном Мао в банкетном зале гостиницы «Метрополь». Покидать Кремль для главы государства было делом столь непривычным, что службе охраны пришлось установить специальную перегородку из пуленепробиваемого стекла, отгородившую лидеров двух стран от остальных приглашенных. В результате провозглашаемых тостов никто не слышал до тех пор, пока стекло — по просьбе Мао — не убрали.

И вновь картина всеобщего удовлетворения не совсем точно отражала действительность. Переговоры оказались мучительно трудными. Николай Федоренко, бывший тогда переводчиком Сталина, позже вспоминал, что комната, где они велись, напоминала «сцену из какого-то демонического спектакля». Мао настаивал на том, чтобы Советский Союз взял на себя твердое и недвусмысленное обязательство прийти на помощь Китаю в случае нападе-

ния на него США. Сталин согласился, но потребовал дополнить этот параграф условием: «В случае объявления сторонами состояния войны». Еще более распалило Мао стремление Сталина получить особые привилегии в Синьцзяне и Маньчжурии. Сталин, в свою очередь, лишний раз убедился в том, что Мао — коммунист так себе, нечто вроде китайского Емельяна Пугачева. Впоследствии Мао будет жаловаться товарищам по партии: «Он не поверил нам. Он решил, что наша революция — фикция».

Но «модус вивенди» был все же достигнут. Тронувшись в долгий обратный путь, Мао с удовлетворением констатировал: под новое положение Китая в мире подведен надежный фундамент. С прекращением гражданской войны правительство сможет все внимание обратить теперь на восстановление разрушенной экономики, сделать первые неуверенные шаги по дороге к социализму.

Через четыре месяца, 25 июня 1950 года, в 4.40 утра началась Корейская война.

Известие это не застало Мао врасплох. Шестью неделями раньше в Пекине побывал Ким Ир Сен. Он сообщил, что Молотов одобрил проведение военной операции с целью объединить полуостров. Но лукавый Сталин и здесь поставил свое условие: прежде всего Ким Ир Сен должен заручиться согласием Мао. «Если ты получишь по зубам, — якобы было сказано корейскому лидеру в Кремле, — то я и пальцем не шевельну». Получалось так, что выручать соседа из беды пришлось бы Мао Цзэдуну. Однако в Пекине Ким Ир Сен ни словом не обмолвился об этом условии Сталина.

Перспектива новой войны не привела Чжуннаньхай* в восторг. И не только потому, что невозможно было предвидеть реакцию США. В то время Китай сам стоял на грани военного вторжения на Тайвань. Рассказ Ким Ир Сена показался Мао настолько не внушающим доверия, что он обратился к Сталину с просьбой подтвердить свое одобрение планов корейского руководства. Москва так и сделала, но в ответной телеграмме Сталин подчеркнул: «Окончательное решение этого вопроса должно быть принято корейскими и китайскими товарищами совместно». Отказ Китая означал бы, что начало операции по меньшей мере откладывается. Подобная ситуация не оставляла Мао никакого выбора. В Маньчжурии плечом к плечу с бойцами НОА сражались сто тысяч корейских солдат. Как Мао мог сказать Ким Ир Сену, что ему лучше не пы-

* Правительственный квартал в Пекине неподалеку от площади Тяньаньмэнь. — *Примеч. пер.*

15 Зак. 1137

таться освободить свою родину? Нет, в Северной Корее хорошо знали, что согласие Китая им гарантировано.

Но стороны так и не доверились друг другу до конца. По распоряжению Ким Ир Сена китайцев держали в неведении относительно сроков начала операции и на пушечный выстрел не подпускали к ее военному планированию.

А для Чан Кайши война на Корейском полуострове была даром небес. Полугодом ранее Гарри Трумэн дал однозначно понять, что в случае нападения на Тайвань США будут сохранять нейтралитет. В апреле китайские войска предприняли крупномасштабную высадку морского десанта на остров Хайнань, расположенный неподалеку от побережья провинции Гуандун. В течение двух недель они полностью подавили сопротивление националистов, их потери составили около тридцати трех тысяч человек убитыми и ранеными. Выглядело это как генеральная репетиция перед вторжением на Тайвань. Следующим шагом можно было ожидать захват Цюэмоя и других прибрежных островов, а через год последовал бы главный удар.

Ситуация в Корее все меняла. Вашингтон еще мог закрыть глаза на то, что по общему признанию являлось продолжением гражданской войны в Китае. Но вряд ли стоило ожидать от США такого же поведения, если бы коммунистический режим в северной части полуострова решился бы на неприкрытую агрессию против юга — фактического протектората Америки. 27 июня Белый дом заявил, что направил в Южную Корею свои войска, а 7-й флот США возьмет под свой контроль Тайваньский пролив.

Реакция Мао на эти заявления оказалась достаточно сдержанной. Для защиты мостов через реку Ялу китайские части противовоздушной обороны были передислоцированы на приграничную полосу Северной Кореи, а в Маньчжурию направлено подкрепление с юга. Комментируя эти меры, один из китайских военачальников сказал, что «зонт лучше всего приготовить еще до того, как пойдет дождь». От планов высадки десанта на остров Цюэмой пришлось отказаться.

В конце июля, наблюдая за победоносным продвижением северокорейских войск на юг, Мао начал испытывать чувство нарастающей тревоги. Ему лучше, чем Ким Ир Сену, было видно, что коммуникации армии становились чрезмерно растянутыми и все более подверженными неожиданному удару американцев. 4 августа на заседании Политбюро Мао впервые поставил вопрос прямой военной помощи Северной Корее — невзирая на

риск ответного ядерного удара США. Проблема заключалась в том, говорил он, что если Америка победит, то это лишь разожжет ее аппетиты. Китай окажется под угрозой налетов американской авиации на Маньчжурию и города Восточного побережья, через Тайваньский пролив на материк высадится морская пехота националистов. Вполне вероятно, что в конфликт будут вовлечены и французские войска, пытающиеся подавить выступление Хо Ши Мина во Вьетнаме.

Через две недели у Мао появились новые основания для опасений. Один из военных советников Чжоу Эньлая был уверен в том, что командующий войсками США генерал Дуглас Макартур начнет действовать в Инчоне, на узком перешейке к югу от 38-й параллели, по которому проходила граница между двумя странами. Посмотрев на карту, Мао согласился с аналитиком и отдал НОА приказ направить к маньчжурской границе дополнительные полмиллиона солдат и готовиться к войне.

Затем он направил послание Ким Ир Сену.

Стратегически, говорилось в письме, США действительно представляют собой бумажного тигра. Однако в тактическом плане «Америка — это живой, разъяренный тигр, привыкший к человеческому мясу». Корейским друзьям необходимо перегруппировать силы и быть готовыми отразить нападение с моря: «С точки зрения тактики иногда грамотнее отступить, чем нападать... Перед вами серьезный противник. Не забывайте, вы боретесь против самого олицетворения империализма. Будьте готовы к худшему».

Ким Ир Сен оставил предупреждение без внимания. Как и Сталин. 15 сентября в Инчоне началась высадка морского десанта, захватившая северокорейскую армию врасплох. Пхеньян пребывал в панике. Ким Ир Сен направил в Пекин двух офицеров, и не с просьбой, а, скорее, с мольбой о помощи. Сталин дал ему знать, что окажет поддержку авиацией, если только Мао согласится послать в Корею свои сухопутные войска.

Следующие несколько недель оказались для Мао самыми тяжелыми после драматических событий осени 1945 года, когда капитулировала Япония. Он забыл о сне. Гао Гану, отвечавшему за боеготовность расквартированных в Маньчжурии войск, Мао сказал, что интервенции, по-видимому, уже не избежать. Однако для восстановления экономики Китаю был жизненно необходим мир. Со времени падения династии Цин страна фактически находилась в состоянии непрекращавшейся войны. Перед партией стояла задача вернуть Тибет и Тайвань, в провинциях бес-

чинствовали около миллиона бандитов, промышленность лежала в руинах, население городов задыхалось от безработицы, а в центральных районах Китая свирепствовал голод.

Продовольствия не хватало даже в Пекине. Множились акты саботажа, приписывавшиеся агентам Гоминьдана. Запас доброй воли, накопленный новой властью в ходе борьбы с коррупцией, стабилизации национальной валюты и оживления основных социальных функций государства, подходил к концу.

Но в конце сентября жребий все же был брошен.

Аналитики Мао подсчитали, что в течение первого года войны страна потеряет шестьдесят тысяч убитыми и сто сорок тысяч ранеными. В распоряжении американцев имелась самая современная военная техника, однако на стороне китайской армии был высокий патриотический дух, огромные резервы живой силы и лучшие навыки в ведении партизанской войны, которой неизбежно закончился бы надвигавшийся конфликт. НОА могла использовать традиционную тактику Мао «концентрации превосходящих сил против наиболее уязвимых точек врага». Эта тактика давала возможность наносить противнику все возрастающие потери в живой силе, и продолжение войны неизбежно вызвало бы в Америке бурный протест общественного мнения. Аналитики считали, что китайская армия должна вступить в боевые действия сразу после того, как американцы пересекут 38-ю параллель и углубятся на территорию Северной Кореи — в таком случае Пекину не пришлось бы тратить много сил для политического обоснования своего шага.

30 сентября части южнокорейских войск ступили в Северную Корею. Через сутки, когда китайское руководство праздновало первую годовщину Народной Республики, Ким Ир Сен направил в Пекин гонца с вестью, что находится на грани полного поражения. «Если наступление с юга продолжится, — писал он, — у нас не хватит сил остановить врага».

На следующий день Мао обратился к расширенному заседанию Секретариата ЦК*:

«Проблема, которая сейчас стоит перед нами, заключается не в том, стоит ли посылать в Корею наши войска, но в том, как быстро мы сможем это сделать. Разница в один день имеет принципиаль-

* В 1950 году Секретариат ЦК выполнял функции и Постоянного Комитета Политбюро. Помимо Мао в него входили Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и Чжу Дэ. Пятый член Секретариата Жэнь Биши умер осенью того же года от инфаркта. Его заменил Чэнь Юнь. — *Примеч. авт.*

ное значение... Сегодня нам нужно решить два вопроса: когда части НОА войдут в Корею и кто будет ими командовать».

Однако если для Мао неизбежность ввода войск не оставляла ни малейших сомнений, у других членов высшего китайского руководства были свои взгляды. На заседании Политбюро от 4 октября большинство присутствовавших высказались против его планов, приводя те же политические и экономические доводы, что Мао сам рассматривал в августе.

Самым большим скептиком оказался Линь Бяо. Если Ким Ир Сену не устоять, заявил он, то будет куда разумнее провести линию обороны по реке Ялу. Пусть корейцы ведут партизанские действия с территории Маньчжурии.

Мао его предложение не понравилось. В этом случае, говорил он, Китай упустит инициативу: «Мы будем сидеть на берегу Ялу годами, не имея ни малейшего представления о том, когда враг нанесет удар». В глазах Мао Линь Бяо был первым кандидатом на должность командующего экспедиционным корпусом, но под предлогом нездоровья Линь отказался. Взамен Мао назвал Пэн Дэхуая. С опозданием прибыв самолетом из Сиани, Пэн поддерживал точку зрения Мао: никакими уступками Америку уже не остановить. На следующий день Политбюро приняло решение о начале военной акции.

Двумя днями позже американские войска — Первая кавалерийская дивизия — пересекли 38-ю параллель. США смогли убедить ООН в том, что цель их операции — объединение Кореи. 8 октября Мао отдал приказ о высылке в Северную Корею экспедиционного корпуса, названного добровольческой армией. Такое определение должно было подчеркнуть высокоморальный характер миссии, продиктованной необходимостью крепить международную коммунистическую солидарность. «Неофициальность» предпринятого шага лишала США оснований для нанесения ответного удара по Пекину. Предполагалось, что реку Ялу корпус пересечет 15 октября.

Однако за три дня до начала экспедиции Мао внезапно остановил продвижение войск и вызвал Пэн Дэхуая в Пекин для «повторного рассмотрения вопроса».

Причиной тому была Москва. Вновь встал вопрос об обещанной Советским Союзом военной поддержке. 1 октября находившийся на отдыхе в Сочи Сталин направил Мао телеграмму: «По-моему, наши корейские друзья оказались в отчаянной ситуации... Думаю, что вам немедленно следует направить к 38-й параллели пять или шесть дивизий». Для Мао проблема за-

ключалась не в просьбе Сталина, а в том, что он ни словом не обмолвился о своих обязательствах, данных сразу после событий в Инчоне.

Мао решился на блеф. Он ответил Сталину, что большинство членов Политбюро ЦК КПК выступают против высылки войск, а для детального объяснения ситуации в Москву срочно вылетает Чжоу Эньлай.

Встреча Чжоу со Сталиным произошла в Сочи 10 октября. В соответствии с полученными от Мао инструкциями Чжоу фактически представил ультиматум. Китай, говорил он Сталину, с пониманием отнесется к желанию СССР, если Россия сдержит слово и обеспечит поставки оружия и окажет поддержку с воздуха. В противном случае Пекин будет вынужден отказаться от операции.

К изумлению и ужасу Чжоу Эньлая, Сталин лишь согласно кивнул.

Поскольку, заявил он, для Китая такая помощь оказывается непосильной, пусть корейцы решают свои проблемы сами. Ким Ир Сен может вести партизанскую войну.

У Чжоу, должно быть, дрожали руки. В течение десятичасовых переговоров, закончившихся в пять утра банкетом с огромным количеством спиртного, ему удалось получить всего лишь новые обещания. В подписанной им и Сталиным телеграмме Мао говорилось о том, что Москва предоставит оружие и направит свои самолеты для защиты китайских городов. О воздушной поддержке Кореи в телеграмме и не упоминалось. На словах Сталин объяснил Чжоу: российским летчикам необходимо время, чтобы как следует подготовиться к сложному заданию. Но на деле суть заключалась в другом: даже с помощью Китая, решил Сталин, Северная Корея все равно может потерпеть поражение. Участие в конфликте советской авиации приведет в таком случае к обострению отношений с США.

Отказ Сталина выполнить принятые на себя обязательства стал в глазах Мао новым актом предательства.

В 1936 году в Сиани, как и в 1945-м в Маньчжурии, речь шла о борьбе КПК за власть. Но теперь Китай стал уже суверенным государством, и с Россией его связывали союзнические отношения. Мао сделал вывод: доверять такому партнеру, как Советский Союз, Китай уже никогда не сможет.

И все же в конечном итоге Пекин сдался. Блеф Мао закончился ничем. Китай слишком глубоко увяз в корейской проблеме для того, чтобы решиться на сколь-нибудь серьезные изменения выработанного курса. В пятницу 13 октября Мао из-

вестил Чжоу Эньлая, что войска двинутся к 38-й параллели в любом случае. Это произвело впечатление даже на Сталина. «Значит, на китайских товарищей все же можно положиться», — якобы сказал он.

Однако этим проблемы Мао не исчерпывались. Его военачальников весьма тревожила перспектива американских бомбардировок при полном отсутствии поддержки с воздуха. 17 октября армейское руководство направило Пэн Дэхуаю предложение отложить начало операции до весны будущего года. Но поскольку войска Южной Кореи уже подошли вплотную к Пхеньяну, выбора у китайской армии не оставалось. На следующий день, выслушав доклад Пэн Дэхуая, Мао сказал: «Несмотря ни на какие трудности, мы своего решения не изменим. Отсрочек не будет». По его настоянию совещание военных согласилось, что выход экспедиционного корпуса состоится под покровом темноты 19 октября. Через тридцать часов начальник Генерального штаба НОА Не Жунчжэнь сообщил: войска переправляются через реку Ялу.

Впервые за много недель Мао заснул успокоенным.

Разразившаяся война оказалась на редкость примитивной.

После царившей в конце октября и начале ноября неразберихи оборонительных действий Пэн Дэхуай отдал приказ об отступлении. Макартур рвался к реке Ялу: «Мои парни должны встретить Рождество дома!» Но очень скоро американцы обнаружили, что Мао вновь прибег к излюбленной тактике «глубокого заманивания». На рассвете 25 ноября добровольческая армия перешла в контрнаступление. Через десять дней, потеряв около тридцати шести тысяч убитыми и ранеными (потери США составили двадцать четыре тысячи), объединенная группировка оставила Пхеньян.

Победа далась Пэн Дэхуаю дорогой ценой. Добровольческая армия тоже несла высокие потери, ее бойцы и командиры страдали от недостатка продовольствия и теплой одежды. И все же после семинедельной войны практически вся Северная Корея была освобождена.

На предложение Пэн Дэхуая остановить боевые действия до начала весны Мао ответил приказом продолжать движение вперед. Советский Союз все же начал ограниченную воздушную поддержку, Сталин дал обещание увеличить поставки оружия. Крайне неохотно Пэн согласился с требованием Мао и в канун Нового года объявил новое наступление. По его расчетам американцы в это время будут больше заняты празднованиями, а не вой-

ной. Через пять дней северокорейские и китайские войска заняли столицу Южной Кореи, Сеул, оттеснив противника на сто пятьдесят километров к югу. И вновь Пэн Дэхуай остановил своих людей. Вне себя от негодования, Ким Ир Сен направил жалобу Сталину, однако тот неожиданно поддержал решение Пэна.

Месяцем позже американцы нанесли ответный удар. Пэн настаивал на отходе, следуя традиционной тактике Мао жертвовать территорией ради выигрыша во времени, что сослужило хорошую службу в борьбе коммунистов против Чан Кайши и японских оккупантов. Однако сам Мао был категорически против. Ему во что бы то ни стало необходимо было удержать Сеул и 38-ю параллель, ставшие ярким символом быстро обретшего мощь нового Китая.

В многочисленных телеграммах Пэн пытался объяснить, почему продолжение сопротивления не имеет смысла: «У нас не хватает одежды, продовольствия и боеприпасов. Солдаты не могут идти по снегу босиком». В тридцатиградусные морозы замерзали насмерть тысячи бойцов.

Впервые за долгую политическую карьеру Мао позволил политическим соображениям взять верх над его военным чутьем.

В конечном итоге Пэн Дэхуаю пришлось оставить не только Сеул, но и всю восточную часть Корейского перешейка вместе с обширными территориями севера страны. Менее чем за четыре месяца добровольческая армия потеряла сто сорок тысяч человек. Вдоль 38-й параллели американцы выстроили линию мощных укреплений. В июле 1951 года начались переговоры о мире, однако обе стороны никак не могли согласиться с мыслью, что сделали все возможное. Споры длились еще два года, прежде чем (уже после смерти И.В. Сталина и прихода в Белый дом Дуайта Эйзенхауэра) США и Китай, невзирая на протесты Севера и Юга Кореи, договорились о прекращении огня.

Пэн Дэхуай и другие военачальники НОА, на себе испытавшие преимущества новых военных технологий, ушли из Кореи абсолютно убежденными в том, что способы ведения войны кардинально изменились. Следующие пять лет Пэн провел на посту министра обороны и приложил все усилия к тому, чтобы превратить НОА в современную профессиональную армию.

Мао же сделал из войны в Корее совершенно иные выводы. То, что плохо вооруженные китайские «добровольцы» смогли остановить великолепно подготовленную американскую армию, лишь подтверждало: исход войны определяется не оружием, а силой духа.

«Мы добились замечательной победы, — воскликнул он осенью. — Что ж, мы померялись силой с американской

воещиной. Если вам не приходилось иметь с нею дело, то она в состоянии привести в страх... Но теперь мы знаем, что империализм США не так и страшен. Сейчас китайский народ организован, и его уже не возьмешь на испуг. Тот, кто его рассердит, в полной мере испытает на себе силу его гнева».

Стремление Мао к быстрым результатам было лишь частью более широкого стратегического замысла. Теперь, когда Китай «поднялся во весь рост», Мао требовалось вернуть стране былое величие. Корея, как и Вьетнам на протяжении веков были вассальными придатками могущественной империи. Вступив осенью 1950 года в войну, Китай преследовал цель не только не допустить установления у себя под боком враждебного, проамериканского правительства. Вопросы национальной безопасности требовали возвращения стране статуса сюзерена. По этой же причине Мао направлял военных советников и к Хо Ши Мину — Вьетнам тоже должен был вернуться в лоно великой империи.

По окончании войны в Корее США перестали быть для Мао единственным «бумажным тигром». Громадные перемены произошли и в его отношении к Советскому Союзу. Предотвратив падение Северной Кореи, Китай фактически спасал Москву. Кремлевские наследники Сталина смотрели теперь на восточного соседа с бо́льшим уважением и некоторой опаской. Если немощный Пекин мог действовать с подобной решительностью, то чего России ждать от него в будущем, когда он окрепнет? Для Мао уже не существовало авторитета Советского Союза. СССР не только проявил свое коварство, втянув Китай в конфликт, от которого сам предпочел держаться в стороне.

Однако внешне ничего не изменилось. Для восстановления экономики Китай отчаянно нуждался в помощи Москвы. В обстановке холодной войны ему просто не к кому было больше обратиться. Но семя пренебрежения Мао уже бросил в почву.

В войне Китай потерял двести пятьдесят тысяч ранеными и сто сорок восемь тысяч убитыми, среди которых был и старший сын Мао — Аньин.

Вернувшись пятью годами ранее из Москвы, Аньин работал с крестьянством, а затем на пекинской фабрике, где стал вторым секретарем партийной организации. Осенью 1950 года, с согласия отца, он отправился в Корею. Пэн Дэхуай отказался выполнить просьбу Аньина о зачислении в пехотный полк — это было слишком опасным — и оставил его при себе в качестве знающего рус-

ский язык офицера связи. 24 ноября 1950 года, менее чем через пять недель после начала операции, расположенный на заброшенном золотом прииске штаб Пэн Дэхуая подвергся американской бомбардировке. Сам Пэн и большая часть его подчиненных успели укрыться в тоннеле, Аньин же вместе еще с одним офицером остался в деревянной хибаре, куда прямым попаданием угодила зажигательная бомба.

Вечером Пэн Дэхуай направил Мао телеграмму о гибели сына, в которой предложил захоронить погибшего на поле боя, как и других павших в Корее солдат. Получив это известие, секретарь Мао Е Цзылун тут же связался по телефону с Чжоу Эньлаем, а тот после краткого совещания с коллегами дал согласие на похороны. Мао решили пока ничего не сообщать.

Вот почему, когда тремя месяцами позже Пэн при встрече в Пекине покаялся, что не смог уберечь его сына, Мао будет поражен жестокой новостью. Сына больше нет. «Он сгорбился, — вспоминал позже Пэн, — руки тряслись так, что не могли зажечь спичку. Несколько минут мы просидели молча. Затем Мао поднял голову. «Ведя революционную войну, — проговорил он, — всегда платишь какую-то цену. Аньин стал одним из многих тысяч... Не стоит относиться к нему как-то иначе лишь потому, что он был моим сыном».

Революция действительно требовала жертв: в 1930 году вместе с Ян Кайхуэй погибла приемная сестра Мао Цзэцзянь, младший брат Цзэтань был убит в стычке с националистами в 1935 году, второй брат, Цзэминь, пал от руки синьцзянского милитариста Шэн Шицая в 1942-м. Другой сын, Аньцин, страдал умственной неполноценностью. Дочери Ли На и Ли Минь находились под сильнейшим влиянием Цзян Цин, и это беспокоило Мао все больше.

Взаимоотношения Мао с Аньином никогда не были простыми и безоблачными. Требовательный отец настаивал на том, чтобы дети его являлись примером для окружающих и ничем не выделялись из своих сверстников. Телохранитель Ли Иньцяо вспоминал сказанные им Аньину слова: «Тебе не повезло, ты — сын Мао Цзэдуна!» По возвращении Аньина в Китай отец стал ближе, роднее. С его потерей оборвалась еще одна будившая в Мао нормальные человеческие чувства струна.

Потоки крови, пролитой во время становления Народной Республики, не иссякли и с окончанием войны в Корее. Последовавшие за нею политические и экономические кампании вносили в скорбный список все новые и новые имена.

Весной 1950 года Мао призвал партию отдать все силы утверждению коммунистических норм жизни на обширных территориях Центрального и Южного Китая, где проживало более трехсот миллионов человек. Первым шагом в этом деле должно было стать «установление социального порядка», то есть «полное уничтожение бандитов, шпионов, местных тиранов и деспотов» наравне с секретными агентами националистов, «распространявших антикоммунистические слухи, занимавшихся экономическим саботажем и убийствами партийных работников». Определенные основания для таких обвинений у Мао имелись. В течение 1950 года в сельских районах страны были убиты более трех тысяч чиновников, собиравших с крестьян продовольственный налог.

Первоначально наведение порядка планировалось постепенным и осторожным, наказанию должны были подвергнуться лишь отъявленные злодеи и признанные главари, к обманутым массам, недовольным новым режимом, партия могла проявить милосердие.

Но война в Корее изменила все. По всему Китаю прошли многотысячные антиамериканские марши. В центре Пекина были установлены два гигантских чучела небритых, с позеленевшими от злобы лицами Трумэна и Макартура, тянувших обагренные кровью руки к Китаю. Многие жители страны слали на фронт небольшие посылки с трогательными посланиями: «Я сберегла этот кусок мыла для вас, чтобы вы могли выстирать забрызганную кровью врага форму и вновь пойти в бой». В фонд победы рабочие перечисляли часть заработка, крестьяне клялись увеличить производство зерна и мяса и отправляли армии излишки продовольствия.

Своя роль — негативная — была отведена и иностранцам. Много лет прожившему в Китае итальянцу предъявили обвинение в попытке покушения на жизнь Мао во время военного парада 1 октября. Суд признал несчастного вместе с его соседом по дому виновными в организации шпионажа в пользу США, после чего двух мужчин возили по Пекину в открытом джипе, а затем расстреляли в парке у Храма Неба. Двое других, итальянский священник и француз, владелец книжного магазина, оказались за тюремной решеткой как соучастники. То, что никакого заговора не существовало и все дело было чистейшей воды фикцией, не имело значения. Партийная «Жэньминь жибао» («Ежедневная народная газета») из номера в номер публиковала судебные отчеты, что помогало обосновать дальнейшее ужесточение порядков.

Масла в огонь подлили и последовавшие затем утверждения, будто во время войны США использовали в Корее

бактериологическое оружие, а пленных китайских солдат отправляли на ядерный полигон в Неваду, чтобы испытать на них поражающий эффект атомной бомбы. В самых удаленных уголках Китая население негодовало и возмущалось бесчеловечной жестокостью американцев. Те же, кто не пылал ненавистью, немедленно заносились в списки неблагонадежных.

Кампания по подавлению контрреволюционной деятельности подняла температуру и без того накаленной атмосферы до предела. Всего за полгода были расстреляны либо доведены до самоубийства около семисот десяти тысяч человек, обвиненных в связях с Гоминьданом.

По меньшей мере полтора миллиона сгинули в специально построенных лагерях, где проводилось так называемое «перевоспитание трудом».

Событиями дирижировал сам Мао, непрерывно рассылавший директивы с точными указаниями того, что нужно делать. Так, в январе 1951 года, когда в активности масс наметился определенный спад, он настоял на том, чтобы смертные приговоры приводились в исполнение без всякого промедления: «Если проявить слабость, нерешительность и излишнюю мягкость по отношению к нашим заклятым врагам, то это обернется катастрофой». Однако через два месяца он решил нажать на тормоза: «Торопливость несет в себе наивысшую опасность. Какая разница, казнить контрреволюционера сегодня или завтра. Но... необоснованный арест или приговор дадут обратный эффект». В мае Мао предложил откладывать исполнение приговора, поскольку «многочисленные казни лишают нас источника дармовой рабочей силы». Прошел еще месяц, и кампания разгорелась с новой силой. «С целью сохранения общественного спокойствия, — заявил он, — приговоры должны приводиться в исполнение немедленно».

Резкий сдвиг влево произошел и в проведении земельной реформы.

Последняя установка Мао требовала «избегать преждевременного разрешения назревавших конфликтов». Едва ли не в каждой китайской деревне находились один-два помещика, которых разъяренная толпа с пристрастием судила на массовых митингах, а потом тут же убивала — вместо того чтобы публично казнить позже. К концу 1952 года, когда реформа была завершена, в стране таким образом расправились с миллионом землевладельцев и членами их семей, но и данная цифра представляется далекой от реальности. Фактическое число жертв, видимо, в два или три

раза выше. За три года, прошедших с момента образования КНР, класс землевладельцев, составлявший бо́льшую часть китайского общества со времен династии Хань, просто перестал существовать.

В отличие от практики, бытовавшей в Советском Союзе, Мао настаивал на том, что ведущая роль в подобных кампаниях принадлежит не органам безопасности, а народу. Довод у него был тот же, что в 1927 году в Хунани или в 1930-м в Цзянси: крестьяне, обагрившие руки кровью своих притеснителей, окажутся куда более преданными делу революции, нежели сторонние наблюдатели.

Еще более грандиозная задача стояла перед партией в городах. По словам Мао, там было необходимо «вычистить остатки той нечисти, что сохранилась от прогнившего старого режима».

С этой целью осенью 1951 года он провозгласил начало новых движений: «трех против» (против коррупции, бюрократии и против чрезмерных затрат материальных средств), целью которого было «предотвратить разложение... кадровых работников»; «пяти против» (против взяточничества, неуплаты налогов, мошенничества, растрат и утечки государственных секретов), направленное на борьбу с классом капиталистов, чьи «засахаренные стрелы» несли наибольшую опасность обществу. Третьей кампанией стало очередное «движение по исправлению стиля», скопированное, по сути, с яньаньского «чжэнфэна» и призванное изменить образ мыслей городской интеллигенции, в первую очередь тех, кто обучался на Западе. В новом обществе должно царить единомыслие, в котором нет места различным буржуазным идеям.

И вновь главными действующими лицами становились не государственные или партийные органы, а те самые мужчины и женщины, против кого новые чистки направлены — не считая, конечно, «широких народных масс, обеспечивающих повсеместное проведение политики партии в жизнь. В «трех» и «пяти против» рабочие обличали своих директоров, кадровые партийные работники — друг друга, детей поощряли доносить на родителей, жены не щадили своих мужей. Активисты движений создавали «ударные группы охоты на тигров», которые тащили фактических и предполагаемых виновных на суд масс.

В стране установилась удушливая атмосфера террора. Мао объявил, что уличенные в незначительных ошибках и прегрешениях подлежат критике и перевоспитанию в трудовых лагерях, в то время как «для злейших врагов расплатой за содеянное будет смерть». Многие не выдерживали психологического давления. «Три» и «пять против» унесли несколько сот тысяч жизней, а с

занимавшихся «незаконной» деятельностью частных компаний было взыскано штрафов примерно на два миллиарда долларов США — сумму по тем временам немыслимую. Выжившие получили наглядный урок заботы партии о народе.

Буржуазия, объяснял летом 1952 года Мао, уже не может считаться союзником пролетариата, она стала объектом непримиримой борьбы рабочего класса.

Подход к интеллигенции был иным. Ей предстояло очиститься от буржуазной идеологии, в особенности от вредного поветрия индивидуализма, от проамериканизма, объективизма и забыть о «пренебрежении к человеку труда». На общих собраниях критики и самокритики эти слова повторялись снова и снова. Любое проявление свободомыслия расценивалось как «несогласие с идеями Мао Цзэдуна» и жестоко каралось.

Мао удалось поставить города под полный контроль партии — вне зависимости от войны в Корее. Произойди эти события в мирное время, список их жертв вряд ли стал бы короче. Сломить скрытое сопротивление помещиков, капиталистов и высокопоставленного чиновничества все равно было необходимо. Вовсе не война явилась причиной введения жесткой прописки, обязательной регистрации в полиции и усиления системы общественной безопасности, занятой составлением подробнейшего досье на каждого, но вооруженный конфликт в Корее значительно облегчил стоявшую перед партией задачу.

Участие в нем НОА вернуло народу забытое ощущение национальной гордости, новую власть были вынуждены теперь уважать даже те, кто раньше не испытывал никакой симпатии к коммунистам. Героические жертвы, понесенные на поле боя, помогали Мао объяснить крайние меры, к которым он прибегал во внутренней политике.

Внешняя угроза со стороны Америки способствовала постепенной трансформации общества, она давала Мао возможность более быстрыми темпами двигаться вперед. К осени 1953-го, через четыре года после образования КНР, ценой по крайней мере двух миллионов жизней созданный Мао режим стал куда более прочным, чем казалось из Шицзячжуана. Там, перед выездом в покоренный Пекин, по собственному признанию Мао, он вместе с Чжоу Эньлаем ощущал себя «студентом, отправлявшимся в столицу держать императорский экзамен».

Первый зачет был уверенно сдан. Выраженная в человеческих жизнях цена успеха значила не так уж много.

ГЛАВА 13

УЧЕНИК КУДЕСНИКА

Мао никогда не был силен в экономике.

Обзоры, которые он составлял в Цзянси в начале 30-х, говорили главным образом о классовой борьбе в деревне, но не о динамике сельскохозяйственного производства. Даже ставя перед собой цель показать рыночную жизнь небольшого торгового городка, Мао не шел дальше утомительного перечисления местных товаров, пусть детально составленного, но демонстрировавшего полное непонимание экономических причин взлетов и падений крестьянского хозяйства.

Десятилетием позже, в Яньани, предложенная им платформа «новой демократии», кое-как отвечавшая политическим нуждам единого фронта и войны против японских захватчиков, предусматривала создание смешанной экономики с преобладанием капиталистических элементов. Два нововведения, которые коммунисты предприняли в сфере производства в начале 40-х годов — организация кооперативов и движение за самообеспечение в Красной армии, — тоже были продиктованы политическими соображениями. Первое означало шаг в сторону от индивидуальных крестьянских хозяйств к коллективному труду, второе ставило целью облегчить бремя, которое армия взвалила на плечи гражданского населения. Эти начинания не оказались забытыми и в Народной Республике. Когда НОА зимой 1951 года заняла Тибет, главной заботой Мао была способность армии обеспечивать своих солдат достаточным количеством продовольствия. В противном случае, предупреждал он, подчинить Тибет не удастся: местное население рано или поздно поднимет бунт.

Значение, которое Мао придавал «опоре на собственные силы», явилось продуктом его оставшегося, по сути, крестьянским мировоззрения, подтвержденного опытом выживания в «красных зонах», находившихся под постоянной угрозой полной блокады. Его символом веры была экономическая автаркия — как на провинциальном, так и на национальном уровне. Вся предыдущая история учила Китай тому, что зарубежные страны могут выступать только в роли эксплуататоров, а посему имеет смысл держаться подальше от них. На протяжении всего периода его правления внешняя торговля сводилась к минимуму. Займы Китай брал лишь у

Советского Союза, да и то в строго ограниченных количествах. Когда в 1949 году Москва предложила Пекину кредит в триста миллионов долларов сроком на пять лет, мировое общественное мнение приписало скромность этой суммы скаредному характеру Сталина. Мао же с облегчением вздохнул: долг страны будет в конечном счете не столь большим.

Незадолго до победы он публично высказался по поводу ожидающих Китай в недалеком будущем экономических проблем. «Нам придется научиться многому тому, чего мы никогда не знали, — предупредил он. — Учиться экономике мы будем у каждого, вне зависимости от того, кто это такой... Признаемся в собственном невежестве и не станем делать вид, будто разбираемся в том, о чем не имеем и представления».

Так Китай и поступил через три года, когда перед руководством страны встала задача выработки детальной стратегии экономического развития. Мао обратился за помощью к Советскому Союзу, на опыте которого позже составит пятилетний план развития народного хозяйства. Претворение плана в жизнь начнется со строительства советскими специалистами более сотни крупнейших промышленных объектов.

Значительно позже Мао пожаловался, что в то время победил «догматический» подход. «Будучи несведущими в подобных делах и не имея никакого опыта, — брюзжал он, — мы могли только слепо заимствовать чужие методы... Не важно, правы были советские товарищи или ошибались, мы внимательно их слушались и с почтением подчинялись». Однако в 1953 году советы из России представляли для Мао все, к чему он стремился. Весной он лично потребовал от партийных работников повсеместно начать кампанию «учебы у Советского Союза».

Только в двух важнейших аспектах Китай позволил себе отойти от советского опыта. Вместо сталинской программы насильственной коллективизации Мао выдвинул неторопливый, постепенный подход к политике сельского хозяйства. Жителям деревни предлагалось создавать «бригады взаимной помощи», в рамках которых несколько семей осуществляли совместное владение домашним скотом и орудиями труда. Затем шли «кооперативы сельскохозяйственных производителей». Их члены получали вознаграждение, пропорциональное количеству затраченного труда и площади переданной в общее пользование земли. Высшей ступенью обобществления были «сельскохозяйственные кооперативы», где все земельные угодья и орудия труда переходили в коллектив-

ную собственность деревень. Члены кооператива получали плату только за свой труд. «Генеральная линия перехода к социализму» в промышленности и торговле, провозглашенная Мао летом 1953 года, несла на себе явственный отпечаток платформы «новой демократии». На построение социализма, говорил Мао, уйдет «пятнадцать или немного более лет» в городах и восемнадцать лет в деревне. Частным же предпринимателям, чей пыл в значительной мере был охлажден движением «пяти против», предстояло заключить партнерские отношения с государством, что давало им право получать в будущем четвертую часть всей прибыли.

Предложенные Мао принципы реорганизации звучали вполне разумно. Даже слишком разумно для страны, раздираемой классовой ненавистью и ведомой вперед группой радикально настроенных революционеров. Практика подтвердила их избыточную разумность.

Уже в 1951 году в руководстве разгорелись споры относительно темпов строительства новой экономики. Министр финансов Бо Ибо выступил резко против ускорения хода коллективизации. Его поддержал Лю Шаоци. Годом позже Гао Ган, возглавивший партийную организацию Маньчжурии, с одобрения Мао предложил диаметрально противоположный подход: скорейшее завершение коллективизации, говорил он, является настоятельной необходимостью, поскольку «стихийное сползание крестьянства в капитализм» приведет к тому, что Китай через два-три года окажется от социализма дальше, чем в самом начале пути. Очередное столкновение взглядов этих двух фигур произошло на почве налоговой политики. Бо Ибо считал, что она должна быть одинаковой в отношении государственных и частных предприятий, Гао Ган называл это «стремлением к классовому миру». Мао вновь поддерживал его точку зрения. Бо Ибо, уверяет он партию, оказался хорошей мишенью для «засахаренных стрел» и пошел на поводу у «буржуазной идеологии». Если партия хочет добиться победы своей линии, то такие «правоуклонистские тенденции» должны получить достойный отпор, а «вопрос выбора между капитализмом и социализмом требует окончательного прояснения».

Таким образом исподволь готовилось поле для новой битвы. Разногласия, вскрывшиеся в ходе споров в начале 50-х, — стабильный экономический рост или стихийный капитализм, идеология или объективная реальность, общественная или частная собственность — проявлялись еще долгие годы в кампании по борьбе с правым уклоном, в реализации политики «большого скач-

ка» и в невиданной по масштабам «великой культурной революции». Задолго до победы брошенные в почву семена раздора дали всходы уже в самом начале правления Мао.

Дискуссия между Бо Ибо и Гао Ганом послужила толчком, который вызвал новую волну политической борьбы внутри китайского руководства, стихшей было после того, как в конце 30-х годов Мао наголову разбил Чжан Готао и Ван Мина.

В партийной иерархии все выше поднималась звезда Гао Гана. Будучи на шесть или семь лет моложе Лю Шаоци и Чжоу Эньлая, Гао представлял собой тип энергичного, способного и прямодушного руководителя, но важнее всего было то, что его весьма ценил Мао. К тому же Гао Ган обладал огромным честолюбием. В Маньчжурии он и шагу не делал без российских советников, при этом подчеркивая проамериканскую позицию Лю и Чжоу. За нападками на Бо Ибо крылось стремление подорвать авторитет Лю Шаоци. Поздней осенью 1952 года, когда Мао вызвал Гао Гана в Пекин, где тот возглавил Государственную плановую комиссию, плохо скрываемая неприязнь между двумя партийными руководителями все чаще выплескивалась наружу. К весне Гао начал активный поиск путей вытеснения Лю Шаоци из высшего эшелона власти.

В этом Мао оказал ему моральную поддержку, хотя и трудно сказать, насколько она была осознанной. Своей медлительностью и осторожностью Лю Шаоци и Чжоу Эньлай раздражали Мао, и зимой 1952-го в частных беседах с Гао Ганом он неоднократно сетовал на их сопротивление политике ускорения реформ. Из его слов Гао понял: в своей критике старших товарищей он может ничего не опасаться.

Уверенность в собственных силах придавали ему и другие факторы. Мао начинал ощущать, что бремя государственных обязанностей становится для него непомерным. В 1952 году он поговаривал о желании «отойти на второй план» и передать бразды каждодневного управления партией и правительством более молодым товарищам — самому ему требуется время для работы над стратегическими вопросами дальнейшей политики. Однако эти слова вовсе не означали готовности делиться полномочиями власти. Напротив, как раз в это время Мао сосредоточивал в своих руках весь контроль за принятием важнейших решений. В мае 1953 года он пришел в ярость, узнав, что возглавлявший Общий отдел ЦК КПК Ян Шанкунь без всякого одобрения лидера партии издавал собственные указания и директивы. «Это грубейшая ошибка и серьезное нарушение дисциплины! — метал громы и молнии

Мао. — Документы ЦК могут рассылаться по местам только после того, как с ними ознакомлюсь я. В противном случае они остаются пустыми бумажками». Такая реакция показала, какие глубокие перемены произошли в самооценке Мао. В 1943 году коллеги дали ему право в исключительных обстоятельствах единолично принимать решения от имени Секретариата ЦК. Спустя десять лет без личного одобрения Мао им уже не позволялось делать абсолютно ничего.

Разговоры о «втором плане» послужили для Гао Гана сигналом к действиям. Упустить время означало дать Лю Шаоци возможность закрепиться в роли официального преемника лидера. Устремления Гао подогревались и новостями из Москвы: если относительно молодой Георгий Маленков смог, оттеснив Молотова и Кагановича, стать на место Сталина, то почему для него, Гао Гана, невозможно то же в Китае?

Результатом его размышлений стал настоящий дворцовый заговор.

Первым на свою сторону Гао Ган привлек руководителя партийной организации Восточного Китая Жао Шуши, раскрыв перед ним перспективу занять кресло премьера. Затем, по исключительно удачному стечению обстоятельств, в руки Гао попал список предполагаемого состава нового Политбюро, подготовленный для очередного съезда партии одним из подчиненных Лю Шаоци. Перечисленные в нем кандидатуры указывали, что большинство членов окажутся теми, кто, как и сам Лю, провел почти всю гражданскую войну на территории, контролировавшейся Гоминьданом, — за счет истинных борцов революции, утверждавших линию партии в «красных зонах». Документ стал для Гао чем-то вроде гранаты, размахивая которой и рассчитывая на поддержку Мао, он начал сколачивать группу единомышленников среди возмущенных готовящейся несправедливостью бывших соратников.

В расставленные сети попали Пэн Дэхуай и Линь Бяо. Но Дэн Сяопин, имевший с Гао Ганом продолжительную беседу о распределении высших партийных постов, почуял что-то неладное и поставил в известность Мао. О том же известил Председателя и Чэнь Юнь, который набрался достаточно опыта в Москве, наблюдая за ходом сталинских чисток. Обоим Мао приказал сохранить информацию в тайне.

Он решил устроить собственную засаду. На Декабрьском заседании Политбюро он заявил о желании уйти на несколько недель в отпуск, а исполнение своих обязанностей передал,

как обычно, Лю Шаоци. И Гао Ган заглотил наживку. Почему бы, спрашивал он, в отсутствие Председателя не чередовать исполнение его обязанностей между всеми членами Политбюро? На это Мао ответил, что не прочь подумать над предложением. На протяжении нескольких недель Гао убеждал своих коллег в необходимости перемен, в частности, предлагал свою кандидатуру на новый пост заместителя Председателя партии — Генерального секретаря.

К очередной встрече членов Политбюро, состоявшейся 24 декабря, Мао пришел к выводу, что слышал уже достаточно, и обрушился на Гао Гана с обвинениями в «беспринципном разжигании фракционной борьбы», «подпольщине» и безудержной жажде власти.

Заговор распался как карточный домик.

В течение последующих месяцев получили свое и победители, и побежденные.

Уверенный в том, что Мао попросту предал его, Гао Ган в феврале 1954 года предпринял попытку самоубийства. В августе последовала новая попытка, при помощи яда. Отрава оказалась действенной. Арестованный Жао Шуши двадцатью годами позже умер в тюремной камере от воспаления легких.

Поклявшись, что они думали, будто Гао Ган действовал с одобрения Мао, Пэн Дэхуай и Линь Бяо отделались лишь упреками, но их отношения с Лю Шаоци еще долгое время оставались весьма натянутыми. Дэн Сяопин стал Генеральным секретарем ЦК КПК, а чуть позже вошел и в состав Политбюро. Не забыл Мао и о Чэнь Юне: двумя годами позже 8-й съезд КПК сделал его вице-председателем партии.

К весне 1954 года КПК уже излечилась от «антипартийного поветрия Гао Гана и Жао Шуши», как назвал события Мао. Особых официальных последствий попытка их демарша не имела. Однако если Мао, по сути, сознательно, дал Гао Гану понять, что Лю и Чжоу не являются для партии незаменимыми, у него имелись на то свои причины. Оба были в высшей степени компетентны и преданны Мао не меньше, чем делу коммунизма. Оба по его приказу сделали бы абсолютно все. Анализируя прошлое, представляется несомненным то, что Мао никогда не вынашивал намерений избавиться от них. Другое дело — дать обоим почувствовать зыбкость почвы под ногами. Непомерное честолюбие Гао Гана позволило Мао поколебать баланс сил, заставить подчиненных более чутко прислушиваться к своим словам и идеям. Гао Ган был

не настолько наивен, чтобы совсем уж превратно истолковать намерения Мао: он просто зашел слишком далеко*.

Но чистка отбросила длинную тень. То, что Пэн Дэхуай, Линь Бяо и поначалу Дэн Сяопин могли поверить в козни Мао против Лю Шаоци и Чжоу Эньлая, является убедительной характеристикой уровня доверия, которое формировалось имперским стилем лидера руководства партии. Мессианская ипостась Мао означала, что предан он лишь одному: будущему Китая — такому, каким он себе его представлял. Соратники, с кем он плечом к плечу прошел через долгие тридцать лет борьбы, оставались для Мао орудиями осуществления собственных замыслов.

Спор, начатый Бо Ибо относительно темпов продвижения вперед, так и не закончился выработкой единого мнения по вопросу коллективизации. Инстинктивно Мао ощущал: необходимо спешить. Однако каждый раз, когда он призывал увеличить скорость, радетельные чиновники на местах сгоняли крестьян в нищие кооперативы, где социализм представлялся в виде обеда из «общего котла». Бедняки жили за счет преуспевающих до тех пор, пока у последних не оставалось ничего, и тогда кооператив ждал крах.

Весной 1953 года с благословения Мао развернулась кампания против «оголтелого прорыва». Но как только ситуация начала стабилизироваться, вновь появился призрак «стихийного капитализма»: крестьяне-середняки и те, кто был побогаче, стали использовать наемный труд, давать деньги в рост, заниматься куплей-продажей земли. В ответ на это партия объявила движение против «оголтелого отступления», и коллективизация опять резко рванула вперед, причем с куда более пагубными последствиями. Богатые крестьяне резали скот, чтобы не делиться им с бедняками. Наводнение 1954 года уничтожило в бассейне Янцзы большую часть урожая, но местные партийные руководители ревностно настояли на продолжении политики продразверстки. В деревнях начались го-

* В начале 80-х годов Ху Яобан, бывший тогда Генеральным секретарем ЦК КПК, предложил Дэн Сяопину пересмотреть дело Гао Гана и Жао Шуши. Дэн ответил категорическим отказом и запретил возвращаться к этому вопросу. Протоколы заседания Политбюро от 24 декабря 1953 года до сих пор хранятся под грифом «Секретно», а опубликованные в Китае материалы роли Мао в судьбе Гао Гана не проясняют. Трудно сказать, объяснялось ли нежелание Дэна решением партии считать годы, предшествовавшие 1957-му, периодом, когда Мао еще не совершал никаких серьезных ошибок, либо он не хотел проливать свет на детали собственного поведения. — *Примеч. авт.*

лодные бунты. На юге страны коммунистов осыпали проклятиями более жестокими, чем раздавались когда-то в адрес Гоминьдана.

В январе 1955 года Мао в третий раз нажал на тормоза. Процесс коллективизации, говорил он, явно опережает рост объективных возможностей крестьянства. Суть новой политики сводится к трем иероглифам: «Остановиться, собраться с силами, продолжить развитие». Число кооперативов возросло с четырех тысяч осенью 1952 года до шестисот семидесяти тысяч, в них входила седьмая часть всех крестьянских хозяйств. На последующие полтора года, заявил Мао, этого более чем достаточно. Чтобы стабилизировать положение, Лю Шаоци одобрил роспуск четверти существовавших кооперативов; значительно сократились обязательные задания по продразверстке.

Остановись Мао на этом, ситуация действительно могла бы исправиться. Но уже в апреле он решил отправиться в инспекционную поездку по югу страны — увидеть село своими глазами. Там, с подачи местных чиновников, довольных блестящей возможностью сказать главе страны то, что ему так хотелось услышать, Председатель пришел к выводу: партия явно переоценила сопротивление крестьян процессу коллективизации.

Единственным осмелившимся указать Мао на ошибочность подобного взгляда был Дэн Цзыхуэй — старый, с начала 20-х годов, и проверенный его товарищ, которому было поручено осуществлять общий контроль за перестройкой сельского хозяйства.

В глубине души Мао признавал его правоту. В порыве нечастой откровенности он обронил: «Крестьяне хотят свободы, но нам-то нужен социализм». Однако заманчивая картина необъятной нивы, разбуженной обобществленным трудом, была настолько притягательной, что Мао не мог позволить препятствиям, пусть даже материальным и объективным, выйти на первый план впечатляющего полотна. Проблема, угрюмо поделился своим мнением с подчиненными Дэн, заключалась в том, что Председатель «полагает материальные условия деятельности кооперативов второстепенными». Мао не прислушался к его доводам. «По твоей твердолобой голове хоть из пушки стреляй», — сказал он и на Июльской конференции секретарей провинциальных партийных организаций так и сделал:

«По всей стране ширится и набирает силу движение масс к социализму. Однако в наших рядах находятся товарищи, которые ковыляют, уподобляясь старухе с перебинтованными в детстве ногами. Слишком быстро, чересчур быстро идем, ноют они. Необоснованные жалобы, беспочвенные запугивания и сер-

дитые окрики — вот какими средствами пользуются они, ведя крестьянство к социализму.

Не такую политику называем мы правильной. Это политика ошибок.

На социалистический путь встало сельское население численностью более пятисот миллионов, данный факт имеет мировое значение. Наш долг — активно и с энтузиазмом возглавить великий поход масс к социализму. Мы не имеем права тащиться в хвосте».

После того как последние сомнения Мао исчезли, а его оппоненты смолкли, конечные плановые показатели были увеличены в несколько раз. Он лично предрек, что к концу 1957 года половина сельского населения страны будет состоять в кооперативах. Чиновники на местах были полны решимости достичь поставленной цели еще раньше. В июле 1955 года в кооперативы вошли семнадцать миллионов крестьянских хозяйств, через полгода — семьдесят пять миллионов, или шестьдесят три процента всего сельского населения. Своему личному секретарю Мао сказал, что не чувствовал себя таким счастливым со времени победы над Чан Кайши. Накануне шестьдесят второго дня рождения он с торжеством заявил:

«В первой половине 1955 года атмосфера в стране была довольно тяжелой, будущее Китая казалось затянутым мрачными тучами. Зато через шесть месяцев у нас произошли разительные перемены, общий климат стал совершенно иным... Стремительный процесс коллективизации сметает со своего пути все преграды. К концу следующего года победа социализма уже ни у кого не будет вызывать сомнений».

И действительно, в декабре 1956 года в стране насчитывалось лишь три процента крестьян-единоличников. Социалистическое преобразование деревни, которое планировалось завершить не ранее 1971 года, фактически состоялось на пятнадцать лет раньше.

В идеологическом плане это была грандиозная победа. Политически она являла собой забавную смесь социализма с капитализмом, а в области экономики грозила полным обвалом хозяйственной деятельности всей страны: Мао и многие другие вслед за ним убедились — при наличии воли к успеху материальные его предпосылки ничего не значат.

Коллективизация подорвала жизненные силы деревни на поколения вперед, гигантским катком пройдясь по сельскому хозяйству и задушив всякую инициативу, лишив интереса к труду наиболее энергичных и подтолкнув к дальнейшему безделью самых ленивых. На место прежней власти помещиков

она поставила всесущий контроль партии, члены которой пользовались правами и привилегиями, не опасаясь ни народных восстаний, ни опустошительных набегов бандитов — всего того, что на протяжении веков служило стихийным регулятором жизни китайской деревни.

Построив социализм в деревне, Мао вновь обратил внимание на города, где буржуазия «уже находится в изоляции и ждет своего последнего часа». Обещание сохранить смешанную экономику до середины 60-х оказалось напрочь забытым:

«В этом вопросе не ждите от нас пощады! В этом вопросе марксизм действительно жесток и лишен всякой жалости. Он ставит перед собой цель искоренить капитализм, феодализм и империализм... Отдельные товарищи еще проявляют непозволительную мягкость, им не хватает решимости. Другими словами, они не такие уж и марксисты. Покончить с буржуазией и капитализмом в Китае — это великое дело... Наша цель — уничтожить капитализм, стереть его с лица земли и загнать в безвозвратное прошлое».

Слова эти Мао произнесет на закрытом совещании руководящих работников партии в октябре 1955 года Во время встреч с китайскими предпринимателями он занял куда более гибкую позицию, которую один из шанхайских бизнесменов не без остроумия определил, как «учить кота лакомиться перцем».

Лю Шаоци всегда проповедовал твердость и несгибаемость духа. Первым о перце заговорил именно он. «Просите кого-нибудь крепко держать кота, пихаете ему в пасть перец и проталкиваете его в глотку палочками», — пояснял Лю в тесном кругу соратников. Мао пришел в ужас: применение силы недемократично, животное следует убедить есть по собственной воле. В этот момент подал голос Чжоу: «Я поморил бы кота голодом, затем завернул бы стручок перца в полоску мяса. Изголодавшаяся тварь проглотила бы предложенное целиком». И опять Мао отрицательно качает головой: «Обманывать — грех. Никогда не лгите! Нужно просто разрезать перец и натереть половинкой коту задницу. Почувствовав жжение, он начнет лизать ее — и будет счастлив, если ему не помешают это делать».

Следуя той же логике, вместо того чтобы осуществить национализацию своим декретом, Мао обратился за советом к представителям частного сектора. Предприниматели, достаточно обожженные кампанией «пяти против», наперебой уверяли Мао, что ждут не дождутся национализации, и чем быстрее она начнется, тем лучше.

Но и при этом стремительность, с которой шел ее процесс, поражала воображение.

6 декабря 1955 года Мао объявил, что все частные предприятия должны перейти в собственность государства до конца следующего года, то есть на двенадцать лет раньше первоначально планировавшегося срока. На практике же в Пекине частный капитал допустил государство к управлению своими предприятиями в первые двенадцать дней нового, 1956 года. В ознаменование новой победы Мао и другие высшие руководители партии и правительства организовали 15 января двухсоттысячный митинг на площади Тяньаньмэнь. Примеру столицы поспешила последовать и периферия. К концу января 1956 года под надежным контролем партии и государства оказалась почти вся промышленность городов.

Столь ошеломительный успех стал сигналом для очередного «скачка вперед».

Объявив «правоуклонистский консерватизм» главным препятствием на пути прогресса, Мао определил новые цели. По истечении нескольких десятилетий, говорил он, Китай должен превратиться в «ведущую державу мира» и обогнать США в промышленном, техническом, научном и культурном развитии. «Я вовсе не считаю достижения Америки чем-то немыслимым для Китая. Если США производят сто миллионов стали в год, то мы в состоянии выплавлять несколько сот миллионов».

В качестве первого шага Мао призвал выполнить пятилетний план досрочно. Сельскому хозяйству ставится задача удвоить за двенадцать лет производство зерна и хлопка. Выдвинутый в последние месяцы 1955 года лозунг «Больше, лучше, быстрее» изменен на «Больше, лучше, быстрее и экономнее». «Скачущий социализм», как назвал его один европейский исследователь, стал для Мао излюбленной моделью экономического развития.

25 февраля 1956 года Никита Сергеевич Хрущев, годом ранее взявший бразды правления в свои руки, стоя в сверкающем позолотой зале Кремлевского дворца, с трибуны XX съезда КПСС известил съехавшихся со всей страны делегатов о том, что они уже давно знали, но не решались произнести вслух. Он сказал, что Сталин, чье имя приводило в трепет каждого гражданина страны, был одержимым манией преследования психопатом, что культ его личности поставил Советский Союз в войне против Германии на грань поражения, а патологическая подозрительность обрекла миллионы невинных людей на мучительную смерть в лагерях.

«Секретный доклад», как называлась речь Хрущева, был сделан за день до окончания съезда, на закрытом заседании, вход на которое для делегатов братских коммунистических партий оказался недоступен. Через неделю Дэн Сяопин и Чжу Дэ, возглавлявшие делегацию КПК, отправились домой, увозя с собой наспех переведенный экземпляр.

Принимая во внимание весьма непростые отношения Мао со Сталиным, можно было ожидать, что он будет приветствовать посмертное развенчание диктатора. Отчасти так и получилось: подобная критика, заметил Мао, «разрушила существовавший миф и распахнула самые тайные ларцы. Она принесла свободу... дала людям возможность высказывать свои мысли, не пугаясь последствий». Но лишь отчасти. В целом же Мао испытывал серьезные сомнения в правильности выбранного Хрущевым подхода. На состоявшейся в конце марта встрече с советским послом Мао много говорил о допущенных Сталиным ошибках в отношениях с Китаем и почти ни словом не упомянул о его культе личности. Наоборот, он подчеркивал, что Сталин являлся «величайшим марксистом и честным борцом за дело революции», который хотя и совершал ошибки, но лишь по «отдельным, весьма немногочисленным вопросам». Вскоре его точка зрения получила детальное освещение в передовой статье «Жэньминь жибао», озаглавленной «Об историческом опыте диктатуры пролетариата». Опубликованная почти через полтора месяца после доклада Хрущева статья впервые изложила позицию КПК:

«Несмотря на все совершенные ошибки, диктатура пролетариата для широких народных масс намного ближе и привлекательнее диктатуры буржуазии... Кое-кто полагает, что Сталин был кругом не прав, от начала и до конца. Это — глубокое заблуждение. Оценивать личность Сталина мы должны с точки зрения истории, тщательно анализируя слабые и сильные стороны великого вождя, извлекая из выводов правильные уроки. На его достижениях, равно как и на его ошибках, лежит отпечаток особенностей международного коммунистического движения, отпечаток времени».

Под руководством Сталина, подчеркивала газета, Советский Союз достиг «впечатляющих успехов», затмить которые не могут и ошибки, совершенные в последние годы жизни вождя.

Статья явилась первым шагом в медленном процессе распутывания сложного клубка взаимоотношений между двумя странами. Она ясно давала понять, что в будущем Китай намерен весьма выборочно следовать советскому опыту. В ней, пусть

иносказательно, ставились вопросы о роли бывших подчиненных Сталина, волею судеб превратившихся в его преемников, в приписываемых ему преступлениях. Весьма прозрачные эвфемизмы положили начало язвительной переписке между А. Микояном и Пэн Дэхуаем. «Проговорись кто-нибудь из нас раньше времени, и мы бы все отправились на тот свет», — признавался Микоян, на что Пэн снисходительно бросал в ответ: «Какие же вы коммунисты, если так боитесь смерти?» Однако самым главным было то, что статья в «Жэньминь жибао» знаменовала фундаментальную перемену в отношениях Пекина с Москвой. В ней звучал голос не младшего, не подчиненного, но равного. Мао брал на себя смелость судить о поспешных, торопливых шагах нового советского руководства.

Не различия в подходе к решению идеологических вопросов, а это утверждение равенства плюс стремление Хрущева сохранить за Советским Союзом роль «старшего брата» привели к тому, что не минуло и десяти лет, как отношения между Москвой и Пекином оказались в глухом тупике.

В течение всего 1956 года опасения Мао относительно того, что, по словам одного из современных писателей, «вместе с водой, которой обмывали тело Сталина, выплеснули и ребенка», только окрепли. После летнего восстания в Польше на смену полугодом ранее поставленному по указке Хрущева руководству Объединенной рабочей партии к власти пришла группа «либералов» во главе с пострадавшим в свое время от сталинского режима Владиславом Гомулкой. Еще более тревожные вести пришли вскоре из Венгрии, где «твердого сталинца» Матиаса Ракоши заменил на посту Первого секретаря Социалистической рабочей партии реформист Имре Наги.

Считая, что корни польской проблемы кроются в «великорусском шовинизме», которого уже достаточно натерпелся и Китай, Мао поддержал Гомулку. В октябре он направил в Москву Лю Шаоци, и тому удалось отговорить Хрущева от ввода в Польшу частей Советской армии. Однако когда Будапешт заявил о своем выходе из Варшавского Договора, военного блока, объединившего все европейские соцстраны, реакция Мао была совсем другой. Признать за братской партией право выбора собственного пути к социализму — одно дело, но сидеть сложа руки перед лицом контрреволюции — нечто совершенно иное. Лю Шаоци вновь поехал в Кремль, на этот раз поторопить советского лидера с отправкой войск для подавления восстания.

Мятежные настроения, охватившие социалистический лагерь в Европе по вине советского руководства, еще более принизили авторитет последнего в глазах Мао.

15 ноября 1956 года, вскоре после того как советские войска вступили в Венгрию, Мао поделился с избранным на 8-м съезде партии новым составом ЦК КПК своими соображениями о важнейших событиях уходящего года:

«Полагаю, что в мире есть всего два настоящих «клинка»: Ленин и Сталин. Но имя Сталина русские опозорили и предали забвению... Китай же не уронил чести этого оружия. Прежде всего мы воздаем Сталину должное и лишь затем критикуем его ошибки...

Что же касается Ленина, то разве на него не пытаются бросить в известной мере тень некоторые советские руководители? По-моему, пытаются. По-прежнему ли значимы для них завоевания Великой Октябрьской социалистической революции? В докладе XX съезду КПСС Хрущев говорит, что захват власти можно осуществить и парламентским путем, следовательно, странам мира уже незачем и нечему учиться у Октябрьской революции. Коль открываются такие перспективы, ненужным оказывается и ленинизм...

Каким капиталом располагает сейчас Советский Союз? У них есть Ленин и Сталин. Но теперь они отказались от Сталина и готовы расстаться с Лениным: то ли с его ногой, то ли с рукой, оставив себе лишь голову. Мы же продолжим изучение марксизма-ленинизма и всегда будем верны идеям Октябрьской революции».

Эти слова прозвучали намного резче всего того, что Мао говорил прежде, пусть даже только на закрытых заседаниях Политбюро. Хотя приведенные высказывания и не получили огласки, в их же духе была выдержана и еще одна передовая «Жэньминь жибао», опубликованная в конце декабря под заголовком «Еще несколько слов об историческом опыте диктатуры пролетариата». Путь, указанный Октябрьской революцией, в частности насильственный захват пролетариатом власти, является «непреложной истиной». Любая попытка свернуть с этого пути должна быть расценена как ревизионизм.

Когда в январе 1957 года Чжоу Эньлай приехал в Москву, он без особого удивления обнаружил, что советские товарищи «недовольны».

К тому моменту между двумя партиями явственно обозначились четыре группы вызывавших разногласия проблем, и все они были связаны с XX съездом КПСС. Речь прежде всего шла об оценке Сталина: Мао настаивал, что «на три части он

был плох, зато на семь частей — великолепен». Затем спор перешел на хрущевскую концепцию «парламентского перехода к социализму», тесно увязанную с третьим пунктом: мирным сосуществованием. Империализм, с точки зрения Мао, питал непримиримую враждебность к социалистическому лагерю. Передовая статья в «Жэньминь жибао» подчеркивала: «Империалисты всегда будут стремиться уничтожить нас. Поэтому мы не имеем права забывать о классовой борьбе в масштабах всего мира». Для подобного заявления у Китая были веские основания: его место в ООН по-прежнему занимал Тайвань*, а последний контакт с Америкой произошел на поле боя в Корее. У Советского Союза имелось свое видение проблемы. С Соединенными Штатами и другими капиталистическими странами Москва общалась через Организацию Объединенных Наций и по дипломатическим каналам, не видя в этом ничего необычного. Соревнование и контакты с Западом Кремль находил делом куда более привлекательным, нежели стерильное одиночество времен «холодной войны».

Последним и наиболее тревожным для Москвы моментом — поскольку нельзя было предугадать, куда несогласие может привести, — был упор Мао на противоречия. Кремль никогда его не понимал. Сталин называл позицию Мао немарксистской. Теперь же Мао заявлял, что сталинские злоупотребления властью свидетельствуют: противоречия возникают и сталкиваются между собой и при социализме. «Жэньминь жибао» подтверждала существование «противоречий в социалистических странах между различными группами населения, между членами коммунистических партий и между правительствами и народными массами», так же, впрочем, как и «противоречий между социалистическими странами и коммунистическими партиями». С точки зрения КПСС, всегда считавшей «нерушимое единство» величайшим из земных благ, подобная ересь была хуже ящика Пандоры. Опубликованное в завер-

* После прихода к власти в 1949 году коммунистов режим Чан Кайши на Тайване при поддержке США сохранил за собой право представлять Китай в ООН. По распоряжению Сталина советская делегация с января по октябрь 1950 года бойкотировала заседания Совета Безопасности в знак присутствия на них миссии националистов. Фактически это сводилось к продолжению изоляции КНР, что отвечало интересам Сталина, поскольку закреплялась зависимость Китая от Москвы. Вслед за вводом китайских войск в Корею отлучение Пекина от международного сообщества ежегодно подтверждалось голосованием Генеральной Ассамблеи вплоть до 1971 года, когда Тайвань был лишен членства в ООН. — *Примеч. авт.*

шение визита Чжоу Эньлая коммюнике упорно констатировало: «Во взаимоотношениях с братскими социалистическими странами никогда не имелось, как не имеется и сейчас... сколь-нибудь серьезных противоречий. Если в прошлом... возникали отдельные спорные вопросы, то к настоящему времени они полностью разрешены».

За исключением этих разногласий, в начале 1957 года не было ничего, что предвещало бы надвигающийся разрыв.

Сетуя на нежелание советского руководства признать собственные промахи, на его «субъективизм, узость взглядов, стремление покровительствовать и вмешиваться в дела других братских партий», Чжоу осмотрительно добавлял, что, «несмотря на перечисленное выше, китайско-советские отношения стали намного прочнее, чем при Сталине». С оптимизмом смотрел в будущее и Мао: «Не все еще у Советов продались буржуазии!» — отмечал он. Власть, конечно же, ослепила Хрущева, и даже если Кремль упорствует в своих заблуждениях, «в один прекрасный день пелена спадет с их глаз, и они увидят мир таким, какой он есть». Но начавшаяся между двумя партиями дискуссия должна была неизбежно продолжиться; обе стороны приложили значительные усилия для поиска общих точек зрения.

На протяжении первой половины 50-х годов китайская интеллигенция оставалась «черным классом», враждебным или по меньшей мере без энтузиазма относившимся к революции.

Движение за реформы общественной мысли, начавшееся в период Корейской войны, сопровождалось резкими выпадами в адрес отдельных представителей интеллигенции и суровой критикой их работ. Одним из первых объектов идеологической «проработки» стал философ Ху Ши, чьи лекции Мао посещал в молодости, когда работал помощником библиотекаря в Пекинском университете. Власти провели целый ряд кампаний против фильмов, таких, к примеру, как «Тайная история цинского двора», объявленного «капитуляцией перед империализмом», и «Жизнь У Сюня» — повествовании о нищем, который в прошлом веке истратил собранные подаяниями деньги на строительство школы для бедняков, — это было названо «капитуляцией перед феодализмом». Путь к истине интеллигенции указывала и история с либеральным литератором Лян Шумином, опрометчиво критиковавшим коммунистов за их политику налогообложения крестьянства. На собрании Центрального совета правительства, куда Ляна пригласили в качестве гостя, Мао лично клеймил его в течение часа:

«Господин Лян привык считать себя «человеком чести»... Неужели у вас и вправду есть честь? В таком случае очистите свою совесть рассказом о вашем прошлом — о том, как вы нападали на Коммунистическую партию, на народ, как безжалостно разило людей ваше перо... Есть два способа убить человека: пулей и пером. Последний привлек вас своим артистизмом и отсутствием крови. Вы — талантливый убийца.

Лян Шумин является оголтелым реакционером, и все же у него хватает духу отрицать это. Кому вы служите, Лян Шумин? Что за всю свою жизнь вы сделали для народа? Ничего, даже самой малости. Лян Шумин — это лишенный совести интриган и лицемер».

Пользоваться такими методами — все равно что колоть орехи паровым молотом. Для Мао любое проявление неортодоксальности несло в себе семена будущей оппозиции. Лян отделался устной выволочкой. Однако двумя годами позже, когда Мао решит преподать интеллигенции более действенный урок, на смену ежовой рукавице убеждения придут неприкрытые репрессии.

Во второй половине 1955 года по стране прокатилась волна «охоты на ведьм», имевшая целью искоренение «последователей Ху Фэна» и приведшая к многочисленным самоубийствам в литературных и научных кругах. Так же, как и вина Ван Шивэя, преступление Ху заключалось в отказе подчиниться воле партии. Его судьба послужила еще одним суровым предостережением всем потенциальным ослушникам.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда в апреле 1956 года Мао призвал творческих работников сделать новый вклад в развитие отечественной культуры, его лозунг «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ!» услышали буквально единицы. После шести лет безостановочного промывания мозгов меньше всего на свете китайская интеллигенция стремилась в те годы к открытому обмену идеями и мыслями.

Но уже тогда имелся целый ряд факторов, обусловивших неожиданно резкую и мало кому понятную смену курса.

В стране налаживалась мирная жизнь. Партия прочно держала в руках рычаги власти. Ударными темпами осуществлялся перевод экономики на рельсы социалистических методов хозяйствования. Но мертвая хватка, которой режим держал все аспекты повседневной жизни нации, уже начала замедлять развитие общества. Главной темой выступлений Мао весной 1956 года стала децентрализация власти. «Дисциплина, которая душит творчество и инициативу масс, нам не нужна, — решительно говорил он. — Для

продвижения вперед необходима известная либерализация. Абсолютная строгость во всем не имеет смысла».

Рано или поздно подобная оттепель все равно началась бы. Мао писал: «Если войны не вызревают исподволь в условиях мира, то почему они вспыхивают столь неожиданно? Если во время войны не зарождается стремление к миру, то почему он наступает внезапно, как бы сам по себе?»

Однако в начале 1956 года появились еще две силы, под воздействием которых партия была вынуждена ослабить свои железные объятия. Первая — это острая нехватка квалифицированных кадров, инженеров и ученых, что ставило крест на планах Мао ускорить экономическое развитие. С целью как-то исправить положение подняли заработную плату научных работников, им выделили лучшие квартиры, предприняли попытки вернуть на родину уехавших в Европу и Америку профессоров. Вскоре Мао осознал, что партийная бюрократия должна прекратить вмешиваться в жизнь академических кругов, поскольку ничего в ней не понимает. Необходимо дать интеллектуалам возможность работать так, как они хотят.

Второй силой был «Секретный доклад» Хрущева и решение Китая отказаться от слепого копирования советского опыта. Впервые за долгие годы творческая элита китайского общества с удивлением обнаружила, что границы свободы раздвинулись. В области образования, управления производством, в генетике и музыке появилась вдруг возможность эксперимента.

Летом 1956 года перемены были еще слишком незначительны, чтобы бросаться в глаза. Наиболее заметным признаком могла служить обогатившаяся палитра красок весьма спартанской повседневной жизни общества. Молодые женщины начали носить разноцветные блузы. Жившие в Китае иностранцы отмечали, что на улицах можно встретить девушек в традиционных ципао (длиннополых облегающих халатах), обрезанных на пару сантиметров выше колена. В общественных местах людям разрешили танцевать — под музыку Гершвина и Штрауса. «Жэньминь жибао» вместо четырех полос стала выходить на восьми, а Лю Шаоци умолял журналистов разбавить скуку статей занимательными очерками.

В политике последствия оттепели были минимальными. Обожествление личности Мао продолжалось. Единственная перемена произошла в сентябре на 8-м съезде КПК, постановившем изъять из Конституции страны параграф о том, что теоретической основой развития общества являются «идеи Мао Цзэду-

на»*. Скорее всего это был лишь небольшой сбой, объяснявшийся переменами в партийном руководстве, произошедшими после того, как Мао заявил о своем намерении уйти «на второй план». Он действительно начинал ощущать свой возраст. В письме к вдове Сунь Ятсена Сун Цинлин он написал: «Приходит время, и человек понимает, что он уже не тот, что был раньше».

Вновь созданный пост Почетного Председателя партии остался свободным — в ожидании семидесятилетнего юбилея Мао.

Затем последовал польский кризис и мятеж в Венгрии.

Руководство коммунистических партий с ужасом ожидало развития событий, опасаясь распространения заразы и развала лагеря социализма. Не стал исключением и Китай. Зимой 1956 года Мао вновь и вновь обращался к партии, убеждая ее, что страшная напасть обойдет КПК стороной.

Что послужило причиной взрыва? — спрашивал он Центральный Комитет и сам же отвечал: коммунисты Польши и Венгрии не смогли до конца очистить свои ряды от контрреволюционных элементов. Китай не повторит этой ошибки. Другим фактором стал разросшийся бюрократизм, в обеих странах стеной отгородивший партийных работников от народных масс. Данная проблема не была решена и в Китае:

«И сейчас среди нас находятся те, кто считает, что, придя к власти, они имеют полное право расслабиться в кресле и лениво пинать народ ногой. Эти люди вызывают в массах отвращение, в них готовы швырять камни. На мой взгляд, они этого заслуживают, такие действия масс я бы приветствовал. Иногда ситуацию может исправить только хороший удар кулаком. Наша партия должна извлечь урок... Нам требуется высокая бдительность, ни в коем случае нельзя допустить закрепления бюрократического стиля руководства. Мы не можем позволить себе превратиться в оторванную от масс аристократию. У народа есть все основания отрешить бюрократа от власти... Говорю вам: самое лучшее — убрать таких работников. Они должны быть убраны».

---

* Лю Шаоци, назначенный ответственным за организацию работы съезда, направил Мао для одобрения исправленный текст Конституции. Прочитав его уже после таблетки снотворного, Мао, по-видимому, просто не заметил купюру. К тому времени, когда он обратил внимание на отсутствие параграфа, новый текст уже был утвержден. Во время «культурной революции» этот эпизод лег в основу предъявленных Лю Шаоци обвинений. — *Примеч. авт.*

16 Зак. 1137

Решение проблемы Мао видел в очередной кампании по очищению партийных рядов. Осуществить ее следовало так, чтобы она, подобно предохранительному клапану, выпустила весь народный гнев. Ошибка венгерских коммунистов заключалась в том, подчеркивал он, что они не смогли своевременно урегулировать противоречия между теми, кто руководит, и теми, кто подчиняется. В результате накопившийся антагонизм принял самые крайние формы. «Если есть гнойник, он неизбежно прорвется, — продолжал Мао, — вот из чего мы обязаны извлечь наш урок».

Отсюда следовало, что рабочие в Китае должны иметь право на забастовки: «Это поможет разрешить противоречия между государством, директорами заводов и массами». Пусть студенты выходят на демонстрации: «Ничего страшного, мир полон противоречий».

Таким образом, к концу 1956 года оформились два важнейших элемента кампании «ста цветов»: движение, призванное сделать партию более чуткой к мнению масс, и некоторое ослабление тотального контроля с целью дать выход недовольству общества. Нерешенным оставался лишь один вопрос: время начала кампании. Мао предлагал лето следующего года.

И тут появился новый фактор.

Некоторые молодые литераторы, вдохновленные процессом начавшейся либерализации культурной жизни, набравшись смелости, решили проверить, сколь далеко простирается терпимость партии. Консерваторов их действия привели в ярость. 7 января 1957 года группа политработников НОА опубликовала в «Жэньминь жибао» письмо, где выражала резкое возмущение приверженностью традиционным литературным жанрам в ущерб принципу социалистического реализма. Напрочь забытым, предостерегали авторы, оказался и тезис Мао о том, что искусство должно быть поставлено на службу политике. Захлестнувший прессу поток восторженных откликов на публикацию свидетельствовал: взгляды армейских ценителей литературы получили широкую поддержку общества.

Видя, что поставленные им цели подверглись искажению, Мао, как обычно, встал на дыбы.

Его публичная реакция была достаточно сдержанной. Через пять дней после публикации письма он направил в редакцию журнала «Шикань» («Поэзия») подборку своих написанных в классическом стиле стихов. Такой шаг Мао ненавязчиво дал литературоведам в погонах понять: традиционные формы по-прежнему имеют право на жизнь.

Перед более привычной аудиторией Председатель позволил себе быть прямолинейным. Чуть позже на совещании партийных работников он заявил, что военные критики все перепутали. Свободы вовсе не слишком много — ее чересчур мало. В Китае должны открыто печататься труды противников марксизма, к примеру, статьи Чан Кайши, ведь «если не прочитать ничего из им написанного, то и противопоставить ему будет нечего». Тираж «Цанькао сяоси» («Новости для справок») — сборника новостей западных информационных агентств, закрытого издания для узкого круга высших чиновников — следует увеличить в сотни раз, чтобы общество имело представление об образе мыслей империалистов и буржуазии. Пусть писаки типа Лян Шумина свободно выражают свои идеи: «Коли в животе у них скопились газы — дайте им выпустить их! Только тогда человек сможет определить, насколько приятен этот запах... Кто, почувствовав вонь, захочет остаться рядом?»

Никакая изоляция недопустима, провозглашал Мао. Намного разумнее сделать массам «прививку» чуждых идей, это только закалит их политический иммунитет. Наш принцип должен быть один:

«Правда всегда противостоит фальши и кристаллизуется в борьбе с ней. Прекрасное противостоит уродству, и борьба с ним делает его еще более неотразимым. То же самое можно сказать и о добре и зле... А можно сказать короче: дивные цветы противостоят ядовитым сорнякам и расцветают в борьбе с ними. Чревата опасностью та политика, которая запрещает людям смотреть в глаза лжи, уродству и злу... Она приведет к тому, что человек окажется не готовым к жизни и не сможет ответить на вызов врага».

Метод использования «негативных материалов в процессе обучения» был в ходу у партии с начала 30-х годов. Сейчас же Мао призывал распространить этот метод на все население страны. Если в результате возникнут некие шероховатости, предупреждал он, то опасаться их не стоит:

«Не будет ли выглядеть немного странным, если мы, коммунисты, которые не убоялись ни империализма, ни Гоминьдана, испугаемся теперь расшалившихся студентов или склоки крестьян по поводу дел в их кооперативе? Ведь страхи ничего не решат. Чем больше человек боится, тем больше привидений видит вокруг... Думаю, что если кому-то захочется пошуметь, — пусть его, пока самому не надоест. Мало месяца — дадим ему два. Что в этом такого? Не дадите ему выдохнуться, и через некоторое время все повторится... Станет ли от этого лучше? Лучше станет тогда, когда мы полностью вскроем проблему и отделим зерна от пле-

вел. Невозможно постоянно держать человека в душной клетке. Прежде чем разрешить какой-либо вопрос, необходимо вскрыть все противоречия».

На аудиторию, состоявшую из секретарей провинциальных комитетов партии, которые первыми бы имели дело с любыми «шероховатостями», доводы Мао особого впечатления не произвели. Прошло всего несколько недель, и он признал, что «от пятидесяти до шестидесяти процентов членов партии и до девяноста процентов высшего руководства» с ним не согласны. А заявления типа «не вижу ничего страшного в том, что среди населения в шестьсот миллионов найдется миллион доставляющих неудобства», или «в случае масштабных беспорядков всегда можно вернуться в Яньань, откуда мы все вышли», внушали ответственным партийным работникам еще бóльшую тревогу.

Десятью или двенадцатью годами раньше молчание, означавшее сдержанную оппозицию, возможно, и охладило бы несколько пыл Мао. Но в 1957 году он был уже выше этого. Важнейшие решения, принятые им без оглядки на мнение сомневавшихся коллег — вступление в войну в Корее, ускорение темпов коллективизации, — с триумфом доказали свою безошибочность на практике. Нынешние колебания аппарата только заставляли Мао еще энергичнее настаивать на своем. Весной он все чаще повторял парафраз утверждения Ленина, впервые прозвучавший еще в 1937 году: «Единство противоположностей — штука временная, а борьба антагонизмов абсолютна». Гармония преходяща, зато схватка не прекращается никогда. Студент, сорока годами ранее написавший: «Дело не в том, что нам так уж нравится хаос — просто натуре человека приятны неожиданные перемены», — теперь заявлял своим коллегам: «Это же хорошо, что жизнь становится все сложнее. В противном случае она была бы невыносимо скучной... Вечный мир и отсутствие всяких конфликтов привели бы к отмиранию способности мыслить».

Имелись у Мао и другие, более прагматичные причины стоять на своем. Недостаток ученых и инженеров, подтолкнувший процесс либерализации, был всего лишь верхушкой айсберга. Численность китайского пролетариата составляла двенадцать миллионов человек, а мелкой буржуазии вместе с крестьянством было пятьсот пятьдесят миллионов. Развитие экономики требовало приложения громадной человеческой энергии. Но такая энергия, доказывал Мао, должна находиться под строгим взаимным контролем обоих полюсов, когда представители мелкой буржуазии могут

свободно критиковать политику коммунистов, а те, в свою очередь, осуществляют «воспитание» своих идеологических противников.

Впервые эти идеи прозвучали публично 27 февраля 1957 года в речи, посвященной «справедливому разрешению противоречий среди населения». Обращенная к аудитории из двух тысяч человек — ученых, писателей, лидеров демократических партий — речь длилась более четырех часов.

Мао начал с пафосного одобрения трудного процесса идейной «перековки» интеллигенции. Обществу требуется преобразовать свое сознание, говорил он, но в прошлом эта деликатная операция «проводилась слишком грубо, и многие люди испытывали страдания». Однако теперь подход коренным образом изменился:

«Лозунг «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ»... означает признание того факта, что в нашем обществе наличествует великое множество противоречий... При всем желании невозможно вырастить прекрасные цветы и обойтись без сорняков. Как можно запретить сорняку тянуться к свету? Сделать этого нельзя: все равно он будет расти. Иногда бывает очень трудно отличить хрупкий цветок от ядовитого сорняка... Возьмем, к примеру, марксизм. Было время, когда марксизм считался ядовитым сорняком... Выводы Коперника, опыты Галилея, теория эволюции Дарвина — все это поначалу отвергалось. Какую опасность представляет собой то, что вместе с цветами вырастают и сорняки? Никакой... Среди дурных всходов появляются и хорошие, подобно Галилею и Копернику. И наоборот, цветы, похожие на марксизм, вполне могут оказаться его противоположностью».

Применение «грубых методов» для решения идеологических проблем, заявлял Мао, несет больше вреда, чем пользы. Что будет, если брожение умов не прекратится? «Могу смело сказать: пусть агитируют, пусть исчерпают души до конца... В школе я тоже был смутьяном — потому что не видел решения своих проблем... Путем запретов и изоляции шел Гоминьдан. Нам же необходимо нечто противоположное».

Речь была не сразу опубликована в газетах, однако пленку с ее записью слушали совещания партийных работников и собрания интеллигенции по всему Китаю.

Реагировали на нее слушатели по-разному. Кто-то испытывал «такое возбуждение, от которого не мог спать всю ночь». Бизнесмен из Шанхая Роберт Ло вспоминал: «Я как бы впал в транс. Мне все казалось возможным. Впервые за долгие годы я не стал гнать от себя надежды». Однако большинство с трудом скры-

вали скуку. Как гласит китайская пословица, «укушенный змеей и веревки боится». Антрополог Фэй Сяотун писал о «погоде ранней весны, чреватой внезапными заморозками». Историк Цзянь Боцзань был откровеннее. Интеллигенция, говорил он, не знала, верить Мао или нет: «Приходилось гадать, шел ли его призыв от сердца или представлял собой красивый жест. Приходилось гадать, до какого момента цветам будет позволено цвести и не развернется ли политика вспять, когда хрупкие растения окажутся в полном цвету. Приходилось гадать, является ли кампания конечной целью или она лишь средство выявить потаенные мысли с тем, чтобы потом подвергнуть «очищению» их носителя. Можно было только догадываться, какие проблемы разрешены к обсуждению, какие — нет». В результате, добавлял ученый, большинство предпочитали хранить молчание.

Молчуны имели бы веские основания гордиться своим благоразумием, если бы знали, о чем говорил Мао в тиши партийных кабинетов перед тем, как объявить о начале кампании «ста цветов». На публике он заявлял, что буржуазия и демократические партии добились «потрясающих успехов», в узком кругу жаловался: «У восьмидесяти процентов моих слушателей буржуазные корни, ничего удивительного в том, что они выступают против политики партии и правительства». Многолюдные собрания Мао убеждал: необходимо позволить расти и ядовитым сорнякам, успокаивая в то же время своих коллег: все они будут вырваны с корнем и пойдут на удобрения. Народ слышал: контрреволюционеров осталось «очень, очень мало», а руководство партии знало: и они подлежат решительному устранению. Обращаясь к широкой аудитории, Мао говорил, что ничего страшного в смуте нет — и пояснял ближайшим соратникам: пусть «дурные элементы проявят себя, тогда их будет проще изолировать».

Для диалектического склада ума Мао подобные приемы являлись аверсом и реверсом одной медали. «В единстве противоположностей, — подчеркивал он, — одна всегда главенствует, другая всегда находится в подчинении». Проблема заключалась в том, что из логики Мао вытекало: стороны могут меняться местами.

В течение марта и апреля Мао без устали готовил начало кампании, прилагая воистину геркулесовы усилия. Явная неоднозначность его позиции осложнялась еще и тем, что партийные чиновники среднего и низшего звена даже не особо скрывали свое враждебное отношение к провозглашенному курсу. В конце кон-

цов именно они являлись естественной мишенью любой антибюрократической кампании. Последняя инициатива Председателя превращала их в «козлов отпущения», которым придется держать ответ за обещанную Мао смуту.

Вершина партийной пирамиды — Политбюро — хранила загадочное молчание. Режиссером готовящегося действа был исключительно Мао. «Я выхожу к народу в одиночестве», — сказал он позже и оказался в известном смысле прав. До тех пор пока коллеги поддерживали его на публике (что они и делали), не имело никакого значения, что Лю Шаоци и руководитель Пекинского горкома партии Пэн Чжэнь в глубине души были абсолютно равнодушны к предстоящему спектаклю, а Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин исполнились горячего энтузиазма. «Расцвет и соперничество», как для краткости называли кампанию, не подлежали примитивному администрированию. В людей необходимо было вселить потребность высказаться, партийных же чиновников требовалось убедить дать им такую возможность.

С этой целью Мао совершил трехнедельную поездку на поезде по восточным провинциям страны, где выступал, по его словам, в роли «коммивояжера». Много времени уходило у него на беседы с ответственными работниками, в ходе которых он убеждал: кампания пройдет спокойно и гладко, подобно «тихому моросящему дождичку, а никак не мощному ливню». Никто не допустит превращения ее в широкомасштабные выступления масс. Немало внимания он уделял встречам с непартийными организациями: пусть улягутся и их страхи. Поездка помогла Мао четче определить цели кампании и средства их достижения.

Теперь, с фактическим окончанием классовой борьбы против помещиков и буржуазии, объяснял он своим собеседникам, на передний план выходят противоречия между народом и партией. «В прошлом мы бок о бок с массами воевали против общих врагов. Но сейчас их уже нет, остались только народ и партия. Если не к нам люди пойдут со своими болями и проблемами, то к кому же? Если мы хотим разрешить существующие противоречия, люди должны приучиться мыслить самостоятельно. Не позволить им этого означает подорвать жизненные силы всей нации. Нам нужна широкая кампания критики и самокритики, в которой ведущая роль будет принадлежать демократическим партиям. Именно они должны едко высмеивать наши недостатки. Если КПК сплотится, то выдержит эту атаку... Коммунисты обязаны выстоять и под градом насмешек».

По всем внешним признакам — а большая часть интеллигенции по ним и судила — проект Мао опьянял своей свободой, особенно когда Председатель начинал говорить о «значительной эрозии монополии на власть». И сейчас, подчеркивал Мао, никто не запретит некоммунисту стать ректором университета или возглавить редакцию газеты, однако на практике все полномочия сосредоточены в руках заместителя-коммуниста. Необходимо сделать так, чтобы нечлены КПК на деле участвовали в выработке и принятии решений. «Отныне за все будет отвечать руководитель — вне зависимости от своей партийной принадлежности».

К середине апреля титанический труд начал приносить первые результаты.

Мао дал твердое обещание: «Расцвет и соперничество» ограничатся критикой, которая послужит лишь «укреплению партийного руководства» и никак не спровоцирует «дезорганизацию и смятение умов». Не оставил он без внимания и вопрос страхов интеллигенции относительно того, что кампания послужит чем-то вроде расставленной партией западни. Причем комментировал ситуацию так, что даже наиболее встревоженные чиновники отметили: Председатель ни разу не отверг категорически подобную вероятность. Испытав блаженное облегчение, партийная иерархия сменила скрытое недовольство на благожелательный интерес.

Даже «Жэньминь жибао», чье затянувшееся молчание преданно отражало мучившие КПК сомнения, тоже начала вписываться в общую орбиту. Для этого Мао пригласил главного ее редактора, Дэн То, в свою спальню и, лежа на огромной, заваленной стопками книг кровати, прочел ему полную упреков часовую лекцию. Вызванный туда уже к середине разговора заместитель редактора Ван Жоши, аккуратный и немного щеголеватый мужчина, вспоминал позже, что его поразила неприглядная картина развалившегося на постели в ночном халате Председателя. «Почему вы держите политику партии в тайне от народа?! За этим что-то кроется. Раньше газетой заправляли педанты, а сейчас — мертвецы! — с гневом кричал он, повернув голову к Дэн То. — Если у тебя запор, слезь с толчка и дай облегчиться тому, кто в состоянии это сделать!» Когда обиженный редактор предложил подать в отставку, Мао с пренебрежением махнул рукой. Ван Жоши было приказано написать восхвалявшую «сто цветов» передовую, которая и появилась на первой полосе газеты 13 апреля. С того дня среди населения пошли разговоры: партия будет приветствовать критику в свой адрес.

Через неделю заседание Политбюро приняло решение приблизить официальное начало кампании. Руководителям провинциальных парткомов в течение пятнадцати дней было предложено отчитаться о готовности. Но и этот срок показался Мао слишком длинным. Фактически, говорил он, «расцвет и соперничество» полным ходом идут уже два месяца. В дни празднования Первого Мая «Жэньминь жибао» вышла под красной шапкой: «Пусть расцветают...» За нею лозунг подхватили все газеты страны.

Кампания началась.

«Сто цветов» явились самой амбициозной попыткой коммунистического режима привить тоталитарной системе ростки демократии. Даже сам Мао не знал, к чему она приведет. «Давайте встанем под ледяной душ и посмотрим, что из этого выйдет, — говорил он. — Главное — войти во вкус, потом уже никаких проблем не возникнет». О том, что произойдет, если процедура отрезвляющей критики придется партии не по вкусу, Председатель не обмолвился ни словом.

Ученые, литераторы, артисты, предприниматели, отдельные рабочие и даже кое-кто из мелких чиновников начали в мае забывать о своих страхах и выступали с различными заявлениями, точнее сказать, позволяли вопреки внутреннему голосу убедить себя в необходимости выступить.

Несмотря на заверения ЦК КПК в том, что участие некоммунистических организаций возможно лишь на строго добровольной основе, местные партийные руководители считали своим долгом сделать все, чтобы кампания на подконтрольной им территории, не дай Бог, не застопорилась. Получивший образование в США профессор У Нинкунь, преподававший английский язык в Высшей партийной школе, вспоминал жалобы ответственного работника на то, что во время факультетских собраний «почти не находится желающих высказаться. Те, кто поднимается на трибуну, говорят одни банальности». Сотруднице управления милиции города Чанша было заявлено: «Хотите вступить в партию — выступите с чем-нибудь серьезным». Один из руководителей ассоциации торговцев самой оживленной пекинской улицы Ванфуцзин рассказывал, как секретарь районного комитета партии потребовал от него «показать пример другим и выступить с критикой». Поразмыслив, руководитель согласился. Подобных примеров можно насчитать миллионы.

Основным объектом критики было то, что коммунисты, которых интеллигенция встретила в 1949 году как освобо-

дителей от гоминьдановского произвола, не пробыв у власти и восьми лет, превратились в класс новой бюрократии, монополизировавший власть и абсолютно оторванный от народа. Говоря об уроке Венгрии, Мао оказался прав: в глазах населения страны партийные чиновники действительно являлись стоящей над массами аристократией. Наиболее лаконично сложившиеся порядки охарактеризовал Чу Аньпин, главный редактор влиятельной непартийной газеты «Гуанмин жибао», заметивший, что КПК «выкрасила страну в один цвет и сделала ее своей вотчиной».

Фигуры поскромнее позволяли себе еще бо́льшую резкость. Члены партии ведут себя как представители «высшей расы», писал один из профессоров. Они пользуются многочисленными привилегиями и видят в простом народе «послушных подданных или, вернее, рабов». По словам преподавателя экономики, «партработники, лет десять назад носившие соломенные сандалии, теперь шьют себе униформу из тонкой шерсти и разъезжают в лимузинах... Люди сторонятся их как зачумленных». Далее он продолжал так:

«Если Коммунистическая партия мне не доверяет, я отвечаю ей взаимностью. Китай в равной мере принадлежит каждому из шестисот миллионов, в том числе и тем, кого называют контрреволюционерами. Он не является собственностью одних только членов партии... Работай вы, коммунисты, хотя бы удовлетворительно, все в стране будет тихо и спокойно. В противном случае массы погонят вас поганой метлой, расправятся с вами. И это станет проявлением истинного патриотизма, поскольку коммунисты уже перестали быть слугами народа. Крах КПК вовсе не означает краха всего Китая».

Другой постоянной темой критических высказываний было отношение партии к интеллигенции, которую называли то «кучей собачьего дерьма», то «самородным золотом нации». Если партии кто-то понадобился, писал один журналист, то ей плевать, что он может быть подонком и убийцей, если же нет — человек оказывается на обочине жизни независимо от того, как честно и преданно он трудился. Инженер жаловался, что интеллигенция подвергается большим унижениям, нежели при японской оккупации. Члены партии заходили в отделы кадров как к себе домой — чтобы в подробностях рассказать о поведении своих коллег, в результате «люди боялись быть откровенными даже в компании близких друзей... Каждый постиг спасительное искусство двоемыслия: на устах одно, в голове совсем другое».

4 мая, всего через три дня после начала кампании, Мао издал секретную директиву, в которой указал, что, несмотря на резкость многих высказываний, выступать с опровержениями еще рано: «Мы не можем остановиться на полпути. Без давления снизу будет весьма трудно достичь поставленных целей». На протяжении «по крайней мере еще нескольких месяцев» критиковать разрешается все и вся. Затем, когда КПК уже насытится, рамки кампании можно расширить и начать ворошить грязное белье демократических партий, интеллигенции и общества в целом.

Однако хлынувшее через край недовольство народа, его разочарование и боль дали Мао повод задуматься.

15 мая в циркуляре «Вещи переходят в свои противоположности», адресованном весьма узкому кругу высших партийных чиновников, Мао дал понять, что в его отношении к кампании появились перемены. Впервые происходящие уже в Народной Республике события он определил как «ревизионизм». Ревизионисты, говорил Мао, отрицают классовый характер прессы, превозносят буржуазный либерализм и буржуазную демократию, отвергают руководящую роль партии. Такие люди представляют для КПК величайшую опасность и работают они рука об руку с интеллигенцией самого «правого» толка. Именно эти «праваки» (еще одно новое определение) несут ответственность за поток грязных нападок:

«"Праваки" ни черта не смыслят в диалектике — когда вещи достигают наивысшей точки своего развития, они переходят в свои противоположности. Пусть "праваки" еще какое-то время разнузданно гнут свое, мы дадим им возможность дойти до предела. Кое-кто говорит, что они боятся оказаться на крючке... заманенными вглубь, окруженными и уничтоженными. Но теперь, когда рыба сама идет в руки, нет смысла бросать в воду еще и крючок... Перед "праваками" альтернатива: либо одуматься, либо продолжать сеять смуту — на свою погибель. Выбор за вами, господа. Инициатива — ненадолго — за вами».

Подобная перемена была не столь драматической, какой могла бы показаться. Уже в апреле, обращаясь к партийным работникам в Ханчжоу, Мао говорил: «Мы не устраиваем засаду для врага, мы всего лишь даем ему зайти в сеть по собственной воле». В мае он сместил акцент: если раньше внимание Председателя было обращено к «цветам», то сейчас его больше интересуют корни «ядовитых сорняков».

Поскольку на циркуляре стоял гриф «Секретно», ни публика, ни сами «праваки» о предложенном Мао выборе так и не узнали.

Центр кампании переместился в городок Пекинского университета, где рядом со студенческой столовой сложили из кирпича «стену демократии», буквально через день покрытую несколькими слоями листовок и плакатов. Тысячные толпы собирались вокруг ораторствующих студентов, чтобы послушать их рассуждения о многопартийной системе или сравнительный анализ социализма и капитализма. Появилась у молодежи и своя Пасионария — 21-летняя студентка филологического факультета Линь Силин. Она обвинила партию в насаждении «феодального социализма», потребовала свернуть все реформы и гарантировать людям основные гражданские свободы. Стали возникать студенческие ассоциации: «Горькое лекарство», «Голос снизу», «Дикие травы», «Весенний гром». Они занимались распространением написанных от руки и размноженных на ротаторе журнальчиков, для «обмена опытом» слали гонцов в другие города.

Прошла неделя, и Мао решил выйти в народ. На встрече с представителями Лиги китайской молодежи он предупреждал: «Любое слово или поступок, не соответствующие духу социализма, ошибочны в корне». Через несколько часов его фраза, написанная гигантскими белыми иероглифами, украсила стену университетского здания.

Однако погасить зажженное пламя оказалось далеко не просто. Студенческие активисты в открытую призывали положить конец господству Коммунистической партии. Вдохновленные их примером, преподаватели с юношеским задором раздували огонь: правление Мао было расценено как «весьма спорное» и «беспомощное». Вина за отсутствие в Китае демократии целиком лежит на руководстве партии, заявил профессор из Шэньяна. Его коллеги говорили о «бесчеловечной тирании, взявшей на вооружение фашистские методы Освенцима». Учащиеся средних школ в Ухани вышли на улицы и штурмом взяли здание городской администрации. Подобные же беспорядки имели место в Сычуани и Шаньдуне.

8 июня, менее чем через полтора месяца после начала кампании, Мао поднял партию в контратаку.

«Среди наших граждан нашлись такие, — писала «Жэньминь жибао», — кто пытается использовать всенародное движение, чтобы расправиться с Коммунистической партией, свергнуть власть рабочего класса и повернуть вспять великое дело социалистического строительства». В тот же день Мао заявил Центральному Комитету, что «некоторую часть партии поразила реакционная гниль, и гной уже начинает выходить». Че-

рез десять дней впервые было опубликовано его февральское обращение к ученым по вопросу о противоречиях в уже значительно доработанном виде. Новое откровение определяло шесть критериев, по которым можно было отличить «прекрасные цветы» от «ядовитых сорняков». Они еще раз подтвердили слово, данное Мао партийным чиновникам перед началом кампании: дозволенной будет только та критика, которая укрепляет, а не подрывает авторитет и позиции партии.

1 июля в очередной передовой статье «Жэньминь жибао» Мао обрушился на министра лесной промышленности Ло Лунцзи и министра связи Чжан Боцзюня, лидеров небольшой коалиционной партии «Демократическая лига», с обвинениями в формировании контрреволюционного альянса и проведении «антикоммунистической, антинародной и антисоциалистической буржуазной линии». Ему необходимо было дать понять, что политика «ста цветов», правильная по своей сути, саботируется группой экстремистов, стремящихся повернуть стрелки часов вспять.

Действия Мао можно расценить как вероломные и дальновидные одновременно. Обвинения против Ло и Чжана являлись такой же фальшивкой, как и «контрреволюционный заговор Ван Шивэя» в 1943 году и дело о «клике Ху Фэна» в 1955-м. Цель у него была одна: дать официальные обоснования уже начавшимся акциям против инакомыслящих. Служившая «рупором реакционеров» «Гуанмин жибао» под давлением Мао просто выполнила все его требования, так же, как и большинство «праваков». Предложенные им шесть критериев оказались настолько жесткими, что, если бы Мао выдвинул их еще в своей февральской речи перед учеными, «расцвет и соперничество» просто не смогли бы развернуться. Однако в ходе кампании он неоднократно подчеркивал: «Никаких запретов, никаких узких рамок! Народ разберется сам. Мы должны доверять массам».

Для чего же ему понадобился столь резкий поворот?

Однозначный ответ найти трудно. Кампания «ста цветов» вовсе не была изначально запланированной, как в один голос уверяли ее жертвы и сторонники, ловушкой для простаков. Ни в коей мере не являлась она и «колоссальной ошибкой» Председателя, на чем продолжают настаивать многие западные исследователи.

Мао никогда не верил интеллигенции. Наблюдая за ней в Яньани, он пришел к твердому убеждению: полагаться на этих людей нельзя. Все предыдущие кампании начала 50-х только подтверждали правильность его вывода.

На протяжении всей кампании «ста цветов» Мао говорил о «коже» и «волосках»: с отмиранием старой, буржуазной экономической «кожи», интеллигенции, этим идеологическим «волоскам» предстоит трудная трансплантация в новую «кожу» пролетарской экономики.

Предстояло найти ответ на вопрос: сколь многочисленными окажутся «экстремисты» и какую силу они представляют? Здесь Мао допустил не одну, а две ошибки. Он недооценил мощь поднятой волны общественного недовольства и был слишком уверен в способности кадровых партийных работников противостоять ей. То, что началось как попытка перекрыть образовавшуюся между народом и партией пропасть, привело, наоборот, к ее углублению. Тщательно спланированная кампания стала ловушкой не для кучки «ревизионистов» — в ее силки попали сотни тысяч веривших слову партии добропорядочных граждан.

Такой поворот событий являлся личной заслугой Мао. И все же он решился на него с известными колебаниями. Позже он сказал, что был «введен в заблуждение» охватившей партию и общество в целом паникой по поводу возможности широкомасштабных волнений. Летом и осенью Мао продолжал уверять: политика кампании абсолютно верна. «Праваки», безусловно, являются контрреволюционерами, но отношение к ним остается самым снисходительным. «Допускавшиеся в прошлом крайности никогда не давали хороших результатов. Мы должны быть более дальновидными».

Понятие снисходительности было для Мао весьма относительным.

«Праваков» не расстреливали. Наиболее заметные фигуры — Ло Лунцзи, Чжан Боцзюнь и присоединившийся к ним еще один министр, Чжан Найци, попали через два года под амнистию и вышли на свободу. Но дичь помельче — пятьсот двадцать тысяч человек, то есть каждый двадцатый китайский интеллигент, прошли «трудовое перевоспитание» либо оказались высланными в деревню, чтобы учиться классовой сознательности у крестьян. Во многих партийных организациях существовала квота: пять процентов членов подлежали разоблачению как «праваки». Первыми жертвами становились люди, чье прошлое вызывало у партии сомнения, или те, кто выпал из ее номенклатуры несколькими годами ранее.

Арестованный профессор У Нинкунь провел три года в лагерях: сначала в Маньчжурии, затем неподалеку от Тяньцзиня. Сотрудница управления милиции из Чанша после критики своего непосредственного начальника была отправлена на

«перевоспитание» в пригород. Опасаясь, что ярлык «правака» навесят и на него, муж дал ей развод и уехал с детьми к родственникам. Руководитель ассоциации торговцев пекинской улицы Ванфуцзин провел с короткими перерывами двадцать лет в различных исправительных учреждениях. Были разрушены жизни более полумиллиона человек, не считая членов их семей. В отличие от помещиков или контрреволюционеров, люди несли наказание не за поступки, но за высказанные вслух мысли.

На этот счет у Мао имелась своя точка зрения: «Такие люди не просто чешут языки. Они действуют. Они виновны. Пословица «говорящий не виноват» к ним не относится».

Не очень убедительное объяснение.

Трагедия кампании «ста цветов» заключалась в том, что Мао действительно хотел, чтобы интеллигенция начала «думать самостоятельно» и по собственной воле присоединилась к революции. «Моя цель, — говорил он кадрам партии, — создать такую политическую обстановку, в которой будут присутствовать централизм и демократия, дисциплина и свобода, единство цели и независимость мышления».

На практике эта формула оказалась совершенно нежизнеспособной. К середине 50-х годов Мао был настолько убежден в правильности своих умозаключений, что никак не мог представить, чтобы люди, предаваясь свободным размышлениям, начали думать не так, как думал он. Разве может независимость мышления приводить к идеям, которых он не одобряет и считает необходимым подавлять? В жизни всегда побеждала дисциплина, под натиском партии свободомыслие не выстояло. Процесс корчевания «ядовитых сорняков» означал полную победу воли над здравым смыслом.

Кампания «ста цветов» имела и иные, более отдаленные последствия.

Борьба с «праваками» так жестоко опалила своим пламенем интеллигенцию, что никогда больше она не сможет поверить Мао. Четверть века спустя, уже перед самой смертью, старый торговец с улицы Ванфуцзин завещал семье: «Уберегу вас Небо от веры в Коммунистическую партию!»

Души людей, столь необходимых Мао для строительства нового Китая, были наполнены недоверием и страхом.

За восемь лет, прошедших после победы, жизнь Мао изменилась до неузнаваемости. И не только потому, что те-

перь он обладал практически неограниченной властью. Лидер шестисотмиллионной нации, он превратился в фигуру августейшую, окруженную божественной аурой, которая отделяла его от коллег и полностью изолировала от простых смертных.

Через месяц после провозглашения Народной Республики Мао переехал в Чжуннаньхай (буквально: «Центральное и Южное моря») — окруженный стеной квартал бывшей резиденции высшей маньчжурской знати, расположенный в парке неподалеку от Запретного города и отделенный от него рукотворными озерами, давшими название всему комплексу. При Гоминьдане, когда столицей страны был Нанкин, квартал пришел в упадок и ветхость, но в 1949 году старые дворцы реставрировали для Политбюро, а рядом с ними построили трехэтажные здания, где разместились ЦК КПК и Государственный Совет КНР. Мао и его ближайшие помощники разместились в библиотеке жившего в XVIII веке императора Цяньлуна, носившей название «Фэнцзэюань», или «Храм Милосердного Изобилия»: над южным входом в библиотеку висела деревянная панель с покрытыми золотом иероглифами, написанными, по преданию, самим императором. Во внутреннем дворе в тени кипарисов и пиний находились личные апартаменты Мао. Просторная, с высоким потолком комната служила спальней, кабинетом и гостиной одновременно. Рядом находилась большая столовая, за ней — спальня Цзян Цин. Дочери Ли Мин и Ли На, а также осиротевший внук Мао Юаньсинь жили в соседнем здании под присмотром старшей сестры Цзян Цин.

Как и для Цяньлуна, Чжуннаньхай стал для Мао уединенной и тихой обителью. Императорских евнухов заменили многочисленные секретари и телохранители. Резиденцию Председателя окружали три неприметных кольца охраны, которую осуществляли сотрудники специального подразделения. Продукты доставлялись из особого, также усиленно охранявшегося хозяйства, а блюда перед подачей на стол проверяли на наличие яда. После смерти Жэнь Биши, последовавшей в октябре 1950 года, за Мао, как и за другими высшими руководителями, были закреплены персональные врачи. В Яньани и Шицзячжуане Мао обладал полной свободой передвижения, хотя и в сопровождении охраны. Сейчас же он и шагу не мог ступить без того, чтобы телохранители загодя не разработали детальный маршрут прогулки или поездки. Разъезды по стране проходили исключительно в бронированном вагоне. Летал Мао крайне редко: охрана считала, что существует

опасность подложить в самолет бомбу либо тайваньские националисты попытаются сбить машину зенитным огнем*.

В течение первых лет своего правления Мао время от времени пытался ускользнуть от бдительного ока охраны, и обычно это заканчивалось неприятностями.

Ли Иньцяо, его главный телохранитель, вспоминал об одном таком случае в Тяньцзине. В нарушение регламента поездки Мао захотелось пообедать в ресторане. Владельца тут же известили об ожидаемом высоком госте. Всех посетителей немедленно выпроводили, и за столики уселись переодетые агенты охраны. Но когда Мао, поднимаясь на второй этаж по лестнице, остановился у окна и выглянул на улицу, его узнала женщина, развешивавшая белье на балконе дома напротив. Ее восторженные крики собрали такую толпу, что вызванному военному патрулю потребовалось шесть часов, чтобы убедить людей разойтись. Впоследствии, когда Мао приходило в голову нарушить разработанный маршрут, напоминание об инциденте в Тяньцзине всегда помогало охране убедить его не делать этого.

Отсутствие семьи усиливало ощущение изоляции. Аньин погиб, Аньцин находился в психиатрической клинике в Далянне. На протяжении почти всего периода 50-х годов Цзян Цин спала отдельно: вначале из-за психосоматического заболевания, понять природу которого не могли ни в Китае, ни в Москве. Позже врачи обнаружили у нее рак матки. В московских клиниках Цзян Цин прошла несколько курсов лечения, и самый длительный из них тянулся более года. Избавляясь от супруги, Мао только радовался, а когда она умоляла его разрешить ей вернуться, муж настаивал на том, что лечение обязательно должно быть доведено до конца. По свидетельству Ли Чжисуя, личного врача Мао, уже к 1955 году супруги жили раздельно: связывавшая их взаимная привязанность давно испарилась. Ли Иньцяо, питавший к Мао искреннее расположение, еще в начале 50-х годов пришел к выводу, что брак Председателя оказался не очень счастливым. Муж и жена работали и спали в разных комнатах, не встречаясь даже за едой. В те редкие

---

* Основания для таких опасений имелись: в 1955 году самолет, на котором Чжоу Эньлай собирался лететь в Индонезию, был взорван бомбой, подложенной агентом Чан Кайши в Гонконге. Получив информацию о готовящемся акте, китайская разведка предупредила премьера, и Чжоу отсрочил вылет, однако несколько членов его делегации, отправлявшиеся в Джакарту для подготовки визита, погибли. — *Примеч. авт.*

моменты, когда им приходилось бывать вместе, Цзян Цин начинала действовать Мао на нервы, и позже он недовольно выговаривал охране, что не желает ее видеть.

Возраставшая отчужденность в отношениях с Цзян Цин заставляла Мао с тоской вспоминать о прежних женах: Хэ Цзычжэнь и Ян Кайхуэй. Мысли о последней подтолкнули его к написанию романтического, проникнутого тихой грустью стихотворения «Бессмертные». В нем Мао обращался к своему старому другу Ли Шуи — женщине, в одиночку растившей сына после того, как ее муж Лю Чжисюнь был убит гоминьдановцами почти одновременно с Ян Кайхуэй. Иероглифы «Ян» и «Лю» означают «тополь» и «ива», и названия этих деревьев Мао увязывает с древней легендой об У Гане, который, подобно Сизифу, обречен был вечно рубить росшую на Луне кассию:

Я расстался с гордым тополем, а ты потеряла иву:
Тополь и ива ушли высоко в небеса.
Там, в вышине, У Ган свел их с коричным деревом.
Одинокая богиня Луны разметала роскошные волосы
В танце перед двумя благородными душами,
Но внезапная весть приходит с Земли: тигр свирепый наказан.
Слезы падают вниз, подобные каплям дождя.

Слезы радости (от победы над Чан Кайши) были и слезами горечи, что отражало настроение Мао, погрузившегося в воспоминания о былых, более счастливых временах*.

В пустоту своего одиночества Мао одну за другой приводил все новых утешительниц; переступив шестидесятилетний рубеж, источник земных радостей он находил уже в совсем молоденьких девушках.

Зародившаяся в Яньани традиция субботних танцевальных вечеров получила продолжение в Чжуннаньхае. Когда музыка смолкала, Мао вел свою партнершу в спальню, где занятиям любовью ничуть не мешали высившиеся на широкой постели стопки книг. Девушки приходили из танцевальных ансамблей НОА, куда они отбирались по строгим критериям внешности и политической бла-

* Через несколько недель после написания «Бессмертных» Мао пригласил в Пекин Чэнь Юин, которая была у него с Ян Кайхуэй домработницей в Чанша. Старые знакомые проговорили больше двух часов, а перед уходом своей гостьи Мао сказал, что, повидавшись с ней, он как бы снова встретился с Ян Кайхуэй. — *Примеч. авт.*

гонадежности. В любви, как и в танцах, Мао был достаточно неуклюжим — если верить словам одной из приглашенных, — но изобретательным и неутомимым.

Французский политик Морис Форэ как-то заметил о Миттеране: «Исходившие от женщин флюиды сводили его с ума». То же самое можно смело отнести и к Мао.

Среди богатой коллекции книг по истории и литературе на его полках стояли копии даосских манускриптов, с незапамятных времен посвящавших отпрысков знатных фамилий в тайны плотской любви. Имелся там и текст времен династии Хань — «Секреты проститутки», — имевший особую ценность для мужчин, первая молодость которых давно прошла:

«Слияние мужчины и женщины можно уподобить соединению Неба и Земли. Именно потому Небо и Земля пребывают вовеки, что им известны истинные законы такого единения. Мужчина не смог сохранить данный секрет. Вновь познав его, он обретет бессмертие... Тайна проста: на протяжении жизни мужчине необходим частый, постоянный контакт с молодым женским телом, но семя свое он должен дарить женщине в исключительных случаях. Это сделает его мышцы упругими и легкими, изгонит все недуги... Тому, кто стремится продлить жизнь, следует обращаться непосредственно к ее источнику».

Китайский народ — нация очень практичная, за ее пуританским фасадом всегда крылась куда большая, чем в Британии или Америке, сексуальная терпимость. В стремлении Мао доставить себе удовольствие никто не видел ничего дурного. Даже Цзян Цин со стоическим молчанием взирала на похождения мужа. Критике его подобное поведение подвергалось только за лицемерие, да и то единожды, уже после смерти Мао: в Китае, где за не освященную узами брака половую связь человека отправляли на «перевоспитание» в лагерь, лишь Председатель мог безнаказанно каждую ночь делить постель с новой девушкой. «Проститутка», как и другие древние тексты, служила чем-то вроде фигового листа классических традиций, объяснявших жажду инь, женского начала, избытком мужской силы ян. Правда, телохранители Мао имели свою теорию: у него была власть, значит, у него было право.

Существовавший порядок устраивал обе стороны: в отличие от времен империи посещавшие Мао девушки не являлись его наложницами. Скорее, они напоминали фанатических приверженок какой-нибудь поп-звезды в странах Запада. Некоторое время девушки грелись в лучах славы, отраженных постелью Пред-

седателя, безмерно гордые его выбором. Позже окружение Мао находило каждой добропорядочного мужа-коммуниста.

Кое-кто начинал подозревать, будто стареющий Председатель постепенно впадает в маразм и просто забыл о том, что, как и все, смертен. Более точным выглядит наблюдение Ли Иньцяо, заметившего: «Мао окружает себя молодыми людьми в попытке отогнать чувство одиночества». Эту обязанность выполняли девушки. Как и юноши, бывшие на положении личной прислуги Председателя. На протяжении последних двадцати лет жизни Мао неоднократно признавал, что они стали для него как бы членами семьи. Видел он их куда чаще, чем своих дочерей, большую часть времени проводивших в пансионе при школе. Молодые люди подавали Мао в постель снотворное, делали ему успокаивающий массаж, помогали одеваться и накрывали на стол, словом, следили за каждым его шагом. Однако прислуга приходила и уходила, членов этой искусственной «семьи» не связывали внутренние обязательства, они не знали общих радостей и волнений.

За пределами такого весьма узкого круга на протяжении всего периода пребывания у власти Мао был полностью лишен нормальных человеческих отношений. Контакты с Политбюро оставались чисто политическими. Если Сталин любил время от времени устраивать шумные ночные пирушки с друзьями, то Мао все глубже погружался в одиночество. Дружба была ему заказана. «Отношения между человеком и Богом существуют лишь в форме молитвы и ответа молящемуся, — написал годы спустя Ли Иньцяо. — Ни о каком равенстве не может идти и речи». Прежде значительное внимание Мао привлекали военные вопросы: гражданская война, борьба с японскими агрессорами, война в Корее.

В 1953 году у него осталась только политика.

Кампания «ста цветов» явилась первой попыткой Мао уйти от жесткой вертикали командной системы по советскому образцу, попыткой найти собственный путь развития страны, которой он правил. Н.С. Хрущев эту позицию не одобрил. Позже Мао сказал ближайшим коллегам, что «у Советов окаменели мозги, они напрочь забыли об основах марксизма-ленинизма».

Когда в разгар борьбы с «праваками» кампания внезапно прекратилась, Мао вновь затосковал по старой и проверенной стратегии мобилизации масс, так хорошо зарекомендовавшей себя в процессе создания сельскохозяйственных кооперативов.

Весной 1956 года он попытался применить тот же принцип и в экономике. Однако «малый скачок вперед» закончился неудачей: руководители на местах в своем рвении завысили плановые показатели настолько, что и у рабочих, и у крестьян опустились руки. С предложением Чжоу Эньлая снизить нереальные темпы Мао согласился, но с крайней неохотой. Посланная ему на утверждение статья для «Жэньминь жибао» о необходимости «остановить ненужную спешку» вернулась к автору с начертанными рукой Мао двумя иероглифами: «Не читал».

Сделанную Чжоу уступку Председатель объяснял тем, что в экономике, как и на войне, наступление должно быть не одномоментным, а представлять собой ряд мощных волн. «У него есть высшие и низшие точки, — указывал Мао, — и на смену одной волне приходит другая... Развитие событий и явлений происходит по закону распространения волн». «Малый скачок» завершился провалом потому, что совпал по времени с низшей точкой волнового продвижения вперед всей экономики; будь момент для его осуществления выбран более осмотрительно, принятые меры закончились бы успехом.

Осенью 1957 года Мао решил попробовать еще раз, и теперь руководство партии и страны встретило его план почти единодушным одобрением. Советская модель развития признана несостоятельной: производимая кооперативами продукция явно недостаточна для обеспечения нужд программы индустриализации, научно-технические кадры, призванные обеспечить ее проведение в жизнь, проявили свою политическую неблагонадежность, финансовая помощь Москвы отсутствует. Все свободные ресурсы Кремль направляет братским социалистическим странам Восточной Европы. Партия пришла к выводу: резкий, взрывообразный старт китайской экономики обеспечит переток избыточной рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность.

Нововведения в экономической жизни страны сопровождались переменами в политике.

Весной, в ходе кампании «ста цветов», Мао неустанно повторял одобренную 8-м съездом КПК формулу о «фактическом завершении» классовой борьбы. Но после начала повсеместной критики «праваков» в июне 1957 года он утверждал, что, хотя «основные классовые битвы уже выиграны», классовая борьба как таковая еще далека от окончания. Главные противоречия китайского общества лежат не в сфере экономики, как ошибочно посчитал съезд, а на разделительной полосе между дорогой, ведущей к ка-

питализму, и путем в социализм. Так была подготовлена почва для новой вспышки уже «левацких» настроений.

На октябрьском пленуме ЦК КПК Мао раскрыл перед участниками величественную картину будущего, которое несет хозяйственная революция в деревне. По производству зерна Китай выйдет на первое место в мире, а выплавка стали через пятнадцать лет составит двадцать миллионов тонн ежегодно (то есть в четыре раза превзойдет показатель 1956 года). Необычным был и предложенный Мао метод борьбы с сельскохозяйственными вредителями. Китаю предстояло превратиться в страну «четырех нет»: нет крыс, нет воробьев, нет мух, нет комаров. На их полное уничтожение плечом к плечу поднялись жители городов и деревень. Вот что вспоминал побывавший в то время в Китае советский экономист:

«Утром меня разбудил душераздирающий женский вопль. Бросившись к окну, я увидел, как по крыше дома напротив носилась девушка, размахивая длинным бамбуковым шестом с привязанными к нему тряпками. Вот она остановилась, и в то же мгновение на улице раздалась громкая барабанная дробь. Девушка вновь принялась истошно вопить, поражая невидимого врага выпадами своего "копья"... Тут я понял, о чем велись слышанные краем уха вчера вечером разговоры: полотенца и тряпки, которыми воинственно потрясали женщины, должны были постоянно держать пернатых в воздухе, лишая их возможности присесть и передохнуть».

Начинание принесло результаты. Очень скоро на улицах городов и сел появились целые горы бездыханных птичьих телец. Побывавший в стране несколько месяцев спустя другой иностранец сообщал, что за четыре недели ему ни разу не довелось увидеть ни воробья, ни ласточки, зато и мух попалось на глаза не более десятка. К сожалению, Мао пренебрег предупреждениями о том, что уничтожение птиц приведет к нашествию гусениц, пожиравших все посевы. На следующий год воробьев в качестве объекта охоты сменили клопы.

Революционный порыв в Китае сопровождался выдающимися событиями в жизни других стран. 4 октября, когда проходил пленум ЦК КПК, Советский Союз запустил первый искусственный спутник, а Соединенные Штаты, по словам Мао, «не швырнули в космос даже картофелину».

Вскоре после этого Хрущев заговорил о поразительно высоком на Западе уровне производства мяса и молочной продукции, заметив, что «дело здесь вовсе не в арифметике, это — вопрос политический». Для Мао его фраза прозвучала музыкой —

буквально на днях он убеждал ЦК: в вопросе политики и технологии «политика первична и всегда занимает господствующее положение». Прибыв через месяц в Москву для участия в совещании коммунистических и рабочих партий, Мао услышал о планах советских руководителей обогнать США по добыче угля, нефти, производству железа, стали, электроэнергии и товаров народного потребления всего за пятнадцать лет. Услышав в словах Хрущева личный вызов, Мао спокойно проинформировал вождей мирового коммунизма, что за тот же срок Китай обойдет Великобританию. Затем он представил делегатам совещания свой анализ положения дел в мире, сопроводив его цитатой из классического романа «Сон в красном тереме» — «...либо ветер с востока преодолевает ветер с запада, либо ветер с запада преодолевает ветер с востока»:

«В данный момент международная ситуация подошла к поворотному пункту... Характеризуется он тем, что ветер с востока уже преодолевает ветер с запада. Другими словами, силы социализма стали намного могущественнее сил империализма. Думаю, теперь вполне можно говорить о том, что мы оставили Запад позади. Далеко ли? Не наступает ли он нам на пятки? Мне представляется, хотя я, может быть, и слишком оптимистичен, что нас ему уже не догнать никогда».

В этом возбужденном, чтобы не сказать эйфорическом, состоянии Мао возвратился в Пекин. Цели ясны, задачи определены — за работу, товарищи! Пообещав превзойти Великобританию, он поставил страну перед необходимостью в начале 70-х выплавлять ежегодно сорок миллионов тонн стали, то есть вдвое больше, чем установил пленум ЦК полутора месяцами ранее. А ведь оставалось еще производство оборудования, цемента, химических удобрений. Оставался вопрос: как?

В поисках ответа Мао отправился в четырехмесячную поездку по стране. Из южных провинций Китая он поехал в Маньчжурию, в марте прибыл в Сычуань, откуда по Янцзы спустился пароходом до Ухани, чтобы уже в апреле посетить Хунань и Гуандун.

Как и в начале 30-х годов в Цзянси, для выработки новой политики Мао требовалось собственными глазами увидеть «правду жизни». Однако имелось и существенное отличие: четвертью века раньше, в Китайской Советской Республике, Председатель мог свободно разъезжать там, где ему вздумается. В 1958 году, уже в Народном Китае, каждый его шаг тщательно расписывался на недели, а то и месяцы вперед. Поиски правды означали встречи с первыми секретарями провинциальных комитетов, которые

везли высокого гостя в образцовые хозяйства, чьи руководители, как их проинструктировали, говорили Мао лишь то, что ему так хотелось услышать. Данные, объективно отражавшие положение дел, до него так и не доходили. Иллюзия глубокой информированности на практике оказалась намного опаснее обычного незнания.

В каждом пункте своих остановок Мао созывал совещание кадровых партийных работников, закладывая теоретические обоснования «большого скачка вперед».

4 января 1958 года в Ханчжоу он впервые высказал идею «непрерывной революции», тут же подчеркнув, что она не имеет ничего общего с троцкистской ересью о революции «перманентной». За социалистической революцией, то есть уже завершившимся в Китае обобществлением средств производства, без всякого перерыва последуют «революция в идеологии и политике» и «техническая революция». Последняя, пояснял Мао, будет означать «новый подъем уровня продукции».

Через десять дней в Наньнине он обратил свой гнев против тех, кто выступал полутора годами ранее против политики «малого скачка». «По делу о безоглядной гонке вперед главным обвиняемым прохожу я, — заявил Мао. — Вы против нее. Что ж, в таком случае я против вас!» Чжоу Эньлай был вынужден выступить с самокритикой, признаться в «политической нерешительности» и «правоконсервативных ошибках». В марте в Чэнду Мао обрушился на планирующие ведомства — за их «рабскую приверженность советскому опыту», и на всю партию — за «рабское преклонение перед специалистами вообще и буржуазными специалистами в частности». Месяцем позже в Ханькоу он пошел еще дальше и объявил буржуазную интеллигенцию «классом эксплуататоров», с которым необходимо вести «беспощадную борьбу». Китай обязан избежать участи быть скованным чуждыми ему экономическими законами:

«Мы должны избавиться от предрассудков и веры — или недоверия — в ученых... При обсуждении любой проблемы необходимо принимать во внимание и вопросы идеологии. Способы решения проблемы подчинены политической точке зрения. Как можно опираться лишь на цифры, забывая о политике? Отношения между политикой и цифирью такие же, как между офицерами и солдатами: *командует политика*». (Выделено самим Мао.)

Политическая доминанта характерна для всех выступлений Мао, однако нечасто он столь категорично убеждал аудиторию в том, что фактами и цифрами можно пренебречь. В конце

весны 1958 года картина светлого коммунистического будущего непрерывно добавляла в его кровь адреналин: ничто на свете не сумеет противостоять объединенным усилиям шестисот миллионов человек.

Уверенность в собственной правоте подогревала начавшееся предыдущей зимой широкое движение за ирригацию всей страны. За четыре месяца сто миллионов крестьян вручную выкопали каналы и водохранилища, способные обеспечить водой почти девять миллионов гектаров земли. Их усилия превзошли самые смелые ожидания партии. Требовалось всего лишь «раскрыть шлюзы, забыть о предрассудках и предоставить полную свободу инициативе и творчеству масс», — заявил Мао в мае на втором этапе работы 8-го съезда КПК, когда будет официально объявлено о начале «большого скачка», и как бы в объяснение добавит: «Нет, мы вовсе не сумасшедшие!»

Как бы там ни было, установленные съездом плановые задания для сельского хозяйства и промышленности возросли в несколько раз.

В Чэнду Мао потребовал от провинциального руководства любой ценой оставаться в границах возможного. «Революционный романтизм — прекрасная штука, — говорил он, — но какая в нем польза, если мы не можем воспользоваться им на практике?»

В мае задание по выплавке стали Мао увеличил с шести до восьми миллионов тонн, а время, требуемое для того чтобы обойти Великобританию, сократил вдвое. США он намерен обогнать за пятнадцать лет — одновременно с Хрущевым. Собственно говоря, заявил Мао, Китай должен сделать это первым и «вступить в коммунизм с опережением графика». Вскоре понятие о разумном пределе потеряло всякий смысл. Осенью планировали выплавить без малого одиннадцать миллионов тонн стали, а всего тремя неделями позже уже «одиннадцать с половиной или двенадцать миллионов». К этому времени Мао предполагал в 1959 году получить тридцать миллионов тонн стали (и обогнать Великобританию), в 1960-м — шестьдесят (превзойти СССР), в 1962-м — сто (оставить позади США), а к началу 70-х выплавлять ежегодно семьсот миллионов, что в несколько раз превысит выплавку стали во всем остальном мире. Столь же стремительно увеличивались плановые цифры производства зерна: сначала триста миллионов тонн (вдвое больше последнего снятого урожая), затем — триста пятьдесят.

Цель ставилась одна — сделать Китай великой державой. «Хотя мы располагаем огромным населением, — сообщил Мао Политбюро, — нам еще не представлялось случая продемон-

стрировать всю свою мощь. Когда мы сравняемся с Великобританией и Америкой, даже Даллесу* придется уважать Китай и считаться с его статусом великой нации».

Но этим планы Председателя не исчерпывались. Новый Китай должен был обрести элегантность. «Французы сумели создать прекрасные архитектурные ансамбли, бульвары и улицы. Если на это способен капитализм, то неужели мы окажемся позади?» Красоту облика городов и деревень дополнит всесторонняя забота о повседневной жизни человека труда. Тань Чжэньлинь, бывший командиром батальона в Цзинганшани, который сменил на посту главного куратора сельского хозяйства, весьма трезвомыслящего Дэн Чжихуэя, развернул перед партией эпическое полотно такого изобилия, что могло бы заставить Хрущева побледнеть от зависти:

«В чем же заключается истинный смысл коммунизма?.. На первом месте стоит хорошая еда, которая даст не только ощущение сытости в желудке. В процессе поглощения пищи человек наслаждается вкусом мяса, смакуя цыпленка, нежную свинину, рыбу или яйца. Деликатесы типа мозгов обезьяны, ласточкиных гнезд или белых грибов должны быть доступны каждому «по потребности». Следом за едой идет одежда. Человек имеет право носить то, что ему нравится. Наши туалеты будут отличаться различным кроем, фасоном, богатством цветов, а не представлять безликую массу синих френчей... После работы люди наденут шелка, тонкое полотно, отороченную мехом верхнюю одежду. Затем приходит очередь жилища... Центральное отопление согреет дома на севере страны, кондиционеры принесут желанную прохладу на юге. Каждый получит комфортабельную квартиру в многоэтажном жилом комплексе. Естественно, в быт войдут телефоны, электричество, водопровод и телевидение. На четвертое место я бы поставил средства сообщения... Широкое развитие получит воздушный транспорт, во всех уездах откроются аэропорты. Пятое — в стране не останется людей без высшего образования. Все это вместе и даст нам коммунистическое общество».

Столь заманчивые перспективы виделись не одному только Таню. Мао и сам говорил о покрытых асфальтом шоссе, которые будут служить также и взлетными полосами для самолетов. По его мнению, каждый городок будет располагать собственным авиапарком, а среди жителей обязательно найдутся свои философы и учe-

* В то время Аллен Даллес являлся Государственным секретарем США. — *Примеч. пер.*

ные. «Это то же самое, что и игра в мацзян*, — с удовлетворением воскликнул Мао, рассуждая о грядущем богатстве. — Остается только удвоить ставки!» Членам Политбюро пришлось согласиться. Даже приземистый прагматичный Дэн Сяопин видел каждого китайца владельцем велосипеда, а женщин — на высоких каблуках и достающими из сумочки губную помаду.

Чем был вызван подобный полет фантазии?

Как мог Мао, который в стремлении к власти всю свою жизнь отличался редкостным умением взвесить каждый возможный и невозможный вариант развития событий, забыть о здравом смысле и предаться утопическим мечтам, не имевшим ничего общего с суровой действительностью? Что заставило людей типа Чжоу Эньлая и Бо Ибо, всего лишь за год до этого рьяно критиковавших куда более скромные проекты, выступить в поддержку едва ли не горячечных видений?

И сейчас, полвека спустя, на эти вопросы трудно найти полный и всеобъемлющий ответ.

Катализатором подобных настроений явился, бесспорно, запуск Советским Союзом искусственного спутника Земли. Он раскрыл перед Мао безграничные перспективы технического прогресса. Возможности науки очаровали его разбуженный интерес — скорее в средневековом, нежели в современном смысле. Мао запоем читал научно-популярную литературу, но не в поисках новых идей, а ради того, чтобы найти подтверждение собственных взглядов на мир. Очень скоро его выступления стали пестрить ссылками на научные аналогии, иллюстрировавшие те или иные политические воззрения: строение атома подтверждало противоречивость природы вещей и явлений; распространение в земной коре химических элементов доказывало, что предметы подвержены постоянным изменениям и переходят в свою противоположность; процессы метаболизма служили ярким примером всеобщего стремления к распаду на примитивные составляющие. Достижения науки обосновывали веру Мао в то, что человеческий разум постоянно одерживает триумфальные победы над прозаической действительностью (еще в 1937 году он называл это «воздействием разума на материальный мир»). Подобно философскому камню современности, наука превратит скудную китайскую реальность в общество благоденствия и процветания. Скучная дисциплина беспристрастного анализа и методичное выстраивание системы фактов были не для него. Китай не

* Настольная игра, разновидность костей, более всего напоминающая преферанс. — *Примеч. пер.*

имел своего Галилея, Коперника, Дарвина или Александра Флеминга, чья жизнь могла бы стать символом вечного сомнения в собственной правоте. Современная наука, как и современные промышленные технологии, являлась заморской диковинкой, еще не успевшей пустить корни в духовной жизни китайского общества. Мао открыто признавал, что ни о том, ни о другом он не имел ни малейшего представления. Его пленяла сама концепция перспективы безграничного прогресса посредством технической революции.

В стране, располагавшей сложившейся системой научной и промышленной экспертизы, выдвинутые политикой «большого скачка» цели были бы отвергнуты как несостоятельные мечтания.

В Китае этого не случилось. Из всего состава Политбюро лишь один Чэнь Юнь задавал неудобные вопросы по экономике, и с начала 1958 года его исподволь отодвигают в сторону. Некоторые сомнения имелись, вполне вероятно, у Чжоу Эньлая, однако он предпочитал держать их при себе, уже достаточно обжегшись на попытках противодействия безудержному стремлению Мао подстегнуть объективный процесс.

Обеими руками голосуя за политику Мао, Лю Шаоци, единственный среди других руководителей, руководствовался собственными мотивами. Его взаимоотношения с Чжоу Эньлаем содержали бо́льший элемент соперничества, чем оба готовы были признать. Претворять «большой скачок» в жизнь предстояло людям аппарата Лю, а не находившимся в подчинении Чжоу сотрудникам Госсовета. То, что вызывало головную боль у одного, приводило в ликование другого. К тому же еще двумя годами ранее Мао известил членов Постоянного Комитета Политбюро о своем желании оставить пост главы государства и отойти на «второй план». На 8-м съезде КПК Лю Шаоци был официально объявлен его преемником. Даже если у него и имелись сомнения относительно разумности грандиозных замыслов Председателя — а свидетельств тому нет, — то вряд ли Лю прельщала перспектива начать свое правление с новых экономических потрясений. Он просто закрыл глаза.

Оставшаяся часть Политбюро представляла собой старую гвардию Мао. Линь Боцюй работал с ним еще в Кантоне, а в начале 20-х годов Ли Фучунь, председатель Государственной комиссии по экономике, создавал вместе с Мао «Ученое общество новой нации». Выдвиженцы последнего времени, такие, как первые секретари Шанхайского горкома и Сычуаньского провинциального комитета партии, получили свои посты исключительно благодаря энтузиазму, с которым они

приветствовали начало «большого скачка». Группа военных, возглавлявшаяся Линь Бяо, ставшего уже членом Постоянного Комитета Политбюро, и министром обороны Пэн Дэхуаем, за долгие годы совместной с Мао борьбы на собственном опыте убедилась, что в подавляющем большинстве важнейших вопросов Председатель всегда оказывался прав.

В 1958 году никто из этих людей не был в состоянии бросить ему вызов. Так же, как и Мао, их наполняла уверенность: страна вступает в эру процветания. Единственный потенциальный противник нового курса — буржуазная интеллигенция дискредитировала себя сама.

Летом 1958 года Мао прекрасно понимал, чего он хочет, для него оставалось неизвестным лишь одно: каким образом претворить задуманное в жизнь. В мае он все еще пытался решить вопрос: есть ли, помимо опыта Советского Союза, более короткий и ровный путь к социализму?

Вариант ответа, хотя Мао даже себе не признавался в этом, был под рукой. Начавшаяся зимой кампания по ирригации привела к слиянию многих кооперативов: строительство каналов и дамб требовало мобилизации огромного количества рабочих рук.

Объединенные кооперативы являлись, по сути, готовыми кирпичиками для возведения светлого здания коммунистического общества. В конце июня Мао усиленно пытался вспомнить давнюю, еще домарксистских времен концепцию, которая позволила бы ему сделать дальнейший шаг вперед. «Мне необходимо, — говорил он, — нечто вроде большой коммуны, включающей в себя сельское хозяйство, промышленность, торговлю, образование, культуру и способность к самообороне». В его памяти все же всплыла Парижская коммуна 1871 года, о «непреходящем значении» которой Мао писал в 1926 году. Перед окончанием Первой мировой войны еще анархистом он сам жил в студенческом братстве — подобии коммуны.

9 августа 1958 года Мао публично объявил: «Народные коммуны — это хорошо!» Тремя неделями позже на приморском курорте в Бэйдайхэ, чуть к северу от Тяньцзиня, расширенное заседание Политбюро постановило, что «коммуны являются лучшей организационной формой построения социализма и постепенного перехода к коммунизму». Шеф тайной полиции Кан Шэн, один из немногих пользовавшихся абсолютным доверием Мао членов высшего руководства, сочинил речевку, которую к осени будут распевать миллионы крестьян:

Коммунизм — это рай,
И прямая дорога к нему лежит через народные коммуны!

Сам Мао был вдохновлен еще более. «Коммунистический дух — отличная штука, — сказал он в Бэйдайхэ. — Если человек живет лишь для того чтобы есть, то чем он отличается от собаки, которая пожирает дерьмо? Какой в жизни смысл, если не попытаться внести в нее хоть чуточку коммунизма?.. Мы должны на практике воплотить некоторые идеи утопического социализма». Путь вперед, доказывал он, лежит в возврате к «системе снабжения», использовавшейся в Яньани. Со временем функция денег в Китае отомрет, и продукты питания, одежда, жилье будут предоставляться людям бесплатно. «Обед в общественной столовой без денег и означает коммунизм, — говорил Мао. — Очень скоро нам не понадобятся никакие деньги».

На протяжении двух последующих месяцев «большой скачок» стремительно набирал силу. Лицо китайской деревни неузнаваемо преображалось.

Около пятисот миллионов человек, часть которых еще не привыкла к жизни в созданных пару лет назад кооперативах, с удивлением обнаружили, что теперь стали членами «жэньминь гуншэ», что буквально означало «общие народные организации», где беды и радости каждого делятся с тысячами чужаков из соседних деревень. Коммуна стала основной ячейкой села и моделью идеального устройства для всего общества. «В будущем, — отмечал Мао, — коммунами станут заводы, фабрики и целые города».

Для подавляющего большинства подобная перемена была довольно болезненной.

Земельные наделы и крупный скот подлежали конфискации. На юге страны жители должны были передавать в общий котел даже денежные переводы от родственников за границей. Семьи расставались с кухонной утварью — с появлением общественных столовых «в ней отпала нужда». Для стариков повсеместно организовывались «дома счастья», а дети обязаны были жить и воспитываться в детских садах. От родителей партия потребовала забыть о «сентиментальных буржуазных привязанностях» и перейти к единственно здоровому, коллективистскому, выстроенному по военной системе образу жизни. Идеальная семья — это супружеская пара, охваченная стремлением к стахановскому труду во имя процветания своей коммуны.

Официально предполагалось, что члены коммуны каждые два дня имеют не менее шести часов времени на сон,

но отдельные бригады с гордостью рапортовали о четырех, пяти днях безостановочного труда. Поскольку долго выдерживать подобное напряжение было невозможно, во многих местах крестьяне на всю ночь оставляли в полях зажженные лампы и укладывались спать. В случае появления проверяющего дозорный мигом поднимал остальных. Принцип материальной заинтересованности перестал существовать как бы сам собой, однако коммуны то и дело обнаруживали, что члены ее к такому повороту не готовы. Только самые передовые подразделения были в состоянии обеспечить «десять гарантий», которые включали «пропитание, одежду, жилье, образование, медицинское обслуживание, ритуальные услуги, стрижку, посещение культурных мероприятий, деньги на отопление и свадьбы».

Первоначальный энтузиазм объяснялся главным образом ностальгией по временам революции, когда уклад жизни отличали простота и дух беззаветного служения народу.

Подчиняясь приказу сверху, партийные работники трудились плечом к плечу с массами. С лопатой в руках Мао лично подал им пример, выйдя вместе с Чжоу Эньлаем и другими членами Политбюро на строительство водохранилища неподалеку от Пекина.

Запечатлевшую этот момент фотографию газеты распространили по всей стране. Начиная от генералов все офицеры НОА были обязаны прослужить месяц в звании рядового. Под лозунгом «Солдатом должен быть каждый» создавалась народная милиция, и, отправляясь в поле, крестьянин теперь вешал на плечо древнее кремневое ружье.

Главной целью «большого скачка» являлось увеличение выплавки стали и производства зерна.

Когда стало ясно, что крупным и средним сталеплавильным заводам выполнить намеченное партией не удастся, персонально отвечавший за это направление Чжоу Эньлай провозгласил о начале массовой кампании «дворовых домен». Они напоминали собой крошечные печки, в которых сельские кузнецы плавили металл для изготовления необходимого инвентаря.

Кампания принесла быстрый и впечатляющий результат. Всю китайскую деревню окутал дым труб. Настоящим энтузиастом нового почина стал работавший на пекинском радио Сидней Риттенберг. «Каждый холм, каждое поле, — писал он, — сверкает огнями домашних домен. Сталь производится теперь там, где прежде не выплавлялось и чайной ложки металла». Альфред Бельом, еще один американец, отдавший себя делу построения ком-

мунизма в Китае, смотрел на происходившее другими глазами. Когда его бумажная фабрика в Шаньдуне получила приказ приступить к строительству домен, «члены уличных партийных комитетов пошли по домам, собирая кастрюли и сковороды, снимая железные ограды и срывая с дверей замки... В печи оказались даже обогревавшие фабричный цех радиаторы». Посетивший Юньнань англичанин описывал, как в одной из деревень, где были построены четыре примитивные домны, он наблюдал сцену исступленной трудовой активности населения: «Люди тащили корзины с рудой, швыряли в топки уголь, погоняли тащивших груженые повозки буйволов, лили добела раскаленный металл в изложницы, по шатким лестницам взбирались посмотреть в печь, группами по десять — двенадцать человек откатывали в сторону горячие сутунки». Председатель местной коммуны объяснил, что выплавке стали жители обучились, прочитав газетную статью.

Подобное происходило по всему Китаю. Пекинские фабрики, университеты, правительственные конторы — даже Союз писателей! — создавали крошечные литейные мастерские. Одна из городских газет писала:

«Отвечая на призыв правительства, мы тоже начали во дворе редакции выплавку стали... Кто-то нес из дома кастрюли и чайники, другие тащили кирпич и известняк, третьи занимались кладкой. Всего за несколько часов была построена отражательная пудлинговая печь... Единственным из нас специалистом был молодой человек, который своими глазами видел, как такие же домны строили в других организациях».

В сентябре 1958 года четырнадцать процентов выплавки стали в Китае приходилось на небольшие кустарные мастерские. В ноябре эта цифра возросла до сорока девяти процентов. К моменту наивысшего подъема кампании в ней принимали участие девяносто миллионов человек — почти четверть работоспособного населения страны.

Столь высокий показатель занятости в «промышленности» привел к резкой нехватке рабочих рук на селе. Осенью под вопросом оказался сбор урожая. Уже в октябре повсюду закрывались школы, в поля ехали отряды учеников, студентов, продавцов магазинов. Ударные бригады трудились ночи напролет.

Руководство страны, и в первую очередь Мао, было уверено в том, что закрома родины пополнятся небывалым урожаем. Кучный посев и глубокая вспашка дали на опытных участках феноменальный результат. Некий ударник сельскохозяйственного труда поведал Дэн Сяопину о своем урожае в четыреста тонн с

гектара. Даже «обычные» высокопроизводительные поля рапортовали о семидесяти тоннах, на «простых» собирали от двадцати до пятидесяти — и это в стране, где даже в лучшие годы средняя урожайность поднималась не выше двух тонн с гектара. Политбюро заявляло о росте на «сто процентов, сотни процентов», на «тысячу процентов и более». К началу зимы отдельные рапорта зазвучали столь победоносно, что в них усомнился даже Мао. Однако в целом он все еще пребывал в убеждении: «зеленая революция» привела к невиданному взлету сельского хозяйства.

Помехой на пути интенсификации была высокая потребность в рабочих руках. Эта проблема подтолкнула Мао к отказу от программы контроля над рождаемостью. Такое решение привело, пожалуй, к наиболее драматическим последствиям политики «большого скачка».

Между тем руководство страны, отбросив на время все сомнения в сторону, готовилось вступить в светлое будущее.

На Декабрьском совещании ЦК КПК в Ухани Мао заявил, что урожай зерновых ожидается не менее четырехсот тридцати миллионов тонн, а это более чем в два раза превысит лучшие показатели прошлого. Из осторожности официально опубликованная цифра будет на пятнадцать процентов ниже. И хотя плановое задание по выплавке стали — почти одиннадцать миллионов тонн — тоже окажется выполненным, Мао признал, что из них лишь девять миллионов (позже он сказал — «восемь») соответствуют требованиям качества. Но Председатель пошел еще дальше и назвал установленные в Бэйдайхэ показатели нереалистичными: «Я совершил ошибку. Избыток энтузиазма помешал мне в то время правильно оценить революционное рвение масс и наши объективные возможности». Готовность подвергнуть себя подобной самокритике являлась лучшим доказательством твердой веры Мао в грандиозный успех «большого скачка». Об этом же говорили и новые цифры: более скромные, чем в Бэйдайхэ, они все же остались на недостижимой высоте. В 1959 году предполагалось выплавить двадцать миллионов тонн стали, в 1962-м — шестьдесят.

В конце 1958 года Председатель с удовлетворением оглядывался на достигнутое: «За прошедший год нам многое удалось. Ориентиры определены, реализуются такие планы, о которых в прошлом мы не могли даже мечтать». Собственный путь к коммунизму ведет в верном направлении. Еще одно усилие, и Советский Союз окажется позади.

Двумя годами ранее, в самом начале «малого скачка», Мао назвал китайский народ бедным и «чистым, как белый

лист бумаги». В этом и заключается, говорил он, огромное преимущество, поскольку «исписанный лист уже больше ни на что не годится». Тема бедности и чистоты продолжала присутствовать в его речах на протяжении всего «большого скачка». В апреле Мао написал:

«У шестисот миллионов людей, живущих в Китае, есть две примечательные особенности: во-первых, они бедны, во-вторых — чисты. Это может показаться недостатком, но на самом деле это — достоинство. Народ бедный стремится к переменам, он желает действовать, он жаждет революции. На чистом листе бумаги можно написать самые новые и красивые слова, изобразить самые новые и прекрасные картины».

Сделанное с беспримерным высокомерием заявление, его неприкрытая амбициозность и стремление распоряжаться жизнями и душами своих подданных так, будто люди представляют собой не более чем восковые фигуры, дают возможность чуть глубже понять психологию вступившего уже в преклонный возраст Председателя. Гордыня такого масштаба предвещала катастрофу.

И она не заставила себя ждать.

Ход строительства социализма в Китае начинал вызывать у советского руководства все возрастающую тревогу. Уже ноябрьский в 1957 году приезд Мао в Москву на международное совещание коммунистических и рабочих партий оставил у Кремля ощущение тяжести. Н.С. Хрущев сделал предложение, от которого было невозможно отказаться: он пообещал поделиться с Китаем тайнами производства ядерного оружия и подарить образец атомной бомбы — в обмен на то, что Мао окажет советскому лидеру личную поддержку и не будет возражать против главенства СССР в мировом коммунистическом движении. Мао был счастлив: «новый» Хрущев, страстно желавший обогнать Америку, нравился ему куда больше, чем автор «секретного доклада». Вопрос о том, кому должна принадлежать руководящая роль в лагере социализма, Председатель даже не затрагивал (хотя и мог бы заметить, что такой страной вовсе не обязана быть именно советская Россия).

Соглашение по ядерному оружию подтолкнуло и без того довольно непростые китайско-советские взаимоотношения к самому краю бездны.

Вдохновляемый убеждением, что «ветер с востока преодолевает ветер с запада», Мао раскрыл перед вождями мирового коммунизма апокалиптическую картину грядущего триум-

фа двух великих держав. В условиях поддержания прочного мира, заметил он, лагерь социализма станет непобедимым. Однако имелась и другая возможность:

«Давайте поразмыслим. Если вспыхнет новая мировая война, то сколько в ней погибнет людей? Во всех странах сейчас насчитывается около трех миллиардов человек, и треть из них могут сгореть в ядерном пожаре. В худшем случае гибель будет ожидать половину населения. Но другая-то половина выживет! Империализм окажется стертым с лица земли, и мир станет социалистическим. Пройдут годы, и мы получим те самые три миллиарда, если не больше...»

В этих взглядах не было ничего особо нового: подобные мысли Мао высказывал Джавахарлалу Неру еще в 1954 году, когда напряженность, возникшая в отношениях КНР с Тайванем, заставила США впервые намекнуть на вполне вероятное применение ядерного оружия. Через несколько месяцев в разговоре с финским дипломатом Мао употребил еще более леденящие душу примеры: «Если Америка располагает бомбой, способной проделать в земном шаре сквозную дыру, то в масштабах вселенной это окажется сущей безделицей, хотя и будет довольно заметным событием в солнечной системе». Однако в любом случае одно дело упомянуть о подобных перспективах в личной беседе, и совсем другое, когда речь о вселенских катаклизмах заходит на совещании коммунистических лидеров, приехавших в Москву более чем из шестидесяти стран. В словах Мао они услышали предсказание близящегося конца света. Кремль задумался над тем, имеет ли смысл доверять атомный арсенал человеку, столь невозмутимо рассуждавшему о ядерном Армагеддоне. Но соглашение к тому времени было уже подписано.

Весной следующего года Мао со спокойной душой принялся осуществлять «большой скачок». Взаимодействие с СССР в ядерной области открывало перед Китаем возможность в полной мере развернуть весьма дорого обходившуюся модернизацию обычных вооружений.

Н.С. Хрущев не оставлял попыток найти новые рычаги воздействия на ядерную программу Пекина. С этой целью он предложил углубить процесс военного сотрудничества, которое включит в себя совместное создание и использование мощной УКВ-радиостанции для связи с советским подводным флотом в Тихом океане (семьдесят процентов расходов брала на себя Москва, тридцать оставались Пекину). Другой такой центр должен был

обслуживать объединенную флотилию ядерных субмарин СССР и Китая.

К удивлению Хрущева, реакция Мао на его предложение оказалась крайне негативной. В июле, на встрече с советским послом в КНР Павлом Юдиным, Председатель с едким сарказмом выразил накопленное недовольство тем, в чем крылся, по его мнению, явный кремлевский произвол:

«Вы не верите китайцам! Вы всегда верили только себе! Русский человек для вас — существо высшее, в то время как китайцы продолжают быть недоразвитой нацией глупых и беспечных людей. Вот откуда исходит предложение о совместном владении и использовании такого объекта. Почему бы вам в таком случае не пойти на поводу у собственных желаний и не распоряжаться вместе с нами нашей армией, авиацией, флотом, нашей промышленностью, сельским хозяйством, культурой? Может быть, это вас удовлетворит? Либо вы захотите подчинить себе все десять тысяч километров береговой линии Китая, а мы останемся с какими-нибудь партизанскими отрядами? Обзаведясь несколькими атомными бомбами, вы решили, что в состоянии контролировать своего соседа. Чем еще можно объяснить ваше поведение?.. Вряд ли вам приятно сейчас слышать то, что я говорю... Но мне совершенно ясно, что русский национализм уже тянет свои руки к берегам Китая».

«Совместное владение» ассоциировалось у Мао с неравноправными договорами, навязанными Китаю в начале века западными странами, и с раздавшимся в 1950 году требованием СССР особых прав на территории Маньчжурии и Синьцзяна. У Хрущева, заметил Мао Юдину, хватило здравого смысла, чтобы аннулировать подписанные Сталиным соглашения, но прошло совсем немного времени, и он «сам уже начинает действовать, как его предшественник».

Позже в мемуарах Н.С. Хрущев написал, что доклад Юдина «прозвучал ударом грома среди ясного неба». По-видимому, так оно и было. Прошло десять дней, и вместе с министром обороны Р.Я. Малиновским Хрущев без всякой шумихи приехал в Пекин, чтобы попытаться разгрести образовавшийся завал.

У него ничего не вышло. Мао не только категорически отказался подписать хотя бы соглашение о сходе на берег в китайских портах экипажей российских субмарин. Желая лишний раз подчеркнуть несерьезность морской тематики, он вел переговоры у открытого бассейна в Чжуннаньхае, где собеседники загорали, по выражению Хрущева, «как ленивые тюлени на

теплом песке». Не умевшему плавать советскому лидеру пришлось всячески сдерживать бушевавшее в нем негодование, чтобы не скатиться в воду с надувного матраца.

Тремя неделями позже произошла новая ссора, на этот раз по поводу Тайваня.

В январе 1958 года НОА начала готовиться к очередной попытке занять острова Цюэмой и Мацу. Состоявшийся летом правительственный переворот в Ираке, который позволил США и Великобритании ввести свои войска на Средний Восток, открыл долгожданную возможность и перед Мао. 17 июля он заявил Политбюро, что атака на силы гоминьдановцев отвлечет внимание Вашингтона от сложной ситуации в Багдаде и даст миру понять: Китай всемерно поддерживает национально-освободительное движение. Первоначальный план предусматривал начало бомбардировки островов девятью днями позже, буквально накануне приезда Н.С. Хрущева, однако его осуществление было перенесено на конец августа. К этому времени руководитель советского государства выступил с предложением о четырехсторонней встрече России, США, Великобритании и Франции с целью найти способы разрядить напряженную обстановку. «Жэньминь жибао» по этому поводу едко заметила, что «глупо добиваться мира, заискивая перед агрессорами и сговариваясь с ними».

Однако, как выяснилось, Мао недооценил решимость американского правительства. По прошествии десяти беспокойных дней, когда Америка прозрачно намекнула на вероятность применения ядерного оружия, Пекин пошел на попятную. Уверившись в том, что угроза быть вовлеченным в конфликт миновала, Хрущев немедленно заверил Китай в своей готовности оказать любую помощь. Через два месяца кризис исчерпал себя сам. Командование НОА в лучших традициях пекинской оперы заявило: бомбардировки островов будут продолжены, но лишь по четным числам.

Обоюдная игра закончилась тем, что обе стороны вспомнили: поддержание нормальных рабочих взаимоотношений отвечает как интересам СССР, так и интересам Китая. Пекин начал с меньшим пылом рассуждать о так раздражавшем Москву прыжке в коммунизм, Хрущев же одобрил заем в пять миллиардов рублей, который должен был пойти на развитие китайской промышленности.

Однако за фасадом возобновившейся дружбы исподволь накапливалось обоюдное недоверие. В глазах Хрущева отказ Председателя от углубления военного сотрудничества, его бравада по вопросу ядерного уничтожения планеты и постоянное

доктринерство превращали Мао в партнера взбалмошного, неблагодарного и непредсказуемого. Для Мао стремление Хрущева в первую очередь улучшить отношения с США было предательством дела революции и мирового коммунистического движения. Встреча Первого секретаря ЦК КПСС с известным американским политиком Губертом Хэмфри, в ходе которой глава советского государства позволил себе недостаточно почтительно отозваться о КПК, явилась еще одним свидетельством отказа Кремля от основных принципов социалистической солидарности.

Всю весну 1959 года партия продолжала закреплять взятые в начале «большого скачка» темпы. О «дворовых домнах» пришлось, правда, забыть: их продукция ни на что не годилась. Покрываясь ржавчиной, дымовые трубы еще долго украшали сельские пейзажи и служили памятниками охватившему нацию безумию. К началу лета Мао признал, что плановые задания выплавки стали на 1959 год должны быть снижены с двадцати до тринадцати миллионов тонн. Становилось ясно: прошлогодние показатели производства зерна, в целом неплохие, тоже были чудовищно завышены. «Мы походим на ребенка, который узнает о боли только тогда, когда сунет палец в огонь, — с горечью говорил Мао. — В строительстве экономики мы объявили войну законам природы и вели ее без всякой стратегии и тактики». По провинциям была разослана директива, требовавшая от местных руководителей перестать оказывать какое-либо давление на крестьян. В противном случае, предупреждал Мао, КПК будет ждать участь древних династий Цинь и Суй, которые объединили страну только для того, чтобы пару десятилетий спустя жестокость правления привела их к падению.

Проблема по-прежнему заключалась не в смене основной мелодии, но лишь в правильной расстановке акцентов. Коммунизм, отмечал Мао, наступит, безусловно, не завтра, однако он вполне возможен через пятнадцать — двадцать или «чуть больше» лет. Несмотря ни на что, к партии постепенно возвращалось чувство реальности.

Когда взгляды на положение в стране относительно прояснились, на горном курорте Лушань, к югу от Янцзы, проходил Июльский пленум ЦК КПК. По дороге туда Мао впервые после 1927 года посетил отчий дом в Шаошани. Увиденное в пути лишний раз подтвердило успехи политики «большого скачка» и настоятельную необходимость борьбы с утопическим «левачеством» ее осуществления в глубинке. По прибытии в Лушань Мао принялся за дело.

Среди высшего руководства страны он был не единственным, кто совершил паломничество в родные места. Несколькими месяцами ранее министр обороны Пэн Дэхуай побывал в соседней с Шаошанью деревеньке Няоши, где он появился на свет. Однако его впечатления о поездке разительно отличались от выводов Мао.

Перед глазами Пэна все еще стояли картины бесславного окончания движения за выплавку стали: ржавевшие по полям слитки никому не нужного металла, заброшенные и полуразобранные жилые строения, вырубленные для розжига домен фруктовые деревья. В «домах счастья» он видел немощных стариков и старух, скудного рациона которых едва хватало на поддержание жизни; у многих не имелось даже одеяла. «Старцы еще могут скрипеть зубами, — сказал ему пожилой крестьянин, — детям же остается только плакать». В атмосфере деревень ощущался явственный запах мятежа. Крестьянство ненавидело почти военный уклад жизни, примитивную еду в общественных столовых, разрушение семей гневом наполняло их сердца. Кадровые работники находились под постоянным давлением: начальство требовало во что бы то ни стало обойти соседние коммуны. Стремление утереть нос сопернику повсеместно заканчивалось приписками, превышавшими реальные показатели в десять, а то и в двадцать раз. Нарушители этого негласного правила, как по секрету сказали Пэну, объявлялись «праваками» и подлежали суровой критике.

Пэн Дэхуай никогда не ходил у Мао в фаворитах. Слишком много было между ними стычек в прошлом начиная с зимы 1928 года, когда Пэн и небольшая армия его земляков-хунаньцев остались в Цзинганшани, а Мао так и не предпринял обещанный маневр, оставив их в окружении врага. Министр обороны присягал на верность партии, но никак не самому Мао.

В Шаошани Председатель вновь почувствовал прилив творческих сил. Новое стихотворение воспевало «зеленые волны рисовых полей» и «возвращавшихся на закате дня домой героев труда». Любовь к рифме заставила взяться за перо и Пэна. Но его строки повествовали о «втоптанных в землю зернышках проса» и «поломанной картофельной ботве». Первая строфа начиналась клятвой Пэна «говорить от имени народа».

Клятва осталась на бумаге. В 1959 году Пэн не позволил себе ни слова критики по поводу «большого скачка». Возможно, это объяснялось тем, что все его внимание было занято вспыхнувшим в марте восстанием в Тибете, возможно, сказались призывы Мао к сдержанности, в которых прозвучало обещание ис-

править самые вопиющие ошибки. Но главная причина крылась в невозможности для человека даже его ранга подвергнуть сомнениям тот курс, что упорно и последовательно отстаивал сам Председатель.

Пятью годами ранее Гао Ган уже пробовал перешагнуть установленные Мао границы. Попытка стоила ему жизни. В 1955 году Дэн Чжихуэй выступил против Мао в вопросе скорее техническом, нежели политическом, — о темпах коллективизации. В отличие от Гао Гана Дэн не наложил на себя руки, но фактически лишился всякой власти. Чуть позже Чжоу Эньлай поделился некоторыми сомнениями по поводу «малого скачка», чтобы через полтора года подвергнуть себя беспощадной самокритике. Столь же обескураживающими были примеры и тех, кто излишне откровенно высказывался в ходе кампании «ста цветов».

К 1959 году стало абсолютно ясно: единственной фигурой, имевшей полное право критиковать товарища Мао Цзэдуна и его политику, являлся сам Мао. Любому другому за это предстояло платить. По возвращении в Пекин Пэн Дэхуай благополучно забыл о намерении говорить «от имени». Как и другие лидеры партии, он предпочитал хранить сомнения в себе.

К этому времени в жизни китайского общества набирал силу новый фактор.

В стране все явственнее ощущались признаки нехватки продовольствия. Сначала ее почувствовали на себе города. Сокращались нормы выдачи риса, из рациона исчезли овощи и растительное масло. Но последовавшее за этим решение правительства обеспечить питанием в первую очередь промышленных рабочих означало, что на голодный паек переходит и деревня. Урожай 1958 года составил не триста семьдесят пять миллионов тонн и даже не двести шестьдесят, как потом уточнила государственная статистика. Общая цифра сбора зерновых едва достигала двухсот миллионов (хотя данный факт был признан только после смерти Мао). Однако и она считалась рекордной. Вопреки заверениям руководства страны о том, что Китай вступает в эру изобилия, во многих провинциях начинался голод.

Об истинном положении дел в сельском хозяйстве Пэн был осведомлен намного лучше других. Для доставки зерна в бедствующие районы использовался армейский транспорт. В НОА все чаще слышались разговоры новобранцев из крестьян о том, что их родственники в деревне чуть ли не вынуждены идти с протянутой рукой по соседним дворам.

Необходимость срочно подвести под курс «большого скачка» более рациональный фундамент вынудила Мао обратиться к руководящим работникам с требованием прямо и не таясь выражать свои взгляды. «Правым иногда оказывается и один, а большинство ошибается, — заявил он Центральному Комитету в апреле. — Откровенность не подлежит наказанию. Партия всегда стояла на том, что у людей есть право выражать свое мнение». Далее Мао приводил в пример случай с жившим во времена династии Мин чиновником Хай Жуем, который в шестнадцатом веке выступил с упреками в адрес императора и потерял свой пост. Китаю сейчас очень нужны такие герои, подчеркивал Председатель. В июне партийная пресса начала публикацию массы статей, превозносящих добродетели мужественного чиновника. 2 июля, в день открытия пленума в Лушани, с его трибуны Мао еще раз подтвердил: «Критика и свободный обмен мнениями не повлекут за собой никаких наказаний».

Первоначально Пэн Дэхуай решил не присутствовать на пленуме. Он только что вернулся из полуторамесячной поездки по Восточной Европе и чувствовал себя усталым. Однако Мао призвал его к себе. Явившись по зову, Пэн пришел к мнению, что сейчас самое время и место выполнить данную в стихотворении клятву.

Поднявшись на трибуну, министр обороны привычно, не смягчая слов, начал рубить сплеча, заявив, что «за ошибки, совершенные в ходе «большого скачка», несет ответственность каждый... в том числе и товарищ Мао Цзэдун». Неделю спустя он счел нужным откровенно поделиться мыслями с самим Председателем. Однако когда утром в понедельник 13 июля Пэн появился у его порога, охрана сообщила ему, что Мао еще спит. Вечером того же дня доблестный воин изложил свои соображения на бумаге, адъютант переписал письмо набело и наутро не без внутренних опасений направил его высокому адресату.

Послание Пэна содержало сдержанное одобрение достигнутых успехов, доказавших, что стратегическая линия Мао «была в целом правильной». Присутствовала там и критика отдельных недостатков. Взятые порознь, писал автор, они не представляли собой ничего трагического. По-видимому, Мао не испытывал особого удовольствия, узнав, что «мелкобуржуазный фанатизм привел к «левацким» ошибкам», что кустарная выплавка стали имела свои «плюсы и минусы, причем первых было намного больше», что «мы проявили недостаточное понимание законов пропорционального и планового развития социалистической экономики». Однако все эти достаточно горькие слова мог бы сказать и сам Мао.

Беда заключалась в том, что, собранные вместе, эти недостатки и ошибки производили совершенно угнетающее впечатление. Тяжесть, которую ощутил на своих плечах Председатель, объяснялась неумолимой логикой следовавшего из послания Пэна вывода. Фактически признав обоснованность курса «большого скачка», автор прямо давал понять: избранный путь ведет к катастрофе. Текст включал в себя абзацы, где вина за ошибки возлагалась на Мао лично. В качестве примера Пэн приводил слова Председателя о том, что «командовать всем должна политика»:

«Некоторые наши товарищи полагают: когда всем командует политика, ничего другого уже не требуется. Они забывают о главной цели такого лозунга — дать максимальный выход энтузиазму и творческой инициативе масс. Однако лозунг не заменит собой действие базовых законов экономики, как не заменит и конкретных практических мер».

Мао неприятно поразила в послании легкость, с которой Пэн освоился в роли беспристрастного судии. Расточавшиеся Хай Жую похвалы оказались моментально забытыми. Деловая критика допущенных ошибок может только приветствоваться, но бросать упреки в лицо императору? Это уже чересчур.

Через три дня, 17 июля, рабочий секретариат пленума по указанию Мао распространил текст письма Пэна среди участников. Поначалу такой шаг был воспринят как знак если не одобрения высказанной позиции, то хотя бы предложения ее в качестве темы для дискуссии. В течение двух дней члены ЦК, включая принявшего сторону Мао еще в середине 30-х Чжан Вэньтяня, высказывались в поддержку взглядов Пэн Дэхуая. Согласие с ними прозвучало в словах двух членов Политбюро — Ли Сяньняня и Чэнь И. Остальные колебались.

После того как на трибуну поднялся Мао, Пэн Дэхуай почувствовал, что земля уходит из-под его ног.

Подобно большинству произнесенных за последние годы речей Председателя, его выступление на пленуме было отрывочным и сумбурным, полным незаконченных фраз, имевших весьма отдаленное отношение к затронутой теме. Однако два момента оказались недвусмысленно ясными для всех. Письмо товарища Пэн Дэхуая, сказал Мао, является образцом ошибочной политической линии, продолжением губительного курса Ли Лисаня, Ван Мина и Гао Гана. Пэн и его сторонники стоят на крайне правых позициях, а сочувствующие оказались у «последней грани». Всем, кто до сих пор еще испытывает колебания, предупреждал Мао,

необходимо как можно быстрее сделать окончательный выбор и решить, на чьей они стороне. Второе, но не менее важное: одна только голая критика приведет к тому, что коммунисты неизбежно потеряют власть. В таком случае, говорил Мао, он не станет прятаться, а уйдет в деревню, чтобы поднять крестьянство и вновь свергнуть реакционное правительство. Повернув голову к маршалам НОА, естественным союзникам Пэна, Председатель с угрозой в голосе добавил: «Если армия не последует за мной, то я создам новую. Но мне кажется, что военные не способны на измену».

По окончании заседания Пэн отправился домой «с огромной тяжестью на душе», как он написал позже. Забыв о еде, он часами лежал на постели, пустым взглядом уставившись в пространство. Вызванный телохранителем врач пришел к выводу, что маршал болен, но Пэн выставил его из комнаты со словами: «Если я и заболел, то сейчас медицина бессильна».

Пленум закончился 30 июля. На следующий день Мао созвал рабочее совещание Постоянного Комитета Политбюро, которое должно было решить судьбу министра обороны.

Стоящую перед Мао задачу в очередной раз облегчил Хрущев. За шесть недель до этого, накануне отправки в Китай обещанного образца атомной бомбы, Москва проинформировала Пекин о своем отказе от соглашения по ядерным технологиям. В то самое время, когда Пэн Дэхуай написал Председателю письмо, Кремль публично осудил политику создания «народных коммун». Мао не стал тратить времени на изучение комментариев советского лидера, опубликованных в тайваньской прессе: ему не требовались новые доказательства того, что Пэн и его сторонники «объективно» сыграли на руку врагам Китая, если не вступили с ними в сговор. В конце концов и Пэн Дэхуай, и Чжан Вэньтянь совсем недавно побывали в Москве.

На таком фоне у Председателя не возникло никаких проблем в том, чтобы убедить своих коллег: партия оказалась перед лицом опасного заговора, и Пэн вместе со своими единомышленниками должен понести суровое наказание.

Возникший перед Политбюро вопрос заключался не в том, прав ли Мао, но в том, хватит ли у кого-нибудь мужества заявить, что Председатель не прав. Само собой разумеется, таким человеком не мог стать Чжоу: залогом его политического долголетия всегда было стремление избежать всякой конфронтации с Мао. Еще менее подходила роль правдоискателя Лю Шаоци: он так и не простил Пэну оказанную им в 1953 году поддержку Гао Гану.

Чэнь Юнь находился в отпуске по болезни, а Дэн Сяопин очень кстати сломал ногу, играя в настольный теннис. Линь Бяо терпеть не мог Пэн Дэхуая и был готов выполнить любую просьбу Мао. Из всего этого узкого круга лишь почтенный Чжу Дэ, уже разменявший седьмой десяток лет, оказался достаточно честен — или необуздан, — чтобы попытаться прийти на помощь Пэну. Позже ему пришлось публично покаяться в необдуманности своего поступка.

Политическое линчевание состоялось. Протокол совещания, написанный рукой Ли Жуя, личного секретаря Мао, даст возможность заглянуть в «гадюшник», в который превратилась жизнь высшего руководства Китая того времени:

«МАО. Когда ты говоришь о «мелкобуржуазном фанатизме», то имеешь в виду центральные органы управления — не провинцию, не массы. Таково, во всяком случае, мое мнение... Фактически ты метишь в сердце партии. Ты можешь согласиться с этим, хотя скорее всего захочешь возразить. Но все мы считаем, что ты выступил против центра. Ты собирался опубликовать свое послание, чтобы завоевать симпатии толпы и настроить ее против нас...

ПЭН. Когда я писал о мелкобуржуазном фанатизме... Мне следовало понять, что вопрос это политический, а в политике я не очень силен...

МАО (перебивая). Теперь, когда письмо обнародовано, контрреволюционеры готовы рукоплескать тебе.

ПЭН. Я послал его тебе лично... Я же написал: «Уважаемый Председатель, просмотрите, прав ли я, и поделитесь со мной своими соображениями». Мне казалось, что в письме могут содержаться какие-то полезные справки, я хотел, чтобы ты просто ознакомился с ними.

МАО. Неправда... В любом вопросе ты никогда не шел к сути напрямую. Люди, которые тебя не знают, запросто решат, что ты честен, простодушен и искренен. Внешне ты действительно производишь такое впечатление. Но позже становится ясно... что ты — личность коварная. Никому не известно, что у тебя на уме. Поэтому люди и начинают говорить, что ты — лицемер. Ты — правый оппортунист. В письме ты говоришь, что руководят партией плохо. Тебе хочется вырвать из ее рук пролетарское знамя.

ПЭН. Я направил письмо тебе лично. Никакой фракционной деятельностью я не занимался.

МАО. Если бы.

ПЭН ЧЖЭНЬ. В ходе общей дискуссии ты сказал, что ответственность за ошибки лежит на каждом, включая товарища Мао... Так на кого же ты тогда нападал?

ХЭ ЛУН. Против Председателя у тебя сложилось настоящее предубеждение. Из письма явно следует, что умысел уже давно вызревал в твоей голове...

ЧЖОУ ЭНЬЛАЙ. Ты впал в правооппортунистический бред. Твое письмо нацелено против генеральной линии партии.

МАО. Тебе нужно развалить партию. У тебя есть план, есть организация, ты уже готовился, ты нападал на правильный курс, как последний «правак»... Ты говоришь, что в Яньани я сорок дней занимался онанизмом. Значит, сейчас в нашем распоряжении еще остается двадцать дней. Чтобы почувствовать удовлетворение, на этот раз хочешь заняться онанизмом ты. Вот что я тебе скажу: хватит рукоблудия!..*

ПЭН. Если вы все такого же мнения, мне больше сказать нечего... Не переживайте, я не покончу с собой, я никогда не стану контрреволюционером. Для меня еще найдется работа в поле».

2 августа Центральный Комитет партии утвердил решение ПК Политбюро. В защиту Пэн Дэхуая выступили несколько более молодых его коллег, за что потом тоже подвергнутся чистке. Министр обороны произнес длинную самоуничижительную речь, назвал свое письмо к Мао «мутным потоком абсурда» и покаялся в ущербе, нанесенном «высокому авторитету Председателя измышлениями, продиктованными личным, ничем не обоснованным предубеждением против него». Речь была лишенным всякого смысла жестом, о котором Пэн позже вспоминал со стыдом.

Резолюция ЦК обвиняла маршала в создании «правооппортунистической антипартийной клики», в «злобных выпадах против Председателя Мао» и «раздувании временных трудностей с целью в самом черном цвете представить существующее положение дел». Кроме того, Пэн, оказывается, еще раньше вошел в «антипартийный сговор с Гао Ганом» и уже «долгое время противодействовал линии партии». Однако и это было еще не все: вместе с Чжан Вэньтянем и несколькими другими членами «клики» Пэна назвали «представителем буржуазии, червем пробравшимся в партию в годы гражданской войны».

Однако следующий же параграф резолюции вызывает вполне резонное недоумение. После детального перечисления совершен-

---

* Мао имеет в виду выражение Пэна, которым маршал высказал отношение к критике в свой адрес (по-видимому, речь шла о кампании «ста полков») накануне 7-го съезда КПК в 1945 году. «В Яньани ты сорок дней занимался онанизмом, — заметил тогда Пэн. — Я же в Лушани не успел потратить на это и восемнадцати, как ты уже бежишь, чтобы остановить меня!» — *Примеч. авт.*

ных преступлений, в наказание за которые виновного следовало бы не только исключить из рядов КПК, но и отправить в лагеря (если не принять более радикальные меры), ЦК постановил, что «заговорщики» остаются членами партии, а Пэн Дэхуай и Чжан Вэньтянь, будучи сняты со всех государственных постов, по-прежнему входят в состав Политбюро.

Такое неожиданное решение служит примером давней политики Мао «излечить болезнь и спасти страждущего». На деле же оно объяснялось тем весом, который имел Пэн Дэхуай в глазах армии и рядовых членов партии. Даже Мао было трудно бесповоротно опорочить облик легендарного героя революции и войны, человека кристальной честности, аскета с неколебимыми моральными устоями. Однако за внешним великодушием Председателя крылась плохо скрываемая неприязнь.

Месяцем позже на пост министра обороны заступит Линь Бяо, которого Мао с 1956 года пестовал как единственно достойного преемника Пэна. По причине довольно слабого здоровья с 1949 года Линь Бяо весьма редко принимал участие в публичных мероприятиях. Преданный сторонник Мао, он рьяно принялся за работу. Армия как можно быстрее должна забыть об авторитете Пэна, усилиями которого создавался фундамент существующей власти.

Высхав из Чжуннаньхая, Пэн Дэхуай провел шесть лет жизни почти в полной изоляции в домике на территории парка Ихэюань, что на северо-западной окраине Пекина. Сохранив, по сути, свой статус в партии, он уже ни разу больше не присутствовал на заседаниях Политбюро. Его карьера была закончена.

Решимость, с которой бывшие соратники Пэна ополчились против своего коллеги, объяснялась не только их малодушием и инстинктом политического самосохранения. Если Политбюро и действовало подобным образом, то подтолкнул их к этому Мао.

Критика Председателя не всегда прямо означала участие в антипартийном заговоре. После победы 1949 года случались и исключения. Однако сейчас, после долгих месяцев вдалбливания в головы людей, что их откровенность не несет в себе никакой угрозы, Мао оказался не способен переварить ее. В Лушани Чжан Вэньтянь сделал замечание, которое вызвало у Председателя особое раздражение. Он сказал, что все проблемы «большого скачка» имеют одну причину: отсутствие внутрипартийной демократии. Важнейшие решения принимались только и исключительно самим Мао. «Человека скорее заклеймят скептиком или

досужим наблюдателем, чем позволят ему высказать противоположную точку зрения, — посетовал Чжан на пленуме. — Почему? Почему мы так нетерпимы к другому мнению? Чего мы боимся?»

Действительно, чего? Почему Мао не выносил критики, к которой сам же призывал окружающих?

В случае с Пэном сказались несколько факторов. В узком кругу высших сановников Председатель легко поддавался влиянию тех, чьи взгляды подтверждали его собственные. В течение двух роковых дней, когда он решал судьбу Пэна, особо чувствительные к малейшим переменам политического ветра Кан Шэн и Кэ Цинши, первый секретарь Шанхайского горкома партии, смогли мастерски направить неосознанные еще подозрения Мао в нужное русло: да, министр обороны дирижирует слаженным оркестром оппозиции. Еще более ожесточило реакцию Председателя то, что речь шла не о каком-то дерзком выскочке, но о славившемся своим независимым мышлением Пэне, с которым Мао уже не одно десятилетие сходился в непримиримых спорах.

В тот день, когда участникам пленума вручили копии письма, Мао заявил сотрудникам аппарата ЦК: «Имея дело с Пэн Дэхуаем, я всегда придерживаюсь правила: если он идет в атаку, то я контратакую. Моя работа с ним в течение уже более тридцати лет состоит на четверть из сотрудничества, на три четверти — из конфликтов».

Однако и не будь этих обострявших противостояние обстоятельств, Мао не мучил бы себя сомнениями. К концу 50-х годов «несогласие» стало для него равнозначным «оппозиции», было ли оно проявлением свободомыслия интеллигенции в ходе кампании «ста цветов» или порождалось расхождением взглядов внутри партии.

После «ста цветов» Мао предупредил соратников, что классовая борьба между пролетариатом и буржуазией будет продолжаться в китайском обществе еще долгие годы. Теперь же он утверждал: его вывод имеет непосредственное отношение и к самой партии:

«Борьба в Лушани была частью процесса классовой борьбы, продолжением смертельной битвы между двумя антагонистическими классами — пролетариатом и буржуазией. Она будет вестись... в нашей партии еще лет двадцать, если не полвека. Противоречия и борьба между ними сохраняются, в противном случае существование мира теряет всякий смысл. Буржуазные политики говорят, что философия Коммунистической партии — это философия борьбы. Они правы. В зависимости от времени изменяются лишь ее методы».

Так закладывались основы представления, которое доминировало во взглядах Мао до конца его дней: в партию проникла буржуазия, и, заботясь о революционной чистоте рядов авангарда общества, ее необходимо «вычистить» любой ценой.

Так же, как «сто цветов» надолго заставили смолкнуть голос китайской интеллигенции, Лушаньский пленум заставил замолчать всю партию. Как-то раз Чжу Дэ спросил членов ЦК: «Если хранить молчание будут и такие люди, как мы, то кто же тогда заговорит?» Действия Мао дали ответ на этот вопрос. Никогда больше при его жизни член Политбюро не осмелился возразить Председателю.

Имелась и другая, столь же мрачная параллель. Жертвами кампании по борьбе с «праваками» стали около полумиллиона человек. Но кампания против «правого оппортунизма», в котором обвиняли критиков курса «большого скачка», привела к политическому кровопусканию в десятикратном масштабе: шесть миллионов человек, в подавляющем большинстве члены КПК или невысокого ранга чиновники, подверглись гонениям лишь за предполагаемое противодействие стратегическим замыслам Председателя. В Сычуани с постов было снято восемьдесят процентов работников низшего руководящего звена. С 1957 года секретари парткомов устанавливали подчиненным плановые задания на разоблачение «правых оппортунистов». В некоторых областях страны обвинения предъявлялись не отдельным людям, а целым группам. По Китаю вновь прокатилась волна самоубийств. «В опасности находился каждый, — вспоминал позже один из первых провинциальных секретарей. — Отцы и матери, мужья и жены старались как можно меньше разговаривать друг с другом».

Но худшее еще ждало впереди.

Атака на «праваков» привела, так же как и двумя годами ранее, к новой вспышке «левых» настроений. Прилагавшиеся Мао в первой половине года усилия ввести осуществление «большого скачка» в более умеренное русло внезапно изменили направление на противоположное. С целью доказать, что Пэн был не прав, Председатель начал усиленно восхвалять те методы, о которых писал в своем послании его оппонент. Вновь и вновь Мао публично предавался мечтам о заоблачных производственных показателях: к концу столетия страна должна выплавлять шестьсот пятьдесят миллионов тонн стали в год и собирать миллиард тонн зерна.

Картины нового изобилия совпали по времени с обострившейся нехваткой продовольствия. Наводнения на юге и засуха в северных провинциях привели к тому, что в 1959 году был собран самый скудный за последние несколько лет урожай. Пра-

вительство объявило о сборе двухсот семидесяти миллионов тонн, истинная цифра, опубликованная уже после смерти Мао, составляла сто семьдесят. Охвативший страну в 1949 году голод так и не закончился. На протяжении едва ли не каждой зимы люди умирали от недоедания: не в одной провинции, так в другой. Во время празднования десятой годовщины образования КНР об ощущении сытости в желудке забыли десятки миллионов. Впервые после победы революции над страной навис призрак массового голода.

Затем произошло внезапное ухудшение отношений с Советским Союзом. Восстание в Тибете и последовавшее за ним бегство из страны Далай-ламы привели к росту напряженности между Китаем и Индией. В августе, всего через десять дней после окончания Лушаньского пленума, на границе двух стран произошел инцидент, при котором погиб индийский военнослужащий. К возмущению Мао, Н.С. Хрущев занял позицию полного нейтралитета. Месяц спустя, после триумфального окончания в США переговоров о мирном сосуществовании (столь презираемом в Китае), советский лидер заехал и в Пекин — чтобы принять участие в торжествах по случаю десятилетнего юбилея. Главной целью его визита будет последняя попытка придать советско-китайским отношениям новый положительный импульс. Однако все усилия Хрущева пошли прахом. Решение Москвы отказаться от сотрудничества в области ядерных технологий, братание с американским империализмом, позиция в споре с Индией — все это являлось в глазах Мао актами сознательного предательства.

Дискуссия сторон длилась два дня и оказалась совершенно бесплодной.

Пробудившееся у Мао еще в 1956 году подозрение, что советское руководство изменило знамени ленинизма, превратилось в твердую уверенность. Как и в далекие уже дни дружбы со Сталиным, Председатель пришел к выводу: для России ее интересы всегда стоят на первом месте, а интересы Китая — на втором. Со своей стороны, Н.С. Хрущев тоже понял, что пути двух стран разошлись окончательно. Мао слишком агрессивен, неискренен и националистичен; братские отношения с ним попросту невозможны.

В феврале 1960 года на встрече руководителей стран — участниц Варшавского договора в Москве обе стороны уточнили различие своих взглядов по вопросу о мирном сосуществовании. В апреле, к девяностолетию со дня рождения В.И. Ленина, «Жэньминь жибао» опубликовала отредактированную самим Мао статью с изложением идеологического обоснования позиции КПК. Пока существует империализм, говорилось в ней, войны неизбеж-

ны; мирное соревнование двух систем является «хитроумной уловкой старых ревизионистов и их современных последователей». КПСС и КПК начали активно мобилизовывать сторонников в других коммунистических партиях. Дело дошло до открытых столкновений. В июне, на съезде Коммунистической партии Румынии, Хрущев впервые обвинил Мао в «ультралевачестве, догматизме и левом ревизионизме». Китайский лидер, сказал он, подобно Сталину «помнит только о своих интересах и балуется теорийками, не имеющими ничего общего с реальностями современного мира». Пэн Чжэнь, возглавлявший делегацию КПК, ответил в том же ключе: Хрущев «в присущей ему патриархально-тиранической манере пытается насаждать антимарксистские взгляды».

Через три недели Кремль официально поставил Пекин в известность о прекращении советской экономической помощи Китаю и немедленном отзыве всех своих экспертов. Сотни заводов и фабрик остались недостроенными, кальки с чертежами уничтожены, научные проекты были преданы забвению. Спешно посланные поезда увезли на родину около тысячи четырехсот советских специалистов и членов их семей.

Если Н.С. Хрущев и намеревался, как говорили советники, заставить Мао пойти на попятную, то в его расчеты вкрались грубейшие ошибки. Даже те члены китайского руководства, кто испытывал серьезные сомнения относительно народных коммун и стратегии «большого скачка», принялись яростно отстаивать правоту Мао. Предательское поведение Страны Советов подтвердило правоту Председателя: Китай действительно должен искать собственную, независимую дорогу к коммунизму. Никогда впредь он не позволит себе попасть в зависимость от чужой помощи.

Действия Советского Союза нанесли Китаю огромный экономический ущерб в тот момент, когда страна была менее всего готова к этому.

К июлю стало совершенно очевидно, что урожай 1960 года оказался еще хуже, чем предыдущий. Причина отчасти объяснялась погодой: более трети всех пахотных земель поразила самая жестокая с начала века засуха. В Шаньдуне до дна пересохли восемь из двенадцати важнейших рек. В отдельных районах страны, даже в Хуанхэ, уровень воды понизился настолько, что перейти на противоположный берег можно было, не замочив коленей, — такого местные жители не помнили.

На смену засухе пришли наводнения, опустошившие еще 26 миллионов гектаров. После голодной зимы у кресть-

ян не было ни сил, ни средств — «большой скачок» разрушил почти всю инфраструктуру экономики, — чтобы попытаться хоть как-то восполнить потерянное. «Для работы у людей слишком пусты животы, а свиньи так хотят есть, что не могут даже стоять, — жаловался в письме домой молодой солдат. — В коммуне мне все задавали вопрос: «Неужели Председатель Мао допустит, чтобы мы умерли от голода?»

Страна и вправду голодала. Все собранное зерно исчислялось жалкими ста сорока тремя миллионами тонн. Даже в пригородах Пекина люди ели древесную кору и семена трав. Уровень смертности в столице, снабжавшейся много лучше других городов, вырос в два с половиной раза. В уездах провинций Аньхой, Хэнань и Сычуань, где политика «большого скачка» проводилась наиболее рьяно, от голода погибло около четверти населения. Мужья продавали жен — если находили покупателей. Женщины радовались сделке, поскольку обычно она означала возможность выжить. На дорогах вновь появились бандиты. Участились случаи каннибализма, как в дни молодости Мао. Чтобы не поднимать руку на собственных чад, крестьяне воровали детей у соседа.

Реальные статистические данные, позволявшие судить о размахе бедствия в масштабе страны, оставались тайной даже для членов Политбюро: ими располагал только Постоянный Комитет.

В 1959–1960 годах от голода в Китае погибли двадцать миллионов человек, родилось на пятнадцать миллионов меньше младенцев. Голод 1961 года унес жизни еще пяти миллионов. Эта гуманитарная катастрофа была в истории Китая величайшей, несопоставимой ни с голодом 1870 года, ни с жертвами Тайпинского восстания*.

Размышляя о разрушительных последствиях, которые принесли стране его фантасмагорические планы, Мао все более склонялся к мысли выполнить давно задуманное и отойти на «второй план».

---

* В 1980 году Ху Яобан, первым из китайских руководителей официально признавший факт голода, назвал цифру в двадцать миллионов погибших. Подсчет осуществлялся согласно статистическим данным, подготовленным для ПК Политбюро. Позже некоторые западные и китайские авторы приводили цифру в сорок и даже шестьдесят миллионов, основываясь на статистике смертности в наиболее пострадавших районах и экстраполируя ее на масштабы страны. Подобная методика представляется ошибочной, поскольку плохо соотносится с общей демографической ситуацией того периода. При отсутствии доказательств противного более или менее объективной следует признать цифру между двадцатью и тридцатью миллионами человек. — *Примеч. авт.*

«Большой скачок» закончился чудовищным провалом. Прекрасная мечта о всеобщем изобилии обернулась жутким кошмаром.

К концу 1960 года Мао навсегда похоронил идею превратить Китай в великую экономическую державу. Возврата к ней не будет.

ГЛАВА 14

РАЗДУМЬЯ О БЕССМЕРТИИ

Для того чтобы восстановить хотя бы подобие нормальной жизни, стране потребовалось пять лет.

Весь первый год процесса выздоровления, официально называвшийся годом «корректировки, консолидации, усовершенствования и накопления сил», китайское руководство отчаянно пыталось нащупать меры, которые могли бы предотвратить распад страны. В Сычуани и трех других западных провинциях, так же как и в Тибете, части НОА подавляли поднятые голодавшими крестьянами вооруженные восстания. В Хэнани милиция, созданная как средство самозащиты для народных коммун, действовала хуже бандитов: грабила, насиловала и убивала. Сельские жители прозвали милиционеров «королями разбоя», «сбродом головорезов» и «мучителями». Там и в Шаньдуне, где последствия «большого скачка» просто резали глаза, во многих уездах органы местной власти перестали существовать. Лю Шаоци предупреждал о серьезной опасности анархии, подобной той, что царила после гражданской войны в России.

С целью ослабить напряженное положение с продовольствием в крупных промышленных центрах двадцать пять миллионов горожан были вывезены в сельскую местность. Этот шаг Мао назвал подвигом, сравнимым с «переселением средней европейской страны типа Бельгии». Но и он не избавил Китай от необходимости массового импорта зерна: в 1961 году у Австралии и Канады закупили почти шесть миллионов тонн пшеницы. После предварительного «отмывания» в Европе Пекин не побрезговал даже хлебом из США. В таких же объемах зерно импортировалось до начала 70-х годов.

Наряду с принятием практических мер Лю Шаоци и его коллеги начали анализировать ложные предпосылки, на которых покоилась идея «большого скачка».

Как обычно, все упиралось в Мао.

Удаление на «второй план» вовсе не означало, что Мао отошел от власти — он продолжал править, но в иной манере. Если прежде Председатель задавал темп, под который подстраивались все остальные, то теперь другие члены Постоянного Комитета вели вперед массы под звуки того марша, что звучал в голове Мао. Пэн Дэхуай на собственном опыте понял, что право аранжировать музыку безраздельно принадлежит лишь самому ее автору. Сейчас настала очередь Лю Шаоци и Дэн Сяопина в полной мере оценить прелести пребывания на «первом плане». «Что за император принял такое решение?» — грозно спросит Мао в марте 1961 года, услышав о том, что Дэн распорядился проводить различную сельскохозяйственную политику на севере и юге страны.

Новое руководство поневоле было вынуждено вести себя в высшей степени осторожно. Мыслей о переустройстве народных коммун, общественных столовых, системы бесплатного распределения старательно избегали: кому известно, как к этому отнесется Председатель? Вот почему в том же марте ЦК решительно подтвердил высокую социальную и экономическую значимость общественных столовых. Но когда месяцем позже Мао заявил, что общественное питание «стало помехой на пути развития производства и превратилось в раковую опухоль, которая разъедает отношения между партией и массами», руководители страны мгновенно изменили курс. Через два дня эхом отозвался отправившийся в инспекционную поездку по Хунани Лю Шаоци, из Хэбэя засвидетельствовал одобрение новой линии Чжоу Эньлай, а за ними раздался восторженный хор голосов Дэн Сяопина, Пэн Чжэня и Чжу Дэ. Отдача ощущалась даже в лагерях, где в процессе «перевоспитания» «вредные элементы» стали изготовлять алюминиевую утварь — взамен чугунных сковород и столовых приборов из стали, бесследно канувших в металлургическом порыве, охватившем страну тремя годами ранее. С окончанием эры общественных столовых крестьяне могли вновь готовить обеды дома.

В июне партия решила отказаться и от системы распределения. Увеличивалась площадь личных земельных наделов, промышленности возвратили принцип «бóльшая оплата за больший труд», возрожден ленинский лозунг «Кто не работает — тот не ест». Во время массовой нехватки продуктов питания он прозвучал поистине спасительным предупреждением. В городах и селах вновь открывались запрещенные в период «большого скачка» рынки и ярмарки, на улицы вышли лоточники.

В сентябре Мао пошел на последнюю уступку.

Летом в попытке сделать «основные структурные единицы» менее громоздкими и неуклюжими руководство страны одобрило раздел многих коммун на хозяйства в два-три раза меньшие. Мао говорил о том, что вместо «бригад», объединявших несколько деревень, ячейкой экономической жизни общества должны стать более управляемые «производственные звенья», которые были, по сути, кооперативами, создававшимися на базе одной деревни пятью или шестью годами ранее. Цель — возродить у крестьян заинтересованность в результатах своего труда.

Подобный шаг не имел ничего общего с принципами, провозглашенными Мао в 1958 году. Тогда он заявлял: «Превосходство коммун заключается, во-первых, в том, что они представляют собой хозяйства крупные, во-вторых, в том, что они являются формой общественной собственности». Теперь же, сохраняя концепцию коммуны, Мао надеялся лишь удержать страну от дальнейшей деморализации и сползания в пучину бедствий.

Однако и этот упреждающий маневр оказался недостаточно эффективным.

Проблема отчасти состояла в том, что местные власти, запутавшиеся в зигзагах официального курса, крайне неохотно шли на очередные перемены даже по приказу Политбюро. К действиям их побуждали только опасения быть причисленными к «правакам».

Другие — в том числе и радикалы из высшего партийного руководства типа Кан Шэна, Кэ Цинши и первого секретаря Сычуаньского провинциального комитета Ли Цзинцюаня — настолько непосредственно ассоциировались с политикой «левых», что любая попытка публичного отречения от «большого скачка» превращала их в фигуры весьма уязвимые. Они не торопились приветствовать нововведения: Ли Цзинцюань продолжал защищать общественные столовые и после того, как Мао подверг их уничтожающей критике.

Обе эти довольно многочисленные группы заметили неоднозначность подхода Председателя к вынужденной смене курса. Мао не признал ошибочности проводившейся ранее политики, соглашаясь лишь с тем, что никто не гарантирован от неудач. Новые планы оживления промышленности и торговли, попытки реанимировать науку, образование и культуру по природе своей были двойственными (иначе Мао и не одобрил бы их) и открывали широкую возможность для интерпретаций — в зависимости от направления господствующих политических ветров. О непрочности компромисса, который лег в основу генеральной линии, лучше

всего свидетельствовало требование Чжоу Эньлая, «с одной стороны, продолжать классовую борьбу, с другой — консолидировать единый фронт». Подобный лозунг представлял собой заведомо обреченную на провал попытку совместить круг и квадрат в одной геометрической фигуре.

Руководству не оставалось ничего иного, как неукоснительно выдерживать заданные Председателем параметры.

Впервые с 1957 года плановые задания по выплавке стали и добыче угля опустились до более или менее реального уровня. На заводах и фабриках рабочим вновь начали выплачивать премии, в руки директоров возвратилось управление предприятиями. Дэн Сяопин, Лю Шаоци и министр иностранных дел Чэнь И (но не предусмотрительный Чжоу) детально развивали лаконичную фразу Мао о возможных упущениях в прошлом. Дэн и Лю приводили слова крестьян о том, что причины голода «на тридцать процентов объяснялись стихийными бедствиями и на семьдесят — допущенными ошибками». Однако нет никаких конкретных упоминаний о том, в чем эти ошибки состояли или кто их совершил.

Выхода из тупика по-прежнему не было.

Отошедший на «второй план» Мао хранил молчание до конца осени. В партии и правительстве пошли разговоры о необходимости выработки более реальной политики, но настолько невнятные, что их никто не принимал всерьез. Низовое руководящее звено терпеливо выжидало сигналов сверху.

К декабрю в стране не было и намека на начало подъема экономики. В Аньхое и других наиболее пострадавших от бедствий провинциях власти начали эксперименты с так называемой «системой саньцзы ибао» («системой семейного подряда»), по которой крестьянским семьям по контракту передавались земельные наделы с правом свободного хозяйствования. Посетив Сычуань, Чжу Дэ стал свидетелем того, как крестьяне покидали коммуны, чтобы растить урожай на собственных участках. На его вопрос, не следует ли в сложившихся экстремальных условиях закрепить этот опыт официально, жители ответили: «Даже если в документах не будет о нем ни слова, мы все равно продолжим свое».

В глазах Мао подобная ситуация значительно прояснила вопрос о политике на селе.

В январе 1962 года он созвал в Пекине совещание ЦК партии, куда пригласили не только обычные две или три сотни ответственных правительственных чиновников, но и более семи тысяч кадровых работников из парткомов уездов и коммун.

Грандиозное мероприятие должно было стать поворотным пунктом в процессе восстановления народного хозяйства страны. Однако если Мао предполагал, что совещание призовет общество отстоять социалистические ценности, то Лю Шаоци и другие бойцы «переднего края» готовились к «моменту истины», когда партия извлечет наконец уроки из ошибок прошлого, выработает действительно эффективный курс и при полной поддержке кадровых работников на местах поведет за собою массы.

Лю начал свой доклад с хвалебных фраз в адрес Мао, чье «мудрое руководство» не раз спасало положение в «самые критические моменты». Однако затем он неожиданно перенес акцент: «Необходимо подчеркнуть, что главная ответственность за недостатки и ошибки, совершенные на протяжении последних нескольких лет, целиком лежит на партийном центре». Из зала послышались требования назвать имена конкретных виновных, но ни Лю, ни другие руководители не были готовы вести на открытом заседании откровенный разговор. Более прямым оказался Пэн Чжэнь — тремя днями позже. Партийный центр, заявил он, состоит из Мао, Лю Шаоци и членов Постоянного Комитета Политбюро. На каждом из них лежит вина, пропорциональная его мере ответственности. От ошибок, подчеркивал Пэн, не застрахован и сам Мао, ведь это он говорил о переходе к коммунизму «через три — пять лет», это по его настоянию повсеместно открывались общественные столовые. Если на Председателе «лежит хотя бы тысячная доля вины за допущенные ошибки, он обязан подвергнуть себя самокритике».

Ответ Мао партия услышала через десять дней:

«Я несу всю ответственность за ошибки, которые совершил центр, на мне же лежит и часть вины за них, поскольку я являюсь Председателем Центрального Комитета партии. Но мне бы не хотелось, чтобы кто-то избежал ответа за свои дела: многим нашим товарищам тоже есть в чем покаяться. Однако основную ответственность несу, безусловно, я».

«Самокритика» оказалась на редкость мягкой. Мао не только не признал никаких собственных ошибок и заблуждений, в его словах не прозвучало и намека на извинения за свою политику или хотя бы на сожаление по поводу судеб миллионов погибших в результате ее. Вместо этого Председатель попытался доказать, что бремя ответственности лежит на каждом уровне руководства. Пусть тяжесть вины с ним разделят и другие:

«Те из вас, кто... боится взять на себя ответственность и не хочет, чтобы сказал свое слово народ, кто считает себя

тигром, к заднице которого никто не посмеет прикоснуться, те неизбежно проиграют. В любом случае люди не будут молчать. Вы полагаете, что ваши трусливые задницы неприкосновенны? Ошибаетесь. Еще как прикосновенны!»

Несмотря на всю уклончивость таких признаний, они в достаточной мере электризовали аудиторию. Мао вполне мог бы позволить себе еще большую сдержанность: для партии, видевшей в нем вождя абсолютно непогрешимого, прозвучавшее и без того оказалось немыслимым откровением. На протяжении последующей недели «тигр» за «тигром» — начиная с Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина и заканчивая партийным чиновником из провинциального захолустья — подвергли себя ритуальному самобичеванию. 7 февраля, когда совещание завершило работу, партия с облегчением почувствовала, что трудную страницу все же удалось перевернуть. Наступало время делать конкретные шаги в той прагматичной политике, что исподволь складывалась в течение минувшего года.

Для Мао Совещание семи тысяч, как оно было названо впоследствии, явилось в высшей степени неприятным уроком. Самокритика, пусть даже умеренная и весьма дозированная, не доставила ему наслаждения, но Председатель понимал: без нее подвести черту под прошлым было бы невозможно. Враждебность, проявленная делегатами из провинций к политике «большого скачка», привела его в смятение, равно как и раздававшиеся из зала требования объяснить чудовищную трагедию. «С утра до вечера ныть и жаловаться, по ночам играть в мацзян, жрать три раза в день, а потом пускать ветры — вот что означает для них марксизм-ленинизм», — недовольно буркнул Мао своему секретарю. Еще меньшее удовольствие доставила ему эскапада Пэн Чжэня, однако изменившиеся условия уже не позволяли Председателю действовать столь же решительно, как в случае с Пэн Дэхуаем. Кроме того, на совещании дали о себе знать некие подспудные настроения участников, ожидавших реабилитации обесславленного маршала — теперь, когда объективность его критики «большого скачка» подтвердила сама жизнь. Лю Шаоци, сознававший, что оправдание Пэна серьезно подорвет его собственную позицию, категорически воспротивился возвращению бывшего министра обороны в политическую жизнь, однако говорил об этом в таких выражениях, чтобы аудитория поняла: высказанные Пэн Дэхуаем замечания были правильными и своевременными, а вина его заключалась в «тайном сговоре с СССР» и «попытке развала партийного руководства».

Речь Лю также дала Мао основания для беспокойства.

Повторив как заклинание несколько раз фразу «начиная с 1958 года наши успехи доминируют, а недостатков становится все меньше», Лю Шаоци признал (чего никогда не делал Мао), что в некоторых районах страны имело место значительное отставание, а общее соотношение успехов и провалов составляет не девять к одному (по Мао), а семь к трем.

Однако более всего Председателя тревожило то, что совещание ничего не дало в плане подтверждения основных социалистических ценностей. «Если Китай не создаст социалистическую экономику, — предупредил он делегатов, — то нас ждет... судьба Югославии, превратившейся, по сути, в буржуазное государство». Ответа из зала не последовало. В условиях полной разрухи делегатов менее всего интересовало сохранение социалистических святынь.

Когда совещание закончилось, Мао отправился в Ханчжоу и пробыл там до середины июня, в первый раз оставив партийные и государственные дела целиком на усмотрение триумвирата Лю Шаоци, Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина.

Председатель был обижен: он не испытывал ни малейшего желания заниматься политикой, с которой в глубине души не мог согласиться. Но ему хотелось проверить своих коллег: пусть покажут, из какого теста сделаны. Но имелась и еще одна параллель. В критические моменты 20-х и 30-х годов Мао так же, вольно или невольно, отходил от дел — чтобы выбрать момент для триумфального возвращения.

И на этот раз ему не пришлось долго ждать.

В марте Мао отправил своего секретаря Тянь Цзяина в Шаошань, чтобы из первых рук узнать о положении крестьян. Тянь был поражен, узнав, что больше всего их интересует «система семейного подряда», вызвавшая резкое неодобрение Председателя. Деревенские жители объяснили, что с началом в 1955 году коллективизации урожайность из года в год падала, а возврат к фермерскому хозяйству давал надежду на исправление ситуации. К маю Тянь и сам убедился: семейный подряд, каким бы политически сомнительным он ни казался, в условиях отчаянной нужды был единственным средством увеличить производство продуктов питания. С этим соглашались Чэнь Юнь и Лю Шаоци. На Июньском совещании Секретариата ЦК Дэн Сяопин привел сычуаньскую поговорку: «Не важно, какого цвета кошка, белого или черного — главное, чтобы она ловила мышей». Руководитель сельскохозяйственного отдела ЦК Дэн Цзыхуэй, неоднократно спорив-

ший с Мао по вопросу создания кооперативов, составил государственную программу перехода к «системе семейного подряда». В любом случае, говорил он, во многих местностях крестьяне уже осуществляли ее на практике. Летом 1962 года фермерами обрабатывалось около двадцати процентов земельных угодий страны.

Когда Тянь рассказал Председателю об увиденном, Мао повторил слова, сказанные им Дэн Цзыхуэю семью годами ранее: «Крестьяне хотят свободы, но нам-то нужен социализм». Бывают времена, сухо заметил он, когда «мы не можем слепо потакать желаниям масс, и сейчас как раз такой случай».

Как бы то ни было, на несколько недель Мао ушел в тень. Положение на селе оставалось столь критическим, что раскачивать лодку далее не рискнул даже он. Однако в начале июля, когда судьба урожая уже не вызывала никаких опасений — он обещал быть намного выше, чем в два предыдущие года, — Председатель посчитал своим долгом решительно вмешаться. Без всякого предупреждения он возвратился в Пекин и приказал известному своими радикальными взглядами Чэнь Бода, ставшему кандидатом в члены Политбюро, подготовить проект резолюции ЦК партии по вопросу усиления коллективного сектора экономики. Слух о том, что Председатель вновь вышел на тропу войны, расшевелил весь «передний край».

Дэн Сяопин в панике приказал убрать фразу о «белой или черной кошке» из текстов всех своих речей. Чэнь Юнь решил отправиться в отпуск по болезни, в котором он пробудет следующие пятнадцать лет, вернувшись на государственную службу только после смерти Мао. Лю Шаоци отделался самокритикой, покаявшись в том, что не смог предотвратить ошибок своих коллег. Суровым упрекам за «черный пессимизм» был подвергнут даже всегда осторожный Чжоу Эньлай. «Мы настолько привыкли к беспросветному мраку наших проблем, — недовольно буркнул Мао, — что увидеть светлую сторону теперь считается чуть ли не преступлением».

Но не только фермерские хозяйства вызывали у Председателя гримасу отвращения. Не меньшую настороженность вызывали у него реверансы Лю Шаоци в сторону США и Советского Союза. Поводом послужил документ, подготовленный Ван Цзясяном, возглавлявшим отдел международных связей ЦК КПК. Сейчас, говорил его автор, во время острого общенационального кризиса, Китай должен всеми силами избегать любого осложнения своих отношений с другими странами. Лю и Дэн были полностью с ним согласны. Весной появились первые признаки ослабления

напряженности в отношениях с Индией и Россией, в июне удалось достичь взаимопонимания с Вашингтоном по вопросу о Тайване.

Во всем этом Мао виделось предательство.

При первом же случае люди, которым он доверил полноту власти, в чьи руки отдал будущее страны, целиком раскрыли свою сущность, причем в двух важнейших вопросах: они пошли на сговор с империализмом и «его цепным псом — ревизионизмом», они опустили руки перед возрождением капитализма дома. Самая меньшая их вина — это многочисленные заблуждения, самая большая — беспринципный компромисс ради каких-то сиюминутных выгод.

На ежегодном летнем рабочем совещании в Бэйдайхэ Мао пошел в контратаку. «Система семейного подряда» несовместима с коллективными методами ведения хозяйства, заявил он. С новой остротой перед партией встали вопросы: социалистический или капиталистический путь? Нужна ли нам сельская кооперация? Ту же тактику Председатель использовал и в Лушани, когда поставил ЦК перед выбором: Пэн Дэхуай или я. Дороги средней для Мао никогда не существовало.

Перенеся вопрос о фермерстве из плоскости экономики в плоскость политики, он вновь возвратился к примеру с Югославией, которая после отказа от социалистического уклада резко «поменяла окраску». Классовая борьба, напоминал Мао аудитории, сохранилась и при социализме. Опыт Советского Союза убедительно доказал, что «капиталисты могут появиться вновь». То же самое грозит и Китаю.

Через месяц, на 10-м пленуме ЦК КПК, он еще раз затронул эту тему:

«Мы должны... допустить вероятность возрождения в нашей стране реакционных классов. Нам необходимо повысить бдительность и как следует заняться воспитанием молодежи... В противном случае развитие общества может повернуть вспять. Вот почему начиная с нынешнего момента мы обязаны говорить об этом каждый год, каждый месяц и каждый день... В данном вопросе нам нужна твердая марксистско-ленинская линия».

Возврата к Лушани, подчеркивал он, где «Пэн своей мастурбацией не только сорвал совещание, но и помешал практическому осуществлению намеченного», не будет. После десятков миллионов смертей даже у Мао нет никакого желания ставить процесс экономического выздоровления нации в зависимость от перипетий классовой борьбы. Однако «правый» оппортунизм или, как назвал его Председатель, «китайский ревизионизм», суще-

ствует «как в стране, так и в партии, и мириться с этим мы не можем».

Так закончились усилия Лю Шаоци подвести под государственную политику экономический базис, а не незыблемые принципы классовой борьбы.

Никто из членов Политбюро не попытался направить пламенные идеологические устремления Мао в более созидательное русло. Вновь на первый план выдвигался лушаньский тезис о возрождении национальной буржуазии. Теперь он был прочно увязан с противодействием деградирующему советскому социализму в емком лозунге «Фань сю, фан сю» — «Дать отпор ревизионизму (зарубежному), не допустить ревизионизма (дома)». Две этих задачи занимали мысли Председателя и определяли политику Китая на протяжении последних четырнадцати лет жизни Мао.

Первым признаком нового поворота китайской политики стали события осени 1962 года в Гималаях. После того как индийские войска начали возводить контрольные пункты на довольно условной линии границы между Тибетом и северо-восточными штатами Индии, между обеими сторонами произошли вооруженные стычки. В октябре, следом за неосторожным заявлением Д. Неру об «освобождении оккупированной индийской территории», Мао решил, что настало время преподать «представителям реакционной национальной буржуазии» достойный урок. Около тридцати тысяч китайских солдат нанесли индийским пограничникам ряд чувствительных поражений, и когда 21 ноября Пекин заявил об одностороннем прекращении огня, Неру уже обратился к Западу с просьбой о помощи.

В самом начале конфликта Н.С. Хрущев более симпатизировал Китаю, нежели во время его последнего спора с Индией в 1959 году. Это естественно, ведь теперь его беспокоил Карибский кризис, и Москве была нужна поддержка Пекина. Когда же ситуация на Кубе разрешилась, советский руководитель тут же вспомнил о нерушимой дружбе с Индией. Такое поведение Кремля вновь вызвало в Пекине взрыв негодования, и не только по поводу предательства принципов социалистической солидарности. Мао был возмущен хрущевской смесью авантюризма и готовности капитулировать перед США. В течение нескольких дней между Китаем и СССР возобновились резкие споры, стихшие было после того как Москва прекратила в 1961 году всякие связи с Албанией. Стороны обменялись девятью поразительно длинными от-

крытыми письмами, известными как «Полемические вопросы генеральной линии международного коммунистического движения». В ходе развернувшейся дискуссии Пекин впервые назвал имя своего противника: КПСС. Москва не осталась в долгу.

Военная напряженность в мире сопровождалась ростом воинственных настроений и в Китае.

Решение о запрете фермерских хозяйств активизировало зимой 1962 года инициативу провинциальных лидеров, которая чуть позже, с одобрения Мао, вылилась в широкое «движение за социалистическое воспитание». Расчет был довольно простым: если крестьянство и местное чиновничество до сих пор были очарованы капитализмом в форме «системы семейного подряда», то теперь им необходимо заново пройти школу коллективного хозяйствования и вспомнить о преимуществах социализма.

На начальной стадии движение было направлено против коррупции руководящих работников и таких антисоциалистических предрассудков, как браки по сговору, геомантия, колдовство, буддистские и даосские обряды и культ предков. Приветствовалось, когда на общих собраниях коммун старики с гневом обличали убогие нравы старого общества и убеждали молодежь в том, что после прихода к власти коммунистов жизнь, даже в голодные времена, стала намного лучше. Партийная пропаганда подняла на щит образ идеального гражданина — бойца НОА Лэй Фэна, который стирал постельное белье своих товарищей, помогал поварам чистить овощи и переводил через дорогу пожилых женщин. Своим девизом он сделал фразу «Слава безымянным героям!» и беззаветно пожертвовал жизнью ради торжества дела революции. Лэй Фэн явился тем «нержавеющим винтиком», чья верность и беспрекословное послушание Председателю и Коммунистической партии отражены на страницах дневника:

«Проснувшись утром, я почувствовал себя особенно счастливым, потому что видел во сне нашего великого вождя — Председателя Мао. К тому же сегодня праздник: Коммунистической партии исполнилось сорок лет. Мне нужно так много сказать, чтобы выразить ей свою бесконечную благодарность... Я как несмышленый малыш в ползунках, а партия-мать помогает мне, ведет меня и учит ходить. Дорогая партия, я люблю тебя, как мать, и всегда буду верным твоим сыном».

Однако главным стержнем движения должно было стать нечто более приземленное и весомое, нежели воспоминания стариков и пример «стойкого оловянного солдатика». На Фев-

ральском совещании ЦК 1963 года Мао указал, что единственным способом не допустить разгула ревизионизма является неустанная классовая борьба. «Осознав это, — подчеркнул он, — мы будем в состоянии решить все проблемы». Участники совещания постановили развернуть общенациональную кампанию «четырех чисток» в деревне (проверка отчетности производственных звеньев, амбаров и зернохранилищ, жилищных условий и рабочих мест) и «пяти против» в городе (против присвоения общественного имущества, взяточничества, спекуляции, расточительства и бюрократизма). Состоявшееся тремя месяцами позже в Ханчжоу новое совещание выработало общую программу движения, в которой Мао обрисовал жуткую картину того, что произойдет, если обществу не удастся остановить сползание в ревизионизм:

«Предоставив ситуации развиваться самой по себе, очень скоро — через несколько лет, от силы через несколько десятков лет — мы обнаружим, что контрреволюция уже подняла голову. К тому времени станет окончательно ясно: партия марксистов-ленинцев превратилась в партию ревизионистов и фашистов. Свой цвет изменит весь Китай... Движение за социалистическое воспитание — это борьба за нового человека, это вызов силам феодализма и капитализма, которые поднялись в атаку. Мы должны уничтожить гидру контрреволюции в зародыше!»

Бросив призыв к оружию, Мао в очередной раз ушел в тень, чтобы со стороны наблюдать, как «передний край» будет справляться с возложенной на него почетной миссией.

Вставшая перед руководством задача была весьма деликатной. Требовалось подавить ростки капитализма на селе и в то же время поощрить столь необходимые экономике крестьянские рынки и работу на индивидуальных участках. Критика в адрес продажных чиновников должна была приветствоваться, но не приводить и к малейшим сбоям производства продукции.

По мере развертывания движения эти его цели становились все менее значимыми на фоне тех масштабных проблем, перед которыми лицом к лицу оказалось руководство партии. В начале кампании Мао исходил из того, что моменты, требующие «исправления», наличествуют у пяти процентов деревенского населения. К весне 1964 года и он, и Лю Шаоци говорили уже об одной трети сельских производственных звеньев, находящихся под контролем враждебных социализму сил. Тяжесть ситуации усугублялась не только повсеместной коррумпированностью чиновников, но и тем, что в ходе чисток предыдущего десятилетия на местах почти не осталось кадров, на

которые можно было бы положиться. Приглашаемые для руководства движением проверенные партийные работники со стороны оказывались вынужденными менять одних воров и взяточников на других: никого иного в своем распоряжении они не имели.

Для того чтобы как-то исправить создавшееся положение, в сентябре 1964 года Лю Шаоци дал сигнал к грандиозной чистке сельских партийных организаций.

Участие в ней приняли полтора миллиона функционеров, разбитых на подразделения в десять, а иногда и несколько десятков тысяч человек. Волна за волной они накатывали на избранные уезды в течение по меньшей мере полугода. Рамки новой кампании включали в себя борьбу против идеологических, политических, организационных и хозяйственных ошибок. Творившиеся в ее ходе беззаконие и насилие не знали предела. Только на первом этапе чистки в Хубэе в ходе судилищ погибли более двух тысяч человек; в Гуандуне около пятисот предпочли уйти из жизни добровольно. Однако позже, по словам некоего партийного работника среднего звена, «начался настоящий ад». Секретарь Хубэйского провинциального комитета партии Ван Жэньчжун, один из фаворитов Мао, настаивал на «беспощадном революционном шторме», в ходе которого низовые партийные организации были распущены, а власть временно перешла к ассоциациям беднейшего крестьянства. Лю Шаоци говорил, что «всеочищающая буря» продлится пять или шесть лет.

Подобная перспектива полностью устраивала Председателя, всегда преклонявшегося перед идеей классового насилия. К концу 1964 года Мао и Лю Шаоци стали намного ближе друг другу, чем тогда, когда всем уже было ясно, что второй явится бесспорным наследником первого. Но внешнее проявление единства оказалось обманчивым.

Принятое Мао в 1952 году решение уйти на «второй план» было вызвано отчасти его желанием сбросить с себя каждодневную рутину обязанностей главы государства и сосредоточиться на решении стратегических вопросов. Другая составляющая крылась в намерении дать предполагаемым преемникам возможность набраться — под его руководством — опыта в делах управления партией и правительством страны. События в Советском Союзе заставили Председателя поменять обе цели местами. Маленков, сказал Мао позже, не смог удержаться у власти потому, что Сталин никогда не давал ему возможности постоять у руля. Вот почему, объяснял он, «мне требовалось, чтобы Лю и другие заработали свой авторитет еще до того, как я уйду в мир иной».

Но урок, извлеченный из опыта Советского Союза, этим не исчерпывался. В глазах Мао Н.С. Хрущев зарекомендовал себя еще менее достойным продолжателем дела революции, который «предал не только знамя Сталина, но и Ленина». Под его руководством СССР превратился в государство ревизионистов, строящих капиталистическое общество. Наследие Маркса и Ленина оказалось отброшенным из-за неспособности Сталина подготовить себе надежную смену.

Вплоть до 1961 года у Мао не было и тени сомнения в том, что, остановив свой выбор на Лю Шаоци, он поступил мудро. Замкнутый, не имеющий ни друзей, ни маленьких человеческих слабостей, ни чувства юмора, Лю был фигурой довольно устрашающей, чья феноменальная энергия полностью направлялась в русло служения партии. На практике это означало осуществление того, что наметил сам Мао. Исключительно требовательный к себе и своей семье, Лю всячески избегал любых привилегий, в глазах общества его личность представляла символ пуританской чистоты. Он работал по восемнадцать часов в день, а когда случайно обнаружил, что за работу в ночные часы ему дополнительно начислили один юань (около сорока центов по тогдашнему курсу), настоял на том, чтобы вернуть его в кассу из следующей зарплаты.

После того как в сентябре 1961 года Мао сообщил фельдмаршалу Монтгомери о том, что Лю официально назван преемником поста Председателя, его слова очень быстро стали известны высшему эшелону партийного руководства. Очевидно, решили там, Мао готовится к очередному съезду партии, который сделает его Почетным Председателем, что и предусматривалось Конституцией 1958 года.

На первомайские праздники и День образования КНР «Жэньминь жибао» рядом с портретом Мао напечатала и портрет Лю Шаоци, такого же размера. Его статьи изучались наряду с работами Мао (как это было двадцатью годами ранее в Яньани). По предложению Председателя началась подготовка к изданию «избранных трудов» Лю, чего, кроме самого вождя, в стране не удостаивался еще никто. Вышедшее в 1930 году из-под пера Лю Шаоци эссе «Как стать настоящим коммунистом» переиздали в виде брошюры тиражом в восемнадцать миллионов экземпляров.

Все это вовсе не означало, что между двумя руководителями отсутствовали всякие трения. В отличие от гибкого Чжоу Эньлая, для которого преданность Мао стала религией, или от льстивого Линь Бяо Лю сохранил самостоятельность мышления (что и заставило Председателя остановить свой выбор именно

18 Зак. 1137

на нем). Временами Мао упрекал его: в 1947-м — за «левачество» при осуществлении земельной реформы, в 1953-м — использовав дело Гао Гана, чтобы ограничить независимость ближайшего коллеги. Стремление Лю во всем поступать по-своему раздражало Мао, но пока еще ничто не предвещало грозы.

Ситуация начала меняться весной 1962 года.

Первый повод к явному неудовольствию Мао дала критика Лю в адрес «большого скачка», которая прозвучала на «совещании семи тысяч». Более значимой явилась для него нехватка устойчивости, проявленная будущим преемником в период пятимесячного отсутствия Председателя. Если Лю так легко пошел на попятную, когда столкнулся с экономическими трудностями — принятые им меры означали уход от фундаментальных принципов социализма, — как можно доверить ему продолжение дела, ставшего для Мао целью жизни? Выглядело это так, будто Председатель, уйдя на время в тень, оставил Лю кусок веревки, которую тот немедленно захлестнул вокруг собственной шеи. В течение двух лет Мао сохранял свои наблюдения в тайне, но вера его в более молодого коллегу была серьезно подорвана.

Больше о планах перейти на пост Почетного Председателя от Мао никто не слышал. Зато, ступив уже в семидесятый год жизни, Мао делился с ценителями поэзии своей решимостью двигать страну вперед по уготованному им пути:

Сколько дел предстоит еще сделать —
Неотложных и срочных;
Как торопится мир,
Как время бежит вперед!
Десять тысяч лет — срок немыслимо длинный.
Дорожи каждым днем, дорожи его каждым часом!
И бушуют моря, и вздымаются в гневе волны,
И несут континенты погибель друг другу.
Чур нас, нечисть! Долой сомненья и страхи:
Сокрушить нашу силу не дано никому!

«Нечистью» были ревизионисты — последователи Хрущева и, вероятно, горстка доморощенных. В подтексте без труда угадывалось намерение Мао возглавить «передний край» самому — больше там не на кого положиться.

Сомнения в Лю Шаоци дали о себе знать и по-другому.

С лета 1962 года Мао приступил к созданию альтернативных инструментов власти, являющихся противовесом машине партии, за рулем которой сидели Лю Шаоци — вице-Председатель, Дэн Сяопин — Генеральный секретарь, и его заместитель Пэн Чжэнь.

Впервые за двадцать пять лет супружеской жизни роль общественного деятеля взяла на себя Цзян Цин. Ее фотография появилась на первой полосе «Жэньминь жибао» в сентябре, когда произошла встреча Мао с президентом Индонезии Сукарно. Тремя месяцами позже, во время новой атаки на излюбленную мишень Председателя — китайскую интеллигенцию, — осуществлявшейся под предлогом искоренения ревизионизма из культурных традиций страны, Цзян Цин стала плечом к плечу с мужем. Никаких личных взаимоотношений между ними уже давно не существовало, но в области политики она отдала себя в его безраздельную власть. Мао никогда не ставил под вопрос преданность супруги: единственное, к чему она стремилась, — это доказать Председателю свою постоянную готовность помочь. Значительно позже Цзян Цин написала: «Я была сторожевым псом Председателя Мао и кусала тех, кого он приказывал мне кусать». С апреля 1963 года, поощряемая Председателем и при незримой поддержке Чжоу Эньлая, она начала прибирать к рукам деятелей культуры: драматургов и кинорежиссеров, поэтов и художников. В скором времени вся духовная жизнь страны свелась к бурным обсуждениям монотонных «образцовых революционных опер», которые так пришлись по вкусу обоим супругам.

Чжоу Эньлай, всегда ревнительно охранявший свою нишу подле массивной фигуры Председателя, стал неотъемлемым членом нового, еще более узкого, чем прежде, круга приближенных лиц. Активными проводниками курса Мао, который не слишком одобряли консервативные пекинские лидеры, выступили руководитель Шанхайского горкома партии Кэ Цинши и его правая рука Чжан Чуньцяо. Повысили в ранге переписчика трудов Мао Чэнь Бода. Преданный Кан Шэн нашептывал Председателю на ухо секреты канцелярии Дэн Сяопина. Он делом доказывал, что не забыл еще старое ремесло шефа тайной полиции Яньани, и создал «специальную группу», которая занималась расследованием, по его словам, «попытки реабилитации Гао Гана». Оттачивая тактику предстоящих действий против врагов Мао, Кан Шэн отдавал приказы об арестах и допросах тысяч ни в чем не повинных людей.

И все же на первый план выступила фигура Линь Бяо. После назначения его в 1959 году на должность министра

обороны, Линь Бяо не покладая рук работал над превращением НОА в образец идеологической чистоты, живое воплощение идеи Мао о том, что личность человека намного важнее всякого оружия. Армия в его представлении являлась тем местом, где «политика — это безусловный командир и залог успеха любого начинания». Идеи Мао Цзэдуна — «величайшее достижение современного мира и вершина человеческой мысли». Именно Линь Бяо опубликовал в «Жэньминь жибао» восторженный панегирик четвертому тому «Избранных трудов» Мао — когда в 1960 году тот вышел из печати. Именно он годом позже предложил издать карманного формата сборник изречений Председателя — для того чтобы солдаты имели возможность выучить наиболее понравившиеся наизусть. В 1964 году мир узнал о «маленькой красной книжечке», которая в скором времени станет Библией китайской молодежи, ее священным талисманом и красугольным камнем культа личности великого вождя. Через некоторое время в попытке возродить суровую простоту общения первых дней Красной армии командование НОА упразднило воинские звания и знаки различия; офицеров теперь можно отличить от рядового состава только по наличию на кителе четырех карманов — у солдат их всего два. В это время НОА в глазах всей нации стала образцом для подражания — она являла собой символ безграничной преданности и готовности к самопожертвованию ради дела партии.

Весной 1964 года ни один из предпринятых Мао шагов не нес признаков того, что Председатель пересмотрел свое отношение к Лю как к наиболее вероятному преемнику. Когда речь заходила о типичных представителях «китайского марксизма-ленинизма», иероглифы «Лю Шаоци» следовали в печати сразу за иероглифами «Мао Цзэдун».

Но с приходом лета сомнения Мао усилились.

Он осознал, что, несмотря на кажущееся единство их взглядов, цели, которые преследовал Лю в «движении за социалистическое воспитание», расходились с его собственными. В феврале 1964 года Дэн Сяопин поделился с дипломатом из Шри Ланки надеждой, что Председатель не придал особого значения тому, чем заняты его подчиненные, в противном случае он был бы явно недоволен. Посредством «движения за социалистическое воспитание» Лю стремился сделать сельские партийные организации надежным и дисциплинированным проводником в жизнь экономической доктрины марксизма-ленинизма. Мао же требовал силами широких народных масс вести бескомпромиссную борьбу с ревизионизмом.

Это различие заставило Председателя вспомнить о поведении Лю в первой половине 1962 года. В голове его опять прозвучали некоторые сказанные предполагаемым преемником слова, в том числе и упоминание о выдвинутом Мао курсе «трех красных знамен» — генеральной линии партии, «большом скачке» и народных коммунах. «Мы продолжим нашу борьбу под этими тремя красными знаменами, — подтвердил на «совещании семи тысяч» Лю, — но у нас еще остаются отдельные нерешенные вопросы. Через пять или десять лет нам предстоит проанализировать накопленный опыт, вот тогда мы сможем дать на них исчерпывающие ответы». С головой уйдя в полемику с Москвой, Мао не имел возможности размышлять о том, крылась ли в словах Лю потенциальная угроза пересмотреть политику страны после смерти Председателя так же, как это сделал в СССР Хрущев после смерти Сталина. Сохранилось в памяти Мао и другое. В 1959 году Кан Шэн заявил, что ошибка Сталина заключалась не в жестоком подавлении «контрреволюции», а, наоборот, в недостатке жестокости. Сталин своими руками привел к власти людей типа Хрущева, которые позже развенчали весь его авторитет. Возникал закономерный вопрос: совершит ли ту же ошибку и Мао?

К июлю 1964 года эти соображения кристаллизовались в мозгу Председателя настолько, что он изложил их в целом абзаце девятого — и последнего — открытого письма руководству КПСС, посвященного исключительно вопросу преемственности:

«В конечном итоге вопрос о передаче традиций борьбы за дело пролетарской революции состоит в том... сохранится ли руководство нашей партией и государством в руках пролетарских революционеров, пойдут ли наши преемники верным путем марксизма-ленинизма или, другими словами, сможем ли мы предупредить зарождение в Китае хрущевского ревизионизма. Для нас это вопрос исключительной важности, речь идет о жизни и смерти нашей партии и нашей страны».

Написанные более тридцати пяти лет назад строки представляют поразительно яркую иллюстрацию механизма работы ума Председателя. В те годы никто из коллег Мао не видел в них ничего неуместного или зловещего. Никто не обратил внимания и на следующий абзац, где говорилось о преемниках, выдвинутых в процессе борьбы масс и прошедших огонь, воду и медные трубы «великих революционных потрясений».

В октябре пришла весть об отстранении Н.С. Хрущева от власти. Его обвиняли в управлении огромной страной по велению собственных прихотей, в навязывании многострадальному наро-

ду умозрительных схем, явившихся продуктом работы «заячьих мозгов». Трудно сказать, провел ли Мао какие-либо параллели между судьбой своего старого соперника и теми возможными упреками, которых заслуживал его собственный стиль руководства. Однако, отдавая себе отчет о различиях во взглядах с Лю Шаоци, Мао наверняка ощущал и известную уязвимость своего положения. Месяцем позже пришедшие на смену Хрущеву лидеры Страны Советов отвергли попытки Пекина возобновить прерванный диалог. Их отказ только углубил пропасть, разверзшуюся между двумя странами, и подтвердил: мировое коммунистическое движение распалось на два неравных и непримиримых лагеря.

Стремление Мао обеспечить бессмертие своего имени в деле революции сводилось теперь к попытке выработать специфический китайский путь построения социализма, став на который истинные революционеры ощутили бы прилив живительной энергии. Свидетельством тому являются девять открытых писем, написанных с учетом того, что источник революционной мысли — «Мекка», как называл его Снеевлит, — уже переместился из Москвы в Пекин. К концу 1964 года Мао четко представлял себе, чему он отдаст последние годы своей жизни.

Он больше не мечтал сделать Китай богатой и процветающей страной — пусть этой логике подчиняет себя Лю Шаоци.

Революционный пыл, считал Председатель, обратно пропорционален накопленному богатству. «Страны Азии в политическом смысле более прогрессивны, чем Британия или США, поскольку уровень жизни в Азии много ниже, — писал Мао ранее. — Те, кто беден, жаждут революции... В будущем государства Востока тоже станут богатыми. Когда западные стандарты окажутся позади наших, народы Европы и Америки снова обретут революционный дух». Следствием этой теории, как понял Мао, было то, что процветание означало для Китая конец революции. Произнести нечто подобное вслух Председатель не мог по соображениям политическим: в стране нашлось бы слишком мало желающих остаться в вечной нищете во имя абстрактных политических идеалов. На практике же размеренной и скучной жизни преуспевающего общества Мао предпочитал беспокойную революцию.

Для того чтобы превратить Китай в обитель «красной добродетели», где классовая борьба преобразует сознание людей и создает некий революционный континуум, освещающий человечеству путь в светлое будущее, Лю Шаоци и ему подобные должны быть отброшены прочь вместе с их меркантильной философией.

Пребывая в этом просветленном состоянии духа, на протяжении ноября и декабря Мао участвовал в ряде совещаний высшего руководства, причем поведение его становилось все более своенравным и эксцентричным.

26 ноября, обсуждая вопросы долгосрочного военного планирования, он внезапно начал увещевать Лю: «Ты являешься первым заместителем Председателя, но ведь никто не гарантирован от случайностей. Представь на мгновение, что после моей смерти судьба не улыбнется тебе. Давай поменяемся местами прямо сейчас. Ты — Председатель. Ты — первый император!» Лю Шаоци осторожно уклонился от предложенной чести, пропустив мимо ушей брюзжание Мао о том, что у него уже нет сил и с ним никто не считается. Двумя неделями позже Председатель самыми черными словами крыл зарождающийся в недрах партии класс капиталистов, «пьющих кровь трудового народа». Следующей он впервые произнес фразу о «партийных бонзах, идущих по капиталистическому пути». 20 декабря Мао вновь упомянул Лю, давая понять, что все решения теперь принимает именно он. В дальнейшей речи он доказывал необходимость перенацелить «движение за социалистическое воспитание»: оно должно вестись не против коррумпированного чиновничества и крестьян — расхитителей собственности, но искоренять в партии ревизионистскую ересь. Прежде всего, с угрозой в голосе замечал Председатель, массы бросят в очистительный огонь своего гнева «волков», то есть «власти предержащие»; «лисы» и прочие хищники помельче тоже дождутся своего часа, но позже.

И все-таки Лю выстоял. Он согласился с Мао в том, что некоторые провинциальные парткомы действительно «переродились» и что в первую очередь необходимо разоблачить высоких партийных покровителей коррумпированного чиновничества. Однако при этом Лю дал четко понять: главной целью движения в целом должна быть борьба против коррупции, а не идеологические наскоки на «ревизионизм».

Свое недовольство Мао проявил в здании Всекитайского собрания народных представителей на банкете по случаю семьдесят первой годовщины его дня рождения. Не упоминая имен, он объявил взгляды Лю антимарксистскими и добавил, что Дэн Сяопин руководит Секретариатом ЦК как «своим королевством». Двумя днями позже последовал новый взрыв негодования: размахивая книжечкой партийного устава, Мао ледяным голосом заметил, что имеет такое же право выражать свое мнение, как и любой член партии — почему же тогда Дэн пытался предотвратить

его появление на совещании, а Лю очень не хотел давать ему слово? Не менее зловещим было и его напоминание о споре, имевшем место в 1962 году, с членами Постоянного Комитета по вопросу «системы семейного подряда». Спор этот Председатель назвал «разновидностью классовой борьбы». Теперь же разгоралась новая борьба: против тех «властей предержащих, которые решили пойти по капиталистическому пути».

Эта зажигательная фраза была включена в изданную в середине января директиву по организации движения с единственной поправкой: вместо «властей предержащих» в ней говорилось об «ответственных работниках». Первоначальный проект директивы прямо предостерегал, что «подобные перерожденцы есть даже в Центральном Комитете». Чжоу Эньлаю, прекрасно знавшему образ мышления Председателя, в последний момент удалось заменить «Центральный Комитет» на «отделы ЦК».

Лю Шаоци, как и большинство других членов руководства партии, воспринял замечания Мао как брюзжание сварливого пожилого мужчины — еще способного, несмотря на возраст, метать громы и молнии, но стремительно погружающегося в старческие воспоминания о славном революционном прошлом. Кризис, казалось, миновал.

Но судьба Лю была уже решена. Мао осталось лишь найти соответствующий способ избавиться от опасного преемника.

ГЛАВА 15

КАТАСТРОФА

В феврале 1965 года Председатель послал Цзян Цин в Шанхай. Она должна проложить идеологический бикфордов шнур — в нужный момент Мао подожжет его, и Китай охватит всепожирающее пламя «великой пролетарской культурной революции».

Огнивом, которым была высечена первая искра, явился брошенный Мао шестью годами ранее призыв к партии следовать примеру Хай Жуя — императорского чиновника династии Мин. Пэн Дэхуай понял призыв Председателя слишком буквально, за что и понес справедливое наказание. Но идея не оказалась забытой: в 1959–1960 годах появился ряд литературных произведений,

развивавших тему, среди них наиболее видное место занимает драма известного писателя и историка У Ханя. В кругу приближенных Мао многие, в том числе и Цзян Цин, считали, что «Разжалование Хай Жуя» было аллегорической защитой попавшего в опалу Пэн Дэхуая. Председатель, которому драма чрезвычайно понравилась, поднял их рассуждения на смех. Однако в начале 1965 года любимое произведение раскрыло перед ним новые возможности.

У Хань пользовался известностью не только как историк. Занимая пост заместителя мэра Пекина, он являлся, по сути, человеком Пэн Чжэня. Пэн, первый секретарь Пекинского горкома партии, был вторым лицом в Секретариате ЦК — сердце огромной партийной машины. Подобно большинству высших руководителей, он представлял собой человека замкнутого и малообщительного. Отсутствие преданных друзей делало его фигуру весьма уязвимой.

Мао понял, что атака на У Ханя может послужить клином, который разобьет империю Пэна. За спиной Пэна стоял Лю Шаоци.

В Шанхае Цзян Цин воспользовалась услугами леворадикального журналиста Яо Вэньюаня, чьи гневно бичующие буржуазную интеллигенцию статьи привлекли внимание Председателя еще в ходе кампании против «праваков». В условиях чрезвычайной секретности — сказавшись больным, Яо отправился в санаторий — Цзян Цин получила от него объемистый публицистический шедевр, обличающий драму У Ханя как «ядовитый сорняк на ниве китайской литературы».

Труд Яо Вэньюаня доводился до ума в течение всего лета. Статья переписывалась десять раз, причем последние три варианта принадлежали перу самого Мао. Когда в конце августа она приняла законченный вид, Председатель заставил себя ждать еще долгих три месяца. За это время он принял дополнительные меры предосторожности и отослал находившегося с 1959 года под домашним арестом Пэн Дэхуая на незначительный пост в отдаленный сычуаньский гарнизон.

10 ноября 1965 года, пока Пэн Чжэнь и У Хань разъезжали по стране, статью Яо опубликовала шанхайская газета «Вэньхуэйбао». По личному распоряжению Мао из нее выбросили все ссылки на дело Пэн Дэхуая: самое мощное оружие должно храниться в резерве. В статье Яо Вэньюань обвинял У Ханя в том, что поддержка, которую оказывал Хай Жуй крестьянству, больше напоминает апологию идеи частнособственнического фермерского хозяйства. Следовательно, вся драма являет собой продолжение «борьбы класса капиталистов против диктатуры пролетариата... Она оказывает значи-

тельное воздействие на умы людей, отравляя сознание общества. Если мы не сможем найти эффективное противоядие, делу построения социализма будет нанесен непоправимый вред».

Произведенный Яо Вэньюанем бортовой залп вызвал в Пекинском горкоме партии оцепенение.

Предполагалось, что последние установки отдела пропаганды ЦК запрещают публичные выпады в адрес известных личностей. Поскольку выяснить, кто одобрил подобную статью, оказалось невозможным, по возвращении в Пекин Пэн Чжэнь приказал газетам, в том числе и «Жэньминь жибао», не перепечатывать ее. Через несколько дней он запретил и распространение статьи в виде брошюры. Его распоряжение заставило Мао пожаловаться: Пэн душит культурную жизнь столицы, «сквозь оставленное им игольное ушко не просочится и капля воды».

Председателю ничего не стоило отдать соответствующий приказ, однако сыграть в открытую он был еще не готов. Вместо этого Мао выставил на сцену своего вечного миротворца — Чжоу Эньлая. 28 ноября Чжоу собрал в Пекине совещание, на котором после высказанных в адрес Яо Вэньюаня упреков в том, что он «позволил себе оскорбления и неприкрытый шантаж», указал правильный подход к решению литературных споров: «в нашем обществе существует свобода критики и контркритики». Двумя днями позже статья Яо Вэньюаня появилась на страницах «Жэньминь жибао» в сопровождении одобренного самим Чжоу комментария.

Капля все же просочилась.

В тот же день, когда в Шанхае вышел наделавший столько шума номер «Вэньхуэйбао», на заседании Постоянного комитета Политбюро Мао объявил об отставке Ян Шанкуня, возглавлявшего общий отдел ЦК КПК. В качестве предлога было выдвинуто то обстоятельство, что в 1961 году Ян отдал приказ оборудовать подслушивающими устройствами личный поезд Председателя. Мао знал об этом давно, но на протяжении четырех лет абсолютно ничего не предпринимал. Сейчас он перешел к действиям потому, что общий отдел, главный нервный центр партии, должен был оказаться в более надежных руках. На смену Ян Шанкуню пришел Ван Дунсин, командир гвардейского полка — войсковой части 8341, — обеспечивавшего безопасность высших партийных и государственных работников. В ближайшем окружении Мао Ван Дунсин находился уже более двадцати лет, и его преданность не вызывала у Председателя никаких сомнений.

Через четыре недели пришла очередь еще одного сановника. Ло Жуйцин начал свою карьеру в Цзянси еще в начале 30-х годов. Когда Линь Бяо занял пост министра обороны, Ван стал начальником Генерального штаба. Однако вскоре между обоими военными обнаружились разногласия: должна ли НОА быть прежде всего орудием защиты государства либо политическим инструментом партии? Затем Ван совершил новую ошибку: он настоятельно рекомендовал Линь Бяо «больше внимания уделять собственному здоровью». На заседании ПК Мао поддержал просьбу Линя отстранить начальника Генштаба от исполнения его обязанностей. Вскоре была создана «следственная комиссия», которая под руководством Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина начала «убеждать» Вана признаться в стремлении занять место министра обороны.

К середине декабря 1965 года высшее руководство страны всеми силами пыталось понять, что лежит в подоплеке кадровых перемен. Ветеран партии Ян Шанкунь был наказан за ошибки прошлого. В угоду Линь Бяо Председатель распрощался с Ло Жуйцином. Подогреваемые Мао споры о литературе вполне могут означать готовящуюся атаку на партийную организацию столицы.

Единственным, кто не мучил себя особыми раздумьями, был Лю Шаоци. Еще в начале ноября обостренный инстинкт самосохранения подсказал ему необходимость отдалить от себя Пэн Чжэня. Уж если грянет политическая буря, то пусть его, Лю, она обойдет стороной.

В этой до предела сгустившейся атмосфере Председатель сделал второй шаг.

Незадолго до Нового года, беседуя в Ханчжоу с Чэнь Бода и работниками редакции партийного журнала «Хунци» («Красное знамя»), Мао сказал, что в статье Яо Вэньюаня упущено главное. Вся суть драмы У Ханя заключается в ее названии. «Хай Жуй был разжалован императором Цзяцином, — подчеркнул Мао. — Мы же разжаловали Пэн Дэхуая. Выходит, что Пэн — настоящий Хай Жуй». Таким образом, вопрос об У Хане приобретал уже не литературоведческую, но политическую окраску.

В январе наступило относительное затишье. О рассуждениях Мао Политбюро ничего не было известно, и когда секретарь Чэнь Бода написал статью, где без указания на источник изложил взгляды Председателя, Пэн Чжэнь, пустив в ход связи в отделе пропаганды ЦК, добился отмены ее публикации. Однако остановить атаку, начавшуюся на самого У Ханя, он был не в состоянии. Февраль приносит новые дурные вести. При полной поддержке

Линь Бяо Цзян Цин организовала в управлении НОА по культурно-массовой работе движение по борьбе с «феодальным и капиталистическим мышлением». Кампания критики У Ханя поднялась на еще более высокий уровень.

Первый секретарь Пекинского горкома партии предпринял отчаянную и, видимо, запоздалую попытку перехватить инициативу.

На протяжении предыдущих восемнадцати месяцев Пэн Чжэнь возглавлял в ЦК «группу по делам культурной революции», которую Мао создал для «противодействия ревизионизму в области культуры и искусства». По предложению Пэна, эта же «группа» вырабатывала и основные направления идеологических дискуссий. «Февральская линия», как были названы принятые «группой» решения, подтвердила: «между идеями Мао Цзэдуна и буржуазным мировоззрением идет титаническая борьба», а творчество У Ханя «свидетельствует о глубоких политических заблуждениях известного историка». Однако авторы документа тут же подчеркивали, что «академические споры должны решаться принятыми в науке, а не в политике методами».

8 февраля Пэн полетел в Ухань, чтобы доложить Мао о проделанной работе. Председатель не одобрил ее, но и не сделал ни одного замечания, лишь спросил, не является ли У Хань «антипартийным элементом» — уж больно двусмысленно звучит его фраза о «разжаловании». В заключение разговора Мао отметил, что при отсутствии фактов, указывающих на какую-либо связь между автором драмы и Пэн Дэхуаем, историк может и дальше «служить народу на посту заместителя мэра столицы».

Предупредив, по его мнению, политическое ненастье, Пэн Чжэнь возвратился в Пекин.

На протяжении нескольких последующих недель слышались слабые отголоски надвигающейся грозы. Мао посетовал, что «Жэньминь жибао» является всего лишь «полумарксистской газетой», вновь напомнил Чжоу Эньлаю и Дэн Сяопину о «чрезмерно закрученных» Пэн Чжэнем гайках.

Однако Пэн испытал бы значительно большую тревогу, если бы знал о том, что Председатель одобрил программный документ, подготовленный вскоре после ряда встреч Цзян Цин с руководством НОА. В директиве говорилось: «Начиная с 1949 года общество оказалось под жестким влиянием черной, антипартийной, антисоциалистической линии, идущей вразрез с идеями Председателя Мао». Поскольку за вопросы культуры Пэн начал отвечать с июля 1964 года, ответственность за сложившуюся

ситуацию нес и он — наравне с отделом пропаганды ЦК, возглавлявшимся кандидатом в члены Политбюро Лу Динъи. Документ недвусмысленно означал грядущий глобальный пересмотр всей сложившейся системы культурных ценностей.

Следующий шаг Мао сделал в конце марта, когда Лю Шаоци отправился в месячную поездку по странам Азии. Председатель дал понять, что партия должна отказаться от «февральской линии», поскольку она «затушевывает классовую природу существующих противоречий». У Хань и интеллигенция с таким же, как у него, складом ума являются «учеными тиранами», находящимися под защитой «партийного тирана» Пэн Чжэня. Мао угрожал разогнать не только «группу по делам культурной революции», но и весь отдел пропаганды ЦК, названный им «чертогами владыки преисподней». Та же участь, по его словам, ждала и Пекинский горком партии.

Эти взгляды Председателя формально были изложены Кан Шэном на заседании Секретариата ЦК, прошедшем 9 апреля под председательством Дэн Сяопина.

Кан перечислил «ошибки», допущенные Пэном в деле У Ханя, а Чэнь Бода напомнил заседанию все его «извращения» политической линии партии, имевшие место с 30-х годов. Присутствовавшие решили передать вопрос на рассмотрение Политбюро. Через две недели, когда Лю Шаоци возвратился из Бирмы, он обнаружил, что ареопаг ожидал его в Ханчжоу, куда для вынесения окончательного приговора Мао созвал членов Постоянного комитета. Там Председатель объявит свою волю: Пэн Чжэнь и его сторонники должны быть подвергнуты суровой чистке, а Лю Шаоци сообщил об этом решении расширенному заседанию Политбюро, которое месяцем позже, в отсутствие Мао, собралось в Пекине.

Начавшееся 4 мая заседание длилось более трех недель.

Главными обвинителями на нем выступили Кан Шэн, Чэнь Бода и прибывший из Шанхая Чжан Чуньцяо. Возникновение и действия «антипартийной клики Пэн Чжэня — Лу Динъи, — Ло Жуйциня — Ян Шанкуня» было признано доказательством расцветавшего в Центральном Комитете ревизионизма, об опасности которого товарищ Мао Цзэдун предупреждал полутора годами ранее в ходе дебатов по вопросу «движения за социалистическое воспитание». Названные члены партии сначала испытали на себе справедливое возмущение масс, а затем были освобождены от всех постов. Чжоу Эньлай обвинил четверку в «следовании по капиталистическому пути». Линь Бяо мелодраматически за-

говорил о «запахе пороха» и «планах переворота, которые включали в себя физическую расправу с деятелями партии и государства, захват власти и восстановление капиталистических порядков».

16 мая заседание утвердило циркуляр ЦК КПК, знаменовавший собой официальное начало «великой революции за установление пролетарской культуры». Документ вызревал в течение месяца, не менее семи раз Мао редактировал его собственноручно. На первое место, говорилось в циркуляре, выходит вопрос: «претворять в жизнь или отвергнуть курс товарища Мао Цзэдуна на культурную революцию». Предателями оказались не только Пэн Чжэнь и его сторонники. В партии и правительстве нашлось немало таких «руководителей, которые избрали капиталистический путь развития общества»:

«Эти змеями проползшие в партию представители буржуазии... представляют собой кучку контрреволюционеров-ревизионистов. Дождавшись удобного момента, они будут пытаться захватить власть и превратить диктатуру пролетариата в диктатуру класса капиталистов. Некоторых из них мы уже разоблачили; другие только ждут своей участи. Отдельные еще пользуются доверием и считаются нашими преемниками. Это люди типа Хрущева, они до сих пор находятся в наших рядах. Партийные кадры всех уровней должны уделить этому вопросу особое внимание».

Циркуляр сообщал о роспуске возглавлявшейся Пэн Чжэнем «группы по делам культурной революции» и о создании нового органа — с тем же названием, но под руководством Чэнь Бода, заместителями которого были названы Цзян Цин, Чжан Чуньцяо и еще двое ответственных партийных работников. Кан Шэн получил пост советника «группы». Пэн Чжэнь и его последователи оказались выброшенными в пустоту: кто-то отправился за решетку, кто-то — под домашний арест. Создана специальная комиссия по расследованию их «антипартийного поведения».

В середине мая 1966 года Мао указал партии самую общую цель столь долго вынашиваемого замысла: отстранение от власти так называемых каппутистов («идущих по капиталистическому пути»), лелеявших планы повернуть колесо истории вспять. Однако никто, включая самых близких Председателю людей, не знал, что заставило его избрать такую непостижимо сложную и беспощадную тактику.

Еще менее предсказуемым был ее конечный результат.

Одним из соображений, которыми руководствовался Мао в своих казавшихся абсолютно лишенными всякой

логики действиях, являлся древний философский наказ: «Подвергай все сомнению».

Закончись атака на У Ханя неудачей, ее можно было бы объяснить излишним рвением Цзян Цин, чья активность на поприще преобразований в области культуры сделала из нее весьма удобного «козла» отпущения. Право нанести Пэн Чжэню последний удар Председатель с присущим ему благоразумием предоставил Лю Шаоци, по обыкновению скромно отойдя в сторону. Кто из руководства осмелится сказать теперь, что с Пэном поступили несправедливо, если самая грязная работа была выполнена их собственными руками?

Но имелась и другая, более весомая причина.

Во время последней схватки в высшем эшелоне власти, имевшей место в 1959 году, победа осталась за Председателем потому, что он поставил перед Политбюро вопрос о доверии к самому себе. Его соперник Пэн Дэхуай, вспыльчивый старый вояка, своим острым языком был способен превратить во врагов даже собственных друзей. Мао не составило особого труда представить Пэна в виде основной угрозы единству партийных рядов. Теперь же по всем объективным критериям обоснования готовящихся действий были не просто шаткими — их просто не существовало. Мао требовалось избавиться от Лю Шаоци, чей авторитет уступал лишь его собственному, и Дэн Сяопина — хотя ни тот, ни другой никогда не бросали вызова политике Председателя. Оба пользовались безусловной поддержкой старого поколения руководителей. Отсутствовали любые мало-мальски объяснимые поводы, пользуясь которыми Мао смог бы убедить своих коллег в том, что эти двое должны уйти.

Поскольку лобовая атака оказалась невозможной, Председатель решил прибегнуть к давно проверенной и надежной тактике партизанской войны. В конце концов, «война — это тоже политика», — писал он. Похоже, Лю Шаоци и в голову не приходило, что разворачивавшиеся на его глазах события являлись лишь прологом к главной битве. Он видел перед собой Председателя, охваченного стремлением революционизировать культуру и искусство, — Пэн Чжэнь сам виноват, что оказался у него на пути.

Если бы члены высшего партийного руководства, высказав общую точку зрения, остановили бы Мао на уже достигнутом, это могло бы предотвратить надвигавшуюся на них катастрофу. Но такой поступок означал столкновение с Председателем лицом к лицу. Постоянному Комитету Политбюро на это не хватило мужества.

Тот же крутой замес из трусости и себялюбия с новой силой дал о себе знать и в 1966 году. Начавшаяся с подачи услужливого Линь Бяо канонизация Мао и его трудов приняла такие масштабы, что выступить против решился бы только блаженный. Председатель предусмотрел все. Отсутствие Лю накануне совещания в Ханчжоу означало, что времени организовать сопротивление у потенциальных противников нет. Последовавшее затем заседание Политбюро в Пекине по настоянию Мао было расширенным: помимо членов Политбюро, в нем приняли участие около шестидесяти отобранных лично Председателем человек. Не имея права голоса, они играли толпу, в присутствии которой деловая дискуссия теряла всякий смысл.

И все же существовали вполне отчетливые признаки того, что новая кампания не будет похожа ни на одну предыдущую. Однако руководство оставило эти тревожные предупреждения без внимания. Никого не насторожил ни более резкий язык, на котором велась полемика, ни ее эмоциональный накал, годный на то, чтобы наэлектризовать массы, но вряд ли уместный в рамках обсуждения политического вопроса. С самого начала в невообразимой мешанине переплелись личные амбиции, идеологические разногласия и проблемы государственного строительства. Еще более запутанной делало картину участие в кампании Цзян Цин и целой когорты ее доверенных лиц. Одно из заседаний Политбюро Линь Бяо открыл обвинением своего оппонента в клевете: тот заявил, будто к моменту вступления в брак его супруга уже не была девственницей.

В мае произошло и другое событие, которое могло бы насторожить обычно бдительного Лю Шаоци в отношении зревших в голове Председателя планов.

На страницах газет появилась новая статья Яо Вэньюаня, где критике подвергался уже не У Хань, а двое его коллег: Дэн То, бывший одно время редактором «Жэньминь жибао», с кем Мао разругался по поводу отказа опубликовать материал о начале кампании «ста цветов», и новеллист Ляо Моша, который вел в газете сатирическую колонку под рубрикой «Заметки из деревни трех семей». Колонка, по уверениям Яо, эзоповым языком нападала на самого Председателя: в отточенных веками традициях она, «указывая на тутовое дерево, поносила иву».

Никакой основы под этим обвинением скорее всего не было. Хотя отдельные материалы с заголовками типа «Путь разумного правителя и путь тирана» или «Амнезия» (избавить от которой может только «уход на покой») казались написан-

ными в такой манере, какая ассоциировалась лишь с Мао. Однако в то время никто в Китае не усматривал подобной связи, равно как не видел в «Разжаловании Хай Жуя» и намека на реабилитацию Пэн Дэхуая. Фельетоны служили забавной карикатурой на мелких чиновников, чья ограниченность едва не вошла в поговорку и сравнивалась с «тремя годами непрерывных стихийных бедствий».

Статья была написана Яо Вэньюанем с дальним прицелом.

Если член Политбюро Пэн Чжэнь начал проводить в жизнь свою «черную, антипартийную и антисоциалистическую линию», если группа писак в течение четырех лет безнаказанно высмеивала Председателя в различных буржуазных листках, то почему Лю Шаоци, человек, которому товарищ Мао доверил всю партию, не предпринял ничего, чтобы остановить этот произвол?

Ответов было два. Либо Лю являлся абсолютно некомпетентным руководителем, либо он стоял в одном строю с противниками Председателя.

Расставив фигуры на доске, Мао готовился начать свою дьявольски хитроумную партию.

14 мая Кан Шэн направил свою жену Цао Иоу в Пекинский университет с заданием познакомиться с секретарем парткома философского факультета, женщиной по имени Не Юаньцзы. Через десять дней, после того как Цао заверила свою новую подругу в высокой поддержке, Не Юаньцзы и группа ее студентов выпустили первую «дацзыбао» («газету больших иероглифов»), где ректор университета профессор Лу Пин обвинялся в противодействии указаниям Председателя относительно развертывания «культурной революции». Дацзыбао поместили на ту же «стену демократии», где девятью годами ранее расцветали «сто цветов». Она призывала студентов и преподавателей «решительно, тщательно и безжалостно расправиться со всеми демонами и чудищами, со всеми подобными Хрущеву контрреволюционерами-ревизионистами. Вы должны довести социалистическую революцию до конца!».

Возглавляемый тем же Лу Пином партком университета приходит в неистовство. На следующее утро более сотни расклеенных тут и там дацзыбао с гневом обличали Не Юаньцзы.

1 июня пришла обещанная «высокая поддержка».

Мао собственноручно завизировал написанную Не дацзыбао и приказал зачитать ее текст по радио — пусть слова правды услышит вся страна. «Жэньминь жибао», редактором которой за два дня до этого стал Чэнь Бода, объявил Пекинский универси-

тет «антипартийным и антисоциалистическим бастионом», а Лу Пина — «главарем черной банды». Не Юаньцзы мгновенно стала знаменитостью, из самых дальних уголков страны к ней шли тысячи телеграмм со словами восхищения и поддержки. Толпы студентов из других высших учебных заведений Пекина стекались к университету, чтобы увидеть героиню, услышать ее совет: как быть с упорствующими в своем невежестве парткомами их институтов.

Наслушавшись рассказов родителей, ученики средних школ действовали еще энергичнее.

В конце мая сообразительный, но так и оставшийся безымянным старшеклассник средней школы при университете Цинхуа пустил в оборот словечко «хунвейбин» — «красный охранник». Начатое им движение охватило пекинские школы подобно пожару. Масла в огонь подлила развернувшаяся кампания безудержного восхваления Мао. Зачинателем его стал Линь Бяо, который 18 мая в обращенной к членам Политбюро речи констатировал: «Председатель Мао является гением нашей эпохи... Одна оброненная им фраза превосходит по мудрости десять тысяч наших!» Крик души министра обороны поддержала «Жэньминь жибао»: «Председатель Мао — это красное солнце, горящее в наших сердцах. Идеи Мао Цзэдуна — животворный источник... Тот, у кого хватает дерзости противостоять ему, должен быть стерт в порошок». Труды Мао оказались «даром, цена которого выше золота», его «слово звучит как зовущий в бой барабан», его «высказывание — сама истина».

С тревогой и растущим недоумением следили за развитием событий Лю Шаоци и Дэн Сяопин.

Уже весной в воздухе начал витать удушливый запах жестокости, с которой в масштабах всей страны развернулась охота на ревизионистских ведьм. В попытке покончить с жизнью из окна верхнего этажа выбросился бывший начальник Генерального штаба Ло Жуйцин. Попытка закончилась неудачей, он лишь сломал обе ноги; «разоблачительные» процессы против него продолжились. После публикации статьи Яо Вэньюаня наложил на себя руки Дэн То. Менее чем через неделю наступила очередь Тянь Цзяина, личного секретаря Мао: узнав, что его причислили к «правакам», он ночью пустил себе пулю в лоб. Для политических движений в Китае всегда были характерны самоубийства, однако после случая с Гао Ганом в 1954 году партия успела забыть о подобных трагедиях. Смерть Дэн То и Тянь Цзяина рассматривалась в обществе как традиционный для китайского ученого способ выразить протест против творящейся несправедливости.

Мрачные события в жизни политической элиты сопровождались ростом бунтарских настроений в высших учебных заведениях и школах.

Лю и Дэну было хорошо известно — девятью годами ранее они своими глазами наблюдали за ходом кампании «ста цветов», не говоря уже о собственном опыте, приобретенном в студенческие годы, — с какой скоростью искра, брошенная в среду молодежи, охватывает пламенем всю страну. А сейчас Чэнь Бода, с явного одобрения Мао, опубликовал в «Жэньминь жибао» зажигательные передовые, которые придали вспыхнувшему огню новые силы. В подобных условиях самой разумной практикой была организация «рабочих групп», осуществлявших непосредственную чистку пораженных заразой ревизионизма парткомов. В Пекинском университете такая работа уже велась. Но являлось ли это тем, что имел в виду Председатель?

Лидеры «переднего края» пребывали в растерянности.

Мао же находился в Ханчжоу. Выехав из столицы в ноябре, он, по-видимому, и не собирался возвращаться. В телефонном разговоре Лю упрашивал его приехать в Пекин, чтобы направлять движение лично. Мао ответил, что предпочитает еще на некоторое время задержаться на юге и предоставляет центральному руководству полную свободу действий. Через несколько дней, надеясь получить более детальные инструкции, Лю и Дэн вылетели в Ханчжоу, однако ничего нового от Мао они не услышали. Правда, Председатель снизошел до объяснений, заявив, что «рабочие группы — это неплохо, необходимо лишь проследить, чтобы решение об их организации принималось без всякой спешки». Фраза прозвучала с обычной для Мао многозначительностью.

Тем не менее в высшие учебные заведения столицы и других крупных городов направили отряды кадровых партийных работников и членов Коммунистического союза молодежи. Перед ними поставили задачу: восстановить порядок и установить четкий контроль за ходом движения.

Ортодоксальный командный подход плохо сочетался с яростным вдохновением студенчества, умело подогреваемым «Жэньминь жибао» и другими газетами. Реальные нужды молодежи в поле зрения «рабочих групп» не попадали. Накануне «культурной революции» проблемы, возникшие в китайских университетах в ходе предыдущих кампаний, не только не были разрешены — они обострились еще более. Слова Мао о том, что партийные бюрократы в учебных заведениях ведут себя подобно «ученым тиранам», нашли громкий отклик среди тех, кто так или иначе постра-

дал от множественных прихотей университетского начальства. В высшей школе процветало кумовство, бездарные преподаватели находились под покровительством руководства, а умы оригинальные и неординарные всячески вытеснялись. Излюбленным методом обучения оставалась та же, что и в 30-х, механическая зубрежка, не чреватая никакими политическими неожиданностями. Попасть в состав «рабочей группы» считалось большой удачей, а поскольку экономика все еще пребывала в трясине, находилось очень немного тех, кто позволял себе пренебрегать своими почетными и прибыльными обязанностями.

В течение весьма короткого времени в учебных заведениях вспыхивали бурные конфликты. В недовольных студентах «рабочие группы» увидели «антипартийных и антисоциалистических элементов». Наиболее радикально настроенная молодежь считает подчиненных Лю «черной бандой», сговорившейся с «прогнившими парткомами». К концу июня около сорока «рабочих групп» студенты с позором и избиениями вытолкали за пределы университетских городков. В ответ Лю Шаоци объявил тысячи молодых людей «праваками», а их активистов будут сурово «прорабатывать» на «митингах борьбы с вредными элементами». На выступавших в поддержку студенчества преподавателей вешали ярлыки «контрреволюционеров».

Оглядываясь на события тридцатипятилетней давности, трудно понять, как Лю и Дэн смогли столь ошибиться в намерениях Председателя.

Однако в то время вся грандиозность замысла Мао была непостижима не только для его соперников — она ускользала и от наиболее преданных ему людей. То, что Председатель решил повести массы против самой партии, не укладывалось в головах даже скептически настроенных членов Политбюро. Когда Лу Пина и шестьдесят других членов «черной банды» поставили в Пекинском университете на колени, надели на головы бумажные колпаки, измазали сажей лица, на спины повесили дацзыбао с перечислением всех их грехов и толпа начала пинать несчастных, рвать им волосы, а потом с ревом протащила по улицам, не только Лю Шаоци, но и Чэнь Бода вместе с Кан Шэном расценили случившееся как «контрреволюционный бунт» и потребовали сурово наказать его организаторов.

Пока Мао наслаждался пейзажами Ханчжоу, каждый из членов высшего руководства страны по-своему объяснял происходящее. Для Лю и Дэна оно являлось зловещим повторением «ста цветов», очередной попыткой «выманить змею из ее

гнезда» и преподать хороший урок одураченной «ревизионистами» молодежи. Чэнь Бода и Кан Шэн осознали, что Председатель стремится ограничить, урезать власть Лю Шаоци. По их мнению, Мао хотел сделать свою политику более радикальной, и только. Речи о сносе всей партийной машины и быть не могло.

Но уже не за горами время, когда все они распростились со своими иллюзиями.

Расставленная Председателем ловушка вот-вот захлопнется. За четверть века до этого он сказал Кан Шэну в Яньани: «Дыни созрели. К незрелым не стоит даже и наклоняться. Дойдут — и сами отвалятся от стебля».

16 июля в окрестностях Ухани Мао вошел в мутные воды Янцзы. Подхваченный течением реки, за час с небольшим он проплыл около девяти миль. Этот заплыв должен был символизировать бодрость духа и готовность снова вступить в схватку. Фотография семидесятидвухлетнего Председателя, рассекающего покрытую легкой рябью гладь воды, появилась во всех газетах, на экранах кинотеатров мелькали кадры новостей.

Через два дня, не потрудившись оповестить Лю Шаоци, Мао возвратился в Пекин.

Вечером он отказался от встречи с главой страны и пригласил в свой кабинет Чэнь Бода и Кан Шэна.

Наутро Лю Шаоци узнал, что направление в учебные заведения «рабочих групп» было ошибкой. Прибывшая в Пекинский университет Цзян Цин на встрече со студенческими активистами заявила: «Кто не с нами — пусть отойдет в сторону! Кто хочет делать революцию — становитесь в наши ряды!» Со страниц «Жэньминь жибао» Чэнь Бода успокоил молодежь: «митинг борьбы» против Лу Пина был актом революционным, а не контрреволюционным. 25 июля Мао распорядился отозвать «рабочие группы» из всех учебных заведений: предпринятый Лю Шаоци шаг явился «ошибкой в политической линии». Двумя днями позже Цзян Цин, Чэнь Бода и Кан Шэн во главе «группы по делам культурной революции» направились в Пекинский университет и на массовом митинге призвали студентов «преодолеть все преграды, раскрепостить мышление и довести революцию до конца».

Вскоре на встрече с активистами «культурной революции» в здании Всекитайского собрания народных представителей Лю Шаоци подверг суровой критике свои ошибки, допущенные в организации деятельности «рабочих групп». Но в словах

его слышалась обида и запоздалое осознание того, что Председатель намеренно подставил самого преданного ему человека. «Вы спрашиваете, как должна осуществляться наша революция, — обратился он к залу. — Скажу вам честно: я не знаю. Думаю, что многие товарищи из центра, многие члены "рабочих групп" тоже не знают этого». В результате, подчеркивал Лю, «даже когда вы не совершаете никаких ошибок, кто-нибудь сверху скажет: и все-таки они есть».

1 августа Председатель созвал пленум Центрального Комитета — первый за четыре года, — чтобы утвердить политическую и идеологическую базу «великой пролетарской культурной революции». В своем докладе Лю вновь признал ошибочность подхода к деятельности «рабочих групп». Вновь, как и в июле, он объяснил упущения недостаточной ясностью цели, а не принципиальными ошибками в политической линии. Начавшееся после доклада обсуждение показало, что аудитория во многом разделяла его взгляды.

Через три дня Мао созвал расширенное заседание ПК Политбюро. На нем он сравнил предпринятые «рабочими группами» акции с подавлением студенческого движения чанкайшистским Гоминьданом. Лю и Дэн занимались «неприкрытым террором», отметил Председатель и с угрозой добавил: «Демоны и чудовища есть и среди присутствующих». На слова Лю, что он готов нести всю ответственность, Мао только фыркнул: «Ты установил в Пекине настоящую диктатуру. Отличная работа!»

Его подстрекательское заявление было услышано. Как и в случае с Пэн Дэхуаем, гнев Мао привел аудиторию в состояние транса.

На следующий день, чтобы закрепить достигнутый результат, Председатель распорядился повторить фразу в тексте дацзыбао, озаглавленной «Огонь по штабам!». Уже с середины июня, говорилось в ней, «отдельные товарищи из руководства» — те самые, кто уже выступал против политики Мао в 1962-м (отстаивая фермерские хозяйства) и в 1964-м (по вопросу «движения за социалистическое воспитание»), — теперь ополчились на «культурную революцию» и пытаются установить диктатуру буржуазии. «Они поставили зло на место добра, черное на место белого. Они душат революцию и слова не дают сказать тем, чье мнение отличается от их собственного. Они развернули белый террор, превозносят капитализм и клевещут на пролетариат. Поразительная злобность!» Название дацзыбао ни у кого не оставляло сомнений: неупомянутые «товарищи из руководства» свили свое буржуазное гнездо в штабе партии.

Дацзыбао подтвердила то, что Лю Шаоци начал смутно осознавать несколькими днями раньше: Председатель решил избавиться от него.

Имевшиеся у Лю сторонники в Политбюро, в первую очередь Дэн Сяопин, и кое-кто из ЦК ожидали, что топор опустится и на их головы. Этого не произошло. Мао по-прежнему не хотел рисковать. По его команде Чэнь Бода, Кан Шэн, министр общественной безопасности Се Фучжи и другие радикалы весь огонь сосредоточили на Лю. Мало кто из них отдавал себе отчет, в чем же все-таки заключались ошибки главы государства. Но защитить Лю не попытался ни один. В течение тридцати двух лет, начиная с Великого похода, никто из вступивших в схватку с Мао не выходил из нее победителем. Вряд ли кому пришло в голову, что август 1966 года, превративший партию и всю страну в Молох, является лучшим временем для того, чтобы померяться силами с Председателем.

Ближе к вечеру Мао послал за Линь Бяо самолет в Далянь, где тот вместе с семьей спасался от летней жары. В аэропорту его встретил Чжоу Эньлай и по дороге в Пекин вкратце обрисовал сложившуюся ситуацию. Затем, уже во время личной встречи с Мао, министр обороны узнал, что вот-вот займет место Лю Шаоци и станет заместителем руководителя партии. Представляя себе все опасности столь головокружительного взлета, Линь Бяо под предлогом нездоровья попытался отказаться. Но Председатель уже принял решение.

8 августа ЦК с покорным единодушием утвердил детализированный самим Мао документ, известный как «Шестнадцать пунктов». Документ стал развернутой программой действия, которое в течение трех последующих лет будет разворачиваться в масштабе всей страны. Так начиналась «великая смута» — «далуань».

«Культурная революция», говорилось в «Шестнадцати пунктах», явится «великой революцией, которая устремится в глубину человеческих сердец, бурным, непреодолимым потоком, напрочь сметающим буржуазную и феодальную идеологию. Она утвердит пролетарское мировоззрение и водрузит над человечеством Красное знамя идей товарища Мао Цзэдуна». В ходе этой идущей от самых низов общества революции широкие народные массы добьются своего полного освобождения. «Доверьтесь массам, — призывал Мао партию, — положитесь на них, уважайте их инициативу, забудьте о страхах и не опасайтесь волнений». Почти то же самое он говорил в 1957 году. Теперь же его авангардом стала «революционная молодежь — дерзкие и отважные перво-

проходцы». У нее уже иные задачи, совсем не те, что выдвигал Мао перед буржуазной интеллигенцией в ходе кампании «ста цветов». На острие атаки находились не праздность и высокомерие партократов, а «все те руководители, которые пошли по капиталистическому пути».

Председатель еще не был готов во всеуслышание заявить о том, что их предводителем является Лю Шаоци. Но когда пленум избрал новый состав Политбюро — по списку, в нарушение требований устава КПК, подготовленному не организационным отделом партии, а Цзян Цин, — со второй ступеньки иерархической лестницы Лю переместился на восьмую.

«Передний край» и «второй план» ушли в прошлое. Единственным заместителем Мао стал Линь Бяо — он занял пост вице-председателя партии. Премьер Госсовета Чжоу Эньлай остался по-прежнему третьим в списке, но, подобно вечно жалующимся на здоровье Чэнь Юню и Чжу Дэ, лишь рядовым членом Постоянного Комитета. К этим троим присоединились убежденные сторонники Председателя Чэнь Бода, Кан Шэн и первый секретарь Гуандунского провинциального комитета Тао Чжу, занявший в Секретариате место Пэн Чжэня. Неожиданное повышение получил Дэн Сяопин: несмотря на тесные связи с Лю, он передвинулся с седьмого места на шестое.

До Дэна руки Председателя еще не дошли.

1 августа, в день открытия пленума, Мао обратился в письме к «красным охранникам» средней школы при Университете Цинхуа со словами «горячей поддержки». Его послание стало сигналом, по которому зародившиеся в Пекине организации хунвейбинов начали победоносное шествие по стране.

Через две недели на площади Тяньаньмэнь состоялся первый из десяти грандиозных маршей. Со всех концов Китая на него съехались около миллиона хунвейбинов. В полночь 17 августа отряды школьников и студентов, распевая революционные песни, с красными флагами и портретами Председателя в руках прошли по главной улице столицы Чанъань дацзе — «Проспекту Великого Спокойствия». Мао появился перед ними в первых лучах восходящего солнца. В начале шестого утра он вышел из ворот Запретного города, недолго пообщался с толпой и поднялся на башню Тяньаньмэнь, где его уже ждали гордые своей миссией представители «красных охранников».

Чтобы подчеркнуть боевой дух происходящего, Председатель облачился в зеленую униформу НОА. Послед-

ний раз он делал это при отправке в 1950 году «добровольцев» в Корею.

Митинг начался со звуков гимна «Алеет Восток». Восторгами толпы мастерски дирижировали Чэнь Бода и Линь Бяо, громко скандируя: «Мао — это наш великий вождь, великий учитель, великий кормчий и великий военачальник!» Поднявшаяся из толпы школьница булавками прикрепила к рукаву Председателя красную повязку с белыми иероглифами «хун», «вей» и «бин». Стоящая внизу толпа неистовствовала. Мао не произнес ни слова — в этом не было никакой нужды.

«Я хочу сообщить вам великую новость — с ее величием не сравнится даже небо, — говорил школьник в типичном письме домой. — Сегодня я видел нашего самого-самого-самого-самого дорогого и любимого вождя — Председателя Мао! Товарищи, честное слово, я видел Председателя Мао! Я так счастлив, что сердце мое готово выпрыгнуть из груди... Мы все прыгаем от радости! Мы поем песни! Посмотрев на наше Красное Солнышко, я как сумасшедший носился по улицам Пекина... Я видел его так четко, так ясно, и он выглядел таким могущественным... Товарищи, как мне описать, что я испытал в тот момент? Я не смогу сегодня заснуть! Пусть сегодняшний день будет днем моего рождения! Я начал новую жизнь!»

Весь город был охвачен могучим порывом преданности и энтузиазма. В густом тумане исступленного восторга очень немногие сохранили остроту зрения, позволившую одному из студентов записать через несколько недель в своем дневнике: «Великая культурная революция — это не массовое движение, а поступь одного-единственного человека, под дулом винтовки гонящего массы вперед». Глаза подавляющего большинства людей оказались закрытыми. Для штурма новых политических высот Мао удалось-таки собрать свою партизанскую армию. Целое поколение молодых китайцев во имя Председателя готово было и умирать, и убивать — все равно.

И они убивали.

Кровь пролилась буквально через несколько дней после митинга. Первой жертвой хунвейбинов стал известный писатель Лао Шэ, автор романов «Рикша» и «Записки о Кошачьем городе». Его и еще тридцать других представителей творческой интеллигенции затащили во двор бывшего конфуцианского храма в Пекине и подвергли унизительной процедуре стрижки «по фасону иньян», обрив половину головы. Затем на лица им выплеснули

пузырьки черной туши, а на грудь повесили таблички с надписью «Семя демонов и змеиное отродье». После этого хунвейбины поставили свои жертвы на колени и принялись хлестать их прутьями и кожаными ремнями. Шестидесятисемилетний Лао Шэ потерял сознание. Когда утром следующего дня писателя принесли домой, одежда его была так пропитана кровью, что жене его пришлось разрезать заскорузлую корку ножницами. Через сутки Лао Шэ покончил с собой, бросившись в воду неглубокого пруда рядом с Запретным городом.

Подобная судьба ждала многих. В Пекине вряд ли можно было найти квартал, где «красные охранники» не забили бы насмерть хотя бы одного жителя. В конце августа в течение всего лишь четырех дней в пригороде от рук хунвейбинов пали триста двадцать пять человек, среди которых оказались шестинедельный младенец «из семьи реакционеров» и разменявший девятый десяток старик.

Умудренное жизненным опытом поколение было поражено внезапностью трансформации: вчерашние робкие и полные светлых идеалов молодые люди за одну ночь превратились в разъяренных, жаждущих крови дьяволов. Мао же видел в этом свидетельство «боевого духа китайской нации». Сколько раз в прошлом, начиная с «движения 4 мая» 1919 года и кончая кампанией «ста цветов», спокойные студенческие городки в течение нескольких часов становились вулканами клокочущей ненависти и разнузданной политической агитации? Сейчас же, в 1966 году, путь молодежи указал самый могущественный человек — великий Председатель Мао: «Революция — это акт насилия, в результате которого один класс свергает господство другого». Линь Бяо убеждал вождя навсегда покончить с «четырьмя старыми»: старым мышлением, старой культурой, старыми традициями и старым укладом. Министр общественной безопасности Се Фучжи отдал милиции распоряжение предоставить хунвейбинам полную свободу действий:

«Следует ли наказывать «красного охранника», который убил человека? На мой взгляд, если человека убили, значит, он мертв, и только. Нас это не касается... Если ненависть масс к вредным элементам не знает предела, зачем же пытаться остановить ее? Народная милиция должна стоять на стороне "красных охранников", поддерживать с ними связь, сочувствовать им и снабжать их необходимой информацией, особенно о пяти вредных категориях: землевладельцах, богатых крестьянах, контрреволюционерах, вредных элементах и "праваках"».

Подобная откровенность была редка даже в те времена. Но ведь Се фактически повторил слова самого Мао, произнесенные в 1949 году, когда, поясняя сущность «демократической диктатуры народа», Председатель заявил: «Государственный аппарат, включая... народную милицию и суды... является инструментом одного класса для подавления другого. Этот инструмент — насилие...»

Насилие, революция и власть составляли то триединое начало, с помощью которого Мао на протяжении весьма долгой карьеры реализовывал свои политические воззрения.

В 60-х насилие служило тем же целям, что и в крестьянском движении в Хунани в далеком 1926-м, в Цзянси в 30-х и в ходе земельной реформы 40-х и 50-х годов. Огнем и железом истреблявшие врагов Председателя хунвейбины целиком отдали себя беззаветному служению идеям Мао. Кан Лин, «красный охранник» из Сычуани, вспоминал впоследствии, как шестнадцатилетним школьником он прошел обряд посвящения:

«Шестидесятилетнего учителя Чэня, страдавшего от гипертонии, затащили на второй этаж школы и принялись избивать кулаками и швабрами, которыми моют пол... Несколько раз он терял сознание, но в лицо ему плескали холодной водой, и Чэнь приходил в себя. Он почти не мог двигаться: ступни были изрезаны осколками стекла, из них торчали шипы акации. Почти не смолкая, Чэнь кричал: «Что же вы не убьете меня? Убейте, убейте!» Так продолжалось часов шесть, после чего он потерял над собой всякий контроль и лежал в жиже собственных экскрементов. Подростки попытались вставить ему в задний проход палку, и учитель вновь, уже в последний раз, потерял сознание. На него опять вылили воду, но было уже поздно... Многие бросились бежать кто куда. Убийцы казались растерянными. Один из них... позвал школьного врача, который в конце концов нацарапал свидетельство о смерти: летальный исход вследствие внезапного гипертонического приступа... Когда в школу пришла жена Чэня, то, прежде чем получить тело, ей пришлось подтвердить причину смерти своей подписью на свидетельстве...

Ночью меня мучили кошмары, но наутро я все же собрался с силами и пошел в школу смотреть продолжение жуткого спектакля... Дней через десять я привык: меня не бросало в дрожь от нечеловеческого вопля, я не испытывал тошноты при виде перепачканного кровью тела».

Жертвами толпы хунвейбинов становились в первую очередь преподаватели со связями в «буржуазной среде», члены «демократических партий», причисленные к «пяти черным ка-

тегориям» (позже их станет семь: прибавятся «предатели и шпионы», а затем и девять: «капиталисты и гнилая интеллигенция»). Часто объекты травли указывались парткомами, надеявшимися таким образом отвлечь внимание «красных охранников». Вскоре при поддержке милиции и сочувствовавших хунвейбинам военных физическая расправа стала нормой. Переживший «культурную революцию», но оставшийся заботами своих учеников хромым, один из преподавателей позже вспоминал:

«Раз в три-четыре дня группу учителей вели на стадион и публично расстреливали... Некоторых закапывали в землю живыми. Нескольких человек затащили на крышу здания, усадили на пачки динамита и самих несчастных заставили поджечь их. Раздался чудовищный взрыв. Когда пыль осела, я увидел висевшие на ветвях деревьев части человеческих тел: руку, ногу... В общей сложности у нас были убиты более сотни школьных работников».

Для подростков физическое уничтожение тех, в ком они видели вершителей своих судеб, служило лучшим свидетельством ниспровержения старого общества и победы всего нового и прогрессивного. «Бунт — дело правое», — написал Мао в декабре 1939 года. Вторую жизнь его фразе дала «Жэньминь жибао», а хунвейбины воспринимали ее как собственную. Публично унижая свою жертву — в тех случаях, когда ее не лишали жизни, — они как бы предостерегали общество: никто не имеет права оставаться безразличным к тем грандиозным переменам, что начал великий Председатель. Подобно некоторым сценам из пекинской классической оперы, террор хунвейбинов нес и «воспитательную» нагрузку.

Однако по прошествии некоторого времени «культурная революция» начала пожирать своих отпрысков.

Сначала раскол в рядах «юных бунтовщиков» произошел из соображений классовой ненависти: дети рабочих, крестьян и солдат не потерпели соседства с выходцами из семей «реакционеров», затем начались и фракционные расхождения, за которыми стояли интересы различных политических и военных группировок — как провинциальных, так и более широких. Насилие, направлявшееся вовне, оборачивалось вовнутрь. К середине осени многие отряды хунвейбинов создали «исправительные центры» и «карантины», где неустойчивых и сомневающихся ждало перевоспитание, а явных противников — жестокая кара. Вот что писал пятнадцатилетний Гао Юань после того, как разыскал там кое-кого из своих приятелей:

«Некоторые со связанными за спиной руками валялись на полу. Другие висели на переброшенных через потолоч-

ные балки веревках. Больше всего меня поразил вид семнадцатилетней Суньин: она без сознания лежала на полу в луже крови. Брюки и трусы с нее были спущены, блузка разорвана. Тело представляло сплошной синяк... Мучители засовывали в ее половые органы грязные носки и ивовые прутья. Суньин истекала кровью...»

Его друга Цзунвэя уложили на кровать: он умирал. Гао бросился за врачом:

«Разрезав ножницами штанины его брюк, докторша остолбенела. Посмотрев, я понял почему: на ногах Цзунвэя зияли сквозные дыры диаметром с карандаш, кожа вокруг них была выжжена, на ее месте виднелось нечто вроде округлого бугорка из свиного фарша. Дыры сочились смешанной с гноем кровью. «Чем же они его так изувечили?» — пробормотала докторша. Оглянувшись по сторонам, я указал ей на щипцы, которыми ворошат в печке уголь».

Среди многих тысяч погибших той осенью был и молодой человек, с восторгом писавший домой о встрече с Председателем. Не прошло и трех недель после нового «дня рождения», как он был изуродован в драке, после чего покончил с собой.

«Группа по делам культурной революции» предприняла вялую попытку остановить кровавую междоусобицу. Председатель на нее никак не реагировал: в большом деле издержки неизбежны.

Хунвейбиновские вожаки творили ничуть не больше того, чем занимался сам Мао, отдавая приказы «вычистить "АБ-туаней"» и «подавить контрреволюционную деятельность» в Футяни. Конечно, это не лучший способ борьбы с оппонентами или переметнувшимися в стан врага, однако такие действия были необходимостью — в какой-то мере даже желанной — для осуществления «революционного штурма», в ходе которого «юные генералы» выковывали в себе качества настоящих борцов. Для Мао «культурная революция» представляла собой отчаянную попытку возродить былую славу дней пьянящей борьбы за власть.

В конце августа Мао принял решение даровать «красным охранникам» право бесплатного и неограниченного проезда на железнодорожном транспорте. Пусть пекинская молодежь разнесет благую весть о «культурной революции» по всей стране, пусть провинциальные юноши приезжают в столицу набираться опыта у своих сверстников и послушать на Тяньаньмэнь пылкие, зовущие в будущее речи Председателя. Ошалевшие от непривычной свободы, миллионы молодых людей устремились в Шаошань, чтобы своими глазами увидеть место, подарившее миру самого-самого-самого. Оттуда их путь лежал в Цзинганшань и дальше. Мно-

гис преодолевали его пешком, желая на себе почувствовать испытания, выпавшие на долю революционных предков*.

Развернувшаяся кампания против «четырех старых» возродила в памяти Мао десятилетие иконоборчества, закончившееся с началом «движения 4 мая».

Если Мао вместе с однокашниками гордо отрезал знак маньчжурского владычества — косу, то «красные охранники» объявили войну «гонконгским прическам, гонконгской моде, штанам ковбоев, остроносым ботинкам и туфлям на высоком каблуке». Один из отрядов хунвейбинов призывал «заткнуть таким образом каждую щелочку, ведущую в капитализм, раздавить все яйца в паучьем гнезде ревизионизма». На уличных углах появились «исправительные посты», где прохожим, возмущавшим своим внешним видом добропорядочных граждан, обривали наголо головы. Если полвека назад начатое Чэнь Дусю «движение за новую культуру» ратовало за переход с классического вэньяня** на разговорный язык, то теперь страну охватила охота к перемене имен: старые «феодальные» вывески магазинов сменялись звучными современными названиями типа «Вэйдун» («Защитим Мао Цзэдуна»), «Ханьбяо» («Сплотимся вокруг Линь Бяо»), «Юнгэ» («Непрерывная революция») и так далее. Данные родителями имена дети меняли на «Хунжун» («Красная слава») или «Сяндун» («Лицом к востоку»). Дорога вдоль ограды советского посольства получила название «Антиревизионистской улицы», основанная в 1921 году фондом Рокфеллера пекинская городская больница стала госпиталем «Антиимпериализм». Хунвейбинам удалось революционизировать даже светофоры: на красный свет полагалось теперь идти. Вперед! Так продолжалось до тех пор, пока Чжоу Эньлай не объяснил, что красный цвет лучше привлекает внимание, поэтому человек должен все-таки остановиться.

---

* Миллионы других, воспользовавшись возможностью бесплатно путешествовать по стране, отправлялись посмотреть на Синьцзян, во Внутреннюю Монголию, полюбоваться фантастическими пейзажами Гуйлиня. Мао понимал их: те же чувства испытывал и он, добираясь весной 1919 года из Пекина в Шанхай. Это путешествие он впоследствии называл «самой безрассудной и стоящей выходкой» своей молодости. — *Примеч. авт.*

** Вэньянь — официальный письменный вариант китайского языка, за тысячелетнюю историю своего существования почти без изменений сохранившийся до нового времени. На нем создано все богатейшее литературно-философское наследие Китая. В течение многих веков для стран Дальнего Востока он был тем же, чем латынь для Европы. — *Примеч. пер.*

Именно Чжоу распорядился об охране Запретного города силами военных — в противном случае вооруженные кирками хунвейбины разнесли бы в прах уникальные памятники древности. Другим историческим шедеврам повезло куда меньше. По всему Китаю в городах сносились надвратные башни и храмы, осквернялись могилы, шли в переплавку бронзовые статуи, в груды развалин превращались кумирни и монастыри, безжалостная рука соскабливала со стен рисунки и сутры.

Но если поколение Мао удовлетворялось разграблением святилищ (причем сам Мао выступал против, доказывая, что придет время, и люди сами во всем разберутся), «красные охранники» грабили и частные дома. Осенью 1966 года от четверти до трети всех пекинских жилищ подвергались регулярным обыскам хунвейбинов. Вызывало подозрение, а значит, подлежало конфискации абсолютно все: предметы антиквариата, каллиграфические свитки, иностранная валюта, золото и серебро, ювелирные изделия, музыкальные инструменты, живопись, фарфор, старые фотографии, манускрипты, научная литература. То, что не уносили с собой, ломали и разбивали вдребезги. В Шанхае такие обыски дали «культурной революции» тридцать две тонны золота, сто пятьдесят тонн жемчуга и нефрита, четыреста пятьдесят тонн ювелирных изделий и более шести миллионов долларов США наличными деньгами. Наиболее дерзких владельцев лишали жилища и выдворяли из города, «преступники» помельче просто навеки расставались со своим достоянием. Даже такие человеческие слабости, как разведение цветов, любовь к канарейкам, собакам и кошкам, хунвейбины расценивали как «феодальные извращения».

Книги были предметом их особой ненависти. Еще в студенческие годы Мао говорил, что «все сборники поэзии и прозы, вышедшие после династий Тан и Сун, должны быть сожжены» (включая, видимо, и его любимые «Сон в Красном тереме» и «Речные заводи»), потому что «прошлое мешает жить настоящему», а суть революции заключается в том, чтобы «поставить на смену старому новое».

Но в 1917 году он только рассуждал об этом. Хунвейбины 1966 года действовали.

На центральных площадях китайских городов высились горы книг, добытых в храмах и библиотеках, магазинах и частных домах. Кан Лин вспоминал о сцене, имевшей место в начале сентября в Амое:

«В груду было свалено множество вещей: деревянные таблички с именами предков, банкноты Гоминьдана, ярко

раскрашенные костюмы национальных меньшинств... кости для игры в мацзян, колоды карт, пачки импортных сигарет. Но больше всего в ней валялось книг и резных фигурок. В городских библиотеках не осталось ни одного тома: в желтых и черных обложках, все они, ядовитые творения человеческого разума, были здесь. Большая их часть представляла собой вручную переплетенные фолианты. Своей очереди отправиться в огонь ждали «Сутра золотого лотоса», «Троецарствие», «Рассказы о людях необычайных». Около шести вечера на груду вылили литров пятьдесят керосина и подожгли. Языки пламени взметнулись на три этажа вверх... Костер полыхал трое суток».

Позже книги стали отправлять в переработку на бумажные фабрики. Многие уникальные тексты времен династий Тан и Сун были потеряны навсегда.

Однако основное различие между иконоборчеством времен юности Мао и осатанелым нигилизмом порожденных амбициями Председателя «красных охранников» заключалось в другом. Старшее поколение бунтовало, чтобы освободить себя от оков закосневшего конфуцианства и устремиться к безграничной свободе мысли, приветствующей появление любой новой идеи.

Хунвейбины же ампутировали эту свободу в зародыше, предложив обществу вместо нее систему взглядов Мао — столь жесткую, что на ее фоне любой конфуцианский начетчик выглядел глашатаем вседозволенности. Цель у них была одна: уничтожить прошлое, «сжечь книги и закопать живьем ученых в землю», как за две тысячи лет до этого поступил первый император Китая Цинь Шихуан. Пусть страна станет, по выражению Председателя, «чистым листом бумаги», на котором можно будет написать священные тексты марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна.

Чтобы заполнить вакуум, образовавшийся в результате победоносного устранения «четырех старых», Мао провозгласил курс на «четыре новых»: новую идеологию, новую культуру, новые традиции и новые привычки.

На практике это означало абсолютное возвеличение Председателя и его идей. Перед Мао уже не благоговели — его обожествляли.

Придя на рабочие места, люди выстраивались перед портретом любимого вождя и троекратно кланялись, мысленно испрашивая «указаний», которые помогли бы справиться со стоящими перед ними задачами. Ритуал повторялся вечером — в форме доклада о достигнутых результатах. О прощении молили жертвы хунвейбинов. На городских вокзалах портрету трижды долж-

ны были поклониться отправляющиеся в путь пассажиры — в противном случае их просто не пускали в вагон. В сельских местностях свиней клеймили иероглифом «чжун» («верность») — в знак того, что гений Председателя Мао признают даже бессловесные твари. Его работы называли не иначе, как «драгоценными трудами», появление в продаже каждой новой предварялось пышной церемонией. Вся страна заучивала наизусть изречения из «маленьких красных книжечек», без круглого значка с портретом Мао люди не выходили на улицу. Операторы телефонных станций приветствовали абонентов фразой «Мао чжуси ваньсуй!» («Да здравствует Председатель Мао!»). Обязательной цитатой из трудов вождя начинались деловые письма. «Маленьким красным книжечкам» приписывалась магическая сила: с ее помощью хирурги проводили операции, прозревали слепцы и начинали слышать глухие. Газеты сообщали о вставшем на ноги паралитике, а однажды цитатник совершил и чудо воскрешения.

Во всем этом для Китая не было ничего нового. В школе Мао и сам каждое утро кланялся портрету Конфуция, а в 20-е годы собрания членов Гоминьдана начинались с поклона портрету Сунь Ятсена. Культ самого себя пытался, правда, безуспешно, ввести и Чан Кайши. Тысячу двести лет назад «танец верности» исполняли при дворе династии Тан. В знак почтения слова императора всегда выделялись в тексте более крупными иероглифами (что в XIX веке служило причиной бесконечных дипломатических споров с послами Запада).

Была какая-то ирония в том, что Председателю, для того чтобы обустроить свой новый мир, пришлось вернуться мыслями в далекое прошлое, когда Китаем правил «Сын Неба». Теперь же он превратился в «Красное солнце наших сердец», а созданная им система безграничной власти и преданности революционным идеалам прямой дорогой вела страну в светлое общество его мечты.

К концу 1966 года в ногу с Председателем уверенно шагал весь Китай.

Божественная аура Мао и фанатизм «красных охранников» сгустили атмосферу в стране настолько, что люди лишились возможности поднять голову. Душа Председателя была полна ликования. Отмечая свой семьдесят третий день рождения, Мао произнес тост за «развертывание всеохватной и всенародной гражданской войны», а Чжоу Эньлай в сжатой форме выразил кредо нации: «То, что соответствует идеям товарища Мао Цзэдуна — истинно, что им противоречит — ложь».

19 Зак. 1137

* * *

В Центральном Комитете, как, собственно, и во всей партии, радикалов было не так уж много. Сама вероятность новых потрясений приводила чиновников в трепет. Иллюзиями на этот счет Председатель себя не тешил. «Если вам предложат развести костер и взойти на него, вы подчинитесь? — скептически спрашивал он своих подчиненных в июле. — Ведь в конечном итоге всех вас все равно сожгут».

Вот почему Мао сделал ставку на молодежь.

К октябрю 1966 года тактика хунвейбиновского террора, обращенная уже не столько на учителей, сколько на должностных лиц и кадровых работников провинциальных парткомов, начала вселять тревогу в сердца многих сторонников Лю Шаоци. На рабочем совещании ЦК Лю и Дэн в очередной раз подвергли себя самокритике: впервые против них было выдвинуто обвинение в попытке «восстановления капиталистической диктатуры». Вскоре после этого организационный отдел ЦК дал негласное распоряжение вывесить в центре Пекина дацзыбао, где обоих назвали по именам. Официально ничего не изменилось: и Лю, и Дэн сохранили свои посты. Но 1 октября, в день национального праздника, когда Лю Шаоци, глава государства, стоя рядом с Мао, приветственно махал рукой толпе, находившийся чуть в стороне Сидней Риттенберг заметил, что «в глазах его затаился страх».

Несмотря на мощный революционный подъем, Председатель начал понимать, что сил одних только «красных охранников» недостаточно для того, чтобы сдвинуть баланс политических сил в нужную ему сторону. В августе он как бы про себя заметил: «Несколько месяцев беспорядков — и провинциальные чинуши не удержатся». Осенью Мао осознал: времени эта задача потребует куда больше.

Следуя стратегическому замыслу, Председатель начал исподволь переводить взгляд в сторону ветеранов партии, а в одной из своих речей даже извинился перед ними за возникающие время от времени недоразумения:

«Неудивительно, что вы, старые и заслуженные бойцы, не всегда понимаете происходящее. Слишком много бурных событий, слишком быстро появляется новое. Я и сам не предполагал, что страна превратится в кипящий котел... А поскольку теперешний хаос — это дело моих рук, я не обижусь, услышав от вас горькие слова. Но что сделано — то сделано. Конечно, какие-то ошибки совершали и вы... но ведь их можно исправить. Кто-нибудь подрывает ваш ав-

торитет? Не я и, думаю, не «красные охранники». Понимаю, что вам сейчас трудно, так же трудно, как и мне. Вы беспокоитесь — я тоже. Мне не в чем винить вас, товарищи».

Подобным образом Мао мотивировал и то, что случай с Лю и Дэном отличался от дела Пэн Чжэня. «Эти двое действовали открыто, — заявил он. — Они еще могут исправить допущенные ошибки... Тогда все войдет в норму».

Одновременно Председатель считал необходимым предпринять некоторые шаги, чтобы укрепить позиции радикалов.

Хунвейбины получили указание расширить свою классовую базу. Их первоначальный лозунг — «Если отец является героем, то сын по крайней мере — смельчак; если отец — реакционер, то и сын — выродок» — объявлен «идеалистическим» и «принадлежащим к эпохе феодализма». Миллионы изгнанных из рядов личной гвардии Мао молодых людей, не испытывавших особых симпатий к представителям партийной иерархии, стали на сторону радикалов.

Некоторые ответственные работники, которые не проявили достаточного энтузиазма в борьбе с «каппутистами», были исключены из партии, и их судьба послужила предостережением остальным: дело революции требует полной самоотдачи.

Первой жертвой новой чистки стал возглавлявший Хубэйскую провинциальную партийную организацию Ван Жэньчжун, кого Мао лично назначил заместителем руководителя «группы по делам культурной революции». Ему было предъявлено обвинение в том, что он «препятствовал обмену опытом» среди различных отрядов «красных охранников». Затем наступил черед Тао Чжу, четвертого в списке партийной иерархии после Мао, Линь Бяо и Чжоу Эньлая. Соратники обнаружили вдруг, что Тао является «стойким приверженцем линии Лю и Дэна». Его взгляды на «культурную революцию» Мао находил слишком ограниченными, к тому же Ван попытался взять под защиту ветеранов. Хунвейбинам этого было более чем достаточно для того, чтобы навесить на него ярлык «буржуазного ангела-хранителя» и «двуликого Януса». Маршал Хэ Лун, также член Политбюро, был обвинен в сговоре с Пэн Чжэнем. Даже восьмидесятилетнего Чжу Дэ дацзыбао называли «старой свиньей»* и «черным полководцем, выступающим против линии Председателя». Кадровых работников рангом пониже — членов ЦК, работавших в столице, — «красные охранники» вытаскивали на

* Фамильный знак «Чжу» («ярко-красный») созвучен иероглифу «чжу», обозначающему свинью. — *Примеч. пер.*

«митинги борьбы», где надевали на них шутовские бумажные колпаки и подвергали словесным и физическим оскорблениям.

В декабре «группе по делам культурной революции» Мао отдал распоряжение привезти Пэн Дэхуая из Сычуани в столицу. В военной казарме на окраине города его допрашивали о преступных связях с Лю Шаоци и Дэн Сяопином.

Выбор очередной жертвы определялся отчасти личными мотивами (Чэнь Бода давно испытывал неприязнь к Тао Чжу; Ван Жэньчжун позволил себе непочтительное высказывание в адрес Цзян Цин; жены Хэ Луна и Линь Бяо ненавидели друг друга еще с Яньани), отчасти соображениями политического характера: авторитет ветеранов типа Хэ Луна и Чжу Дэ Линь Бяо рассматривал как помеху на пути установления его личного контроля над НОА. Однако имелась и общая причина. Вот что говорил шанхайский радикал Чжан Чуньцяо:

«Цель нашей культурной революции — окончательно свергнуть всевластие этих старых перечниц Чжу Дэ, Чэнь И и Хэ Луна. Они уже ни на что не способны! Чжу — отъявленный милитарист; Чэня всегда интересовала только карьера; Хэ Лун — обыкновенный бандит. Кому они сейчас нужны? Никому».

Все они олицетворяли «старое мышление», которое «культурная революция» была призвана разрушить. Некоторым, подобно Чжу Дэ, удалось избежать физических издевательств — по личному распоряжению Мао. В отношении же других Председатель оставался верен своему принципу «доверять массам, полагаться на них и уважать их инициативу». Он не часто отдавал распоряжения об арестах, зато предоставлял радикалам полную свободу действий.

Оказывая все более сильное давление на ветеранов, Мао приказал «группе по делам культурной революции» активизировать кампанию травли Лю Шаоци и Дэн Сяопина.

На состоявшейся 18 декабря встрече с Куай Дафу, вожаком хунвейбинов университета Цинхуа, Чжан Чуньцяо высказал точку зрения Председателя: «Не отступайтесь от тех работников центрального аппарата, которые продолжают упорствовать. Ославьте их! Превратите их в пугала! Не останавливайтесь на полпути!» Через несколько дней многотысячная толпа студентов в сопровождении машин с громкоговорителями прошла по центру Пекина, обклеивая заборы и стены домов дацзыбао, призывавшими свергнуть «бешеную клику Лю и Дэна». Цзян Цин убедила присоединиться к кампании даже дочь Лю Шаоци от первого брака, также студентку Цинхуа. Отказ, предупредила она, будет

означать «недостаток революционной искренности». 3 января 1967 года на внутренней стороне стены, ограждавшей Чжуннаньхай, появилась подписанная девушкой и ее братом дацзыбао с заголовком «Полюбуйтесь на мелкую душонку Лю Шаоци!». Типографские оттиски с нее хунвейбины рассылали по всей стране. В тот же день около тридцати членов бунтарской группы «Непокорные из Чжуннаньхая», сформированной при поддержке Мао из молодых сотрудников аппарата ЦК и телохранителей, ворвались в особняк главы государства и в течение часа всячески поносили Лю, заставляя его нараспев повторять за ними изречения из «маленькой красной книжечки».

Тремя днями позже личная гвардия Мао нанесла новый удар. По анонимному телефонному звонку Ван Гуанмэй, супруга Лю, бросилась в Пекинский госпиталь, куда, по словам звонившего, привезли ее сбитую машиной дочь Пинпин. Оказавшись в больнице, вместо девочки Ван обнаружила там толпу хунвейбинов из Цинхуа, которые насильно увезли женщину в университет на «митинг борьбы».

В это время созданная по указанию Председателя специальная «комиссия по расследованию дела Пэн Чжэня» тщательно изучала прошлое Ван Гуанмэй. Оказалось, что она появилась на свет в уважаемой и состоятельной семье, а образование получила в школе американских миссионеров. Кан Шэн, персонально отвечавший перед Мао за вопросы политической безопасности, увидел в этом обстоятельстве прекрасную возможность возбудить дело о шпионаже. Чуть позже «комиссия» попыталась доказать, что Лю предал дело коммунизма еще в 20-х годах, когда занимался подпольной партийной работой в контролируемых «белыми» районах.

Через неделю после инцидента с Ван Гуанмэй Мао в последний раз пригласил Лю Шаоци в «напоенные ароматом хризантем покои».

Ощущение триумфа всегда пьянило Председателя не хуже самого изысканного вина.

Он заботливо осведомился о здоровье Пинпин (прекрасно зная о том, что «несчастный случай» был чистой воды фальсификацией) и завел разговор о «добрых старых временах». Лю обратился к нему с просьбой освободить его от всех постов и позволить вместе с семьей уехать в Яньань или в родную деревню в Хунани, чтобы заняться там крестьянским трудом. Прикуривая одну сигарету от другой, Мао хранил молчание. И только когда Лю уже направился к выходу, Председатель сказал ему вслед: «Про-

должай учиться и береги здоровье». Через пять дней, 18 января, линия спецсвязи, соединявшая Лю Шаоци с членами Политбюро и самим Мао, отключилась.

Пришло время полной изоляции.

Зимой Мао вложил в руки радикалов еще одно, более мощное оружие.

Одновременно с ростом числа отрядов хунвейбинов начали создавать свои бунтарские организации работники заводов и фабрик, уволенные с предприятий из-за неприязненных отношений со своими парткомами. В начале ноября тридцатитрехлетний шанхайский текстильщик Ван Хунвэнь сколотил так называемый «Штаб революционных рабочих». Когда городские власти отказались признать новый орган, Ван послал делегацию в Пекин. Шанхайский горком партии отдал срочный приказ не отправлять поезд, и в знак протеста тысячи рабочих легли на рельсы, более чем на тридцать часов перекрыв все движение. Прибывший разрядить обстановку Чжан Чуньцяо поддержал требования «Штаба» и предложил первому секретарю горкома Цао Дицю публично покаяться в своих ошибках. Двумя днями позже Мао одобрил принятые Чжаном меры. Со страниц «Жэньминь жибао» он объявил, что у рабочих есть законное право создавать свои массовые организации.

Очень скоро «цзаофани» («бунтовщики»), как они себя называли, разделились, подобно «красным охранникам», на несколько соперничавших друг с другом групп: «революционные бунтовщики» требовали слома всех существующих структур власти, а «пролетарские революционеры» предпочитали сохранить руководящую роль партии.

С конца ноября шанхайский «Штаб» при поддержке «группы по делам культурной революции» развернул все более обостряющуюся борьбу со своими консервативными противниками из «Красного полка», за спиной которых стоял горком партии. 30 декабря на улицах города между членами двух враждующих группировок произошли множественные столкновения. Остановилась работа предприятий, был парализован морской порт, где в ожидании разгрузки скопилось более сотни иностранных судов. Из железнодорожных депо не выходили локомотивы. Высланные после неудачи «большого скачка» в деревню рабочие начали требовать права вернуться в город. 3 января 1967 года Ван Хунвэнь взял под свой контроль шанхайскую прессу: сначала «Вэньхуэйбао», а двумя днями позже — орган ЦК КПК «Цзефан жибао» (газету «Освобождение»).

В ситуацию посчитал необходимым вмешаться Мао. Он направил в Шанхай Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня, пояснив, что горком партии будет неизбежно разогнан и им предстоит создать «новый орган политической власти». Цзаофани получали ощутимую поддержку. Двумя днями позже на центральной площади Шанхая собрались несколько сот тысяч человек. Митинг объявил, что горком партии потерял право руководить городом и власть перешла в руки «революционных бунтовщиков».

Примеру Шанхая последовала вся страна. Действия цзаофаней Мао назвал «великой революцией рабочего класса, свергнувшего господство своих поработителей». Председатель привел старую поговорку: «Смерть мясника не означает, что теперь придется есть свиное мясо вместе со щетиной». Смысл ее сводился к тому, что, даже если будут разогнаны все провинциальные партийные комитеты, страна все равно продолжит движение вперед. На протяжении трех последующих недель цзаофани захватили власть в семи провинциях и крупных городах, включая Пекин.

Возникала проблема: кто — взамен ушедших парткомов — возьмет на себя организацию повседневной жизнедеятельности?

Ни Мао, ни цзаофани ответа на этот вопрос не знали. Только 5 февраля 1967 года Чжан Чуньцяо удалось с помощью частей НОА установить достаточный контроль над ситуацией и объявить о создании Шанхайской народной коммуны.

Идя на такой шаг, Чжан был полностью уверен в безоговорочной поддержке Мао. За несколько дней до этого Чэнь Бода сказал ему в телефонном разговоре, что Председатель вот-вот даст добро на организацию народной коммуны в Пекине, и Шанхай должен последовать опыту столицы. В «Шестнадцати пунктах» содержался призыв учредить «систему всеобщих выборов, подобную той, что имелась в Парижской коммуне», — она дала возможность создать такие органы местной власти, которые станут «мостом между партией и массами». Появившиеся в ходе «большого скачка» коммуны являлись самым ярким воплощением китайской модели развития социалистической революции. В 1958 году Мао с нетерпением ожидал дня, когда «города и села всей страны станут коммунами».

Но против всяких ожиданий ход мысли Председателя принял совершенно иное направление. По городам и провинциям страны рассылалось указание Мао воздержаться от повторения шанхайских событий. Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань срочно вызвали в Пекин. Там они услышали объяснение:

«Возникает целый ряд проблем, о которых вы, к моему удивлению, совершенно не подумали. Если по всему Китаю

будут созданы народные коммуны, то не придется ли изменить название страны, превратив Китайскую Народную Республику в «Китайскую Народную Коммуну»? Признают ли нас в этом случае другие государства? А вдруг СССР откажется, зато Британия и Франция согласятся? Что мы будем делать с нашими посольствами в других странах? Стоит ли мне продолжать?»

Доводы звучали смехотворно, и Мао понимал это. В международных отношениях новое официальное название страны ничего не изменяло. Тем не менее хунвейбины разнесли слова Председателя по всему Китаю, и коммуна как форма организационной ячейки общества была отвергнута. К подобному повороту вынуждали непреодолимые, так сказать, форс-мажорные обстоятельства: какими бы благими намерениями ни руководствовался вождь, они отступали на задний план перед объективными внешними условиями.

Но реальное положение дел объяснялось совсем другими факторами. Действия шанхайских лидеров заставили Мао заглянуть в бездну, и открывшаяся его взгляду картина ничем не привлекла Председателя.

Парижская коммуна с ее свободными выборами и ничем не ограниченной политической активностью граждан означала, что управлять массами будут сами массы. Собственно говоря, это полностью отвечало логике принципа Мао «доверять массам и полагаться на них», который стал фундаментом всей «культурной революции». Однако с чем же тогда оставалась партия? Председатель так и заявил Чжан Чуньцяо: «Ведь должна же быть партия! Должно быть ядро, не важно, как мы его назовем». Свободные выборы оказались не более чем утопической мечтой. Слом старой машины управления мог выглядеть сколь угодно прогрессивным, но по сути своей он оборачивался происками «стремящихся к анархии реакционеров».

Еще раз Мао продемонстрировал качества искушенного политика. Возраст никак не сказался на его чутье. Стороннему наблюдателю «культурная революция» могла бы показаться результатом погружения в пучины старческого маразма, однако каждый новый шаг Председатель делал с величайшей осмотрительностью. С самого начала он ясно дает понять: грядущее разрушение в конечном итоге приведет к созиданию, «великий хаос», как он заявил в июле 66-го, уступит место «великому умиротворению». Мао держался в тени, предоставляя всю грязную работу другим, готовый, когда придет время, выйти на свет и реабилитировать оставшихся в живых для строительства новой партии. Он начал игру, с условиями которой были согласны даже жертвы наподобие

Хэ Луна и Пэн Дэхуая, поскольку они хорошо знали: спасти их может только Председатель — если у него вдруг появится такое желание. Верить в то, что он непричастен к творящейся в стране жестокой несправедливости, было в их интересах.

Отказ Мао от химерической идеи превратить весь Китай в подобие Шанхайской коммуны явился результатом благоразумия или страха, а может, и смеси того и другого.

«Культурная революция» оказалась у Рубикона: ее компас был утерян, вдохновляющие идеи потускнели и выцвели. Оказавшись перед лицом возможности в перспективе остаться вообще без инструментов управления, Мао предпочел взяться за старые, пусть треснувшие, но все еще годные к применению рычаги. По его настоянию Чжан Чуньцяо объявил об учреждении нового органа власти — Шанхайского революционного комитета, созданного на основе «тройственного союза» между цзаофанями, представителями НОА и старыми кадрами партии. Так же назывались административные аппараты, создаваемые коммунистами в городах и селах сорока годами ранее.

Ловкость, с которой Мао объяснил необходимость смены курса причинами дипломатического порядка, никого не могла обмануть. Наблюдая за становлением ревкомов, ультралевые члены хунвейбиновских организаций начали разговоры о «реставрации капитализма». И хотя население страны восприняло их слова с недоверием, с февраля 1967 года на идеологическом фронте Председатель начал отступать. Борьба против «каппутистов» постепенно свелась к привычной драке за власть.

Мгновенным и наиболее явным результатом выхода на политическую арену страны революционных комитетов стал новый виток насилия.

В провинциях хунвейбины и цзаофани удвоили свои усилия по ниспровержению парткомов. Первые секретари партийных организаций Шаньси и Юньнани кончили жизнь самоубийством, Ли Баохуа, руководителя парткома провинции Аньхой, провезли через весь Пекин на открытой платформе грузовика, как преступника перед исполнением приговора. Очередное указание Председателя предлагало цзаофаням ускорить захват власти на местах. В столице перед Западными воротами Чжуннаньхая собралась многотысячная толпа, которая требовала выдачи Лю Шаоци и Дэн Сяопина общественности для проведения над ними суда на «митингах борьбы». Министра угольной промышленности Чжан

Линьчжи хунвейбины заставили носить отлитую из чугуна фуражку весом около шестидесяти килограммов, а потом ногами и палками забили насмерть.

Постепенно в смуту втянулась и почти не принимавшая прежде участия в беспорядках НОА. В январе Мао одобрил приказ Линь Бяо о смещении Лю Чжицзяня, руководителя армейской «группы по делам культурной революции». Так началась довольно непродолжительная кампания против укрывшихся в военной среде сторонников «реакционной буржуазной линии Лю Шаоци». Случай с Лю Чжицзянем послужило иллюстрацией той дилеммы, разрешить которую Мао пытался в течение восьми месяцев. Позволить ли армии участвовать в «культурной революции»? Или из соображений национальной безопасности продолжать крепить боеготовность и воинскую дисциплину?

Преступление Лю Шаоци, за которое он заплатил семью годами тюрьмы, состояло в том, что глава государства не допускал глумления курсантов военных училищ над заслуженными ветеранами армии. В этом его поддерживали Е Цзяньин, руководивший повседневной работой военных советов округов, и трое других маршалов НОА: Чэнь И, Не Жунчжэнь и Сю Сянцянь. Цзян Цин и Чэнь Бода видели в них «основное препятствие делу революции в армии».

Мао совершил двусмысленный ход. Через десять дней после освобождения от должности Лю Шаоци он одобрил директиву ЦК, в которой запрещались все «нападки на руководящие органы НОА со стороны отдельных граждан и общественных организаций». Однако ввиду отсутствия четких разъяснений из центра в директиве обнаружилось немало лазеек. На «митинг борьбы» курсанты затащили представителей командования Нанкинского военного округа. Командующий округом генерал Сюй Шию пригрозил, что в случае повторения подобных инцидентов он отдаст войскам приказ открывать огонь. Нечто подобное происходило в Фучжоу и Шэньяне. Чуть позже с целью помощи шанхайским радикалам Мао распорядился, чтобы армия оказала поддержку «левым». Участие НОА в политической борьбе поставило ее на грань неминуемого конфликта с множественными группировками хунвейбинов, чего высшее военное руководство всеми силами старалось избежать.

Опуская детали, можно с уверенностью говорить о том, что к концу января 1967 года возглавлявшие военные округа ветераны НОА, многие из которых преданно служили Мао еще со времен Великого похода, начали испытывать серьезное недовольство.

Первые беспорядки вспыхнули в Синьцзяне, где командир полка отдал подчиненным приказ усмирить разбушевавшихся в городе Шихэцзы радикалов. В результате столкновения с войсками несколько сотен человек получили огнестрельные ранения. В Сычуани вооруженные хунвейбины при поддержке цзаофаней осадили военные казармы. Вмешательство соседнего гарнизона заставило их сложить оружие, вожаки были арестованы и брошены в тюрьмы. На территории граничащей с Тибетом отдаленной провинции Цинхай командир части направил своих солдат окружить здание редакции местной газеты, где захватившие его радикалы учинили физическую расправу над журналистами и убили несколько человек. Встретив сопротивление, солдаты открыли огонь. Под пулями погибли сто семьдесят девять человек и примерно столько же были ранены. За попытку захвата редакции партийной газеты в Ухани власти при помощи военных арестовали более тысячи цзаофаней, многие из которых получили длительные сроки заключения, других же вынудили публично покаяться. Подобные инциденты имели место и в семи других провинциях.

Параллельно «февральским погромам», как в народе называли эти стычки, ширилось движение «февральского обратного потока». Искру уронил по неосторожности сам Мао, разразившись потоками брани на Цзян Цин и Чэнь Бода за их роль в деле Тао Чжу. Отстранение Тао от должности Председатель приветствовал, из себя его вывело то, что жена и ближайший помощник решили действовать без предварительной консультации с ним. Чэнь поступил как «настоящий оппортунист», а Цзян Цин «в полной мере проявила свою амбициозность и абсолютное непонимание ситуации». Даже Линь Бяо, пытавшийся поначалу взять Тао под защиту, получил нагоняй за «неспособность своевременно информировать» Мао. Все еще сидевшие в Политбюро консерваторы — четыре маршала и несколько заместителей Премьера Госсовета — восприняли (к сожалению, ошибочно) этот сигнал как свидетельство того, что вызывающая наглость радикалов переполнила чашу терпения Председателя. Когда речь об этом зашла на январском заседании Военного совета, Е Цзяньин ударил кулаком по столу с силой, от которой в кистевом суставе его правой руки появилась трещина. В ходе состоявшегося 14 февраля рабочего совещания Политбюро и «группы по делам культурной революции» он еще раз, при поддержке Сюй Сянцяня и Чэнь И, предупредил об опасности анархии. Неужели провозглашение Шанхайской коммуны, спросил маршал, означает, что партия и армия стали никому не нужны? Ответ на его вопрос не решился дать ни один из присутствовавших.

Через два дня заместитель Премьера Госсовета Тань Чжэньлинь, старый соратник Мао, который был председателем Совета рабочих и крестьянских депутатов еще в Цзинганшани в 1927 году, вступил в серьезную ссору с Чжан Чуньцяо. Долго сдерживаемый гнев вырвался наружу:

«Массы здесь, массы там! Ты посылаешь руководство партии к черту! По-твоему, освобождать себя массы будут сами, обучать себя сами и вести революцию дальше тоже сами. Разве это не метафизика? В дома ветеранов с сорокалетним стажем врывается бесчинствующая толпа, их родные и близкие в ужасе бегут прочь... Более жутких моментов партия еще не переживала».

Горечь, вызванную действиями Цзян Цин, Чэнь Бода и «группы по делам культурной революции» Тань Чжэньлинь выплеснул на следующий день в письме на имя Линь Бяо:

«У них нет ни малейшего представления о сострадании и жалости: одно слово — и человек прощается с жизнью... Видно, дела в партии идут совсем плохо... Ставить к стенке за малейшую провинность? Неужели они и в самом деле победят? Не верю. У нашего Премьера большое сердце, оно дождется светлых дней. Только вот долго ли еще ждать нам? Нет! Тысячу раз нет! Я так не выдержу!»

Первым побуждением Мао было расценить эти слова как «брюзжание старого солдата». Поразмыслив, Председатель, однако, решил поступить по-другому. Из двадцати одного члена Политбюро, которые заняли свои должности полугодом ранее, четверо уже лишились постов: Лю, Дэн, Тао Чжу и Хэ Лун. Четверо других — Чэнь Юнь, Дун Биу, Лю Бочэнь и Чжу Дэ — не отличались излишней активностью, они были нейтральны. Зато из тринадцати оставшихся в течение нескольких последних дней семеро решились пойти против «культурной революции».

В ночь на 19 февраля Мао вызывает к себе Е Цзяньина и двух других недовольных: отвечавшего за финансы Ли Сяньняня и министра планирования Ли Фучуня. Помимо них, Председатель пригласил Чжоу Эньлая вместе с двумя ведущими партийными радикалами.

«Какое же руководство вам по вкусу?» — со стариковской раздражительностью спросил вызванных вождь. Может, они хотят привлечь к управлению страной Ван Мина? Или русских с американцами? Если же они намерены вернуть Лю Шаоци и Дэн Сяопина, с угрозой говорил Мао, то он уйдет в Цзинганшань — чтобы начать новую партизанскую войну. То же самое Председатель обещал восемью годами ранее в Лушани. Сейчас он решил просто поиграть, развлечься.

Объявив ультиматум, Мао в гневе захлопнул за собою дверь.

На самом деле по всем затронутым вопросам — о роли партии, месте в обществе армии и отношении к ветеранам — симпатии Председателя находились на стороне Е Цзяньина и его сотоварищей. Двумя неделями ранее он с возмущением обрушился на выдвинутый шанхайскими лидерами лозунг «Сомневаться в каждом и свергать все авторитеты». Ветераны были включены в «тройственный союз» по его настоянию, а что считалось правильным в провинции, не должно терять своих качеств и в центре. Мао знал: существует разумный предел бесконечным испытаниям армейской элиты на преданность. Оказывать на маршалов излишнее давление не входило в его интересы. Никакого снисхождения не заслуживал лишь Тань Чжэньлинь, позволивший себе сравнить Цзян Цин с императрицей У династии Тан, женщиной, прославившейся в истории Китая злобным и совершенно несносным характером.

На протяжении следующего месяца старая гвардия усердно посещала длившиеся ночь напролет семинары, на которых члены «группы по делам культурной революции» с пристрастием разбирают все совершенные ветеранами ошибки. С улицы до сидящих в здании ЦК партии доносились крики толпы хунвейбинов, требующих свержения «прислужников ревизионизма». И все же в отличие от Тао Чжу и Хэ Луна ничего более ужасного «перевоспитываемым» не угрожало. В конце апреля Председатель вновь призвал ветеранов — за исключением Тань Чжэньлиня — к себе, на «встречу по случаю восстановления единства», где прозвучали слова о том, что никаких «заговоров за спиной партии» они, конечно же, не составляли. В такой форме Мао попытался принести бывшим соратникам свои извинения.

И все же действия ветеранов имели далеко идущие последствия.

В марте 1967 года Политбюро уже не функционировало. Мао не хотел брать на себя риск внезапно оказаться в одиночестве против большинства. Заседания Политбюро сменились расширенными совещаниями Постоянного комитета или «группы по делам культурной революции», работу которой возглавлял теперь Чжоу Эньлай.

Одновременно с этим развернутая против ветеранов кампания дацзыбао заставила армейскую элиту перейти на оборонительные позиции и послужила источником новых сил для воинствующих «леваков». Мао пришел к убеждению, что военные, стремившиеся в ходе «февральских погромов» восстановить стабильность, были излишне активны в своих действиях. Офицеры, которые при подавлении беспорядков проявили особое рвение — в том

числе и командир полка из Цинхая, — были объявлены «ультраправыми элементами» и преданы суду военного трибунала. Линь Бяо, ранее поддерживавший попытки командующих военными округами положить конец разнузданным выходкам радикалов, предупреждал теперь армию об опасности «милитаризации преступной линии Лю Шаоци и Дэн Сяопина». 1 апреля Мао одобрил директиву, где указывалась недопустимость «навешивания спорных ярлыков на общественные организации». Военным частям, которые прежде имели право открывать огонь для подавления «реакционеров», запрещалось применять оружие при любых обстоятельствах, даже в целях самообороны.

Во фракционной борьбе между различными бунтарскими группировками нарастала волна насилия. Оружие выкрадывали с военных складов, из направляющихся с грузом помощи во Вьетнам эшелонов. В окрестностях расположенного на Янцзы города Ибиня произошли вооруженные стычки с участием десятков тысяч человек. В Чунцине враждующие группировки обстреливали друг друга из зенитных пулеметов. В Чанша для этого применяли управляемые снаряды. Об одном из таких сражений вспоминал позже очутившийся в его пекле тринадцатилетний Лян Хэн:

«Когда в городе начались перебои с электричеством, я вышел из дома, чтобы купить керосину... Навстречу мне мимо редакции «Хунань жибао» бежали человек пятьдесят, волоча за собой пулеметы. В руках какого-то коротышки был флаг с иероглифами «отряд молодых охранников»: так называлось одно из подразделений группы «Свежий ветер над рекой Сян». Почти поравнявшись со мной, парни открыли стрельбу по противоположному концу улицы...

Их врага я не видел, но ответил он тем же. У меня на глазах коротышка рухнул и покатился по асфальту, как сухое полено. Кто-то подхватил выпавший из его рук флаг, но пуля сразила и его. Я увидел, как древко моментально оказалось в руках третьего...

Но вот «молодым охранникам» удалось скрыться за ближайшим углом. Там их ждали товарищи с носилками и несколько грузовиков. Те, у кого кончились патроны, принялись ломать деревянные ящики с боеприпасами. По земле покатились маленькие, но длинные снарядики с заостренным концом...

В это время с грузовиков снимали три небольших, поблескивавших черной краской орудия. Парни стали требовать, чтобы сидевшие в машинах солдаты показали, как с ними обращаться. Солдаты отказывались. Тогда «охранники» решили попробовать сами. Они сделали три выстрела, но каждый раз

снаряд уносило куда-то в сторону... Все это было для меня ужасно интересным, только потом один рабочий рассказал, как застрелил своего стоявшего напротив друга — потому что не умел обращаться с пулеметом...

Откуда-то появился человек, которого они называли «командиром Таном», обезумевшего вида парень с двумя пистолетами за ремнем. Его сопровождала небольшая группа «охранников». «Быстрее, быстрее! — с яростью кричал он. — Отходим!» Все полезли в грузовики, вышвырнув из кузовов на землю пропитанные кровью и гноем бинты. Заревели моторы...

Стрельба сотрясала город весь день, а к ночи по небу расплылось удивительное оранжевое зарево. Утром мы узнали, что члены организации «Молодая Чанша» выпустили по расположенной на площади Первого мая текстильной фабрике зенитную ракету «земля — воздух». Оказывается, фабрика была занята «Союзом городских рабочих». Ее четырехэтажное здание сгорело дотла».

«Всеобъемлющая и всенародная гражданская война», за которую предыдущей зимой поднимал тост Председатель, стала реальностью.

В самый ее разгар Мао отправился в двухмесячную поездку по провинциям, чтобы собственными глазами посмотреть на ход развития «культурной революции». Первую остановку он сделал в Ухани — как раз в то время, когда в городе произошли вооруженные столкновения между группой цзаофаней-консерваторов, называвшей себя «Миллионом героев», и радикалами из «Главного штаба рабочих», лидеры которого были арестованы и помещены в тюрьму еще в дни «февральских погромов». Наиболее драматические события имели место в июне, когда в результате одной из стычек более сотни человек погибли, а три тысячи получили ранения.

О прибытии Мао город ничего не знал, на предпринятые властями чрезвычайные меры безопасности жители не обратили внимания. Персонал правительственной дачи на Восточном озере был сменен полностью: охрана Председателя опасалась, что среди уборщиц или поваров могут оказаться пособники контрреволюционеров.

В понедельник 18 июля после двухдневных бесед с местным руководством Мао пришел к выводу, что оказавший поддержку «Миллиону героев» начальник Уханьского гарнизона Чэнь Цзайдао совершил ряд ошибок и должен выступить с публичной самокритикой, а «Главный штаб рабочих» должен рассматриваться в качестве ядра, объединяющего все «левые» силы. «Миллиону героев» следует не соперничать, а объединиться с ним.

В конце концов, говорил Председатель, и те, и другие являются рабочими, и интересы обеих группировок ничуть не противоречат друг другу. Точку зрения Мао донес до масс Ван Ли, ведавший в «группе по делам культурной революции» вопросами пропаганды. На следующий день министр общественной безопасности Се Фучжи в деталях разъяснил позицию Председателя парткому военного округа.

Чэнь Цзайдао с вердиктом Мао согласился. «Миллион героев», не зная, что решение принято самим великим вождем, — нет.

Ночью тысячи его членов на военных грузовиках и пожарных машинах подъехали к штабу военного округа и потребовали, чтобы Ван Ли вышел к ним на переговоры. Не дождавшись его, «герои» отправились в резиденцию на Восточном озере и взяли в осаду здание, в котором он проживал. Цзаофани и понятия не имели, что не далее чем в пятидесяти метрах от них находился Председатель. Вместе с военными из ближайшей части они ворвались в дом, вытащили Вана из постели и привезли его на «митинг борьбы», где главного идеолога жестоко избили и сломали ему ногу. На протяжении трех последующих суток сотни тысяч членов «Миллиона героев» плечом к плечу с вооруженными солдатами стройными колоннами маршировали по городу, требуя отставки Се Фучжи, Ван Ли и других радикалов из «группы по делам культурной революции».

Мао не угрожала никакая опасность. Даже если бы она и существовала, он вряд ли обратил бы на нее внимание: тремя месяцами ранее Председатель до смерти напугал своих подчиненных, заявив, что массы, появись у них такое намерение, могут смело идти на штурм Чжуннаньхая.

Радикалы же увидели в этих событиях блестящую возможность призвать к широкой кампании по искоренению «консерватизма» в армии.

Беспорядки в Ухани Линь Бяо и Цзян Цин расценили как дерзкий мятеж. Мао, ранним утром вылетевший в Шанхай, отнесся к их мнению с пренебрежением: если бы Чэнь Цзайдао, заметил он, намеревался поднять бунт, то даже не подпустил бы Председателя к самолету.

На следующий день цзаофани освободили Ван Ли, и вместе с Се Фучжи тот прибыл в Пекин, где обоих встретили как героев. В сопровождении высшего руководства страны Линь Бяо вышел на Тяньаньмэнь к митингу, собравшему более миллиона человек, чтобы заклеймить Уханьский военный округ в «варварских и фашистских методах обращения с представителями центра».

С вызванного в столицу Чэнь Цзайдао публично сорвали погоны, но не объявили, по личному указанию Мао, контрреволюционером. Когда курсанты военных училищ попытались вновь вытащить его на «митинг борьбы», начальник Пекинского гарнизона Фу Чунби спрятал Чэня в лифте, остановленном между этажами военной гостиницы.

«Миллиону героев» повезло куда меньше. «Главный штаб рабочих» учинил в Ухани погром, в котором погибли более шестисот цзаофаней. В целом же арестам, избиениям и пыткам в провинции подверглись сто восемьдесят четыре тысячи человек.

Несмотря на личное расположение к Чэнь Цзайдао, Председатель оказал полную поддержку усилиям Линь Бяо «покончить с горсткой пробравшихся в армию каппутистов». Фразу эту впервые употребил Линь Лиго, сын министра обороны, в статье, опубликованной в «Жэньминь жибао» на следующий день после событий в Ухани. Обеспокоенный явной беспомощностью «левых» в военном отношении, в середине июля Мао предложил Чжоу Эньлаю раздать рабочим и студентам оружие. Чжоу промолчал, но несколькими днями позже Цзян Цин выдвинула в газетах лозунг «Нападать — доводами, обороняться — силой», который станет для радикалов обоснованием перехода к методам вооруженной борьбы.

4 августа в личном письме к супруге — Цзян Цин зачитала его на заседании Постоянного комитета — Мао пошел еще дальше. «Левым» необходимо дать в руки оружие, писал он, поскольку весьма значительная часть армии симпатизирует цзаофаням-консерваторам. Совершаемые рабочими кражи оружия «особой опасности не представляют». Массы имеют право всеми доступными им средствами отстаивать законность и порядок.

В этой неспокойной обстановке партийный журнал «Хунци» опубликовал передовую статью, посвященную отмеченной 1 августа сороковой годовщине образования НОА. Из статьи следовало, что основная стоящая перед страной задача — повести беспощадную борьбу против «каппутистов» в армии.

Прочитав ее, Мао изменил свои планы.

Второй раз он пришел к выводу, что «культурная революция» стоит у Рубикона. Второй раз раздалась команда отступить.

Подобные маневры Председатель всегда объяснял диалектикой: когда явление достигает высшей точки развития, оно переходит в свою противоположность. Так, в феврале 1967 года он пришел к решению сохранить руководящую роль партии. Теперь же, когда спустя полгода вся партийная иерархия была фак-

тически уничтожена, Мао признал необходимым сохранить единственный оставшийся инструмент власти — армию. К этому его подталкивал не страх перед надвигающейся анархией, а политический инстинкт. В попытках поддержать баланс между активностью радикалов и стабильностью ситуации в армии Председатель позволил радикалам дойти до предела. Сейчас маятник должен начать движение в противоположную сторону.

11 августа Мао дал понять, что курс на искоренение «пробравшихся в армию каппутистов» стратегически ошибочен. Брошенного походя замечания оказалось достаточно для того, чтобы Цзян Цин и Линь Бяо тут же отказались от своей идеи. Через несколько дней в редакцию «Хунци» принесли злополучный номер журнала, на обложке которого рукой Председателя начертано: «Ядовитый сорняк». Статья была написана героем уханьских событий Ван Ли, редактором «Хунци» Линь Цзе и членом «группы по делам культурной революции» Гуань Фэном. Вскоре все трое оказались под арестом. Против Вана ко всему прочему выдвинули обвинение в поддержке предпринятой летом попытки группы «леваков» сместить Чэнь И с поста министра иностранных дел. Неудачная попытка привела к тому, что хунвейбины дотла сожгли особняк британской миссии — в знак протеста против массовых арестов радикалов в Гонконге. Беспорядки творились и перед посольствами Бирмы, Индии и Индонезии. Они привели Мао в ярость: Китай не соблюдал принятые на себя международные обязательства. Председатель лишний раз утвердился в намерении сохранить армию в качестве реальной и дисциплинированной силы.

Февральский отход от принципов «Шанхайской коммуны» объяснялся причинами дипломатическими. В августе для защиты армии Мао прибег к другому средству.

Вся вина за бесчестящие страну выходки радикалов была возложена на ультралевацкую организацию «группа 16 мая». Организация не являлась плодом одной лишь фантазии Председателя: насчитывавшая около сорока человек, она была создана хунвейбинами весной на базе Пекинского института стали. Ее члены расклеивали по городу дацзыбао, в которых Чжоу Эньлай объявлялся «тайным заправилой» движения «февральского обратного потока». Подобным же нападкам подвергали его и другие радикальные группировки — с молчаливого одобрения Цзян Цин, для которой Чжоу являлся основной помехой на пути осуществления ее политических планов. Но Мао приказал Чэнь Бода опубликовать заявление, где Премьер назван «надежным членом пролетарского

штаба, возглавляемого самим Председателем», и всякая нежелательная агитация тут же прекратилась. К августу о «группе 16 мая» уже не было слышно, во всяком случае, она не имела никакого отношения к Ван Ли, Гуань Фэну или другим высшим чиновникам, объявленным позже ее руководителями. Однако на подобные мелочи тогда не обращали внимания. Намного важнее была подоплека происходящего. Начиная с сентября 1967 года, после того как Мао лично назвал группу «контрреволюционной кликой с явно враждебными замыслами», она превратилась в удобный инструмент борьбы против малейших проявлений — реальных или вымышленных — политического несогласия.

В сентябре Председатель подписал директиву, запрещающую «левым» организациям захватывать и применять оружие. Войска вновь получили право открывать огонь в целях самозащиты. По распоряжению мужа Цзян Цин произнесла речь, в которой предала анафеме методы вооруженной борьбы, а идею «покончить с горсткой каппутистов в армии» назвала «расставленной «праваками» ловушкой для истинных революционеров». Массы не должны видеть армию в черном цвете, говорила она, ведь ее воины — это дети всего народа.

Проблем армейского руководства ее речь не решила. Но нависшая над военными с начала года угроза отступила.

Отречение от принципов движения «февральского обратного потока» не только спровоцировало радикалов на массовые выступления против армии. Оно дало толчок новой волне критики Лю Шаоци и буржуазной идеологии.

Кампанию начала 1 апреля 1967 года пространная статья в «Жэньминь жибао», написанная главным пропагандистом «группы по делам культурной революции» Ци Бэньюем. Не называя Лю по имени, автор говорил об «одном из высших руководителей партии, идущем по капиталистическому пути». Статью под заголовком «Патриотизм или измена?» Мао редактировал лично. Как и вся ведшаяся в период «культурной революции» полемика, тематика статьи была крайне туманной. Речь в ней шла о снятом в 1950 году фильме, раскрывавшем картину жизни страны во времена императора Гуансюя. Председатель назвал фильм «по духу предательским», поскольку он «оклеветал и очернил Боксерское восстание». Лю же, по слухам, с ним не согласился. Ихэтуани, говорилось в статье, являлись революционерами — такими же, как и «красные охранники», и высказанное Лю одобрение филь-

ма уже тогда свидетельствовало о его готовности изменить родине. 6 апреля «Непокорные из Чжуннаньхая» второй раз явились в дом Лю Шаоци и учинили ему допрос по сущности выдвинутых Ци Бэньюем обвинений. На следующий день Лю повесил на стену дома дацзыбао, в которой отрицал всякие антипатриотические намерения. Через несколько часов дацзыбао была сорвана, а 10 апреля его супругу Ван Гуанмэй хунвейбины отвезли на десятитысячный «митинг борьбы» в университет Цинхуа. Чтобы высмеять ее «буржуазные вкусы», на женщину надели шелковое платье, шелковые чулки и туфли на высоком каблуке, а на шею заставили повесить «ожерелье» из шариков для пинг-понга.

Атаку подхватила пресса. В мае книгу Лю «Как стать настоящим коммунистом» газеты назвали «ядовитым сорняком, приносящим огромный вред марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна». Председатель расценил ее как «направленную против марксизма-ленинизма обманчивую идеалистическую писанину».

В июле кампания против Лю достигла апогея. Накануне отъезда Мао в Ухань хунвейбины из Пекинского института аэрокосмической техники при поддержке «группы по делам культурной революции» у Западных ворот Чжуннаньхая организовали «передовой командный пост по обузданию Лю Шаоци». Десятки установленных на автобусах громкоговорителей день и ночь сотрясали округу маоистскими лозунгами. 18 июля на прилегающих улицах собралась многотысячная толпа, требующая расправы над «изменником». Ночью «Непокорные из Чжуннаньхая» провели в правительственном квартале «обвинительное заседание», на котором Лю и его жена в полном молчании простояли более двух часов, отвешивая своим судьям поясные поклоны. Личный врач Мао своими глазами видел, как солдаты охраны с интересом наблюдали за начавшимся вскоре избиением супругов. На Лю разорвали рубашку и таскали его за волосы. Через две с половиной недели экзекуция повторилась. На этот раз хунвейбины поставили мужа и жену в позу «ласточки» и устроили им допрос по делу о «государственной измене». Такому же унижению подверглись Дэн Сяопин, Тао Чжу и их супруги.

Конечно, подобное обращение нельзя было и сравнивать с тем, что испытывали на себе чиновники более низкого ранга. Однако к тому времени Лю пошел уже восьмой десяток. Он стоял на коленях перед написанными хунвейбинами дацзыбао, а бесновавшиеся юнцы рвали на голове старика волосы и пинали его. Когда с поврежденной ногой Лю с большим трудом добрался до дома, его оплывшее лицо было землисто-серого цвета.

7 августа он написал Мао прошение об отставке.

Ответа Председателя Лю Шаоци так и не получил. Вскоре Ван Гуанмэй оказалась в тюрьме, а детей вывезли на «перевоспитание» в деревню. «Обвинительные заседания» более не проводились, и долгие дни Лю проводил в полном одиночестве в своей опустевшей квартире. «Комиссия по расследованию» продолжала собирать «доказательства измены», которые смогут объяснить официальную причину снятия его с должности главы государства.

С углублением процессов «культурной революции» этот недавно созданный орган начал приобретать все большее влияние. Возглавляемая Чжоу Эньлаем комиссия отчитывалась непосредственно перед самим Председателем. Но очень скоро на практике она стала безраздельной вотчиной Кан Шэна. Вместе с отрядами хунвейбинов и цзаофаней комиссия проводила в жизнь установки шефа политической полиции по обеспечению «диктатуры пролетариата».

Сфера ее деятельности, первоначально включавшая в себя лишь долгое разбирательство с Пэн Чжэнем, на смену которому пришли Лю Шаоци и Ван Гуанмэй, весной 1967 года значительно расширилась.

Одним из первых открытых Кан Шэном громких дел явился так называемый «процесс над отступниками». В их число вошли высшие партийные чиновники (всего шестьдесят один человек), среди которых оказались бывший министр финансов Бо Ибо и руководитель организационного отдела ЦК Ань Цзывэнь. Все они в 30-е годы сидели в пекинской тюрьме. С согласия тогдашнего лидера КПК Чжан Вэньтяня, к мнению которого присоединились и все (включая Мао) члены Политбюро, Лю Шаоци, являвшийся руководителем Северного Бюро, позволил им отказаться от членства в рядах партии, чтобы ускорить тем самым выход на свободу. Состоявшийся в 1945 году 7-й съезд КПК подтвердил правильность принятого Лю решения.

Когда Кан Шэн впервые поднял вопрос о пересмотре дела, Мао не согласился. Но к февралю 1967 года сомнения оставили его. Месяцем позже «группа по делам культурной революции» приняла директиву, где шестьдесят один ответственный партийный работник был назван «кликой предателей, купивших свободу ценою измены делу партии». Мао, Чжоу Эньлай и Кан Шэн, как и все остальные высшие руководители, прекрасно знали, что обвинение высосано из пальца. Но оно помогало дискредитировать в глазах общества Лю Шаоци и его сторонников.

В отличие от Сталина Мао, казалось, не проявлял особого интереса к тому, как именно обращались с его жертвами. Руки Кан Шэна были развязаны: он имел в своем распоряжении готовых на любое насилие хунвейбинов и искушенных в тонких материях допросов и пыток профессионалов. Сидя в камере, Бо Ибо на обрывках газет вел подобие дневника, верно рассчитав, что его мучители сохранят их, и в один прекрасный день, когда политические ветры переменятся, эти записи станут частью другого обвинительного заключения:

«Сегодня избиение продолжилось. Все тело покрыто ссадинами и язвами, одежда превратилась в лохмотья. Когда голова закружилась, я, по-видимому, качнулся, и на меня обрушился град ударов. На днях мне заломили руки за спину и заставили совершить «полет на самолете»: я расставил ноги, согнулся и выставил голову вперед, у них это называлось еще и «ласточкой». Затем меня начали таскать за волосы, пинать и избивать. Пальцы не могут удержать ручку... Как же я напишу им признание?»

Для расследования дел Пэн Дэхуая и Хэ Луна были созданы две другие комиссии. В июле 1967 года, когда от Пэна потребовали признаться в заговоре против Председателя, в ходе допроса ему сломали четыре ребра. Получив отказ в медицинской помощи, в тюремной больнице от острого приступа диабета умер Хэ Лун.

Кан Шэн проведет новые расследования. Розыски корней зла начались в подпольной деятельности партии 20-х и 30-х годов. В восточных районах Хэбэя они привели к арестам восьмидесяти четырех тысяч человек, из которых без малого три тысячи были расстреляны, умерли от пыток или покончили жизнь самоубийством. В Гуандуне на допросы вызвали семь тысяч двести членов партии, для восьмидесяти пяти они закончились смертью. В Шанхае обвинения предъявили шести тысячам человек, в большинстве своем — «пособникам Гоминьдана» (благо в то время существовал «единый фронт»). «Предателями» окажутся более половины. Беспристрастные следователи раскрыли в Синьцзяне заговор еще одной «клики отступников», а на северо-востоке страны каншэновские ищейки раскопали совершенно фантастический случай. Они обнаружили в армии группу старших офицеров, «последователей маньчжурского милитариста Чжан Сюэляна», замышлявших физическое устранение Линь Бяо. Военный трибунал приговорил всех к расстрелу. В Юньнани борьба с «предателями» привела к репрессиям против четырнадцати тысяч ответственных партийных работников. Но самый небывалый размах чистка приняла во Внутренней Монголии. Стремясь доказать, что руководивший парткомом провин-

ции кандидат в члены Политбюро Уланьфу создал «черную партию», которая намерена отстранить от власти КПК, аппарат политической охранки арестовал более трехсот пятидесяти тысяч человек. Четверть из них допросы и пытки превратили в калек, а для шестнадцати тысяч мерой наказания стала смерть.

В распоряжении «комиссий по расследованию» не было никаких фактов. Они руководствовались полученными в ходе пыток признаниями и нагромождением вырванных из контекста событий случайностей. Во «всеохватной и всенародной гражданской войне» Мао возвращался к логике и методам прошлого, к практике кровавых чисток 30-х годов. Вновь развязанный террор должен был очистить страну и подготовить ее к вступлению в лучезарное будущее.

Осенью 1967 года закончился первый, столь богатый событиями год «культурной революции». Вероломный Лю Шаоци был нейтрализован и не представлял более никакой опасности, его союзники были либо уничтожены, либо томились в лагерях и тюрьмах, а жалкие остатки воображаемых или реальных сторонников разметал пунктуальный и методичный Кан Шэн. Отряды хунвейбинов и цзаофаней положили конец всевластию ветеранов партии в провинциях.

В триаде «борьба, критика и преобразования», служившей основой для всех начинавшихся Председателем политических движений, борьба свою функцию выполнила полностью. Критика еще продолжалась, но на первый план уже выходили реальные преобразования. Отжившее «старое» должно было уступить место прогрессивному «новому».

Хаос, охвативший страну, где основные общественные институты — за исключением армии, тайной полиции и аппарата экономических министерств — были полностью уничтожены, предоставлял для созидателей даже слишком широкое поле деятельности. Совершая в сентябре 1967 года поездку по провинциям, Мао издал директиву, требующую от не прекращавших бесконечную распрю хунвейбинов и цзаофаней объединиться и заключить «великий союз». В Пекине и Шанхае процесс слияния закончился довольно быстро, хотя кое-где студенты еще продолжали вступать в стычки с рабочими. Армии приказано соблюдать нейтралитет; противоборствующие группировки направили своих делегатов в столицу, где под бдительным оком «группы по делам культурной революции» переговоры шли до тех пор, пока стороны не пришли к взаимоприемлемому компромиссу.

В целях укрепления единства «группа» отказалась от терминов «консерваторы» и «радикалы». Утвердили некую

«местную» классификацию: так, в Аньхое наряду с «хорошими отрядами» («хао пай») существовали и «пускатели ветров» («пи пай»). Различие между ними заключалось в том, что радикалы называли захват власти в провинции делом «хорошим», а консерваторы считали его «не стоящим и пускания ветров». И все же, несмотря на вмешательство таких высоких покровителей, как Цзян Цин и Кан Шэн, прийти к согласию аньхойским группировкам удалось лишь через четырнадцать месяцев. К осени 1967 года «революционные комитеты» создали лишь в шести провинциях. Между хунвейбинами и другими массовыми организациями повсюду продолжались споры относительно того, кому принадлежит ведущая роль и кого из ветеранов провинциального руководства поддерживать.

Чтобы добавить отзвук стали в приказ Председателя навести «железный порядок», рамки развернутой против ультралевацкой «группы 16 мая» кампании значительно расширились. Зимой Ци Бэньюй присоединился к своим арестованным ранее коллегам Ван Ли и Гуань Фэну: всех троих признали «вдохновителями деятельности «черной» банды». На протяжении четырех последующих лет подозрение в причастности к «преступлениям группы 16 мая» пало более чем на десять миллионов человек, три миллиона, или каждый двадцать пятый городской житель, будут арестованы. В министерстве иностранных дел, где, как предполагалось, влияние Ван Ли было наиболее сильным, сквозь тонкое сито чистки прошли более двух тысяч дипломатов и кабинетных чиновников. Сам масштаб кампании означал, что роль главного дознавателя взяла на себя армия. Она же возглавила начатое весной 1968 года движение за «классовую чистоту рядов», которое привело к арестам еще почти двух миллионов человек, причисленных к «шпионам», «вредным элементам» и «новым контрреволюционерам». Десятки тысяч безымянных жертв, не выдержав избиений и пыток, накладывали на себя руки. Выживших отправляли в лагеря.

Других бросали в тюрьмы за действия, так или иначе связанные с ходом «культурной революции»: новые установки Министерства общественной безопасности рассматривали любую критику в адрес Мао, Линь Бяо и других высших руководителей страны как «происки контрреволюционеров». Соответствующий документ газеты опубликовали в январе 1968 года, хотя драконовские законы вступили в силу лишь к концу года.

И все же, несмотря на предпринятую массированную атаку, далеко не все складывалось так, как рассчитывал Мао. Кампания против «группы 16 мая» дала консерваторам повод

поставить под вопрос некоторые аспекты проводимой центром политики «культурной революции». Группа из девяносто одного высокопоставленного сотрудника МИДа, куда входили и многие послы, написала дацзыбао в поддержку тех «умеренных» членов Политбюро, которые подверглись резкой критике в ходе движения «февральский обратный поток». То же самое сделали и несколько отрядов хунвейбинов. В «крайнем левачестве» дацзыбао обвиняли возглавившего по приказу Мао Пекинский ревком Се Фучжи и других радикалов в Шанхае и Сычуани.

Свое контрнаступление Председатель начал с самой неожиданной стороны.

Линь Бяо мастерски использовал предоставившиеся ему в ходе «культурной революции» возможности укрепления контроля над армией. Исключительно удачная для него последовательность событий сложилась в 1967 году, когда сочувствовавший радикалам танцевальный ансамбль НОА взбунтовался во время выступления труппы соперников-консерваторов. Как стало известно, несколько частенько наведывавшихся в спальню Мао девушек-соперниц смогли убедить Председателя в правоте их идеологической позиции. Линь Бяо, а за ним и «группа по делам культурной революции» мгновенно перевели стрелки. Любовная афера закончилась чисткой, в ходе которой министр обороны избавился от начальника Главного политического управления НОА, известного своим независимым мышлением генерала Сяо Хуа.

В начале 1968 года Линь Бяо решил, что настало время заменить и начальника Генштаба Ян Чэнъу, получившего свой пост после отставки Ло Жуйцина. Ян стал легендой еще во время Великого похода, будучи командиром батальона и прославившись переправой через реку Даду и штурмом перевала Лацзыкоу. Как и Сяо Хуа, Ян отличался самостоятельностью суждений, что в глазах Линь Бяо само по себе вызывало подозрения. Сомневался министр обороны и в двух других генералах. Начальник Пекинского гарнизона Фу Чунби взял после уханьских событий под свою защиту Чэнь Цзайдао, а политкомиссар ВВС Юй Лицзинь разругался со своим командующим У Фасянем, который являлся личным другом Линь Бяо.

Председатель был только рад обнаружить три новые жертвы в то самое время, когда разворачивавшейся против «правого» уклона кампании требовались хоть какие-нибудь мишени.

21 марта 1968 года Цзян Цин и Кан Шэн произнесли речи, в которых утверждали, что «отдельные руководители» пытаются пересмотреть вердикт, вынесенный в отношении

«февральского обратного потока». На следующий день газеты сообщили о смещении с занимаемых постов Ян Чэнъу, Юй Лицзиня и Фу Чунби за совершенные ими «серьезные ошибки». Четырьмя днями позже жители Пекина прочитали дацзыбао, где все трое обвинялись в «крайне правом консерватизме». Так по всей стране началось движение против «правого поветрия пересмотра принятых правильных решений».

Вскоре после этого начальником Генерального штаба стал один из наиболее убежденных сторонников Линь Бяо, командующий Кантонским военным округом генерал Хуан Юншэн. Чуть позже Мао отдал распоряжение передать функции Постоянного комитета Военного совета ЦК его общему отделу, возглавлявшемуся У Фасянем и состоявшему исключительно из восторженных поклонников Линь Бяо. С этого момента Е Цзяньин, Сюй Сянцянь и другие маршалы были полностью отстранены от принятия важнейших решений.

И все же полного контроля над армией Линь Бяо установить так и не удалось. Ее численность — более пяти миллионов человек, — а также особенности структуры и исторические традиции каждого из военных округов означали, что за исключением Мао (и, на весьма короткий период, Чжу Дэ) другой личности, способной утвердить в НОА свой авторитет, не существовало. Однако в 1968 году при Линь Бяо в решении общегосударственных вопросов армия играла небывало важную роль.

Летом Председатель предпринял самые активные действия для наведения порядка в Шэньси, объятой пламенем настоящей гражданской войны, затем в Гуандуне, где с судов, доставлявших военную помощь во Вьетнам, начала загадочным образом пропадать тяжелая артиллерия. Зато в результате ожесточенной борьбы между враждующими политическими группировками отдельные кварталы Нанкина превратились в руины. Для усмирения разбушевавшихся хунвейбинов и цзаофаней в город вошли регулярные войска. Подписанная Председателем директива от 3 июля потребовала от них немедленно положить конец произволу и насилию. В наиболее неспокойных уездах провинции работали «военные контрольные комиссии», рассматривавшие дела тех, кто продолжал оказывать сопротивление. В Гуанси начиналась открытая резня, приводившая в отдельных районах к политическому каннибализму: предполагаемых «предателей» цзаофани не только убивали, но и поедали их печень — точно так же, как сорока годами ранее делали последователи Пэн Пая в

Хайлуфэнс. На отказывавшихся принять участие в кровавом пиршестве вешали ярлык «двуличных друзей революции»*.

Армия наводила дисциплину также в школах и высших учебных заведениях, где с начавшимися двумя годами ранее студенческими волнениями были прекращены все занятия.

Такая озабоченность вопросами образования привела к другому инциденту, не столь трагичному, как события в Гуанси, но не менее поразительному.

В конце июля Мао отдал распоряжение направить тридцать тысяч рабочих и военнослужащих НОА в университет Цинхуа, где радикально настроенные «красные охранники» так и не сложили оружия. В процессе установления законности и порядка десять человек погибли, а более сотни получили ранения. В знак одобрения проделанной работы Председатель послал «спасательной команде» плоды манго, полученные несколькими днями ранее в дар от пакистанской делегации.

Милость вождя была встречена со всей почтительностью, предписываемой «Лицзи» — «Книгой ритуалов», составленной в IV веке до н.э., память о которой считалась вытравленной кострами «культурной революции». Подобно святым реликвиям — зубу Будды или гвоздям креста с Голгофы — плодам поклонялись до тех пор, пока они не начали гнить, после чего манго покрыли слоями воска и выставили на всеобщее обозрение, а их «копии» распределили среди городских организаций.

Безусловно, возобновление занятий в учебных заведениях способствовало нормализации жизни общества, но оно не решало проблемы миллионов молодых людей, которые двумя годами ранее, забыв о теории, перешли непосредственно к практике «революционного строительства».

Уровень безработицы среди городской молодежи еще до начала бурных событий поставил власти перед необходимостью выработки программы добровольного переселения выпускников школ в деревню. Последовавшие затем политические катаклизмы сделали поиск работы в городах почти бессмысленным. В 1967 году производство промышленной продукции сократилось на четырнадцать процентов и через год все еще продолжало падать.

---

* То же самое происходило при «красных кхмерах» в середине 70-х годов в Камбодже. Той же была и цель ритуала: получить от участников свидетельство безусловной преданности общему делу. — *Примеч. авт.*

Осенью 1968 года рамки программы значительно расширились: в течение двух последующих лет на село должны были выехать более пяти миллионов молодых людей, причем сейчас их согласия уже никто не спрашивал. Создали параллельную программу, согласно которой в «школы 7 мая» отправили несколько миллионов кадровых работников и представителей интеллигенции. Идею создания таких «школ» Председатель высказал в письме к Линь Бяо от 7 мая 1967 года: «Эти бездельники должны поучиться у крестьян, пожить с ними одной жизнью». То, что крестьянство относилось к вновь прибывающим, как к навязанному чиновниками новому бремени, сути дела не меняло. Для Мао такое решение было весьма удобным: в плане идеологическом оно помогало преодолеть пресловутый барьер между городом и деревней, с точки зрения политики курс вынуждал «разжиревшую от городской жизни» бюрократию обрести в тяжелом ручном труде качества истинных пролетариев. Решался и социальный вопрос: города покидали как бывшие хунвейбины, так и их бывшие жертвы.

И опять ключевая роль в этом «переселении народов» была отведена армии.

Молодежь работала в армейских подсобных хозяйствах, расположенных в самых удаленных районах страны. Под бдительным присмотром офицеров НОА «школы 7 мая» энергично перевоспитывали «вычищенных» из рядов общества «вредных и неустойчивых элементов». В структуре каждого государственного учреждения, начиная с министерств и кончая редакциями газет — не говоря уже о заводах и фабриках, — появились армейские «рабочие группы».

Но заметнее всего влияние НОА сказывалось на местной и провинциальной администрации. Половину членов ревкомов составляли офицеры — против трети бывших хунвейбинов и цзаофаней и лишь пятой части ветеранов. В «постоянных комитетах», исполнявших функции провинциальных органов власти, три четверти ответственных работников являлись военнослужащими. На местах их доля была еще выше: в сельских уездах Хэбэя (других там фактически не существовало) люди в погонах возглавляли девяносто восемь процентов ревкомов. Большая часть страны жила по законам казармы.

Такой ценой удалось остановить сползание в анархию. Другого способа вернуть к жизни обескровленное общество в Китае не существовало.

В начале сентября 1968 года объявили об учреждении двух последних из двадцати девяти провинциальных рево-

люционных комитетов: в Тибете и Синьцзяне. «Группа по делам культурной революции» сообщила: «Вся страна стала красной». Двумя днями позже Чжоу Эньлай обратился к массовому митингу в Пекине со словами: «Нам удалось справиться с последствиями антинародного, антипартийного заговора предателей, решивших пойти по капиталистическому пути».

Сцена для политической развязки, к которой Мао целеустремленно шел почти четыре года, была готова.

13 октября 1968 года ЦК КПК — вернее, то, что от него осталось, — созвал в Пекине свой 12-й пленум. Через горнило чисток не прошли и две трети его состава, а из оставшихся на пленуме присутствовали всего сорок членов руководящего органа партии, что для кворума было явно мало. Мао решил исправить ситуацию. В нарушение устава КПК он лично перевел десять кандидатов в полные члены и пригласил в зал более восьмидесяти офицеров НОА и председателей ревкомов. Приглашенные участвовали в обсуждениях, но не имели права голоса.

Перед пленумом стояли три задачи: одобрить смещение Лю Шаоци, утвердить Линь Бяо в качестве нового преемника и окончательно осудить «февральский обратный поток» вместе с его следствием — мартовским 1968 года «правым уклоном».

Но главным, конечно, являлся вопрос о Лю Шаоци. Цзян Цин, которая лично руководила деятельностью «группы по расследованию», подготовила три объемистых тома документов — полученных под пыткой признаний, — свидетельствовавших, что в интересах Гоминьдана Лю предал партию по крайней мере трижды: в 1925 году в Чанша, в 1927-м — в Ухани и в 1929-м — в Шэньяне. Чтобы добыть данные о событиях сорокалетней давности, следователи Кан Шэна допросили двадцать восемь тысяч человек, большая часть которых была затем отправлена в лагеря. Мэн Юнцянь, один из главных свидетелей, в 1929 году отбывавший вместе с Лю заключение, подвергался непрерывному допросу в течение семи суток. В результате он почел за благо признаться, что на путь предательства оба встали в гоминьдановском застенке. Выйдя из лагеря, Мэн отказался от своих показаний, но страна так и не узнала об этом.

Сознавая недостаточную убедительность собранных материалов, Цзян Цин перечислила в своем докладе и последние, наиболее яркие доказательства измены: связь с «секретным агентом американского империализма Ван Гуанмэй», пересылка «ценной информации» гонконгской резидентуре ЦРУ и «бешеное со-

противление пролетарской революционной линии Председателя Мао». Документальные подтверждения этих обвинений будут опубликованы позже, заявила Цзян Цин. Подготовка публикации, видимо, продолжается до сих пор.

Пленум проголосовал за «исключение Лю Шаоци из рядов КПК» и постановил освободить его от всех занимаемых постов как «изменника, предателя и... лакея империализма, современного ревизионизма и гоминьдановских реакционеров». В принятой резолюции подчеркивалось, что партия должна «до конца свести счеты с ним и его пособниками». Однако голосование оказалось не совсем единодушным. Чжоу Эньлай, Чэнь И, Е Цзяньин и другие ветераны партии послушно подняли руки, но в зале нашлась пожилая женщина, которая предпочла воздержаться. Впоследствии ее тоже подвергли «чистке».

Утверждение Линь Бяо прошло без всяких неожиданностей.

Серьезные разногласия вызвал вопрос об отношении к «умеренным» членам Политбюро. Цзян Цин и Кан Шэн давно настаивали, чтобы очередной съезд КПК значительно ограничил роль старой партийной гвардии. Заручившись поддержкой Линь Бяо, они дали указание своим сторонникам начать в ходе групповых дискуссий массированную атаку на ветеранов. Так и произошло. Чжу Дэ в лицо был назван «матерым правым оппортунистом», который выступал против Мао еще в Цзинганшани; Чэнь Юнь был обвинен в саботаже политики «большого скачка»; четверо маршалов, инспирировавших «февральский обратный поток», преследовали, оказывается, цель «пересмотреть вынесенный партией вердикт по делам Лю Шаоци, Дэн Сяопина и Тао Чжу».

Однако весь этот пафос не произвел на Председателя особого впечатления. Ветераны, заметил он, просто пользовались правом высказывать свое мнение. Даже Дэн Сяопина нельзя ставить в один ряд с Лю Шаоци, подчеркивал Мао.

В вопросе с Дэном он занял подобную точку зрения в самом начале «культурной революции». В 1967 году Мао отверг предложение Кан Шэна назначить еще одну «комиссию», которая должна была заняться прошлым Дэна. Председатель согласился лишь с тем, что группа, расследовавшая «дело» Хэ Луна, само по себе не столь и серьезное, могла бы поручить нескольким своим членам поинтересоваться деталями его биографии.

Отказался Мао и от прозвучавшей на пленуме рекомендации «группы по делам культурной революции» исключить Дэн Сяопина, так же, как и Лю Шаоци, из партии. «Этого коротышку

ждет великое будущее», — заметил он чуть позже в разговоре с одним из иностранных гостей. Публичным нападкам имя Дэна не подвергалось ни разу. Председатель держал его в резерве, на тот случай, если вдруг появится нужда в талантах неудобного коллеги.

Через полгода, когда 9-й съезд КПК объявил о триумфальном завершении «культурной революции», у Мао были все основания гордиться своей рассудительностью.

Все руководящие работники, так или иначе принимавшие участие в «февральском обратном потоке» — за исключением Тань Чжэньлиня, — сохранили за собой членство в ЦК, а двое из них, Е Цзяньин и Ли Сяньнянь, вновь вошли в состав Политбюро. Остались в нем и трое других ветеранов: Чжу Дэ, Лю Бочэн и Дун Биу. Впервые его членами стали более молодые военачальники — командующий Нанкинским военным округом Сюй Шию и его коллега из Шэньяна Чэнь Силянь.

Эта семерка будет представлять собой политический балласт.

Реальная власть по-прежнему была сосредоточена в руках Постоянного комитета, состав которого с весны 1967 года не претерпит никаких изменений: Мао Цзэдун, Линь Бяо, Чжоу Эньлай, Чэнь Бода и Кан Шэн. Высшее руководство страны оказалось фактически разделенным на два клана: первым заправлял Линь Бяо, вторым — Цзян Цин. Супруга Председателя ощущала за спиной мощную поддержку шанхайских радикалов Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня, к ним присоединился министр общественной безопасности Се Фучжи. Все трое — полноправные члены Политбюро. В группировку нового преемника вошли его жена Е Цюнь, начальник Генштаба НОА Хуан Юншэн, командующий ВВС У Фасянь и двое других генералов.

Мао остался непоколебимым в своем решении облагодетельствовать «умеренных». Собственно говоря, Председатель руководствовался не столько великодушием, сколько желанием сформировать такую коалицию, которая представляла бы интересы различных групп «высшего света» нового китайского общества. Здравый смысл подсказывал ему, что даже во время господства радикальных взглядов люди типа Чжу Дэ, Лю Бочэна и уж тем более Чжоу Эньлая пользовались таким политическим авторитетом, добиться которого Линь Бяо и его сторонники никогда не смогут. Пятьдесят лет непрерывной борьбы за власть научили Председателя осмотрительности и осторожности.

Но у него имелись и другие, более весомые соображения.

Официальная пропаганда вовсю трубила о грандиозном успехе «культурной революции». Было признано, что Мао поднял марксизм-ленинизм на «более высокую и совершенно новую

ступень» и создал философию «эры, в которой империализм приближается к своему полному краху, а социализм одерживает всемирную победу». Изречения Председателя настолько укоренились в сознании нации, что в повседневной речи современников заняли то место, которое предки на протяжении веков отдавали традиционным ссылкам на Конфуция. 9-й съезд КПК утвердил тезис о классовой борьбе в качестве «основной линии партии на период построения социализма». Грядущие поколения будут проводить политику «продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата».

Вполне закономерен вопрос: что же после трех лет хаоса и непрерывных раздоров было в конце концов достигнуто?

Прежде всего — «разоблачение» Лю Шаоци. Дэн Сяопин и Тань Чжэньлинь находились под домашним арестом. Хэ Лун и Тао Чжу уже оставили этот мир. Тысячи фигур меньшего масштаба были навсегда отстранены от власти, причем многие находились в тюрьмах. Около полумиллиона человек просто отдали свои жизни делу партии — эта цифра удвоилась после того, как борьба за «очищение рядов» вскрыла и обрекла на уничтожение новых «контрреволюционеров». Все внешние проявления «буржуазного» образа мыслей были жестоко подавлены.

На место Лю Шаоци Председатель поставил Линь Бяо. Перед своим предшественником у Линя было преимущество: он почти на десять лет моложе. Но Линь Бяо вечно болен, он столь часто жаловался на недомогания, что Мао обращался к нему не иначе как к «нашему здоровяку». Родственное неврастении Мао расстройство нервной системы заставляло преемника жутко потеть. Но в отличие от Председателя Линь был к тому же и ипохондриком. Он ненавидел общение с людьми, перспектива встречи с иностранной делегацией приводила его почти в исступление. Проходя в 40-е годы курс лечения в СССР, он так привык к морфию, что до конца дней не смог избавиться от этой зависимости. Со временем Линь Бяо начал чувствовать отвращение к солнечному свету. Шторы его кабинета были постоянно задернуты. В ветреную погоду он вообще не выходил на улицу. В его помещениях зимой и летом поддерживалась одна и та же температура: 24 градуса по Цельсию.

Даже по меркам высшего руководства, где личные дружеские связи всегда являлись редким исключением, Линь считался в высшей степени нелюдимым. Жил он в полном уединении хорошо охраняемого особняка в северо-западном районе Пекина Маоцзявань. Посетители появлялись там крайне редко. Ни к кому в гости Линь Бяо не ходил, отклоняя приглашения даже бли-

жайших коллег. Он отказывался читать документы, заставляя секретарей пересказывать их основное содержание, что должно было занимать не более тридцати минут в день.

Но ни один из этих эксцентрических моментов поведения не помешал Мао остановить свой выбор именно на Линь Бяо. Амплуа Председателя партии предполагало роль не деятеля, а стратега. В глазах Мао наивысшим достоинством Линя было то, что с момента их встречи в Цзинганшани в 1929 году тогда еще совсем юный соратник проявил себя как самый преданный его последователь и сторонник. Интеллекту Линь Бяо могли бы позавидовать многие. Единственный в окружении Председателя, он обильно разбавлял свою речь соответствующими моменту историческими ссылками (их разыскивала для него в древних текстах целая группа референтов), а когда не был занят воспеванием исключительных достоинств вождя, то мог изложить взгляды Мао по тому или иному вопросу с такой ясностью и четкостью, которые оставались недоступными для других. Его политический вес определялся авторитетом наиболее талантливого военачальника периода гражданской войны. Его идеологией являлась религиозная вера в «Мао Цзэдун сысян» («идеи Мао Цзэдуна»).

Однако харизмы лидера Линь Бяо никогда не имел. Зная это, Председатель осознавал необходимость поиска второй столь же надежной фигуры.

Проблема была неразрешимой. Глядя в огромный зал здания Всекитайского собрания народных представителей, где проходил 9-й съезд КПК, Мао не мог не видеть, что из полутора тысяч делегатов две трети одеты в армейские кители. Едва ли не половину нового состава ЦК составляли военные. Ветеранов насчитывалось менее одной пятой. Новые члены наверняка представляли собой политически и идеологически выдержанных бойцов партии, но ни одного из них нельзя было и рядом поставить с тем первым поколением руководителей, на смену которому они пришли.

В масштабах страны достижения «культурной революции» выглядели весьма и весьма спорными. Ее бурные процессы протекали в основном в городах. До большей части шестисотмиллионного китайского крестьянства, не воспринявшего в отличие от заверений пропаганды «с надеждой в душе великие новости», доносились лишь отдаленные слухи о массовых беспорядках среди горожан.

Внешний облик Китая того времени определялся серыми скопищами безликих зданий, бледной зеленью полей и морем синей хлопчатобумажной униформы. Единственными яр-

20 Зак. 1137

кими пятнами в глаза бросались красные флаги и разноцветные курточки детей. Орнамент — как в архитектуре, так и в одежде — находился под запретом. Культура была сведена к восьми «образцовым революционным операм». С улиц городов исчезли рынки, торговые ряды и лоточники. Выпускаемые промышленностью велосипеды красились исключительно в черный цвет.

И все же попытка стереть все черты индивидуализма, «совершить пролетарскую революцию в умах людей», как называл это Мао, оказалась слишком трудоемкой и весьма неэффективной.

В 1966 году Председатель писал о том, что «культурная революция» должна повторяться «каждые семь или восемь лет» — чтобы обновить «революционный дух нации» и предотвратить «буржуазное перерождение». В апреле 1969 года он предупреждал: поставленная задача не завершена, через несколько лет все придется начинать сначала.

До конца своих дней Мао так и не признал, что результаты «культурной революции» оказались весьма далеки от провозглашенных им идеалов. Тем не менее очень трудно поверить в то, что человек со столь пытливым, диалектическим складом ума не смог увидеть в царстве «красной добродетели» ужасающую пустоту духа. Если же он рассмотрел ее, то и виду не подал. В ходе «культурной революции» наружу выплеснулись худшие инстинкты нации; даже Линь Бяо в приватных беседах называл ее «бескультурной революцией». Однако Председателя заботило совершенно иное. Революция, любил повторять он, это не званый ужин. Высшим ее приоритетом является классовая борьба.

Во имя этого приоритета Китай превратился в огромную тюрьму человеческого разума. Старый мир был разбит «до основанья». Образовавшуюся пустоту Мао смог заполнить лишь ничего не значащей риторикой.

В конечном итоге невольную помощь ему вновь оказала Москва.

Ночью 10 августа 1968 года в Чехословакию вошли советские войска. «Пражская весна» мгновенно сменилась студеной зимой. В оправдание своей акции Кремль заявил, что защита завоеваний социализма является священным долгом каждой из братских стран. Формально «доктрина Брежнева» распространялась лишь на Восточную Европу. Однако Мао увидел в ней непосредственную угрозу и для Китая.

Не прошло и года, как он принял решение нанести упреждающий удар.

Незначительные инциденты происходили на границе двух стран уже в течение ряда лет. В отличие от них разгоревшийся 9 марта 1969 года бой был тщательно спланирован. Три сотни одетых в белые маскхалаты китайских солдат под покровом темноты по льду Уссури направились в сторону острова Даманский (в Китае его называли Чжэньбао). Он представлял собой крошечный кусочек земли на спорном участке проходившей по руслу реки границы в ста пятидесяти километрах к югу от Хабаровска. Закопавшись в снег, солдаты ждали утра. На рассвете небольшая группа приблизилась к острову, а когда навстречу им бросился советский пограничный патруль, лежавшие в засаде китайцы открыли по нему огонь. Вызванное патрулем подкрепление вытеснило нарушителей за пределы советской территории, потеряв при этом около тридцати человек убитыми и ранеными. Еще более серьезное столкновение произошло в том же районе двумя неделями позже. Потери составили шестьдесят человек среди советских пограничников и несколько сотен у китайцев.

Замысел Мао отличался исключительной примитивностью. Если главным врагом Китая становился Советский Союз, то, следуя принципу «враг моего врага — это мой друг», Америка представляла собой потенциального союзника, пусть даже и ведущего жестокие и бессмысленные боевые действия против другого партнера КНР — Вьетнама.

Бой на Даманском положил начало длительным попыткам китайской стороны убедить недавно избранного президентом США Ричарда Никсона в том, что во внешней политике Пекина произошли коренные перемены. Ничего не подозревавший о намерениях Мао Кремль только усилил его позиции, стремясь склонить Китай к переговорам наращиванием своей военной мощи в регионе. На протяжении весны и лета 1969 года на советско-китайской границе вновь и вновь вспыхивали инциденты. Из Москвы доносились намеки на объединенные силы стран Варшавского Договора и возможность применения ядерного оружия. Тот же атомный шантаж США использовали во время Тайваньского кризиса в 1958 году. Кремль приступил к ускоренному и массированному усилению группировки своих войск в Монголии. Пекин ответил тридцатипроцентным увеличением военного бюджета. В августе в Пекине и других крупнейших городах страны началось осуществление масштабной программы гражданской обороны. Десятки миллионов людей отправились на рытье бомбоубежищ.

Выдержав значительную политическую паузу, Мао дал неохотное согласие на встречу Премьера Госсовета Чжоу

Эньлая с Председателем Совета Министров СССР А. Косыгиным. Она состоялась в сентябре в Пекинском аэропорту — Председатель посчитал необходимым еще раз напомнить: варварам в Срединном Царстве дальше порога хода нет. Высоким договаривающимся сторонам удалось достичь взаимопонимания по вопросам сохранения статус-кво вдоль линии границы, продолжения переговоров по спорным участкам и избежания дальнейших вооруженных конфликтов.

Кризис миновал.

Однако он успел послужить прекрасным фоном для работы 9-го съезда партии. В демонстрациях протеста против действий «новых царей» приняли участие около четырехсот миллионов человек — половина населения страны. Громкая и устрашающая фразеология, расписывавшая угрозу «советского социал-империализма», гальванизировала энергию нации так же, как во времена Корейской войны подняла ее боевой дух широкая пропагандистская кампания против США.

Она же позволила Мао соединить с трудом сходившиеся концы. В середине октября по решению Политбюро Линь Бяо дал сигнал «красной тревоги», по которому около миллиона военнослужащих НОА стали отрабатывать «действия в условиях внезапного нападения с севера». Полным абсурдом назвать такие меры было нельзя. Несмотря на некоторое улучшение обстановки вдоль советско-китайской границы, Пекин только что завершил первое успешное подземное испытание ядерного устройства и опасался, что Москва поторопится нанести хирургически точный удар по китайским военным лабораториям. Вопрос о том, верил ли Председатель, как он будет уверять позже, в возможность ядерного удара по Пекину, остается открытым. Однако опасения эти дали ему предлог удалить из столицы не только ветеранов, но и, что было еще важнее, Лю Шаоци и Дэн Сяопина.

Дэна вывезли к жене, в Цзянси, где он жил под охраной в военной казарме и половину рабочего дня проводил в цехе ближайшего завода по ремонту тракторов.

С лета 1968 года Лю Шаоци оказался прикованным к постели. После перенесенного воспаления легких он потерял речь, врачам пришлось поддерживать его внутривенными вливаниями. Его поредевшие и ставшие совсем седыми волосы два года не знали ножниц и опустились ниже плеч. По распоряжению Мао 17 октября его на носилках доставили из Чжуннаньхая в аэропорт, откуда самолет перенес немощного старика в Кайфэн. Там Лю поместили в неотапливаемый домик во дворе горкома партии. В легких вновь начался воспалительный процесс, однако разреше-

ния перевезти больного в госпиталь из Пекина так и не поступило. Последний вздох Лю Шаоци сделал 12 ноября 1969 года.

Мао не отдавал прямого приказа приблизить его смерть, как и смерть Хэ Луна, Тао Чжу или Пэн Дэхуая, который умер несколькими годами позже в тюремной больнице.

Но он и пальцем не пошевелил, чтобы отдалить ее.

ГЛАВА 16

РАСПАД

Через шесть недель после смерти Лю Шаоци Мао исполнилось семьдесят шесть лет. Будучи заядлым курильщиком, Председатель уже давно страдал заболеваниями органов дыхания. Но других проблем со здоровьем у него не было. Вернувшись после годового отсутствия, личный врач Мао обнаружил в коридоре, ведущем в спальню своего подопечного, настоящий гарем. Разделить свою огромную постель Председатель временами приглашал «трех, четырех, а то и пять девушек сразу».

С возрастом он становился все более капризным и непредсказуемым. От подчиненных Мао всегда ожидал умения понимать его без слов — если не с целью предвосхитить желания, то хотя бы не ошибаться в них. Ставшие на протяжении двух последних десятилетий жертвами Гао Ган, Пэн Дэхуай, Лю, Дэн и Тао Чжу не прошли это испытание. Однако сейчас разгадать действительные намерения Председателя стало еще труднее. Он не только развивал идею до логического завершения, чтобы потом мгновенно вывернуть ее наизнанку — как получилось с «Шанхайской коммуной» и армейской 1967 года чисткой «каппутистов», — что само по себе всегда заставало его последователей врасплох. Теперь Мао все чаще скрывал свои истинные помыслы либо выражал их с многозначностью дельфийского оракула — из любопытства посмотреть, как будут реагировать на них окружающие.

Из «кабинета, напоенного ароматом хризантем», начало ощущаться легкое дуновение паранойи. «В последние годы жизни, — писал один из членов Политбюро, — Председателю уже почти никто не доверял... Видели его мы весьма редко, и когда видели, то старались молчать. А вдруг он не так поймет сказанное?»

В конечном итоге коллеги Мао привыкли к роли придворных льстецов.

Лучше других с нею справлялся Чжоу Эньлай. Это он, осознав, что указание Председателя исключить Цзян Цин из состава нового Политбюро объяснялось желанием убрать с глаз явные признаки кумовства, все же оставил ее имя (как и имя супруги Линь Бяо, Е Цюнь) в списке. Это он, выступая на 9-м съезде КПК, заявил о «творческом и гениальном развитии идей марксизма-ленинизма», хотя Мао своей рукой вычеркнул эти слова из текста нового устава партии. В обоих случаях расчет Чжоу был безошибочным. То, что Председатель находил неприемлемым для облика КПК в глазах общества, радовало его слух в речах, адресованных лишь посвященным.

Но одних безошибочных расчетов было недостаточно. Возросшая подозрительность Мао потребовала от ближайшего окружения неустанной демонстрации преданности.

Чжоу стал политическим долгожителем потому, что ради сохранения доверия Председателя был всегда готов предать любого. Когда, вдоволь поиздевавшись над его приемной дочерью, хунвейбины бросили ее в тюрьму (где она умерла от жестокого обращения), Премьер не предпринял ничего, чтобы хоть чем-то помочь ей. Естественно, ведь в противном случае его могли бы обвинить в предательстве интересов политики. Детали наиболее яростных атак на Дэн Сяопина в ходе «культурной революции» были обстоятельно расписаны для «комиссии по расследованию» не Цзян Цин, а им, Чжоу*. В бумагах, направляемых «группе по делам культурной революции», он с особой пунктуальностью перечислил все совершенные ветеранами «ошибки». Премьер избавился от своего начальника охраны, на протяжении долгих лет бывшего для него чем-то вроде личного друга, подчинившись вскользь брошенной фразе Цзян Цин. Супруга Чжоу, Дэн Инчао, настаивала на том, чтобы телохранителя арестовали: «Не будем же мы покрывать его».

---

* В 1980 году Дэн Инчао, вдова Чжоу Эньлая, обратилась к Генеральному секретарю ЦК КПК Ху Яобану с просьбой уничтожить позорный документ, хранившийся в секретной в папке с личным делом Чжоу. Ху Яобан ответил согласием, и оригинал сожгли. О существовании копии Ху не знал. Дэн Сяопин был прекрасно осведомлен о роли, которую сыграл в его судьбе Чжоу Эньлай, однако в 1979 году оправдал поведение Премьера. Он заявил, что иначе Чжоу лишился бы своего поста, а это лишь ухудшило бы общую ситуацию. На сегодняшний день такая точка зрения признана в Китае официальной. — *Примеч. авт.*

В конце 60-х годов «группа по делам культурной революции» превратилась в гнездо ядовитых гадюк похуже того, каким десятилетием раньше было Политбюро.

Объяснялось это не только отсутствием у членов «группы» всяких представлений о морали. Деятельностью новой инквизиции фактически руководила Цзян Цин. Достигнув среднего возраста, она стала мстительной, ограниченной женщиной с чудовищным самомнением. Многие из тех мужчин, которым в далеком прошлом она дарила свои ласки, оказались брошенными в тюрьмы — чтобы никто уже не услышал от них тайн ее актерской молодости. Узнав, что Чэнь Бода, испытав как-то раз на себе критику Мао, подумывал о самоубийстве, Цзян Цин расхохоталась ему в лицо: «Давай, действуй! Неужели у тебя хватит мужества наложить на себя руки?» Кан Шэн, который сделал успешную карьеру на том, что когда-то помог ей познакомиться с будущим Председателем, всегда считал Цзян Цин опасной и не заслуживающей доверия женщиной. Линь Бяо ее не выносил, а после одной из встреч в Маоцзявани пришел в такую ярость, что накричал на жену: «Чтобы ноги этой женщины в доме больше не было!» Терпение временами терял и Мао, но Цзян Цин, как и Чжоу, была ему нужна. Она была нужна и другим — как средство оказать влияние на самого Председателя. Подобно банному листу, от Цзян Цин не отставали шанхайские радикалы, мечтавшие свести давние счеты с Чжоу Эньлаем. Кан Шэн и Се Фучжи в этом от них ничуть не отличались.

До 1969 года личная вражда отступала на задний план перед общими целями борьбы против «каппутистов» и утверждением «нового порядка», но после 9-го съезда КПК она лишилась всякого декора. В составе Политбюро силы Цзян Цин и Линь Бяо были почти равны. В теории Линь считался могущественнее: за ним стояла армия, которая держала в руках страну. Зато в распоряжении Цзян Цин находился сам Председатель — он контролировал все. Однако в глазах Линя это было не так и много: Мао далеко не во всем беспрекословно подчинялся жене.

При отсутствии каких-либо политических разногласий предметом их междоусобной борьбы являлась исключительно власть. Для того чтобы завоевать благосклонность Председателя, плелись хитроумнейшие интриги. На протяжении двух последующих лет их следствием стал ряд событий, который смел в ненужную кучу тщательно разработанные Мао планы увековечения своей политики.

Все начиналось довольно просто. Опала и смерть Лю Шаоци сделали пост главы государства свободным. В марте

1970 года в качестве составной части перестройки структуры управления Мао определил основные идеи новой конституции общества. В соответствии с ними функции высшего органа власти должен был взять на себя Постоянный комитет Собрания народных представителей — китайский парламент. Предложение Председателя одобрило Политбюро, а затем и рабочее совещание ЦК КПК.

Будучи редким гостем на заседаниях Политбюро, Линь Бяо не участвовал в принятии и этого решения. Пятью неделями позже, 11 апреля, он направил Мао записку, в которой настоятельно предлагал пересмотреть его и вновь закрепить первый пост за собой. Поступить иначе, говорил Линь, будет означать «пойти вразрез с веками складывавшейся психологией масс». Другими словами, являющийся живым воплощением достижений революции, Председатель должен быть облачен в почетную тогу высших государственных полномочий. Через день Мао ответил отказом. «Проделать это во второй раз я не смогу, — заявил он членам Политбюро. — Предложение Линь Бяо неприемлемо». Чуть позже Мао еще раз подчеркнул, что пост главы государства его не интересует.

И все же Председатель был заинтригован.

Поступок Линя совершенно не вписывался в его характер. Преемника всегда отличала удивительная пассивность. «Не спеши, не лезь на рожон, жди», — увещевал он своего друга Тао Чжу, пришедшего незадолго до своей отставки к нему за советом. Предельно осторожный, Линь поставил себе за правило: никаких конструктивных предложений. К чему лишняя ответственность? «В каждый конкретный момент, по каждому важнейшему вопросу курс всегда указывает Председатель, — сказал он на 9-м съезде КПК. — Нам остается только следовать за ним».

Политическую интуицию Мао беспокоили и другие обстоятельства. После того как Линь Бяо был официально объявлен его преемником, сдержанные маршалы НОА почувствовали себя куда более уверенно и «исполнились осознанием собственной значимости», как заметил один из личных секретарей Председателя. «Они и ветры пускают с таким видом, будто подписывают императорский эдикт!» — гневно бросил Мао в узком кругу. В поездке по провинциям он был поражен, обнаружив, что повсюду его окружают военные. «Для чего нам столько солдат?» — недовольно бурчал Председатель. Ответ он, конечно, знал, ведь армия наводила порядок в стране по его личному указанию. Но в восторг его это не приводило.

Загадочными представлялись Мао и отношения Линь Бяо с Чэнь Бода — четвертым по рангу лицом в руковод-

стве страны. Накануне 9-го съезда все бразды правления «группой по делам культурной революции» Чэнь передал Линю и его супруге Е Цюнь. Такое духовное родство вызывало в Председателе интуитивное недоверие.

Однако внешне оно никак не проявлялось. Вместо того чтобы отдать соответствующее указание, которое положило бы конец всяким спекуляциям, Председатель шел на поводу у своих сомнений. Это было его излюбленной манерой: поставить коллег в двусмысленное положение и наблюдать со стороны, как они будут из него выходить.

Линь продолжал упорствовать. В мае по его настоянию вопрос о верховном руководителе подняли еще раз, а через полтора месяца последовала новая попытка. Мао опять ответил отказом.

К этому времени проблема стала предметом ожесточенных споров между двумя группировками в Политбюро. В августе события приняли уже совсем неожиданный поворот. При поддержке Чэнь Бода У Фасянь предложил внести в конституцию пункт, где будет записано, что «труды товарища Мао Цзэдуна послужили делу творческого, гениального и всестороннего развития марксизма-ленинизма». Годом ранее Мао вычеркнул эти слова из проекта нового устава партии. Но сейчас У Фасянь заявил, что было бы несправедливо, злоупотребляя всем известной скромностью Председателя, принизить его гигантский вклад в теорию «вечно живого учения». Этот довод вынудил первоначально возражавших Кан Шэна и Чжан Чуньцяо сдаться, и на следующий день предложение прошло.

Мао держал свои соображения в секрете. Культ личности сыграл неоценимую роль в деле избавления страны от злокозненного Лю Шаоци, но какая от него польза теперь, после ухода недруга в мир иной? Для чего он Линь Бяо? В стремлении министра обороны подчеркнуть «гений» вождя, возвести его в титул главы государства вечно сомневающийся разум Мао увидел попытку вытеснить его наверх.

Определенные основания для подобного предположения имелись. С падением Лю Шаоци от плана сделать Мао Почетным Председателем партии пришлось отказаться. Идея превратить престарелого кукловода в символ китайской государственности не могла не притягивать Линь Бяо.

Заявить об этом прямо министр обороны не мог: зная Мао, он отдавал себе отчет в том, что такое предложение будет неизбежно предано анафеме. Однако неоднозначность поведения Председателя оставляла ему надежду: в конце концов вождь согласится. Чжоу Эньлай на практике неоднократно доказывал, что временами не стоит понимать слова Мао буквально, а действовать согласно велениям внутреннего голоса.

Преемнику не удалось понять одного: опыт ухода на «второй план» оказался для Председателя столь болезненным, что даже намек на его повторение был для Мао невыносим.

Заблуждение привело Линь Бяо к трагическому финалу.

23 августа 1970 года министр обороны сделал доклад на пленуме ЦК, который собрался в Лушани — там же, где одиннадцатью годами ранее закатилась звезда его предшественника Пэн Дэхуая.

Еще накануне Мао одобрил основные положения этого доклада, в том числе довольно сдержанные похвалы в адрес величия Председателя и предложение отразить его уникальные заслуги в конституции страны. По поводу многократно повторявшегося в выступлении Линя слова «гений» он не проявил и тени неудовольствия. С согласия Мао текст доклада стал рабочим документом пленума.

На следующий день в ходе группового обсуждения это слово друг за другом повторили все сторонники Линь Бяо.

Выступление Чэнь Бода произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Он с негодованием обрушился на «отдельных товарищей, возражавших против употребления термина «гений» с тайной целью опорочить идеи Мао Цзэдуна — руководящую идеологию нашей нации». Когда аудитория потребовала назвать имена, Чэнь заявил, что имел в виду прежде всего Чжан Чуньцяо.

Брошенное четвертым в партии человеком обвинение звучало весьма серьезно. Фразы, последовавшие за ним, подлили в огонь новую порцию масла. Оказывается, «пробравшихся в партию контрреволюционеров приводит в восторг мысль о том, что товарищ Мао может отказаться от поста главы государства». Слова Чэня вызвали взрыв возмущения. Группа, в составе которой проходило обсуждение, подготовила проект письма Председателю с просьбой принять на себя высшие обязанности и отдать пост заместителя Линь Бяо. В письме содержалось явно указывавшее на Чжан Чуньцяо предостережение относительно «мошенников с партийным билетом в кармане». Примеру группы Чэнь Бода последовали другие.

В целом происшедшее вполне можно было назвать «придворной склокой»; Цзян Цин позже отзывалась о нем как о «литературоведческом споре».

Но Мао воспринял дискуссию по-иному. Стремясь подтолкнуть замысел Линь Бяо к скорейшему осуществлению, Чэнь Бода нанес удар не только по ближайшему союзнику супруги Председателя, но и по человеку, которого сам Мао рассматривал в качестве одного из столпов своего политического лагеря.

Вечером 25 августа Мао созвал расширенное заседание Постоянного Комитета Политбюро, на котором Чэнь

Бода обвинялся в попытке нарушить единство партии. Обсуждение доклада должно быть прекращено. Продержав коллег в полугодовых сомнениях, Мао камня на камне не оставил от их надежд на то, что он когда-либо согласится стать верховным правителем. Чэнь, который верой и правдой служил Мао с 1937 года, должен понести ответственность за «предательский удар, попытку сорвать работу пленума и распространение грязных слухов и измышлений». По распоряжению Председателя его доставили в тюрьму Циньчэн, что в окрестностях Пекина. Два месяца спустя в ходе развернутой в КПК кампании он будет назван «антипартийным элементом, маскировавшимся под марксиста карьеристом и заговорщиком».

Е Цюнь и трое других сторонников Линь Бяо в Политбюро — У Фасянь, начальник службы тыла НОА Цю Хуэйцзо и политкомиссар ВМФ Ли Цзопэн — были вынуждены покаяться в совершенных ошибках перед Центральным Комитетом.

Сам Линь Бяо вышел из схватки невредимым.

Но вспыхнувшая в Лушани ссора укрепила в голове Мао те сомнения, которые позже свели на нет его былое расположение к преемнику. У Председателя не было ни малейшего желания наблюдать за тем, как второй раз рушатся самые сокровенные планы. Он остался верен себе и не дал Линя в обиду в надежде, что тот найдет способ исправить сложившуюся ситуацию. Теоретически такая возможность существовала. Министр обороны мог прийти к Мао, признать свою неосмотрительность и недальновидность, взвалить ответственность за выпады против Чжан Чуньцяо на Чэнь Бода. Так, во всяком случае, поступил бы Чжоу Эньлай.

Линь Бяо этого не сделал — то ли из излишней самоуверенности, то ли из духа царившего в высшем руководстве взаимного недоверия.

Это стало его второй ошибкой.

В октябре, когда Мао прочел объяснения, подготовленные Е Цюнь и тремя генералами для Центрального Комитета, его негативное отношение к подоплеке событий в Лушани укрепилось. Формально четверка признала собственные грехи, объяснив их «недостаточной компетентностью», но никак не обосновала подозрительную согласованность своих действий. В пометках на полях их признаний Председатель не скрывал раздражения. Е Цюнь, писал он, «отказалась выполнить мои распоряжения, но с готовностью заплясала под дудку Чэнь Бода»; У Фасянь проявил «полное отсутствие прямодушия и стойкости».

Мао принял решение урезать власть, которую Линь Бяо приобрел над военными. В декабре ЦК провел под председа-

тельством Чжоу Эньлая рабочее совещание, которое постановило «реорганизовать» Пекинский военный округ. Командующего округом и его политкомиссара, ставленников Линь Бяо, сменили два преданных Мао генерала. Через три месяца Е Цюнь и остальные вновь выступили с самокритикой, но и она не удовлетворила Председателя. С целью еще более ослабить позиции министра обороны он дополнительно ввел своих людей в Военную комиссию ЦК.

Зимой того же года Мао дал указание не допускать больше в его покои юных участниц танцевального ансамбля НОА — они могли оказаться агентами Линя.

За пределами весьма ограниченного круга лиц никто ни в стране, ни в партии не подозревал о грядущем ненастье. Даже Чжоу Эньлай и Цзян Цин не знали, насколько серьезно Мао был озабочен возникшей проблемой. Для ЦК партии Линь Бяо по-прежнему остался «ближайшим соратником и преемником товарища Мао Цзэдуна». О попавших в опалу генералах известно только членам Политбюро: никаких отставок, «провинившиеся» продолжали исполнять свои обязанности.

Скорее всего прекрасно развитая интуиция все же подсказывала Линь Бяо, что потрясений не избежать. К марту 1971 года министр обороны погрузился в глубочайшую депрессию. Его сын, двадцатипятилетний Линь Лиго, занимавший высокую должность в руководстве ВВС, среди наиболее преданных подчиненных начал тайно обговаривать способы обеспечить незыблемость позиций отца. Линь Бяо об этих разговорах ничего, по-видимому, не знал. Тем не менее один из подготовленных единомышленниками документов включил в себя такую оценку тактики Председателя, которая поразительно точно совпадала со взглядами самого Линя:

«Сегодня он использует одни силы для того, чтобы нападать на другие, завтра же поступает наоборот. Те, кого он хочет соблазнить, слышат сегодня ласковые и медоточивые слова, а завтра по сфабрикованным обвинениям взойдут на эшафот. Вчерашние гости через день станут заключенными. Если оглянуться на прошедшие десятилетия, то найдется ли среди людей, которых он когда-то поддерживал, хотя бы один человек, кого не уничтожили как политика?.. Его бывшие секретари либо покончили с собой, либо брошены в тюрьмы. За решеткой оказались и несколько самых преданных его соратников».

Между собой Линь Лиго и его товарищи называли Председателя «В-52»: подобно совершавшим налеты на Северный Вьетнам бомбардировщикам дальнего радиуса действия,

смертоносный груз Мао сбрасывал на своих противников с огромной высоты.

После долгих сомнений они пришли к выводу, что непосредственной угрозы положению министра обороны пока не существует, и после смерти Председателя Линь Бяо все же станет его наследником. Рассматривалась вероятность и более раннего перехода власти в его руки; на этот случай коллеги Линь Лиго составили план действий, названный ими «Проект 571». Однако, по общему мнению, вступить в силу этот план мог лишь в исключительных обстоятельствах: даже при успешном осуществлении за него пришлось бы заплатить «слишком высокую политическую цену».

Подобные разговоры сами по себе свидетельствовали о весьма нездоровой обстановке, сложившейся в лагере министра обороны.

В конце апреля 1971 года события приняли еще более зловещий оборот. По инициативе Председателя Чжоу Эньлай сообщил У Фасяню, Ли Цзопэну, Цю Хуэйцзо, начальнику Генштаба Хуан Юншэну и Е Цюнь о том, что они подозреваются в проведении «ошибочной политической линии» и попытке «внести фракционный раскол в ряды партии». В руки Цзян Цин Мао вложил новое оружие: ее сторонников назначили руководителями отделов ЦК по пропаганде и кадровой политике.

В течение довольно короткого времени Линь Бяо все дальше отстранялся от выработки и принятия решений. Он прекратил ходить на работу, поведение его начинало вызывать растущее недоумение. Сказавшись больным, министр обороны рассчитывал уклониться от участия в праздновании Первомая. Чжоу убеждал его прийти, и когда в нарушение протокола Линь появился на трибуне уже после Мао, Председатель встретил его пренебрежительным молчанием. За проведенный вместе час оба так и не обменялись ни словом, ни взглядом.

В начале лета Мао осознал, что открытая конфронтация становится неизбежной. Чжоу Эньлаю через месяц он сказал: «Начатое в Лушани мы не довели до конца, проблема осталась. Суть ее в том, что генералы ощущают за своими спинами мощную поддержку». Несколькими днями позже Линь Бяо вместе с семьей поехал на отдых в Бэйдайхэ. В середине августа Председатель прибыл в Ухань, где на первой из ряда встреч с местными ответственными работниками заручился поддержкой провинциального руководства и военных. На протяжении своего дальнейшего маршрута Мао неустанно повторял: в Лушани начался очередной этап той борьбы, что велась против Лю Шаоци, Пэн Дэхуая и Ван Мина.

«Кое-кто, — говорил он, — вознамерился стать первым лицом в стране, расколоть партию и силой прийти к власти»*. Председатель не делал никаких далеко идущих выводов. Он просто указывал, что «на товарище Линь Бяо лежит определенная ответственность». Кого-то из его последователей еще можно вернуть на путь истины, кто-то же успел зайти слишком далеко. Опыт прошлого, сухо заметил Мао, учит, что «очень трудно... перевоспитать того, кто своим примером приводит общество к непоправимым ошибкам».

Вести об этих словах Председателя дошли до Бэйдайхэ лишь 6 сентября — через три недели после того, как Мао начал свою поездку. Такая медлительность свидетельствовала о крайне незначительном числе сторонников, на которых Линь Бяо мог бы рассчитывать в провинциях.

События последующих шести дней со всеми основаниями можно назвать сюрреалистическими.

В Бэйдайхэ Линь был занят в основном обсуждением матримониальных планов своих детей. Еще во время «культурной революции» он обратился к Се Фучжи с просьбой подыскать в Пекине или Шанхае симпатичную девушку-студентку, перед которой раскроется перспектива стать супругой Линь Лиго. В императорском Китае девушки знатных фамилий превращались таким образом в наложниц отпрысков Сына Неба. Подчиненные Се Фучжи перебрали несколько сотен кандидаток, но в конечном итоге Линь-младший остановил свой выбор на молоденькой артистке ансамбля танцев НОА. Столь же частая сеть была раскинута и для поисков будущего мужа дочери Линь Бяо, Линь Лихэ. Е Цюнь отвергла

* Выдвинутое против Линь Бяо обвинение в том, что он стремился возглавить государство, заняло главное место в развернувшейся против него позднее кампании. Единственным доказательством стало полученное от У Фасяня под принуждением признание, в основе которого лежали домыслы Е Цюнь. Через несколько лет его сочтут фальсификацией. Вполне вероятно, что Линь, как гласит официальная версия, действительно хотел этого и выдвижением Мао пытался прикрыть собственные амбиции. Однако всем известное отвращение, которое Линь питал к любого рода церемониям, делает эту версию весьма сомнительной. Возможно также, что Мао заподозрил своего преемника в несуществующих намерениях. Наиболее правдоподобным представляется то, что в подобном обвинении Председатель видел более мощное орудие давления на массы, нежели в слишком хитро закрученном доводе, согласно которому министр обороны пытался отправить его в почетное политическое небытие. — *Примеч. авт.*

избранного дочерью жениха, и девушка дважды пыталась уйти из жизни. Сейчас было самое время найти половину и ей.

Поставив крест на политической карьере, министр обороны целиком отдал себя семейным заботам.

В разговорах с отцом Линь Лиго настаивал на немедленных и решительных действиях. Либо Мао будет остановлен силой, либо Линю-старшему придется уехать в Кантон и попытаться создать там новый режим. В случае неудачи можно будет найти прибежище за границей, к примеру, в Советском Союзе. Дочь рекомендовала отцу подыскать себе какой-нибудь почетный пост, подобно тому, как это сделал Чжу Дэ.

К обсуждаемому вопросу министр обороны проявлял удивительное равнодушие, складывалось впечатление, что он пришел к выводу: они неизбежно окажутся в тупике.

В среду 8 сентября он согласился написать своим сторонникам записку, где призвал их действовать «в соответствии с приказами Лиго и Юйчи». Чжоу Юйчи был коллегой его сына из Главного штаба ВВС. На большее у Линь Бяо не хватило решимости.

Предыдущий день Линь Лиго вместе с друзьями посвятил разработке плана физического устранения Мао. Сошлись в одном: самые большие шансы на удачу будут в случае нападения на специальный поезд Председателя.

Рассматривались и другие варианты, в большинстве своем настолько по-мальчишески наивные, что могли бы показаться почерпнутыми из книжки с комиксами: в ход шли огнеметы и зенитные пулеметы; намечался взрыв двигавшейся по соседней колее цистерны с бензином; в салон Председателя с крыши должны были проникнуть вооруженные автоматическими пистолетами убийцы. Благодарение Господу, что конспираторы не только не попытались воплотить хотя бы один из своих прожектов, они не утруждали себя даже сколь-нибудь серьезной подготовкой.

Вне зависимости от поверхностных впечатлений никаких идей заговора Линь Бяо не вынашивал. Этим был занят Мао.

В среду вечером Председатель получил сообщение о загадочной деятельности в Главном штабе ВВС. Подразделение личной охраны Мао приняло меры повышенной предосторожности. Изменились планы поездки, и из Ханчжоу вождь направился в Шанхай. Вместо того чтобы провести там несколько дней, в субботу утром Мао провел краткую беседу с командующим Нанкинским военным округом Сюй Шию и тут же уехал в Пекин. Ближе к вечеру воскресенья поезд прибыл на станцию Фэнтай, расположен-

ную в южном предместье столицы. Здесь Председатель в течение двух часов разговаривал с командующим Пекинским военным округом Ли Дэшэном — речь шла о тех же вопросах, что обсуждались с руководством провинций.

Пока Мао находился в Фэнтае, Линь Бяо и с красными от слез глазами Е Цюнь принимали в Бэйдайхэ немногочисленных гостей, приглашенных по случаю помолвки их дочери.

Узнав о неожиданном возвращении Председателя, Линь Лиго в панике собрал друзей на совещание. Выход один: отец должен срочно перебраться в Кантон. Звонком в Главный штаб ВВС Линь-младший приказал немедленно выслать в Бэйдайхэ самолет. «Трайдент» приземлился в двадцать часов пятнадцать минут — в это время Мао уже подъезжал к Чжуннаньхаю.

Предполагалось, что вечер министр обороны проведет вместе с семьей и ближайшими друзьями за торжественным столом, однако вместо этого Линь Бяо повел жену и сына в дальнюю комнату особняка и закрыл ее дверь на ключ. Насколько Лиго посвятил отца в свои планы, сказать трудно. Может быть, лишь в самых общих чертах. Когда чуть позже Лихэ осознала, что ненавидимая ею мать и брат, которого она любила ничуть не больше, собираются лететь с отцом в неизвестную даль, то первой в голове ее мелькнула мысль о похищении. Девушка очень ошибалась. Линь Бяо знал, что жена и сын действовали чересчур поспешно, как знал и то, что семью его ждет самая незавидная участь. Вечером он все же смог стряхнуть с себя апатию и дал согласие лететь в Кантон. Вряд ли министр разделял оптимизм своего сына относительно нового режима. Скорее всего Кантон должен был стать промежуточной остановкой на пути в Гонконг — в эмиграцию.

В начале одиннадцатого вечера Линь Лихэ, по-прежнему уверенная в том, что отец стал заложником чуждых ему интересов, украдкой выбралась из особняка, чтобы предупредить о готовящемся начальника охраны.

Через полчаса Чжоу Эньлая, проводившего совещание в здании Всекитайского собрания народных представителей, попросили срочно подойти к телефону. Голос в трубке сообщил, что в Бэйдайхэ находится самолет ВВС НОА, который, по словам дочери министра обороны, вот-вот вывезет ее отца в неизвестном направлении, причем, вполне вероятно, сделано это будет против его воли.

Чжоу немедленно связался с У Фасянем и приказал ему запретить взлет.

Узнав об этом, Линь Бяо понял, что игра окончена. Он принял решение направиться к ближайшей границе — то есть

на север, в СССР*. Чтобы рассеять все подозрения, Е Цюнь звонком сообщила Премьеру о намерении семьи вылететь на следующий день в Далянь. В полночь бронированный лимузин министра обороны пронесся мимо поста охраны и направился на аэродром. На огромной скорости из машины выпрыгнул один из секретарей Линь Бяо.

Невзирая на приказ Чжоу Эньлая, баки «трайдента» наполовину заполнили горючим. Линь Бяо, Е Цюнь, Лиго, один из его сослуживцев и шофер лимузина поднялись на борт, и в половину первого ночи понедельника, 13 сентября, самолет с погашенными бортовыми огнями поднялся в воздух с погруженного в полный мрак аэродрома.

Чжоу отдал приказ запретить на двое суток перемещение всех воздушных средств над территорией страны и отправился на доклад к Мао.

В то время пока он находился у Председателя, У Фасянь по телефону сообщил, что «трайдент» взял курс на Монголию, и поинтересовался, не должны ли зенитчики сбить его. Ответ Мао прозвучал с философской рассудительностью: «Тучи рождают дождь, вдовы находят новых мужей, этого уже не изменишь. Пусть летят».

В ноль часов пятьдесят минут самолет покинул пределы воздушного пространства КНР.

Из соображений безопасности Мао перебрался в зал здания Всекитайского собрания народных представителей, где вызванные в три часа ночи члены Политбюро узнали о возвращении Председателя в столицу и бегстве министра обороны.

Через тридцать часов поднятый с постели Чжоу Эньлай прочел срочную шифровку посла КНР в Улан-Баторе. Министерство иностранных дел Республики Монголия, говорилось в послании, выражает официальный протест по поводу нарушения самолетом китайских ВВС воздушной границы страны. Неподалеку от селения Ундур-Хан нарушитель потерял управление и упал на землю. Находившиеся на его борту девять человек погибли.

Работавшая на месте падения следственная комиссия обнаружила, что после того как горючее в баках «трайдента» полностью выгоре-

---

* Впоследствии это дало Мао возможность заявить, что Линь Бяо пытался таким образом помешать улучшению отношений с США. Никаких свидетельств тому не существует. Несколько публичных выступлений министра обороны на эту тему выдержаны в строго официальном духе. Внешняя политика абсолютно не интересовала Линь Бяо, всегда оставаясь сферой деятельности исключительно самого Мао и Чжоу Эньлая. — *Примеч. авт.*

ло, самолет пошел на снижение и в момент посадки на неровную поверхность степи загорелся. Опознанные судебно-медицинскими экспертами КГБ тела погибших были захоронены неподалеку.

Из всех лидеров партии, прошедших за годы правления Мао через множественные «чистки», оказать сопротивление попробовал только Линь Бяо. Пэн Дэхуай и Лю Шаоци покорно склонили головы, до последней минуты сохранив в душе беззаветную преданность делу КПК. Ни один из них не пытался ни защитить себя, ни ответить ударом на удар. Даже Гао Ган, заявивший своим самоубийством своеобразный протест, все же признал сначала свою вину.

Линь Бяо оказался другим. В конечном итоге единственным оставшимся в его распоряжении средством защиты стало то, что Мао называл «последней и лучшей из тридцати шести стратагем», изложенных философом древности Суньцзы в его знаменитом «Трактате о военном искусстве», — бегство. Но этим он не унизил себя. В последний момент он пошел наперекор воле Председателя.

Мао почувствовал себя совершенно разбитым.

Его личный врач, присутствовавший в тот момент, когда Чжоу принес весть о бегстве министра обороны, много лет спустя вспоминал, какой болью исказилось лицо Председателя. Когда первый кризис миновал и четверо злосчастных сторонников Линя — генералы У Фасянь, Ли Цзопэн, Цю Хуэйцзо и Хуан Юншэн — были взяты под арест, Мао надолго слег в постель. Он провел в ней около двух месяцев, страдая от высокого давления и инфекции в легких. Как обычно, причины болезни крылись в состоянии его души. Но на этот раз до конца Председатель так и не оправился. В ноябре, когда он появился на встрече с руководителем Северного Вьетнама Фам Ван Донгом, жители страны были поражены тем, как постарело лицо смотревшего на них с экранов телевизоров Мао. Плечи его поникли, походка стала старчески неуверенной, шаткой.

В январе 1972 года умер Чэнь И. За два часа до начала похорон Мао внезапно решил, что должен на них присутствовать, несмотря на увещевания помощников, обеспокоенных близкой к нулю температурой, которая может только навредить его и без того хрупкому здоровью. Они оказались правы. Простояв на ногах всю церемонию прощания, Председатель едва двигался.

Впоследствии ходило немало слухов о том, что в январе у него случился инфаркт. На самом деле перегруженное сердце страдало от гипертонии, периодически обострявшейся из-за постоянных отказов Мао довериться опытным кардиологам. И все

же главная причина нездоровья крылась в политике. Уже в августе или начале сентября, будучи готовым к конфронтации с Линь Бяо, Председатель еще не определил, каким образом окончательно решить возникшую проблему. Понизить его статус в Политбюро, подвергнуть резкой критике, но оставить все же у руководства, подобно тому, как поступили с Пэн Дэхуаем в 1959 году? Либо выбросить вон? Если продумать все детали, это тоже выход, но самый крайний: он произведет тягостное впечатление на массы. Осмелившись бежать, Линь перехватил у Председателя инициативу.

Легшее на плечи Мао бремя чуть облегчилось, когда он узнал о деятельности, развернутой сыном ослушника.

Хотя Председатель шестым чувством угадывал угрозу его личной безопасности и даже принимал соответствующие меры, детали замысла, разработанного молодым офицером ВВС, стали ему известны лишь после закончившегося трагедией бегства. Незрелый и детский по сути заговор дал Мао возможность разоблачить в министре обороны изменника, ставившего своей целью государственный переворот.

Эта версия и прозвучала в середине октября на совещаниях с партийными работниками, а чуть позже — на встречах с населением.

Но озвучить ее оказалось не так просто. Многострадальный народ мог с недоверием воспринять весть о том, что еще один ближайший соратник вождя оказался подлым предателем. Куда подевались гениальные провидческие способности Председателя, если врагами один за другим оказывались Лю Шаоци («подонок и ренегат»), Чэнь Бода («шарлатан от марксизма») и Линь Бяо («контрреволюционер и карьерист»), на протяжении десятков лет стоявшие плечом к плечу с Мао? «Сто цветов» и кампания по борьбе с «правыми» напрочь вытравили из китайской интеллигенции веру в «самого-самого-самого». Хаос и террор «культурной революции» уничтожили понятия справедливости и чести не только в рядах партии, но и в умах десятков миллионов простых граждан. Дело Линь Бяо стало последней каплей. Общество захлестнула волна глубокого цинизма. Идею Мао о новом и светлом мире не отвергла лишь молодежь — далеко не вся! — и те, кто на бесконечных «революционных» потрясениях имел возможность греть руки.

Нездоровье и очередной политический провал привели Мао в состояние, близкое к полному отчаянию. Впервые после осени 1945 года, когда Сталин пошел на предательский сговор с Чан Кайши, у Председателя опустились руки. В январе 1972 года Мао сказал потрясенному Чжоу Эньлаю, которого поставил руководить повседневной работой ЦК, что заниматься делами он уже

не в состоянии — пусть Чжоу берет все на себя. Из депрессии 1945-го его вывел американец Гарри Трумэн, направивший миссию Маршалла для посредничества в прекращении гражданской войны. Сейчас извлечь Мао из новой «черной дыры» предстояло тоже американцу. Забыть о судьбе Линь Бяо заставило Председателя невероятное, немыслимое: после двадцати лет исступленной вражды президент Соединенных Штатов Америки Ричард Никсон готовился нанести первый официальный визит в Пекин.

Бои на Даманском и последовавшее за ними резкое обострение отношений между Пекином и Москвой не могли не привлечь внимания Белого дома. Еще задолго до этого отдельные политики в США начали вслух рассуждать о необходимости поисков более взвешенного подхода к Срединному Царству. Примерно за год до визита Никсон написал фразу, которую повторил затем в своей инаугурационной речи: «Пора помочь Китаю вырваться из тисков озлобленной изоляции». В кулуарах Госдепартамента велись разговоры о возможности построения «дипломатического треугольника». Однако до того момента, когда пограничный конфликт поставил Китай и Советский Союз едва ли не на грань войны, никто не представлял, как можно будет свести три стороны в единое целое.

Первые робкие сигналы прозвучали в июле 1972 года. США пересмотрели запрет на поездки своих граждан в Китай. Тремя днями позже Пекин освободил двух американских яхтсменов, задержанных в территориальных водах Китая. В августе госсекретарь Уильям Роджерс публично объявил, что правительство страны рассматривает возможность «открытия каналов связи». Через посредничество Румынии и Пакистана в Пекин доставили и личные послания руководителя внешнеполитического ведомства. В октябре, когда напряженность в китайско-советских отношениях несколько ослабла, Никсон сделал более значимый жест: Пекину дали понять, что корабли ВМФ США, патрулировавшие по окончании Корейской войны Тайваньский пролив, будут отозваны домой.

Так начиналось то, что Генри Киссинджер называл «замысловатым меню этом». Каждое новое па приближало его к тому, чтобы почти двумя годами позже стать первым после 1949 года в США официальным лицом, которое посетит Пекин.

Временами танцевальное действо превращалось в фарс: когда Уолтер Стессел, посол США в Варшаве, подошел на приеме к своему китайскому визави, чтобы сказать несколько слов, то с изумлением увидел, как его несостоявшийся собеседник опроме-

тью бросился вниз по лестнице, спасаясь от несанкционированного контакта. Временами оно сменялось трагедией: американский бизнесмен, проведший пятнадцать лет в китайских тюрьмах по обвинению в шпионаже, покончил с собой за несколько дней до готовившегося жеста доброй воли — освобождения. Были и паузы: в 1970 году из-за войны в Камбодже на шесть месяцев прекратились всякие контакты. Случались недоразумения: в том же году в день национального праздника КНР Чжоу Эньлай подвел на Тяньаньмэнь Эдгара Сноу и его супругу к Председателю, чтобы сделать памятный снимок. Подобной чести не удостаивался тогда еще ни один иностранец. «К сожалению, — признавался Г. Киссинджер, — фразы, которыми они обменялись, звучали настолько туманно, что наши грубые западные мозги ничего не поняли». А Мао просто дал понять: диалог с Америкой будет пользоваться его личной поддержкой.

Своеобычная манера речи подвела Мао и во второй раз. Беседуя с Эдгаром Сноу в декабре, он вспомнил высказанное Никсоном за пару месяцев до этого замечание: «Главное, что мне хотелось бы успеть сделать до смерти, это побывать в Китае». Председатель ответил на него Сноу так: «Я буду рад пообщаться с ним — не имеет значения, будь он туристом или президентом». Позже Сноу вручили копию официальной записи их беседы, причем попросили подождать с ее публикацией. Мао предполагал, что копия будет передана в Белый дом, но Сноу этого не сделал, и слова Председателя остались неуслышанными.

Однако весной Мао сделал столь недвусмысленный жест, что даже недалекие американцы оказались в состоянии его разгадать.

В марте 1971 года китайская команда по настольному теннису приняла участие в проходящем в Нагое чемпионате мира. Впервые за долгие годы спортсмены страны выехали за рубеж. 4 апреля один из американских теннисистов, девятнадцатилетний житель Калифорнии, мимоходом бросил своему китайскому сопернику, что с удовольствием побывал бы в Пекине. Через два дня о его желании стало известно Чжоу Эньлаю, а двенадцатью часами позже о нем узнал и Мао. Председатель и Премьер решили оставить все как есть, однако ночью, уже приняв снотворное и почти засыпая, Мао вызвал к себе медсестру и приказал ей позвонить в МИД: пусть немедленно вышлют приглашение всей команде.

Волна «пинг-понговой» дипломатии, подобно урагану, охватила весь мир.

Пекин встретил американских теннисистов с редкостным радушием. В здании Всекитайского собрания народ-

ных представителей их приветствует Премьер Госсовета. Чжоу громко заявил о том, что приезд спортсменов «открывает новую главу в истории отношений двух стран» и свидетельствует о «возобновлении нашей дружбы».

Через три месяца приехал Генри Киссинджер. Его визит проходил в тайне — в ход идет отговорка о полученном в Пакистане расстройстве желудка. По возвращении госсекретаря в Вашингтон Ричард Никсон с воодушевлением сообщил миллионам телезрителей о начавшемся диалоге и своем намерении посетить КНР не позднее весны следующего года. Для обсуждения деталей поездки президента Киссинджер вернулся в Пекин в октябре, и на этот раз китайская пресса была к нему необычайно благожелательна. Были согласованы основные положения Шанхайского коммюнике, которое станет вершиной президентского визита и определит главное содержание китайско-американских отношений до конца века.

Во время первого визита Киссинджера мысли Мао были заняты проблемой Линь Бяо, когда же госсекретарь приехал во второй раз, Председатель оказался прикованным к постели физической немощью и неврастенией. Но, несмотря на это, он нашел силы сделать едкое замечание о том, что стороны в ходе переговоров должны «избежать светских банальностей, не быть примитивно грубыми или до отвращения слащавыми».

Различия во взглядах коммюнике констатировало с той «прямотой и подчас жесткостью», которые лишь подчеркивали общность интересов двух стран в вопросе «противодействия советскому гегемонизму». Лишь проблема Тайваня формулировалась по-прежнему неоднозначно:

«Правительство США признает, что китайцы, проживающие по обеим сторонам Тайваньского пролива, являются гражданами одной страны — Китая, а остров Тайвань представляет собой часть ее территории. Соединенные Штаты не подвергают данный факт никакому сомнению и подтверждают свою заинтересованность в мирном урегулировании тайваньского вопроса силами самих китайцев».

После того как вторая поездка Г. Киссинджера завершилась, Генеральная ассамблея ООН проголосовала за исключение Тайваня из членов международной организации. Его место заняла Китайская Народная Республика.

К январю 1972 года дипломаты завершили работу по подготовке визита президента США.

Но вопрос о главном действующем лице готовящейся драмы остался открытым. Состояние Мао продолжало

ухудшаться, но он по-прежнему отказывался допускать к себе докторов. 1 февраля, за три недели до прибытия Никсона, Председатель неохотно дал согласие — на следующий день потерял сознание, зайдясь в мучительном припадке грудного кашля. На ноги его поставили комплексные инъекции антибиотиков и перспектива лицом к лицу встретиться с «самым уважаемым врагом». Распухшее горло едва позволяло Мао говорить, тело оплыло настолько, что Председателю пришлось сшить новую одежду и обувь. Когда до приезда президента США осталась неделя, помощники начали заново учить Мао садиться, вставать и ходить по комнате: после долгого лежания в постели его мышцы почти атрофировались.

Но вот долгожданный день наступил. Председатель чувствовал себя как на иголках. Держа у уха телефонную трубку, он внимательно выслушивал поминутные доклады о том, как кортеж Никсона движется из аэропорта к городу. Вот машины пронеслись по пустым пекинским улицам, приближаясь к предназначенной для высоких гостей резиденции Дяоюйтай. В день приезда никакой встречи двух руководителей не планировалось, однако Мао выразил желание увидеться с президентом немедленно. По настоянию Чжоу Эньлая Никсон все же получил возможность отдохнуть от перелета и пообедать. Однако сразу после этого кавалькада из черных лимузинов «хунци»* доставила Никсона и Киссинджера в Чжуннаньхай, к изнывающему от нетерпения Мао. Позже в своих мемуарах Киссинджер написал:

«Стены в кабинете Мао... были скрыты за стеллажами с книгами, книги лежали на столе и на полу. Комната больше напоминала келью ученого, чем приемную всемогущего лидера самой большой в мире нации... Ввиду неожиданности нашей встречи никаких особых церемоний не было. Мао просто стоял посредине... В жизни мне не приходилось еще встречать человека, за исключением, пожалуй, Шарля де Голля, от которого исходило бы столь концентрированное ощущение воли. Рядом стояла невысокая женщина, помогавшая ему передвигаться по кабинету. В этой обстановке Мао, безусловно, доминировал — и не благодаря роскоши, которая в большинстве стран придает облик величия их лидерам, но за счет почти осязаемого, всеподавляющего стремления к превосходству».

Впечатления Никсона оказались более приземленными, но и он был поражен тем, что, по словам Киссинджера, представляло «встречу с самой историей».

---

* Наши «ЗиЛы» — «членовозы» китайского производства. — *Примеч. ред.*

Обеими руками Председатель легко сжал ладонь президента США и простоял так около минуты.

Один возглавлял цитадель международного империализма, за которой стояла самая развитая экономика и наиболее мощные вооруженные силы в мире; другой являлся полубогом для восьмисотмиллионного населения коммунистической державы, вся идеология которой заключалась в призыве покончить с господством капитализма.

Помещенная на следующий день в «Жэньминь жибао» фотография оповестила Китай и мир в целом о том, что в глобальном балансе сил произошли коренные перемены.

Первая беседа продолжалась около часа, намного дольше, чем предполагалось сдержанным протоколом знакомства. Мао едва не напугал Никсона, заявив, что предпочитает иметь дело с лидерами, придерживающимися правых взглядов, — они «более предсказуемы». Президент обратил внимание своего собеседника на то, что основная угроза обеим странам исходит не друг от друга, а от Советского Союза. Тонкий дипломат Киссинджер был поражен обманчиво небрежной манерой Мао вести разговор, в котором казавшиеся легкомысленными фразы «передавали смысл, стороной обходя всякую конкретику... и напоминали чередование теней на освещенной солнцем стене». Обеспокоенный состоянием Председателя, Чжоу сообщил Никсону, что хозяин кабинета еще не успел оправиться от бронхита, а после того как президент заметил, что Чжоу бросает выразительные взгляды на часы, высокие гости откланялись.

Все остальное оказалось намного проще; напряжение спало. Никсон и Чжоу приступили к трудоемкой закладке фундамента новых отношений. Верный тон был уже найден.

Визит президента США стал для Мао личным триумфом. За ним вскоре последовали и другие: приезд Какуэя Танаки закончился установлением дипломатических отношений с Японией, чуть позже состоялась встреча с премьер-министром Великобритании Эдвардом Хитом. Однако по значимости ничто уже для Председателя КНР не сравнится с моментом, когда прибывший в Запретный город лидер западного мира поделился с ним своей озабоченностью политикой общего врага. В 1949 году Мао настаивал, что Китаю незачем торопиться устанавливать какие-либо связи с державами Европы и Америки, что прежде всего необходимо «навести порядок дома», а потом только решать, кого и когда можно пригласить в Поднебесную. В годы, когда Запад стремился изолировать «красный» Китай, Председатель

сознавал: его слова являются не более чем попыткой «сохранить лицо». Теперь же руководитель самой могущественной страны мира приехал в Пекин, чтобы с позиции равных вести разговор о сотрудничестве. Китай действительно поднялся с колен и выпрямился во весь рост. Гордость, которую испытывал Мао, абсолютно законна.

Но в каждой бочке меда своя ложка дегтя.

В статье, написанной за год до избрания его президентом, Никсон отмечал, что Америка должна начать вести дела с Китаем «как с великой и движущейся по пути прогресса нацией, не как с эпицентром мировой революции». Это и произошло. Открывая двери страны для США, Мао следовал геополитической необходимости создания общего фронта противодействия экспансионистским устремлениям Советского Союза. Однако за это приходилось платить. Председатель был вынужден расстаться с мечтой о красном Срединном Царстве, источнике надежд и вдохновения революционеров всего мира. На смену ей приходила взвешенная, расчетливая политика баланса сил, целью которой являлась не революция, а выживание.

И в беседе с Никсоном Председатель признал это: «Слова подобных мне людей звучат, наверное, как орудийные залпы. Вот, например, «люди мира должны объединиться и повергнуть империализм в прах...» — Мао и Чжоу громко рассмеялись.

В объяснение таких заявлений он мог бы, как обычно, сказать, что условием развития общества является борьба противоречий, а продвижение вперед невозможно без отхода назад. Нынешняя позиция китайского руководства и означала этот отход. Ставшая в 60-х годах излюбленной для Мао идея о том, что Китай силой своего примера поднимет пламя революционных преобразований во всем мире, оказалась несостоятельной.

Крах планов передачи власти и принесение коммунистических идеалов в жертву геополитическим интересам были не единственной брешью в политике «культурной революции».

Осенью 1971 года во время поездки по провинциям Мао неоднократно сетовал на то, что подвергшиеся несправедливым «чисткам» ветераны партии до сих пор не реабилитированы. В ноябре, после гибели министра обороны, Председатель объявил «ошибкой» расправу над маршалами и другими участниками движения «февральского обратного потока»: они всего лишь пытались «оказать сопротивление Линь Бяо и Чэнь Бода». Во время состоявшихся в январе 1972 года похорон Чэнь И Мао еще раз дал понять, что к нападкам на старую гвардию он не имел никакого отношения.

Вдохновленный наметившимися сдвигами, Чжоу Эньлай с головой ушел в перестройку системы управления и восстановление промышленного производства. Сейчас его позиции значительно усилились: из пяти членов Постоянного Комитета Политбюро выбыли трое — Линь Бяо, Чэнь Бода и Кан Шэн, у которого врачи обнаружили рак. Даже оставив в стороне призыв прикованного к постели Председателя занять его место, можно с уверенностью говорить о том, что ситуация все больше складывалась в пользу Чжоу. Смерть Линь Бяо дала Цзян Цин и радикалам возможность вновь перейти в наступление. Визит Никсона и членство в ООН доказали: политический прагматизм начал приносить результаты. Прозвучавшее в мае заключение медиков о том, что у Премьера тоже развивается рак, только прибавило Чжоу решительности. Он осознал: сейчас предоставляется последний шанс оставить свой след в мучительном процессе преобразования страны, указать обществу путь к спокойному, сбалансированному развитию и лучшей жизни.

Стратегия Премьера сводилась к тому, чтобы, используя кампанию против Линь Бяо, официально названную «критикой ревизионизма и движением за исправление стиля», начать атаку на крайне левацкие взгляды. В апреле «Жэньминь жибао» заявила о том, что «ветераны, представляющие собой неоценимый золотой фонд партии», должны быть реабилитированы и поставлены «руководить самыми ответственными участками нашей работы». На страницах газет вновь начало появляться имя виднейшего экономиста Чэнь Юня (под предлогом слабого здоровья благоразумно отказавшегося от лестных предложений занять тот или иной высокий пост). Возрос общественный спрос на высокопрофессиональные знания. Пекинское радио вело ежедневную трансляцию уроков английского языка. Впервые после 1966 года группа китайских студентов выехала на обучение за границу. Резкой критике за «левацкие» методы работы Чжоу Эньлай подверг министерство иностранных дел: «Если не остановить «левачество» сейчас, в ближайшее время мы столкнемся с засильем «праваков».

И все же Мао явно не стремился обеспечить Премьера широкой поддержкой общества. Прагматизм во внешней политике — это одно дело, отказ от достижений «культурной революции» — совсем другое. В ноябре 1972 года Председатель пришел к заключению, что маятник отклонился слишком далеко.

Несколькими днями раньше «Жэньминь жибао» опубликовала подборку статей, гневно клеймивших последователей анархизма. Их тематика знакома: репрессии против вете-

ранов, подрыв руководящей роли партии, разгул хаоса. Вина за все это возлагалась на «леваков». Фактически содержание статей ставило под вопрос цели и идеалы «культурной революции». 17 декабря Мао объявил, что ошибки Линь Бяо, «левацкие» по форме, являлись «правацкими по существу». Министр обороны был «ультраправым праваком», заговорщиком и изменником, поэтому критика «левых» — мысль «далеко не лучшая» в сложившихся условиях.

Через два дня Чжоу показал, из какого материала он сделан.

Он отрекся от сделанных ранее заявлений, эхом повторил слова Председателя и бросил поддержавших его сотрудников «Жэньминь жибао» на съедение волкам.

Начавшаяся кампания «критики ревизионизма» резко изменила направление. Если Премьер пытался пересмотреть саму суть политики «культурной революции», то радикалы всю вину за ее плачевные результаты возложили на Линь Бяо.

О новом курсе страна узнала в первый день нового года из передовой статьи «Жэньминь жибао», где «культурная революция» была названа «необходимой и весьма своевременной для укрепления диктатуры пролетариата, строительства социализма и борьбы с возрождавшимся капитализмом».

Однако разворот на сто восемьдесят градусов в планы Председателя не входил.

Маятник и в самом деле мог отклониться слишком далеко. Но должен ли он в обратном движении отклониться на столько же? Последние четыре года жизни Мао был одержим идеей сохранения неустойчивого равновесия между действиями оголтелых радикалов и очевидным стремлением общества к более предсказуемому и спокойному будущему.

Самым ярким свидетельством подспудно вызревавшего конфликта стал вопрос о том, кому передать власть.

В 1972 году, размышляя о предательстве Линь Бяо, Председатель мысленно перебрал все немногие варианты. Чжоу Эньлай слишком стар, слишком умерен и, в конце концов, слишком слаб — не говоря уже о его склонности к панике. Цзян Цин — убежденный радикал, и Мао прекрасно известно, что общество ее ненавидит, она отличается непомерной жаждой власти, высокомерием, тщеславием и абсолютной некомпетентностью. Яо Вэньюань может быть великолепным пропагандистом, однако управлять людьми у него получается ничуть не лучше, чем у Чэнь Бода. Среди других относительно молодых членов Политбюро более или менее сносным кандидатом оставался лишь Чжан Чуньцяо. Ему

пятьдесят один год, его преданность делу «культурной революции» не вызывала сомнений; он обладает задатками настоящего лидера. Как-то раз Мао заявил, что Чжан вполне достоин занять освобожденное Линь Бяо место преемника.

И все же не на нем остановил Председатель свой выбор.

В сентябре 1972 года Мао вызвал из Шанхая одного из заместителей Чжана — Ван Хунвэня, чей «Главный штаб рабочих» шестью годами ранее осуществил первый в ходе «культурной революции» захват власти.

Член ЦК КПК Ван Хунвэнь был высоким, хорошо сложенным мужчиной, к тридцати одному году не растратившим еще юношеской пылкости. Он появился на свет в бедной крестьянской семье, принимал участие в Корейской войне, после чего партия направила его на текстильную фабрику. В глазах Мао Ван Хунвэнь являлся воплощением чистоты социального происхождения: крестьянин, солдат и рабочий. Причины, по которой его вызвали в столицу, Ван не знал и был поражен интересом Председателя к его жизни и взглядам. Ответы молодого партийного работника, видимо, пришлись вождю по вкусу, поскольку Мао заставил Вана заняться трудами Маркса, Энгельса и Ленина. Обладая довольно скудным образованием, тот оказался перед сложной и на редкость нудной задачей. Изматывающим образом действовал на Вана и привычный Председателю ночной образ жизни; в телефонных разговорах с шанхайскими друзьями он жаловался на невыносимую скуку столичной жизни. Тем не менее в конце декабря, через двое суток после семьдесят девятого дня рождения Мао, на заседании парткома Пекинского военного округа Чжоу Эньлай и Е Цзяньин представили Ван Хунвэня командному составу НОА как «молодого человека, которого рекомендует сам Председатель». Чжоу подчеркнул, что именно таких людей Председатель намерен выдвигать на руководящие посты в ЦК и его Военный совет.

Со стороны Мао это явилось не просто капризом. Статус, которым обладали Лю Шаоци и Линь Бяо, вел за собой всю партию. У Чжан Чуньцяо его не было. Фракционная борьба и преданность Цзян Цин поглотили его настолько, что Чжан оказался неспособным руководить партийными массами и установить прочный контакт с лидерами более умеренных взглядов.

Ван Хунвэнь представлял собой «темную лошадку», человека со стороны, никак не связанного с грызней различных политических группировок.

В марте 1973 года началось его вхождение во власть: по личному указанию Мао Ван постоянно присутствовал на за-

седаниях Политбюро. То же самое делали и другие неофиты: Хуа Гофэн и У Дэ. Впервые Хуа Гофэн обратил на себя внимание Председателя еще в 1950 году, будучи первым секретарем парткома его родного уезда Сянтань. По окончании «культурной революции» Хуа возглавил партийный комитет провинции Хунань, а после смерти Се Фучжи заменил его на посту министра общественной безопасности и переехал в Пекин. У Дэ стал первым секретарем столичного горкома. Оба были значительно старше Ван Хунвэня: Хуа Гофэну пятьдесят один год, У Дэ — шестьдесят. Оба, подобно более молодому коллеге, придерживались самых радикальных взглядов и были в состоянии обеспечить себе поддержку всех расколотых разногласиями фракций. В них Мао видел запасных игроков — на тот случай, если избранная им стратегия окажется безрезультатной.

В сложном мозаичном полотне, созданном политической волей Председателя, не хватало последнего кусочка.

12 апреля в здании Всекитайского собрания народных представителей на банкете в честь руководителя Камбоджи принца Нородома Сианука появился низенький круглоголовый человек с седеющими волосами. У него уверенная, полная сдержанного достоинства манера держаться. Дэн Сяопин, «второй по рангу в партии человек, желавший идти капиталистическим путем», месяцем раньше без всякого шума был реабилитирован и уже работал на посту заместителя Премьера Госсовета.

Шестидесятидевятилетний Дэн едва не вдвое старше Ван Хунвэня. Его возврат был ускорен отчасти необходимостью подыскать замену терявшему силы в борьбе с раком Чжоу, отчасти личным обращением на имя Председателя, в котором автор сравнивал «культурную революцию» с «огромным зеркалом, отразившим таких монстров и предателей, как Линь Бяо и Чэнь Бода». Как бы между делом Дэн вставил в письмо фразу о том, что с удовольствием вернулся бы к работе на благо партии. Однако главным доводом в пользу извлечения бывшего «каппутиста» из небытия стало для Мао осознание простого факта: без мощной поддержки Ван Хунвэнь не сможет удержать идущую ему в руки власть. По замыслу Председателя эти двое должны были работать вместе: Ван возглавит партию, Дэн — правительство. Лет через десять или пятнадцать, когда первый наберется необходимых знаний и опыта, он поведет за собой страну уже самостоятельно. Авторитет Дэна позволял держать в подчинении армию, к чему Ван Хунвэнь был пока еще не способен. Дэн умел заставить механизм государственной машины работать четко и без перебоев, Ван — нет. Если

только Мао успеет передать до своей смерти Вану все полномочия лидера партии, то молодость нового преемника и его безусловная преданность высоким идеям «культурной революции» послужат надежной гарантией того, что созданное Председателем идеологическое наследие не окажется забытым.

Ни на минуту не забывая об этом, Мао привел Ван Хунвэня в огромный зал здания Всекитайского собрания народных представителей, где в обстановке строжайшей секретности с 23 по 27 августа 1973 года работал 10-й съезд КПК. Ван возглавил комиссию по выборам руководящих органов партии, его заместителями являлись Чжоу Эньлай и Цзян Цин. Он зачитал делегатам новый устав КПК, а в последний день работы съезда стал, ко всеобщему изумлению, заместителем Председателя партии и третьим, после Мао и Чжоу Эньлая, человеком в Политбюро.

Дэн Сяопин возвратился лишь в Центральный Комитет: Мао явно не хотел, чтобы он отвлекал на себя внимание, предназначенное Вану. Дэн не в обиде — его время еще придет.

Съезд предпринял конкретные шаги к реализации мечты Мао привести после его смерти к управлению страной смешанную команду радикалов и ветеранов. В Политбюро и его Постоянном Комитете сложился примерный баланс сил между группировкой Цзян Цин и «старой гвардией», во главе которой стояли Чжоу Эньлай и Е Цзяньин. Подобно Дэну, членами ЦК стали находившиеся прежде в опале многие видные деятели партии: Тань Чжэньлинь, Уланьфу, Ван Цзясян и другие.

Для того чтобы посмотреть, как Дэн и Ван будут работать вместе, осенью Мао послал обоих в поездку по провинциям. По возвращении Дэн с обычной для него прямотой сказал Председателю, что в стране существует риск возрождения милитаризма: из двадцати девяти провинциальных парткомов работой двадцати двух руководят находящиеся на действительной военной службе офицеры НОА.

Но Мао и сам пришел к такому же выводу. В декабре 1973 года он отдал команду поменять местами командующих всех восьми военных округов. На заседаниях Политбюро и Военного совета ЦК Председатель объяснил, что необходимо более четко определить круг обязанностей для командиров и для политработников. Дэн Сяопин, которого Мао назвал «человеком редких дарований», отныне присутствовал на совещаниях как военного, так и политического руководства армии. Помимо этого, он же взял на себя и обязанности начальника Генерального штаба НОА.

В апреле 1974 года Дэн во главе официальной делегации КНР отправился в Нью-Йорк для участия в Генеральной

ассамблее ООН. Там он представил международному сообществу новые взгляды Председателя на глобальное соотношение сил: его концепцию «трех миров». Согласно ей, к «первому миру» относятся две сверхдержавы: США и Советский Союз. Другие развитые в экономическом отношении государства, как капиталистические, так и социалистические, составляют «второй мир». В «третий» же входят развивающиеся страны.

Двумя месяцами позже, когда уже совсем тяжело больного Чжоу Эньлая надолго поместили в онкологическую клинику, Мао поручил Ван Хунвэню заниматься вопросами повседневной деятельности Политбюро, а Дэн Сяопин возглавил работу правительства.

В июне 1974 года политический тандем, на который Председатель возлагал столько надежд, приступил к работе. Союз двух деятелей был неустойчив и зыбок. Дэн так и не стал членом Политбюро, звезда Ван Хунвэня взошла исключительно благодаря Мао. И все же установилось пусть хрупкое, но согласие, которое требовалось Мао для осуществления дважды потерпевших крах планов передачи власти.

Карточный домик в третий раз оказался возведенным на песке.

Фатальная брешь в логике умозаключений Председателя была пробита столь присущими ему колебаниями между крайним радикализмом и до обыденности скучным здравым смыслом. Пока все бразды правления находились в его руках, как было в 1973–1974 годах, соперничающие группировки в руководстве, отражавшие суть этого мировоззренческого конфликта, еще как-то уживались друг с другом. Но когда силы начали уходить, физическая слабость уже не давала Мао возможности в полную меру использовать свой авторитет. Фракции радикалов и умеренных со все большей очевидностью превратились в смертельных врагов.

Вместо того чтобы возвыситься над схваткой, как рассчитывал Председатель, Дэн Сяопин и Ван Хунвэнь оказались вовлеченными в нее.

Как это часто бывало и в прошлом, выбор поля боя сделал сам Мао. В мае 1973 года на рабочем совещании ЦК он предложил начать кампанию критики умершего две с половиной тысячи лет назад Конфуция. Поводом послужило то, что Линь Лиго неоднократно сравнивал Председателя с Цинь Шихуаном, первым императором династии Цинь, который «сжег все книги и закопал ученых живыми в землю». Его сравнение Мао всегда находил для себя весьма лестным. Однако на сей раз он интерпретиро-

вал метафору таким образом, что Линь Бяо и сын, выступая против Цинь Шихуана, становились тем самым на сторону Конфуция и превозносимой им системы феодального землевладения. Как это часто бывает, суть оказалась несколько сложнее своей видимости. Проводя параллели между Линь Бяо и Конфуцием, Председатель поступил в полном соответствии со старой поговоркой, призывавшей, «указывая на тутовое дерево, поносить иву». Главной мишенью для нового движения должен был стать не Линь Бяо и не Конфуций: эту роль Мао отвел Чжоу Эньлаю.

Напрямую об этом не произносилось ни слова. Но в состоявшейся летом беседе с Чжан Чуньцяо и Ван Хунвэнем, подчеркивая необходимость скорейшего развертывания критики Конфуция, Мао сделал весьма прозрачный намек. Внезапно он завел речь о том, что МИД давно уже не советуется с Председателем по «важнейшим вопросам», а это с неизбежностью ведет к «новой вспышке ревизионизма». Ответственность за работу МИДа лежала на Чжоу. Именно в его стенах Премьер годом ранее призывал к борьбе с «левачеством», и Мао не забыл прозвучавших там слов. Кампанией критики Конфуция Председатель как бы предупреждал Чжоу и других ветеранов: не пытайтесь поставить под вопрос завоевания «культурной революции».

Неожиданный удар подорвал силы и без того больного Премьера. Когда в ноябре 1973 года Г. Киссинджер в шестой раз приехал в Пекин, он нашел Чжоу «необъяснимо сомневающимся в себе самом». Куда-то без следа исчезли его язвительность и остроумие. Во время обсуждения проблемы Тайваня, написал Киссинджер позже, он впервые почувствовал готовность собеседника продолжить нормализацию китайско-американских отношений без условия разрыва существующих связей между Вашингтоном и Тайбэем (на следующий день ее проявил и Мао). Однако что то в их разговоре — китайские протоколы не уточняют, что именно, — насторожило двух присутствовавших на беседе чиновников МИДа, и на следующий день Мао доложили о «неправомочных заявлениях» Премьера. В декабре Председатель решил, что Чжоу должен признать допущенные ошибки. Созвали заседание Политбюро, на котором Цзян Цин обвинила его в предательстве и «безудержном стремлении как можно быстрее занять место товарища Мао Цзэдуна». Ее слова в адрес человека, находившегося в последней стадии рака, звучали полным абсурдом. И тем не менее она призвала развернуть против Премьера такую же борьбу, что велась с Лю Шаоци и Линь Бяо.

Но тут вмешался Мао. В беседе с Чжоу и Ван Хунвэнем он сказал, что единственной личностью, претендующей на пост Председателя, является сама Цзян Цин. Безусловно, отметил он, в некоторых вопросах Чжоу был не прав, однако нет никакой необходимости отстранять его от руководящей работы.

Несмотря на эти заверения, очень скоро всю полноту ответственности за деятельность МИДа Премьер передал Дэн Сяопину, а в стране полным ходом началась кампания «критики Линь Бяо и Конфуция».

Для Председателя ее цели остались неизменными: окончательно разбить «ревизионизм» и отстоять завоевания «культурной революции». Вместе со своими сторонниками Цзян Цин видела в ней удобное средство подорвать позиции Премьера, изолировав тем самым и набиравшего силу Дэн Сяопина: в нем радикалы усматривали основное препятствие на собственном пути к верховной власти.

В результате на общество выплеснулся мутный поток исторических и политических инсинуаций, сопровождаемый мелочными нападками на личность Премьера. Радикалам было необходимо вывести массы из состояния покоя, сделать то же, чего добился Мао своим лозунгом «Бунт — дело правое», семью годами ранее призвавшим под флаги «культурной революции» миллионы хунвейбинов. Действия Цзян Цин оказались настолько эффективными, что, узнав о произошедших в отдельных районах страны вооруженных столкновениях, Председатель был вынужден разослать провинциальным парткомам директиву, запрещавшую создание массовых организаций.

Будучи крайне недовольным попытками радикалов свести кампанию к вульгарной борьбе между фракциями, 20 марта 1974 года Мао направил записку Цзян Цин. Он справедливо считал супругу той скрытой силой, которая приводила в движение весь неспокойный политический механизм:

«Долгие годы я предупреждал тебя относительно ряда моментов, но ты предпочитала пропускать мои слова мимо ушей. Есть ли какой-нибудь смысл в наших встречах?.. Мне восемьдесят лет, я серьезно болен, но тебя это нисколько не волнует. Сейчас ты купаешься в куче всяких привилегий, но что будет с тобой после моей смерти? Подумай об этом...»

Впервые после визита Никсона Председатель пожаловался на состояние здоровья. Он потерял в весе около пятнадцати килограммов, одежда свободно болталась на его усохшем теле. Мао изнуряло малейшее физическое усилие. Во время работы

21 Зак. 1137

10-го съезда КПК кислородные подушки лежали в лимузине, за три минуты доставлявшем Председателя из Чжуннаньхая в здание Всекитайского собрания народных представителей, в расположенный там его личный кабинет; одна была спрятана в трибуне, с которой он выступал. Временами Мао начинал заговариваться. Его голос сел, речь стала настолько неразборчивой, что сейчас Председателя с трудом понимало даже ближайшее окружение.

Киссинджер вспоминал те усилия, с какими давались Мао фразы: «Слова исходили из его уст как бы с величайшей неохотой, они вырывались некими сгустками, каждый из которых требовал накопить сначала достаточно сил, а уж потом выталкивать звуки наружу».

Затем начало быстро сдавать зрение. Врачи обнаружили у Председателя катаракту. К лету 1974 года Мао уже почти ослеп и с трудом различал поднесенный к лицу палец. Проведенная через год операция на правом глазу лишь частично вернула способность видеть.

Недуги делали его все более неподвижным и замкнутым. Тремя годами ранее Мао пригласил к себе в качестве компаньонки интеллигентную, уверенную в себе молодую женщину по имени Чжан Юйфэн, с которой познакомился еще до «культурной революции». В то время Чжан работала проводницей его личного поезда, а теперь стала не только секретарем, но и доверенным лицом Председателя. Она зачитывала доставляемые фельдъегерской службой документы Политбюро, передавала окружающим отданные невнятным голосом Мао распоряжения. Когда он был уже не в состоянии разжевывать твердую пищу, Чжан кормила Председателя с ложечки. Она же помогала ему совершать утренний туалет и принимать ванну.

Однако и в этом полубеспомощном состоянии властный характер Мао ничуть не изменился. Дэн Сяопин и Ван Хунвэнь очень скоро испытали его на себе.

К отвращению и негодованию Председателя, его молодой шанхайский протеже вместо того, чтобы стать независимой и самостоятельной фигурой, по недомыслию (если не с расчетом — принимая во внимание его прошлое) заключил прочный союз с Цзян Цин и другими радикалами.

На состоявшемся 17 июля 1974 года заседании Политбюро Мао еще раз выразил недовольство действиями супруги, которая, по его словам, «представляет не меня, а только саму себя». Он впервые упрекнул Ван Хунвэня в «сколачивании крошечной фракции из четырех человек». Впоследствии ее назовут «бандой четырех».

Сразу после заседания Председатель уехал в Ухань, а оттуда — в Чанша, где провел осень и зиму. К тому времени в

дополнение к прочим напастям — пролежням, инфекции в легких, недостатку кислорода в крови — врачи нашли у Мао болезнь Герига*: редкое и неизлечимое расстройство нервной системы, приводящее к параличу органов дыхания. Медицинский консилиум пришел к выводу, что жить Председателю осталось не более двух лет.

Об их приговоре Мао ничего не было известно. Но ощущение нарастающей слабости ясно давало понять: если у вождя есть дополнительные соображения по вопросу передачи власти, то озвучить их необходимо было как можно быстрее.

Принятое решение ускорило ход дальнейших событий.

4 октября Мао назначил Дэн Сяопина первым заместителем Премьера Госсовета, то есть фактическим преемником Чжоу. Это привело Цзян Цин в ярость, и двумя неделями позже на заседании Политбюро она подвергла проводимую Дэном политику в области внешней торговли таким нападкам, что тому не осталось ничего иного, как выйти из зала. На следующий день Ван Хунвэнь полетел в Чанша, где заявил Председателю, что втайне от членов Политбюро прибыл к нему от имени Цзян Цин, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня, крайне обеспокоенных действиями Дэн Сяопина и Чжоу Эньлая. По мнению четверки, Чжан Чуньцяо куда лучше Дэна справится с обязанностями главы правительства. Чжоу же, искусно притворяясь больным, вступил в сговор с другими ветеранами, и взятый ими курс весьма напоминал ситуацию 1970 года в Лушани.

Лучшего доказательства глупости Ван Хунвэня Председателю не требовалось. Гонец возвратился в Пекин с гневной отповедью и наказом не идти в будущем на поводу у Цзян Цин.

На протяжении последующих двух с половиной месяцев она еще трижды попыталась убедить Мао в том, что Дэн ненадежен и вместо него следует опираться на деятелей с более радикальными взглядами. Однако эти попытки лишь добавили Председателю решимости. Мао пришел к выводу, что Дэн должен также стать его заместителем по партии, возглавить Военный совет ЦК и быть утвержденным на посту начальника Генерального штаба. Цзян Цин в его глазах слишком честолюбива и стремится, заняв место мужа, подмять под себя всю партию. «Не пытайся создать свой закулисный кабинет, — сказал ей Мао. — Уж очень много вражды вокруг тебя». В пику супруге он начал превозносить Дэна как «человека

* Лу Гериг (1903–1941) — американский бейсболист, известный тем, что принял участие в максимальном количестве матчей без единого перерыва. Страдал нервным расстройством и умер от паралича гортани. — *Примеч. пер.*

выдающихся талантов, имеющего к тому же твердые идеологические убеждения».

В первые дни января 1975 года решения Мао утвердил пленум ЦК — последний, работой которого руководил Чжоу Эньлай. Впредь председательствовал на заседаниях высших органов партии и правительства не Чжоу или Ван Хунвэнь, а Дэн Сяопин.

Ван ушел на задний план.

Однако Мао не расстался окончательно с мыслью о создании некоей коалиции. Столь первоначально располагавший к себе радикал из Шанхая в нее не вошел — уж больно он недалек. Не могло идти речи и о Цзян Цин. В ноябрьском послании к Председателю она, решившись заняться самокритикой, написала: «Я довольно бестолкова и не способна реально оценивать складывающуюся объективную ситуацию». Мао был полностью согласен. Человек она, безусловно, преданный, но чересчур властолюбивый, некомпетентный и озлобленный. Как-то раз Мао сильно озадачил Генри Киссинджера, сказав, что Китай — страна бедная, но «чего у нас хватает с избытком, так это женщин». Если у Америки появится вдруг в них нужда, Председатель с радостью окажет услугу, тогда в «Штатах начнется такое, что Белый дом забудет о Пекине». В январе 1975 года Мао уже ничуть не сомневался в том, что любые его планы передачи власти обречены на провал, если в них хоть какое-то участие примет Цзян Цин.

Оставался один Чжан Чуньцяо. Неосознанные колебания заставили Председателя остановить выбор на Ван Хунвэне, но сейчас вновь все менялось. Дэну требовался противовес. Так Чжан Чуньцяо стал вторым заместителем Премьера и начальником Главного политического управления НОА.

Формирование нового правительства и восстановление государственного аппарата*, фактически уничтоженного в ходе «культурной революции», заставило Мао вернуться к вопросам экономики.

Перед Председателем опять возник призрак «ревизионизма». Он привел цитату из Ленина: «Капитализм ежедневно и ежечасно зарождается в недрах мелкотоварного производства». В который раз крестьяне лишились своих земельных наделов, правительство запретило на

* Новая конституция упразднила пост Председателя КНР. Функции главы государства были возложены на Председателя Всекитайского собрания народных представителей, которым с января 1975 года до своей смерти, последовавшей через восемнадцать месяцев, являлся Чжу Дэ. — *Примеч. авт.*

селе рыночную торговлю. Однако основной упор Мао продолжал делать на «единство, стабильность и развитие». С одобрения Председателя Чжоу Эньлай представил ВСНП программу «модернизации сельского хозяйства, промышленности, обороны, научных исследований и технологии, которая должна завершиться до конца столетия и выдвинуть нашу экономику на уровень передовых стран». При поддержке Ли Сяньняня и Е Цзяньина Дэн провел следующие десять месяцев в неустанных усилиях обеспечить воплощение грандиозного плана в жизнь. Цзян Цин и здесь пыталась ставить палки в колеса, но время от времени Мао одергивал ее.

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» постепенно затихла. Чжоу был уже слишком болен, чтобы представлять для радикалов хоть какой-нибудь интерес.

Сознавая это, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань положили начало новому движению борьбы с «эмпиризмом», за которым стояла решимость Дэн Сяопина заниматься в первую очередь насущными проблемами каждодневной жизни, а не тратить силы на прояснение политических и идеологических нюансов. Председатель обвинил обоих в «убогом понимании марксизма-ленинизма» и отметил, что догматизм ничуть не лучше эмпиризма, а «истинное зло — ревизионизм — включает в себя и то и другое».

По возвращении в Пекин 3 мая 1975 года Мао повторил эти слова членам Политбюро, в последний раз председательствуя на его заседании. В присутствии коллег он обвинил радикалов в создании «банды четырех» и сравнил их поведение с действиями своего старого соперника Ван Мина. Присутствующие молча выслушали зловещее предупреждение, впервые прозвучавшее в Лушани перед началом кампании против Чэнь Бода: «Вместо того чтобы тонуть в болоте ревизионизма, займитесь-ка лучше марксизмом; объединяйте свои силы и бойтесь раскола; будьте открытыми, избегайте интриг и заговоров».

Летом политическое везение радикалам изменило.

В конце мая и июне Цзян Цин и трое ее ближайших сподвижников по указанию Мао подвергли себя самокритике перед членами Политбюро. Примерно в это же время Председателю стало известно, что Роксана Уиткс, известная в США феминистка, занимавшаяся исследованиями Китая, готовит к изданию книгу о Цзян Цин. Материалами послужили интервью, тремя годами ранее данные ею без всякого ведома Мао. Новость взбесила его. «Она невежа и ничего не смыслит в делах! — бушевал Председатель. — Немедленно вышвырните ее из Политбюро! Мы разведемся, каждый пойдет своим путем!» Медленно умиравший от рака Кан Шэн понял Мао слишком

буквально и через неделю написал ему письмо, в котором сообщал, что имеются неопровержимые доказательства принадлежности Цзян Цин и Чжан Чуньцяо к гоминьдановской агентуре, оставленной чанкайшистами в Шанхае еще в 30-х годах. Смельчаков доставить это послание адресату не нашлось, и вскоре Кан Шэн ушел в мир иной. Мао до конца своих дней так ничего и не узнал.

Цзян Цин продолжала вести себя так, будто поднятая шумиха не имела к ней отношения. Она сознавала — так же, впрочем, как и сам Мао, — что, кроме нее и группы близких к ней радикалов, у Председателя нет никого, в чьи руки можно было бы передать перед смертью гордое знамя «культурной революции». Проклятия проклятиями, но Цзян Цин по-прежнему была необходима вождю.

В сентябре она и ее последователи предприняли еще одну попытку доказать, что затеянная Дэном модернизация идет вразрез с «пролетарской линией» Председателя. Летом Мао в течение нескольких недель с удовольствием слушал, как Чжан Юйфэн читала ему вслух главы «Речных заводей», повествовавших о приключениях разбойников — «героев Ляншаньбо». Их главарь Сун Цзян ценой предательства своего покровителя Чао Гая получил высочайшее помилование, за что Мао причислил его к «ревизионистам». Значимость книги, по словам Председателя, заключалась в «ярком описании капитулянтского духа ревизионизма».

Такая оценка привела к публикации ряда маловразумительных и якобы научных статей, в которых стремление Дэна восстановить экономический порядок названо капитуляцией перед капитализмом и предательством идеалов «культурной революции». Ситуация достигла полного абсурда, когда месяцем позже на совещании ЦК Цзян Цин объявила: «Сун Цзян просто подставил Чао Гая вместо себя. Есть ли здесь сейчас люди, которые хотят превратить Председателя Мао в такое же подставное лицо? Я уверена — есть!»

На первой странице текста ее выступления Мао своим размашистым почерком напишет: «Дерьмо! Удар мимо цели!» — и запретит его распространение.

Однако и во взглядах Председателя начали происходить пусть медленные, но перемены. Несмотря на весьма презрительное отношение к развернутой радикалами полемике, Мао проявил первые признаки обеспокоенности тем, что Дэн зашел чересчур далеко. Уж слишком большое значение придавал он улучшению условий жизни, временами совсем забывая о классовой борьбе. Племянник вождя Мао Юаньсинь, отвечавший за непосредственную связь Председателя с Политбюро, начал играть на опасениях дяди,

утверждая, что после смерти Мао Дэн намерен полностью отказаться от великого наследия «культурной революции».

В скором времени Дэн и сам уже ощутил явственный политический сквозняк. В октябре 1975 года он обратился к группе высокопоставленных государственных чиновников со словами: «Кое-кто говорит, что мы стоим... за старые порядки. Пусть треплют языками, пожалуйста... Самое худшее, что может случиться, — это очередная смена власти. Не пугайтесь. Если вы проделали хорошую работу, за нее не жалко поплатиться должностью».

Перемены заметило и ближайшее окружение Мао: Председатель сделался беспокойным и раздражительным.

Причиной уже которого по счету кризиса стала мелочь. Мао обратился к Дэн Сяопину с просьбой провести среди членов Политбюро дискуссию по вопросу оценки «культурной революции». По его мнению, результаты на семьдесят процентов состоят из достижений и на тридцать — из ошибок. Дэн благоразумно отказался от поручения: большую часть того славного периода он «отсутствовал». Однако в его отказе Председатель увидел нежелание Дэна связывать себя признанием сколь-нибудь положительной роли «великого и всеочищающего движения масс». Напрямую Мао ни разу не упомянул об этом инциденте, лишь пару дней спустя бросил племяннику: «Среди некоторых товарищей из высшего руководства я замечаю две точки зрения на "культурную революцию", сдержанное недовольство и полное отрицание».

До фразы «каппутисты так и продолжают идти по капиталистическому пути» осталось сделать всего один шаг.

Отвлеченный диспут в университете Цинхуа, где руководителем парткома был ярый приверженец Цзян Цин, послужил для Мао поводом обвинить Дэн Сяопина в поддержке тех, кто, «нападая на политику радикалов в области образования, острие своих ударов направляют в грудь мне». В конце ноября точка зрения Председателя стала известной совещанию Политбюро и Военному совету ЦК, проходившему под руководством недавно занявшего пост министра общественной безопасности Хуа Гофэна, который не примкнул еще ни к одной из двух враждовавших группировок. Мао проинструктировал его передать собравшимся, что «в партии есть люди, негативно относящиеся к «культурной революции»... Они стремятся свести с нею счеты и пересмотреть уже данную ей оценку». Эти слова стали сигналом к еще одной кампании против «правого уклона и попыток отмены принятых справедливых решений». Дэн Сяопин опять впал в немилость.

К концу года в прессе появились осторожные упоминания о новом курсе, Дэна лишили всех его многочисленных полномочий. В очередной раз строившиеся Мао планы передачи власти закончились полным провалом. Ван Хунвэнь оказался изначально неготовым к высокой миссии, получивший свободу действий Дэн доказал свою явную неблагонадежность.

В это время умер Чжоу Эньлай.

Как и многие долго ожидаемые события, его смерть привела к ряду быстрых и глубоких последствий. С точки зрения политики откладывать выбор нового Премьера было более невозможно. В плане эмоциональном скорбь, охватившая нацию, несмотря на разверзшуюся после «культурной революции» бездну цинизма, свидетельствовала не только о личных симпатиях народа, но и о поддержке взглядов, в которых правящая верхушка видела для себя необъяснимую, но явную опасность. После того как 9 января 1976 года радио и телевидение сообщили стране траурную весть, жители Пекина понесли венки и сделанные из белой бумаги цветы к высящемуся в центре Тяньаньмэнь Памятнику народным героям. Двумя днями позже вдоль всего пути следования кортежа к месту кремации выстроились миллионы горожан.

Мао никогда не испытывал к Чжоу Эньлаю особой привязанности. Не очень тронула его и смерть старого соратника. Персоналу Чжуннаньхая не разрешили даже надеть черные нарукавные повязки. Пресса опубликовала весьма сдержанное правительственное сообщение, заводам и фабрикам было рекомендовано воздержаться от проведения траурных митингов.

На состоявшейся 15 января в здании Всекитайского собрания народных представителей церемонии прощания Дэну было дозволено зачитать краткий текст официального некролога. Это оказалось его последним появлением перед публикой. Чувствуя себя слишком слабым, чтобы присутствовать, Мао ограничился посланием венка.

Страна с нетерпением ждала, когда будет произнесено имя нового Премьера. В Китае, как и за рубежом, большинство полагали, что им станет Дэн Сяопин. Радикалы возлагали надежды на Чжан Чуньцяо.

Мао не назвал ни первого, ни второго.

21 января он сообщил Политбюро, что готов поддержать кандидатуру Хуа Гофэна.

Этот шаг был не настолько неожиданным, каким мог показаться даже в то время. В качестве своего возможного преемника Председатель рассматривал Хуа еще весной 1973 года —

на случай, если Ван Хунвэнь не оправдает возлагавшихся на него надежд. Чуть позже Хуа Гофэн стал членом Политбюро, а в январе 1975 года Мао сделал его одним из двенадцати заместителей Премьера. Хуа представлял собой дружелюбного, флегматичного склада человека, способного администратора, обладающего редким для партийных иерархов даром поддерживать нормальные взаимоотношения с коллегами. Поручив ему провести совещание по критике Дэн Сяопина, Мао нашел Хуа удобным и почтительным. Он — нейтрален. В отличие от Ван Хунвэня и Дэн Сяопина Хуа был в состоянии поставить себя выше фракционной борьбы.

Тем не менее действовал Председатель весьма осторожно. Он не спешил. Из сделанного 3 февраля официального сообщения страна узнала лишь о том, что Хуа Гофэн назначен исполнять обязанности Премьера. Первым его заместителем все еще оставался Дэн Сяопин. Хотя набирала силу кампания, обличавшая Дэна как «нераскаявшегося каппутиста», имя его еще не было произнесено. Председатель дал понять, что не считает ветерана партии «антагонистом», что остается возможность исправить «ошибки». В сложное уравнение, выражавшее суть процесса передачи власти, входили и Хуа, и Дэн, и радикалы, однако в начале 1976 года Мао еще не знал, как будут взаимодействовать между собой компоненты.

Весной у Дэна появилось странное ощущение, что все это уже когда-то с ним было. Десятью годами ранее, в еще только разгоравшемся пламени «культурной революции», он оказался в сходной ситуации: числясь членом Постоянного Комитета Политбюро, Дэн стал объектом яростных нападок радикалов, а судьба его находилась в руках непроницаемого и насмешливого Мао. Но теперь появилось весьма существенное различие: в 1966 году полный бодрости и сил Председатель с интересом наблюдал за тем, как страна погружалась в пучину неизвестности. В 1976 году он уже стоял на краю могилы.

Мао сохранял полную ясность разума. Обойтись же без физической помощи он уже не мог: правая сторона тела была частично парализована, почти не повиновался язык.

Посетивший Председателя в январе Р. Никсон позже писал, что «нельзя было без боли смотреть на то, как он с большим трудом издавал почти нечленораздельное мычание». Чжан Юйфэн выучилась читать по губам, однако в отдельные дни не помогало и это. Тогда Мао приходилось выводить карандашом в блокноте каракули, которые его помощница потом старательно расшифровывала. Много лет спустя Чжан Юйфэн поделилась трогательными воспоминаниями о последнем встреченном Мао китайском Новом годе:

«Не было ни гостей, ни родственников. Последний праздник весны Председатель встретил с теми, кто помогал ему просто жить. Поскольку у него уже не работали руки, праздничным ужином я кормила его с ложечки. Было трудно заставить Председателя раскрыть рот и проглотить пищу. Опираясь на меня, он перебрался с постели в кресло, откинул голову и долго сидел, не проронив ни звука... Неожиданно откуда-то издалека донеслись разрывы фейерверков. Низким и хриплым голосом Председатель попросил меня запустить из окна несколько шутих... Когда первая из них взорвалась во дворе, на старом и покрытом морщинами лице появилось слабое подобие улыбки».

Отдавая себе отчет в том, что смерть может настигнуть Председателя в ближайшие месяцы, Дэн Сяопин принял решение держаться до последнего. Если осенью 1966 года ему пришлось униженно признавать несуществующие ошибки, то теперь все нападки обвинителей Дэн встречал с презрительным достоинством. На мартовском заседании Политбюро, которое подвергло старого бойца оскорбительной критике, он демонстративно снял слуховой аппарат и отказался отвечать. Своих обидчиков он просто не слышал.

Выход из тупика прокладывали те, кого Председатель всегда называл «героями, движущими локомотив истории вперед», и чьи надежды и устремления он так часто оставлял без внимания, — простые люди, народ. Это был уже не тот народ, что с восторгом и энтузиазмом приветствовал «культурную революцию». Постоянные призывы к «бунту» и «походу против течения» сделали свое дело: они подорвали ту слепую веру в авторитеты, которая на протяжении тысячелетий являлась неотъемлемой частью национальной психологии.

Во времена умоисступляющих пропагандистских кампаний, бесплодных политических движений и абсолютно нечитаемой прессы Чжоу Эньлай для многих в стране был истинным героем, и не потому, что его авторитета не коснулась грязь громких публичных обвинений. Место в сердцах людей Чжоу обеспечили его личные достоинства. Весной 1976 года по стране ходили возмущенные разговоры об оскорбительной сдержанности, с которой газеты сообщали о церемонии похорон, об удивившей всех непродолжительности официального траура. В конце марта, накануне праздника Цинмин — Дня поминовения усопших, — началось стихийное движение в память ушедшего Премьера. В целях предосторожности радикалы отдали приказ закрыть кладбище, где состоялась кремация, а партийные активисты всячески отговаривали население от проведения каких-либо поминальных ритуалов.

Искру к этому готовому вспыхнуть труту поднесла 25 марта шанхайская «Вэньхуэйбао», опубликовавшая по указке Чжан Чуньцяо статью, где Чжоу тоже причислили к «каппутистам».

В нескольких городах, расположенных в долине Янцзы, прошли шумные демонстрации протеста. Сотни нанкинских студентов обклеивали стены домов дацзыбао с обвинениями в адрес Чжан Чуньцяо. Рядом с ними вешали и другие, в которых авторы превозносили достоинства первой жены Председателя, Ян Кайхуэй и едко высмеивали Цзян Цин. Власти немедленно срывали дацзыбао, а студенческим вожакам предъявляли обвинение в «контрреволюционной деятельности». Пресса получила жесткое указание ничего не сообщать об инциденте. Тогда студенты исписали возмущенными лозунгами стены железнодорожных вагонов и междугородных автобусов. 31 марта вести о событиях в Нанкине достигли Пекина, где на площади Тяньаньмэнь уже несколько дней шли несанкционированные митинги. В апреле негодование общества стало еще более враждебным, слышались выпады не только против «бешеной императрицы» Цзян Цин и окруживших ее «волков и шакалов» — раздавалась критика в адрес самого Председателя. Городские власти наложили запрет на возложение венков, но жители оставили его без внимания. В воскресенье 4 апреля, в день праздника Цинмин, вокруг Памятника народным героям выросла двадцатиметровая гора из тысяч венков — дань уважения Чжоу Эньлаю. До наступления ночи на площади побывали около двух миллионов человек.

Поздним вечером созвали экстренное заседание Политбюро. На нем отсутствовали Дэн и его сторонники: Е Цзяньин, Ли Сяньнянь и командующий теперь уже Гуанчжоуским военным округом Сюй Шию. Мэр Пекина У Дэ обвинил Дэна в провоцировании беспорядков. Обвинение беспочвенное, однако оно отражало настроения большинства: подобные симпатии к Чжоу и его политике неизбежно вели к усилению позиций Дэн Сяопина, а это было недопустимо.

Заседание признало демонстрации «реакционными» и посчитало необходимым убрать с площади все венки. Заручившись одобрением Мао, городские власти за ночь успели очистить Тяньаньмэнь.

Наутро у ступеней здания Всекитайского собрания народных представителей собралась недовольная толпа из десятков тысяч человек. Люди требовали вернуть венки к монументу. Во второй половине дня настроения толпы стали еще более беспокойными. Митингующие перевернули автобус милиции и подожгли несколько джипов. В половине седьмого вечера У Дэ через громкоговорители обратился к толпе с призывом разойтись. Многие

ушли, но около тысячи упрямцев все же остались на площади. Через три часа фонари уличного освещения погасли, под звуки военного марша к зданию Всекитайского собрания направились отряды милиции и войск Пекинского гарнизона. В эту ночь арестовали примерно семьсот человек.

Политбюро собралось вновь и пришло к выводу, что ответственность за «контрреволюционное выступление» должен нести Дэн Сяопин.

Двумя днями позже объявил свою волю и Мао.

Беспорядки на Тяньаньмэнь Председатель расценил как «новую выходку реакционеров». Снятому со всех постов Дэну он оставил партийный билет — чтобы посмотреть, «как он будет себя вести». Мао до сих пор лелеял надежду на то, что Дэна еще было можно использовать, что он одумается. К этому времени Дэн Сяопин уже находился в Кантоне, под надежной защитой Сюй Шию. Там он в безопасности пробыл до осени, несмотря на активные попытки радикалов свести счеты со старым врагом.

Хуа Гофэн официально занял пост Премьера Госсовета и стал первым заместителем Председателя партии. Мао принял окончательное решение: Хуа — его четвертый и уже последний преемник.

Прошло три недели, и 30 апреля 1976 года Председатель дрожащей рукой вывел шесть иероглифов своего политического завещания: «Ни баньши, во фансинь» — «Если дело в твоих руках, я спокоен».

Следующие четыре месяца он провел в мучительном ожидании смерти.

12 мая после краткой встречи с премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю у Мао случился инфаркт. После него он встал на ноги и через две недели нашел силы поговорить пару минут с пакистанским лидером Зульфикаром Али Бхутто. Выглядел Председатель изможденным, лицо его было безжизненно, глаза прикрыты. Он решил, что никаких встреч и приемов больше не будет. В конце июня на его сердце обрушился новый инфаркт, более тяжелый. 6 июля в возрасте восьмидесяти девяти лет умер Чжу Дэ. Тремя неделями позже в городе Таншань произошло землетрясение, в котором погибли более четверти миллиона человек. Подземный толчок докатился и до столицы. Из «кабинета, напоенного ароматом хризантем» Мао перевезли на больничную койку правительственной клиники, в Чжуннаньхае: ее сейсмоустойчивое здание должно было выдержать новый натиск стихии.

Летом, скорее всего в июне, Мао вызвал к себе Хуа Гофэна, Цзян Цин и несколько других членов Политбюро. Лежа в постели, он с трудом выговорил слова последнего завета:

«За свою жизнь я успел сделать две вещи. Прежде всего: я десятилетиями дрался с Чан Кайши и в конце концов загнал его на острова... Потом мы вошли в Пекин и заняли Запретный город. Мало кто не сочтет это достижением... Вторая вещь, которая мне удалась, вам хорошо известна. Это «культурная революция». У нее почти не осталось сторонников и полно противников. Но вопрос еще не закрыт. Ее наследие должно быть передано в руки следующих поколений. Как передать его? Если не выйдет мирным путем — тогда через смуту. Допустить здесь ошибку означает пролить реки крови. Только небу известно, как вы поступите».

Ощущая приближение смерти, Мао уже почти не сомневался в том, что делу «культурной революции» не суждено пережить его надолго. Сердце еще надеялось, но сохранившая ясность мышления голова знала: если что-то и будет спасено, то сущность великой идеи уйдет вместе с ним.

Самовлюбленная и бесчувственная Цзян Цин подтверждала его опасения.

Председателю всегда удавалось обуздывать непомерное честолюбие радикалов. Его основной соперник Дэн Сяопин ушел в глубокую тень. Е Цзяньин, ближайший сторонник Дэна, оставаясь министром обороны, фактически утратил повседневный контроль за работой Военного совета. Хуа Гофэн был достаточно гибок, чтобы за издержки поддержания непрочного баланса сил платила в основном старая гвардия.

Однако Цзян Цин и Чжан Чуньцяо, гордые сознанием силы и собственной значимости, были абсолютно не заинтересованы в создании какого бы то ни было тактического альянса. Цзян уже видела себя Председателем партии, «красной императрицей», подобной супруге Лю Бана — основателя династии Хань, занявшей после смерти мужа его престол. Чжан станет ее первым министром, а главой государства они сделают Ван Хунвэня. Хуа Гофэн, «обходительный мужчина из того же теста, что и Маленков», как презрительно отзывалась о нем Цзян Цин, был серьезной помехой для всех троих. В течение всего лета, когда Мао уже не мог знать, чем занята его жена, не говоря уже о том, чтобы хоть как-то ее контролировать, — Цзян Цин неустанно копала своему врагу глубокую яму.

Действия «красной императрицы» подтолкнули Хуа в объятия ее противников. В июле, после того как Цзян Цин пошла на него в открытую атаку на заседании Госсовета, Хуа Гофэн вместе с руководителем службы охраны Ван Дунсином уже обсуждал возможные пути избавления от злобной мегеры. Такой же

разговор состоялся у Е Цзяньина с Не Жунчжэнем и группой высших армейских чиновников.

Независимо друг от друга они пришли к одному выводу: пока жив Мао, придется потерпеть.

2 сентября у Председателя произошел обширный инфаркт. Вечером 8-го числа члены Политбюро медленно прошли у постели Мао. Е Цзяньин уже приближался к двери, когда его вдруг окликнула Чжан Юйфэн. Глаза Председателя были широко открыты, он пытался что-то сказать, но из горла рвались лишь неясные хриплые звуки. Тремя часами позже, в первые минуты нового дня — 9 сентября — гордое сердце вздрогнуло. За пером кардиографа потянулась ровная линия.

Все закончилось.

ЭПИЛОГ

Переданная Пекинским радио весть потрясла страну. Души людей заполнили тяжелые предчувствия, не скорбь. Никаких эмоций, выплеснувшихся наружу в дни прощания с Чжоу Эньлаем. Смерть титана не вызывала ощущения потери.

Но история нечасто прячет все узлы своей тонкой вышивки вовнутрь. Кое-что Мао так и не успел довести до конца.

В ночь на среду 6 октября, ровно через четыре недели после смерти Председателя, Хуа Гофэн пригласил Ван Хунвэня, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня на заседание Политбюро.

Первым появился Ван Хунвэнь. Ступив в зал здания Всекитайского собрания народных представителей, он увидел за столом Хуа Гофэна и Е Цзяньина. В этот момент из-за широкого занавеса к вошедшему приблизились подчиненные Ван Дунсина и под руки подвели его к столу. Хуа зачитал краткий текст: «В бессмысленной попытке подчинить себе партию и захватить власть... вы явились одним из организаторов антипартийного и антисоциалистического заговора, совершив тем самым тяжкое преступление. Центр постановил, что до завершения детального расследования вы будете находиться под стражей».

Та же процедура ожидала Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюаня. Часом позже в Чжуннаньхае арестовали Цзян Цин. Впоследствии ходили слухи о том, что, когда «императрицу» вели

к двери, один из прислуживавших по дому мужчин плюнул ей в лицо.

Никто из четверых не пытался оказать сопротивления. Аресты не вызвали никаких беспорядков. Через месяц после ухода Мао великий эксперимент был завершен.

Ощущение чего-то подобного Председатель испытывал в начале 60-х годов, когда у него появились первые сомнения в преданности Лю Шаоци. Однако в то время Мао еще был полон уверенности: несмотря на любые препоны, триумф дела коммунизма неизбежен. «Если поколение наших детей пойдет за ревизионистами, — сказал он Центральному Комитету, — и, сохраняя видимость социализма, начнет строить капитализм, то тогда наши внуки поднимутся, чтобы свергнуть своих отцов. В противном случае массы их не простят». Через четыре года, летом 1966 года, Мао был уже не столь оптимистичен. Если к власти после его смерти придут «правые», писал Председатель, то «скорее всего» их режим окажется недолговечным: «Прикрываясь моими словами, «праваки» смогут на какое-то время подчинить себе общество, но «леваки» при помощи того же оружия свергнут их». В последние годы жизни и эта вера покинула Мао.

В чем-то провидческий дар Председателя был непостижимым. В течение двух лет после его смерти в стране велась настоящая «война слов», в ходе которой сторонники Хуа Гофэна и Ван Дунсина использовали труды Мао в борьбе с попытками жертв «культурной революции» объявить себя единственными законными хозяевами идеологического наследия вождя. Дэн Сяопин, реабилитацию которого Хуа все откладывал, но так и не смог предотвратить, и в самом деле сумел, сохранив «видимость социализма», построить, по сути, настоящий капитализм. Здесь Председатель не ошибся: Дэн был и остался «каппутистом». Придя к власти, он тут же начал по кирпичику разбирать выстроенную Мао систему, заменяя ее «диктатурой буржуазии». В недрах Коммунистической партии исподволь складывался класс цепких предпринимателей, заставивший-таки страну «сменить политическую окраску».

Единственный «промах» Мао допустил в оценке реакции масс. Вместо того чтобы восстать против возрождающегося капитализма, подавляющее большинство населения страны с нескрываемым облегчением восприняло провозглашенную Дэном новую политику.

Если отбросить в сторону уничижительный жаргон, то «капиталистический путь» означал для Китая главенство процветания над идеологией. Благодаря ему взрывной толчок получило экономическое развитие. В стране возникла элита профессионалов

и бизнесменов, чьи устремления и образ жизни — начиная от сотовых телефонов и кончая «порше» — стали почти неотличимы от мотивов, которыми руководствуются жители Гонконга, Сингапура и Тайваня. Вновь появляющиеся состояния свидетельствовали не только об имущественном неравенстве, но и о богатстве возможностей. Естественно, что на столь благодатной ниве не могли не расцвести коррупция и преступность, немыслимо высокими темпами выросло количество наркоманов и больных СПИДом. За поразительно короткий промежуток времени в Китае появились те же пороки, но и те же достоинства, что и, пожалуй, в любой другой стране мира.

Дэн Сяопин мог отдать приказ о расправе с вышедшими весной 1989 года на Тяньаньмэнь студентами — приказ, который вдребезги разбил иллюзии западных либералов, — однако сами китайцы, имевшие возможность сравнить его правление с бездумным террором предыдущих десятилетий, нисколько не сомневались в том, что для них предпочтительнее.

Побежденные в политической борьбе уже не пропадали бесследно. Выступавшие против возвращения Дэна Хуа Гофэн и Ван Дунсин были с почетом отправлены на пенсию и живут в достатке. В 1991 году в тюремной камере покончила с собой Цзян Цин. Пробывший пятнадцать лет в заключении Яо Вэньюань вернулся в свой родной дом в Шанхае. То же сделали Чэнь Бода и другие известные деятели «культурной революции». Китай еще не стал в полном смысле демократической страной, но общество ожило и обрело терпимость. Занавес страха, душившего в дни Мао даже зачатки свободы, поднялся.

В условиях, когда многое из того, за что боролся Председатель, подверглось коренной переоценке, а то и вовсе оказалось отброшенным в сторону, новым правителям Китая было весьма непросто определить историческую значимость личности Мао. После длившейся более года дискуссии ЦК КПК принял в 1981 году резолюцию, где подтверждалось, что, несмотря на «громадные злоупотребления», допущенные во время «культурной революции», его «заслуги стоят на первом месте, а ошибки — на втором», в соотношении семь к трем. Двумя годами позже в беседе с коллегами Чэнь Юнь высказался еще определеннее: «Если бы Мао умер в 1956-м, то сделанное обеспечило бы ему бессмертие. В 1966-м он все равно остался бы великим. Но Председатель ушел от нас в 1976-м. Увы! Что еще можно сказать?»

Пропорция «семь к трем» полностью устраивала КПК. Она позволяла Дэну со спокойной совестью отвергать то

из наследия Мао, что было ему не по вкусу, ни в коей мере не оспаривая ведущей роли Коммунистической партии.

С той поры оценка не изменилась. Поставив крест на собственной идеологии, Коммунистическая партия Китая не могла позволить себе роскошь развеять миф о ее создателе.

Даже если забыть о политических шорах, то вынести справедливый приговор колоссу, вырвавшему Китай из векового оцепенения, представляется пугающе трудной задачей.

Заслуги великих современников Мао — Рузвельта, Черчилля, де Голля — сопоставимы с достижениями равных им личностей. Даже феномен Сталина стал возможен благодаря Ленину. Жизнь Мао протекала на фоне куда более масштабного полотна. Он являлся бесспорным лидером едва ли не четверти населения планеты, проживавшего на территории размером с Европу. В его руках была сосредоточена власть, сравнимая с могуществом лишь мифических императоров древности, когда история Поднебесной развивалась с такой стремительностью, что перемены, требовавшие на Западе столетий, в Китае происходили при жизни одного поколения. При Мао страна действительно совершила «скачок»: из полуколониальной она превратилась в великую державу, из вековой автаркии — в социалистическое государство, из жертвы империалистического разбоя — в постоянного члена Совета Безопасности ООН, обладающего ядерным оружием, средствами космической разведки и межконтинентальными баллистическими ракетами.

Мао отличала исключительная одаренность: он был провидцем, государственным деятелем, гениальным политиком и военным стратегом, философом и поэтом. Иностранец может пренебрежительно фыркнуть. Артур Уэйли, известный переводчик китайской поэзии времен династии Тан, как-то едко заметил, что стихи Мао «не так плохи, как картины Гитлера, но и не так хороши, как Черчилля». По мнению другого западного историка искусств, каллиграфия Мао, «в высшей степени оригинальная, свидетельствующая о доходящем до высокомерия юношеском эгоизме, если не об экстравагантности... являла собой пример удивительного пренебрежения классической дисциплиной кисти и была неповторима». Подавляющее большинство китайских исследователей не согласны: поэмы Мао, как и написанные его кистью иероглифы, передают мятежный, находящийся в бесконечном поиске дух автора.

Эти таланты Председателя дополнялись терпеливым и обстоятельным умом, внушавшей благоговение харизмой и

дьявольской проницательностью. Брошенная Линь Лиго в адрес Мао гневная филиппика — «те, кого он хочет соблазнить, слышат сегодня ласковые и медоточивые слова, а завтра по сфабрикованным обвинениям взойдут на эшафот» — без всякого умысла автора эхом повторила суждение двухтысячелетней давности о Цинь Шихуане. Один из министров императора отозвался о нем так: «Владыка царства Цинь подобен крылатому хищнику... В нем нет милосердия, у него сердце тигра или волка. Когда он сталкивается с непреодолимым, то легко смиряет гордыню. Но когда он достигает цели, то с той же легкостью способен пожирать себе подобных... Если он реализует все свои замыслы, люди обречены стать его рабами».

Мао хорошо знал исторические уроки династий. Не случайно из всех предшествовавших ему правителей он выбрал именно Цинь Шихуана, на протяжении всей истории китайской цивилизации являвшегося олицетворением железной руки, — первый император был для Председателя идеалом. «Вы обвиняете нас в том, что мы действуем, как Цинь Шихуан, — бросил он как-то группе либералов. — Ошибаетесь. Мы превзошли его в тысячу раз. Когда вы упрекаете нас в повторении его деспотических методов — мы с радостью говорим «да!». Ошибка ваша заключается в том, что говорите вы это без дрожи в голосе».

Уничтожение оппонента — либо просто не согласного с его точкой зрения — представлялось Мао неизбежной и необходимой частью любой политической кампании. Он редко отдавал приказы о физическом устранении неугодных*. Но за годы его правления собственных подданных Председателя погибло больше, чем у любого другого лидера нации в истории человечества.

Количество жертв земельной реформы, политических кампаний и прежде всего голода, ставшего следствием «большого скачка», оказалось лишь чуть меньше общего числа погибших за все годы Второй мировой войны.

Ликвидация Сталиным кулачества и расправа с интеллигенцией привели к гибели от двенадцати до пятнадцати миллионов человек; гитлеровский фашизм уничтожил в Германии примерно вдвое меньше.

---

* Непосредственное соучастие Мао в «охоте на ведьм» и физическом истреблении своих оппонентов ограничивается периодом 1930–1931 годов в Цзянси. В ходе «чисток» в Яньани он указывал, что «ни один из кадровых работников не должен быть убит», однако на практике с молчаливого согласия Председателя Кан Шэн довел до самоубийства десятки членов партии. То же самое повторялось и после 1949 года. — *Примеч. авт.*

Однако в одном вопросе эти довольно красноречивые параллели оказались ложными. Сталин всегда осознанно стремился к физическому уничтожению тех, кто стоял на его пути. Вместе с Молотовым он лично подписывал «расстрельные» списки, содержавшие тысячи имен. Гитлер видел «окончательное решение проблемы» в газовых камерах, предназначенных для истребления целой нации, евреев, чей генетический код так мешал ему установить в мире новый — арийский — порядок. Большая же часть тех, кого обрекла на смерть политика Мао, стали жертвами голода. Другие — три или четыре миллиона — были издержками титанических усилий преобразовать китайское общество.

Безусловно, такое объяснение вряд ли утешило бы погибших, как не уменьшили страданий миллионов фантастические социальные эксперименты Председателя. Однако цели, которые ставил перед собою Мао, выделяют его личность из ряда других тиранов нашего века. Точно так же, как в уголовном праве существует четкое различие между убийством, убийством по неосторожности и непредумышленным убийством, в политике тоже есть мерило ответственности, в основе которого лежит намерение, мотив.

Сталина беспокоило то, что его подданные делали (либо могли сделать). Гитлер видел вину человека в его этнической принадлежности. Мао боролся с продуктом мозга — мыслью.

Землевладельцы были уничтожены в Китае как класс (причем многие — физически); однако их не истребляли, как евреев в Германии. Даже когда политика Председателя приводила к смерти миллионы, Мао не терял веры в эффективность реформы мышления и возможность полного раскрепощения сознания. «Головы не луковицы, — говорил он, — новые не отрастают».

Чего же все-таки удалось ему достичь ценою пролитой крови и мучений всей нации?

По словам самого Мао, в заслугу ему можно поставить победу над Чан Кайши и осуществление «культурной революции». Однако это всего лишь часть ответа, да и смысл его фразы звучит сейчас по-иному. Первая после вековой раздробленности объединила Китай и восстановила его суверенитет; второе обеспечило нации такую прививку идеологического помешательства, которая гарантировала бы иммунитет и многим грядущим поколениям. Трагедия и величие Мао заключались в том, что до последнего часа он оставался в прочном плену своих революционных видений. Если учением о «золотой середине» Конфуций призывал к всеобщей гармонии, то преклонение перед классовой борьбой превратилось для Председателя в

клетку, выхода из которой не было ни для него, ни для его народа. Мао освободил страну от пут конфуцианского прошлого, но обещанное им «красное будущее» обернулось стерильным чистилищем.

Так закончился процесс утраты нацией вековых иллюзий, начавшийся при рождении Мао, когда реформаторы впервые бросили вызов тому складу ума, который на протяжении двух тысячелетий сохранял китайское общество в абсолютной неподвижности.

Нового императора после смерти Мао не появилось. Друг друга сменяли лидеры, которые, подобно простым смертным, пользовались своим правом на ошибки и были ничуть не лучше и не хуже тех, кто стоял у власти в других странах. Ушли в прошлое слепая вера и бездушная идеология. Люди начали жить своим собственным умом. Старый мир рухнул, общество с надеждой устремилось в новый. После вековой смуты Китай готов наконец взять старт.

Любая революция являет собой главным образом процесс разрушения, а не созидания. Жизнь и деятельность Мао расчистили дорогу для лишенных его романтизма практиков, чьими усилиями и будет строиться светлое будущее — то самое, создать которое Председатель просто не мог.

Дважды в истории Китая радикальный деспотизм заканчивался длительными периодами мира и процветания. Первый император династии Цинь еще в III веке до нашей эры объединил раздробленные феодальные царства в могучую страну, но сама династия просуществовала всего пятнадцать лет. Ее сменила Хань. Первый «золотой век» китайской древности длился четыреста лет. С конца V по начало VI века тридцать семь лет длилось правление двора Суй, вторично объединившего Китай после смутных времен «троецарствия» и «шести династий». Династия Тан правила страной триста лет, и этот период по праву стал вторым «золотым веком» в истории китайской цивилизации.

Мао пробыл у власти двадцать семь лет. Если прошлое, как он говорил, и в самом деле является зеркалом современности, не знаменует ли двадцать первое столетие начало третьего «золотого века», дорогу к которому вымостили благие намерения Председателя?

Или «самый-самый-самый» так и останется в памяти нации колоссом, нашедшим в себе силы совершить то, что на протяжении тысячелетней истории страны удавалось сделать единицам, но так и не сумевшим преступить последнюю грань?

В декабре 1993 года, во время празднования столетия со дня рождения Мао, в ресторане «Максим», что нахо-

дится в деловом районе нового Пекина, состоялся частный званый ужин. Заведение представляет собой точную копию известного парижского «Максима»: то же убранство, то же столовое серебро, те же цены. Две сотни приглашенных гостей представляли сливки городской аристократии: забывшие отпороть фирменные ярлычки с рукавов темных костюмов предприниматели с массивными золотыми часами; звезды китайской киноиндустрии; артистки с длинными вьющимися волосами, гибкие фотомодели. В оживленной толпе расхаживал и Гу Юэ, почти полный двойник Мао, сыгравший его роль в телевизионном сериале, посвященном героической борьбе КПК за власть. Для создания требуемой атмосферы ностальгии и иронии культурная программа вечеринки включала одну из «образцовых революционных опер» Цзян Цин. Когда отзвучала последняя «ария», взбодривший себя изрядным количеством шампанского и коньяка Гу Юэ забрался на стол и вместе с приятелями начал скандировать старый хунвейбиновский лозунг: «Идеи Мао Цзэдуна освещают нам путь вперед!»

Человек, бывший когда-то объектом поклонения, превратился в гротескный персонаж.

Для других Мао стал иконой. Таксисты прикрепляют его портрет к зеркальцу над ветровым стеклом, откуда Председатель милостиво, как Будда, кивает им. Китайские подростки, слишком юные для того, чтобы помнить жизнь при великом вожде, обмениваются значками с его изображением. Поп-звезды под звуки гитар пародируют его поэмы; художники изобретательно ретушируют знакомое всему миру лицо; модельеры украшают лучезарным ликом свои шедевры — от вечерних туалетов до пуховых курток.

В деревенских домах портрет Председателя по-прежнему занимает самое почетное место. Храм с его двадцатиметровой фигурой, по обеим сторонам которой установлены бюсты Чжоу Эньлая и Чжу Дэ, ежедневно посещали в Хунани десятки тысяч туристов — до тех пор, пока партия не закрыла его за «распространение феодальных предрассудков».

Колесо совершило полный оборот. Мао вошел в пантеон богов и героев народных сказаний, мужественных воителей и благородных разбойников, деяниями которых он восхищался столетие назад.

История в современном Китае вершится медленно. Окончательный свой вердикт она вынесет Председателю очень нескоро.

ПЕРСОНАЛИИ

Мао Цзэдун (1893–1976):

1-й брак	Ло (осталась девицей)	1908
2-й брак	Ян Кайхуэй	род. 1901, брак 1920–1930, ум. 1930
дети:		
	Аньин	1922–1951
	Аньцин	1923–?
	Аньлун	1927–1931
3-й брак	Хэ Цзычжэнь	род. 1909, брак 1928–1938, ум. 1984
дети:		
	Сяо Мао	1932 — потерян в 1934
	Ли Минь	1936–?
	сын	1939–1940
	Двое оставлены в чужих семьях в 1929 и 1935	
4-й брак	Цзян Цин	род. 1914, брак 1938–1976, ум. 1991
	дочь Ли На	1940–?

Бо Гу (1907–1946). Получил образование в Москве; член группы «возвращенцев», бывший фактическим лидером партии в 1931–1935 гг. Отстранен от руководства после совещания в Цзуньи, хотя оставался членом ЦК КПК до момента гибели в авиакатастрофе.

Бо Ибо (1908-?). Лидер молодежного движения в Шаньси, имевший тесные связи с Лю Шаоци. После 1949 г. занимал ряд высоких постов, отвечал за экономическое развитие. Репрессирован во время «культурной революции», реабилитирован после смерти Мао.

Ван Мин (1904–1974). Лидер обучавшихся в Москве китайских студентов, известных позже как группа «возвращенцев». По решению Коминтерна в 1931 г. назначен высшим руководителем КПК. Приехав в 1937 г. в Яньань, стал главным соперником Мао в борьбе за власть в партии. Его поражение привело через год к началу долгой кампании против «левого уклона» и «догматизма». В 1945 г. выведен из состава Политбюро ЦК КПК, но до конца 50-х оставался членом ЦК партии. Эмигрировал в СССР.

Ван Цзинвэй (1883–1944). Соратник Сунь Ятсена. В 1910 г. возглавил неудачную попытку покушения на принца-регента маньчжурской династии. После смерти Сунь Ятсена стал высшим гражданским лидером Гоминьдана. Проиграл в борьбе за власть с Чан Кайши, но остался руководителем сильной фракционной группировки Гоминьдана. Зимой 1938 г. порвал с Чан Кайши и стал главой прояпонского марионеточного правительства в Нанкине.

Ван Цзо (1898–1930). Вожак шайки разбойников в Цзинганшани. Весной 1928 г. поставил своих людей под знамена Мао. Убит вместе с Юань Вэньцаем в междоусобной партийной схватке.

Ван Цзясян (1906–1974). Учился вместе с Ван Мином в Москве, но в начале 30-х годов порвал с остальными «возвращенцами», чтобы стать одним из наиболее преданных сторонников Мао. После 1949 г. являлся заместителем министра иностранных дел. Репрессирован в годы «культурной революции». Вновь «всплывет» в 1973 г. на 10-м съезде КПК.

Ван Хунвэнь (1933–1992). Рабочий текстильной фабрики в Шанхае. Созданный им «Главный штаб рабочих» захватил в 1967 власть в городе. В 1972 г. Мао выбрал его в качестве одного из возможных преемников. В 1973 г. стал заместителем Председателя партии и третьим по рангу чиновником КПК. Арестован вместе с Цзян Цин и двумя другими членами «банды четырех» через месяц после смерти Мао. В 1981 г. приговорен к пожизненному заключению за «политические преступления». Умер от рака желудка.

Гао Ган (1905–1954). Партийный руководитель северо-восточных районов Китая, доросший до шестого по рангу поста в КПК. Репрессирован после неудачной попытки сместить Лю Шаоци в 1953 г. Годом позже покончил с собой.

Дэн Сяопин (1904–1997). Ветеран Цзуньи. С 1956 г. — Генеральный секретарь и член ПК Политбюро ЦК КПК. Репрессирован в начале «культурной революции» как «второй по рангу в партии каппутист», но сохранил партийный билет. Реабилитирован в 1973 г., снова репрессирован в 1976-м. Годом позже реабилитирован вновь, и с 1978 г. до самой смерти являлся верховным руководителем страны.

Дэн Цзыхуэй (1896–1972). Работал вместе с Мао в Жуйцзине. В начале 50-х годов занимался коллективизацией села. После 1956 г. неоднократно подвергался критике за «правый консерватизм». Пережил «культурную революцию».

Е Цзяньин (1897–1986). Гоминьдановский офицер, вступивший в 1927 г. в КПК. Участник Кантонского восстания. Долгое время работал в Генеральном штабе Красной армии. Один из десяти назначенных в 1955 г. маршалов НОА. Председатель Военной комиссии ЦК КПК. В 1966 г. — член Политбюро. Во время «культурной революции» репрессирован не был, несмотря на активное участие в «февральском обратном потоке». После смерти Мао явился одним из организаторов ареста «банды четырех» и способствовал возвращению к власти Дэн Сяопина.

Жэнь Биши (1904–1950). Член «Общества изучения России», основанного Мао в Чанша в 1920 г. Получил образование в Москве. По возвращении возглавил «Молодежную лигу» Китая. В январе 1931 г. стал членом Политбюро ЦК КПК и оставался им до смерти, наступившей в результате инфаркта. После 1943 г. считался пятым человеком в иерархии КПК.

Кан Шэн (1898–1975). В начале 30-х — шеф службы безопасности КПК в Шанхае. Позже закончил разведшколу в Москве. С 1935 г. — член Политбюро ЦК КПК. Верный подручный Мао в Яньани и во время «культурной революции». В 1973 г. стал заместителем Председателя партии, шестым по рангу ее руководителем. Умер от рака; посмертно исключен из КПК за «политические преступления».

Ли Вэйхань (1896–1984). Член «Ученого общества новой нации». В 1923 г. сменил Мао на посту секретаря Хунаньской провинциальной организации КПК. В 1927 г. — член Политбюро ЦК КПК, позже занимал ряд более низких постов. Во время «культурной революции» подвергся критике, но репрессирован не был.

Ли Лисань (1899–1967). Студентом познакомился с Мао в Чанша в 1917 г. Оба испытывали неприязнь друг к другу. Став в 1928 г. фактическим лидером КПК, резко критиковал предложенную Мао тактику партизанских действий в Цзянси, требуя, чтобы Красная армия приступила к захвату городов. По требованию Сталина отстранен в 1930 г. от руководящей работы и следующие пятнадцать лет провел в СССР. После 1949 г. занимал ряд невысоких постов. Во время «культурной революции» кончил жизнь самоубийством.

Ли Сяньянь (1909–1992). Политкомиссар 4-й армии, находившейся под командованием Чжан Готао. С середины 50-х — заместитель Премьера Госсовета и министр финансов. Пережил «культурную революцию». После смерти Мао был заместителем Председателя партии и главой страны.

Линь Бяо (1907–1971). Участник Наньчанского восстания. Находился рядом с Мао в Цзинганшани. Ветеран Цзуньи. С 1956 г. — член Политбюро ЦК КПК. В 1958 г. — заместитель Председателя партии, министр обороны. Блестящий военный стратег и хронический ипохондрик. В 60-х стал архитектором культа личности Мао. В начале «культурной революции» Председатель официально назвал его своим преемником. В 1969 г. это подтвердил устав КПК. Через год он потерял доверие Мао, а еще годом позже погиб в авиакатастрофе при попытке бегства в СССР.

Ло Жуйцин (1906–1978). В начале 30-х годов — сотрудник «особого отдела» Красной армии. Министр общественной безопасности; при Линь Бяо стал начальником Генерального штаба НОА. Репрессирован в 1965 г., в разгар подготовки «культурной революции». Тремя месяцами позже при попытке самоубийства сломал обе ноги. Реабилитирован в 1975 г.

Лю Бочэн (1892–1986). Легендарный командир Красной армии, известный как «Одноглазый дракон Лю». Ветеран Цзуньи. Один из десяти назначенных в 1955 г. маршалов НОА. Годом позже стал членом Политбюро ЦК КПК. В середине 60-х годов полностью потерял зрение и отошел от политической деятельности, хотя номинально остался на руководящем посту и после смерти Мао. Пережил «культурную революцию».

Лю Шаоци (1898–1969). Получил образование в Москве. До 1949 г. работал в основном в подпольных организациях КПК на севере и в центре Китая. Ветеран Цзуньи. В 1922 г. находился рядом с Мао в Аньюани, а позже — в Яньани. С 1943 г. — второе лицо в партии и наиболее вероятный преемник Председателя. В 1959 г. сменил Мао на посту главы страны. Репрессирован во время «культурной революции» как «первый в партии каппутист», в 1968 г. исключен из КПК как «ренегат и изменник». Умер годом позже из-за отказа предоставить ему медицинскую помощь. Захоронен под чужим именем. Реабилитирован уже после смерти Мао.

Не Жунчжэнь (1899–1992). Участник Наньчанского восстания. Ветеран Цзуньи. Во время антияпонской войны возглавлял партийную организацию «особого района» Цзиньчацзи на севере Китая. Один из десяти назначенных в 1955 г. маршалов НОА, отвечал за ядерную программу КНР. Несмотря на активную роль в «февральском обратном потоке», пережил «культурную революцию».

Пэн Дэхуай (1898–1974). Находился рядом с Мао в Цзинганшани. Ветеран Цзуньи. Во время антияпонской войны — командующий фронтом. Командовал китайскими войсками в ходе Корейской войны. С 1945 г. — член Политбюро ЦК КПК. В 1959 г. выведен из состава Политбюро. Репрессирован в декабре 1966 г. Умер в тюремной больнице из-за отказа предоставить ему медицинскую помощь. Захоронен под чужим именем. Реабилитирован после смерти Мао.

Пэн Шучжи (1895–1983). Хунанец. Получил образование в Москве. В 1925–1927 гг. — член Политбюро ЦК КПК. Двумя годами позже исключен из партии за создание «троцкистской» группировки. Умер в эмиграции — в Лос-Анджелесе.

Пэн Чжэнь (1902–1997). В 30-е — 40-е годы — руководил работой подпольных партийных организаций на севере Китая, соратник Лю Шаоци. С 1945 г. — член Политбюро ЦК КПК, позже стал мэром Пекина. Репрессирован в начале «культурной революции». Провел десять лет в тюремном заключении. Реабилитирован после смерти Мао.

Се Фучжи (1909–1972). С 1959 г. — министр общественной безопасности. На 9-м съезде КПК избран в члены Политбюро. В годы «культурной революции» — председатель Пекинского революционного комитета. Вместе с Кан Шэном репрессировал десятки ветеранов партии. Умер от рака. Посмертно исключен из рядов КПК за «политические преступления».

Сунь Ятсен (1866–1925). Возглавил движение за формирование республиканского правительства, которое в 1911 г. привело к свержению маньчжурской династии. Являлся первым президентом Китая, но вскоре уступил этот пост Юань Шикаю. Годом позже создал партию Гоминьдан (партию националистов), которая в 1923 г. заключила тактический альянс с КПК. Умер в Пекине в ходе переговоров с «северными милитаристами».

Сюй Сянцянь (1901–1990). В начале 30-х годов — руководитель партизанской базы к северу от Янцзы. Один из десяти назначенных в 1955 г. маршалов НОА. Заместитель председателя Военной комиссии ЦК КПК. Во время «культурной революции» подвергался критике, но репрессирован не был.

Сян Ин (1889–1941). Организатор рабочего движения. В 1928 г. стал третьим по рангу руководителем КПК. После 1931 г. начал терять влияние. Во время Великого похода остался в тылу и возглавил группы сопротивления гоминьдановцам в Центральном советском районе.

Сян Чжунфа (1880–1931). Генеральный секретарь КПК с 1928 по 1931 г. Фактически в то время партией руководили Ли Лисань и Ван Мин. Выдан Гоминьдану предателем и казнен.

Тань Чжэньлинь (1902–1983). Находился рядом с Мао в Цзинганшани. В 50-х стал заместителем Премьера Госсовета по сельскому хозяйству. С 1958 г. — член Политбюро ЦК КПК. Подвергался резкой критике за участие в «февральском обратном потоке». После 1967 г. куда-то пропал. Вновь заявил о себе на 10-м съезде КПК шестью годами позже.

Тань Янькай (1880–1930). Ученый-гуманитарий из знатной хунаньской семьи, придерживавшейся прогрессивных взглядов. Между 1911 и 1920 гг. пробыл три срока на посту военного губернатора провинции. Позже вступил в Гоминьдан и в 1927 г. стал Председателем его Политического совета.

Тао Чжу (1908–1969). Руководил партийными организациями КПК на юге страны. В начале «культурной революции» стал членом ПК Политбюро ЦК КПК. В августе 1966 г. занимал четвертый пост в партийной иерархии. Репрессирован четырьмя месяцами позже. Умер от рака в заключении. Реабилитирован после смерти Мао.

У Фасянь (1915–?). Командующий ВВС НОА. Один из четырех высших военачальников (вместе с Хуан Юншэном, Ли Цзопэном и Цю Хуэйцзо), вошедших в группировку Линь Бяо внутри Политбюро ЦК КПК после 9-го съезда КПК, состоявшегося в 1969 г. После гибели Линь Бяо все четверо были репрессированы и в 1981 г. приговорены к различным срокам заключения за «политические преступления». Освобожден досрочно по состоянию здоровья.

Хуа Гофэн (1921–?). Секретарь парткома уезда Сянтань, родины Мао. После «культурной революции» стал первым секретарем Хунаньского провинциального комитета партии. В 1973 г. Мао выбрал его в качестве одного из возможных преемников. После смерти Мао занимал пост Председателя партии, но зимой 1978 г. проиграл борьбу с Дэн Сяопином и тремя годами позже ушел на раннюю пенсию.

Хэ Лун (1896–1969). Участник Наньчанского восстания. Один из десяти назначенных в 1955 г. маршалов НОА. Член Политбюро и заместитель председателя Военной комиссии ЦК КПК. Репрессирован после начала «культурной революции». Умер вследствие отказа предоставить ему медицинскую помощь.

Хэ Шушэн (1870–1935). Преподаватель Мао в 1-м педагогическом колледже г. Чанша, один из основателей «Ученого общества новой нации» и Коммунистической партии Китая. Работал рядом с Мао в Жуйцзине. Во время Великого похода остался в Цзянси, был взят гоминьдановцами в плен и убит.

Цай Хэсэнь (1895–1931). Один из ближайших друзей Мао по 1-му педагогическому колледжу г. Чанша. Основатель «Ученого общества новой нации». Член Центрального Бюро (позже: Политбюро) в 1923–1927 гг. Впоследствии секретарь Северного бюро КПК. Арестован британской полицией в Гонконге, передан в руки гоминьдановцев и казнен ими в Кантоне.

Цзян Цин (1914–1991). Актриса из Шанхая. В 1938 г. в Яньани вышла замуж за Мао. В начале 60-х начала играть заметную политическую роль. Стала основным лидером «культурной революции». С 1969 г. — член Политбюро ЦК КПК. Позже возглавила «банду четырех», все члены которой через месяц после смерти Мао были арестованы. В 1981 г. за «политические преступления» приговорена к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора. Покончила с собой в тюрьме.

Цюй Цюбо (1899–1935). Талантливый литератор, бывший, к немалому собственному удивлению, с августа 1927 по июнь 1928 г. фактическим лидером КПК. Подобно Ли Лисаню, призывал к общенациональному вооруженному восстанию. Отстранен от руководства партией в 1931 г. Во время Великого похода оставался в тылу. Был захвачен и казнен гоминьдановцами.

Чан Кайши (1887–1975). Получил военное образование в Японии. В 1922 г. примкнул к националистическому движению Сунь Ятсена. За последующие восемь лет привел партию Гоминьдан к власти. С 1949 г. до смерти — Президент Китайской Республики (Тайвань).

Чжан Вэньтянь (1900–1976). Получил образование в Москве, один из «возвращенцев». В 1931–1934 гг. — заместитель Бо Гу, но незадолго до Великого похода перешел на сторону Мао. Сыграл важную роль в возвышении Мао в Цзуньи. До ноября 1938 г. являлся временным руководителем КПК. В 1949 г. отстранен от руководящей работы, а после Лушаньского пленума вместе с Пэн Дэхуаем снят со всех постов. Во время «культурной революции» отбывал тюремное заключение. Реабилитирован посмертно.

Чжан Готао (1897–1979). Студенческий лидер Пекинского университета. Один из основателей КПК, с 1925 г. —

член ее Центрального Бюро (позже — Политбюро). Руководил «красной зоной» Эюйвань к северу от Янцзы. Во время Великого похода потерял почти всю свою армию. В 1937 г. отстранен от руководящей работы, годом позже перешел на сторону Гоминьдана. Умер в эмиграции — в Канаде.

Чжан Чуньцяо (1917–?). Шанхайский радикал, доросший до постов заместителя руководителя «группы по делам культурной революции» и председателя Шанхайского революционного комитета. С 1969 г. — член Политбюро ЦК КПК; в 1973 г. — член его Постоянного Комитета. Через месяц после смерти Мао арестован вместе с другими членами «банды четырех». В 1981 г. приговорен к смертной казни за «политические преступления». В исполнение приговор приведен не был.

Чжао Хэнти (1880–1971). В 1920–1926 гг. — военный губернатор Хунани. Отдал приказ об аресте Мао, в 1925 г. жестоко подавлял крестьянские бунты. Умер на Тайване.

Чжоу Эньлай (1898–1976). Создал ячейку КПК во Франции. В 1927 г. стал кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК, через год стал полным членом и будет им до самой смерти — намного дольше, чем любой другой ответственный работник партии. Первоначальная враждебность к Мао сменилась затем более терпимым отношением, а в Цзуньи Чжоу объединился с ним в противодействии Бо Гу и советнику Коминтерна Отто Брауну. В 1938 г. поддержал Ван Мина. Позже стал религиозным поклонником Мао. С 1949 г. и до конца своих дней — бессменный Премьер Госсовета КНР. Сыграл важную роль в осуществлении «большого скачка» и «культурной революции». Умер от рака.

Чжу Дэ (1886–1976). Участник революции 1911 г., поднятой военным губернатором Юньнани Цай Э. Бывший «милитарист». В Европе вступил в ряды КПК. Один из руководителей Наньчанского восстания. Находился рядом с Мао в Цзинганшани. Верховный главнокомандующий Красной армии. С 1945 г. и до конца своих дней — член Политбюро ЦК КПК. После 1949 г. ушел на почетные руководящие должности. По личному распоряжению Мао в годы «культурной революции» его не трогали. В 1975–1976 гг. — Председатель ВСНП (фактически — глава государства).

Чэнь Бода (1904–1989). Был политическим секретарем Мао в Яньани, позже входил в «мозговой центр» Председателя. С мая 1966 г. — руководитель «группы по делам культурной

революции»; четвертый по рангу деятель КПК ко времени 9-го съезда. Репрессирован в 1970 г. Приговорен к восемнадцати годам заключения в 1981 г.; освобожден до истечения срока по состоянию здоровья.

Чэнь Дусю (1879–1942). Радикальный интеллигент, чей журнал «Синь цинянь» («Новая молодежь») подготовил почву для «движения 4 мая» в 1919 г. Один из основателей (вместе с Ли Дачжао) коммунистического движения в Китае. Генеральный секретарь ЦК КПК в 1921–1927 гг. Позже возглавил оппозиционную «троцкистскую» группировку.

Чэнь И (1901–1972). Участник Наньчанского восстания. Был рядом с Мао в Цзинганшани. Один из десяти назначенных в 1955 г. маршалов НОА. Член Политбюро ЦК КПК; с 1958 г. — министр иностранных дел. Принимал участие в «февральском обратном потоке». В годы «культурной революции» подвергся резкой критике, но не был репрессирован. Умер от рака.

Чэнь Юнь (1905–1995). Рабочий шанхайской типографии. Ветеран Цзуньи. С 1934 г. — член Политбюро ЦК КПК. В 1956 г. стал заместителем Председателя партии, отвечал за вопросы экономики. С усилением позиций радикалов подал в отставку, благодаря чему пережил «культурную революцию». Активно занимался политикой после смерти Мао.

Юань Вэньцай (1898–1930). Вожак бандитского формирования в Маопине, у подножия Цзинганшани. В 1926 г. вступил в КПК и годом позже привел своих людей под знамена Мао. Был председателем правительства пограничного советского района. Застрелен в междоусобной партийной стычке.

Ян Шанкунь (1907–1998). Ветеран Цзуньи. До 1965 г. — заведующий общим отделом ЦК КПК. Репрессирован в начале «культурной революции». После смерти Мао реабилитирован; одно время занимал пост главы государства.

Яо Вэньюань (1925). Литературный критик радикальных взглядов, обративший на себя внимание руководства КПК во время кампании борьбы с «правыми». По указанию Мао написал статью, ставшую прологом «культурной революции». В 1969 г. — член Политбюро ЦК КПК. Через месяц после смерти Мао арестован вместе с другими членами «банды четырех». В 1981 г. приговорен к двадцати годам заключения за «политические преступления». Освобожден условно-досрочно. Живет в Шанхае.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
ПРОЛОГ 7
Глава 1. ДЕТСТВО ПО КОНФУЦИЮ 23
Глава 2. РЕВОЛЮЦИЯ 43
Глава 3. ПОВЕЛИТЕЛИ ХАОСА 55
Глава 4. БРОЖЕНИЕ «ИЗМОВ» 80
Глава 5. С КОМИНТЕРНОМ ВО ГЛАВЕ 109
Глава 6. ДЕНЬ ЛОШАДИ 155
Глава 7. ПОД ДУЛОМ ВИНТОВКИ 168
Глава 8. ФУТЯНЬ: ПОТЕРЯ НЕВИННОСТИ 226
Глава 9. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕСПУБЛИКИ 245
Глава 10. В ПОИСКАХ СЕРОГО ДРАКОНА: ВЕЛИКИЙ ПОХОД НА СЕВЕР 275
Глава 11. АНТРАКТ В ЯНЬАНИ: МИРОМ ПРАВИТ ФИЛОСОФ 311
Глава 12. БУМАЖНЫЕ ТИГРЫ 367
Глава 13. УЧЕНИК КУДЕСНИКА 399
Глава 14. РАЗДУМЬЯ О БЕССМЕРТИИ 468
Глава 15. КАТАСТРОФА 488
Глава 16. РАСПАД 549
ЭПИЛОГ 590
ПЕРСОНАЛИИ 598

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
***107140, Москва, а/я 140*, АСТ – «Книги по почте»**

Литературно-художественное издание

Шорт Филип
Мао Цзэдун

Редактор А.А. Демин
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Н.К. Черкова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 01.03.2001.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 7000 экз. Заказ 1137.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155 — 1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Мао Цзэдун — одна из самых противоречивых фигур в мировой истории. Философ, знаток Конфуция, поэт, чьи стихи поражают своим изяществом, — и в то же время человек, с легкостью капризного монарха распоряжавшийся судьбами целых народов. Гедонист, тонкий интеллектуал — и политик, на совести которого кошмар «культурной революции».

Мао Цзэдуна до сих пор считают возвышенным гением и мрачным злодеем, пламенным революционером и косным догматиком. Кем же все-таки был этот человек? Как жил? Как действовал? Что чувствовал?

Вы слышали о знаменитом цитатнике, сделавшем «товарища Мао» властителем умов миллионов людей во всем мире?

Вам что-нибудь известно о тайных интригах и преступлениях великого Председателя?

Тогда эта книга — для вас. Потому что и поклонники, и противники должны прежде всего ЗНАТЬ *своего* УЧИТЕЛЯ *или* ОППОНЕНТА, *особенно если он —* НИЗВЕРГНУТЫЙ КУМИР.

Историческая библиотека

ISBN 5-17-005694-X

9 785170 056941